АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ
І. В. ГЕССЕНОМЪ

IV

Изданіе третье

БЕРЛИНЪ 1922

Послѣдніе дни стараго режима*

Александра Блока

I

Состояніе власти

Болѣзнь государственнаго тѣла Россіи — Царь, императрица, Вырубова, Распутинъ — Великіе князья — Дворъ — Кружки: Бадмаевъ, Андронниковъ и Манасевичъ-Мануйловъ — Правые — Правительство: Совѣтъ Министровъ: Штюрмеръ, Треповъ и Голицынъ — Отношеніе правительства къ Думѣ — Гр. Игнатьевъ и Покровскій — Бѣляевъ — Н. Маклаковъ и Бѣлецкій — Протопоповъ

На исходѣ 1916 года всѣ члены государственнаго тѣла Россіи были поражены болѣзнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операціи. Такъ понимали въ то время положеніе всѣ люди, обладавшіе государственнымъ смысломъ; ни у кого не могло быть сомнѣнія въ необходимости операціи; спорили только о томъ, какую степень потрясенія, по необходимости сопряженнаго съ нею, можетъ вынести разслабленное тѣло. По мнѣнію однихъ, государство должно было и во время операціи продолжать исполнять то дѣло, которое главнымъ образомъ и ускорило ростъ болѣзни, именно вести внѣшнюю войну; по мнѣнію другихъ, отъ этого дѣла оно могло отказаться.

Какъ бы то ни было, операція, первый періодъ которой прошелъ сравнительно безболѣзненно, совершилась. Она застигла врасплохъ представителей обоихъ мнѣній и протекла въ формахъ неожиданныхъ для представителей разныхъ слоевъ русскаго общества.

Главный толчокъ къ развитію болѣзни дала война; она уже третій годъ расшатывала государственный организмъ, обнаруживая всю его ветхость и лишая его послѣднихъ творческихъ силъ. Осенній призывъ 1916 года захватилъ тринадцатый милліонъ землепашцевъ, ремесленниковъ и всѣхъ прочихъ тех-

---

* Фактическая часть работы покойнаго поэта основана на показаніяхъ, данныхъ и матеріалахъ, собранныхъ учрежденной Временнымъ Правительствомъ Чрезвычайной Коммисіей для разслѣдованія противозаконныхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ. Эта работа была напечатана въ журналѣ «Былое» № 15. *Ред.*

никовъ своего дѣла; непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было — параличъ главныхъ артерій, питающихъ страну; для борьбы съ наступившимъ кризисомъ неразрывно связанныхъ между собою продовольствія и транспорта требовались исключительные люди и исключительныя способности; между тѣмъ, власть, раздираемая различными вліяніями и лишенная воли, сама пришла къ бездѣйствію; въ ней, по словамъ одного изъ ея представителей, не было уже ни одного «боевого атамана», и весь «духъ борьбы» выражался лишь въ томъ, чтобы «ставить заслоны».

Императоръ Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившійся ко всему, извѣрившійся въ людяхъ, задерганный и осторожный на словахъ, былъ уже «самъ себѣ не хозяинъ». Онъ пересталъ понимать положеніе и не дѣлалъ отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь въ руки тѣхъ, кого самъ поставилъ у власти. Распутинъ говорилъ, что у него «внутри недостаетъ». Имѣя наклонность къ общественности, Николай II боялся ея, тая давнюю обиду на Думу. Ставъ верховнымъ главнокомандующимъ, императоръ тѣмъ самымъ утратилъ свое центральное положеніе, и верховная власть, бывшая и безъ того «въ плѣну у биржевыхъ акулъ», распылилась окончательно въ рукахъ Александры Федоровны и тѣхъ, кто стоялъ за нею.

Императрица, которую иные находили умной и блестящей, въ сущности давно уже направлявшая волю царя и обладавшая твердымъ характеромъ, была всецѣло подъ вліяніемъ Распутина, который звалъ ее Екатериной II, и того «большого мистическаго настроенія» особаго рода, которое, по словамъ Протопопова, охватило всю царскую семью и совершенно отдѣлило ее отъ внѣшняго міра. Самолюбивая женщина, «относившаяся къ Россіи, какъ къ провинціи мало культурной» и совмѣщавшая съ этимъ обожаніе Распутина, ставившаго ее на поклоны; женщина, воспитанная въ англійскомъ духѣ и молившаяся вмѣстѣ съ тѣмъ въ «тайничкахъ» Ѳеодоровскаго Собора, — дѣйствительно управляла Россіей. «Едва ли можно сохранить самодержавіе, — писалъ около новаго года придворный исторіографъ, генералъ Дубенскій, — слишкомъ проявилась глубокая рознь русскихъ интересовъ съ интересами Александры Федоровны».

«Въ мистическій кругъ» входила наивная, преданная и несчастливая подруга императрицы А. А. Вырубова, иногда судившая царя «своею простотою ума», покорная Распутину, «фонографъ его словъ и внушеній» (слова Протопопова). Ей, по ея словамъ, «вся Россія присылала всякія записки», которыя она механически передавала по назначенію.

«Связью власти съ міромъ» и «цѣнителемъ людей» былъ Григорій Распутинъ; для однихъ — «мерзавецъ», у котораго была «контора для обдѣлыванія дѣлъ»; для другихъ — «великій комедьянтъ», для третьихъ — «удобная педаль нѣмецкаго шпіонажа»; для четвертыхъ — упрямый, неискренній, скрытный человѣкъ, который не забывалъ обидъ и мстилъ жестоко, и который нѣкогда учился у магнетизера. О вредѣ Распутина напрасно говорили царю такіе разнообразные люди, какъ Родзянко, генералъ Ивановъ, Кауфманъ-Туркестанскій, Ниловъ, Орловъ, Дрентельнъ, великіе князья, Фредериксъ. Мнѣнія представителей власти, знавшихъ этого безграмотнаго «старца», котораго Вырубова назвала «неаппетитнымъ», при всемъ ихъ разнообразіи, сходятся въ одномъ: всѣ они — нелестны; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, извѣстно, что всѣ они, больше или меньше, зависѣли отъ него; область вліянія этого человѣка, каковъ бы

онъ ни былъ, была громадна; жизнь его протекла въ исключительной атмосферѣ истерическаго поклоненія и непроходящей ненависти: на него молились, его искали уничтожить: недюжинность распутнаго мужика, убитаго въ спину на Юсуповской «вечеринкѣ съ граммофономъ», сказалась, пожалуй, болѣе всего въ томъ, что пуля, его прикончившая, попала въ самое сердце царствующей династіи.

Затворники Царскаго Села и «маленькаго домика» Вырубовой, окрестившіе другъ друга и тѣхъ, кто приходилъ съ ними въ соприкосновеніе, такими же законспирированными кличками, какія были въ употребленіи въ самыхъ низахъ — въ департаментѣ полиціи, — были отдѣлены отъ міра пропастью, которая, по волѣ Распутина, то суживалась, открывая доступъ избраннымъ вліяніямъ, то расширялась, становясь совершенно непереходимой даже для родственниковъ царя, отодвинутыхъ тѣмъ же Распутинымъ на второй планъ; часть ихъ перешла въ оппозицію. «Теперь всѣ Владиміровичи и всѣ Михайловичи въ полномъ протестѣ противъ императрицы», записывалъ въ дневникѣ генералъ Дубенскій; они обращались къ царю съ письмами и записками; такъ, Георгій Михайловичъ въ ноябрѣ писалъ царю о ненависти къ Штюрмеру самыхъ умѣренныхъ круговъ въ арміи и объ отвѣтственномъ министерствѣ, какъ единственной мѣрѣ для спасенія Россіи. Письмо Николая Михайловича уже было опубликовано. Въ обширномъ письмѣ Александра Михайловича отъ 25 декабря — 4 февраля указано, что политика царя идетъ въ разрѣзъ съ желаніемъ народа, что нужно дать свободу общественнымъ силамъ и выбрать министровъ, которымъ страна повѣритъ, и что существующее правительство само подготовляетъ революцію.

Милюковъ былъ въ средѣ этихъ оппозиціонно настроенныхъ великихъ князей послѣ убійства Распутина, въ которомъ одинъ изъ нихъ былъ замѣшанъ, что особенно отшатнуло отъ нихъ царя, написавшаго въ отвѣтъ на просьбу «смягчить участь» Дмитрія Павловича, извѣстную фразу: «никому не дано право заниматься убійствомъ». Настроеніе въ этой средѣ было двойственное: радовались тому, что очистилась атмосфера, но къ возможности безболѣзненнаго исхода изъ положенія относились безнадежно.

Гораздо ближе къ царской семьѣ стоялъ кругъ придворныхъ. Въ этомъ кругу, гдѣ «атмосфера, по выраженію Воейкова, была манекенъ», кипѣла борьба мелкихъ самолюбій и интригъ. Десятка два людей, у каждаго изъ которыхъ были свои обязанности («я въ шахматы играю, я двери открываю»), трепетали надъ тѣмъ, кто изъ нихъ займетъ мѣсто министра двора послѣ смерти стараго, временами вовсе выживающаго изъ ума «дорогого графа» Фредерикса, къ которому царь питалъ большую привязанность. Нѣкоторые изъ этихъ людей, весьма занятыхъ биржевыми дѣлами и получившихъ отъ правительственныхъ низовъ не очень лестный эпитетъ «придворной рвани», были, по своему, «конституціонно» настроены; большинство питало ярую ненависть къ Распутину. Среди нихъ выдѣлялись, — ближе всѣхъ стоявшій къ царской семьѣ зять Фредерикса, Воейковъ, ловкій коммерсантъ и владѣлецъ Куваки, — и Ниловъ, старый «морской волкъ», пьяница, котораго любили за грубость, — этотъ послѣдній всѣхъ откровеннѣе говорилъ съ царемъ о Распутинѣ; получивъ отпоръ, какъ всѣ остальные, онъ смирился и твердилъ одно: «Будетъ революція, насъ всѣхъ повѣсятъ, а на какомъ фонарѣ, все равно».

Эта среда, какъ и среда правительственная, была ареной, на которой открывался широкій просторъ вліяніямъ большихъ и малыхъ кружковъ; оттуда

летѣли записки, диктовались назначенія, шла вся «большая политика»; наиболѣе видными кружками были кружки Бадмаева, кн. Андронникова и Манасевича-Мануйлова.

Бадмаевъ — умный и хитрый азіатъ, у котораго въ головѣ былъ политическій хаосъ, а на языкѣ шуточки, и который занимался, кромѣ тибетской медицины, бурятской школой и бетонными трубами — дружилъ съ Распутинымъ и Курловымъ, нѣкогда сыгравшимъ роль въ убійствѣ Столыпина; при помощи Бадмаевскаго кружка получилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ.

Князь Андронниковъ, вертѣвшійся въ придворныхъ и правительственныхъ кругахъ, подносившій иконы министрамъ, цвѣты и конфекты ихъ женамъ, и знакомый съ царскосельскимъ камердинеромъ, характеризуетъ самъ себя такъ: «Человѣкъ, гражданинъ, всегда желавшій принести какъ можно больше пользы».

Манасевичъ-Мануйловъ, ловкій и умный журналистъ, былъ сотрудникомъ «Новаго Времени», газеты, много лѣтъ вдохновлявшей и пугавшей правительство.

Партія правыхъ, сильно измельчавшая, также разбилась на кружки, которые дѣйствовали путемъ записокъ и личныхъ вліяній. Ихъ оппозиція правительству принимала угрожающіе размѣры при попыткахъ сократить субсидіи, которыми они пользовались всегда, но размѣры которыхъ не были баснословны. Среди правыхъ были, повидимому, и люди дѣйствительно безкорыстно преданные идеѣ самодержавія. Для этихъ «послѣднихъ могиканъ», по выраженію Н. Маклакова, было однако ясно, что они «стояли у могилы того, во что вѣровали»; въ запискѣ, составленной въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданной царю кн. Голицынымъ въ ноябрѣ, и въ запискѣ Говорухи-Отрока съ поправкой Маклакова, переданной царю въ январѣ, правые тщетно пытались убѣдить его взять болѣе твердый курсъ, особенно по отношенію къ Думѣ, и оставить подражаніе «походкѣ пьянаго — отъ стѣны къ стѣнѣ». Не остановили крушенія — ни выходка Маркова, ни письмо Маклакова, ни попытка усиленія праваго крыла Государственнаго Совѣта при содѣйствіи политически безпринципнаго Щегловитова, ни послѣднія назначенія, вродѣ назначенія князя Голицына.

Если всѣ описанные круги были проникнуты своеобразнымъ міросозерцаніемъ, которое хоть по временамъ давало возможность взглянуть въ лицо жизни — то круги бюрократическіе, непосредственно къ нимъ примыкающіе и передъ ними отвѣтственные, давно были лишены какого бы то ни было міросозерцанія. Все учащающуюся смѣну лицъ въ этихъ кругахъ Пуришкевичъ назвалъ «министерской чехардой»; но лица эти не обновляли и не поддерживали власть, а только ускоряли ея паденіе. Правительство, которое давно не имѣло представленія не только о народѣ, но и о «земской Россіи и Думѣ», возглавлялось «недружнымъ, другъ другу не довѣряющимъ» Совѣтомъ Министровъ; это учрежденіе перестало жить со временъ П. А. Столыпина, послѣдняго крупнаго дѣятеля самодержавія; съ тѣхъ поръ, оно постепенно превращалось, а при Штюрмерѣ фактически превратилось въ старый Комитетъ Министровъ, стоящій внѣ политики и занимающійся «дѣловымъ» регулированіемъ общеимперской службы, которая, по словамъ людей живыхъ и сколько-нибудь связанныхъ со страной, давно стала «каторгой духа и мозга». «Совѣтъ Министровъ, говоритъ Протопоповъ, остался позади жизни и сталъ какъ бы тормазомъ народному импульсу».

Въ сущности, уже замѣна на посту предсѣдателя Совѣта Министровъ опытнаго, но окончательно одряхлѣвшаго бюрократа Горемыкина Штюрмеромъ, въ которомъ царь, какъ оказалось впослѣдствіи, видѣлъ «земскаго дѣятеля», заставила многихъ призадуматься. Штюрмеръ имѣлъ весьма величавый и хладнокровный видъ и самъ аттестовалъ свои руки, какъ «крѣпкія руки въ бархатныхъ перчаткахъ». На дѣлѣ, онъ былъ только «футляромъ», въ которомъ скрывался хитрый обыватель, дѣлавшій все «подъ шумокъ», съ «канцелярскими уловками»; это была игрушка въ рукахъ Манасевича-Мануйлова, «старикашка на веревочкѣ», какъ выразился о немъ однажды Распутинъ, которому случалось и прикрикнуть на безпамятнаго, одержимаго старческимъ склерозомъ и торопившагося, какъ бы только сбыть съ рукъ дѣло, премьера.

Ославленному Милюковымъ въ Думѣ Штюрмеру пришлось уступить мѣсто Трепову. На долю этого бюрократа выпала непосильная задача — взять твердый курсъ въ ту минуту, когда буря началась (въ ноябрѣ 1916 года); при Треповѣ считалось «хорошимъ тономъ» избѣгать примѣненія 87 статьи; но всѣ уловки только подливали масла въ огонь, и недостаточно сильный, ничего не успѣвшій измѣнить за 48 дней своего премьерства, Треповъ палъ, побѣжденный Протопоповымъ, которому удалось уловить его на предложеніи отступного Распутину (чтобы послѣдній не мѣшался въ государственныя дѣла).

Послѣднимъ премьеромъ былъ Н. Д. Голицынъ, самыя обстоятельства назначенія котораго показываютъ, до какой растерянности дошла власть. Стоявшій вдали отъ дѣлъ и завѣдывавшій съ 1915 года только «Комитетомъ помощи русскимъ военноплѣннымъ», Голицынъ былъ вызванъ въ Царское село, будто бы императрицей. Его встрѣтилъ царь, который поговорилъ о томъ, кого бы назначить премьеромъ («Рухловъ не знаетъ французскаго языка, а на дняхъ собирается конференція союзниковъ») и, наконецъ, сказалъ: «Я съ вами хитрю, вызвалъ васъ я, а не императрица, мой выборъ палъ на васъ». Голицынъ, «мечтавшій только объ отдыхѣ», напрасно просился въ отставку. Едва ли старый аристократъ, брезгливо называвшій народъ «черныю» и не твердо знакомый съ дѣлопроизводствомъ Совѣта Министровъ, могъ справиться съ претившими ему ставленниками Распутина — Протопоповымъ и Добровольскимъ; Протопопова не могли осилить и болѣе сильные, у него была особая звѣзда, погасшая лишь тогда, когда все было кончено.

Характерно для той «большой политики», которую дѣлалъ Совѣтъ Министровъ и которая сводилась къ изысканію средствъ отдалить неминуемый созывъ Государственной Думы, засѣданіе Совѣта Министровъ 3 января. Его дѣловая сторона изложена въ слѣдующей «памятной запискѣ», составленной П. Ладыженскимъ:

«Совѣтъ Министровъ, въ засѣданіи 3 января 1917 года, обсуждалъ вопросъ о времени предстоящаго возобновленія занятій законодательныхъ учрежденій, причемъ въ средѣ Совѣта были заявлены различныя мнѣнія.

«Пять Членовъ (Покровскій, Шуваевъ, Николаенко, Феодосьевъ и Ланговой) высказались, что въ соотвѣтствіи съ Высочайшимъ Указомъ отъ 15 декабря 1916 года Государственная Дума должна быть созвана 12 января, но возможность созыва Думы должна быть подготовлена соотвѣтствующими мѣропріятіями.

«Предсѣдатель и 8 членовъ (Григоровичъ, Риттихъ, Добровольскій, Протопоповъ, Разумовскій, Войновскій-Кригеръ, Раевъ и Кульчицкій) находили, что при настоящемъ настроеніи думскаго большинства открытіе Думы и появленіе

въ ней Правительства неизбѣжно вызоветъ нежелательныя и недопустимыя выступленія, слѣдствіемъ коихъ долженъ бы явиться роспускъ Думы и назначеніе новыхъ выборовъ. Во избѣжаніе подобной крайней мѣры, Предсѣдатель и согласные съ нимъ Члены Совѣта считали предпочтительнымъ на нѣкоторое время отсрочить созывъ Думы, назначивъ срокъ созыва на 31 января.

«А. Д. Протопоповъ, къ мнѣнію котораго присоединились П. А. Добровольскій, Н. К. Кульчицкій и Н. И. Раевъ, полагали продолжить срокъ настоящаго перерыва занятій Думы до 14 февраля».

Эту формальную и сухую запись дополняетъ живая характеристика засѣданія однимъ изъ его участниковъ — Н. Н. Покровскимъ. Изъ его разсказа мы знаемъ, что Протопоповъ развивалъ здѣсь свою «необыкновенную теорію политическихъ теченій въ Россіи», которую онъ повторилъ и въ засѣданіи 25 февраля. Теорія, по словамъ Н. Н. Покровскаго, заключалась въ томъ, что революціонное теченіе (анархизмъ и соціализмъ) постепенно втекаетъ въ оппозиціонное (общественные элементы съ Государственной Думой во главѣ); такимъ образомъ, оппозиціонное теченіе совпадаетъ съ революціоннымъ и стремится захватить власть, вслѣдствіе чего слѣдуетъ бороться съ оппозиціей всѣми средствами, вплоть до роспуска Думы. Далѣе, Протопоповъ, по словамъ Покровскаго, предлагалъ «графическую схему» и «несъ околесную», такъ что нѣсколько лицъ переглянулись и спросили другъ друга: «Вы что-нибудь поняли?» Характерно, однако, что мнѣніе Протопопова и было принято; правда, онъ пошелъ на извѣстную уступку.

Среди членовъ правительства было немного лицъ, о которыхъ можно говорить подробно, такъ какъ ихъ личная дѣятельность мало чѣмъ отмѣчена; всѣ они неслись въ неудержимомъ водоворотѣ къ неминуемой катастрофѣ. Среди нихъ были и люди высокой честности, какъ напримѣръ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Игнатьевъ, много разъ просившійся въ отставку и смѣненный Кульчицкимъ лишь за два мѣсяца до переворота, или министръ иностранныхъ дѣлъ Покровскій, которому приходилось указывать на невозможность руководить внѣшней политикой при существующемъ курсѣ политики внутренней; но и эти люди ничего не могли сдѣлать для того, чтобы предотвратить катастрофу.

Большую роль въ февральскіе дни пришлось сыграть послѣднему военному министру генералу Бѣляеву, котораго Родзянко считаетъ человѣкомъ порядочнымъ. А. А. Поливановъ характеризуетъ его, какъ своего бывшаго ученика — старательнаго и добросовѣстнаго, но къ творчеству неспособнаго и склоннаго къ угодничеству.

Нельзя обойти молчаніемъ двухъ лицъ, которыя приняли участіе въ развертывающихся событіяхъ и готовились стать у власти. Одинъ изъ нихъ — бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, любимецъ царя, Н. Маклаковъ, котораго царскій курьеръ не засталъ на Рождествѣ въ Петербургѣ; повидимому, онъ имѣлъ шансы смѣнить Протопопова; будучи человѣкомъ правыхъ убѣжденій, Маклаковъ сознавалъ «внѣ суматохи и безконечнаго верченія административнаго колеса», что дѣло правыхъ, которыхъ «били, не давали встать, и опять били», безвозвратно проиграно.

Другимъ претендентомъ на власть, который долженъ былъ наканунѣ переворота стать замѣстителемъ генерала Батюшина, былъ С. Бѣлецкій, выдающійся въ свое время директоръ департамента полиціи, едва не ставшій оберъ-прокуроромъ синода; это былъ человѣкъ практики, услужливый и искательный, который умѣлъ «всюду втереться».

Послѣднему министру внутреннихъ дѣлъ Протопопову суждено было занять исключительное мѣсто въ правительственной средѣ. Роль его настолько велика, что на его характеристикѣ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

А. Д. Протопоповъ, помѣщикъ и промышленникъ изъ симбирскихъ дворянъ и членъ Государственной Думы отъ партіи 17 октября, былъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя четвертой Государственной Думы. О немъ заговорили тогда, когда, весной 1916 года, онъ отправился заграницу, въ качествѣ члена парламентской делегаціи, и на обратномъ пути, въ Стокгольмѣ, имѣлъ бесѣду съ совѣтникомъ германскаго посольства Варбургомъ. Подробности этой бесѣды, имѣвшей цѣлью нащупать почву для заключенія мира, передавались различно не только лицами, освѣдомленными о ней, но и самимъ Протопоповымъ.

Въ то время у Протопопова были уже широкіе планы. Онъ лелѣялъ мысль о большой газетѣ, которая объединила бы промышленные круги, и въ которой сотрудничали бы «лучшіе писатели — Милюковъ, Горькій и Меньшиковъ». Газета воплотилась впослѣдствіи въ «Русскую Волю». Тогда же въ голову его вступила «дурная и несчастная мысль насчетъ министерства», ибо «честолюбіе его бѣгало и прыгало»: первоначально онъ думалъ лишь о министерствѣ торговли.

Дѣйствуя одновременно въ разныхъ направленіяхъ и не порывая отношеній съ думской средой, Протопоповъ сумѣлъ проникнуть къ царю и заинтересовать его своей стокгольмской бесѣдой, а также — приблизиться къ Бадмаеву, съ которымъ свела его болѣзнь, и къ его кружку, гдѣ онъ узналъ Распутина и Вырубову.

16 сентября 1916 года Протопоповъ, неожиданно для всѣхъ и нѣсколько неожиданно для самаго себя, былъ, при помощи Распутина, назначенъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Ему сразу же довелось проникнуть въ самый «мистическій кругъ» царской семьи, оставивъ за собой какъ Думу и прогрессивный блокъ, изъ которыхъ онъ вышелъ, такъ и чуждые ему бюрократическіе круги, для которыхъ онъ былъ непріятенъ, и придворную среду, которая видѣла въ немъ выскочку.

Почувствовавъ «откровенную преданность» и искреннее обожаніе къ «Хозяину Земли Русской» и его семьѣ, и получивъ кличку «Калинина» (данную Распутинымъ), Протопоповъ, съ присущими ему легкомысліемъ и «маніей величія», задался планами спасенія Россіи, которая все чаще представлялась ему «царской вотчиной». Онъ замышлялъ передать продовольственное дѣло въ министерство внутреннихъ дѣлъ, произвести реформу земства и полиціи и разрѣшить еврейскій вопросъ.

На дѣлѣ оказалось прежде всего полное незнакомство съ вѣдомствомъ, сказавшееся, напримѣръ, при посѣщеніи Москвы, описанномъ Челноковымъ. Протопоповъ сталъ управлять министерствомъ, постоянно болѣя «дипломатическими болѣзнями», при помощи многочисленныхъ и часто мѣняющихся товарищей; среди нихъ были неоффиціальные, какъ Курловъ, возбуждавшій особую къ себѣ и своему прошлому ненависть въ общественныхъ кругахъ. Протопопову, по его словамъ, «некогда было думать о дѣлѣ»; онъ втягивался все болѣе въ то, что называлось въ его времена «политикой»; будучи «рѣдкимъ гостемъ въ Совѣтѣ Министровъ», онъ былъ частымъ гостемъ Царскаго Села.

Съ перваго шага, Протопоповъ возбудилъ къ себѣ нелюбовь и презрѣніе общественныхъ и правительственныхъ круговъ. Отношеніе Думы сказалось на

совѣщаніи съ членами прогрессивнаго блока, устроенномъ 19 октября у Родзянко, но Протопоповъ, желавшій, «чтобы люди имѣли счастіе» и полагавшій, что «нельзя геній цѣлаго народа поставить въ рамки чиновничьей указки», оказался несмотря на жандармскій мундиръ Плеве, въ которомъ онъ однажды щегольнулъ передъ думской комиссіей, непріемлемымъ и для бюрократіи, увидавшей въ немъ мечтателя и общественнаго дѣятеля; недаромъ самъ Распутинъ сказалъ однажды, что Протопоповъ — «изъ того же мѣшка», и что у него «честь тянется, какъ подвязка».

Къ этому присоединилось вліяніе личнаго характера Протопопова, который «сталъ въ контры съ собственной Думою» и заставилъ многихъ сдѣлать изъ него «притчу во языцѣхъ» и отнестись къ нему юмористически. Характерно, напримѣръ, его (ставшее извѣстнымъ лишь впослѣдствіи) знакомство съ гадателемъ Шарлемъ Перэномъ, едва ли не германскимъ шпіономъ, о чемъ и предупреждалъ директоръ департамента полиціи; Протопоповъ не хотѣлъ объ этомъ знать, вѣруя въ свой «рокъ»; онъ неудержимо интересовался тѣмъ, что говорилъ ему Перэнъ: что «его планета — Юпитеръ, которая проходитъ подъ Сатурномъ, и разныя гороскопическія вещи».

Полная неудача въ замышленныхъ реформахъ и травля со всѣхъ сторонъ озлобили Протопопова. Въ то время какъ Милюковъ, наканунѣ убійства Распутина, назвалъ его въ Думѣ «загадочной картинкой», Протопоповъ вступилъ уже на путь «революціонно-правой», по собственному выраженію, политики, выразившейся въ борьбѣ съ Государственной Думой, запрещеніи съѣздовъ, преслѣдованіи общественныхъ организацій и печати, давленіи на выборы и, наконецъ, многочисленныхъ арестахъ, завершившихся январьскимъ арестомъ рабочей группы Военно-Промышленнаго Комитета. Этимъ, а также и тѣмъ, что на Протопопова временами «накатывало», что сближало его съ духомъ Царскаго Села, объясняется его пребываніе на посту до конца; послѣ убійства Распутина 17 декабря положеніе Протопопова не только не пошатнулось, но упрочилось: 20 декабря онъ былъ изъ управляющихъ сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и съ тѣхъ поръ, несмотря на всѣ окружавшіе его враждебные толки и на многочисленныя попытки весьма вліятельныхъ лицъ заставить его уйти, продолжалъ свое дѣло до послѣдней минуты.

Личность и дѣятельность Протопопова сыграли рѣшающую роль въ дѣлѣ ускоренія разрушенія царской власти. Распутинъ наканунѣ своей гибели, какъ бы, завѣщалъ свое дѣло Протопопову, и Протопоповъ исполнилъ завѣщаніе. Въ противоположность обыкновеннымъ бюрократамъ, которымъ многолѣтній чиновничій опытъ помогалъ сохранить видимость государственнаго смысла, Протопоповъ принесъ къ самому подножію трона весь истерическій клубокъ своихъ личныхъ чувствъ и мыслей; какъ мячъ, запущенный разсчетливой рукой, безпорядочно отскакивающій отъ стѣнъ, онъ внесъ разводъ въ кучу порядливо разставленныхъ, по видимости устойчивыхъ, а на дѣлѣ шаткихъ кегель государственной игры.

Въ этомъ смыслѣ Протопоповъ оказался, дѣйствительно, «роковымъ человѣкомъ».

II

Настроеніе общества и событія наканунѣ переворота

Январьскіе и февральскіе доклады петербургскаго охраннаго отдѣленія — Арестъ Рабочей Группы Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета и роль Обросимова — Выдѣленіе петербургскаго округа — Приготовленія къ 14 февраля — Настроенія свѣтскихъ круговъ и арміи — Послѣдній всеподданѣйшій докладъ Родзянко — Н. Маклаковъ и его проектъ манифеста — Открытіе сессіи законодательныхъ палатъ.

Таково было состояніе власти, «охваченной», по выраженію Гучкова, «процессами гніенія», что сопровождалось «глубокимъ недовѣріемъ и презрѣніемъ къ ней всего русскаго общества, внѣшними неудачами и матеріальными невзгодами въ тылу». За нѣсколько мѣсяцевъ до переворота, въ особомъ совѣщаніи по государственной оборонѣ, подъ предсѣдательствомъ генерала Бѣляева, Гучковъ сказалъ въ своей рѣчи: «если бы нашей внутренней жизнью и жизнью нашей арміи руководилъ германскій генеральный штабъ, онъ не создалъ бы ничего, кромѣ того, что создала русская правительственная власть». Родзянко назвалъ дѣятельность этой власти «планомѣрнымъ и правильнымъ изгнаніемъ всего того, что могло принести пользу въ смыслѣ побѣды надъ Германіей».

Единственнымъ живымъ органомъ, который учитывалъ политическое положеніе и понималъ, насколько опасна для разстроеннаго правительства организованная общественность, которая, въ лицѣ прогрессивнаго блока, военно-промышленныхъ комтитетовъ и другихъ общественныхъ организацій, давно могла съ гораздо большимъ успѣхомъ дѣйствовать въ направленіи обороны страны, былъ департаментъ полиціи. Доклады охраннаго отдѣленія въ 1916 году даютъ лучшую характеристику общественныхъ настроеній; они исполнены тревоги, но ихъ громкаго голоса умирающая власть уже слышать не могла.

Въ секретномъ докладѣ «отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка въ столицѣ» отъ 5 января, на основаніи добытаго черезъ секретную агентуру освѣдомительнаго матеріала, сообщается, что, по слухамъ, были передъ Рождествомъ какіе-то законспирированныя совѣщанія членовъ лѣваго крыла Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, что постановлено ходатайствовать передъ Высочайшею Властью объ удаленіи цѣлаго ряда представителей правительства съ занимаемыхъ ими постовъ; во главѣ означеннаго списка стоятъ Щегловитовъ и Протопоповъ.

«Настроеніе въ столицѣ носитъ исключительно тревожный характеръ. Циркулируютъ въ обществѣ самые дикіе слухи, какъ о намѣреніяхъ Правительственной власти, въ смыслѣ принятія различнаго рода реакціонныхъ мѣръ, такъ равно и о предположеніяхъ враждебныхъ этой власти группъ и слоевъ населенія, въ смыслѣ возможныхъ и вѣроятныхъ революціонныхъ начинаній и эксцессовъ. Всѣ ждутъ какихъ-то исключительныхъ событій и выступленій, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Одинаково серьезно и съ тревогой ожидають, какъ разныхъ революціонныхъ вспышекъ, такъ равно и несомнѣннаго якобы въ ближайшемъ будущемъ, «дворцоваго переворота», провозвѣстникомъ коего, по общему убѣжденію, явился актъ въ отношеніи «пресловутаго старца».

Далѣе сообщается, что всюду идутъ толки объ общемъ (а не только партійномъ) террорѣ, въ связи съ вѣроятнымъ окончательнымъ роспускомъ Думы. Политическій моментъ напоминаетъ канунъ 1905 года; «какъ и тогда, все

началось съ безконечныхъ и безчисленныхъ съѣздовъ и совѣщаній общественныхъ организацій, выносившихъ резолюціи рѣзкія по существу, но несомнѣнно, въ весьма малой и слабой степени выражавшія истинные размѣры недовольства широкихъ народныхъ массъ населенія страны».

«Весьма вѣроятно, что начнутся студенческіе безпорядки, къ которымъ примкнутъ и рабочіе, что все это увѣнчается попытками къ совершенію террористическихъ актовъ, хотя бы въ отношеніи новаго Министра Народнаго Просвѣщенія или Министра Внутреннихъ Дѣлъ, какъ главнаго, по указаніямъ, виновника всѣхъ золъ и бѣдствій, испытываемыхъ страною».

«Либеральная буржуазія вѣритъ, что въ связи съ наступленіемъ перечисленныхъ выше ужасныхъ и неизбѣжныхъ событій, Правительственная власть должна будетъ пойти на уступки и передать всю полноту своихъ функцій въ руки кадетъ, въ лицѣ лидируемаго ими прогрессивнаго блока, и тогда на Руси «все образуется». Лѣвые же упорно утверждаютъ, что наша власть зарвалась, на уступки ни въ коемъ случаѣ не пойдетъ и, не оцѣнивая въ должной мѣрѣ создавшейся обстановки, логически должна привести страну къ неизбѣжнымъ переживаніямъ стихійной и даже анархической революціи, когда уже не будетъ ни времени, ни мѣста, ни основаній для осуществленія кадетскихъ вожделѣній и когда, по ихъ убѣжденіямъ, и создастся почва для «превращенія Россіи въ свободное отъ царизма государство, построенное на новыхъ соціальныхъ основахъ».

Передъ 9 января начальникъ охраннаго отдѣленія Глобачевъ докладываетъ о «настроеніяхъ революціоннаго подполья» по партіямъ и приходитъ къ слѣдующему выводу «Рядъ ликвидацій послѣдняго времени въ значительной мѣрѣ ослабилъ силы подполья и нынѣ, по свѣдѣніямъ агентуры, къ 9 января возможны лишь отдѣльныя разрозненныя стачки и попытки устроить митинги, но все это будетъ носить неорганизованный характеръ». Однако же, здѣсь констатируется «общая распропагандированность пролетаріата».

19 января слѣдуетъ вновь обширный «совершенно секретный» докладъ охраннаго отдѣленія. «Отсрочка Думы продолжаетъ быть центромъ всѣхъ сужденій . . . Ростъ дороговизны и повторныя неудачи правительственныхъ мѣропріятій по борьбѣ съ исчезновеніемъ продуктовъ вызвали еще передъ Рождествомъ рѣзкую волну недовольства . . . Населеніе открыто (на улицахъ, въ трамваяхъ, въ театрахъ, магазинахъ) критикуетъ въ недопустимомъ по рѣзкости тонѣ всѣ Правительственныя мѣропріятія».

Отмѣчаются «успѣхъ крайне лѣвыхъ журналовъ и газетъ («Лѣтопись», «Дѣло», «День», «Русская Воля» и появленіе «Луча»); оппозиціонныя рѣчи въ самыхъ умѣренныхъ по своимъ политическимъ симпатіямъ кругахъ»; довѣрчивость широкихъ массъ къ Думѣ, которая еще недавно считалась «черносотенной» и «буржуазной», разговоры о «мужествѣ Милюкова и Родзянки» послѣ 1 ноября.

«Озлобленное дороговизной и продовольственной разрухой большинство обывателей — въ туманѣ», питается «злостными сплетнями» о «Думской петиціи», объ «организаціи офицеровъ, постановившей убить рядъ лицъ, якобы, мѣшающихъ обновленію Россіи».

«Неспособные къ органической работѣ и переполнившіе Государственную Думу политиканы . . . способствуютъ своими рѣчами разрухѣ тыла . . . Ихъ пропаганда, не остановленная Правительствомъ въ самомъ началѣ, упала на почву усталости отъ войны; дѣйствительно возможно, что роспускъ Государ-

ственной Думы послужитъ сигналомъ для вспышки революціоннаго броженія и приведетъ къ тому, что Правительству придется бороться не съ ничтожной кучкой оторванныхъ отъ большинства населенія членовъ Думы, а со всей Россіей».

«Резюмируя эти колеблющіяся настроенія въ нѣсколькихъ словахъ, можно сказать, что ожидаемый массами въ февралѣ мѣсяцѣ роспускъ Государственной Думы не обязательно вызоветъ, но легко можетъ вызвать всеобщую забастовку, которая объединитъ въ себѣ всевозможныя политическія направленія и которая, начавшись подъ флагомъ популярной сейчасъ «борьбы за Думу», окончится требованіемъ окончанія войны, всеобщей амнистіи, всѣхъ свободъ и пр.».

«Въ дѣйствующей арміи, согласно повторнымъ и все усиливающимся слухамъ, терроръ широко развитъ въ примѣненіи къ нелюбимымъ начальникамъ, какъ солдатамъ, такъ и офицерамъ». «Поэтому, слухи о томъ, что за убійство Распутина — этой «первой ласточки» террора — начнутся другіе «акты», — заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія . . . Нѣтъ въ Петроградѣ въ настоящее время семьи такъ называемаго «интеллигентнаго обывателя», гдѣ «шопоткомъ» не говорилось бы о томъ, что «скоро, навѣрно, прикончатъ того или иного изъ представителей правящей власти» и что «теперь такому-то безусловно не сдобровать». Характерный показатель того, что озлобленное настроеніе пострадавшаго отъ дороговизны обывателя требуетъ кровавыхъ гекатомбъ изъ труповъ министровъ, генераловъ . . . Въ семьяхъ лицъ, мало-мальски затронутыхъ политикой, открыто и свободно раздаются рѣчи опаснаго характера, затрагивающія даже Священную Особу Государя Императора».

Далѣе сообщаются слухи о «національной партіи», образованной Пуришкевичемъ, о рѣзко намѣчающемся авантюризмѣ нашихъ доморощенныхъ «Юань-Шикаевъ», въ лицѣ Гучкова, Коновалова, кн. Львова, стремящихся использовать могущія неожиданно вспыхнуть «событія» въ своихъ личныхъ видахъ и цѣляхъ и беззастѣнчивымъ провокаціоннымъ образомъ муссирующихъ настроеніе представителей авторитетныхъ рабочихъ группъ Военно-Промышленныхъ Комитетовъ».

«Общій выводъ изъ всего изложеннаго: «если рабочія массы пришли къ сознанію необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и послѣдующей революціи, а круги интеллигенціи — къ вѣрѣ въ спасительность политическихъ убійствъ и террора», то это указываетъ на «жажду общества найти выходъ изъ создавшагося политически-ненормальнаго положенія», которое съ каждымъ днемъ становится все ненормальнѣе и напряженнѣе».

Слѣдующій «совершенно секретный» докладъ генерала Глобачева относится къ 26 января.

«Передовые и руководящіе круги либеральной оппозиціи, сообщается здѣсь, уже думаютъ о томъ, кому и какой именно изъ отвѣтственныхъ портфелей удастся захватить въ свои руки». При этомъ, «въ данный моментъ находятся въ наличности двѣ исключительно серьезныя общественныя группы», которыя «самымъ кореннымъ образомъ расходятся по вопросу о томъ, какъ раздѣлить «шкуру медвѣдя».

«Первую изъ этихъ группъ составляютъ руководящіе «дѣльцы» парламентскаго прогрессивнаго блока, возглавляемые перешедшимъ въ оппозицію и упорно стремящимся «къ премьерству» предсѣдателемъ Государственной Думы — шталмейстеромъ Родзянко». Они окончательно изверились въ возможность принудить представителей Правительства уйти со своихъ постовъ добровольно и

передать всю полноту своей власти думскому большинству, долженствующему насадить въ Россiи начала «истиннаго парламентаризма по западно-европейскому образцу». Поэтому, ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы «заручиться хотя бы дутыми директивами «народа», для чего войти въ сношенiе съ «сохранившей свою революцiонную физiономiю, но въ то же самое время явно отклонившейся отъ руководящихъ круговъ соцiалистическаго стараго «Интернацiонала» рабочей группой». «Давъ время рабочей массѣ самостоятельно обсудить задуманное, представители рабочей группы лично и черезъ созданную ею особую «пропагандистскую коллегiю» должны организовать рядъ массовыхъ собранiй по фабрикамъ и заводамъ столицы и, выступая на таковыхъ, предложить рабочимъ прекратить работу въ день открытiя засѣданiй Государственной Думы — 14 февраля с. г. — и, подъ видомъ мирно настроенной манифестацiи, проникнуть ко входу въ Таврическiй Дворецъ. Здѣсь, вызвавъ на улицу предсѣдателя Государственной Думы и депутатовъ, рабочiе въ лицѣ своихъ представителей, должны громко и открыто огласить принятыя на предварительныхъ массовыхъ собранiяхъ резолюцiю съ выраженiями ихъ категорической рѣшимости поддержать Государственную Думу въ ея борьбѣ съ нынѣ существующимъ Правительствомъ». При этомъ, опасенiя рабочей группы противодѣйствiя со стороны «инакомыслящихъ подпольныхъ соцiалистическихъ теченiй» отпали, потому что «соцiалъ-демократическiя группы большевиковъ, объединенцевъ и интернацiоналистовъ-ликвидаторовъ не склонны ни противодѣйствовать, ни способствовать ихъ затѣѣ», а «занять выжидательную позицiю».

Во главѣ второй группы, «дѣйствующей пока законспирированно и стремящейся во что бы то ни стало «выхватить будущую добычу» изъ рукъ представителей думской оппозицiи, стоятъ не менѣе жаждущiе власти А. И. Гучковъ, князь Львовъ, С. Н. Третьяковъ, Коноваловъ, М. М. Федоровъ и нѣкоторые другiе» Эта группа разсчитываетъ на то, что думцы не учитываютъ «еще не подорваннаго въ массахъ лойяльнаго населенiя обаянiя Правительства» и — съ другой стороны — «инертности» народныхъ массъ. Вся надежда этой группы — неизбѣжный въ самомъ ближайшемъ будущемъ дворцовый переворотъ, поддержанный всего на всего одной двумя сочувствующими воинскими частями». «Независимо отъ вышеизложеннаго, вторая группа, скрывая до поры до времени свои истинные замыслы, самымъ усерднымъ образомъ идетъ навстрѣчу первой», причемъ «заслуживаетъ исключительнаго вниманiя возникшее по инициативѣ А. И. Гучкова предположенiе о созывѣ въ началѣ февраля особаго и чрезвычайнаго совѣщанiя руководящихъ представителей Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета, «Земгора», думскихъ оппозицiонныхъ фракцiй, профессуры, общественныхъ организацiй и, по возможности, Государственнаго Совѣта» . . .

«Что будетъ и какъ все это произойдетъ, заканчиваетъ охранное отдѣленiе, судить сейчасъ трудно, но, во всякомъ случаѣ, воинствующая оппозицiонная общественность безусловно не ошибается въ одномъ: событiя чрезвычайной важности и чреватыя исключительными послѣдствiями для русской государственности «не за горами».

Повидимому, непосредственнымъ результатомъ этого доклада и былъ арестъ рабочей группы, состоявшiйся 27 января. Объ этой ликвидацiи охранное отдѣленiе составило секретный докладъ. Здѣсь указывается, что представители группы «организовали и подготовляли демонстративныя выступленiя рабочей массы столицы на 14 февраля», съ тѣмъ, чтобы заявить депутатамъ Думы

свое «требованіе незамедлительно вступить въ открытую борьбу съ нынѣ существующимъ правительствомъ и Верховной властью и признать себя впредь до установленія новаго государственнаго устройства временнымъ правительствомъ. «Матеріалъ, взятый при обыскахъ, вполнѣ подтвердилъ изложенныя свѣдѣнія, вслѣдствіе чего переписка по этому дѣлу, въ виду признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 102 ст. Уг. Улож., передана Прокурору Петроградской Судебной Палаты».

Кромѣ того, были обысканы и арестованы четыре члена «пропагандистской коллегіи Рабочей Группы», у которой «достаточнаго матеріала для привлеченія ихъ къ судебной отвѣтственности не обнаружено»; тѣмъ не менѣе, они признаны «лицами безусловно вредными для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія; предложено выслать ихъ изъ Петербурга подъ гласный надзоръ полиціи.

А. И. Гучковъ, по его словамъ, былъ убѣжденъ, что департаменту полиціи удастся проникнуть въ среду тѣхъ человѣкъ пятнадцати рабочихъ, которые были въ составѣ Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета, о чемъ онъ не разъ предупреждалъ предсѣдателя рабочей группы Гвоздева. Арестъ былъ предпринятъ, повидимому, не департаментомъ, а министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, «какъ актъ высокой политики». Въ этомъ сознался и Протопоповъ, который докладывалъ царю, что образованіе рабочей секціи опасно и напоминаетъ «организацію Хрусталева-Носаря 1905 г.». Протопоповъ совѣтовался объ арестѣ съ Хабаловымъ, который написалъ письмо Гучкову съ указаніемъ на революціонность Рабочей Группы. Отвѣта на это письмо не было, и Протопоповъ рѣшилъ произвести арестъ «по ордеру военнаго начальства», получивъ на это разрѣшеніе отъ царя.

Послѣ ареста Гучковъ и Коноваловъ предприняли три шага: во первыхъ, выступили съ протестомъ въ прессѣ; во вторыхъ, поѣхали къ князю Голицыну, минуя Бѣлецкаго, Васильева и Протопопова; съ послѣднимъ Гучкову особенно тяжело было встрѣчаться, какъ съ бывшимъ товарищемъ по фракціи.

«Если бы вамъ приходилось арестовывать людей за оппозиціонное настроеніе, то вамъ всѣхъ насъ пришлось бы арестовать», сказалъ Гучковъ Голицыну. Послѣдній «отнесся благосклонно», сослался на Протопопова и обѣщалъ пересмотрѣть дѣло. Протопоповъ разсказываетъ, что Голицынъ сказалъ ему, что онъ сдѣлалъ ошибку, арестовавъ рабочую группу послѣ того письма съ призывомъ рабочихъ къ спокойствію, которое было опубликовано въ газетахъ и подписано членами рабочей группы (а сфабриковано въ департаментѣ полиціи). Гучковъ доказывалъ Голицыну, что группа не замышляла ни вооруженнаго возстанія, ни переворота, но занималась политикой въ томъ смыслѣ, что считала возможнымъ рѣшеніе вопросовъ обороны лишь при условіи измѣненія политическихъ условій работы.

Третьимъ шагомъ Гучкова и Коновалова было собраніе представителей Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета и особаго совѣщанія по оборонѣ. Объ этомъ собраніи обстоятельно повѣствуетъ совершенно секретный докладъ охраннаго отдѣленія отъ 31 января.

Собраніе состоялось 29 января въ 11 часовъ утра «экстренно и съ соблюденіемъ ряда предосторожностей, при участіи представителей Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета (Гучковъ, Коноваловъ, Кутлеръ и др.), Московскаго Военно-Промышленнаго Комитета (Переверзевъ и др.), Государственной Думы (Керенскій, Чхеидзе, Аджемовъ, Карауловъ, Милюковъ, Бубликовъ и др.),

Государственнаго Совѣта и Земскаго и Городского Союзовъ (фамиліи охранному отдѣленію неизвѣстны). Предсѣдательствовавшій Гучковъ сообщилъ объ арестѣ группы; всѣ высказали полное сочувствіе и готовность подать голосъ въ защиту организаціи. Охранное отдѣленіе заканчиваетъ свой докладъ хвастливымъ выводомъ, основаннымъ на наблюденіи «настроеній» участниковъ означеннаго совѣщанія: «имѣются всѣ данныя для того, чтобы признать фактъ ликвидаціи рабочей группы» Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета дѣйствительно исключительнымъ по неожиданности и впечатлѣнію ударомъ для оппозиціонной и на боевой ладъ настроившейся общественности. Розовыя перспективы хитро задуманныхъ и черезъ рабочую группу подготовлявшихся массовыхъ рабочихъ выступленій въ значительной степени поблекли; но, во всякомъ случаѣ, если многія рабочія души и отчаялись въ возможности осуществленія вожделѣнныхъ достиженій, то болѣе стойкіе и упористо-настроенные «завоеватели власти» могли съ досадой воскликнуть лишь одно: «сорвалось, придется начинать сначала».

Въ докладѣ подробно описано настроеніе собравшихся и содержаніе ихъ рѣчей. Между прочимъ, содержаніе рѣчи нѣкоего представителя рабочей группы, рабочаго Обросимова скромно излагается такъ: онъ «указалъ на ошибку тѣхъ, кто стремится видѣть въ арестѣ представителей группы лишь своего рода юридически интересный фактъ; здѣсь нужно признать наличность явленія, имѣющаго крупное политическое значеніе и въ той или иной мѣрѣ задѣвающаго русскую общественность».

А. И. Гучковъ разсказываетъ, что Обросимовъ, къ удивленію его оказавшійся на свободѣ, произнесъ рѣзкую рѣчь о томъ, что группа только прикидывалась мирной, а на самомъ дѣлѣ преслѣдуетъ революціонныя цѣли вплоть до вооруженнаго возстанія и сверженія власти, для чего и пошла въ Комитетъ.

Обросимовъ какъ бы оправдывалъ дѣйствія власти. Гучковъ, всегда относившійся къ нему съ предубѣжденіемъ, отвѣтилъ, что его слова расходятся съ тѣмъ, что ему, Гучкову, извѣстно, и съ тѣмъ, что говорили Гвоздевъ и его товарищи, сидящіе подъ арестомъ. Обросимовъ замолчалъ и сѣлъ; однако его слова смутили присутствующихъ. Чхеидзе и другіе лѣвые промолчали, повидимому, не слишкомъ довѣряя аудиторіи.

Обросимовъ принадлежалъ вообще къ самому лѣвому флангу и науськивалъ группу на самыя рѣзкія выступленія даже на съѣздѣ. Группа была арестована вся, кромѣ двухъ рабочихъ, которыхъ не было въ городѣ, и Обросимова, объяснившаго, что его не было дома. Предсѣдатель группы Гвоздевъ не убѣдился подозрѣніями Гучкова и довѣрчиво считалъ, что Обросимовъ человѣкъ хорошій. Гучкова же убѣждало въ томъ, что Обросимовъ не чистъ, еще и то обстоятельство, что ему было извѣстно, что въ департаментѣ полиціи имѣется подробный отчетъ о совѣщаніи, не могшій пройти черезъ канцелярію Военно-Промышленнаго Комитета. Протопоповъ разсказываетъ, что Обросимовъ согласился отбыть наказаніе, и что онъ, Протопоповъ, испросилъ бы у царя помилованіе этому сотруднику и далъ бы ему возможность бѣжать, какъ это дѣлалось обычно. Обросимовъ, по словамъ Гучкова, человѣкъ «недалекій, неспособный, пасвистанный».

Подробности совѣщанія группы Гучкова неизвѣстны; «къ намъ, говоритъ онъ, они приходили уже сговорившимися, застрѣльщиками»; они вошли въ группу не столько изъ интереса къ работѣ по оборонѣ, сколько изъ-за того, что тутъ имъ представлялась единственная возможность организоваться въ легальной формѣ, для преслѣдованія своихъ интересовъ.

Послѣ ареста Обросимова Протопоповъ боялся, что департаментъ полиціи не будетъ больше получать свѣдѣній о рабочей средѣ. Васильевъ успокоилъ его, что свѣдѣнія будутъ «также, какъ и прежде». «Очевидно, говоритъ Протопоповъ, постоянныхъ сотрудниковъ въ рабочей средѣ департаментъ полиціи имѣлъ достаточно».

Былъ проектъ арестовать Гучкова. Царь боялся его, а Протопоповъ доложилъ, что арестъ только «увеличилъ бы его популярность», которая «будетъ подорвана, когда обнаружатся злоупотребленія въ Военно-Промышленномъ Комитетѣ». «Царь, прибавляетъ онъ, понималъ, что я ему доложилъ правду». Г-жа Сухомлинова написала Протопопову, что «за арестъ секціи въ Царскомъ Селѣ ему поставленъ плюсъ».

Итакъ, министерство внутреннихъ дѣлъ «нанесло ударъ оппозиціи»; однако, тревожное настроеніе росло. Глобачевъ доноситъ о забастовкахъ и сходкахъ на фабрикахъ и заводахъ 31 января, 1, 3, 4 февраля. 5 февраля появляется его обширнѣйшій и совершенно секретный докладъ о «положеніи продовольственнаго дѣла въ столицѣ», а 7 февраля — соображенія по поводу «широкаго распространенія спиртовыхъ суррогатовъ» — лаковъ и политуры.

Въ началѣ февраля петербургскій военный округъ былъ выдѣленъ изъ сѣвернаго фронта въ особую единицу, съ подчиненіемъ его генералъ-лейтенанту Хабалову, которому были даны очень широкія права. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ членъ Военнаго Совѣта, генералъ Фроловъ: «Въ одномъ изъ засѣданій Военнаго Совѣта въ концѣ января или въ началѣ февраля въ Совѣтъ былъ внесенъ докладъ по Главному Управленію Генеральнаго Штаба по отдѣлу объ устройствѣ и службѣ войскъ о выдѣленіи изъ района армій сѣвернаго фронта Петербургскаго военнаго округа и о подчиненіи командующаго войсками военному министру. По чьему желанію это было сдѣлано, я не знаю, но внесено было неожиданно по приказанію генерала Бѣляева и въ экстренномъ порядкѣ. Мотивировалось это особыми условіями, въ которыхъ находится Петроградъ съ его окрестностями. При обсужденіи въ Военномъ Совѣтѣ этого проекта, послѣдній подвергся существенному измѣненію, въ смыслѣ изъятія его изъ подчиненія военному министру . . . Генералъ Бѣляевъ согласился на сдѣланныя измѣненія. Меня очень поразило это желаніе въ проектѣ подчинять командующаго войсками военному министру, несмотря на широкія полномочія, которыя проектъ предоставлялъ командующему войсками по сравненію съ командующими войсками внутреннихъ округовъ, каковые по закону по отношенію къ военному министру не ставятся въ подчиненіе. Я лично объяснилъ себѣ предоставленіе такихъ большихъ полномочій командующему войсками цѣлью болѣе успѣшной борьбы съ рабочими волненіями».

Протопоповъ описываетъ, какъ онъ былъ по этому поводу у императрицы, бранилъ Рузскаго и хвалилъ Хабалова, настаивая на выдѣленіи Петербургскаго округа. Хабаловъ являлся царю и императрицѣ, послѣ чего протопоповскій планъ и былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ докладѣ охраннаго отдѣленія отъ 5 февраля говорится: «съ каждымъ днемъ продовольственный вопросъ становится острѣе, заставляетъ обывателя ругать всѣхъ лицъ, такъ или иначе имѣющихъ касательство къ продовольствію, самыми нецензурными выраженіями». Слѣдствіемъ новаго повышенія цѣнъ и исчезновенія съ рынка предметовъ первой необходимости явился «новый взрывъ недовольства», охватившій «даже консервативные слои чиновничества»... «Тщетно публицисты въ газетахъ призываютъ къ терпѣнію . . . Никогда еще не было

столько ругани, дракъ и скандаловъ, какъ въ настоящее время, когда каждый считаетъ себя обиженнымъ и старается выместить свою обиду на сосѣдѣ». «Обывателя стригутъ по нѣсколько разъ въ день, и онъ по своей безпечности лишь вопитъ къ администраціи: «спасите, не дайте снять совершенно шкуру!»

Выводъ доклада: «если населеніе еще не устраиваетъ голодные бунты, то это еще не означаетъ, что оно ихъ не устроитъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ: озлобленіе растетъ, и конца его росту не видать . . . А что подобнаго рода стихійныя выступленія голодныхъ массъ явятся первымъ и послѣднимъ этапомъ по пути къ началу безсмысленныхъ и безпощадныхъ эксцессовъ самой ужасной изъ всѣхъ — анархической революціи — сомнѣваться не приходится».

7, 8, 9, 10, 13 февраля продолжаютъ поступать доклады о забастовкахъ на разныхъ заводахъ, сопровождающихся иногда вмѣшательствомъ полиціи, въ которую 8 февраля на Путиловскомъ заводѣ «посыпался градъ желѣзныхъ обломковъ и шлака».

7 фервaля охранное отдѣленіе доноситъ, что «предстоящее 14 февраля открытіе Государственной Думы создастъ повышенное настроеніе» въ столицѣ, и что, несмотря на ликвидацію рабочей группы, «нынѣ слѣдуетъ считать неизбѣжными стачки 14 февраля и попытки устроить шествіе къ Таврическому Дворцу, не останавливаясь даже передъ столкновеніями съ полиціей и войсками». «С.-д. большевики, относясь къ Рабочей Группѣ, какъ къ организаціи политически-нечистой, и не признавая Государственной Думы, постановили рѣшеніе группы не поддерживать, а создать движеніе пролетаріата собственными силами, пріурочивъ выступленіе къ 10 февраля, то-есть къ годовщинѣ суда надъ бывшими членами с.-д. фракціи большевиковъ Государственной Думы. Въ этотъ день предполагается всеобщая стачка . . . С.-д. объединенцы (Междурайонный Комитетъ) и с.-д. меньшевики (Центральная Иниціативная Группа) вынесли рѣшенія, вполнѣ аналогичныя съ большевиками» . . .

Глобачевъ заключаетъ свой докладъ обѣщаніемъ «со стороны ввѣреннаго ему отдѣленія принять всевозможныя мѣры къ предотвращенію и ослабленію грядущихъ весьма серьезныхъ событій».

9 февраля въ газетахъ появилось объявленіе Хабалова петербургскимъ рабочимъ, сопровожденное воззваніемъ Милюкова.

Кромѣ агентуры въ рабочей, интеллигентской и обывательской средѣ, существовали освѣдомители и въ свѣтскомъ обществѣ. На двухъ листкахъ отъ 28 января и отъ 10 февраля, сообщенныхъ Васильевымъ Протопопову, содержатся интересныя данныя о графинѣ И. И. Шереметьевой, рожденной графинѣ Воронцовой-Дашковой, которая считается «либеральной дамой»; «ее увлекла мысль создать у себя вліятельный либерально-аристократическій политическій салонъ». Сообщается, что «слухи о заговорѣ и чуть ли не декабристскихъ кружкахъ въ средѣ офицеровъ гвардейской кавалеріи подтвержденія не встрѣчаютъ». «Политическихъ дамъ» въ Кавалергардскомъ и Лейбъ-Гусарскомъ полкахъ нѣтъ. «Нѣчто подобное» — салонъ жены бывшаго кавалергарда г-жи Лазаревой, родной тетки причастнаго къ убійству Распутина Сумарокова-Эльстона; домъ ея посѣщаютъ кавалергарды, а иногда Родзянко, который здѣсь дѣлится своими думскими впечатлѣніями. Кавалергарды и лейбъ-гусары нѣсколько будируютъ на разруху и на Царское Село. Они полагаютъ, что убійствомъ Распутина вредныя вліянія не исчерпаны. Тяжело отражается на нихъ и отсутствіе побѣдъ: они «закисли»; но данныхъ о зрѣющемъ заговорѣ — нѣтъ (впрочемъ въ одной подобной же запискѣ, безъ подписи отъ 25 января, указано — что выясняются

симптомы происходящей группировки офицеровъ гвардейскихъ полковъ. Такъ, въ настоящее время, повидимому, «по опредѣленному плану используется отпускъ офицеровъ гвардейской кавалеріи»; слѣдуютъ подробности о лейбъ-гусарахъ, синихъ кирасирахъ и связяхъ нѣкоторыхъ круговъ съ Родзянко).

Среди депутатовъ-націоналистовъ, сообщается далѣе, разнесся слухъ, что великій князь Димитрій Павловичъ убитъ на фронтѣ. Графиня Игнатьева опровергаетъ этотъ слухъ, такъ же, какъ и другіе «злостные вымыслы — объ отреченіи Государя Императора отъ престола».

Къ предстоящей сессіи Государственной Думы графиня Игнатьева относится спокойно, не раздѣляя опасеній правыхъ о «грандіозномъ скандалѣ». Относительно Протопопова, который посѣтилъ ее, графиня полагаетъ, что «Россія, со времени историческихъ людей, не имѣла такого сильнаго, мужественнаго, православно-религіознаго человѣка, преданнаго Царю и Родинѣ», и находитъ, что онъ очень бодръ, моложавъ и свѣжъ на видъ (интересно отмѣтить, что Протопоповъ, по собственному признанію, посѣщалъ графиню Игнатьеву съ тѣмъ, чтобы узнать, какія собранія у нея происходятъ).

Далѣе приводится интересное мнѣніе графини Игнатьевой о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать жалованія духовенству (тогда засѣдала комиссія подъ предсѣдательствомъ Питирима) потому, что всѣ ассигновки, кромѣ военныхъ, должны быть сокращены, а священники очень хорошо обезпечены, и имѣли бы еще больше доходовъ, если бы не лѣнились посѣщать частные дома съ молитвою въ праздничные дни; предвыборной агитаціи священники тоже не умѣютъ вести, а политическое вліяніе на крестьянъ имѣютъ «велосипедисты», агитирующіе среди крестьянъ «гдѣ-нибудь въ полѣ» и раздающіе имъ «листочки» съ заманчивыми обѣщаніями.

О настроеніяхъ арміи разсказываетъ тотъ же Протопоповъ, который, не довѣряя свѣдѣніямъ контръ-развѣдки, хотѣлъ возстановить въ войскахъ постоянную секретную агентуру, уничтоженую генераломъ Джунковскимъ, о чемъ и докладывалъ царю. Несмотря на согласіе царя, департаментъ полиціи не успѣлъ завести постоянныхъ сотрудниковъ въ арміи; однако, до Протопопова доходили свѣдѣнія, что «настроеніе и тамъ повышается». «Я зналъ, пишетъ онъ, что въ войскахъ читаются газеты преимущественно лѣваго направленія, распространяются воззванія и прокламаціи; слышалъ, что служащіе Земскаго и Городского Союзовъ агитируютъ среди солдатъ; что генералъ Алексѣевъ сказалъ царю: «Войска уже не тѣ стали», намекая на растущее въ нихъ оппозиціонное настроеніе . . . Я думалъ, что настроеніе запасныхъ батальоновъ и другихъ войскъ, стоявшихъ въ Петроградѣ, мнѣ болѣе извѣстно; считалъ благонадежными учебныя команды и всѣ войска, за исключеніемъ частей, наполняемыхъ изъ рабочей и мастеровой среды; жизнь показала, что я и тутъ былъ не освѣдомленъ . . . Я докладывалъ царю, что оппозиціонно настроены высшій командный составъ и низшій; что въ прапорщики произведены многіе изъ учащейся молодежи, но что остальные офицеры консервативны; что офицеры генеральнаго штаба полѣвѣли; надѣлавъ въ войну столько ошибокъ, они должны были покраснѣть и чувствовать, что послѣ войны у нихъ отнимутся привилегіи по службѣ; что оппозиція не искала бы опоры въ рабочемъ классѣ, если бы войско было бы революціонно настроено. Царь, повидимому, былъ доволенъ моимъ докладомъ; онъ слушалъ меня внимательно».

Лицомъ, заинтересованнымъ въ настроеніяхъ арміи съ другой стороны, былъ Гучковъ, который полагалъ, что въ концѣ года никого не приходилось убѣждать

въ томъ, что старый режимъ сгнилъ. Гучковъ надѣялся, что армія, за малыми исключеніями, станетъ на сторону переворота, сопровождаемаго террористическимъ актомъ (какъ лейбъ-кампанцы XVIII вѣка или студентъ съ бомбой), но не стихійнаго и не анархическаго, а переворота, подобнаго заговору декабристовъ. Существовалъ планъ захватить императорскій поѣздъ между Ставкой и Царскимъ и вынудить у царя отреченіе; одновременно, при помощи войскъ арестовать правительство и затѣмъ уже объявить о переворотѣ и о составѣ новаго правительства. Среди офицеровъ были и соціалистически настроенные, готовые идти на республиканскій строй, но были также люди съ принципіальными вѣрованіями и симпатіями. «Отказа не было», но требовалась глубочайшая осторожность, ибо преждевременное раскрытіе сдѣлало бы невозможными дальнѣйшіе шаги.

Такъ осторожно опредѣляетъ настроеніе арміи человѣкъ, съ которымъ, по его словамъ, говорилъ откровенно простой солдатъ и генералъ. Другой знатокъ арміи, генералъ Н. І. Ивановъ просто отказывается судить о ней, говоря: «составъ офицеровъ и солдатъ, перемѣнившійся въ теченіе войны 4—6 разъ, не даетъ возможности судить, что представляютъ изъ себя тѣ части, которыя въ мирное время считались образцовыми».

Очень интересный документъ представляетъ письмо какого-то раненаго «офицера русской арміи», посланное изъ Москвы 25 января Протопопову (копія Милюкову). Авторъ письма говоритъ, съ одной стороны, что надо «обуздать печать» и послать Милюковыхъ и Маклаковыхъ въ окопы, чтобы они перестали работать на оборону и увидѣли, что такое война: легко имъ изъ кабинета предлагать воевать «до побѣднаго конца». Съ другой стороны, офицеръ считаетъ, что нельзя продолжать войну и надо заключить миръ, пока нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. «Если миръ не будетъ заключенъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, то можно съ увѣренностью сказать, что будутъ безпорядки . . . Люди, призванные въ войска, впадаютъ въ отчаяніе . . . не изъ малодушія и трусости, а потому что никакой пользы отъ этой борьбы они не видятъ».

Не лишена, наконецъ, интереса телеграмма командира третьяго коннаго корпуса графа Келлера, отправленная царю уже послѣ отреченія.

Таково было настроеніе разныхъ слоевъ русскаго общества, когда Родзянко поѣхалъ въ Царское Село 10 февраля со своимъ послѣднимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Царь еще въ декабрѣ очень сердился на Родзянко; новогодній пріемъ отличался особой сухостью. Послѣдній же докладъ, названный въ газетахъ «высокомилостивымъ», былъ, по словамъ Родзянко «самый тяжелый и бурный». Царь, послѣ убійства Распутина, былъ заранѣе агрессивно настроенъ; императрица «пылала местью», видя въ каждомъ врага. Въ этотъ день у царя были великіе князья Александръ Михаиловичъ и Михаилъ Александровичъ; послѣ Родзянки Щегловитовъ окончательно испортилъ дѣло своимъ докладомъ.

Родзянко разсказываетъ: когда онъ прочелъ докладъ, царь сказалъ: «Вы всѣ требуете удаленія Протопопова?» — «Требую, ваше величество, прежде я просилъ, а теперь требую». — «То есть, какъ?» — «Ваше величество, спасайте себя. Мы наканунѣ огромныхъ событій, исхода которыхъ предвидѣть нельзя. То, что дѣлаетъ ваше правительство и вы сами, до такой степени раздражаетъ населеніе, что все возможно. Всякій проходимецъ всѣми командуетъ. Если проходимцу можно, почему же мнѣ, порядочному человѣку, нельзя? Вотъ су-

жденіе публики. Отъ публики это перейдетъ въ армію и получится полная анархія. Вы изволили иногда меня слушаться, и выходило хорошо».

«Когда?» — спросилъ царь. — «Вспомните, въ 1915 году вы уволили Маклакова». — «А теперь я о немъ очень жалѣю, — сказалъ царь, посмотрѣвъ въ упоръ, — этотъ, по крайней мѣрѣ, не сумасшедшій». — «Совершенно естественно, ваше величество, потому что сходить не съ чего». Царь засмѣялся: — «Ну, положимъ, это хорошо сказано».

«Ваше величество, нужно же принять какія-нибудь мѣры!» продолжалъ Родзянко: — «Я указываю здѣсь цѣлый рядъ мѣръ, это искренно написано. Что-же, вы хотите во время войны потрясти страну революціей?»

«Я сдѣлаю то, что мнѣ Богъ на душу положитъ».

«Ваше величество, вамъ, во всякомъ случаѣ, очень надо помолиться, усердно попросить Господа Бога, чтобы Онъ показалъ правый путь, потому что шагъ, который вы теперь предпринимаете, можетъ оказаться роковымъ».

Царь всталъ и сказалъ нѣсколько двусмысленностей по адресу Родзянко.

«Ваше величество, сказалъ Родзянко, я ухожу въ полномъ убѣжденіи, что это мой послѣдній докладъ вамъ». — «Почему?» — «Я полтора часа вамъ докладываю и по всему вижу, что васъ повели на самый опасный путь . . . вы хотите распустить Думу, я уже тогда не предсѣдатель, и къ вамъ больше не пріѣду. Что еще хуже, я васъ предупреждаю, я убѣжденъ, что не пройдетъ трехъ недѣль, какъ вспыхнетъ такая революція, которая смететъ васъ, и вы уже не будете царствовать».

«Откуда вы это берете?»

«Изъ всѣхъ обстоятельствъ, какъ они складываются. Нельзя такъ шутить съ народнымъ самолюбіемъ, съ народной волей, съ народнымъ самосознаніемъ, какъ шутятъ тѣ лица, которыхъ вы ставите. Нельзя ставить во главу угла всякихъ Распутиныхъ. Вы, государь, пожнете то, что посѣяли». — «Ну, Богъ дастъ». — «Богъ ничего не дастъ, вы и ваше правительство все испортили, революція неминуема».

На слѣдующій день, или черезъ день, у царя былъ Н. Маклаковъ, вызванный Протопоповымъ изъ деревни въ началѣ февраля; Протопоповъ сказалъ Маклакову, что царь поручаетъ ему написать проектъ манифеста на случай, если ему будетъ угодно остановиться не на перерывѣ, а на роспускѣ Думы. Маклаковъ составилъ проектъ, основная мысль котораго заключалась въ обвиненіи личнаго состава Думы: она не сдѣлала первостепеннаго съ точки зрѣнія царя, не увеличила содержанія чиновничеству и духовенству; въ то время, когда всѣмъ надо быть воедино, идетъ борьба съ властью. Поэтому Государственная Дума распускается и новые выборы назначаются на 15 ноября 1917 года. Манифестъ кончается призывомъ царя ко всѣмъ вѣрнымъ — соединиться съ нимъ и вмѣстѣ послужить Россіи.

Этотъ проектъ Маклаковъ и свезъ царю лично, вмѣстѣ со слѣдующимъ письмомъ, помѣченнымъ 9 февраля:

«Ваше Императорское Величество, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ вчера вечеромъ передалъ мнѣ о повелѣніи Вашего Величества написать проектъ манифеста о роспускѣ Государственной Думы. Дозвольте принести мнѣ Вамъ, Государь, мою горячую вѣрноподданнѣйшую благодарность за то, что Вамъ угодно было вспомнить обо мнѣ. Быть Вамъ полезнымъ — всегда такая радость для меня; быть Вамъ нужнымъ именно въ этомъ дѣлѣ — по истинѣ великое счастье. Да поможетъ мнѣ Господь найти надлежащія слова для выраженія этого благо-

славляемаго мною взмаха Царской воли, который, какъ ударъ соборнаго колокола, заставитъ перекреститься всю вѣрную Россію и собраться на молитву службы Родины со страхомъ Божьимъ, съ вѣрою въ нее и съ благословеніемъ передъ Царскимъ призывомъ. Мы обсудимъ внимательно, со всѣхъ сторонъ проектъ манифеста съ Протопоповымъ, и тогда позвольте мнѣ испросить у Вашего Величества счастье лично представить его на Ваше милостивое благовоззрѣніе. Но я теперь же дерзаю высказать свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что надо, не теряя ни минуты, крѣпко обдумать весь планъ дальнѣйшихъ дѣйствій правительственной власти для того, чтобы встрѣтить всѣ временныя осложненія, на которыя Дума и союзы несомнѣнно толкнутъ часть населенія въ связи съ роспускомъ Государственной Думы, подготовленнымъ, увѣреннымъ въ себѣ, спокойнымъ и неколеблющимся. Это должно быть дѣломъ всего Совѣта Министровъ, и Министра Внутреннихъ Дѣлъ нельзя оставить одного въ одиночествѣ со всей той Россіей, которая сбита съ толку. Власть болѣе, чѣмъ когда либо, должна быть сосредоточена, убѣждена, скована единой цѣлью возстановить государственный порядокъ, чего бы то ни стоило, и быть увѣренной въ побѣдѣ надъ внутреннимъ врагомъ, который давно становится и опаснѣе и ожесточеннѣе и наглѣе врага внѣшняго. «Смѣлымъ Богъ владѣетъ», Государь. Да благословитъ Господь Вашу рѣшимость и да направитъ Онъ Ваши шаги на счастье Россіи и Вашей славѣ. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Н. Маклаковъ». — Царь, торопившійся куда-то, велѣлъ Маклакову оставить письмо и сказалъ, что посмотритъ.

Между тѣмъ, у Голицына, по обычаю, укоренившемуся съ Горемыкинскихъ временъ, были уже заранѣе заготовлены и подписаны царемъ указы Сенату, какъ о перерывѣ, такъ и роспускѣ Думы. Текстъ указа о роспускѣ былъ слѣдующій:

«На основаніи статьи 105 Основныхъ Государственныхъ Законовъ Повелѣваемъ: Государственную Думу распустить съ назначеніемъ времени созыва вновь избранной Думы на (пропускъ числа, мѣсяца и года).

О времени производства новыхъ выборовъ въ Государственную Думу послѣдуютъ отъ насъ особыя указанія.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

Николай».

Этотъ указъ былъ испрошенъ еще Штюрмеромъ предъ 1 ноября; потомъ онъ былъ въ рукахъ у Трепова и, наконецъ, перешелъ къ Голицыну, которому царь сказалъ: «Держите у себя, а когда нужно будетъ, используйте». Голицынъ передъ 14 февраля показывалъ бланкъ Ладыженскому, который, по его словамъ, убѣдилъ Голицына, что это будетъ нарушеніемъ основныхъ законовъ, съ чѣмъ Голицынъ согласился.

14 февраля открылись засѣданія Государственной Думы. Родзянко указалъ наканунѣ, въ бесѣдѣ съ журналистами, на вредъ уличныхъ выступленій и на «патріотическое» настроеніе рабочихъ. Въ засѣданіи, гдѣ присутствовалъ Голицынъ, Риттихъ, Шаховской, Кригеръ-Войновской и союзные послы, обширное разъясненіе далъ Риттихъ, разсмотрѣніе его разъясненій было отложено; большія рѣчи по общей политикѣ произнесли Чхеидзе, Пуришкевичъ и Ефремовъ. Газеты констатировали, что первый день Думы кажется блѣднымъ, сравнительно съ общимъ настроеніемъ страны.

Открытіе Государственнаго Совѣта ознаменовалось инцидентомъ: Щегловитовъ не далъ Д. Д. Гримму сдѣлать внѣочередное заявленіе, послѣ чего залъ

засѣданія покинула вся лѣвая группа, часть группы центра и нѣкоторые безпартійные.

Обыватели нѣсколько опасались съ утра выходить на улицу, но въ центрѣ города день прошелъ спокойно. По донесенію охраннаго отдѣленія бастовало 58 предпріятій — съ 89.576 рабочими, были отдѣльныя выступленія (на Петергофскомъ шоссе — съ красными флагами), попытки собраться у Таврическаго Дворца, подавленныя полиціей, и сходки въ университетѣ и политехникумѣ.

15 февраля въ засѣданіи Государственной Думы произнесли по общей политикѣ рѣчи Милюковъ и Керенскій. «Кто то изъ министровъ или служащихъ канцеляріи» доложилъ кн. Голицыну, что рѣчь Керенскаго чуть ли не призывала къ цареубійству. Голицынъ попросилъ у Родзянки нецензурованную стенограмму рѣчи, въ чемъ Родзянко ему отказалъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, по его словамъ, не настаивалъ, и «былъ очень радъ», что Керенскій не произнесъ слова о цареубійствѣ, ибо «въ противномъ случаѣ онъ счелъ бы своимъ долгомъ передать депутата судебной власти».

Въ этотъ день бастовало только 20 предпріятій съ 24.840 рабочими, на Московскомъ шоссе появлялся красный флагъ, и въ университетъ, гдѣ была сходка, вводили полицію. Въ слѣдующіе дни забастовки пошли на убыль, и до 23 февраля были только отдѣльные невыходы на работу и предъявленіе требованій со стороны рабочихъ.

III

Переворотъ

Послѣдовательный ходъ событій съ начала революціи (23 февраля) до отреченія Михаила Александровича (3 марта) — въ Петербургѣ, Царскомъ Селѣ, Могилевѣ, (Ставкѣ), Москвѣ, по пути слѣдованія императорскаго поѣзда изъ Могилева въ Псковъ и поѣзда съ отрядомъ генерала Иванова изъ Могилева въ Царское Село и обратно, и въ Псковѣ

22 февраля — въ среду — царь выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Ставку, въ Могилевъ. «Этотъ отъѣздъ, пишетъ Дубенскій, былъ неожиданный; многіе думали, что государь не оставитъ императрицу въ эти тревожные дни. Вчера прибывшій изъ Ялты генералъ Спиридовичъ говорилъ, что слухи идутъ о намѣреніи убить Вырубову и даже Александру Федоровну, что ничего не дѣлается, дабы измѣнить настроеніе въ царской семьѣ, и эти слова вѣрны».

Разговоры объ отвѣтственномъ министерствѣ уже были; Дубенскій предполагаетъ, что произошло нѣчто, и царь вызвалъ Алексѣева. Царь уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы вернуться 1 марта.

Въ четвергъ, 23 февраля, въ Петербургѣ начались волненія. Въ разныхъ частяхъ города народъ собирался съ криками «хлѣба». Появились красныя знамена съ революціонными надписями. Бастовало отъ 43 до 50 предпріятій, т. е. отъ 78.500 до 87.500 рабочихъ. За порядкомъ слѣдила еще полиція, но вызывались уже и воинскіе наряды.

Протопоповъ просилъ Хабалова выпустить воззваніе къ населенію о томъ, что хлѣба хватитъ.

Хабаловъ пригласилъ пекарей и сказалъ имъ, что волненія вызваны не столько недостаткомъ хлѣба, сколько провокаціей; послѣдній выводъ онъ сдѣлалъ изъ донесенія охраннаго отдѣленія объ арестѣ рабочей группы.

Запасы города и уполномоченнаго достигали 500.000 пудовъ ржаной и пшеничной муки, чего, при желательномъ отпускѣ въ 40.000 пудовъ, хватило бы дней на 10—12. Хабаловъ потребовалъ отъ Вейса, чтобы онъ увеличилъ отпускъ муки. Вейсъ возражалъ, что надо быть осторожнымъ, и доложилъ, что лично видѣлъ достаточные запасы муки въ пяти лавкахъ на Самсоніевскомъ проспектѣ. Генералъ для порученій Перцовъ, посланный Хабаловымъ, доложилъ, что и въ лавкахъ на Гороховой мука есть.

Въ засѣданіи Государственной Думы изъ членовъ правительства присутствовали Риттихъ и Рейнъ. Впервые появился депутатъ Марковъ 2-й. Происходили пренія по продовольственному вопросу, предсѣдатель огласилъ письмо Рейна о снятіи имъ законопроекта объ образованіи вѣдомства государственнаго здравоохраненія. Соціалъ-демократы и трудовики внесли запросъ о расчетѣ рабочихъ на нѣкоторыхъ заводахъ.

День въ Могилевѣ прошелъ спокойно.

Въ пятницу, 24 февраля, появилось объявленіе Хабалова: «За послѣдніе дни отпускъ муки въ пекарни для выпечки хлѣба въ Петроградѣ производится въ томъ же количествѣ, какъ и прежде. Недостатка хлѣба въ продажѣ не должно быть. Если же въ нѣкоторыхъ лавкахъ хлѣба инымъ не хватило, то потому, что многіе, опасаясь недостатка хлѣба, покупали его въ запасъ на сухари. Ржаная мука имѣется въ Петроградѣ въ достаточномъ количествѣ. Подвозъ этой муки идетъ непрерывно».

По словамъ Балка, съ 11 час. дня всѣ распорядительныя функціи по подавленію безпорядковъ перешли къ Хабалову и начальникамъ районовъ, которымъ подчинялась вся полиція.

Къ Хабалову явилась депутація отъ мелкихъ пекаренъ съ жалобами на то, что изъ-за объявленія на нихъ валятъ, будто они прячутъ муку; у нихъ же мало муки, и рабочіе забраны на военную службу. Хабаловъ приказалъ немедленно переслать ихъ прошеніе о 1.500 рабочихъ въ отдѣлъ главнаго управленія генеральнаго штаба по отсрочкамъ. Послѣ этого къ Хабалову явилась депутація отъ общества фабрикантовъ; они просили увеличить отпускъ муки для фабрикъ и дать муку отъ интендантства. Окружной интендантъ на запросъ Хабалова сказалъ, что у него на довольствіи 180.000 нижнихъ чиновъ, но удѣлилъ для фабрикъ до 3.000 п.

Въ городѣ бастовало уже отъ 158.500 до 197.000 рабочихъ. Толпы народа, въ теченіе всего дня, усиленно разгонялись полиціей, пѣхотными и кавалерійскими частями. На мостахъ стояли заставы, толпа съ Выборгской стороны шла по льду. Бѣляевъ посовѣтовалъ Хабалову стрѣлять по переходящимъ Неву, но такъ, чтобы пули ложились впереди нихъ. Хабаловъ не отдалъ такого приказа, считая его безцѣльнымъ.

Однако, были отдѣльные случаи стрѣльбы. Между прочимъ, въ 3 часа дня на Знаменскую площадь прорвалась толпа, впереди которой ѣхало до полусотни казаковъ разсыпнымъ строемъ. 15 конныхъ городовыхъ были прогнаны визгомъ, свистомъ, полѣньями, камнями и осколками льда; начался митингъ у памятника Александру III. Среди криковъ «да здравствуетъ республика», «долой полицію», раздавалось «ура» по адресу присутствующихъ казаковъ, которые отвѣчали народу поклонами.

Родзянко объѣхалъ утромъ городъ вмѣстѣ съ Риттихомъ, посѣтилъ Голицына и Бѣляева, котораго просилъ организовать совѣщаніе для передачи продовольствія городу.

Въ засѣданіи Государственной Думы, гдѣ продолжались пренія о продовольсвіи, настроеніе было тревожное. Въ перерывѣ происходило совѣщаніе совѣта старѣйшинъ.

Хабаловъ созвалъ у себя въ квартирѣ совѣщаніе, на которомъ присутствовали городской голова Леляновъ, его товарищъ Демкинъ, уполномоченный по Петербургу Вейсъ, градоначальникъ Балкъ, командующій войсками полковникъ Павленковъ, начальникъ охраннаго отдѣленія Глобачевъ и жандармскаго отдѣленія Клыковъ, а также, кажется, Протопоповъ и Васильевъ. Обсуждали вопросъ о мѣрахъ къ прекращенію безпорядковъ. Рѣшили, во-первыхъ, слѣдить за болѣе правильнымъ распредѣленіемъ муки по пекарнямъ, причемъ Хабаловъ предложилъ Лелянову возложить эту обязанность на городскія попечительства о бѣдныхъ и на торговыя и санитарныя попечительства; во-вторыхъ, рѣшили въ ночь на 25-ое произвести обыски и арестовать уже намѣченныхъ охраннымъ отдѣленіемъ революціонеровъ, причемъ Глобачевъ указалъ, что назначено собраніе въ бывшемъ помѣщеніи рабочей группы; въ третьихъ, рѣшили вызвать запасную кавалерійскую часть въ помощь казакамъ перваго Донского полка, которые вяло разгоняли толпу; у нихъ не оказывалось нагаекъ; несмотря на то, что 23-го и 24-го было избито уже 28 полицейскихъ, Хабаловъ не хотѣлъ прибѣгать къ стрѣльбѣ.

Въ 1 часъ дня Голицынъ выѣхалъ въ засѣданіе Совѣта Министровъ, какъ обыкновенно, по Караванной, и ничего не замѣтилъ на улицахъ. Засѣданіе было дѣловое, о безпорядкахъ никто не говорилъ. Въ 6 часовъ вечера возвратиться на Моховую тѣмъ путемъ было уже нельзя, и Голицынъ поѣхалъ кругомъ.

Въ экстренномъ совѣщаніи въ Маріинскомъ Дворцѣ, при участіи предсѣдателей Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и Совѣта Министровъ, рѣшено было передать продовольственное дѣло городскому управленію.

Предсѣдатель военно-цензурной комиссіи генералъ Адабашъ написалъ докладъ Бѣляеву о томъ, что, по приказанію Хабалова, имъ сдѣлано распоряженіе не допускать въ газеты рѣчей Родичева, Чхеидзе и Керенскаго, произнесенныхъ въ Государственной Думѣ 24 февраля. Бѣляевъ положилъ на докладъ резолюцію: «печатать въ газетахъ рѣчи депутатовъ Родичева, Чхеидзе и Керенскаго завтра нельзя. Но прошу не допускать бѣлыхъ мѣстъ въ газетахъ, а равно и какихъ либо замѣтокъ по поводу этихъ рѣчей».

Дубенскій записывалъ въ Ставкѣ: «Тихая жизнь началась здѣсь. Все будетъ по старому. Отъ Него (отъ царя) ничего не будетъ. Могутъ быть только случайныя, внѣшнія причины, кои заставятъ что либо измѣниться . . . Въ Петроградѣ были голодные безпорядки, рабочіе патроннаго завода вышли на Литейный и двинулись къ Невскому, но были разогнаны казаками».

Далѣе записано, что получены свѣдѣнія о томъ, что Алексѣй, Ольга и Татьяна болѣли корью, и что царя безпокоитъ доставка продовольствія на фронтъ: «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продовольствія получено на 3 дня. Къ тому же, получились заносы у Казатина и продвинуть поѣзда сейчасъ невозможно».

Въ Царскомъ Селѣ заболѣли корью царскія дѣти и Вырубова. Тѣмъ не менѣе, императрица принимала во дворцѣ пословъ и посланниковъ.

Въ субботу, 25 февраля, Хабаловъ объявилъ, что, если со вторника, 28 февраля, рабочіе не приступятъ къ работамъ, то всѣ новобранцы досрочныхъ призывовъ 1917, 1918, и 1919 годовъ, пользующіеся отсрочками, будутъ призваны въ войска; утреннія газеты вышли не всѣ, вечернія вовсе не вышли.

Былъ убитъ приставъ; ранены полицiймейстеръ и нѣсколько другихъ полицейскихъ чиновъ. Въ жандармовъ бросали ручныя гранаты, петарды и бутылки. Войска проявляли пассивность, а иногда и нетерпимость въ отношенiи дѣйствiй полицiи. Бастовало до 240.000 рабочихъ. Въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ были сходки и забастовки.

Въ девятомъ часу вечера у часовни Гостинаго Двора стрѣляли изъ револьвера въ кавалерiйскiй отрядъ, который спѣшился и открылъ огонь по толпѣ, при чемъ оказались убитые и раненые. Въ этотъ день военный министръ все еще рекомендовалъ Хабалову избѣгать, гдѣ можно, открытiя огня, говоря: «Ужасное впечатлѣнiе произведетъ на нашихъ союзниковъ, когда разойдется толпа, и на Невскомъ будутъ трупы».

Хабаловъ и Павленковъ провели весь день въ квартирѣ градоначальника. Въ 4 часа 40 минутъ Хабаловъ послалъ въ Ставку Наштаверху секретную шифрованную телеграмму (№ 2813—486): «Доношу, что 23 и 24 февраля вслѣдствiе недостатка хлѣба на многихъ заводахъ возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысячъ рабочихъ, которые насильственно снимали работавшихъ. Движенiе трамвая рабочими было прекращено. Въ серединѣ дня 23 и 24 февраля часть рабочихъ прорвалась къ Невскому, откуда была разогнана. Насильственныя дѣйствiя выразились разбитiемъ стеколъ въ нѣсколькихъ лавкахъ и трамваяхъ. Оружiе войсками не употреблялось, четыре чина полицiи получили неопасныя пораненiя. Сегодня 25 февраля попытки рабочихъ проникнуть на Невскiй успѣшно парализуются, прорвавшаяся часть разгоняется казаками, утромъ полицiймейстеру выборгскаго района сломали руку и нанесли въ голову рану тупымъ орудiемъ. Около трехъ часовъ дня на Знаменской площади убитъ при разсѣянiи толпы приставъ Крыловъ. Толпа разсѣяна. Въ подавленiи безпорядковъ, кромѣ петроградскаго гарнизона, принимаютъ участiе пять эскадроновъ 9 запаснаго кавалерiйскаго полка изъ Краснаго Села, сотня лейбъ-гвардiи сводно-казачьяго полка изъ Павловска и вызвано въ Петроградъ пять эскадроновъ гвардейскаго запаснаго кавалерiйскаго полка. Хабаловъ».

Протопоповъ со своей стороны телеграфировалъ Воейкову: «Внезапно распространившiеся въ Петроградѣ слухи о предстоящемъ якобы ограниченiи суточнаго отпуска выпекаемаго хлѣба взрослымъ по фунту, малолѣтнимъ половинномъ размѣрѣ вызвали усиленную закупку публикой хлѣба, очевидно, въ запасъ, почему части населенiя хлѣба не хватило. На этой почвѣ двадцать третьяго февраля вспыхнула въ столицѣ забастовка, сопровождающаяся уличными безпорядками. Первый день бастовало около 90 тысячъ рабочихъ, — второй — до 160 тысячъ, сегодня около 200 тысячъ. Уличные безпорядки выражаются въ демонстративныхъ шествiяхъ частью съ красными флагами, разгромѣ нѣкоторыхъ пунктахъ лавокъ, частичномъ прекращенiи забастовщиками трамвайнаго движенiя, столкновенiяхъ полицiей. 23 февраля ранены 2 помощника пристава, сегодня утромъ на Выборгской сторонѣ толпой снятъ съ лошади и избитъ полицiймейстеръ полковникъ Шалфеевъ, въ виду чего полицiей произведено нѣсколько выстрѣловъ въ направленiи толпы, откуда послѣдовали отвѣтные выстрѣлы. Сегодня днемъ болѣе серьезные безпорядки происходили около памятника Императору Александру III, на Знаменской площади, гдѣ убитъ приставъ Крыловъ. Движенiе носитъ неорганизованный стихiйный характеръ, наряду съ эксцессами противоправительственнаго свойства буйствующiе мѣстами привѣтствуютъ войска. Прекращенiю дальнѣйшихъ безпорядковъ принимаются энергичныя мѣры военнымъ начальствомъ. Москвѣ спокойно. М. В. Д. Протоповъ».

Около 9 часовъ вечера Хабаловъ получилъ напечатанную на Юзѣ и переданную по прямому проводу въ генеральный штабъ телеграмму: «Повелѣваю завтра же прекратить въ столицѣ безпорядки, недопустимые въ тяжелое время войны съ Германіей и Австріей. Николай».

Часовъ въ 10 собрались начальники участковъ, командиры запасныхъ частей, которымъ Хабаловъ прочелъ телеграмму и сказалъ, что должно быть примѣнено послѣднее средство: если толпа агрессивна, дѣйствовать по уставу, т. е. открывать огонь послѣ троекратнаго сигнала; въ остальныхъ случаяхъ — продолжать дѣйствовать кавалеріей.

Хабалова царская телеграмма «хватила обухомъ». Онъ такъ разстроился, что когда вечеромъ къ нему позвонилъ Леляновъ, онъ сказалъ ему: «Вы выдумали какой то незаконный проектъ, совершенно несогласный съ городскимъ положеніемъ, я не могу на это согласиться». Дѣло въ томъ, что заѣзжавшій днемъ Протопоповъ сообщилъ, что «городъ выдумалъ какой то революціонный проектъ съ продовольствіемъ».

Весь день происходили засѣданія думскихъ фракцій, бюро блока, центральнаго бюро военно-промышленнаго комитета.

Вечернее засѣданіе Городской Думы, гдѣ разсматривался вопросъ о введеніи хлѣбныхъ карточекъ, по докладу охраннаго отдѣленія, «вскорѣ приняло характеръ памятныхъ по 1905 году революціонныхъ митинговъ». На собраніи говорили сенаторъ Ивановъ, члены Государственной Думы Шингаревъ и Керенскій, представители рабочихъ; ждали Родзянко, но онъ не могъ пріѣхать, будучи занятъ въ Государственной Думѣ, гдѣ разбирался законопроектъ о расширеніи правъ городскихъ самоуправленій въ области продовольствія.

Въ ночь на 26 февраля «было арестовано около 100 членовъ революціонныхъ организацій, въ томъ числѣ 5 членовъ Петроградскаго Комитета Россійской Соціалъ-Демократической Партіи». На собраніи въ помѣщеніи Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета «были арестованы два члена Рабочей Группы, избѣгнувшіе задержанія во время ликвидаціи въ минувшемъ январѣ мѣсяцѣ этой преступной группы».

Родзянко былъ у Голицына и просилъ его выйти въ отставку. Голицынъ въ отвѣтъ указалъ папку на столѣ, въ которой лежалъ указъ о роспускѣ Думы, и просилъ устроить совѣщаніе лидеровъ фракцій, чтобы столковаться.

Въ 12 часовъ ночи началось совѣщаніе министровъ въ квартирѣ Голицына. Рѣчь шла о томъ, что въ понедѣльникъ въ Государственной Думѣ предполагается рядъ выступленій, которыя могутъ заставить правительство закрыть Думу. Риттихъ говорилъ о томъ, что Кабинетъ не можетъ поладить съ Думой, потому что Дума не хочетъ ладить съ нимъ. Покровскій говорилъ, что съ Думой работать нужно, и ея требованія должны быть приняты. Оба министра, а также Кригеръ-Войновскій, въ разныхъ выраженіяхъ говорили о томъ, что Кабинету придется уйти. Всѣ, кромѣ Протопопова, Добровольскаго и Раева, были противъ роспуска Думы. Протопоповъ разсказывалъ объ уличныхъ событіяхъ и находилъ, что безпорядки слѣдуетъ прекратить вооруженной силой. Приглашенный на совѣщаніе Хабаловъ доложилъ о событіяхъ дня, о принятыхъ имъ мѣрахъ, о планѣ охраны города и о полученной имъ отъ царя телеграммѣ. Бѣляевъ, Добровольскій и Риттихъ высказались, что безпорядкамъ должна быть противопоставлена сила. Тутъ же, по телефону изъ Городской Думы, узнали, что отдано распоряженіе объ арестѣ Рабочей Группы, причемъ всѣ удивились, почему Протопоповъ въ такую минуту не справился съ мнѣніемъ Совѣта

Министровъ. Вызванные Васильевъ и Глобачевъ объяснили, что полиція застала публичное собраніе человѣкъ въ 50, задержала всѣхъ для выясненія личности и арестовала только двухъ, уже привлеченныхъ къ слѣдствію по 102 статьѣ.

Въ этомъ совѣщаніи уже поднимался вопросъ о введеніи осаднаго положенія. Хабаловъ протестовалъ на томъ основаніи, что по послѣднему положенію командующій войсками округа пользовался правами командующаго арміями, равными правамъ командира осажденной крѣпости. Нѣкоторые изъ министровъ настаивали на введеніи осаднаго положенія, потому что, съ объявленіемъ его, прекращаются всѣ собранія, въ томъ числѣ и засѣданія Государственной Думы и даже ея комиссіи. Покровскій возражалъ, что это — вопросъ спорный.

Рѣшено было просить предсѣдателя и членовъ Думы употребить свой престижъ для успокоенія толпы; рѣшено, что Родзянко поѣдетъ къ Голицыну, а Покровскій и Риттихъ войдутъ въ переговоры съ нѣкоторыми лидерами партій (называли Милюкова и Савича).

Голицынъ указалъ, что въ стремленіяхъ на пути къ соглашенію не слѣдуетъ забывать того, что нѣкоторые министры должны будутъ собой пожертвовать: онъ намекалъ на Протопопова. Хабаловъ произвелъ на Голицына впечатлѣніе «очень не энергичнаго и мало свѣдующаго тяжелодума», а докладъ его показался Голицыну «сумбуромъ». Въ этотъ вечеръ онъ просилъ у Хабалова охраны и впослѣдствіи жаловался на то, что не видѣлъ ея, хотя Хабаловъ послалъ роту, которая «закупорила Моховую».

Министры разошлись въ 4 часа ночи, рѣшивъ опять сойтись въ воскресенье въ $8^1/_2$ часовъ. Журналовъ совѣщаній въ эти дни не велось, хотя на всѣхъ совѣщаніяхъ присутствовалъ Ладыженскій.

Жизнь Ставки текла попрежнему однообразно: въ $9^1/_2$ часовъ царь выходилъ въ штабъ, до $12^1/_2$ проводилъ время съ Алексѣевымъ, послѣ этого часъ продолжался завтракъ, потомъ была прогулка на моторахъ, въ 5 часовъ пили чай и приходила петербургская почта, которой царь занимался до обѣда въ $7^1/_2$ часовъ.

Вѣроятно, въ этотъ день между 5 и 7 часами, въ виду тревожныхъ слуховъ отъ пріѣзжающихъ изъ Петербурга («Асторія занята», и т. д.) къ царю «прибѣгалъ» Алексѣевъ. Кромѣ того, царь получилъ двѣ телеграммы отъ Александры Федоровны. Въ одной говорилось, что въ «городѣ пока спокойно», а въ вечерней уже, что «совсѣмъ нехорошо въ городѣ».

Послѣ обѣда съ $8^1/_2$ часовъ царь занимался у себя въ кабинетѣ, а въ $11^1/_2$ пили вечерній чай, и царь съ лицами ближайшей свиты уходилъ къ себѣ.

Дубенскій записалъ въ дневникѣ 25-го: «Изъ Петрограда — тревожныя свѣдѣнія; голодные рабочіе требуютъ хлѣба, ихъ разгоняютъ казаки; забастовали фабрики и заводы; Государственная Дума засѣдаетъ очень шумно; соціалъ-демократы Керенскій и Скобелевъ взываютъ къ ниспроверженію самодержавной власти, а власти нѣтъ. Вопросъ о продовольствіи стоитъ очень плохо . . ., оттого и являются голодные бунты. Плохо очень съ топливомъ . . ., поэтому становятся заводы, даже тѣ, которые работаютъ на оборону. Государь, какъ будто, встревоженъ, хотя сегодня по виду былъ веселъ. Эти дни онъ ходитъ въ казачьей кавказской формѣ, вечеромъ былъ у всенощной и шелъ туда и обратно безъ пальто».

Въ воскресенье, 26 февраля, войска, какъ обыкновенно, заняли всѣ посты, положенные по росписанію; Хабаловъ объявилъ, что для водворенія порядка

войска прибѣгнуть къ оружію (всѣ министры наканунѣ согласились на такое объявленіе).

Въ этотъ день войскамъ пришлось стрѣлять въ народъ въ разныхъ мѣстахъ, и холостыми, и боевыми патронами.

Въ донесеніяхъ за день отмѣчено: «промышленныя предпріятія сего числа, по случаю праздничнаго дня, были закрыты». «Во время безпорядковъ наблюдалось, какъ общее явленіе, крайне вызывающее отношеніе буйствовавшихъ скопищъ къ воинскимъ нарядамъ, въ которые толпа, въ отвѣтъ на предложеніе разойтись, бросала каменьями и комьями сколотаго съ улицъ льда. При предварительной стрѣльбѣ войсками вверхъ, толпа не только не разсѣивалась, но подобные залпы встрѣчала смѣхомъ. Лишь по примѣненіи стрѣльбы боевыми патронами въ гущу толпы оказывалось возможнымъ разсѣивать скопища, участники коихъ, однако, въ большинствѣ прятались во дворы ближайшихъ домовъ и, по прекращеніи стрѣльбы, вновь выходили на улицу».

Вечеромъ, охранное отдѣленіе предполагало арестовать собраніе, которое должно было быть въ домѣ Елисѣева на Невскомъ «съ участіемъ члена Государственной Думы Керенскаго и присяжнаго повѣреннаго Соколова, для обсужденія вопроса о наилучшемъ использованіи въ революціонныхъ цѣляхъ возникшихъ безпорядковъ и дальнѣйшемъ планомѣрномъ руководительствѣ таковыми».

Родзянко утромъ поѣхалъ къ Риттиху, вытащилъ его изъ кровати и повезъ къ Бѣляеву. Онъ видѣлъ, какъ рабочіе шли лавой по льду черезъ Неву, такъ какъ на мосты ихъ не пускали.

Родзянко обратился по телефону къ Хабалову, который сидѣлъ въ зданіи градоначальства, уже не дѣлая никакихъ распоряженій о раздачѣ хлѣба; Родзянко спрашивалъ его, «зачѣмъ кровь», и убѣждалъ, что гранату на Невскомъ бросилъ городовой. Хабаловъ сказалъ, что войска не могутъ быть мишенью и должны отвѣчать на нападеніе, но на высочайшую телеграмму не сослался.

Родзянко звонилъ также къ Бѣляеву, совѣтуя ему разсредоточивать толпу при помощи пожарныхъ. Бѣляевъ снесся съ Хабаловымъ, который отвѣтилъ, что существуетъ распоряженіе ни въ какомъ случаѣ не вызывать пожарныя части для прекращенія безпорядковъ, и что обливаніе водой только возбуждаетъ, то-есть приводитъ къ обратному дѣйствію.

Родзянко телеграфировалъ царю: «Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общественное недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца».

Копіи этой телеграммы были разосланы командующимъ съ просьбою поддержать передъ царемъ обращеніе предсѣдателя Думы. Отвѣтили Брусиловъ: «Вашу телеграмму получилъ. Свой долгъ передъ родиной и царемъ исполнилъ» — и Рузскій: «Телеграмму получилъ. Порученіе исполнено».

Царь, по разсказу Фредерикса, получивъ эту телеграмму, или слѣдующую за ней (отъ 27 февраля), сказалъ Фредериксу: «Опять этотъ толстякъ Родзянко мнѣ написалъ разный вздоръ, на который я ему не буду даже отвѣчать».

Хабаловъ телеграфировалъ Наштаверху въ Ставку (№ 2899—3713). «Доношу, что въ теченіе второй половины 25 февраля толпы рабочихъ, собиравшіяся на Знаменской площади и у Казанскаго Собора, были неоднократно разгоняемы полиціей и воинскими частями. Около 17 часовъ у Гостиннаго Двора демонстранты запѣли революціонныя пѣсни и выкинули красные флаги съ надписями долой войну, на предупрежденіе, что противъ нихъ будетъ примѣнено оружіе, изъ толпы раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, однимъ изъ коихъ былъ раненъ въ голову рядовой 9 запаснаго кавалерійскаго полка. Взводъ драгунъ спѣшился и открылъ огонь по толпѣ, причемъ убито трое и ранено десять человѣкъ. Толпа мгновенно разсѣялась. Около 18 часовъ въ нарядъ конныхъ жандармовъ была брошена граната, которой раненъ одинъ жандармъ и лошадь. Вечеръ прошелъ относительно спокойно. 25 февраля бастовало двѣсти сорокъ тысячъ рабочихъ. Мною выпущено объявленіе, воспрещающее скопленіе народа на улицахъ и подтверждающее населенію, что всякое проявленіе безпорядка будетъ подавляться силою оружія. Сегодня 26 февраля съ утра въ городѣ спокойно. Хабаловъ».

Около 4-хъ часовъ дня Хабалову доложили, что четвертая рота запаснаго батальона Павловскаго полка, расквартированная въ зданіяхъ конюшеннаго вѣдомства, выбѣжала съ криками на площадь, стрѣляя въ воздухъ около храма Воскресенія, и при ней находятся только два офицера; рота требовала увода въ казармы остальныхъ и прекращенія стрѣльбы, а сама стрѣляла по взводу конно-полицейской стражи.

Хабаловъ приказалъ командиру и полковому священнику принять мѣры къ увѣщанію, устыдить роту, привести ее къ присягѣ на вѣрность и водворить въ казармы, отобравъ оружіе. Послѣ увѣщаній батальоннаго командира, солдаты дѣйствительно помаленьку сдали винтовки, но 21 человѣка съ винтовками не досчитались.

Бѣляевъ требовалъ немедленно военно-полевого суда, но прокуроръ военно-полевого суда Мендель посовѣтовалъ Хабалову сначала произвести дознаніе. Хабаловъ приказалъ, чтобы самъ батальонъ выдалъ зачинщиковъ и назначилъ слѣдственную комиссію изъ пяти членовъ съ генераломъ Хлѣбниковымъ во главѣ. Батальонное начальство выдало 19 главныхъ виновниковъ, которыхъ и препроводили въ крѣпость, какъ подлежащихъ суду, такъ какъ комендантъ крѣпости Николаевъ сообщилъ, что арестныхъ помѣщеній для всей роты (1.500 человѣкъ) у него нѣтъ.

Среди этого «котла» событій, по выраженію Хабалова, онъ нѣсколько разъ доносилъ въ Ставку, что безпорядки продолжаются и приказаній его величества онъ выполнить не можетъ. Ночью стали поступать тревожныя свѣдѣнія о возстаніяхъ въ другихъ войсковыхъ частяхъ, но они пока не оправдывались.

Протопоповъ телеграфировалъ Воейкову: «Сегодня порядокъ въ городѣ не нарушался до четырехъ часовъ дня, когда на Невскомъ проспектѣ стала накапливаться толпа, неподчинившаяся требованіямъ разойтись. Въ виду сего возлѣ Городской Думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, послѣ чего образовавшееся тамъ сборище разсѣялось. Одновременно значительныя скопища образовались на Лиговской улицѣ, Знаменской площади, также на пересѣченіяхъ Невскаго Владимірскимъ проспектомъ и Садовой улицей, причемъ во всѣхъ этихъ пунктахъ толпа вела себя вызывающе, бросая въ войска каменьями, комьями сколотаго на улицахъ льда. Поэтому, когда стрѣльба вверхъ не оказала воздѣйствія на толпу, вызвала лишь насмѣшки надъ

войсками, послѣднія вынуждены были для прекращенія буйства прибѣгнуть къ стрѣльбѣ боевыми патронами по толпѣ, въ результатѣ чего оказались убитые, раненые, большую часть коихъ толпа, разсѣиваясь, уносила съ собой. Началѣ пятаго часа Невскій былъ очищенъ, но отдѣльные участники безпорядковъ, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстрѣливать воинскіе разъѣзды. Войска дѣйствовали ревностно, исключеніе составляетъ самостоятельный выходъ четвертой эвакуированной роты Павловскаго полка. Охраннымъ отдѣленіемъ арестованы запрещенномъ собраніи 50 постороннихъ лицъ въ помѣщеніи Группы Центральнаго Военнаго Комитета и 136 человѣкъ партійныхъ дѣятелей, а также революціонный руководящій коллективъ изъ пяти лицъ. Моему соглашенію командующимъ войсками контроль распредѣленіемъ выпечкою хлѣба также учетомъ использованія муки возлагается на завѣдующаго продовольствіемъ Имперіи Ковалевскаго. Надѣюсь, будетъ польза. Поступили свѣдѣнія, что 27 февраля часть рабочихъ намѣревается приступить къ работамъ. Москвѣ спокойно. М. В. Д. Протопоповъ».

Эта телеграмма была послана 27 февраля въ 4 часа 20 минутъ утра.

Вечеромъ, на частномъ совѣщаніи у Голицына, были приняты двѣ мѣры: перерывъ засѣданій Государственной Думы и введеніе осаднаго положенія въ Петербургѣ (форма послѣдняго распоряженія не обсуждалась).

Родзянко вечеромъ нашелъ у себя въ квартирѣ слѣдующій указъ, уже отпечатанный: «На основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Повелѣваемъ: занятія Государственной Думы прервать съ 26-го февраля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе апрѣля 1917 года, въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе». Такимъ же указомъ были прерваны и занятія Государственнаго Совѣта.

Александра Федоровна заканчивала свою телеграмму, посланную царю въ 11 часовъ 50 минутъ дня, словами: «Очень безпокоюсь относительно города».

Въ Могилевѣ свита была въ тревогѣ, за завтракомъ было мало приглашенныхъ, и царь, всегда любезный, видимо, сдерживался и мало говорилъ. Воейковъ, однако, спокойно далъ коменданту императорскаго поѣзда, полковнику Герарди, отпускъ на нѣсколько дней въ Царское Село. Дубенскій записалъ въ своемъ дневникѣ 26 февраля: «Волненія въ Петроградѣ очень большія, бастуютъ двѣсти тысячъ рабочихъ, не ходятъ трамваи, убитъ приставъ на Знаменской площади. Собралось экстренное засѣданіе въ Маріинскомъ дворцѣ . . . Государственная Дума волнуется, требуя передачи продовольственнаго дѣла во всей Россіи городскому самоуправленію и земству. Князь Голицынъ и всѣ министры согласны. Такимъ образомъ, вся Россія узнаетъ, что голодный народъ будетъ накормленъ распоряженіемъ не царской власти, не царскаго правительства, а общественными организаціями, т. е., правительство совершенно расписалось въ своемъ безсиліи. Какъ не можетъ понять государь, что онъ долженъ проявить свою волю, свою власть? . . Какая это поддержка нашимъ врагамъ — Вильгельму — безпорядки въ Петроградѣ! Какая радость теперь въ Берлинѣ! А при государѣ все то же, многіе понимаютъ ужасъ положенія, но не «тревожатъ» царя».

Въ понедѣльникъ 27 февраля утромъ Родзянко послалъ царю телеграмму: «Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи».

Часовъ въ 7 утра командиръ запаснаго батальона Волынскаго полка передалъ Хабалову по телефону, что учебная команда отказалась выходить, а начальникъ ея или убитъ, или самъ застрѣлился передъ фронтомъ.

Хабаловъ, предписавъ обезоружить и вернуть команду въ казармы, сообщилъ объ этомъ Бѣляеву и поѣхалъ въ домъ градоначальства. Въ теченіе двухъ часовъ, полковникъ Московскаго полка Михайличенко замѣнялъ полковника Павленкова, больного грудной жабой. Въ это утро въ канцелярію градоначальника являлся капитанъ броневой роты, который предлагалъ Хабалову составить 1—2 автомобиля изъ нѣсколькихъ, находящихся въ починкѣ на Путиловскомъ заводѣ. Хабаловъ послалъ его къ завѣдующему броневиками генералу Секретеву и велѣлъ прислать автомобиль, если найдутся надежные офицеры, которыхъ можно туда посадить.

Поступили донесенія, что Волынцы не сдаютъ винтовокъ, къ нимъ присоединяется рота Преображенскаго полка и часть Литовцевъ, и эта вооруженная толпа, соединившись съ рабочими, идетъ по Кирочной, разгромила казармы жандармскаго дивизіона и громитъ помѣщеніе школы прапорщиковъ инженерныхъ войскъ.

Хабаловъ сформировалъ отрядъ изъ 6 ротъ, 15 пулеметовъ и $1^1/_2$ эскадроновъ, всего около 1.000 человѣкъ, и отправилъ его противъ возставшихъ подъ начальствомъ георгіевскаго кавалера полковника Кутепова съ требованіемъ, чтобы они сложили оружіе; въ противномъ случаѣ, было предложено принять рѣшительныя мѣры.

Отрядъ двинутъ, а результатовъ нѣтъ: если онъ дѣйствуетъ, онъ долженъ уже гнать толпу въ уголъ за Таврическій садъ, къ Невѣ. «А тутъ — ни да, ни нѣтъ», говоритъ Хабаловъ.

Казачьи разъѣзды донесли, что Кутеповъ не можетъ продвинуться по Кирочной и Спасской и требуетъ подкрѣпленій.

Брандъ-майоръ Литвиновъ донесъ по телефону, что толпа не даетъ пожарнымъ тушить пожаръ въ зданіи Окружнаго Суда. Около полудня изъ Московскаго полка донесли, что четвертая рота, запиравшая пулеметами Литейный мостъ съ Выборгской стороны, подавлена, остальныя роты стоятъ во дворѣ казармъ, изъ офицеровъ — кто убитъ, а кто — раненъ, и огромныя толпы запружаютъ Сампсоніевскій проспектъ.

Запасныхъ войскъ у Хабалова не было, а наряду съ донесеніями поступали требованія охраны отъ Голицына, съ телефонной станціи, изъ Литовскаго замка, изъ Маріинскаго дворца. Заѣзжалъ Протопоповъ и приставалъ къ Хабалову съ разными предложеніями, по обыкновенію, ни на чемъ реальномъ не основанными.

Часа въ 2—3 Хабаловъ былъ у Голицына. Послѣдній былъ уже оповѣщенъ съ утра Бѣляевымъ, который въ это утро приказалъ начальнику Генеральнаго Штаба генералу Занкевичу доложить, что нужно для объявленія осаднаго положенія, и, получивъ отвѣтъ, что для этого требуется высочайшее повелѣніе, сказалъ: «Считайте, что оно уже послѣдовало». Бѣляевъ предлагалъ Голицыну сейчасъ же обсудить дальнѣйшія мѣры, но прошло довольно много времени, какъ пріѣхалъ Хабаловъ, министры были въ сборѣ: онъ произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе: «руки трясутся, равновѣсіе, необходимое для управленія въ такую серьезную минуту, онъ утратилъ», говоритъ Бѣляевъ.

Въ сущности, министры только знакомились съ событіями, взглядовъ же никакихъ не высказывали. Всѣ были особенно нервны. Докладывали Хабаловъ

и кое что Протопоповъ. Около 4—5 часовъ рѣшили сойтись въ Маріинскомъ дворцѣ.

Когда опредѣлилось, что пока только Выборгская и Литейная части захвачены возстаніемъ, Хабаловъ рѣшилъ стянуть возможный резервъ на Дворцовой площади, подъ начальствомъ полковника Преображенскаго полка князя Аргутинскаго-Долгорукова. Часть предполагалось послать въ подкрѣпленіе Кутепову, а другую часть — на Петербургскую сторону. Хабаловъ, опасаясь за Пороховые заводы, хотѣлъ оттѣснить возставшихъ къ сѣверу, къ морю.

Выяснилось, что резервъ собрать трудно, нѣкоторыя части можно только удерживать отъ присоединенія къ возставшимъ, а у другихъ нѣтъ патроновъ; не найдя патроновъ въ городѣ, Хабаловъ просилъ по телефону прислать изъ Кронштадта, но комендантъ отвѣтилъ, что самъ опасается за крѣпость. Хабаловъ не зналъ, что и въ окрестностяхъ города вспыхнуло возстаніе: часовъ около 3-хъ дня царскосельскій гарнизонъ грабилъ трактирныя заведенія, встрѣчая маршевые эскадроны, подошедшіе изъ Новгородской губерніи, съ корзинами явствъ и питей. Впрочемъ, сводный гвардейскій полкъ несъ службу и продолжалъ охранять Александровскій дворецъ.

Голицынъ поручилъ Бѣляеву съѣздить въ градоначальство. Тутъ были все «неопытные полковники», и Бѣляевъ, который, по словамъ Балка, былъ «вдумчивъ, спокоенъ и говорилъ мало», позвалъ всѣхъ на совѣщаніе и увидѣлъ «полное отсутствіе идеи и недостаточность инициативы въ распоряженіяхъ». Настроеніе офицеровъ, въ частности Измайловскаго полка, было «ненадежное», они находили нужнымъ вступить въ переговоры съ Родзянко, о чемъ Хабаловъ доложилъ Бѣляеву, которому вовсе не былъ подчиненъ, но котораго въ растерянности своей сталъ слушаться. Въ отвѣтъ на это военный министръ разсердился и приказалъ находившемуся тутъ же генералу Занкевичу вступить въ командованіе всѣми гвардейскими запасными частями (это было около 7 часовъ вечера). Хабаловъ понялъ это такъ, что онъ устраненъ. Между тѣмъ, Занкевичъ былъ данъ ему въ помощь и устранялъ собою только Чебыкина, Павленкова и Михайличенко, такъ же, какъ Ивановъ впослѣдствіи не смѣнилъ Хабалова, а былъ поставленъ надъ нимъ.

Пріѣхавшій въ градоначальство великій князь Кириллъ Владиміровичъ рекомендовалъ Бѣляеву принять энергичныя мѣры, и, прежде всего, смѣнить Протопопова; выражалъ неудовольствіе, что ему не сообщаютъ о событіяхъ и спрашивалъ, что ему дѣлать съ гвардейскимъ экипажемъ, на что Хабаловъ доложилъ, что гвардейскій экипажъ ему не подчиненъ. Кириллъ Владиміровичъ прислалъ къ вечеру двѣ «наиболѣе надежныя» роты учебной команды гвардейскаго экипажа.

Пріѣхавъ въ Маріинскій дворецъ, гдѣ всѣ члены Совѣта Министровъ «ходили растерянные, ожидая ареста», Бѣляевъ доложилъ о Занкевичѣ, а затѣмъ попросилъ Голицына поговорить съ нимъ наединѣ о замѣнѣ Протопопова; такъ какъ смѣнять министра никто, кромѣ императора, не имѣлъ права, рѣшили предложить Протопопову сказаться больнымъ; Бѣляевъ предложилъ замѣнить его главнымъ военнымъ прокуроромъ Макаренко, но предложеніе это было отвергнуто, и генералъ Тяжельниковъ, по приказанію Бѣляева, отпечаталъ приказъ Голицына: «Вслѣдствіе болѣзни министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Протопопова, во временное исполненіе его должности вступитъ его товарищъ по принадлежности». Тогда же, по приказанію Бѣляева, было напечатано «объявленіе Командующаго Войсками Петроградскаго Военнаго

Округа» за подписью Хабалова: «По Высочайшему повелѣнію городъ Петроградъ съ 27 сего февраля объявляется на осадномъ положеніи». Объявленіе было напечатано въ количествѣ около 1.000 экземпляровъ, подлинникъ былъ написанъ карандашомъ. Печаталось оно въ Адмиралтействѣ, такъ какъ типографія градоначальства уже не была въ распоряженіи стараго правительства, о чемъ доложилъ Балкъ.

Голицынъ разсказываетъ, что онъ получилъ отъ Бѣляева письмо, начинавшееся словами: «Имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству, что по Высочайшему Повелѣнію введено осадное положеніе», но письмо это онъ потерялъ.

Голицынъ обратился къ Протопопову и просилъ его оффиціально заявить, что онъ боленъ и уходитъ. Протопоповъ всталъ, сконфуженно произнесъ: «Ну, что же, я подчиняюсь», и ушелъ, говоря: «Мнѣ теперь остается только застрѣлиться». Бѣлецкій разсказываетъ, что, когда передъ этимъ стало извѣстно, что Щегловитовъ, арестованный на кухнѣ и прикрытый солдатской шинелью увезенъ въ Думу, Протопоповъ такъ растерялся, что требовалъ моментально «схватить Родзянко».

Въ 6 часовъ вечера Ладыженскій передалъ въ экспедицію канцеляріи Совѣта Министровъ составленную Покровскимъ и Баркомъ и подписанную Голицынымъ телеграмму, въ которой говорилось, между прочимъ: «Совѣтъ Министровъ . . . дерзаетъ представить Вашему Величеству о безотложной необходимости принятія слѣдующихъ . . . мѣръ . . . съ объявленіемъ столицы на осадномъ положеніи, каковое распоряженіе уже сдѣлано Военнымъ Министромъ по уполномочію Совѣта Министровъ собственной властью. Совѣтъ Министровъ всеподданнѣйше ходатайствуетъ о поставленіи во главѣ оставшихся вѣрными войскъ одного изъ военачальниковъ дѣйствующихъ армій съ популярнымъ для населенія именемъ» . . .

Далѣе указывается, что Совѣтъ Министровъ не можетъ справиться съ создавшимся положеніемъ, предлагаетъ себя распустить, назначить предсѣдателемъ Совѣта Министровъ лицо, пользующееся общимъ довѣріемъ, и составить отвѣтственное министерство.

Царь отвѣтилъ того же числа князю Голицыну: «О главномъ начальникѣ для Петрограда мною дано повелѣніе начальнику моего штаба съ указаніемъ немедленно прибыть въ столицу. То же и относительно войскъ. Лично Вамъ предоставляю всѣ необходимыя права по гражданскому управленію. Относительно перемѣны въ личномъ составѣ при данныхъ обстоятельствахъ считаю ихъ недопустимыми. Николай».

Послѣ 8-ми часовъ вечера Голицынъ, Родзянко, великій князь Михаилъ Александровичъ, Крыжановскій и Бѣляевъ обсуждали въ кабинетѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ текстъ телеграммы, которую Михаилъ Александровичъ хотѣлъ послать царю, послѣ чего великій князь и Бѣляевъ поѣхали въ домъ военнаго министра, чтобы подать эту телеграмму начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго. Михаилъ Александровичъ сообщилъ о «серьезности положенія», о необходимости назначить предсѣдателя Совѣта Министровъ, который самъ подобралъ бы себѣ кабинетъ; онъ спрашивалъ, не уполномочитъ ли его царь сейчасъ же объ этомъ объявить, называя со своей стороны князя Г. Е. Львова, и предлагая принять на себя регентство.

Черезъ полчаса или черезъ часъ Алексѣевъ передалъ отвѣтъ, что его величество благодаритъ за вниманіе, выѣдетъ завтра и самъ приметъ рѣшеніе.

Въ этотъ день Бѣляевъ послалъ въ Ставку Наштаверху слѣдующія четыре телеграммы.

13 часовъ 15 минутъ № 196. Указывается, что начавшіяся съ утра въ нѣкоторыхъ частяхъ волненія подавляются. Выражается увѣренность «въ скоромъ наступленіи спокойствія».

19 часовъ 22 минуты № 197 (копія Главкосѣву). Указывается на «серьезность положенія»; просьба прислать на помощь, «дѣйствительно надежныя части».

19 часовъ 33 минуты № 198. «Совѣтъ Министровъ призналъ необходимымъ объявить Петроградъ на осадномъ положеніи. Въ виду проявленной генераломъ Хабаловымъ растерянности назначилъ на помощь ему генерала Занкевича, такъ какъ генералъ Чебыкинъ отсутствуетъ».

23 часа 53 минуты № 199. Говорится, что изъ Царскаго Села вызваны небольшія части запасныхъ полковъ, батарея изъ Петрограда грузиться въ поѣздъ на Петроградъ отказалась, батарея училищъ не имѣетъ снарядовъ.

Около полуночи Бѣляевъ приказалъ своему секретарю позвонить въ Маріинскій дворецъ и вызвать по телефону Кригеръ-Войновскаго. Секретарь услышалъ въ телефонъ неясный разговоръ нѣсколькихъ голосовъ, увѣщаніе соблюдать тишину и предупрежденіе, что у телефона военный министръ. Вслѣдъ за тѣмъ, къ телефону подошелъ кто то, назвавшій себя министромъ путей сообщенія, но по голосу непохожій на Кригеръ-Войновскаго. Секретарь предупредилъ объ этомъ Бѣляева и передалъ ему трубку. Военный министръ молча слушалъ у телефона минутъ 5, услышалъ слова: «. . . эту пачку уже пересмотрѣлъ, возьми вотъ тѣ бумаги», повѣсилъ трубку и запретилъ всѣмъ сношенія по телефону съ Маріинскимъ дворцомъ.

Около 2 часовъ ночи секретарь Бѣляева былъ вызванъ по телефону изъ Маріинскаго Дворца помощникомъ управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ Путиловымъ, который объяснилъ, что, дѣйствительно, въ помѣщеніи канцеляріи Совѣта Министровъ «хозяйничаютъ постороннія лица», важнѣйшія бумаги удалось унести, а министры путей сообщенія и иностранныхъ дѣлъ скрываются въ другой части дворца. Путиловъ просилъ освободить ихъ, но секретарь военнаго министра объяснилъ, что въ ихъ распоряженіи нѣтъ войскъ.

Между тѣмъ, у генерала Занкевича, которому Бѣляевъ передалъ командованіе, были въ распоряженіи уже немногія части, и то колеблющіяся и тающія съ часу на часъ.

Вопросъ объ аттакѣ стоялъ безнадежно, можно было думать только объ оборонѣ отряда на Дворцовой площади.

Генералъ Занкевичъ, надѣвъ мундиръ Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка, выѣхалъ къ солдатамъ и, поговоривъ съ ними, вынесъ убѣжденіе, что на нихъ разсчитывать нельзя. Удержаться на площади было невозможно; Занкевичъ считалъ, что вѣрнымъ слугамъ царя надо умереть въ Зимнемъ Дворцѣ; около 9 часовъ вечера войска были переведены въ Адмиралтейство, а около 11 часовъ — во Дворецъ; при этомъ оказалось, что матросы и часть пѣхоты уже разошлись; осталось всего на всего 1.500—2.000 человѣкъ.

Около часу ночи во Дворцѣ получили извѣстіе о назначеніи генерала Иванова. Управляющій дворцомъ генералъ Комаровъ просилъ Хабалова не занимать дворца, Занкевичъ спорилъ, и вопросъ остался бы открытымъ, если бы заѣхавшій въ ту минуту съ Бѣляевымъ великій князь Михаилъ Александровичъ, которому не удавалось уѣхать въ Гатчину, не согласился съ Комаровымъ. На совѣщаніи великій князь, Хабаловъ и Занкевичъ намѣтили Петропавловскую крѣпость,

но помощникъ коменданта баронъ Сталь, вызванный къ телефону, сообщилъ, что на Троицкой площади стоятъ броневые автомобили и орудія, а на Троицкомъ мосту — баррикады. Хабаловъ предложилъ пробиваться, но Занкевичъ указалъ на колебанія офицеровъ Измайловскаго полка; тогда, на разсвѣтѣ, рѣшили перейти опять въ Адмиралтейство.

Листки съ объявленіемъ осаднаго положенія были напечатаны, но расклеить ихъ по городу не удалось: у Балка не было ни клею, ни кистей. По приказу Хабалова, отданному вялымъ тономъ, два околодочныхъ развѣсили нѣсколько листковъ на рѣшеткѣ Александровскаго сада. Утромъ эти листки валялись на Адмиралтейской площади передъ градоначальствомъ.

Третье объявленіе, переданное Бѣляевымъ для распубликованія — о запрещеніи жителямъ столицы выходить на улицу послѣ 9 часовъ вечера — Хабаловъ счелъ окончательно безцѣльнымъ и оставилъ его безъ исполненія.

Императрица въ этотъ день телеграфировала царю трижды: въ 11 часовъ 12 минутъ дня: «Революція вчера приняла ужасающіе размѣры. Знаю, что присоединились и другія части. Извѣстія хуже, чѣмъ когда бы то ни было. Алисъ»; въ 1 часъ 3 минуты: «Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войскъ перешло на сторону революціи. Алисъ»; въ 9 часовъ 50 минутъ вечера: «Лили провела у насъ день и ночь — не было ни колясокъ, ни моторовъ. Окружный Судъ горитъ. Алисъ».

Дубенскій записывалъ 27 февраля: «Изъ Петрограда вѣсти не лучше. Была, говорятъ, сильная стрѣльба у Казанскаго Собора, много убитыхъ со стороны полиціи и среди народа. Говорятъ, по городу ходятъ броневые автомобили. Слухи стали столь тревожны, что рѣшено завтра 28-го отбыть въ Петроградъ . . . Помощникъ начальника штаба Трегубовъ передалъ мнѣ, что на его вопросъ, что дѣлается въ Петроградѣ, Алексѣевъ отвѣтилъ: «Петроградъ въ возстаніи». Трегубовъ дополнилъ, что была стрѣльба по улицамъ, стрѣляли пулеметы. Первое, что надо сдѣлать, — это убить Протопопова, онъ ничего не дѣлаетъ, шарлатанъ. Передъ обѣдомъ я съ Федоровымъ былъ въ вагонѣ у генералъ-адъютанта Иванова. Долго бесѣдовали на тему Петроградскихъ событій и стали убѣждать его сказать государю, что необходимо послать въ Петроградъ нѣсколько хорошихъ полковъ, внушить дѣйствовать рѣшительно, и дѣло можно еще потушить. Ивановъ началъ говорить, что онъ не вправѣ сказать государю, что надо вызвать хорошіе полки, напримѣръ, 23-ю дивизію и т. д., но въ концѣ концовъ согласился и обѣщалъ говорить съ царемъ. Передъ обѣдомъ Алексѣевъ приходилъ къ государю въ кабинетъ докладывать срочное сообщеніе изъ Петрограда о томъ, что нѣкоторыя части, кажется, Лейбъ-Гвардіи Павловскій полкъ, отказались дѣйствовать противъ толпы. На вопросъ графа Фредерикса Алексѣеву, — что новаго изъ Петрограда, начальникъ штаба отвѣтилъ: «Плохія вѣсти, есть новое явленіе», намекалъ на войска. За обѣдомъ, который прошелъ тихо, и государь былъ молчаливъ, Ивановъ всетаки успѣлъ сказать Государю о войскахъ».

«Послѣ обѣда государь позвалъ къ себѣ Иванова въ кабинетъ, и около 9 часовъ стало извѣстно, что Ивановъ экстреннымъ поѣздомъ ѣдетъ въ Петроградъ. Нарышкинъ мнѣ сказалъ, что Павловцевъ окружили Преображенцы и, кажется, стало тише. Все настроеніе Ставки сразу измѣнилось. Всѣ говорятъ, волнуются, спрашиваютъ: что новаго изъ Петрограда».

Въ вечернихъ телеграммахъ стало извѣстно, что именнымъ высочайшимъ указомъ распущены Дума и Государственный Совѣтъ, но это уже поздно, уже

опредѣлилось Временное Правительство, засѣдающее въ Думѣ, подъ охраной войскъ, перешедшихъ на сторону революціонеровъ. Войскъ вѣрныхъ государю осталось меньше, чѣмъ противъ него. Гвардейскій Литовскій полкъ убилъ командира. Преображенцы убили батальоннаго командира Богдановича. Предсѣдатель Государственной Думы прислалъ въ Ставку государю телеграмму, въ которой просилъ его прибыть немедленно въ Царское Село спасать Россію. Всѣ эти страшныя свѣдѣнія идутъ изъ Петрограда отъ графа Бенкендорфа полковнику Ратькову. Про министра внутреннихъ дѣлъ графъ Фредериксъ выразился по-французски такъ: «А о министрѣ внутреннихъ дѣлъ нѣтъ слуховъ, какъ будто онъ мертвый». Графъ Фредериксъ держитъ себя спокойно, хорошо, и говоритъ: «Не надо волноваться».

«Послѣ вечерняго чая, въ 12 часовъ ночи, государь простился со всѣми и ушелъ къ себѣ. Вслѣдъ за нимъ къ нему пошелъ Фредериксъ и Воейковъ, пробыли у царя недолго и вышли, причемъ Воейковъ объявилъ, что отъѣздъ въ Царское Село его величества назначенъ безотлагательно въ эту ночь. Всѣ стали собираться и уже къ 2 часамъ ночи были въ поѣздѣ. Государь любезенъ, ласковъ, тихъ и, видимо, волнуется, хотя, какъ всегда, все скрываетъ. Всю ночь шли у насъ съ Цабелемъ, Штакельбергомъ и Сусловымъ такіе разговоры. Свитскій поѣздъ отошелъ въ Царское въ 4 часа ночи . . . Назначенъ Ивановъ диктаторомъ».

Въ Ставкѣ до сего дня полагали, что происходитъ «голодный бунтъ», въ революцію не вѣрили и къ слухамъ относились пассивно, чему способствовалъ крайній «фатализмъ» царя, какъ выражается генералъ Дубенскій. Алексѣевъ умолялъ царя въ эти дни пойти на уступки, но изъ этого вышло только то, что уѣхали немного раньше, чѣмъ предполагали.

Во всякомъ случаѣ, настроеніе Ставки рѣзко измѣнилось къ вечеру. 27 февраля Воейковъ, который балаганилъ, устраивалъ свою квартиру и до 5 часовъ дня «прибивалъ шторки и привѣшивалъ картинки», вдругъ понялъ трагичность положенія и «сталъ ходить красный, таращa глаза». Генералъ Ивановъ, придя къ обѣду, узналъ отъ Алексѣева, что онъ назначенъ въ Петербургъ главнокомандующимъ «для водворенія полнаго порядка въ столицѣ и ея окрестностяхъ», причемъ, «командующій войсками округа переходитъ въ его подчиненіе» (на бланкѣ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, управленіе Дежурнаго генерала, № 3716, подписали генералъ Алексѣевъ и дежурный генералъ Кондзеровскій). Назначеніе это послѣдовало вслѣдствіе указанія бывшаго предсѣдателя Совѣта Министровъ князя Голицына на необходимость командировать въ столицу пользующагося популярностью въ войскахъ боевого генерала.

Ивановъ, слывшій за «поклонника мягкихъ дѣйствій», за обѣдомъ разсказалъ царю, какъ ему удалось успокоить волненія въ Харбинѣ при помощи двухъ полковъ безъ одного выстрѣла. Послѣ обѣда царь сказалъ Иванову: «Я васъ назначаю главнокомандующимъ Петроградскимъ округомъ, тамъ въ запасныхъ батальонахъ безпорядки и заводы бастуютъ, отправляйтесь». Ивановъ доложилъ, что онъ уже годъ стоитъ въ сторонѣ отъ арміи, но полагаетъ, что «далеко не всѣ части останутся вѣрны въ случаѣ народнаго волненія, а потому лучше не вводить войска въ городъ, пока положеніе не выяснится, чтобы избѣжать междуусобицы и кровопролитія».

Царь отвѣтилъ: «Да, конечно».

Послѣ этого разговора, Ивановъ просидѣлъ въ Штабѣ часа два, частью — съ Алексѣевымъ, котораго вызывалъ царь, а потомъ — по прямому проводу

— Родзянко. Алексѣевъ сказалъ ему, что съ сѣвернаго фронта и съ западнаго посылаются по два полка, но еще сомнѣваются, какіе посылать; посовѣтовалъ отправиться съ батальономъ и ротой своднаго полка и показалъ телеграмму отъ Родзянки и телеграмму объ объявленіи осаднаго положенія.

Ивановъ зналъ, что распущена Дума, введено осадное положеніе, не хватаетъ продовольствія и многіе заводы не работаютъ на оборону изъ за недостатка топлива. Рѣшивъ утромъ пойти къ царю, а около полудня ѣхать, онъ пошелъ спать.

Въ это время Воейкова вызвалъ по телеграфу изъ Царскаго Бенкендорфъ и спрашивалъ, не желаетъ ли его величество, чтобы императрица съ дѣтьми выѣхала навстрѣчу; царь поручилъ передать, чтобы ни въ какомъ случаѣ не выѣзжали, и что онъ самъ пріѣдетъ въ Царское.

Воейковъ, по совѣту Бенкендорфа, вызвалъ Бѣляева, который далъ ему «хаотическій отвѣтъ», что «идетъ военный мятежъ и нельзя опредѣлить, какая часть возстала и какая нѣтъ». Воейковъ считалъ, что долженъ имѣть всѣ эти свѣдѣнія отъ Протопопова, но не получалъ ихъ. Въ 8 час. 15 мин. онъ послалъ Протопопову слѣдующую шифрованную телеграмму (№ 35): «Его Величество изволитъ отбыть изъ Ставки черезъ Оршу — Лихославль — Тосно вторникъ 28 февраля 2 часа 30 мин. дня».

Дубенскій разсказываетъ въ своемъ дневникѣ (отъ 3 марта), что «27 февраля было экстренное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ государя, Алексѣева, Фредерикса и Воейкова. Алексѣевъ, въ виду полученныхъ извѣстій изъ Петрограда, умолялъ государя согласиться на требованіе Родзянко дать конституцію, Фредериксъ молчалъ, а Воейковъ настоялъ на непринятіи этого предложенія и убѣждалъ государя немедленно выѣхать въ Царское Село».

Около 2 часовъ адъютантъ разбудилъ Иванова и сообщилъ, что царь сейчасъ уѣзжаетъ. Царь принялъ Иванова около 3 часовъ ночи. Ивановъ доложилъ о продовольствіи и просилъ содѣйствія, памятуя сентябрь 1914 года, когда жалобы его на отсутствіе снарядовъ вызвали неудовольствіе даже въ Ставкѣ. Несмотря на то, что Ивановъ просилъ полномочій относительно только 4 министровъ (внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія, промышленности и путей сообщенія), царь сказалъ: «Пожалуйста, передайте генералу Алексѣеву, чтобы онъ телеграфировалъ предсѣдателю Совѣта Министровъ, чтобы всѣ требованія генерала Иванова всѣми министрами исполнялись безпрекословно». (Однако, полномочія эти Ивановъ считалъ впослѣдствіи отпавшими, такъ какъ отъ Алексѣева онъ не получилъ подтвержденія подобнаго приказа царя). — «До свиданія, сказалъ царь, вѣроятно, въ Царскомъ Селѣ увидимся». «Ваше величество, сказалъ Ивановъ, позвольте напомнить относительно реформъ». «Да, да, отвѣтилъ царь, мнѣ только что напоминалъ объ этомъ генералъ Алексѣевъ».

При этомъ царь произнесъ слова «отвѣтственное министерство» и «министерство довѣрія», такъ что Ивановъ считалъ дѣло рѣшеннымъ и конфиденціально говорилъ объ этомъ своему адъютанту, полковнику Кринскому и Ладыженскому (начальнику канцеляріи по гражданскому управленію Штаба Верховнаго Главнокомандующаго). Ивановъ рѣшилъ, что высадится утромъ 1 марта въ Царскомъ. Онъ послалъ коменданту Царскаго Села двѣ телеграммы, одна изъ которыхъ (№ 4) гласила: «Прошу васъ сдѣлать распоряженіе о подготовкѣ помѣщенія для расквартированія въ городѣ Царское Село и его окрестностяхъ 13 батальоновъ, 16 эскадроновъ и 4 батарей. О послѣдовавшемъ распоряженіи прошу меня увѣдомить завтра 1 марта на станціи Царское Село».

Эшелонъ Георгіевскаго батальона, полурота Желѣзнодорожнаго полка и рота Собственнаго Его Величества полка были отправлены изъ Могилева около 11 часовъ утра. Вагонъ Иванова, выѣхавшій нѣсколько позже, былъ прицѣпленъ къ эшелону въ Оршѣ.

Съ сѣвернаго фронта утромъ 28 были отправлены три эшелона 57-го пѣхотнаго Тарутинскаго полка; предполагалось отправить 68 Бородинскій полкъ и кавалерію.

Съ западнаго фронта предполагалось отправить два кавалерійскихъ полка, 2-й дивизіи, 2 пѣхотныхъ и пулеметную команду Кольта.

Ивановъ передалъ Алексѣеву слѣдующій документъ (на бланкѣ генералъ-адъютанта Иванова): 28 февраля 1917 года № 1 «Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. При представленіи моемъ сего числа около трехъ часовъ утра Государю Императору, Его Императорскому Величеству было благоугодно повелѣть доложить Вамъ, для поставленія въ извѣстность предсѣдателя Совѣта Министровъ, слѣдующее повелѣніе Его Императорскаго Величества.

«Всѣ министры должны исполнять всѣ требованія главнокомандующаго петроградскимъ военнымъ округомъ генералъ-адъютанта Иванова безпрекословно».

Генералъ-адъютантъ Ивановъ».

Права генерала Иванова опредѣлялись слѣдующимъ документомъ отъ 28 февраля (на бланкѣ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, № 507).

«На основаніи 12 статьи правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, мною предоставляется Вашему Высокопревосходительству принадлежащее мнѣ на основаніи 29 ст. Положенія о полевомъ управленіи войскъ право преданія гражданскихъ лицъ военно-полевому суду по всѣмъ дѣламъ, направляемымъ въ военный судъ, по коимъ еще не состоялось преданія обвиняемыхъ суду. Распоряженія Вашего Высокопревосходительства о сужденіи гражданскихъ лицъ въ военно-полевомъ судѣ могутъ быть дѣлаемы, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ дѣламъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ категоріямъ дѣлъ, съ предварительнымъ, въ послѣднемъ случаѣ, объявленіемъ о семъ во всеобщее свѣдѣніе. Подписали: генералъ-адъютантъ Алексѣевъ. Генералъ-лейтенантъ Кондзеровскій».

Командиръ Георгіевскаго батальона, генералъ Пожарскій, собравъ 27 февраля своихъ офицеровъ, объявилъ имъ, что въ Петербургѣ приказанія стрѣлять въ народъ онъ не дастъ, хотя бы этого потребовалъ генералъ Ивановъ.

Въ то время, какъ въ Могилевѣ происходили сборы, и литерные (свитскій и императорскій) поѣзда въ 4 и въ 5 часовъ утра двинулись по направленію въ Смоленскъ — Вязьму — Ржевъ — Лихославль, — генералы Хабаловъ, Занкевичъ и Бѣляевъ (разставшійся съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ послѣ 2 часовъ ночи) съ кучкой вѣрныхъ имъ офицеровъ и солдатъ перешли изъ Зимняго Дворца въ зданіе Адмиралтейства, заняли фасады, обращенные къ Невскому, артиллерію поставили на дворѣ, во второмъ этажѣ размѣстили пѣхоту, а на углахъ, подходящихъ для обстрѣла, разставили пулеметы. Снарядовъ у нихъ было мало, патроновъ не было вовсе, а ѣсть было нечего; съ большимъ трудомъ достали немного хлѣба для солдатъ. У казачьей сотни, расквартированной въ казармахъ Коннаго полка, лошади были непоены и некормлены. По Адмиралтейству пострѣливали, но оттуда не отвѣчали. Тутъ и происходилъ ночной разговоръ съ Ивановымъ по прямому проводу. Ночью отъ Хабалова отвѣтили, что онъ не знаетъ, гдѣ переговорить съ Ивановымъ, и не можетъ выйти на улицу безъ риска быть арестованнымъ. Ивановъ вызвалъ его

къ прямому проводу къ 8 часамъ утра, и они обмѣнялись слѣдующимъ: Ивановъ передалъ десять вопросныхъ пунктовъ (записаны на трехъ желтыхъ листочкахъ).

«1) Какія части въ порядкѣ и какія безобразятъ? 2) Какіе вокзалы охраняются? 3) Въ какихъ частяхъ города поддерживается порядокъ? 4) Какія власти правятъ этими частями города? 5) Всѣ ли министерства правильно функціонируютъ? 6) Какія полицейскія власти находятся въ данное время въ вашемъ распоряженіи? 7) Какія техническія и хозяйственныя учрежденія военнаго вѣдомства нынѣ въ вашемъ распоряженіи? 8) Какое количество продовольствія въ вашемъ распоряженіи? 9) Много ли оружія, артиллеріи и боевыхъ припасовъ попало въ руки бунтующихъ? 10) Какія военныя власти и штабы въ вашемъ распоряженіи? — Я сейчасъ иду къ генералу Алексѣеву и приду черезъ полчаса».

Хабаловъ отвѣтилъ телеграммой по пунктамъ:

«1) Моемъ распоряженіи зданіе главнаго Адмиралтейства, четыре гвардейскихъ роты, пять эскадроновъ и сотенъ и двѣ батареи, прочія войска перешли на сторону революціонеровъ, или остаются по соглашенію съ ними нейтральными. Отдѣльные солдаты и шайки бродятъ по городу, стрѣляя прохожихъ, обезоруживая офицеровъ. 2) Всѣ вокзалы во власти революціонеровъ, строго ими охраняются. 3) Весь городъ во власти революціонеровъ, телефонъ не дѣйствуетъ, связи съ частями города нѣтъ. 4) Отвѣтить не могу. 5) Министры арестованы революціонерами. 6) Не находятся вовсе. 7) Не имѣю. 8) Продовольствія въ моемъ распоряженіи нѣтъ, въ городѣ къ 25 февраля было 5.600.000 пудовъ запаса муки. 9) Всѣ артиллерійскія заведенія во власти революціонеровъ. 10) Моемъ распоряженіи лично начальникъ штаба округа; съ прочими окружными управленіями связи не имѣю».

Эту телеграмму Хабаловъ подтвердилъ въ послѣдовавшемъ разговорѣ съ Ивановымъ.

Въ то же утро, генералы Тяжельниковъ и Михайличенко, сидя въ Адмиралтействѣ, съ удивленіемъ слушали, какъ Бѣляевъ въ сосѣдней комнатѣ диктовалъ телеграмму, которая начиналась словами очень умѣренными: «Положеніе по прежнему продолжаетъ оставаться тревожнымъ». Далѣе сообщалось, однако, что «мятежники» овладѣли во всѣхъ частяхъ города учрежденіями, войска переходятъ на ихъ сторону или становятся нейтральными, на улицахъ идетъ пальба, движеніе прекращено, офицеровъ разоружаютъ и скорѣйшее прибытіе войскъ крайне желательно (послана въ 11 часовъ 32 минуты въ Ставку Наштаверху, копія — Орша, вслѣдъ Дворцовому Коменданту, № 201).

Около полудня, 28 февраля въ Адмиралтейство явился адъютантъ морского министра, который потребовалъ очистки зданія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, возставшіе угрожали открыть по нему артиллерійскій огонь изъ Петропавловской крѣпости: На совѣщаніи было рѣшено, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно. Артиллерія отправилась обратно въ Стрѣльну, оставивъ замки отъ орудій; пулеметы и ружья спрятали въ зданіи, и вся пѣхота была распущена безъ оружія. Хабаловъ былъ арестованъ солдатами, осматривавшими зданіе Адмиралтейства, въ тотъ же день, около 4 часовъ, Бѣляевъ прошелъ въ Генеральный Штабъ, откуда въ 2 часа 20 минутъ послалъ слѣдующую секретную телеграмму Наштаверху (№ 9157):

«Около 12 часовъ дня 28 февраля остатки оставшихся еще вѣрными частей въ числѣ 4 ротъ, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты, по требованію морского министра, были выведены изъ Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть

разгрому зданіе. Переводъ этихъ войскъ въ другое мѣсто не признавалъ соотвѣтственнымъ, въ виду не полной ихъ надежности. Части разведены по казармамъ, при чемъ во избѣжаніе отнятія оружія замки орудій сданы морскому министерству».

Послѣ 3-хъ часовъ Бѣляевъ прошелъ въ домъ военнаго министра на Мойку, гдѣ и ночевалъ.

Ивановъ выѣхалъ изъ Могилева около 1 часу дня. Ему въ догонку была послана копія телеграммы Наштаверха на имя начальника военно-походной канцеляріи (№ 1820): «Всеподданнѣйше доношу: военный министръ сообщаетъ, что около 12 часовъ 28 сего февраля остатки оставшихся еще вѣрными частей въ числѣ 4 ротъ, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты по требованію морского министра были выведены изъ Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому зданіе. Переводъ этихъ войскъ въ другое мѣсто не призналъ соотвѣтственнымъ, въ виду не полной ихъ надежности. Части разведены по казармамъ, причемъ во избѣжаніе отнятія оружія, по пути слѣдованія, ружья и пулеметы, а также замки орудій сданы морскому министерству».

Послѣ отъѣзда Иванова, въ Ставкѣ была получена слѣдующая телеграмма и. о. начальника морского генеральнаго штаба адмирала Капниста на имя адмирала Русина (№ 2704):

«Положеніе къ вечеру таково: мятежныя войска овладѣли Выборгской стороной, всей частью города отъ Литейнаго до Смольнаго и оттуда по Суворовскому и Спасской. Сейчасъ сообщаютъ о стрѣльбѣ на Петроградской сторонѣ. Сеньоренъ-Конвентъ Государственной Думы, по просьбѣ делегатовъ отъ мятежниковъ, избралъ комитетъ для водворенія порядка въ столицѣ и для сношенія съ учрежденіями и лицами. Сомнительно, однако, чтобы бушующую толпу можно было успокоить. Войска переходятъ легко на сторону мятежниковъ. На улицахъ офицеровъ обезоруживаютъ. Автомобили толпа отбираетъ. У насъ отобрано три автомобиля, въ томъ числѣ Вашего Превосходительства, который вооруженные солдаты заставили выѣхать со двора моей квартиры, державъ съ Хижнякомъ, котораго заставили править машиной. Командованіе принялъ Бѣляевъ, но судя по тому, что происходитъ, едва ли онъ справится. Въ городѣ отсутствіе охраны и хулиганы начали грабить. Семафоры порваны, поѣзда не ходятъ. Морской Министръ боленъ инфлюэнцей, большая температура — 38, лежитъ, теперь ему лучше. Чувствуется полная анархія. Есть признаки, что у мятежниковъ плана нѣтъ, но замѣтна нѣкоторая организація, напримѣръ, кварталы отъ Литейнаго по Сергіевской и Таврической обставлены ихъ часовыми. Я живу въ Штабѣ, считаю, что выѣзжать въ Ставку до новаго Вашего распоряженія не могу».

Ивановъ прибылъ изъ Могилева въ Витебскъ съ маленькимъ опозданіемъ, часовъ въ 6—7 вечера, и проѣхалъ дальше. Въ этотъ день и на слѣдующій обмѣнивались телеграммами о формированіи и отправкѣ воинскихъ частей генералъ Ивановъ (28 февраля, спѣшно, секретно № 1 Главкозапу и № 2 Главкосѣву), Даниловъ (28 февраля № 1165-В и № 1166-В), Рузскій (28 февраля № 1168-В), Гулевичъ (1 марта, № 535), Тихменевъ (генералу Иванову, 1 марта, № 278), подполковникъ Кринскій (генералу Тихменеву, № 3), генералъ князь Трубецкой (генералу Иванову, 1 марта, № 154). 28 же февраля была разослана «по всей сѣти на имя всѣхъ начальствующихъ» извѣстная телеграмма члена Государственной Думы Бубликова, № 6932.

Императорскій поѣздъ слѣдовалъ безъ происшествій, встрѣчаемый урядниками и губернаторами. Непосредственныя извѣстія изъ Петербурга перестали

поступать; питались только вздорными слухами о томъ, что грабятъ Зимній Дворецъ, убитъ градоначальникъ Балкъ и его помощникъ Вендорфъ.

Въ 3 часа дня царь послалъ императрицѣ изъ Вязьмы слѣдующую телеграмму (по-англійски): «Выѣхали сегодня утромъ въ 5. Мыслями всегда вмѣстѣ. Великолѣпная погода. Надѣюсь, чувствуете себя хорошо и спокойно. Много войскъ послано съ фронта. Любящій нѣжно Ники».

Въ Лихославлѣ Воейковъ получилъ шифрованную телеграмму отъ Бѣляева. Здѣсь были свѣдѣнія, что въ Петербургѣ Временное Правительство съ Родзянко во главѣ. Читали и телеграмму Бубликова съ распоряженіемъ по всѣмъ дорогамъ. Въ 10 часовъ вечера Дубенскій писалъ Федорову: «Дорогой Сергій Петровичъ, дальше Тосны поѣзда не пойдутъ. По моему глубокому убѣжденію, надо Его Величеству изъ Бологого повернуть на Псковъ (320 верстъ) и тамъ, опираясь на фронтъ Г.-А. Рузскаго, начать дѣйствовать противъ Петрограда. Тамъ во Псковѣ скорѣй можно сдѣлать распоряженіе о составѣ отряда для отправки въ Петроградъ. Псковъ — старый губернскій городъ, населеніе его не взволновано. Оттуда скорѣй и лучше можно помочь Царской Семьѣ. Въ Тоснѣ Его Величество можетъ подвергнуться опасности. Пишу Вамъ все это, считая невозможнымъ скрыть, мнѣ кажется, эту мысль, которая въ эту страшную минуту можетъ помочь дѣлу спасенія Государя, Его семьи. Если мою мысль не одобрите, разорвите записку».

Въ Бологомъ въ свитскомъ поѣздѣ стало извѣстно, что въ Любани стоятъ войска, которыя могутъ не пропустить дальше. Однако, поѣздъ продолжалъ слѣдовать по линіи Николаевской желѣзной дороги но направленію къ Петербургу. Въ Малой Вишерѣ офицеръ 1-го желѣзнодорожнаго полка безъ оружія предупредилъ свиту, что въ Любани находятся двѣ роты съ орудіями и пулеметами. Было рѣшено ждать прибытія императорскаго поѣзда. Такъ какъ изъ ряда свѣдѣній опредѣлилось, что Временное Правительство направляетъ литерные поѣзда не на Царское Село, а на Петербургъ, гдѣ, какъ полагали, царю будутъ поставлены условія о дальнѣйшемъ управленіи, — общій голосъ былъ за то, чтобы ѣхать въ Псковъ: тамъ — генералъ Рузскій, человѣкъ умный и спокойный, если въ Петербургѣ возстаніе, — онъ пошлетъ войска, если переворотъ — онъ вошелъ въ сношеніе съ новымъ правительствомъ. Немногіе говорили, что надо вернуться въ Ставку.

Въ третьемъ часу ночи дождались поѣзда. Генералъ Саблинъ пошелъ туда. Всѣ, кромѣ Нарышкина, спали; Воейкова пришлось разбудить.

Воейковъ отправился къ царю, разбудилъ его и сообщилъ, что на Тосну ѣхать рискованно, такъ какъ она занята революціонными войсками.

Царь всталъ съ кровати, надѣлъ халатъ и сказалъ: «Ну тогда поѣдемте до ближайшаго юза».

Воейковъ вышелъ веселый, со словами: мы ѣдемъ въ Псковъ, «теперь вы довольны»? — Поѣзда повернули назадъ.

Дубенскій записываетъ въ дневникѣ: «Всѣ признаютъ, что этотъ ночной поворотъ въ Вишерѣ есть историческая ночь въ дни нашей революціи. Государь по прежнему спокоенъ и говоритъ мало о событіяхъ. Для меня совершенно ясно, что вопросъ о конституціи оконченъ, она будетъ введена навѣрное. Царь и не думаетъ спорить и протестовать. Всѣ его приближенные за это: графъ Фредериксъ, Ниловъ, графъ Граббе, Федоровъ, Долгорукій, Лейхтенбергскій, всѣ говорятъ, что надо только сторговаться съ ними, съ членами Временнаго Правительства».

Генералъ Ивановъ, проснувшись 1 марта часовъ въ 6—7 утра узналъ, что его поѣздъ находится на станціи Дно, т. е. вмѣсто 500 верстъ, прошелъ только 200. Комендантъ станціи доложилъ, что въ поѣздахъ, вышедшихъ наканунѣ изъ Петербурга, ѣдетъ масса солдатъ въ военной и статской формѣ, что они насильно отбираютъ у офицеровъ оружіе, и что выѣхавшій начальникъ жандармскаго управленія ничего сдѣлать не можетъ и проситъ содѣйствія. Полковникъ Лебедевъ, завѣдующій передвиженіемъ войскъ, телеграфировалъ Иванову: «Доношу, что получены мною свѣдѣнія о поѣздѣ 3, въ которомъ ѣдутъ пьяные солдаты, одѣтые въ статское и вооруженные шашками, ружьями, обезоруживающіе офицеровъ и жандармовъ. Прошу Вашихъ распоряженій».

Ивановъ приказалъ командиру батальона осматривать встрѣчные поѣзда, особенно въ виду того, что по полученному извѣстію, императорскій поѣздъ вышелъ изъ Бологого и къ вечеру ожидался въ Днѣ.

Ивановъ лично видѣлъ нѣсколько прибывшихъ изъ Петербурга поѣздовъ. Они были набиты солдатами, нѣкоторые были пьяны. Изъ разговоровъ женщинъ и стараго чиновника, который разсказывалъ о провокаторахъ, Ивановъ убѣдился, что «безобразія большія». Ему удалось арестовать человѣкъ 30—40, въ томъ числѣ переодѣтыхъ городовыхъ, бѣжавшихъ изъ Петербурга (всѣ они кромѣ 2-хъ были отпущены въ Царскомъ Селѣ, а двое — на обратномъ пути въ Могилевъ) и отобрать у солдатъ 75—100 штукъ шашекъ и прочаго офицерскаго оружія; генералъ Ивановъ, какъ установлено имъ самимъ и показаніями солдатъ Георгіевскаго батальона, примѣнялъ раза три-четыре особаго рода «отеческое воздѣйствіе» съ цѣлью добиться покорности: ставилъ на колѣни пьяныхъ или дерзившихъ ему нижнихъ чиновъ. При этомъ имъ руководили, очевидно гуманныя побужденія, т. е. онъ избѣгалъ преданія этихъ лицъ военно-полевому суду.

Поѣздъ Иванова прибылъ на Вырицу около 6 часовъ вечера.

Въ это время императорскій поѣздъ, безъ всякихъ задержекъ, двигался къ станціи Дно. По словамъ Воейкова, когда всѣ проснулись, «о событіяхъ старались не говорить, потому что это не особенно пріятно было. Общее настроеніе было — испугъ и надежда, что пріѣдемъ въ Псковъ и все выяснится». Во время завтрака и обѣда говорили обо всемъ, только не о дѣлахъ, потому что тутъ прислуга (а по французски царь говорилъ очень рѣдко) и потому что царь избѣгалъ вступать въ политическіе разговоры со свитой (вся атмосфера была — «манекенъ». По словамъ Дубенскаго, царь — человѣкъ мужественный и «поклонникъ» какого-то «рока», «спалъ, кушалъ и занималъ даже разговорами ближайшихъ лицъ свиты».

Около 6 часовъ вечера поѣздъ пришелъ въ Дно.

Съ утра 1 марта противъ дома военнаго министра въ Петербургѣ стали собираться толпы народа. Бѣляева искали еще наканунѣ въ его частной квартирѣ на Николаевской, а 1 марта стали громить эту квартиру.

Опасаясь разгрома служебнаго кабинета на Мойкѣ, Бѣляевъ, съ помощью своего секретаря Шильдера, его помощника Огурцова, швейцара и деньщика, сталъ жечь въ печахъ и каминѣ еще наканунѣ приготовленные для сожженія документы.

Въ числѣ сожженныхъ документовъ были: нѣкоторыя дѣла совѣта министровъ, дѣла особаго совѣщанія по объединенію мѣропріятій, по снабженію арміи и флота и по организаціи тыла (такъ называемое совѣщаніе пяти министровъ), много матеріаловъ, касающихся снабженія арміи и имѣющихъ секретный

характеръ, секретные шифры, маленькій секретный журналъ для записи секретныхъ бумагъ, возвращаемыхъ министромъ послѣ доклада, ленты и подлинныя телеграммы о положеніи въ Петербургѣ, отправленныя военнымъ министромъ начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго по прямому проводу.

Въ числѣ бумагъ, повидимому, уничтоженныхъ и не возвращенныхъ изъ дома военнаго министра въ Главный Штабъ и въ главное управленіе генеральнаго штаба, были нѣкоторые секретные и несекретные документы, документы, часть которыхъ имѣла важное значеніе и не имѣла копій; возстановить ихъ возможно только по памяти или совсѣмъ невозможно.

Въ своихъ объясненіяхъ генералъ Бѣляевъ сослался на то, что онъ руководился опасеніемъ, чтобы тайныя бумаги не попали въ руки громившей толпы, среди которой могли быть злонамѣренныя лица. Остался только одинъ подлинный документъ, касающійся данныхъ союзной конференціи, который Бѣляевъ положилъ въ ящикъ стола.

Въ два часа дня Бѣляевъ, узнавъ, что громятъ его частную квартиру на Николаевской, по совѣту морского министра, сидѣвшаго у себя въ штабѣ, перешелъ въ генеральный штабъ, гдѣ его искали ночью, чтобы арестовать. Бѣляевъ позвонилъ въ Государственную Думу; подошедшій къ телефону Н. В. Некрасовъ посовѣтовалъ ему ѣхать въ Петропавловскую крѣпость, Бѣляевъ поѣхалъ въ Думу; предлагалъ дать подписку о невыѣздѣ и просилъ, чтобы ему «дали возможность превратиться въ частнаго обывателя поскорѣе». Ему предложили отправиться въ министерскій павильонъ, откуда вечеромъ перевезли въ крѣпость.

Генералъ Мрозовскій послалъ въ этотъ день царю въ Царское Село изъ Москвы слѣдующую телеграмму: «Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, большинство войскъ съ артиллеріей передалось революціонерамъ, во власти которыхъ поэтому находится весь городъ, градоначальникъ съ помощникомъ выбыли изъ градоначальства; получилъ отъ Родзянки предложеніе признать временную власть Комитета Государственной Думы, положеніе крайне тяжелое, при нынѣшнихъ условіяхъ не могу вліять на ходъ событій, опасаюсь утвержденія власти крайнихъ лѣвыхъ, образовавшихъ исполнительный комитетъ, промедленіе каждаго часа увеличиваетъ опасность, получаю отъ болѣе благомыслящей части населенія заявленія, что призваніе новаго министерства возстановитъ порядокъ и власть. Срочно испрашиваю повелѣнія Вашего Величества. Генералъ Мрозовскій».

Генералъ Ивановъ, узнавъ въ Вырицѣ, что министры арестованы, что въ Царскомъ 27-го былъ бунтъ, и что на станціи Александровской высаживается Тарутинскій полкъ, пришедшій съ фронта, рѣшилъ идти въ Царское, вызвалъ туда начальствующихъ и выѣхалъ самъ, приказавъ къ концу поѣзда прицѣпить второй паровозъ. Прибыли вечеромъ 1 марта.

Въ Царскомъ въ этотъ день послѣ полудня появились броневики и автомобили съ пулеметами, которые обыкновенно доѣзжали только до вокзала и уѣзжали обратно. Полковникъ Гротенъ доложилъ, что гвардейская рота ушла въ Петербургъ. Генералъ Осиповъ отдалъ приказъ о впускѣ и выпускѣ изъ Царскаго Села, такъ какъ гарнизонъ спаивалъ прибывающія части. Послѣ этихъ докладовъ прибыли выборные представители отъ города и войска. Генералъ Пожарскій вновь заявилъ, что его солдаты стрѣлять не будутъ, а георгіевцы объяснили въ отвѣтъ на предложеніе присоединиться, что ихъ батальонъ «нейтраленъ» и имѣетъ цѣлью охрану личности Николая II.

Ивановъ получилъ отъ Алексѣева слѣдующую шифрованную телеграмму.

«Частныя свѣдѣнія говорятъ, что въ Петроградѣ наступило полное спокойствіе: войска, примкнувшія къ временному правительству, въ полномъ составѣ приводятся въ порядокъ. Временное правительство подъ предсѣдательствомъ Родзянки, засѣдая въ Государственной Думѣ, пригласило командировъ воинскихъ частей для полученія приказаній по поддержанію порядка. Воззваніе къ населенію, выпущенное временнымъ правительствомъ, говоритъ о незыблемости монархическаго начала Россіи, о необходимости новыхъ основаній для выбора и назначенія правительства. Ждутъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда Его Величества, чтобы представить Ему все изложенное и просьбу принять это пожеланіе народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то измѣняются способы Вашихъ дѣйствій, переговоры приведутъ къ умиротворенію, дабы избѣжать ненужной междуусобицы, столь желательной нашему врагу, дабы сохранить учрежденія, заводы, пустить въ ходъ работы. Воззваніе новаго министра путей сообщенія, опубликованное желѣзнодорожникамъ, мною полученное кружнымъ путемъ, зоветъ къ усиленной работѣ всѣхъ, дабы наладить разстроенный транспортъ. Доложите Его Величеству это убѣжденіе, что дѣло можно привести мирно — хорошему концу, который укрѣпитъ миссію».

Получивъ эту телеграмму (единственную изъ девяти посланныхъ), Ивановъ прочелъ ее не сразу, такъ какъ его вызвала къ себѣ (около 2-хъ часовъ ночи) императрица, которая съ полудня 28 февраля охранялась уже революціонными войсками. Къ тому времени Ивановъ уже зналъ (съ Вырицы), что царскій поѣздъ вышелъ изъ Дна на Псковъ.

Императрица сообщила, что, не получая отвѣта на свою телеграмму, она хотѣла послать аэропланъ, но погода не позволила. На просьбу ея переслать письмо, Ивановъ доложилъ, что у него нѣтъ человѣка. Императрица много говорила о дѣятельности своей и своихъ дочерей на пользу больныхъ и раненыхъ и недоумѣвала по поводу неудовольствій. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ она упоминала отвѣтственное министерство, а Ивановъ указывалъ, что думское большинство удовлетворялось Треповымъ, и вопросъ былъ только о министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ эту минуту, по разсказамъ Иванова, кто то кашлянулъ въ сосѣдней комнатѣ, императрица вышла, и за дверью начался неслышный и непонятный Иванову англійскій разговоръ.

Когда Ивановъ уѣзжалъ, въ Царскомъ Селѣ было тихо. Пришла телеграмма: «Псковъ, часъ пять минутъ ночи. Надѣюсь, благополучно доѣхали. Прошу до моего пріѣзда никакихъ рѣшеній не принимать. Николай». Ивановъ отвѣтилъ, что 2 марта получилъ телеграмму и ждетъ дальнѣйшихъ указаній и телеграфировалъ о томъ же Алексѣеву.

Въ эту ночь въ Царское Село пріѣхалъ командированный начальникомъ генеральнаго штаба (генераломъ Занкевичемъ) полковникъ Доманевскій — для исполненія должности начальника штаба Иванова. Онъ сдѣлалъ докладъ Иванову о томъ, «что въ распоряженіи законныхъ военныхъ властей не осталось ни одной части», и «съ этой минуты (т. е. съ 12 часовъ дня 28 февраля) прекратилась борьба съ возставшей частью населенія». Офицеры и нижніе чины явились въ Государственную Думу, полиція частью снята, частью попряталась, часть министровъ арестована, министерства могутъ продолжать работу только «какъ бы признавъ» Временное Правительство. При такихъ условіяхъ вооруженная борьба трудна и выходъ представляется не въ ней, а въ соглашеніи съ Временнымъ Правительствомъ путемъ «узаконенія наиболѣе умѣренной его части». Среди

возставшихъ обнаруживались «два совершенно опредѣленныхъ теченія»: «одни примкнули къ Думскимъ выборнымъ» и, оставаясь вѣрными монархическому принципу, желали лишь нѣкоторыхъ реформъ и скорѣйшей ликвидаціи безпорядковъ, «другіе поддерживали совѣтъ рабочихъ», «искали крайнихъ результатовъ и конца войны». До 1 марта Временное Правительство было хозяиномъ положенія въ столицѣ, но съ каждымъ днемъ положеніе его становилось труднѣе и власть могла перейти къ крайнимъ лѣвымъ. Поэтому, въ настоящее время «вооруженная борьба только осложнитъ положеніе».

Прибѣжавшій начальникъ станціи сообщилъ, что на вокзалъ двигаются тяжелый дивизіонъ и батальонъ перваго гвардейскаго запаснаго стрѣлковаго полка (въ эту ночь А. И. Гучковъ въ качествѣ предсѣдателя военной комиссіи ѣздилъ на Варшавскій и Балтійскій вокзалы, чтобы навести порядокъ на случай прибытія карательной экспедиціи, причемъ его автомобиль былъ обстрѣлянъ, и спутникъ его, князь Вяземскій, былъ убитъ). Ивановъ, зная, что Хабаловъ арестованъ и въ городѣ «хозяйничаютъ» Родзянко и Гучковъ, считая, что охрана дворца не входитъ въ его задачу, и понимая, что, «если пойдетъ толпа, тысячи уложишь», рѣшилъ уходить. Такимъ образомъ, послѣ какихъ-то затрудненій съ переводной стрѣлкой и сломаннымъ крюкомъ въ хвостовыхъ вагонахъ, оказавшихся передовыми, весь поѣздъ съ георгіевскимъ батальономъ былъ уведенъ въ ночь съ 1 на 2 марта обратно, на Вырицу.

Черезъ 15 минутъ послѣ ухода ихъ на вокзалѣ въ Царскомъ уже появились народныя войска съ пулеметами; «говорили, если они перейдутъ на нашу сторону, побратаемся».

Когда императорскій поѣздъ пришелъ въ Дно, Алексѣевъ самъ передалъ Родзянко телеграмму о согласіи царя принять его. Послѣдовалъ отвѣтъ, что Родзянко ѣдетъ на станцію Дно. Воейкову по телеграфу сообщили, что поѣздъ готовъ, но изъ Думы сообщили по телефону, что Родзянко еще не выѣзжалъ (въ тотъ день Гучковъ настаивалъ въ Исполнительномъ Комитетѣ, чтобы миссію — склонить царя къ отреченію — взялъ на себя Родзянко, но эта миссія была возложена на него и на В. В. Шульгина). Царь рѣшилъ не ждать въ Днѣ, и Воейковъ послалъ Родзянкѣ телеграмму, что его будутъ ждать въ Псковѣ.

Дубенскій записывалъ:

«Уже 1 марта ѣдетъ къ Государю Родзянко въ Псковъ для переговоровъ. Кажется, онъ выѣхалъ экстреннымъ поѣздомъ изъ Петрограда въ 3 часа дня; сегодня Царское окружено, но вчера императрица телеграфировала по-англійски, что въ Царскомъ все спокойно. Старый Псковъ опять занесетъ на страницы своей исторіи великіе дни, когда пребывалъ здѣсь послѣдній самодержецъ Россіи, Николай II, и лишился своей власти, какъ самодержецъ».

Съ прибытіемъ царскаго поѣзда въ Псковъ, въ девятомъ часу вечера, начались, по словамъ Дубенскаго, «все болѣе грустныя и великія событія».

По прибытіи, въ вагонъ государя вошли генералъ Рузскій и начальникъ его штаба генералъ Даниловъ. По мнѣнію Рузскаго, надо было идти на всѣ уступки, сдаваться на милость побѣдителя и давать полную конституцію, иначе анархія будетъ расти, и Россія погибнетъ.

Воейковъ получилъ телеграмму отъ Бубликова о томъ, что Родзянко не пріѣдетъ. Царь рѣшилъ послать телеграмму Родзянкѣ, смыслъ ея былъ такой: «Ради спасенія родины и счастья народа, предлагаю Вамъ составить новое министерство во главѣ съ вами, но министръ иностранныхъ дѣлъ, военный и морской

будутъ назначаться мной». Царь сказалъ Воейкову: «Пошлите ее по юзу и покажите Рузскому».

Рузскій, по словамъ Воейкова, вырвалъ телеграмму у него изъ рукъ и сказалъ, что здѣсь онъ самъ посылаетъ телеграммы. На докладъ Воейкова объ этомъ, царь сказалъ: «Ну, пускай онъ самъ пошлетъ». — Весь вечеръ шелъ вызовъ Петербурга, и Рузскій, иногда возвращаясь къ царю, говорилъ по прямому проводу (юзъ былъ въ городѣ) всю ночь, до 6 часовъ утра. Такимъ образомъ, всѣ дальнѣйшіе переговоры происходили черезъ Рузскаго, которому было поручено говорить объ условіяхъ конституціи.

Между тѣмъ, придворные безпокоились о своихъ домашнихъ. Дубенскій отрядилъ въ Петербургъ своего человѣка, котораго переодѣли въ статское («хулиганомъ»). Фредериксъ, Дрентельнъ и Воейковъ дали ему письма, и онъ вернулся съ отвѣтами.

Въ четвергъ 2-го марта, утромъ, отвѣты Родзянко Рузскому оказались, по словамъ Дубенскаго, «неутѣшительными». На вопросъ Воейкова о результатѣ телеграммы къ Родзянко Рузскій отвѣтилъ: «Того, что ему послано, теперь недостаточно, придется идти дальше». «Родзянко, пишетъ Дубенскій, сказалъ, что онъ не можетъ быть увѣреннымъ ни за одинъ часъ; ѣхать для переговоровъ не можетъ, о чемъ онъ телеграфируетъ, намекая на измѣнившіяся обстоятельства. Обстоятельство это только что предположено, а, можетъ быть, и осуществлено — избрать регентомъ Михаила Александровича, то-есть совершенно упразднить Императора Николая II. Рузскій находитъ, что войска посылать въ Петроградъ нельзя, такъ какъ только ухудшатъ положеніе, ибо перейдутъ къ мятежникамъ. Трудно представить весь ужасъ слуховъ . . . Въ Петроградѣ анархія, господство черни, жидовъ, оскорбленіе офицеровъ, аресты министровъ и другихъ видныхъ дѣятелей правительства. Разграблены ружейные магазины» . . .

Въ это утро генералъ Ивановъ, сидѣвшій въ Вырицѣ, собрался переговорить съ командирами запасныхъ батальоновъ и повидать Тарутинскій полкъ (всѣ остальные были задержаны въ пути), чтобы узнать части, съ которыми придется имѣть дѣло. Свѣдѣнія объ этихъ частяхъ также были неблагопріятны.

Собираясь проѣхать нѣсколько станцій на автомобилѣ, Ивановъ получилъ записку отъ Гучкова, который около 1 часа дня выѣхалъ съ Шульгинымъ въ Псковъ и телеграфировалъ Рузскому, что «ѣдетъ по важному дѣлу», и Иванову, котораго хотѣлъ отговорить въ пути, зная только, что какіе то эшелоны идутъ на Петербургъ. Гучковъ писалъ:

«Ѣду въ Псковъ. Примите всѣ мѣры повидать меня либо въ Псковѣ, либо на обратномъ пути изъ Пскова въ Петроградъ. Распоряженіе дано о пропускѣ Васъ этомъ направленіи».

Ивановъ телеграфировалъ Гучкову въ Псковъ: «Радъ буду повидать Васъ. мы на станціи Вырица. Если то для Васъ возможно, телеграфируйте о времени проѣзда».

Гучковъ отвѣтилъ: «На обратномъ пути изъ Пскова постараюсь быть Вырицѣ, желательнѣе встрѣтить Васъ Гатчинѣ Варшавской».

Тогда Ивановъ рѣшилъ проѣхать по соединительной вѣткѣ черезъ станцію Владимірскую (между Гатчиной и Царскимъ) на Варшавскую дорогу, надѣясь посмотрѣть на станціи Александровской Тарутинскій полкъ и повидаться съ Гучковымъ, послѣ его возвращенія изъ Пскова. На станціи Сусанино поѣздъ Иванова со всѣмъ батальономъ поставили въ тупикъ. Первая телеграмма отъ

Бубликова гласила: «Мнѣ стало извѣстно, что Вы арестовываете и терроризируете служащихъ желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ моемъ вѣдѣніи. По порученію Временнаго Комитета Государственной Думы предупреждаю Васъ, что вы навлекаете на себя этимъ тяжелую отвѣтственность. Совѣтую вамъ не двигаться изъ Вырицы, ибо по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ народными войсками вашъ полкъ будетъ обстрѣлянъ артиллерійскимъ огнемъ». Вторая: «Ваше настойчивое желаніе ѣхать дальше ставитъ непреодолимое препятствіе для выполненія желанія Его Величества немедленно слѣдовать Царское Село. Убѣдительнѣйше прошу остаться Сусанино или вернуться Вырицу».

Ивановъ вернулся на Вырицу и послалъ Алексѣеву шифрованную телеграмму (копія Тихменеву): «До сихъ поръ не имѣю никакихъ свѣдѣній о движеніи частей, назначенныхъ мое распоряженіе. Имѣю негласныя свѣдѣнія о пріостановкѣ движенія моего поѣзда. Прошу принятія экстренныхъ мѣръ для возстановленія порядка среди желѣзнодорожной администраціи, которая несомнѣнно получаетъ директивы временнаго правительства».

Для посылки телеграммы Ивановъ далъ одинъ изъ своихъ паровозовъ подполковнику генеральнаго штаба Тилли; онъ долженъ былъ передать ее по прямому проводу изъ Царскаго Села въ Ставку. Тилли доложилъ по телефону, что онъ задержанъ въ Царскомъ Селѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ивановъ получилъ отъ Тихменева слѣдующую телеграмму: «Докладываю для свѣдѣнія депешу Наштасѣва командирамъ 5, Наштаверху, Начвосѣву: «Въ виду невозможности продвигать эшелоны далѣе Луги, нежелательности скопленія ихъ на линіи, особенно Псковѣ и разрѣшенія Государя Императора вступить Главкосѣву сношенія Предсѣдателемъ Государственной Думы, послѣдовало Высочайшее соизволеніе вернуть войска, направляющіяся станцію Александровскую, обратно Двинскій районъ, гдѣ расположить ихъ распоряженіемъ командарма 5. 1216-В. 1 часъ, 2 марта, Даниловъ.

Тѣмъ временемъ придворные въ Псковѣ суетились, «толкаясь изъ вагона въ вагонъ». Событія развивались для нихъ «все страшнѣе и неожиданнѣе».

Рузскій послѣ завтрака второй разъ пришелъ къ царю и доложилъ ему семь телеграммъ: отъ великаго князя Николая Николаевича, который колѣнопреклоненно молилъ царя отречься отъ престола и передать его наслѣднику при регентствѣ великаго князя Михаила Александровича, отъ Алексѣева, Сахарова, Брусилова, Эверта, Непенина — и заявленіе Рузскаго — о томъ же; въ телеграммѣ Алексѣева (изъ Могилева) была изложена форма отреченія, которую онъ считалъ для царя желательной.

Послѣ разговора съ Рузскимъ царь рѣшилъ послать отвѣтъ телеграммой съ согласіемъ отречься отъ престола; по словамъ Дубенскаго, это рѣшеніе было принято, «дабы не дѣлать отказа отъ престола подъ давленіемъ Гучкова и Шульгина», пріѣзда которыхъ ждали, и которыхъ царь собирался принять. Слѣдующій эпизодъ, записанный въ дневникѣ Дубенскаго, Воейковъ опровергаетъ категорически:

«Когда Воейковъ узналъ это отъ Фредерикса, пославшаго эту телеграмму, онъ попросилъ у государя разрѣшенія вернуть телеграмму. Государь согласился. Воейковъ быстро пошелъ въ вагонъ свиты и заявилъ Нарышкину, чтобы онъ побѣжалъ скорѣе на телеграфъ и пріостановилъ телеграмму. Нарышкинъ пошелъ на телеграфъ, но телеграмма ушла, и начальникъ телеграфа сказалъ, что онъ попытается ее остановить. Когда Нарышкинъ вернулся и сообщилъ это, то всѣ стоящіе здѣсь почти въ одинъ голосъ сказали: «Все кончено». Затѣмъ

выражали сожалѣніе, что государь поспѣшилъ, всѣ были разстроены, поскольку могутъ быть разстроены эти пустые, эгоистичные въ большинствѣ люди».

Царь долго гулялъ между поѣздами, спокойный на видъ. Черезъ полчаса послѣ отреченія, Дубенскій стоялъ у окна и плакалъ. Мимо вагона прошелъ царь съ Лейхтенбергскимъ, весело посмотрѣлъ на Дубенскаго, кивнулъ и отдалъ честь. «Тутъ, говоритъ Дубенскій, возможна выдержка или холодное равнодушіе ко всему». Послѣ отреченія «у него одеревенѣло лицо, онъ всѣмъ кланялся, онъ протянулъ мнѣ руку, и я эту руку поцѣловалъ. Я все таки удивился, — Господи, откуда у него берутся такія силы, онъ вѣдь могъ къ намъ не выходить». Однако, «когда онъ говорилъ съ Фредериксомъ объ Алексѣѣ Николаевичѣ одинъ на одинъ, я знаю, онъ все таки заплакалъ. Когда съ С. П. Федоровымъ говорилъ, вѣдь онъ наивно думалъ, что можетъ отказаться отъ престола и остаться простымъ обывателемъ въ Россіи: «Неужели вы думаете, что я буду интриговать. Я буду жить около Алексѣя и его воспитывать».

Послѣ отреченія царь сказалъ только: «Мнѣ стыдно будетъ увидѣть иностранныхъ агентовъ въ Ставкѣ, и имъ неловко будетъ видѣть меня». «Слабый, безвольный, но хорошій и чистый человѣкъ, замѣчаетъ Дубенскій, онъ погибъ изъ за императрицы, ея безумнаго увлеченія Григоріемъ, Россія не могла простить этого».

Придворные долго разговаривали, и Воейковъ, по настоянію Дубенскаго, пошелъ убѣждать царя, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ престола такимъ «кустарнымъ образомъ» только по желанію Временнаго правительства и командующихъ фронтами. Онъ, замѣчаетъ Дубенскій, отрекся отъ престола, «какъ сдалъ эскадронъ». Въ 9 часовъ вечера въ Псковъ пріѣхали Гучковъ и Шульгинъ, уполномоченные Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы, въ которомъ еще колебались между добровольнымъ сохраненіемъ монархіи съ другимъ лицомъ на новыхъ началахъ и сверженіемъ царя и избраніемъ новыхъ политическихъ формъ. Предполагалось рекомендовать царю назначить только предсѣдателя Совѣта Министровъ и отречься въ пользу сына съ регентствомъ Михаила Александровича.

Въ эту ночь, по возвращеніи съ объѣзда вокзаловъ, Гучковъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ Временнаго Комитета Государственной Думы и Исполнительнаго Комитета Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ.

По пріѣздѣ въ Псковъ, Гучковъ хотѣлъ видѣть Рузскаго, чтобы ознакомиться съ настроеніями; но встрѣчавшій на вокзалѣ полковникъ сразу пригласилъ ихъ въ вагонъ царя, гдѣ Гучковъ и Шульгинъ встрѣтили Фредерикса и Нарышкина; потомъ пришелъ Рузскій.

Вошедшій черезъ нѣсколько минутъ царь сѣлъ за маленькій столикъ и сдѣлалъ жестъ, приглашающій сѣсть рядомъ. Остальные сѣли вдоль стѣнъ. Царь не обнаружилъ никакихъ признаковъ своего давняго неблаговоленія къ Гучкову, но также и никакой теплоты. Онъ говорилъ спокойнымъ, корректнымъ и дѣловымъ тономъ. Нарышкинъ вынулъ записную книжку и сталъ записывать.

Гучковъ сказалъ, что онъ пріѣхалъ отъ имени Временнаго Комитета Государственной Думы, чтобы дать нужные совѣты, какъ вывести страну изъ тяжелаго положенія; Петербургъ уже всецѣло въ рукахъ движенія, попытки фронта не приведутъ ни къ чему, и всякая воинская часть перейдетъ на сторону движенія, какъ только подышетъ Петербургскимъ воздухомъ.

Рузскій поддержалъ, сказавъ, что совершенно согласенъ съ А. И. и никакихъ запасныхъ частей послать въ Петроградъ не могъ бы.

«Поэтому, продолжалъ Гучковъ, всякая борьба для Васъ безполезна. Совѣтъ нашъ заключается въ томъ, что Вы должны отречься отъ престола».

Разсказавъ, какъ представители царскосельскихъ воинскихъ частей пришли въ Думу и всецѣло присоединились къ новой власти, Гучковъ продолжалъ: «Я знаю, Ваше Величество, что я Вамъ предлагаю рѣшеніе громадной важности и я жду, чтобы Вы приняли его тотчасъ. Если Вы хотите нѣсколько обдумать этотъ шагъ, я готовъ уйти изъ вагона и подождать, пока Вы примете рѣшеніе, но во всякомъ случаѣ, все это должно совершиться сегодня вечеромъ».

Царь, выслушавъ все очень спокойно, отвѣтилъ: «Я этотъ вопросъ уже обдумалъ и рѣшилъ отречься».

Гучковъ сказалъ, что царю, конечно, придется разстаться съ сыномъ, потому что «никто не рѣшится довѣрить судьбу и воспитаніе будущаго государя тѣмъ, кто довелъ страну до настоящаго положенія».

На это царь сказалъ, что онъ не можетъ разстаться съ сыномъ и передаетъ престолъ своему брату Михаилу Александровичу.

Гучковъ, предупредивъ, что онъ остается въ Псковѣ часъ или полтора, просилъ сейчасъ же составить актъ объ отреченіи, такъ какъ завтра онъ долженъ быть въ Петербургѣ съ актомъ въ рукахъ. Текстъ былъ наканунѣ набросанъ Шульгинымъ, нѣкоторыя поправки внесены Гучковымъ. Этотъ текстъ, не навязывая его дословно, въ качествѣ матеріала, передали царю: царь взялъ его и вышелъ.

Гучковъ, которому всѣ предшествовавшія событія не были извѣстны, поразился тѣмъ, что отреченіе далось такъ легко. Сцена произвела на него тяжелое впечатлѣніе своей обыденностью, и ему пришло въ голову, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ ненормальнымъ, съ пониженной сознательностью и чувствительностью. Царь, по впечатлѣнію Гучкова, былъ совершенно лишенъ трагическаго пониманія событія: при самомъ желѣзномъ самообладаніи можно было не выдержать, но голосъ у царя, какъ будто, дрогнулъ, только когда онъ говорилъ о разлукѣ съ сыномъ.

Въ вагонѣ ждали часъ или полтора. Рузскій, какъ и начальникъ его штаба генералъ Даниловъ, были, повидимому, сторонниками отреченія; съ Нарышкинымъ разговоровъ не было, больной Фредериксъ едва ли отдавалъ себѣ отчетъ въ происходящемъ и былъ взволнованъ извѣстіемъ, что его домъ сожженъ, безпокоясь о больной женѣ; къ собесѣдникамъ присоединился Воейковъ, который также безпокоился о семьѣ и о своей женѣ (дочери Фредерикса).

Царь вернулся и передалъ Гучкову переписанный на машинкѣ актъ съ подписью «Николай». Гучковъ прочелъ его присутствующимъ вслухъ. Шульгинъ внесъ двѣ-три незначительныхъ поправки, въ одномъ мѣстѣ царь сказалъ: «не лучше ли такъ выразить?» и вставилъ какое-то слово. Всѣ поправки были тотчасъ внесены и оговорены.

Гучковъ сказалъ, что въ виду могущихъ произойти въ дорогѣ случайностей слѣдуетъ составить второй актъ — не копію, а дубликатъ — и оставить его въ штабѣ Главнокомандующаго. Царь нашелъ это правильнымъ и сказалъ, что такъ и будетъ сдѣлано.

Царь сказалъ, что онъ назначаетъ верховнымъ главнокомандующимъ великаго князя Николая Николаевича; Гучковъ ничего не возражалъ, а можетъ быть и подтвердилъ. Была составлена телеграмма Николаю Николаевичу.

Гучковъ сказалъ, что Думскій Комитетъ ставитъ во главѣ правительства князя Львова. Царь сказалъ, что онъ знаетъ его и согласенъ, сѣлъ и написалъ

указъ Сенату о назначенiи князя Львова предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Царь согласился со словами Гучкова о томъ, что остальныхъ министровъ предсѣдатель приглашаетъ по своему усмотрѣнiю.

Такимъ образомъ царь назначилъ верховнаго главнокомандующаго и предсѣдателя Совѣта Министровъ уже послѣ того, какъ скрѣпилъ актъ; но на слѣдующее утро, когда Гучковъ и Шульгинъ вернулись въ Петербургъ, на улицахъ уже были плакаты съ перечисленiемъ правительства.

Царь спросилъ о судьбѣ императрицы и дѣтей, отъ которыхъ два дня не имѣлъ извѣстiй. Гучковъ отвѣтилъ, что все благополучно, больнымъ дѣтямъ оказывается помощь. Царь заговорилъ о своихъ планахъ, ѣхать ли ему въ Царское или въ Ставку; Гучковъ не зналъ, что посовѣтовать. Они простились.

Гучковъ и Шульгинъ пришли въ вагонъ Рузскаго, гдѣ ждали, когда будетъ готовъ актъ отреченiя. Присутствовалъ главный начальникъ снабженiя Савичъ, Данилова не было, онъ зашифровывалъ актъ.

Въ тотъ же вечеръ, Гучковъ и Шульгинъ выѣхали въ Петербургъ, а бывшiй императоръ — въ Могилевъ; со станцiи Сиротино онъ послалъ слѣдующую телеграмму: «Его Императорскому Величеству Михаилу. Петроградъ. Событiя послѣднихъ дней вынудили меня рѣшиться безповоротно на этотъ крайнiй шагъ. Прости меня, если огорчилъ тебя и что не успѣлъ предупредить. Останусь навсегда вѣрнымъ и преданнымъ братомъ. Возвращаюсь въ Ставку и оттуда черезъ нѣсколько дней надѣюсь прiѣхать въ Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебѣ и твоей родинѣ. Ника».

Въ пятницу, 3 марта, утромъ, генералъ Ивановъ получилъ телеграммы отъ Родзянко и Гучкова. Родзянко телеграфировалъ: «№ 185. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ телеграммой отъ сего числа № 1892 увѣдомляетъ назначенiи главнокомандующими войсками петроградскаго округа генералъ-лейтенанта Корнилова. Проситъ передать вашему высокопревосходительству приказанiе о возвращенiи вашемъ въ Могилевъ».

Гучковъ телеграфировалъ: «Тороплюсь Петроградъ, очень сожалѣю, не могу заѣхать. Свиданiе окончилось благополучно».

Провѣривъ переданное Родзянкой распоряженiе Алексѣева по телеграфу, Ивановъ рѣшилъ вернуться въ Ставку. Долго не могли достать второго паровоза и ожидали, что по дорогѣ «устроятъ бенефисъ». Наконецъ, выѣхали и благополучно доѣхали до станцiи Дно, гдѣ Ивановъ, въ полночь съ 3 на 4 марта, узналъ отъ коменданта станцiи, что Шульгинъ объявилъ 3-го манифестъ, что царь отрекся въ пользу наслѣдника, и регентомъ будетъ великiй князь Михаилъ Александровичъ.

4 марта Ивановъ подтвердилъ телеграммой коменданту станцiи Дно свое приказанiе отправить вслѣдъ за нимъ въ Могилевъ задержанную въ Днѣ искровую станцiю. 5-го въ 9 часовъ утра, по прiѣздѣ въ Псковъ, Ивановъ получилъ извѣстiя отъ 3-го марта о дѣйствiяхъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы. Между Новосокольниками и Витебскомъ Ивановъ встрѣтился съ Корниловымъ. Въ Оршѣ, изъ приложенiя къ Витебской газетѣ, Ивановъ узналъ объ отказѣ Михаила Александровича. Часа въ 3—4 дня 5-го марта Ивановъ прiѣхалъ въ Ставку, гдѣ получилъ печатный приказъ объ отреченiи царя и Михаила Александровича и узналъ, «что царь назначилъ князя Львова». Ивановъ, который во все время путешествiя ни разу не сообщалъ батальону никакихъ свѣдѣнiй о положенiи, что возбуждало неудовольствiе среди солдатъ, «наставлялъ солдатъ служить вѣрно и честно новому Правительству, благодарилъ ихъ за

службу и, прощаясь, обнялъ и поцѣловалъ въ каждой ротѣ одного солдата за всю роту». —

Бывшій императоръ 4 марта видѣлся въ Могилевѣ со своею матерью. Въ этотъ день, послѣ разговора съ Алексѣевымъ, онъ удалилъ отъ себя Воейкова, а на слѣдующій день просилъ уѣхать и Фредерикса.

8 марта, бывшій императоръ выѣхалъ изъ Ставки и былъ заключенъ въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ.

Моя служба при Временномъ Правительствѣ *

А. Демьянова

Какъ только въ Петербургѣ образовался Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, я былъ приглашенъ туда въ качествѣ его члена. Это приглашеніе было болѣе или менѣе случайнымъ. Рекомендовалъ и ввелъ меня въ Совѣтъ Ник. Дм. Соколовъ. Работа въ Совѣтѣ предстояла интересная. Но, конечно, до поры, до времени. Съ момента, когда въ составъ Совѣта вошло огромное количество представителей войскъ, всякое значеніе Совѣта потерялось. Значеніе пріобрѣла тогда исполнительная комиссія Совѣта, что совершенно естественно, такъ какъ немыслима никакая продуктивная работа въ учрежденіяхъ, насчитывающихъ въ себѣ свыше тысячи членовъ. Попалъ я въ Совѣтъ не какъ представитель партіи народныхъ соціалистовъ, а персонально. Когда Совѣтъ взялъ на себя устрой-

---

* Настоящія записки представляютъ собою пересказъ того, что мною было написано болѣе года тому назадъ, когда я жилъ въ г. Сухумѣ. Мои старыя замѣтки остались въ г. Сухумѣ, когда я по распоряженію Грузинскихъ властей былъ высланъ изъ предѣловъ Грузіи. Я переѣхалъ тогда въ г. Баку. То лицо, которое взялось привезти мои замѣтки въ Баку, по дорогѣ, какъ онъ утверждаетъ, ихъ потерялъ. Я же подозрѣваю, что онъ просто ихъ выкинулъ, боясь или натолкнувшись на обыскъ со стороны Грузинъ. Такъ или иначе, но старыхъ записокъ моихъ нѣтъ. Я рѣшилъ ихъ возобновить, считая, что онѣ могутъ представлять нѣкоторый историческій интересъ.

Пишу эти записки въ качествѣ невольнаго бѣженца безъ всякихъ документальныхъ данныхъ въ рукахъ, не встрѣчая людей, которые могли бы возобновить въ моей памяти недостающія мнѣ свѣдѣнія. Воспоминанія затрагиваютъ лишь событія, коихъ я былъ свидѣтелемъ и которыя связаны съ моей служебной дѣятельностью. Это надобно имѣть въ виду и не ожидать отъ записокъ болѣе того, что онѣ могутъ дать. Никакихъ объясненій общихъ причинъ, создавшихъ революцію, торжество большевиковъ, или исторіи самой революціи, кромѣ общихъ мимолетныхъ и неизбѣжныхъ по сему поводу замѣчаній, въ моихъ запискахъ читатель не найдетъ.

Сумѣю ли я быть объективно правдивымъ при изложеніи своихъ воспоминаній? Я считаю себя на это способнымъ. Ради правды, какъ я себѣ ее представляю, я не буду покрывать промаховъ лицъ, какъ бы близко они ко мнѣ ни стояли. Это иногда — очень тяжело. Но я передъ этимъ и раньше не останавливался и теперь не остановлюсь. Пустъ простятъ меня тѣ, отзывы мои о которыхъ будутъ имъ не по душѣ; пусть они знаютъ, что ничего личнаго я въ свои писанія не вносилъ.

Батумъ. Ноябрь-Декабрь 1920 г.

ство комиссаріатовъ отдѣльныхъ частей Петербурга, иначе говоря, учрежденій, замѣнявшихъ собою старыя полицейскія части, — я былъ назначенъ комиссаромъ Литейной части, и это назначеніе принялъ.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, собиравшихся въ зданіи Государственной Думы, сконцентрировался ранѣе образованія того государственнаго учрежденія, которое должно было представлять собою всю Россію и носить функціи государственной власти. Объ образованіи такого учрежденія шли въ то время только переговоры въ думскомъ комитетѣ. Мысли, которыя по этому поводу высказывались нѣкоторыми лицами, стоявшими во главѣ движенія, были настолько своеобразны, что показывали, какъ мало они въ то время понимали дѣйствительность. Лидеръ кадетъ П. Н. Милюковъ весьма въ этомъ отношеніи грѣшилъ.

Сверженіе императорской власти было движеніемъ стихійнымъ. Ни одна политическая партія, ни одно лицо не можетъ сказать, что старое правительство было свергнуто ими. Очевиднымъ для всѣхъ было одно: старая власть не можетъ долѣе существовать. Никто этой старой власти не хотѣлъ защищать, а думали только о томъ, какъ бы и кѣмъ ее замѣнить. Вотъ почему не удивительно, что такіе монархисты, какъ депутаты Шульгинъ и Гучковъ, взяли на себя починъ (удивительно только то, что они взяли на себя эту роль, никѣмъ на то не уполномоченные) поѣхать къ царю и потребовать отъ него отреченія отъ престола. То же стихійное движеніе заставило единственное въ Россіи представительное учрежденіе — Государственную Думу, по духу совершенно консервативную, въ лицѣ особаго думскаго комитета, взять на себя дѣло учрежденія въ Россіи Временной Всероссійской Государственной власти. Но и это не сразу сдѣлалось. Помню, въ самомъ началѣ революціоннаго движенія, въ залѣ Государственной Думы ходили группами отдѣльные депутаты и представители различныхъ политическихъ партій. Группа кадетъ, среди которыхъ былъ и П. Н. Милюковъ, весьма азартно доказывала, что никакой всероссійской власти нельзя устроить при условіи существованія Петербургскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ; двухъ властей не можетъ и не должно существовать, такъ убѣждали кадеты. Я присоединился къ бесѣдующимъ, и одинъ изъ молодыхъ кадетовъ (фамиліи его я не знаю) сталъ чуть ли не съ пѣной у рта доказывать мнѣ, что мнѣніе Павла Николаевича совершенно правильно. Однако онъ весьма быстро охладился, когда я его спросилъ, имѣетъ ли — по его мнѣнію — Петербургскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ претензію управлять всей Россіей и не ограничиваетъ ли онъ свои функціи охраной интересовъ только рабочихъ, да и то только одного города Петербурга. Я самъ слышалъ, какъ этотъ депутатъ сталъ вслѣдъ засимъ защищать мысль о необходимости немедленной организаціи всероссійской власти, учрежденія, существованію котораго никакіе Совѣты рабочихъ депутатовъ помѣшать не могутъ.

Въ первые же дни засѣданій Совѣта рабочихъ депутатовъ былъ поднятъ вопросъ объ охранѣ Государственнаго банка и другихъ государственныхъ учрежденій. Однако, какъ только стало извѣстно, что думскій комитетъ избралъ для этой охраны своихъ комиссаровъ, Совѣтъ отъ этой роли немедленно отказался — и безъ всякихъ преній. Было ясно и членамъ Совѣта, что это дѣло общегосударственной власти, на каковую роль въ это время Совѣтъ рабочихъ депутатовъ абсолютно не претендовалъ. Совѣтъ въ первое время своего существованія всегда поддерживалъ Временное Правительство своимъ авторитетомъ въ извѣстной средѣ. Оговариваюсь, однако, что въ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ

эту свою роль Совѣтъ не всегда выдерживалъ. Но эту роль не выдерживали и всякія другія политическія организаціи. Происходило много недоразумѣній въ этомъ отношеніи. Власть тогда многихъ увлекала, и границы, гдѣ эта власть не могла и не должна была проявляться, не только не соблюдались, но весьма часто и не понимались.

Думскій комитетъ приступилъ къ избранію состава Временнаго Правительства. Я былъ тогда въ Государственной Думѣ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ гражданскимъ инженеромъ П. М. Макаровымъ, будущимъ помощникомъ комиссара Ф. А. Головина по управленію дворцовымъ вѣдомствомъ. А. Ф. Керенскій подошелъ къ намъ и обратился къ намъ съ просьбой высказать свое мнѣніе по поводу того, принять ему предложеніе комитета, войти въ составъ Временнаго Правительства въ качествѣ Министра Юстиціи или отказаться. Смущало его слѣдующее обстоятельство: предсѣдатель Совѣта рабочихъ депутатовъ с.-д. Чхеидзе категорически отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія войти въ составъ Временнаго Правительства, причемъ, повидимому, отказъ этотъ, насколько я вспоминаю объясненія А. Ф. Керенскаго, носилъ характеръ желанія отмежеваться отъ Временнаго Правительства какъ учрежденія, къ которому нельзя относиться положительно и которое онъ считалъ не отвѣчающимъ интересамъ рабочихъ массъ. А. Ф. былъ товарищемъ предсѣдателя Совѣта рабочихъ депутатовъ отъ партіи с.-р. Отказъ Чхеидзе ставилъ Керенскаго, въ случаѣ принятія имъ портфеля, въ изолированное положеніе въ Совѣтѣ и могъ повліять на отношеніе къ нему рабочихъ массъ.

Обращеніе А. Ф. къ намъ носило характеръ, какъ мнѣ думается, только повѣрки его собственнаго убѣжденія въ томъ, что онъ долженъ принять сдѣланное ему предложеніе портфеля Министра Юстиціи въ организующейся власти. Для меня и Макарова никакого вопроса въ томъ, идти Керенскому въ составъ Временнаго Правительства или нѣтъ — не существовало. Естественный ходъ событій требовалъ, чтобы наиболѣе популярный членъ Государственной Думы вошелъ въ составъ образуемаго кабинета. Такъ мы ему и сказали.

Керенскій сталъ въ этомъ случаѣ выше партійныхъ интересовъ и вышелъ побѣдителемъ. Онъ объявилъ въ Совѣтѣ рабочихъ депутатовъ о своемъ рѣшеніи вступить во Временное Правительство, поставилъ вопросъ о довѣріи къ нему, призывалъ поддержать вновь организовавшуюся Государственную власть. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ вотировалъ ему свое довѣріе и черезъ него пріялъ Временное Правительство. Чхеидзе промахнулся.

Въ основѣ дѣятельности Чхеидзе никогда не лежала любовь къ Россіи.

Съ паденіемъ монархической власти и при необходимости создать новую власть, консервативные элементы, враждебные идеѣ народовластія, сами отошли въ сторону; они даже не пытались претендовать на какую либо роль въ новомъ правительствѣ. Если было возможно избраніе въ кабинетъ А. И. Гучкова, то это объясняется тѣмъ, что Гучковъ въ Государственной Думѣ все же боролся съ той правительственной неурядицей и тѣми злоупотребленіями въ военной сферѣ, которыя привели Россію къ пораженію. На такихъ же основаніяхъ попалъ въ правительство и Львовъ въ качествѣ оберъ-прокурора Правительствующаго Синода. Въ Думѣ онъ боролся съ духовной рутиной и злоупотребленіями по управленію церковью. Но все же истинно консервативное, все, что только такъ или иначе могло носить характеръ вліянія на прежнюю русскую политику, должно было свестись на нѣтъ. Во главѣ правительства должны были встать

и стали либералы, избранные по необходимости и по неволѣ консервативной Думой. Избравъ правительство, думскій комитетъ сдѣлалъ свое дѣло и умеръ естественной смертью. Какъ ни старались затѣмъ его оживить Родзянко и стоявшіе не у дѣлъ члены комитета, ничего не выходило — комитетъ умеръ своею смертью.

Когда составъ правительства былъ намѣченъ, и П. Н. Милюковъ въ густой толпѣ собравшихся въ Государственной Думѣ партійныхъ работниковъ прочелъ списокъ избранныхъ, то списокъ этотъ былъ встрѣченъ общими симпатіями. Тогда же стало яснымъ, что наиболѣе популярными лицами въ новомъ правительствѣ были Львовъ, предсѣдатель Совѣта Министровъ, и А. Ф. Керенскій. Имя Керенскаго было встрѣчено съ энтузіазмомъ. Оно ярче отражало побѣду народную.

Въ засѣданіи Совѣта рабочихъ депутатовъ Керенскій, хотя и былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя, появлялся мало; онъ былъ занятъ въ комиссіи по оборонѣ (какъ было ея оффиціальное названіе — я не помню). Черезъ эту комиссію проходили всѣ распоряженія и принимались всѣ мѣры къ огражденію революціоннаго Петербурга отъ вторженія въ него и нападенія войскъ, преданныхъ старому правительству. Работы, крайне нервной, въ этой комиссіи было сверхъ силъ. Во главѣ революціонныхъ войскъ стоялъ тогда членъ Государственной Думы полковникъ Энгельгардтъ. Никогда никто не зналъ, съ какими намѣреніями подходили къ Петербургу вновь прибывавшія войска. Но таково было настроеніе всей русской арміи, что съ прибытіемъ новыхъ полковъ приходилось только кричать «ура». Керенскій дошелъ въ своей работѣ до предѣловъ крайняго утомленія и расшатанности нервовъ, до состоянія близкаго къ истеріи. Когда онъ былъ назначенъ Министромъ Юстиціи, то въ первые дни пребыванія своего въ Министерствѣ, ему приходилось ходить, опираясь на палку; до того онъ чувствовалъ себя ослабѣвшимъ.

Помню слѣдующій эпизодъ изъ первыхъ дней революціи. Я находился въ залѣ Таврическаго Дворца, когда туда привели арестованнаго Министра Юстиціи Щегловитова. Бѣднягу привели въ томъ видѣ, въ какомъ застали при арестѣ, то-есть въ сюртукѣ, безъ пальто и шубы. И провезли такъ по улицамъ въ изрядный морозъ. Щегловитовъ отъ холода, а можетъ быть и отъ волненія, былъ красенъ. Сконфуженный и похожій на затравленнаго звѣря, огромный, онъ сѣлъ на предложенный ему стулъ. Кто-то далъ ему папиросу, которую онъ закурилъ. Толпа съ любопытствомъ на него глазѣла. Зрѣлище несомнѣнно было очень любопытное. Вдругъ раздались голоса: «Родзянко, Родзянко идетъ». Предсѣдатель Государственной Думы дѣйствительно прибылъ и привѣтливо обратился къ Щегловитову, назвавъ его «Иванъ Григорьевичъ». Однако, руки ему не подалъ. Онъ обнялъ его за талію и сказалъ: «Пройдемте ко мнѣ въ кабинетъ». Но арестовавшіе Щегловитова солдаты, а можетъ быть и матросы, и частныя лица запротестовали. Они де не имѣютъ права его отпускать безъ приказа Керенскаго. Въ это время раздались крики: «Керенскій, Керенскій идетъ». Удивительный контрастъ представляли собой встрѣтившіеся Щегловитовъ и Керенскій. Первый — высокій, плотный, сѣдой и красный, а второй — видомъ совершенно юноша, тоненькій, безусый и блѣдный. Керенскій подошелъ и сказалъ Щегловитову, что онъ арестованъ революціонной властью. Впервые было тогда сказано это слово, сказано, что существуетъ революціонная власть и что приходится съ этой властью считаться и даже ей подчиниться. Это было

въ первые дни революціи. Кажется, 27 февраля. Щегловитова увели въ павильонъ Таврическаго Дворца, куда въ скоромъ времени стали помѣщать и другихъ арестованныхъ.

А. Ф. Керенскій въ составѣ кабинета съ самаго начала сталъ играть первенствующую роль. Это сказалось и въ томъ, что въ то время, когда искали людей для назначенія на различныя отвѣтственныя должности, кандидаты, указанные Керенскимъ, почти всѣ проходили. Чаще же происходило такъ, что кандидатовъ искали и не могли сразу найти, въ то время, какъ у Керенскаго былъ уже готовый на умѣ. Популярнымъ Керенскій оказался и среди иностранныхъ представителей, которые по различнымъ вопросамъ считали нужнымъ заходить къ нему, хотя дѣло относилось къ вѣдѣнію другихъ министровъ. О частной публикѣ и говорить нечего. Все потянулось къ Министру Юстиціи.

Кого же приглашалъ и кого указывалъ А. Ф. Керенскій и на какія должности и посты? Не только имена болѣе или менѣе популярныя, но еще при условіи, чтобы эти популярныя имена были указны различными общественными и политическими организаціями, — такова была его политика. Такимъ пріемомъ онъ стремился заручить довѣріе массъ къ Временному Правительству. Въ извѣстной степени и на первыхъ порахъ, мнѣ думается, этотъ пріемъ достигалъ своей цѣли. Тѣмъ не менѣе, онъ принесъ въ будущемъ весьма замѣтные отрицательные результаты. Ибо часто выходило такъ, что популярность не связывалась съ интересами дѣла. Популярный книжный человѣкъ не являлся человѣкомъ дѣла.

Немедленно по своемъ назначеніи Министромъ Юстиціи Керенскій пригласилъ къ себѣ въ товарищи А. С. Зарудпаго, котораго очень любилъ и котораго считалъ маленькимъ Львомъ Толстымъ, то-есть человѣкомъ, имѣющимъ свои убѣжденія, отъ которыхъ онъ ни при какихъ случаяхъ не отказался бы. — Второго товарища министра Керенскій просилъ указать ему Петроградскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Тотъ же Совѣтъ Керенскій просилъ указать ему и другихъ лицъ, коихъ пожелалъ бы Совѣтъ видѣть на отвѣтственныхъ мѣстахъ въ Министерствѣ, въ Сенатѣ и въ Судѣ. Въ Совѣтъ Керенскій явился лично, назвалъ старшихъ своихъ товарищей своими учителями, совѣтами коихъ желалъ бы пользоваться на своемъ новомъ посту и въ будущемъ. Все это произвело очень хорошее впечатлѣніе. Шумно и съ излишней восторженностью отзывался о Керенскомъ тогдашній предсѣдатель Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ Н. П. Карабчевскій. Былъ созванъ Совѣтъ, дополненный приглашеніемъ наиболѣе популярныхъ въ сословіи лицъ, для обсужденія поднятыхъ Керенскимъ вопросовъ.

Однако, среди Петербургскихъ адвокатовъ Совѣтъ не могъ никого назвать на постъ товарища Министра Юстиціи. Прошелъ первымъ кандидатомъ московскій присяжный повѣренный Тесленко, вторымъ былъ названъ я. Тесленко получилъ противъ меня на одинъ или на два голоса больше. Зато единогласно меня указали, какъ на кандидата въ директора 2-го Департамента Министерства Юстиціи, вѣдающаго назначеніемъ судей на всю Россію.

О результатѣ выборовъ предсѣдатель Совѣта Н. П. Карабчевскій сообщилъ Керенскому. Въ душѣ я очень досадовалъ, что въ препроводительной бумагѣ не было сказано (а это, конечно, слѣдовало сдѣлать), что вторымъ кандидатомъ

въ товарищи министра, хотя и не получивъ большинства голосовъ (голосовало, кажется, 29—30 человѣкъ), былъ указанъ я. Совѣтъ проголосовалъ, между прочимъ, кого рекомендовать Керенскому въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Не смотря на мой протестъ, что назначеніе чиновника особыхъ порученій всегда дѣло личное министра, который въ такихъ случаяхъ стремится имѣть при себѣ болѣе или менѣе близкаго ему человѣка, собраніе все же остановилось на выборѣ этого лица и избрала А. А. Исаева, не запросивъ даже самою Исаева — хочетъ ли онъ получить это мѣсто или нѣтъ. Керенскій остался этимъ очень недоволенъ.

Чиновникомъ особыхъ порученій онъ пригласилъ къ себѣ близкаго ему пріятеля еще со школьной скамьи, присяжнаго повѣреннаго Сомова.

Тесленко не принялъ приглашенія, и на его мѣсто былъ назначенъ Г. Д. Скарятинъ, лѣвый кадетъ, съ которымъ я былъ всегда въ большой дружбѣ, — человѣкъ самой высокой моральной марки. Съ Заруднымъ я былъ тоже въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ и на «ты». Создавалась служба въ кругу лицъ, съ которыми имѣть дѣло было въ извѣстной степени наслажденіемъ, такъ какъ, если бы и были между нами разногласія, то только на почвѣ убѣжденій и взглядовъ, а не на почвѣ какихъ либо интригъ, взаимной вражды, недовѣрія или недоброжелательства.

Въ новыхъ условіяхъ политической жизни мнѣ, само собой разумѣется, работать очень хотѣлось, и я съ большой охотой принялъ приглашеніе на постъ директора 2-го Департамента Министерства Юстиціи. Отъ поста комиссара Литейной части я немедленно отказался. Комиссаромъ я былъ очень недолго. За это короткое время особыхъ событій въ комиссаріатѣ не произошло никакихъ. Но работы тамъ было пропасть и самой разнообразной. Дѣятельность новыхъ полицейскихъ частей въ первой стадіи ихъ работы заслуживаетъ того, чтобы кто либо подробно ее описалъ. Присяжные писатели, вѣроятно, это сдѣлаютъ. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ комиссаровъ въ Петербургѣ былъ почтенный А. В. Пѣшехоновъ. Надо надѣяться, что онъ опишетъ исторію своей службы въ комиссаріатѣ.

При вступленіи моемъ на должность Керенскій предупредилъ меня, чтобы я не былъ слишкомъ мягкимъ, что мнѣ придется весьма и весьма почистить вѣдомство. Это, конечно, мнѣ было извѣстно, и на это я шелъ.

Директоромъ 2-го Департамента, котораго я долженъ былъ замѣнить, былъ тогда нѣкто Ивановъ *. До назначенія его директоромъ департамента онъ былъ предсѣдателемъ Московскаго Окружнаго суда, а раньше однимъ изъ товарищей предсѣдателя Петербургскаго Окружнаго суда. Это былъ человѣкъ сравнительно молодой, какъ говорятъ, богатый. Иванову я лично очень не симпатизировалъ. И имѣлъ къ тому основаніе. Ивановъ — типичный карьеристъ. Какъ таковой, онъ, само собой разумѣется, долженъ былъ стоять въ оппозиціи къ адвокатурѣ. Кто хотѣлъ сдѣлать при Щегловитовѣ карьеру, долженъ былъ игнорировать адвокатуру; даже всякая грубость, всякое безсмысленное обрываніе въ судѣ адвоката не только сходило съ рукъ судебнымъ чинамъ, но даже до извѣстной степени поощрялось. Это шло со времени Александра III, который, какъ ходили

* Касаясь довольно подробно Иванова, оговариваюсь, что дѣлаю это не съ точки зрѣнія общественнаго интереса, а скорѣе, если можно такъ выразиться, «вѣдомственнаго».

слухи, какъ-то и гдѣ-то написалъ замѣтку на всеподданнѣйшемъ докладѣ: «терпѣть не могу этого сословія». На грубое отношеніе со стороны Иванова наскочили я и адвокатъ М. В. Беренштамъ въ бытность въ Москвѣ. Мы такъ въ первый моментъ были возмущены поведеніемъ Иванова, что рѣшили было написать на него жалобу Щегловитову. Но по русскому обычаю не сдѣлали этого, и вотъ почему: грубый и незаконный отказъ исполнить нашу просьбу по любезности одного изъ товарищей предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда нынѣ покойнаго старика поляка Доната (фамилію не помню) былъ аннулированъ. Донатъ N. сознательно пошелъ противъ воли Иванова и исполнилъ наше законное требованіе въ выдачѣ намъ безъ задержки исполнительнаго листа.

Само собой разумѣется, что когда судьба свела меня съ Ивановымъ, я и виду не показалъ, что я когда-нибудь съ нимъ встрѣчался и имѣлъ съ нимъ столкновеніе. То же было и съ его стороны, хотя я допускаю, что онъ меня могъ и не помнить. Въ Петербургскомъ Судѣ мнѣ тоже не приходилось съ нимъ встрѣчаться. То обстоятельство, что я занималъ его должность, гарантировало Иванова, что онъ при этомъ получитъ, если не повышеніе по службѣ, то во всякомъ случаѣ все же видный постъ. Словомъ, въ служебномъ отношеніи онъ былъ застрахованъ.

Внѣшняя сторона службы не представляла никакихъ затрудненій. Дня два я принималъ дѣла при Ивановѣ, и этого было совершенно достаточно, чтобы понять, въ чемъ суть предстоящаго дѣла. Но, если съ внѣшней стороны дѣло было просто, то по существу оно было труднѣйшимъ. А, кромѣ того, чего я никакъ не могъ предполагать, и до послѣдней степени утомительнымъ. Нельзя себѣ представить, что это за трудъ, принимать просителей, а ихъ приходила вереница съ 10 часовъ утра до 6—7 часовъ вечера. Послѣ пріемовъ я совершенно изнемогалъ. Новымъ служащимъ всѣмъ оказалось дѣла по горло. Достаточно сказать, что всѣ вновь назначенные, въ томъ числѣ и министры, въ какой-нибудь мѣсяцъ всѣ весьма замѣтно похудѣли.

Работа моя заключалась въ вѣдѣніи служебнаго персонала всего судебнаго вѣдомства, хотя назначенія шли, конечно, непосредственно отъ министра. Затѣмъ на директора 2-го Департамента была возложена гражданская часть, то-есть, дача заключеній по всѣмъ, поступающимъ на заключеніе Министра Юстиціи вопросамъ гражданскаго права, статистика и часть денежныхъ дѣлъ. Первая задача была главнѣйшей. Затѣмъ я уже самъ позаботился, чтобы попасть въ нѣкоторыя законодательныя комиссіи, что я считалъ для себя отдыхомъ отъ своихъ обычныхъ служебныхъ занятій. Много сравнительно времени занималъ просмотръ входящихъ бумагъ по департаменту. Въ прежнее время всѣ входящія бумаги по министерству поступали на просмотръ министра. И это было правильно, но . . . только для мирнаго времени. Послѣ переворота нельзя себѣ представить, какое количество бумагъ стало поступать въ министерство; однѣхъ телеграммъ каждодневно прибывало столько, что еслибы министръ лично занялся ихъ просмотромъ, то ему не хватило бы времени на другія дѣла. Такимъ образомъ, трудъ просмотра поступавшихъ бумагъ былъ раздѣленъ между товарищами министра и двумя директорами департаментовъ, къ неудовольствію А. С. Заруднаго, находившаго это вреднымъ отступленіемъ отъ существовавшихъ традицій.

Новой метлѣ пришлось много поработать. Чистить щегловитовское хозяйство было дѣломъ потому труднымъ, что все должно было идти изъ Петербурга, и изъ-за существованія закона о несмѣняемости судей. Облегчало положеніе

въ этомъ отношеніи то, что при Щегловитовѣ карьеру дѣлали лица исключительнаго типа. Это были люди, безусловно преданные существовавшей власти, что не значитъ однако «преданные въ душѣ»; такіе, которые исполняли не только то, что приказывали сверху, но и догадывавшіеся о томъ, что хотѣли свыше имъ приказать; люди жестокіе, ненавидѣвшіе все лѣвое и по программѣ преслѣдовавшіе все лѣвое. Имена ихъ были болѣе или менѣе всѣмъ въ судебномъ мірѣ извѣстны. Всѣ они при Щегловитовѣ повылѣзли впередъ, а честное поневолѣ спряталось, то-есть продолжало служить, но замолкло, боясь репрессій. Къ чести судебнаго вѣдомства нужно сказать, что отрицательнаго элемента все же было сравнительно очень немного, но онъ далъ окраску всему судебному вѣдомству. При щегловитовскомъ режимѣ сколько-нибудь талантливая молодежь на службу въ судъ не поступала. Это — несомнѣнный фактъ. Все это искало работы внѣ щегловитовскаго суда. Молодежь шла въ адвокатуру, искала другихъ свободныхъ профессій, можетъ быть, поступала на службу въ другія вѣдомства, но Министерства Юстиціи избѣгала.

Вице-директоромъ 2-го Департамента состоялъ — г. Ложенцынъ, человѣкъ весьма толковый, умѣвшій прекрасно докладывать дѣла; мастеръ въ этомъ дѣлѣ. Но не на немъ лежало главное. Душою дѣла былъ начальникъ Отдѣленія Петръ Петровичъ Жемчужниковъ, молодой человѣкъ, бывшій товарищъ прокурора Петербургскаго Окружнаго Суда. О немъ нужно сказать нѣсколько словъ. Жемчужниковъ началъ свою службу въ министерствѣ при краткосрочномъ пребываніи на посту министра, сенатора А. А. Хвостова, дяди Министра Внутреннихъ Дѣлъ Хвостова. Съ Хвостовымъ я встрѣчался. Съ нимъ познакомилъ меня когда-то родственникъ его, тверской помѣщикъ и земецъ изъ глубоко честныхъ правыхъ Ст. Дм. Квашнинъ-Самаринъ, избранный, не помню, земскимъ или дворянскимъ собраніемъ въ члены Государственнаго Совѣта. А. А. Хвостовъ — типичный бюрократъ, но тоже изъ честныхъ. Школу бюрократическую онъ прошелъ блестящую. Какъ умный и честный человѣкъ, онъ хорошо понималъ, что юстиція на щегловитовскомъ лакейскомъ режимѣ держаться не можетъ; то-есть авторитетъ ея долженъ падать, не говоря уже о томъ, что и само дѣло юстиціи не могло идти нормальнымъ путемъ. Онъ рѣшилъ почистить вѣдомство. Себѣ въ помощники онъ пригласилъ своего дальняго родственника П. П. Жемчужникова, вполнѣ надѣясь на его преданность дѣлу. Онъ не ошибся. Жемчужниковъ изучилъ почти наизусть карьеру всѣхъ служащихъ въ судебномъ вѣдомствѣ; зналъ репутацію каждаго изъ нихъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ прямо незамѣнимымъ человѣкомъ. Само собой разумѣется, по воззрѣніямъ своимъ Жемчужниковъ былъ консерваторъ, въ чемъ открыто признавался, но онъ никогда никого не прикрывалъ за правизну. Я съ нимъ на служебномъ поприщѣ сдружился и посмѣивался надъ нимъ, увѣряя его, что онъ самъ помогаетъ мнѣ удалять изъ вѣдомства всѣхъ консерваторовъ. На несчастіе Жемчужникова это оказывался наихудшій служебный элементъ.

Чиновникъ, чинуша — въ представленіи независимыхъ обывателей — есть что-то не особенно заслуживающее уваженія, несмотря на то, что вся Россія покрыта чиновничествомъ. Чиновникъ, по свойству своему, по служебному своему положенію, обязанъ исполнять только то, что прикажетъ ему выше его стоящее начальство. Онъ можетъ имѣть, если хочетъ, свое мнѣніе, свои убѣжденія, но долженъ держать ихъ при себѣ. Его обязанность — излагать чужія мысли. И это — его профессія, какъ профессія приказчика — продавать чужое добро. Кузьма Прутковъ удивительно тонко обрисовалъ чиновника въ своемъ афоризмѣ:

«чиновникъ подобенъ стальному перу». Опредѣленіе совершенно вѣрное: не чиновникъ пишетъ, но имъ пишутъ. — Конечно, чиновникъ чиновнику рознь, и бѣда начальствующихъ лицъ, попадающихъ въ лапы чиновниковъ, ведущихъ свою служебную игру въ ущербъ дѣлу. Я потому заговорилъ о чиновникахъ, что весьма недавно встрѣтилъ пріятеля по сословію, извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго Т., который сказалъ мнѣ, что я, занявъ постъ сначала директора департамента, а затѣмъ и товарища министра, сталъ, по его мнѣнію, самымъ заурялнымъ бюрократомъ, находившимся въ подчиненіи своихъ же подчиненныхъ, слушаясь только ихъ совѣтовъ, а не совѣтовъ товарищей по сословію, и въ ущербъ, конечно, дѣлу. Адвокаты всей Россіи помимо всякихъ просьбъ, обращенныхъ къ нимъ, приняли самое живое участіе въ дѣлѣ обновленія суда. Въ министерство поступало много всякихъ бумагъ со стороны адвокатуры, въ которыхъ бывшіе товарищи по сословію писали о всѣхъ недостаткахъ мѣстнаго суда. Конечно, дѣло клонилось къ необходимости убрать того или иного судью. Адвокатура въ этомъ отношеніи принесла много пользы. Но тѣмъ не менѣе, оказалось весьма и весьма необходимымъ относиться къ ея отзывамъ о лицахъ крайне осторожно. Оказалось, въ этихъ отзывахъ игралъ довольно сильную роль личный элементъ. Тутъ сказывалось, повидимому, и недовольство проигрышемъ дѣла, въ которомъ винили отдѣльныхъ судей, несимпатія къ лицу, словомъ, нѣчто, стоявшее внѣ общественнаго интереса. Были случаи, когда отрицательный отзывъ о судьѣ, данный цѣлой группой присяжныхъ повѣренныхъ, замѣнялся затѣмъ отзывомъ положительнымъ объ этомъ же лицѣ. Таковъ случай — съ прокуроромъ Тифлисской Палаты Кисилевскимъ, о чемъ я буду говорить ниже. Лично я, хотя по профессіи и давнишній адвокатъ, состоялъ неоднократно членомъ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ и принималъ ближайшее участіе во всѣхъ адвокатскихъ дѣлахъ общественнаго характера, къ адвокатурѣ относился довольно отрицательно, что многимъ изъ моихъ товарищей не особенно нравилось. Я, конечно, глубоко сочувствовалъ тому, чтобы сословіе имѣло свою автономію. Но изъ этой автономіи я не дѣлалъ широкихъ выводовъ о правахъ адвокатуры; права были самыя скромныя. Этими скромными правами адвокатура въ лицѣ ея главарей очень дорожила и гораздо больше, чѣмъ слѣдовало. Боясь потерять автономію, почтенные главари адвокатуры готовы были въ иныхъ случаяхъ фактически отказаться отъ многихъ правъ по автономіи лишь бы и то только номинально сохранить ее. Адвокаты поступали такъ, какъ поступалъ и поступаетъ всегда средній обыватель и обывательскія политическія партіи, ибо и по существу своему адвокатъ за рѣдкими исключеніями есть всегда превосходнѣйшій образецъ обывателя-буржуя. Но какъ бы я отрицательно не относился къ адвокатурѣ въ ея цѣломъ, я все же дорожу тѣмъ, что принадлежу къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Адвокатура, какъ сословіе, имѣетъ много привлекательныхъ сторонъ. Даже по составу своему она выше другихъ сословныхъ организацій или другихъ сословій, необъединенныхъ въ организаціи. Большинство адвокатовъ люди безукоризненно честные. Между ними много выдающихся талантливыхъ людей, видныхъ общественныхъ дѣятелей. А за послѣднее время и въ политическомъ отношеніи адвокатура выдвинулась впередъ и сыграла значительную политическую роль въ Россіи. Достаточно упомянуть, что еще во времена Плеве адвокаты подъ сурдинку не побоялись и сумѣли организовать съѣздъ русскихъ адвокатовъ со всей Россіи и на этихъ съѣздахъ выработали основныя положенія необходимѣйшихъ въ Россіи политическихъ реформъ. Политики-адвокаты были въ большинствѣ своемъ политическими защитниками, не

имѣвшими не только крупныхъ заработковъ, но иногда и сколько-нибудь достаточныхъ. Имъ приходилось ѣздить по всей Россіи и Сибири по политическимъ защитамъ на средства, жертвуемыя частными лицами, а чаще на средства, собираемыя по раскладкѣ между собою. Адвокатъ въ силу того, что вѣчно оперируетъ съ законами и что работа его заключается въ логическихъ построеніяхъ, болѣе всякаго другого приспособленъ къ политической дѣятельности. На это его даже наталкиваютъ другіе, ибо кому же, какъ не адвокату, въ эпохи конструированія новой власти взять на себя законодательную работу. Неудивительно, что въ моменты переворота адвокаты вылѣзаютъ на верхъ. Но къ сожалѣнію, адвокаты внесли въ общее россійское дѣло массу легкомыслія и обывательщины. Нужно было относиться съ крайней осторожностью, какъ я выше сказалъ, ко всякой ихъ рекомендаціи того или иного гражданина на ту или иную должность. Всѣ такія рекомендаціи принимались на верху конечно въ расчетъ, но полной вѣры имъ не давалось. Это тоже весьма многимъ не нравилось, и указаніе Г. на мой бюрократизмъ является отголоскомъ этого недовольства. Само собою разумѣется, я правильности замѣчанія Г. на мой счетъ не признаю. Такъ или иначе, во главѣ Министерства Юстиціи сталъ Керенскій-адвокатъ, товарищемъ его А. С. Зарудный, хотя и бывшій товарищъ прокурора, а затѣмъ и чиновникъ Министерства Юстиціи, но все же адвокатъ, другой товарищъ Министра Г. Д. Скарятинъ, бывшій членъ Виленской Судебной Палаты, — адвокатъ; я — директоръ 2-го Департамента — адвокатъ. Въ провинціи на первыхъ же порахъ на должности прокуроровъ Судебныхъ Палатъ и Окружныхъ Судовъ были назначены адвокаты. Словомъ, адвокатура въ судебномъ вѣдомствѣ, да и не въ одномъ судебномъ вѣдомствѣ, заблистала. Это вскружило головы многимъ присяжнымъ повѣреннымъ. Ни одинъ присяжный повѣренный, претендовавшій на полученіе какой либо должности, не мнилъ себя достойнымъ должности ниже товарища оберъ-прокурора Правительствующаго Сената. На эту должность претендовали, казалось, самые скромные по своему общественному положенію присяжные повѣренные, а иногда даже и очень молодые. Какъ характерный примѣръ привожу слѣдующее. Ко мнѣ на пріемъ пришелъ весьма недавно принятый изъ помощниковъ присяжнаго повѣреннаго въ присяжные повѣренные — нѣкто К., состоявшій фактическимъ помощникомъ у Н. П. Карабчевскаго. Онъ сказалъ мнѣ, что такъ какъ ему извѣстно, что будетъ нѣсколько вакансій на должность товарища оберъ-прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, то онъ весьма былъ бы не прочь занять такую должность, что по своимъ познаніямъ онъ вполнѣ ея достоинъ, и что на мысль занять эту должность его натолкнулъ Н. П. Карабчевскій. Еще до свиданія съ К. я встрѣтился съ Н. П. Карабчевскимъ, который съ своей стороны замолвилъ слово за К., но понимая, что домоганія К. далеко не скромны, прибавилъ, что онъ проситъ за К. по желанію послѣдняго и что въ просьбѣ похлопотать за него онъ не могъ ему отказать. Что мнѣ было дѣлать? Я рѣшился быть съ К. вполнѣ откровеннымъ и заявилъ ему, что должность товарища оберъ-прокурора Сената очень крупный въ служебномъ отношеніи постъ, что этого мѣста добиваются судебные чины послѣ весьма продолжительнаго судебнаго стажа, и что было бы весьма несправедливо лишать безупречныхъ по службѣ судебныхъ дѣятелей надежды на полученіе этого мѣста, назначивъ на должность товарища оберъ-прокурора очень еще молодого присяжнаго повѣреннаго въ силу того только, что онъ присяжный повѣренный. «Я знаю, сказалъ я К., что при иныхъ обстоятельствахъ приходится

поступаться этимъ началомъ, что иногда это является требованіемъ политическаго момента. Въ силу этой необходимости бывшій директоръ 2-го Департамента Ивановъ долженъ былъ уйти, и на его мѣсто назначенъ я. Дѣло случая, что попалъ въ директора Департамента именно я; но кто-нибудь долженъ же былъ занять эту должность; у меня было нѣкоторое политическое прошлое, меня и пригласили. Но скажите мнѣ, какія же ваши общественныя заслуги, чтобы претендовать на занятіе отвѣтственной должности, и почему эта должность требуетъ непремѣнно человѣка съ общественнымъ прошлымъ». Я сказалъ К., чтобы онъ никакъ не разсчитывалъ на удовлетвореніе своего желанія. — А просьбъ подобнаго рода было не мало. Вотъ почему показалось заслуживающимъ полнаго вниманія случай, когда два молодыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, два уголовныхъ защитника съ довольно большой, но мелкой практикой — Бессарабовъ, талантливый ораторъ, и Данчичъ, съ хорошо повѣшеннымъ языкомъ, попросили принять ихъ на скромную должность товарищей прокурора Петроградскаго Окружнаго Суда. Ихъ конечно приняли, такъ какъ вакансіи оказались свободными.

Занявъ должность, я рѣшилъ, что я буду держаться принципа оставленія на мѣстахъ всѣхъ старыхъ дѣятелей, и только тогда замѣнять послѣднихъ, когда въ этомъ будетъ прямая необходимость. Политика революціоннаго правительства никого не должна была безъ нужды обижать. На первыхъ же порахъ пришлось заняться высшими чинами судебнаго міра. Здѣсь поневолѣ не приходилось очень церемониться. Новая власть должна была проявить себя такъ, чтобы общество могло сказать — власть въ надлежащихъ рукахъ. А для этого приходилось замѣнять всѣхъ старыхъ ставленниковъ старой власти, занимавшихъ высокіе отвѣтственные посты какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи и зарекомендовавшихъ себя отрицательно. Жалѣть объ этомъ не приходилось, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это было нѣчто прямо невозможное. И старые служаки щегловитовскаго пошиба очень хорошо понимали, что ихъ время прошло, и безпрекословно сами уходили въ отставку даже тогда, когда занимали должности несмѣняемыхъ судей. Но были и такіе, которые весьма и весьма упирались.

Правительствующій Сенатъ находился (обидно говорить теперь — «находился» вмѣсто «находится») въ вѣдѣніи Министерства Юстиціи; черезъ Министра Юстиціи проходили всѣ назначенія по Сенату. Въ силу историческихъ событій два департамента Сената, уголовный кассаціонный и гражданскій, занимали особое мѣсто среди другихъ департаментовъ. Всѣ сенаторы могли быть уволены высшей властью, кромѣ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ, такъ какъ эти сенаторы считались все же судьями и слѣдовательно были несмѣняемы Но законъ опредѣленно этого положенія нигдѣ не проводилъ; это былъ лишь выводъ, дѣлаемый на основаніи толкованія судебныхъ уставовъ. Между тѣмъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ ихъ особое положеніе скорѣе обижало, — точно они были не настоящіе сенаторы. Такъ или иначе, отъ новой высшей власти зависѣло принять то или иное толкованіе для опредѣленія судьбы сенаторовъ названныхъ департаментовъ. Особой остроты это положеніе однако не имѣло: сенаторы были послушны; безпрекословно уходили тѣ, которымъ было сказано, чтобы они подали въ отставку.

Въ Сенатѣ было два знаменитыхъ департамента, характеризовавшихъ Сенатъ съ отрицательной стороны — первый административный и уголовный кассаціонный. Первый департаментъ состоялъ большей частью изъ лицъ администра-

тивнаго вѣдомства, изъ бывшихъ высшихъ чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, бывшихъ губернаторовъ и проч. Между ними попадались лица даже безъ высшаго образованія. Это были ставленники старой власти, безпрекословно дѣлавшіе все то, что имъ прикажетъ высшая власть. Изъ этого департамента новой властью была исключена (черезъ меня) больше чѣмъ половина сенаторовъ и замѣнена новыми лицами, занимавшими общественные посты, или ставшіе такъ или иначе во главѣ общественнаго движенія, какъ уважаемые общественные дѣятели. Сюда попало много провинціаловъ.

Объ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Правительствующаго Сената стоитъ сказать два слова. Самая простая и правильная характеристика стараго дореволюціоннаго уголовнаго кассаціоннаго департамента — это назвать его неправосуднымъ; дѣйствительно тамъ дѣлали, что хотѣли, не считаясь съ закономъ, и даже въ отношеніи не однихъ уголовныхъ политическихъ дѣлъ, но и простыхъ уголовныхъ; а о политическихъ и говорить не стоитъ. Достаточно сказать, что «честныхъ» сенаторовъ уголовныхъ (ихъ все же было не мало) отъ участія въ разсмотрѣніи дѣлъ политическихъ старались устранять и садили на дѣла, ничѣмъ не связанныя съ политикой, напримѣръ, по нарушенію акцизныхъ правилъ и т. д. Такъ поступили съ сенаторомъ З. Былъ такой столъ, дѣла изъ котораго поступали на разсмотрѣніе присутствія въ составѣ сенаторовъ Гредингера, Глищинскаго и Бахтіарова. Этотъ столъ считался прямо безнадежнымъ. По крайней мѣрѣ я, если ко мнѣ обращались кліенты, дѣла которыхъ находились въ этомъ столѣ, предупреждалъ ихъ, что какъ бы правильно и законно дѣло ихъ ни было, предсказывать исхода его при разсмотрѣніи его въ составѣ указанныхъ сенаторовъ невозможно. Я не пишу характеристики гг. сенаторовъ, но долженъ сказать, что со вступленіемъ новой власти сенаторъ Гредингеръ подалъ прошеніе объ отставкѣ, не ожидая, чтобы его попросили объ этомъ. Глищинскій тоже лично подалъ такое прошеніе; онъ отлично понималъ, что оставаться на службѣ онъ не можетъ. Но онъ до крайности меня удивилъ своимъ поведеніемъ: при свиданіи со мной на глазахъ у него были слезы; онъ увѣрялъ, что и при новомъ режимѣ онъ могъ бы съ честью служить, хотя и знаетъ, что такое его заявленіе останется безъ послѣдствій. Одинъ только сенаторъ Бахтіаровъ ни въ какіе переговоры не вступалъ и никакихъ прошеній объ отставкѣ не подавалъ.

Когда Керенскій въ качествѣ Министра Юстиціи посѣтилъ Сенатъ, то онъ обратился съ привѣтственною рѣчью къ представлявшимся ему сенаторамъ; въ своей рѣчи онъ однако не упустилъ случая указать на отрицательную роль, которую игралъ при старомъ режимѣ уголовный кассаціонный департаментъ. Намекъ былъ ясный, и многіе сенаторы уголовники поняли, что часъ ихъ пробилъ. Они уходили безпрекословно, а если и старались кой-когда убѣдить новую власть въ томъ, что, какъ сенаторы, они остаются и теперь годными, то одного указанія на то, что они, столь видные дѣятели стараго режима, своимъ участіемъ въ новой власти, могутъ подорвать довѣріе къ ней, дѣлало то, что они уже больше не настаивали на своемъ желаніи. Несомнѣнно, весьма многихъ изъ нихъ утѣшала мысль, что ихъ признавали видными дѣятелями стараго режима; а нѣкоторыхъ это признаніе даже умиляло.

Какъ указанно выше, съ сенаторомъ Бахтіаровымъ вышла заминка. Бахтіаровъ оказался человѣкомъ принципіальнымъ, и безъ борьбы отъ своихъ правъ отказываться не хотѣлъ.

Какъ судья онъ былъ, на мой взглядъ, никуда не годный человѣкъ. Но правыхъ взглядовъ онъ держался не по приказу, а bona fide; по принципу — онъ отъ лѣвыхъ не ждалъ ничего хорошаго. «Если говорятъ лѣвые — значитъ, ложь». Убѣждать его въ чемъ либо было безполезно: онъ просто не слушалъ того, что говорятъ адвокаты лѣвыхъ; лѣвый — всегда виноватъ. Такова въ грубой формѣ характеристика Бахтіарова, какъ судьи. Я къ нему относился очень отрицательно. Меня возмущало то спокойствіе, съ какимъ Бахтіаровъ и компанія его отправляли людей на каторгу за ихъ убѣжденія; точно дѣлали дѣло и притомъ дѣло святое. Совѣсть у нихъ при этомъ оказывалась чиста, какъ горній хрусталь. Я думалъ, что если ты давишь людей, то сиди въ своей мрачной конурѣ и на свѣтъ Божій не показывайся. А Бахтіаровъ былъ веселый человѣкъ и любитель легкаго веселаго флирта. Это былъ постоянный посѣтитель маскарадовъ приказчичьяго клуба. Сенаторы, товарищи Бахтіарова по службѣ, въ томъ числѣ и честные, относились, однако, къ Бахтіарову дружелюбно. По крайней мѣрѣ, когда было рѣшено удалить его, то за него была масса ходатайствъ — дескать, нельзя удалить со службы такого хорошаго человѣка, это будетъ несправедливо. Но удалить его рѣшилъ Керенскій, и этому рѣшенію я вполнѣ сочувствовалъ. Какъ сдѣлать это?! Бахтіаровъ прошенія объ отставкѣ не подавалъ. Я объяснилъ тогда Керенскому, что власть можетъ не дѣлать различія между сенаторами старыхъ департаментовъ и кассаціонныхъ, и въ такомъ случаѣ Бахтіарова можно удалить, какъ всякаго сенатора стараго департамента. Я, однако, предупредилъ Керенскаго, что онъ встрѣтитъ, можетъ быть, сильный отпоръ, если эта мѣра будетъ проведена въ отношеніи сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ. Сенаторъ Бахтіаровъ былъ удаленъ, но отпоръ былъ данъ, и настолько сильный, что Керенскій вынужденъ былъ признать удаленіе Бахтіарова ошибкой, и послѣдній вновь былъ водворенъ въ своемъ званіи. Бахтіаровъ въ концѣ концовъ все-таки сдѣлалъ уступку: онъ ушелъ изъ кассаціоннаго департамента и перешелъ въ общее собраніе, то-есть сталъ сенаторомъ на покоѣ.

Интересно отмѣтить слѣдующее. Новая власть родилась неожиданно. Она упала какъ снѣгъ на голову всѣмъ старымъ чиновникамъ. Казалось бы, со стороны послѣднихъ новая власть должна была встрѣтить, если не отпоръ, то по крайней мѣрѣ недружелюбное отношеніе. Но таково было презрѣніе къ старой власти и такія надежды возлагались на новую власть, что не только не было замѣтно со стороны чиновниковъ недружелюбнаго отношенія къ новой власти, а наоборотъ чувствовалось самое предупредительное отношеніе, связанное съ желаніемъ помочь новой власти въ ея новой дѣятельности. Такое отношеніе не можетъ быть объяснено гутаперчевой душой чиновника; слишкомъ ясны были признаки довѣрія къ новой власти, и достаточно краснорѣчивыхъ данныхъ для установленія этого обстоятельства.

Когда Временное Правительство пало, въ зданіи Сената собирались сенаторы и чины прокуратуры для обсужденія вопроса о томъ, какъ помочь Временному Правительству въ возстановленіи его власти. Когда я уже былъ не у дѣлъ, ко мнѣ по этому же поводу приходили на частную квартиру нѣкоторые изъ оберъ прокуроровъ сената. Первоприсутствующій гражданскаго касс. депратамента Ганскау бывалъ часто въ Министерствѣ Юстиціи и въ своемъ обращеніи съ новой властью былъ всегда очень простъ и дружелюбенъ. Другой сенаторъ первоприсутствующій крестьянскаго департамента, уважаемый всѣми и далеко стоящій отъ политики сенаторъ Тимофеевскій, всего достигшій въ своей карьерѣ, одина-

ково готовый выйти въ отставку и продолжать свою службу, былъ со мной въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, какъ и съ Г. Д. Скарятинымъ. Онъ всегда съ охотой посѣщалъ меня, о чемъ я сужу съ его же словъ, и всѣми силами отстаивалъ «своихъ» сенаторовъ, которыхъ въ силу новыхъ требованій приходилось изъ сената удалять. Помню такой случай: предположено было удалить одного сенатора изъ бывшихъ администраторовъ нѣкоего Х. Тимофеевскій стоялъ горой за него. Вопросъ не былъ еще окончательно рѣшенъ, когда вновь назначенный товарищъ оберъ-прокурора Синода А. В. Карташевъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ людей нашего времени, попросилъ Керенскаго оставить въ Сенатѣ Х., такъ какъ онъ хорошо его знаетъ за вполнѣ хорошаго дѣятеля. Этой рекомендаціи для оставленія Х. сенаторомъ было совершенно достаточно. Когда Тимофеевскій пришелъ въ министерство, я хотѣлъ его обрадовать и сообщилъ ему о судьбѣ Х., упомянувъ, что хорошій отзывъ о немъ далъ Карташевъ. «Ну и слава Богу, сказалъ Тимофеевскій, я радъ за Х., и хорошо, что за него поручился товарищъ оберъ прокуроръ Синода, если ручательство первоприсутствующаго для Васъ недостаточно». Эти ехидныя слова были сказаны самымъ дружелюбнымъ тономъ и не носили скрытой обиды или желанія уязвить. Тимофеевскій былъ просто остроумный человѣкъ. Тотъ же Тимофеевскій неоднократно выражалъ свое удовольствіе, что «съ нами», т. е. представителями новой власти можно свободно бесѣдовать о дѣлѣ, тогда какъ къ бывшей власти не всегда можно было и подступиться.

Уже послѣ, когда наступилъ періодъ моихъ скитаній, мнѣ пришлось встрѣтить нѣкоторыхъ бывшихъ дѣятелей судебнаго вѣдомства. Встрѣчи были всегда самыя теплыя. Вспоминали добромъ. Насколько довѣряли новой власти, сказалось и въ слѣдующемъ маленькомъ фактѣ. Послѣ паденія Временнаго Правительства я встрѣтилъ однажды на улицѣ двухъ бывшихъ чиновниковъ Государственнаго Совѣта, работавшихъ при Совѣтѣ Министровъ Временнаго Правительства. Когда они узнали, что члены Временнаго Правительства собираются на совѣщанія въ частной квартирѣ, они предложили свои услуги въ качествѣ секретарей этихъ совѣщаній. Никто ихъ объ этомъ не просилъ, это было собственное ихъ стремленіе. Ихъ работу тогда приняли съ благодарностью, и они являлись на совѣщанія, приведя на нихъ еще и другихъ товарищей.

По натурѣ я не рѣзкій человѣкъ; на своемъ посту мнѣ не приходилось жалѣть объ этомъ и проявлять рѣзкость. Напротивъ, я со всѣми старался говорить съ возможной мягкостью, хотя и совершенно откровенно. Сколькимъ сенаторамъ мнѣ пришлось въ глаза говорить, что отъ нихъ требуется отставка, и ни одинъ при этомъ не выразилъ мнѣ своего неудовольствія или какой-либо претензіи по этому поводу; они хорошо понимали, что не ради исполненія только своего желанія я требую ихъ отставки. Но были конечно и недовольные. Были, правда, и очень непріятныя встрѣчи съ нѣкоторыми провинціальными предсѣдателями Окружныхъ Судовъ. Это были большею частью сравнительно молодые люди, успѣвшіе сдѣлать хорошую щегловитовскую карьеру. Помню хорошо одного съ чрезвычайно плохой репутаціей и, само собой разумѣется, охранника въ душѣ — предсѣдателя Бакинскаго Окружнаго Суда по фамиліи (если не ошибаюсь) Кудрявцева. Кудрявцевъ легко согласился подать въ отставку, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, если возможно, оставить его на службѣ. Онъ цинично сказалъ,

что при новой власти онъ совершенно примѣнится къ тактикѣ и требованіямъ новаго Правительства. Само собой разумѣется, услуги его не были приняты. Другой случай былъ не столько непріятенъ, сколько комиченъ. Въ Петербургѣ явился по вызову Министра Юстиціи старшій предсѣдатель Омской Судебной Палаты Едличко. Этотъ вызовъ былъ сдѣланъ ради интересовъ самаго Едличко, ибо, какъ стало извѣстно въ Петербургѣ — съ момента революціи «видныхъ дѣятелей стараго режима» въ г. Омскѣ мѣстной революціонной властью посадили въ тюрьму, въ томъ числѣ и г-на Едличко. По требованію изъ Петербурга — его немедленно освободили и отпустили въ Петербургъ. Я лично не зналъ Едличко, но слышалъ о немъ весьма много. Это былъ суровѣйшій человѣкъ. Само собой разумѣется, строгій судья въ отношеніи политическихъ, близкій пріятель всѣхъ мѣстныхъ властей. Даже канцелярія Судебной Палаты его ненавидѣла (мнѣ лично на него жаловались канцелярскіе служащіе, когда я былъ по одному гражданскому дѣлу въ Омской Судебной Палатѣ), онъ завелъ у себя въ Палатѣ такой порядокъ, что ни одинъ служащій не смѣлъ ни опоздать на службу, ни раньше уйти. Въ служебные часы вся канцелярія должна была сидѣть на мѣстѣ, никто не смѣлъ ни курить, ни спросить себѣ стакана чаю. Словомъ — это была гроза. Едличко подлежалъ увольненію. Но это былъ упорнѣйшій человѣкъ; пріѣхавъ въ Петербургъ — онъ ежедневно ходилъ въ Министерство, являясь на пріемъ ко мнѣ и къ товарищамъ Министра. Отъ него было очень трудно отдѣлаться. Въ извѣстномъ смыслѣ это былъ честный человѣкъ и весьма дѣятельный. На послѣднее качество свое онъ постоянно ссылался и увѣрялъ, что имъ всегда всѣ были довольны, какъ судьей, и даже любили. Въ доказательство послѣдняго онъ приводилъ слѣдующій примѣръ: въ одной изъ сессій, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ (не помню, гдѣ это было и по простому ли уголовному дѣлу или политическому), адвокаты выразили ему свою признательность и поднесли въ знакъ этой признательности — серебряный подстаканникъ. Этотъ серебряный подстаканникъ не разъ служилъ ему аргументаціей въ его пользу. А я думалъ, «чортъ бы дралъ нашихъ адвокатовъ, всякому готовы покадить, если имъ въ процессѣ не напакостили». Подстаканникъ на меня не производилъ, однако, никакого впечатлѣнія. Случайно мнѣ пришлось встрѣтить одного изъ представителей-туземцевъ Алтайскаго Округа. Я спросилъ его, какъ онъ относится къ Едличко. Представитель далъ такой отзывъ: «Я добрый человѣкъ, но если бы было въ моей власти, то я бы его повѣсилъ». Словомъ, Едличко не повезло въ отзывахъ о немъ. Мнѣ пришлось чуть ли не въ десятый разъ сказать ему, что на службѣ его оставить не могутъ. Какъ я упомянулъ, Едличко былъ упорный человѣкъ, но онъ оказался и не безъ нѣкоторой наглости. Вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ: «Я въ отставку не подамъ, а прошу Васъ, переведите меня сначала въ другой судебный округъ, и тогда, подумавъ, можетъ быть, я и подамъ въ отставку съ новаго мѣста». Словомъ, Едличко продиктовалъ мнѣ свои условія дальнѣйшей своей службы. Я ему объяснилъ: «Какъ Вамъ, такъ и мнѣ хорошо извѣстно, что Вы, какъ судья, несмѣняемы. Принципъ несмѣняемости судей признанъ въ силѣ и новымъ правительствомъ; слѣдовательно, если Вы сами не подадите въ отставку, Вы въ правѣ продолжать свою службу, но, — прибавилъ я, на прежнемъ мѣстѣ. Такъ какъ Вы настаиваете на продолженіе Вашей службы, то я прошу Васъ немедленно отправиться на мѣсто Вашей прежней службы въ г. Омскъ». Едличко довольно хитро на меня посмотрѣлъ (хитрость, однако, не была веселаго характера), попросилъ у меня листъ бумаги и тутъ же написалъ прошеніе объ отставкѣ. Онъ хорошо

понималъ, что возвратъ въ Омскъ, гдѣ его такъ любили, что посадили въ тюрьму, не сулитъ ему въ будущемъ ничего пріятнаго. Такъ или иначе, отъ службы Едличко въ судебномъ вѣдомствѣ мы избавились.

Много заботъ причинялъ намъ предсѣдатель Петроградскаго Окружного Суда Рейнботъ. Это былъ дѣлавшій карьеру судебный дѣятель; человѣкъ несомнѣнно даровитый, но принципіально не особенно чистый, т. е. ради карьеры способный покривить въ нѣкоторыхъ случаяхъ душой. Къ адвокатамъ онъ не относился прямо враждебно, но поскольку требовала та же карьера, въ достаточной степени пренебрежительно. Ему, конечно, слѣдовало самому догадаться уйти съ отвѣтственнаго и виднаго поста, когда у власти стали новые люди, но онъ «не догадывался», а мы его не трогали, такъ какъ онъ въ извѣстной степени былъ въ этомъ отношеніи застрахованъ. Сравнительно незадолго до революціи въ Петербургскомъ судѣ подъ его предсѣдательствомъ судили адвокатовъ за воззваніе ихъ по дѣлу Бейлиса. Это былъ по существу своему гнуснѣйшій процессъ. Участники въ преслѣдованіи адвокатовъ не могли заслуживать довѣрія со стороны новой власти, но преслѣдованіе Рейнбота носило бы характеръ мстительнаго отношенія къ нему, ибо большинство адвокатовъ, которые были привлечены по дѣлу Бейлиса къ уголовной отвѣтственности, стояли нынѣ у власти. Это и удерживало насъ устранить съ мѣста Рейнбота. Припоминается, что въ концѣ концовъ его перевели въ сенатъ на мѣсто товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, что являлось повышеніемъ по службѣ.

Упорное нежеланіе выходить въ отставку, хотя на словахъ и выражалась въ томъ готовность, проявили нѣкоторые предсѣдатели провинціальныхъ Окружныхъ Судовъ и члены Окружныхъ Судовъ. Это заставило меня поднять вопросъ объ отмѣнѣ на очень короткій срокъ принципа несмѣняемости. Въ этомъ вопросѣ, возбужденномъ при Министрѣ Юстиціи Переверзевѣ, я потерпѣлъ фіаско. Болѣе подробно объ этомъ я скажу ниже.

Для ознакомленія съ дѣятельностью служебнаго персонала служило такъ называемое «дѣло» (досье) о каждомъ чиновникѣ. Эти досье подчасъ носили чрезвычайно интересный характеръ. Въ «дѣлѣ» отмѣчалось не только ходъ службы дѣятеля, но и всѣ свѣдѣнія о немъ, хотя бы сторонняго характера. Щегловитовъ, повидимому, весьма любилъ собирать о человѣкѣ всю его подноготную. И я думалъ, что «дѣло» Министерства Юстиціи подчасъ мало отличалось отъ «дѣла» охраннаго отдѣленія; оно было даже шире по содержанію. Боже сохрани, было бы скрыть отъ Щегловитова какія либо сплетни относительно служебнаго лица или о случившемся съ нимъ скандалѣ. Всякій подобный случай по требованію Щегловитова подвергался подробному разслѣдованію, иногда тайному. Мнѣ приходилось всю эту литературу прочитывать, прежде чѣмъ имѣть общеніе съ тѣмъ или инымъ лицомъ судебнаго вѣдомства, который являлся ко мнѣ на пріемъ. И вотъ — приходило ко мнѣ служебное лицо, человѣкъ серьезный, обстоятельный, щеголеватый, я слушалъ его, а въ головѣ вертѣлась мысль: «а мнѣ, братъ, извѣстно, что ты подозрѣваешь и не безъ основанія свою жену въ измѣнахъ тебѣ; все, братъ, прописано въ твоемъ досье».

Бесѣдовать съ Керенскимъ о дѣлахъ было чрезвычайно трудно: его почти никогда нельзя было захватить; у него никогда не было ни одной свободной минуты. Я сталъ ходить къ нему рано утромъ, когда онъ вставалъ и пилъ кофе. Тутъ на лету происходили у меня съ нимъ всѣ переговоры. Керенскій — «быстрый разумомъ Невтонъ», схватывалъ предметъ бесѣды на лету, и потому не требовалось много времени на рѣшеніе текущихъ вопросовъ. Чуть ли не все время Керенскаго занимали его разъѣзды съ визитами по различнымъ организаціямъ и выступленія съ рѣчами въ разныхъ собраніяхъ. Популярность его была огромна и все росла. Я уже замѣтилъ, что необходимость заставляла Керенскаго проводить такъ время. Публичное слово имѣло тогда громадное значеніе, и много недоразумѣній было сведено на нѣтъ благодаря однимъ публичнымъ выступленіямъ Керенскаго и другихъ; но, конечно, такая ѣзда или такое времяпрепровожденіе отражалось отрицательно на дѣятельности Керенскаго, какъ Министра Юстиціи. Тѣмъ не менѣе, Керенскій все же всюду поспѣвалъ и не меньше другихъ министровъ занимался дѣломъ.

За Керенскимъ создалась слава, и вполнѣ имъ заслуженная, большого оратора. Онъ умѣлъ зажигать сердца.

Керенскій, какъ талантливый защитникъ, зарекомендовалъ себя въ адвокатурѣ съ первыхъ же своихъ выступленій. Но какъ ораторъ онъ имѣлъ много отрицательныхъ сторонъ.

Онъ всегда слишкомъ нервничалъ. Не безъ основанія его называли неврастеникомъ. Онъ обладалъ громкимъ и излишне рѣзкимъ голосомъ, и въ рѣчахъ его всегда слышались высокія крикливыя ноты. Онъ никогда не говорилъ спокойно, и это слушателей иногда раздражало. Вообще, слушать его было довольно тяжело. Таковъ онъ былъ и въ своихъ первыхъ думскихъ выступленіяхъ. Но только на первыхъ порахъ. Въ послѣднюю же сессію 4 Государственной Думы онъ почти преобразился; уже не было въ его рѣчахъ ни крика, ни излишней нервности. Онъ сдѣлался настоящимъ ораторомъ, слушать котораго было удовольствіемъ и слушать котораго собиралась вся Дума, каковой чести изъ думскихъ ораторовъ удостоивались весьма немногіе. Керенскій произнесъ въ Думѣ нѣсколько великолѣпныхъ рѣчей незадолго до революціи. Я помню, что даже Милюковъ, несомнѣнный и крайній недоброжелатель Керенскаго, поздравилъ его за блескъ одного изъ его выступленій. Рѣчи же Керенскаго за время революціи всегда сопровождались его тріумфомъ. Керенскій отличился, когда, какъ премьеръ Временнаго Правительства, выступилъ въ Московскомъ Государственномъ совѣщаніи. Объ его заключительной рѣчи много писалось; Керенскій въ этомъ своемъ заключительномъ словѣ, если можно такъ выразиться, сдѣлалъ проскачку. Неожиданно, нарушая программу рѣчи, онъ впалъ въ лирику, внесъ въ свою рѣчь ноту какого-то отчаянія. Это всѣхъ поразило, и кто-то изъ слушателей громко воскликнулъ: «Не надо, не надо». Во время Московскаго Совѣщанія я жилъ у прокурора Московской Судебной Палаты Сталя, у котораго остановился и милѣйшій, нынѣ покойный, князь Крапоткинъ. Крапоткинъ признавалъ за Керенскимъ величайшій даръ слова. Онъ кромѣ того сказалъ, что не знаетъ въ Европѣ другого такого человѣка, который сумѣлъ бы съ такимъ умѣніемъ вести публичное засѣданіе, состоящее изъ 4 тысячъ слишкомъ человѣкъ. Говорить въ такомъ собраніи, конечно, составляло огромную трудность. Керенскій, произнося рѣчь, каждое свое слово отчеканивалъ, и оно слышалось въ любомъ мѣстѣ театральной залы. На каждомъ абзацѣ своей рѣчи онъ останавливался, давалъ слушателямъ время вос-

пріять его мысль. Таковъ постоянный способъ говорить рѣчи у Ф. И. Родичева. Керенскій примѣнилъ этотъ способъ въ надлежащей обстановкѣ. Сообразно случаю Керенскій говорилъ свою рѣчь чрезвычайно торжественно и языкомъ, какимъ писали въ старину законы. Это было очень красиво. И все же нашелся какой-то профессоръ изъ кадетъ, пріѣхавшій съ Юга Россіи (фамилію его не знаю), который громко заявлялъ, что онъ слышалъ о Керенскомъ, какъ о крупномъ ораторскомъ талантѣ, и удивляется такой его репутаціи, ибо Керенскій показалъ себя въ Совѣщаніи абсолютно не ораторомъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о двухъ рѣчахъ Керенскаго. Крайніе лѣвые элементы, хотя и участвовали въ Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, однако остались имъ очень недовольны. Они находили, что въ немъ не сказался въ достаточной степени демократическій духъ. Правильнѣе сказать, что выразителемъ этого духа (а это и не нравилось крайнимъ лѣвымъ) были не только крайніе лѣвые, но и правые, каковыми считались всѣ, стоящіе правѣе соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ. Поэтому, по иниціативѣ лѣвыхъ, было созвано второе совѣщаніе (я не помню порядка избранія членовъ этого собранія), которое собралось въ Петербургѣ въ зданіи Александринскаго театра. Въ то время Временное Правительство уже не пользовалось той популярностью, какою пользовалось въ первый періодъ своей дѣятельности; Керенскій уже имѣлъ много враговъ. Совѣщаніе въ Александринскомъ театрѣ было явно настроено противъ него. Керенскій своей рѣчью въ Александринскомъ театрѣ поднялъ престижъ Временнаго Правительства, онъ почти заставилъ Совѣщаніе стать на сторону Временнаго Правительства, хотя собраніе по настроенію до рѣчи Керенскаго не думало стать на этотъ путь. Этой рѣчи Керенскаго лично я не слыхалъ, но мнѣ разсказывали, что онъ превзошелъ себя, и было похоже на то, что онъ являлся укротителемъ посаженныхъ въ клѣтку звѣрей. Третья, на мой взглядъ, и тоже замѣчательная рѣчь Керенскаго была имъ произнесена въ Совѣтѣ Республики, почти наканунѣ паденія Временнаго Правительства и торжества большевиковъ. Тогда кадеты явно стояли противъ Керенскаго, хотя настроеніе это имѣло скорѣе личный характеръ. Повидимому, кадеты отдѣляли Керенскаго отъ Временнаго Правительства; Корниловская исторія уже сыграла тогда свою роль. Всѣ, стоявшіе правѣе кадетъ, а таковыхъ было не мало въ Совѣтѣ Республики, а также часть соціалъ-демократовъ и лѣвые эсеры были всѣ настроены противъ Керенскаго. Въ Совѣтъ былъ внесенъ, если не ошибаюсь, кадетами запросъ, что думаетъ дѣлать Правительство въ виду явной опасности большевизма. Керенскій отвѣчалъ, что Правительство приготовилось встрѣтить большевиковъ, что имъ подготовленъ отпоръ (какъ извѣстно, войска предназначенные къ отпору, перешли затѣмъ на сторону большевиковъ, чѣмъ обезпечили торжество послѣднихъ). Закончилъ свою рѣчь Керенскій призывомъ не винить ни въ чемъ обезсиленнаго грязнаго, худо одѣтаго, обмызганнаго русскаго солдата. Финалъ рѣчи былъ произнесенъ съ большимъ подъемомъ. И опять всѣ, кромѣ лѣвыхъ эсеровъ, оказались на сторонѣ Керенскаго, а кадеты сдѣлали Керенскому оваціи, апплодируя ему, вставъ со своихъ мѣстъ. Это была та рѣчь, о которой кадетъ Степановъ, нынѣ тоже покойный, въ своихъ воспоминаніяхъ говорилъ, что «вотъ вышелъ на кафедру кривляться великій человѣкъ». Другой кадетъ прис. пов. Мандельштамъ въ своихъ воспоминаніяхъ тоже высказался объ этой рѣчи отрицательно, забывая объ оваціяхъ, сдѣланныхъ Керенскому его же собратіями по партіи. Я хорошо зналъ Степанова; это былъ честнѣйшій и милѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, но онъ былъ

ярымъ кадетомъ, т. е. послушнѣйшимъ рабомъ кадетской партіи. Степановъ много вреда принесъ въ послѣднее время своей дѣятельностью, когда поддерживалъ ген. Деникина тамъ, гдѣ его слѣдовало учить не дѣлать того, что послѣдній дѣлалъ. Но отзывъ Степанова о Керенскомъ тѣмъ непріятнѣе, что Степановъ былъ въ свое время пріятелемъ Керенскаго.

Популяренъ Керенскій былъ во всѣхъ кругахъ, даже юмористическіе журналы, поднимавшіе такъ или иначе на смѣхъ Министровъ или остря надъ ними, не трогали одного Керенскаго, т. е. не задѣвали его. При канцеляріи Новаго Правительства работали чиновники, состоявшіе при Государственномъ Совѣтѣ. Это были почти все сыновья крупныхъ же чиновниковъ и богатыхъ людей; молодые люди, дѣлавшіе большую карьеру. Само собой разумѣется, какъ принадлежащіе къ кругу блестящихъ старыхъ чиновниковъ, они всѣ были консерваторы по направленію. Нужно было слышать ихъ отзывы о Керенскомъ. Они называли его блестящимъ. Все умное, оригинальное, свѣжее исходило въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства, по ихъ мнѣнію, отъ Керенскаго. Это замѣчалось чиновниками и цѣнилось ими. Отрицательнаго отношенія среди нихъ къ Керенскому не было. Это мнѣ лично извѣстно.

Мнѣ приходится останавливаться на личности Керенскаго потому, что теперь, когда я пишу свои замѣтки, имя его одіозно. Нѣтъ лица, которое походя не ругало Керенскаго. Даже эсеры, къ партіи которыхъ принадлежитъ Керенскій, и тѣ не останавливались передъ охаиваніемъ послѣдняго. Явленіе это заслуживаетъ вниманія, и я на немъ вкратцѣ остановлюсь, хотя для этого приходится забѣжать впередъ.

Года два тому назадъ, когда я жилъ въ г. Тифлисѣ послѣ выхода моего изъ тюрьмы, куда меня здорово-живешь засадило Грузинское Правительство, я сталъ заниматься частной газетной работой въ эсеровскомъ партійномъ органѣ «Знамя Народа». Помню, что въ одной изъ своихъ статей я упомянулъ о Керенскомъ, отозвавшись о немъ съ положительной стороны. Редакція вычеркнула этотъ отзывъ, главнымъ образомъ изъ боязни не угодить читающей публикѣ. Меня это удивило, и я сказалъ заправиламъ газеты, что, по моему мнѣнію, тогда только наступитъ нормальное политическое положеніе или тогда умы человѣческіе придутъ въ нормальный порядокъ, когда къ дѣятельности Керенскаго въ Временномъ Правительствѣ перестанутъ относиться только отрицательно. Это не значило, однако, по моему мнѣнію, что Керенскій всегда въ политикѣ правильно поступалъ, хотя онъ иногда былъ вынужденъ дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи, нынѣ считающемся неправильнымъ; вообще, я считаю, что за политику Временнаго Правительства должны нести отвѣтственность всѣ лица, входившія въ составъ кабинета, а не одинъ Керенскій; все Правительство цѣликомъ, ибо это Правительство вовсе не состояло изъ однихъ ставленниковъ Керенскаго, и не изъ мальчиковъ, состоявшихъ у него на побѣгушкахъ. Керенскій ничего единоличной властью не дѣлалъ, а все, что дѣлалось, исходило отъ имени Временнаго Правительства, то-есть отъ всѣхъ лицъ, въ него входившихъ. Дѣйствительно колоссальная популярность Керенскаго давила всѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избаловала его. Понятно поэтому, что съ мнѣніемъ Керенскаго всѣ должны были такъ или иначе считаться. Идти противъ Керенскаго никто не хотѣлъ, ибо это связывалось съ вопросомъ о потери своей собственной популярности. Въ послѣднемъ Керенскій конечно былъ нисколько не виноватъ, это была отрицательная сторона товарищей его по Совѣту Министровъ.

Во время управленія Керенскаго Министерствомъ Юстиціи въ столовой Министра къ часу завтрака собиралось довольно много народу. Это былъ часъ отдохновенія и общей бесѣды. Къ этому часу являлись съ визитами близкіе ему партійные дѣятели, эмигранты, вернувшіеся въ Россію, бывшіе политическіе ссыльные и иностранные гости. Изъ иностранцевъ бывалъ чаще другихъ французскій Министръ Тома. Приходила Вѣр. Ник. Фигнеръ, а по пріѣздѣ въ Петербургъ въ квартирѣ Министра поселилась сама бабушка русской революціи, Брешко-Брешковская, которая повидимому очень тепло относилась къ Керенскому. О ней я хочу сказать нѣсколько словъ. Это былъ очень симпатичный и милый человѣкъ, по облику своему напоминавшій хорошихъ нашихъ бабушекъ изъ старыхъ помѣщицъ. Она была очень привѣтлива; со всѣми своими знакомыми, даже когда ей представляли новое лицо, она, здороваясь, непремѣнно цѣловалась и всѣмъ говорила «ты». Это цѣлованіе походило у ней на какой то обрядъ. Вѣроятно такая привычка была присуща всѣмъ ссыльнымъ политическимъ. Они могли встрѣчаться въ ссылкѣ, какъ знакомые, только съ такими же политически пострадавшими, какъ и они сами, считались между собою близкими и при встрѣчахъ должны были цѣловаться. Я, помню, защищалъ одну барышню, обвинявшуюся въ томъ, что она принадлежала къ партіи с. д. и состояла въ Петербургскомъ комитетѣ. Ее оправдали. Передъ уходомъ изъ Суда она со всѣми осужденными, прощаясь, перецѣловалась. Словомъ, это былъ обычай, которымъ вообще дорожили. Такъ какъ бабушка жила въ Министерствѣ, и я каждый день съ ней встрѣчался, то и цѣловаться съ ней приходилось каждый день, что мнѣ казалось не столько излишнимъ, сколько неловкимъ; мнѣ казалось, что и ей должно же это надоѣсть. Я поэтому сталъ съ ней издали здороваться. Съ бабушкой мнѣ приходилось неоднократно бесѣдовать, но врядъ ли она знала, кто съ ней говорилъ. Народу къ ней приходило множество, и врядъ ли ее особенно интересовало, кто съ ней здоровается. Бабушка прекрасно говорила; у нея была отличная дикція. Рѣчь ея, произнесенная въ Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, показала, какъ она умѣетъ владѣть словомъ, и какъ она умѣетъ говорить, не напрягая голосовыхъ связокъ, такъ, чтобы ее слышали. Но не всѣ ее любили изъ тѣхъ, кто ее помнилъ молодой. А такъ вообще она была привлекательнѣйшей старушкой. Въ шутку я называлъ ее «Чортовой бабушкой» и вотъ почему. Однажды бесѣдуя съ ней о земельномъ вопросѣ, проблему котораго она кстати сказать разрѣшала весьма радикально, я сказалъ ей, что всего лучше было бы назначить Министромъ Земледѣлія А. В. Пѣшехонова. «Хорошій человѣкъ, очень хорошій, и министромъ пусть его назначатъ, но только пусть онъ перемѣнитъ свою земельную программу». Такая наивность въ бабушкѣ была довольно удивительна. Когда же при продолженіи разговора я упомянулъ о крестьянскихъ безпорядкахъ и замѣтилъ, что крестьянскіе союзы сыграли въ свое время положительную роль, такъ какъ гдѣ они были учреждены, тамъ не было разгромовъ помѣщичьихъ имѣній, она сказала: — «Да какіе же это были разгромы, вѣдь помѣщикамъ говорили, чтобы они уѣзжали, громили вѣдь только тѣхъ, которые не хотѣли уѣзжать». Вотъ какіе взгляды были у бабушки. Помню, что при этомъ разговорѣ присутствовалъ Керенскій, который, смѣясь, сказалъ: «вотъ и ѣзди съ такой бабушкой по Россіи».

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ, имѣвшимъ государственное значеніе, въ обсужденіи котораго, хотя и не оффиціально, я принялъ участіе по вступленіи моемъ въ министерство, былъ вопросъ о смертной казни. Резолюцію объ отмѣнѣ смертной казни составляли А. С. Зарудный и проф. Чубинскій. Они, конечно, стояли за отмѣну смертной казни, но дѣлали исключеніе для примѣненія ея во время войны. Я стоялъ за полную ея отмѣну. Керенскій тоже всталъ на ту же точку зрѣнія и о томъ, что Временное Правительство стоитъ за полную отмѣну смертной казни, объявилъ на одномъ изъ политическихъ публичныхъ засѣданій въ Москвѣ. Какъ извѣстно, полная отмѣна смертной казни въ отношеніи и военнаго времени была затѣмъ тѣмъ же Временнымъ Правительствомъ отмѣнена, что я лично всегда считалъ большой ошибкой. Но Керенскій сдѣлалъ впослѣдствіи еще большую ошибку, когда гдѣ-то сказалъ, что онъ въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго никогда на практикѣ примѣнять ее не станетъ. Тогда и огорода городить не слѣдовало. Керенскій своимъ признаніемъ и себя, и Временное Правительство сильно въ то время дискредитировалъ.

Особый и совершенно понятный интересъ представляли дѣла такъ называемой охранки. Была создана комиссія, которая занялась приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ Департамента полиціи. Знающихъ эти дѣла было нѣсколько человѣкъ; во главѣ ихъ стояли литераторы Щеголевъ и Бурцевъ, бывшіе редаторы журнала «Былое». Порядокъ въ разрозненныхъ дѣлахъ, архивъ которыхъ былъ перенесенъ въ нижній подвальный этажъ Министерства Юстиціи, былъ очень быстро наведенъ, что однако потребовало много труда. Но все же наисекретнѣйшія дѣла, повидимому, были либо скрыты, либо своевременно заинтересованными въ нихъ лицами уничтожены. Послѣднее вполнѣ возможно, такъ какъ въ первые дни революціи толпа народа устремилась къ департаменту полиціи, ворвалась въ зданіе и принялась жечь все, что попадалось ей подъ руки. Весьма вѣроятно, помогли толпѣ жечь дѣла опытные руководители, заинтересованные въ уничтоженіи нѣкоторыхъ документовъ. Въ первые дни революціи дважды поджигали Петроградскій Окружный Судъ. Одинъ разъ какъ-то отстояли судъ, но при второмъ поджогѣ его спасти не удалось. Не было абсолютно никакого основанія ни съ точки зрѣнія общественнаго интереса, ни съ точки зрѣнія революціоннаго жечь дѣла Суда. Однако ихъ сожгли. И тутъ вѣроятно помогали руки заинтересованныхъ лицъ. Этими заинтересованными лицами могли быть только уголовные, очутившіеся на свободѣ. Правда, могъ быть интересъ поджигать и уничтожать со стороны тѣхъ, которыхъ подзадаривалъ къ этому духъ разрушенія вообще. И такой духъ существовалъ, но расцвѣлъ онъ въ эпоху большевизма.

Стремленіе создать популярность новой власти заставило Керенскаго принять близкое участіе въ дѣлахъ печати. Нужно было, чтобы печать всегда была подъ рукой, чтобы сообщать политическія новости и все, что совершалось новымъ правительствомъ. Было создано особое бюро печати при Министерствѣ Юстиціи. Этому бюро было поручено собирать все интересное, что могло имѣть какой либо общественный интересъ, либо интересъ минуты. Составлялись особые бюллетени, которые каждодневно передавались Керенскому. Это бюро печати имѣло повидимому пропасть работы и не малое число служащихъ. Помѣщалось оно въ отдѣль-

ныхъ для сего комнатахъ квартиры министра. Конечно, все это стоило большихъ денегъ, что не особенно нравилось Зарудному, которому затѣя Керенскаго вообще не особенно была по вкусу. Бюро это работало до того времени, пока Керенскій былъ Министромъ Юстиціи. Когда же онъ былъ назначенъ Военнымъ и Морскимъ Министромъ и переѣхалъ въ новое помѣщеніе, то бюро печати при Министерствѣ Юстиціи постепенно захирѣло и затѣмъ было ликвидировано.

Новое Правительство ознаменовало себя созданіемъ массы законодательныхъ комиссій. Особенно много было работы въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, на долю котораго пришлось пересматривать и создавать новые законы по административному управленію страной. Все земское и городское законодательство подлежало переработкѣ. Я получилъ приглашеніе участвовать въ комиссіи по земскому законодательству. Эта комиссія имѣла — въ свою очередь — массу подкомиссій. Я попробовалъ посѣщать ихъ. Но мнѣ это не удалось, такъ какъ это могло отнять у меня все время. Пришлось бросить это дѣло. Въ то время очень увлекались созданіемъ административнаго суда. А такъ какъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ было очень заинтересовано въ созданіи этого органа, то оно взяло на себя трудъ созданія новаго закона. Административный Судъ долженъ былъ составлять органическое цѣлое съ обыкновеннымъ судомъ; каждый Окружный Судъ долженъ былъ имѣть свое административное судебное отдѣленіе, административные судьи должны были войти въ корпорацію обычныхъ мировыхъ (или назначенныхъ) судей, или членовъ Окружныхъ Судовъ. Мнѣ случайно пришлось познакомиться съ проектомъ закона объ учрежденіи административнаго суда Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Онъ мнѣ показался очень плохо написаннымъ; писали его люди, мало знакомые съ судебными установленіями. Я указалъ на это Керенскому и просилъ его создать свою комиссію для выработки закона, столь близкаго Министерству Юстиціи. Комиссія была создана. Въ нее вошли нѣкоторыя изъ лицъ, участвовавшихъ въ такой же комиссіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Весьма многое было передѣлано въ прежнемъ проектѣ, но одинъ, на мой взглядъ, крупный недостатокъ проекта остался въ силѣ. Какъ я сказалъ, идея созданія административнаго суда весьма многихъ прельщала. Благодаря этому, новому закону стали придавать большее значеніе, чѣмъ онъ заслужилъ. Пришли къ убѣжденію, что всякая жалоба на рѣшеніе Окружнаго Суда по административному отдѣленію подлежитъ разсмотрѣнію только высшаго судебнаго органа въ Россіи, то-есть Сената. Судебную Палату нашли для этого недостаточно авторитетною. Повторили ту ошибку, которая имѣлась уже въ старомъ строѣ относительно коммерческихъ судовъ, у которыхъ апелляціонной инстанціей являлся непосредственно Сенатъ. Мое мнѣніе о неправильномъ игнорированіи Судебной Палаты въ качествѣ апелляціонной инстанціи не было признано заслуживающимъ уваженія. Я, однако, не терялъ надежды добиться своего; существовалъ такой порядокъ работъ въ комиссіяхъ: послѣ принятія комиссіей окончательнаго текста проекта новаго закона, таковой отпечатывался на машинкѣ, а копіи съ него разсылались всѣмъ членамъ комиссіи, которые въ правѣ были сдѣлать свои замѣчанія на проектъ закона. Проектъ вмѣстѣ съ замѣчаніями отдѣльныхъ членовъ комиссіи отсылался затѣмъ въ Совѣтъ Министровъ, гдѣ разсматривался и получалъ силу закона. Я думалъ внести свое замѣчаніе о неправильности принятаго порядка жалобъ на рѣшеніе административныхъ судовъ при передачѣ проекта закона въ Совѣтъ Министровъ. Однако,

вопреки обычаю, на этотъ разъ проектъ закона не былъ разосланъ членамъ комиссіи, а прямо попалъ въ Совѣтъ Министровъ. Спрошенный мною по этому поводу директоръ 1-го Департамента Министерства Юстиціи Мордухай-Болтовской, въ вѣдѣніи котораго находился законодательный отдѣлъ, объяснилъ мнѣ, что члены какъ старой, такъ и новой комиссіи настолько были довольны новымъ проектомъ закона и такъ стремились къ скорѣйшему признанію за нимъ силы закона, что рѣшили не терять время на исполненіе, по ихъ мнѣнію, пустой формальности, какъ разсылки проекта, окончательно принятаго комиссіей. Такимъ образомъ я потерпѣлъ фіаско въ своемъ домоганіи.

Въ Министерствѣ Юстиціи было создано по иниціативѣ А. С. Заруднаго другая чрезвычайно важная комиссія — комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ Императора Александра II. Въ созданіи этихъ уставовъ, какъ извѣстно, игралъ огромную роль сенаторъ Зарудный, отецъ Александра Сергѣевича. Естественно, что сынъ хотѣлъ возстановить уставы въ томъ видѣ, къ которому такъ стремились отецъ его и первые создатели устава, и отъ проведенія въ каковомъ составителямъ приходилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ отказываться противъ своего желанія. Кромѣ того, уставы были еще испорчены разными новеллами позднѣйшаго происхожденія. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ избранъ товарищъ Министра Юстиціи А. С. Зарудный. Конечно, это было для него чрезвычайно лестно, но онъ былъ недоволенъ, такъ какъ главная работа по исправленію уставовъ должна была происходить въ многочисленныхъ подкомиссіяхъ, а не въ пленарномъ собраніи огромной по составу комиссіи. Въ комиссіяхъ же были свои предсѣдатели. Задуманная работа была чрезвычайно обширна. Я считалъ это ея грѣхомъ. Такая работа необходима и хороша для мирнаго времени, а мы жили въ горячее время, когда нужны были быстрыя измѣненія законовъ, несоотвѣтствующихъ времени. Мнѣ казалось болѣе цѣлесообразнымъ въ первую очередь заниматься исправленіями частичными, дабы скорѣе внести въ законодательство необходимыя новшества. Но и къ такого рода измѣненіямъ не было, повидимому, большой склонности у большинства членовъ комиссіи. Пульсъ жизни не особенно четко бился у старыхъ, хотя и чрезвычайно добросовѣстныхъ, сенаторовъ и профессоровъ юриспруденціи. А кромѣ того, и А. С. Зарудный былъ нѣсколько виноватъ въ своемъ преклоненіи передъ уставами. Напримѣръ, въ старыхъ уставахъ была проведена совершенно правильная мысль, что всякое преступленіе, въ томъ числѣ и государственное, должно было быть разсматриваемо при участіи присяжныхъ засѣдателей. Но уставы сохранили дѣленіе преступниковъ по рангамъ. Поэтому одно и то же преступленіе могло разсматриваться либо въ Окружномъ Судѣ, либо въ Судебной Палатѣ, либо, наконецъ, въ Сенатѣ. Для новаго времени такое раздѣленіе отвѣтственности являлось чистѣйшимъ вздоромъ. Но Зарудный не хотѣлъ мѣнять уставовъ и нашелъ въ этомъ отношеніи много сочувствовавшихъ ему. Слѣдуетъ прибавить, что къ проведенію идеи суда, равнаго для всѣхъ, Временное Правительство впослѣдствіи склонилось, но провести этотъ принципъ въ жизнь не успѣло. А это имѣло большое практическое значеніе.

Мнѣ съ моими сотрудниками въ вопросѣ о назначеніи на службу лицъ судебнаго вѣдомства много пришлось перебрать (и при томъ безполезно) фамилій, чтобы отыскать подходящее лицо для занятія должности предсѣдателя Петроградскаго Окружнаго Суда на вакантное мѣсто послѣ Рейнбота. Необходимо было

назначить очень опытнаго и даже талантливаго предсѣдателя въ виду предстоящихъ громкихъ судебныхъ процессовъ. Достаточно упомянуть процессъ бывшаго Военнаго Министра Сухомлинова или предстоящій процессъ большевиковъ. Но острота вопроса отпала, когда рѣшено было судить Сухомлинова въ Сенатѣ, гдѣ предсѣдателемъ присутствія былъ Таганцевъ-сынъ, очень опытный и умѣлый судья.

Но какъ бы ни была продуктивна работа комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, она успѣла сдѣлать только нѣкоторую подготовительную часть возложенной на нее работы. Для приданія простоты составу этой комиссіи (другого подходящаго слова не нахожу), Зарудный пригласилъ для участія въ ней нѣсколькихъ лицъ не судебнаго міра: въ томъ числѣ нынѣ покойнаго шлиссельбуржца Германа Лопатина. Лопатинъ былъ очень доволенъ, какъ происходила работа въ комиссіи; его не то радовало, не то поражало, что въ засѣданіяхъ комиссіи все происходитъ чинно и гладко, а не такъ, какъ въ политическихъ собраніяхъ, съ ихъ горячими дебатами, подчасъ съ криками и ссорами. Было бы въ самомъ дѣлѣ любопытно посмотрѣть, какъ бы наши сенаторы стали кричать при спорахъ!..

Однимъ изъ первыхъ назначеній по Министерству Юстиціи было назначеніе на должность прокурора Петроградской Судебной Палаты присяжнаго повѣреннаго П. Н. Переверзева. Самъ по себѣ милый человѣкъ, «душа человѣкъ», веселый и экспансивный, Переверзевъ производилъ на всѣхъ очень хорошее впечатлѣніе. Онъ пользовался хорошей репутаціей, какъ ораторъ. И дѣйствительно, онъ владѣетъ свободно рѣчью, имѣетъ хорошій голосъ. Насколько я могу судить, рѣчи его, однако, никогда не были програмны, но мысли, имъ высказываемыя, были мѣтки, и рѣчи его съ внѣшней стороны были не безъ блеска. Помню, что въ революціонное время онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ какого-то фронта, гдѣ завѣдывалъ врачебнымъ поѣздомъ имени Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Явился онъ въ Министерство Юстиціи, одѣтый въ форму, соотвѣтствующую военному образцу, и, какъ оказалось, подъѣхалъ къ Министерству верхомъ. Онъ понравился даже П. П. Жемчужникову. Какъ онъ служилъ въ должности Прокурора Палаты, я не знаю.

Работы у него конечно былъ полонъ ротъ. Ему хотѣлось, какъ онъ говорилъ, имѣть при себѣ своихъ людей. Поэтому онъ просилъ прикомандировать къ нему Бессарабова и Данчича. Просьба его была, конечно, исполнена, и оказалось, что Данчичъ и Бессарабовъ поступили дальновидно, удовольствовавшись на первыхъ порахъ скромною должностью, они вскорѣ получили повышеніе. Переверзеву очень много пришлось возиться съ бывшими министрами, тѣми, которые были арестованы. Часть ихъ онъ вдругъ здорово-живешь въ какомъ-то порывѣ выпустилъ изъ заключенія, то-есть сдѣлалъ это, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, чѣмъ поставилъ въ очень неловкое положеніе Керенскаго, который по этому поводу, раздраженный, сдѣлалъ ему весьма серьезный реприманды, кричалъ на него, какъ разсказывалъ Переверзевъ. Выпущенныхъ лицъ Переверзеву немедленно пришлось водворить въ тюрьму. Онъ былъ этимъ достаточно сконфуженъ.

Во время своего прокурорства Переверзеву пришлось участвовать въ очень серьезномъ дѣлѣ; именно въ Кронштадтскомъ. Керенскій командировалъ его туда, въ качествѣ представителя власти, чтобы убѣдить кронштадтскій Совѣтъ

рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ выпустить изъ тюрьмы арестованныхъ матросами морскихъ офицеровъ. Подробности этого дѣла у меня изгладились изъ памяти. Вѣроятно, кто либо изъ близко стоявшихъ къ этому событію его опишетъ. Помню, однако, слѣдующее. Кронштадтскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, хотя и стоялъ въ оппозиціи Временному Правительству, однако, сравнительно былъ мирно настроенъ, то-есть онъ признавалъ Временное Правительство, какъ высшую власть въ Россіи, и готовъ былъ подчиниться ему. Но «краса и гордость революціонной Россіи» — матросы, будущіе большевики, были далеки отъ этого настроенія, и съ своей «красой» собственный ихъ Совѣтъ, повидимому, справиться никакъ не могъ. Переверзевъ долженъ былъ поѣхать въ Кронштадтъ и уговорить матросовъ перестать дѣлать оппозицію власти, то-есть по-просту бунтовать. Переверзеву пришлось, повидимому, испытать много непріятностей въ Кронштадтѣ. Достаточно упомянуть, что во время его рѣчи въ собраніи матросовъ многіе матросы, а можетъ быть и солдаты, демонстративно передъ его носомъ щелкали ружейными затворами. Переверзевъ велъ себя храбро. Но сдѣлалъ какой-то промахъ, что-то обѣщалъ, чего-то по своему обѣщанію не исполнилъ, словомъ, сдѣлалъ какую-то тактическую ошибку, вслѣдствіи которой ему пришлось покинуть Кронштадтъ и даже, насколько я помню, при условіи, что правительство его снова въ Кронштадтъ не пошлетъ.

Теперь, оглядываясь назадъ, надо признать, что Временное Правительство сдѣлало крупнѣйшую ошибку въ своихъ сношеніяхъ съ Кронштадтомъ. Политическое положеніе тогда не было понято, не уразумѣлъ его и делегатъ Правительства Переверзевъ. Ошибки не было въ томъ, что послали «убѣждать». Какъ я раньше говорилъ, «слово» тогда имѣло громадный вѣсъ; и значеніе «слова» нужно было испытать и въ Кронштадтскомъ дѣлѣ. Но разъ «слово» не дало результата, необходимо было употребить средства до военныхъ дѣйствій включительно для наведенія порядка въ Кронштадтѣ, что было равносильно наведенію порядка въ самой Россіи. Въ то время войско еще стояло на сторонѣ Временнаго Правительства, и приказъ идти на взбунтовавщійся Кронштадтъ могъ бы имѣть успѣхъ. Такъ надо полагать, ибо антиправительственное движеніе въ войскахъ все же начиналось.

Новому Правительству волей-неволей приходилось заняться судьбой эксъ-правителей Россіи въ лицѣ ея бывшихъ министровъ и другихъ отвѣтственныхъ лицъ. Была создана особая чрезвычайно-слѣдственная комиссія для выясненія вредной и преступной дѣятельности этихъ лицъ съ тѣмъ, чтобы по выясненіи этой дѣятельности либо привлечь эксъ-министровъ къ уголовной отвѣтственности, либо реабилитировать ихъ передъ новымъ строемъ и отпустить съ миромъ. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ назначенъ московскій присяжный повѣренный Н. Конст. Муравьевъ. Муравьевъ самъ редактировалъ указъ о своемъ назначеніи, въ которомъ опредѣлялись права его какъ товарища министра. Упоминаю объ этомъ потому, что Муравьевъ очень заботился о своемъ служебномъ положеніи. Независимости его, какъ предсѣдателя названной комиссіи, ничего вообще не угрожало, почему стремленіе его получить должность съ правами товарища министра было лишь данью его самолюбію или честолюбію. Муравьевъ очень энергично повелъ свое дѣло. Мнѣ, какъ директору 2-го Департамента, приходилось очень считаться съ его дѣятельностью. Муравьевъ — популярный уголовный защитникъ по политическимъ дѣламъ, зналъ почти всю Россію и хорошо

познакомился съ дѣятельностью судебныхъ чиновъ. Въ свою комиссію онъ постарался собрать весь цвѣтъ судебной администраціи, хотя были, конечно, и ошибочки съ его стороны. Мнѣ постоянно приходилось вызывать въ Петербургъ провинціальныхъ дѣятелей для пополненія чрезвычайной слѣдственной комиссіи и дѣлать въ виду этого множество перемѣщеній. Въ своихъ требованіяхъ Муравьевъ былъ очень настойчивъ, хотя противодѣйствія ему я никогда не чинилъ. Но всякая медленность въ исполненіи его требованій раздражала Муравьева, и онъ немедленно приходилъ ко мнѣ за справкой, въ чемъ заключаются затрудненія для вызова необходимаго ему лица. Въ числѣ ошибочныхъ назначеній я считаю приглашеніе въ комиссію судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Середу, того самаго Середу, который велъ слѣдствіе по адвокатскому Бейлисовскому процессу. Середа велъ это дѣло самымъ предосудительнымъ для судебнаго дѣятеля способомъ. Кромѣ того, какъ я слышалъ, въ его судебномъ прошломъ, былъ поступокъ крайне позорный, когда онъ, явившись подъ видомъ якобы защитника, допросилъ нужнаго ему по политическому дѣлу подслѣдственнаго, находившагося подъ арестомъ. Но въ Щегловитовскомъ періодѣ управленія Министерствомъ Юстиціи подобный поступокъ не былъ въ диковинку. Я помню, въ одномъ изъ обвинительныхъ актахъ по Варшавскому Округу была сдѣлана прямая ссылка на то, что обвиняемый изобличенъ признаніемъ, сдѣланнымъ имъ фальшивому защитнику въ то время, когда въ сосѣдней тюремной камерѣ сидѣли посаженные туда спеціально для подслушиванія ничѣмъ не стѣснявшіеся агенты охранки. Достойно замѣчанія, что и судебные дѣятели не постыдились сообщить объ этомъ фактѣ въ обвинительномъ актѣ. Мнѣ удалось отвратить назначеніе Середы въ слѣдственную Муравьевскую комиссію. Удалить же Середу изъ судебныхъ слѣдователей, какъ несмѣняемаго судью, было нельзя. Входить же съ Середой по этому поводу въ какіе либо переговоры мнѣ не хотѣлось.

Комиссія Муравьева была очень многочисленна по своему составу. Я не имѣлъ рѣшительно никакого касательства къ чрезвычайной слѣдственной комиссіи и мало ею интересовался. Муравьевъ часто ѣздилъ къ Керенскому и докладывалъ о томъ, чего эта комиссія достигла. Керенскій не былъ доволенъ успѣхами этой комиссіи; повидимому, онъ не совсѣмъ былъ доволенъ и дѣятельностью Муравьева. Но врядъ ли можно было кого либо винить въ томъ, что комиссія по существу не достигла цѣли, ради которой была создана. Она и не могла достичь ея, ибо цѣль эта была недостижима. Я полагаю, что и Керенскій, и Муравьевъ должны были это понять съ момента ея образованія. Совершеніе какихъ преступленій можно было приписать бывшимъ министрамъ?! Еслибы послѣднихъ можно было привлечь къ уголовной отвѣтственности за преступленія, подобныя совершеннымъ военнымъ министромъ Сухомлиновымъ, то конечно чрезвычайная слѣдственная комиссія была бы у мѣста, но что могли совершить бывшіе министры — максимумъ — неправосудіе, если дѣло касалось Щегловитова, неправильное лишеніе кого либо свободы, совершенное Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, казнокрадство, мздоимство и проч., каковыя преступленія не представляютъ изъ себя чего либо ужасающаго, то-есть влекущаго чрезмѣрное наказаніе. Между тѣмъ, общество считало старыхъ дѣятелей власти, и совершенно справедливо, злодѣями по отношенію къ русскому народу. Но злодѣй не есть еще преступникъ, и не всякое злодѣяніе предусмотрѣно уголовными законами, въ особенности злодѣянія, совершаемыя высшими міра сего. Нужно было взять быка за рога и всенародно объявить — старая власть преступна, но на нее нѣтъ по закону достаточнаго наказанія; а по сему, вмѣсто

наказанія по закону, враги народа будутъ изгнаны изъ Россіи. Преслѣдованіемъ старыхъ вельможъ въ уголовномъ порядкѣ новая власть ничего не достигла, а сѣла межъ двухъ стульевъ. Вотъ почему нельзя винить ни Муравьева, ни комиссію въ томъ, что комиссія-гора родила мышь. Между тѣмъ общество безусловно было заинтересовано въ томъ, какое же рѣшеніе вынесетъ чрезвычайно-слѣдственная комиссія по дѣлу бывшихъ министровъ. Заинтересованъ былъ въ этомъ и Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Съ докладомъ по дѣламъ, производящимся въ комиссіи, насколько мнѣ извѣстно, безъ вѣдома Министра Юстиціи (кто тогда былъ министромъ, я не помню, но помню, что меня это возмущало), Муравьевъ, боявшійся потерять свою популярность, являлся въ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Какъ и что онъ доложилъ Совѣту, мнѣ неизвѣстно, но фактъ этотъ былъ оповѣщенъ въ свое время въ газетахъ.

У революціонеровъ, въ томъ числѣ и у Керенскаго, существовалъ, искренній или неискренній, я не знаю, но совершенно неосновательный страхъ передъ контръ-революціей. Даже во время государственнаго совѣщанія въ Москвѣ въ одной изъ своихъ рѣчей Керенскій упомянулъ объ обнаруженномъ контръ-революціонномъ заговорѣ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: до правительства дошли слухи, что производился какой-то денежный сборъ на освобожденіе Николая II, что существовала какая-то переписка по этому поводу, что ѣздила куда-то какая-то дама, которую посвятили въ эту тайну и которая, испугавшись отвѣтственности, эту тайну кому-то разгласила. Въ этомъ, помнится мнѣ, и заключалось все дѣло. Керенскій поручилъ разслѣдованіе этого дѣла Московскому прокурору Судебной Палаты А. Ф. Сталю. Сдѣлалъ онъ это распоряженіе помимо Министра Юстиціи Заруднаго, который въ то время находился въ Петербургѣ. Помню, что Зарудный такимъ распоряженіемъ Керенскаго остался крайне недоволенъ, а попутно и Сталемъ, не извѣстившемъ его о данномъ ему порученіи. Выяснилось, что контръ-революціонный сборъ дѣйствительно производился, но что дѣло было чисто мошенническое, основанное на эксплоатаціи патріотическихъ чувствъ приверженцевъ стараго режима. Гора родила мышь и настолько маленькую, что прокуроръ Сталь былъ нѣсколько сконфуженъ результатами разслѣдованія; ему казалось, что онъ допустилъ ошибку, принявъ съ самаго начала шутовское дѣло за серьезное. Я его утѣшилъ, сказавъ ему, что даже въ такомъ видѣ дѣло требовало разслѣдованія. Меня это дѣло заинтересовало, не потому, конечно, что оно было связано хотя бы и внѣшне съ идеей контръ-революціи, а потому, что мнѣ казалось, что за такое дѣло могли взяться только мошенники довольно высокой пробы. Изъ дѣла было видно, что заправилы его находились гдѣ-то близъ Москвы (одинъ изъ нихъ и былъ обнаруженъ), но что въ дѣлѣ замѣшаны были еще какіе-то почтенные чины, имѣвшіе мѣстопребываніе на Минеральныхъ водахъ. Мнѣ очень хотѣлось всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ вымогательствѣ, обнаружить. Я стоялъ за то, чтобы дѣло продолжать и послать на югъ Россіи опытнаго слѣдователя для разслѣдованія всей сути дѣла. Объ этомъ поговорили, но изъ этого ничего не вышло — обрадовались, что контръ-революціонный заговоръ оказался пуфомъ. Обрадовалась, вѣроятно, такому финалу и маленькая шайка заговорщиковъ на карманы наивныхъ приверженцевъ стараго режима.

Какъ примѣръ подозрительнаго отношенія со стороны А. Ф. Керенскаго ко всему тому, что можетъ носить характеръ контръ-революціи, можно привести

еще слѣдующій фактъ. Генералъ Калединъ не пользовался довѣріемъ массъ въ силу того, что онъ былъ видной военной фигурой стараго режима. Я лично не былъ знакомъ съ генераломъ Каледнымъ, но я былъ всегда увѣренъ въ томъ, что онъ служитъ новому правительству честно, такъ какъ онъ открыто призналъ его власть; а въ своей рѣчи, произнесенной въ Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, онъ высказалъ свое политическое credo, которое совпадало съ тѣмъ, къ чему стремилась новая власть. Онъ связалъ себя словомъ, и въ его устахъ это не было пустымъ звукомъ. Но такъ называемый пролетаріатъ въ лицѣ его представителей не вѣрилъ Каледину, можетъ быть, просто не хотѣлъ ему вѣрить, что Каледина повидимому обижало. Распространились въ Петербургѣ слухи о его контръ-революціонной дѣятельности на югѣ Россіи среди Донского казачества, слухи ни на какихъ опредѣленныхъ данныхъ не основанные. Однако, они возбудили подозрѣніе со стороны Керенскаго. Но до разслѣдованія дѣятельности генерала Каледина на мѣстѣ дѣло все же не дошло. Прокуроръ Новочеркасской Судебной Палаты Ермоленко, нами же назначенный, телеграфировалъ Керенскому и мнѣ, что слухи о контръ-революціонной дѣятельности генерала Каледина носятъ характеръ провокаціонный, что благонадежность послѣдняго внѣ сомнѣній. Это повидимому остановило Керенскаго отъ удаленія генерала Каледина отъ занимаемыхъ ими должностей. Дѣло не было начато, хотя было близко къ этому.

Подошло время, когда князю Львову пришлось изъ Временнаго Правительства уйти, а его мѣсто занять наиболѣе популярному человѣку въ Россіи — Керенскому. Послѣдній въ то время уже занималъ постъ военнаго и морского министра. Керенскій сталъ искать замѣстителя себя въ Министерствѣ Юстиціи и остановился на П. Н. Переверзевѣ, занимавшемъ въ то время должность прокурора Петербургской Судебной Палаты. Повидимому, этотъ выборъ былъ самому Керенскому по вкусу. По крайней мѣрѣ обращеніе его ко мнѣ — хорошаго ли министра онъ нашелъ, выражало ожиданіе одобренія его выбору. Я промолчалъ, ибо ничего сказать не могъ. Переверзевъ — давнишній и одинъ изъ наиболѣе близкихъ мнѣ пріятелей. Противъ него говорить я не могъ. Но я зналъ его за самаго неположительнаго человѣка, человѣка, который подъ вліяніемъ минуты могъ наговорить такого, что потомъ нельзя было найти выхода изъ его словъ, развѣ только, «мало ли что можно сказать», «не всякое лыко въ строку» и проч. Я удивляюсь и теперь, какъ Керенскій могъ не знать Переверзева съ этой стороны и какъ онъ не учелъ этого обстоятельства, встрѣчаясь съ Переверзевымъ не рѣже меня.

Переверзевъ сталъ министромъ. Въ то время уже поговаривали о необходимости назначенія двухъ новыхъ товарищей министра. Я не сомнѣвался, что однимъ изъ нихъ буду назначенъ я. Такъ оно и вышло. Вторымъ товарищемъ министра пригласили популярнаго въ Харьковѣ присяжнаго повѣреннаго Б. Г. Вальца. Въ качествѣ товарища министра я продолжалъ завѣдывать моими отдѣлами, которые находились и раньше въ моемъ вѣдѣніи. На мое же мѣсто директора 2-го Департамента былъ приглашенъ по выбору Переверзева общій же нашъ пріятель присяжный повѣренный М. В. Беренштамъ. Керенскій не сочувствовалъ этому назначенію. По многимъ основаніямъ я тоже не желалъ этого назначенія, хотя не имѣлъ основанія возражать противъ него. Я объясню, почему. Оговариваюсь, однако, что мнѣ крайне непріятно писать о Переверзевѣ

и Беренштамѣ, ибо мнѣ придется говорить о пріятеляхъ то, что мнѣ не нравилось въ нихъ. Но я уже рѣшился, не скрывая, писать правду, поскольку эта правда будетъ касаться общественныхъ вопросовъ.

Беренштамъ — до крайности самолюбивый человѣкъ, нѣсколько избалованный вниманіемъ къ нему нѣкоторыхъ товарищей, по натурѣ нѣсколько грубоватый и чрезвычайно дорожащій своимъ независимымъ положеніемъ. Всѣ эти качества на мой взглядъ должны были мѣшать ему въ оперированіи надъ личностями служебнаго персонала. Беренштамъ при вступленіи въ должность прямо заявилъ мнѣ, что онъ желалъ бы быть вполнѣ самостоятельнымъ въ назначеніи служащихъ. До извѣстной степени это не было опаснымъ, такъ какъ всѣ главныя назначенія уже до него состоялись. Но такое требованіе все же было неумѣстно. Онъ заявилъ мнѣ о немъ, какъ товарищу министра, завѣдующему отдѣломъ назначеній. Не знаю — говорилъ ли онъ на эту тему съ министромъ Переверзевымъ. Я этого не думаю. Въ такомъ случаѣ претензія его являлась странной, ибо всѣ рѣшительно назначенія идутъ за подписью министра, и всѣ министры очень дорожатъ этимъ своимъ правомъ. И я не думаю, чтобы Переверзевъ могъ отказаться, хотя бы на словахъ, въ пользу Беренштама отъ этого своего права, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ давать обѣщанія устраивать на мѣста. Я тоже не отказался отъ права имѣть за собою окончательное рѣшеніе вопроса въ назначеніи лицъ на службу, поскольку этотъ вопросъ находился въ стадіи рѣшенія его въ канцеляріи. Беренштамъ жаловался потомъ мнѣ же, что я мѣшалъ ему самостоятельно работать. Жалоба эта была, однако, несправедлива. Всѣ вопросы и назначенія я рѣшалъ съ Беренштамомъ на чисто товарищескихъ началахъ; обо всемъ у насъ шли съ нимъ предварительныя бесѣды, и я ни разу не указывалъ Беренштаму о непремѣнномъ желаніи моемъ назначить то или иное лицо на опредѣленное мѣсто.

У Беренштама не было мягкости въ обращеніи съ просителями, что, можетъ быть, онъ ставитъ себя въ заслугу; я встрѣчалъ впослѣдствіи лицъ, которыя говорили мнѣ, что на своихъ пріемахъ онъ былъ въ достаточной мѣрѣ генераломъ, то-есть мало церемонился съ просителями. Но онъ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и безцѣльно жестокъ. Въ своей практикѣ я помню такой случай: пришелъ ко мнѣ кандидатъ на судебную должность, бывшій правовѣдъ, фамиліи котораго теперь не помню, и разсказалъ мнѣ слѣдующее: онъ служилъ въ какомъ-то судѣ кандидатомъ на судебную должность, когда одинъ знакомый его матери, одинъ изъ болѣе или менѣе видныхъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ предложилъ ей опредѣлить ея сына на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ онъ легко, по его словамъ, могъ бы составить себѣ карьеру. Мать, конечно, съ радостью на это согласилась. Оказалось, однако, что знакомый опредѣлилъ его на службу въ Департаментъ полиціи. Революція застала его въ то время, когда опредѣленіе на новую должность не было еще оформлено. Правовѣдъ просилъ не увольнять его съ судебнаго мѣста и увѣрялъ, что лично онъ никогда не имѣлъ въ виду и не желалъ служить въ Департаментѣ полиціи. — Мнѣ было все равно, говорилъ ли онъ правду или втиралъ мнѣ очки. Я просто не хотѣлъ придавать этому, ничтожному на мой взглядъ, случаю особаго значенія и портить дальнѣйшую службу начавшаго только служить молодого человѣка. Я ему, однако, объяснилъ, что служебное его положеніе во всякомъ случаѣ шатко, такъ какъ новое время не гладитъ по головкѣ лицъ, служившихъ или желавшихъ служить въ такой клоакѣ, какъ Департаментъ полиціи; что, если узнаютъ, что онъ былъ кан-

дитатомъ на службу въ Департаментъ полиціи, то многіе могутъ заявить претензію на назначеніе его на службу въ судѣ, гдѣ вакансій свободныхъ вообще довольно мало. Я сказалъ ему, что переведу его на службу куда-нибудь въ глухую провинцію, гдѣ о немъ ничего не знаютъ. Я такъ и сдѣлалъ. Правовѣдикъ остался этимъ рѣшеніемъ очень доволенъ. Приблизительно такой же случай былъ и при директорствѣ Беренштама. Одинъ изъ служащихъ южнаго района весьма долго состоялъ въ своей должности безъ движенія. Его начальство за него хлопотало, но почему-то это ни къ чему не приводило. Онъ усталъ ждать и рѣшилъ, что если ужъ дѣлать карьеру, то не слѣдуетъ останавливаться передъ поступленіемъ на службу въ департаментъ полиціи. По всѣмъ видимостямъ это былъ шагъ съ его стороны только легкомысленный. Новое время застало его, когда онъ только что подалъ прошеніе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. И этого было достаточно, чтобы потерять старое мѣсто и не получить новаго. Онъ слезно просилъ оставить его на службѣ Министерства Юстиціи, объяснялъ, что ему безъ службы жить нечѣмъ, что пусть опредѣлятъ его, хотя бы, на мѣсто кандидата на судебную должность, но не лишаютъ работы изъ-за куска хлѣба. Но Беренштамъ уперся. Убѣдить его измѣнить свое отношеніе къ судьбѣ этого несчастнаго товарища прокурора я не могъ и не имѣлъ основанія требовать его оставленія на службѣ. Формально Беренштамъ былъ правъ, и я долженъ былъ уступить. Если-бы я настаивалъ на своемъ — Беренштамъ вправѣ былъ бы говорить, что я безъ нужды лишаю его голоса. Но эта жестокость была мнѣ очень и очень не по вкусу.

Беренштамъ недолго прослужилъ въ Министерствѣ Юстиціи; его назначили вскорѣ товарищемъ Министра Продовольствія, то-есть товарищемъ А. В. Пѣшехонова, съ которымъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Однако, онъ ушелъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ. Онъ надѣялся получить мѣсто 5-го товарища Министра Юстиціи, каковое мѣсто ему обѣщалъ Переверзевъ. (Товарищами министра при Переверзевѣ были: бывшіе — Зарудный и Скарятинъ и два новыхъ — я и харьковскій прис. пов., съ которымъ я очень подружился, — милѣйшій Вальцъ.)

Само собой разумѣется, что мѣсто пятаго товарища министра предложилъ Беренштаму Переверзевъ, ни съ кѣмъ объ этомъ не посовѣтовавшись. Когда же зашла объ этомъ рѣчь съ товарищами министра, то было рѣшено, что въ назначеніи пятаго товарища министра не встрѣчается рѣшительно никакой надобности. Для меня кромѣ того ясно было, что свое предложеніе Беренштаму Переверзевъ сдѣлалъ совершенно зря, ибо любилъ обѣщать мѣста, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ясно было, что обѣщаніе это явно неисполнимо. Меня нисколько, напримѣръ, не удивило, когда я здѣсь на Кавказѣ узналъ изъ открытаго письма московскаго прис. пов. Ш., обвинявшагося въ рядѣ неблаговидныхъ поступковъ по управленію продовольственной частью при Грузинскомъ правительствѣ, что въ бытность его въ Россіи Переверзевъ обѣщалъ и ему мѣсто товарища министра. Объ этомъ обѣщаніи Переверзева рѣшительно никто изъ насъ ничего не зналъ. Беренштамъ, конечно, не былъ въ положеніи Ш. Но все же ему слѣдовало о своемъ назначеніи поговорить не только съ Переверзевымъ. Ему должно было быть извѣстнымъ, что безъ общаго обсужденія вопросъ о назначеніи пятаго товарища министра вообще пройти не могъ. Впослѣдствіи, какъ я слышалъ, Беренштамъ обвинялъ именно меня, что я воспрепятствовалъ его назначенію. Закулисно, т. е. безъ вѣдома товарищей министра, между Беренштамомъ и Переверзевымъ былъ рѣшенъ вопросъ даже о томъ, кто сядетъ на мѣсто

Беренштама, когда онъ получитъ новое назначеніе. Предполагалось назначить директоромъ 2-го Департамента бывш. прис. пов. В. Н. Новикова, ближайшаго друга Беренштама, абсолютно неподходящаго для занятія должности директора 2-го Департамента, человѣка нервнаго, несправедливаго, который всегда передъ кѣмъ нибудь либо преклонялся, либо къ кому либо относился недружелюбно. Беренштаму Новиковъ всегда кадилъ. Въ скобкахъ долженъ сказать, что Новиковъ самъ по себѣ честнѣйшій человѣкъ и ближайшими пріятелями весьма любимъ. Обиженный Беренштамъ ушелъ, и по нашему рѣшенію на его мѣсто былъ приглашенъ отбывавшій воинскую повинность — кадетъ, прис. пов. округа Саратовской Судебной Палаты Б. Б. Араповъ, добросовѣстнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, который всѣмъ пришелся ко двору.

Со вступленіемъ Переверзева въ должность Министра Юстиціи начались мои мученія, иначе я не могу назвать тогдашнее длительное свое настроеніе духа.

Какъ я уже раньше сказалъ, Переверзевъ назначилъ меня своимъ товарищемъ. Переверзевъ былъ однимъ изъ моихъ ближайшихъ товарищей, съ которымъ мы были настолько близки, что церемоній между нами не было никакихъ. Такимъ образомъ, все предсказывало, что работа у насъ пойдетъ при взаимномъ другъ къ другу довѣріи совершенно гладко. Однако, съ первыхъ же шаговъ я увидѣлъ, что Переверзевъ не обо всемъ со мной говоритъ, т. е., что есть области, въ которыя онъ избѣгалъ меня пускать, и не потому, что онъ дорожилъ бы полной своей самостоятельностью въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ (что я вполнѣ бы одобрялъ, если бы это было такъ, и на что я бы и не претендовалъ), а потому, что, казалось, боялся встрѣтить съ моей стороны неодобреніе его дѣйствій.

Переверзевъ состоялъ членомъ Совѣта прис. пов. и, естественно, онъ долженъ былъ нанести свой визитъ Совѣту, когда былъ назначенъ Министромъ Юстиціи, что онъ и сдѣлалъ, посѣтивъ предсѣдателя совѣта прис. повѣр. Н. П. Карабчевскаго на его частной квартирѣ, куда были приглашены по этому случаю всѣ члены Совѣта. Въ качествѣ бывш. члена Совѣта былъ у Карабчевскаго и я. Переверзевъ произнесъ рѣчь, которую я слушалъ съ большимъ удивленіемъ, или скорѣе, недоумѣніемъ. Въ основу рѣчи Переверзева было положено слѣдующее приблизительно положеніе: властямъ часто приходится дѣлать беззаконія; онъ самъ это испыталъ, будучи прокуроромъ Палаты; также вѣроятно ему придется поступать и въ качествѣ министра; онъ знаетъ, что послѣ такой его дѣятельности Совѣтъ прис. пов. врядъ ли согласится принять его обратно въ сословіе. Какая то особенная муха укусила тогда Переверзева. Я иначе не могъ объяснить его рѣчь, какъ желаніемъ съ его стороны быть оригинальнымъ, сказать что-то свое и новое. Дѣйствительно сказалъ! Я не желаю дѣлать никакихъ комментарій на эту курьезную рѣчь. На мой взглядъ, достаточно привести ея содержаніе, чтобы отнестись съ подозрительностью къ представителю власти, на которомъ особенно лежитъ обязанность слѣдить, чтобы законы не нарушались.

Адвокаты приняли рѣчь Переверзева вѣроятно такъ, какъ принимаютъ всякую застольную рѣчь. Въ содержаніе ея никто не вникалъ. По крайней мѣрѣ я ни отъ кого не слышалъ критики ея.

Еще до назначенія Переверзева министромъ ходили слухи (я ихъ не провѣрялъ, ибо это было въ сторонѣ отъ вопросовъ, меня касавшихся), что при прокурорѣ Петербургской Судебной Палаты, т. е. при Переверзевѣ существуетъ

какой-то товарищъ прокурора Судебной Палаты, на обязанности коего лежитъ подысканіе квартиръ для какихъ то политическихъ организацій. Такъ ли оно было или нѣтъ, я не зналъ хорошенько. Говорилось это съ извѣстной ироніей. Никакихъ законовъ о реквизиціи квартиръ тогда вообще не существовало, слѣдовательно, если оно такъ и было, то дѣло это было со стороны прокурора частное и, вѣроятно, въ основу его была положена извѣстная любезность. Во всякомъ случаѣ произошло слѣдующее: тотчасъ по назначеніи Переверзева министромъ къ нему явилась на пріемъ какая-то группа «товарищей» и просила его подыскать квартиры для собравшихся пріѣзжихъ крестьянскихъ депутатовъ, а также для какой то политической организаціи (я не допущу особенной ошибки, если сдѣлаю предположеніе, что организація эта была близкой къ большевикамъ).

Объ этой просьбѣ «товарищей» я узналъ совершенно случайно, войдя въ пріемную министра, когда онъ принималъ этихъ посѣтителей. Само собой разумѣется, я не вмѣшался въ ихъ бесѣду. Помню, что когда просители уходили, то одинъ изъ нихъ театрально поднялъ руку къ потолку и, потрясая ею, театральнымъ же голосомъ говорилъ Переверзеву: «Павелъ Николаевичъ, позаботьтесь же объ этой организаціи, они никакъ не могутъ найти себѣ помѣщенія». Я слушалъ это съ негодованіемъ, и когда просители ушли, я сказалъ Переверзеву, что позаботиться о помѣщеніи крестьянскихъ депутатовъ еще кое какъ допустимо, такъ какъ это все же похоже на какое то общественное дѣло, но заботиться министерству о частныхъ политическихъ организаціяхъ и подыскивать имъ квартиры — не дѣло властей. Надо гнать такихъ просителей къ черту. Вотъ это мое вмѣшательно, повидимому, не особенно пришлось по вкусу Переверзеву. Я это почувствовалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что надо же имъ помочь, что нельзя и опасно со всѣми ссориться и проч. Я же былъ очень недоволенъ всѣмъ этимъ. Я неоднократно послѣ этого случая слышалъ разговоры о томъ, что Переверзевъ ищетъ кому то какія то квартиры. Вѣрно это было или нѣтъ — не сумѣю сказать.

На первыхъ порахъ своей дѣятельности Переверзеву пришлось натолкнуться на очень острый вопросъ объ обыскахъ, арестахъ и высылкахъ лицъ въ административномъ порядкѣ. Не помню, почему этотъ вопросъ возникъ именно въ Министерствѣ Юстиціи и почему завѣдываніе этимъ чисто административнаго характера дѣломъ было возложено на Министерство Юстиціи. Кажется, это было наслѣдіе послѣ Керенскаго, который хотѣлъ взять это дѣло въ свои руки. Переверзевъ очень горячо занялся возложенной на него задачей составить проектъ новаго закона, но дѣло было дырявое. Было нѣсколько обсужденій этого вопроса между министромъ и его товарищами, но безъ особаго толка. Переверзевъ говорилъ, что надо быть вооруженнымъ до зубовъ для успѣшной защиты проекта новаго закона въ Совѣтѣ Министровъ. Но трудно было сосредоточить въ Министерствѣ Юстиціи право административныхъ взысканій или что почти то же — право совершать произволъ. Конечно, административныя взысканія есть дѣло исключительно Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какъ высшаго органа административной власти. Проектъ Министерства Юстиціи нѣсколько разъ докладывался въ Совѣтѣ Министровъ и каждый разъ неудачно; въ концѣ концовъ онъ такъ и не былъ принятъ (что было совершенно правильно), и дѣло обысковъ, арестовъ и высылки въ административномъ порядкѣ было передано Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Военному для совмѣстнаго ихъ разрѣшенія. Переверзеву надо было въ свое время объяснить въ Совѣтѣ что проектъ новаго закона имъ

составленъ въ томъ направленіи, въ какомъ ему было поручено составить, что по существу онъ ничего не имѣетъ противъ передачи дѣлъ объ арестахъ, высылкѣ и обыскахъ въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Между тѣмъ, Переверзевъ, повидимому, горой стоялъ за свой проектъ, защищая его цѣлесообразность, чѣмъ подорвалъ къ себѣ довѣріе Совѣта. Онъ самъ, въ весьма скоромъ времени послѣ назначенія министромъ, жаловался, что не имѣетъ успѣха въ Совѣтѣ и что всѣ проекты новыхъ законовъ Министерства Юстиціи откладываются разсмотрѣніемъ, почитаясь повидимому не имѣющими серьезнаго значенія. Словомъ, престижемъ въ Совѣтѣ Переверзевъ не пользовался почти никакимъ.

Какъ то такъ случилось, что Переверзеву, еще когда онъ былъ прокуроромъ Палаты, по его ли иниціативѣ или по иниціативѣ Керенскаго было поручено завѣдываніе дѣломъ контръ-развѣдки. Когда онъ сдѣлался министромъ, онъ оставилъ это дѣло у себя. Для этого дѣла нужны были средства. Деньги ему отпустилъ Совѣтъ Министровъ. Какъ оказалось, отпустили какъ бы на вѣру, ибо не было сдѣлано никакого постановленія объ учрежденіи контръ-развѣдки и о томъ, въ вѣдѣніи кого она должна находиться и на какихъ основаніяхъ дѣйствовать. Завѣдующимъ контръ-развѣдкой состоялъ какой-то вернувшійся изъ Франціи эсъ-эръ Мироновъ, который каждое утро являлся къ Переверзеву и о чемъ-то съ нимъ довольно долго бесѣдовалъ. — Этимъ бесѣдамъ Переверзевъ, повидимому, придавалъ серьезное значеніе.

Заруднаго учрежденіе этой контръ-развѣдки именно при Министерствѣ Юстиціи глубоко возмущало; какъ человѣкъ горячій, онъ говорилъ о ней чуть ли не съ пѣной у рта и увѣрялъ, что изъ за нея онъ выйдетъ въ отставку.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось имѣть по поводу этой развѣдки столкновеніе съ Мироновымъ, но при Переверзевѣ я въ это дѣло не вмѣшивался, ибо оно было, если можно такъ выразиться, не моего стола. За всѣмъ угоняться было невозможно.

Переверзеву пришлось послѣ его назначенія въ качествѣ министра явиться въ засѣданіе комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ. Онъ обратился къ сенаторамъ и профессорамъ съ привѣтственною рѣчью, и эта рѣчь его мнѣ не понравилась. Тонъ ея была таковъ: «Вы мнѣ нужны для того-то и того-то; я прошу васъ сдѣлать то-то и то-то». Мнѣ казалось — комиссія нужна не для министра Переверзева, а нужна для дѣла, общаго всѣмъ, дѣла, въ которомъ Переверзевъ работаетъ только по положенію какъ глава; онъ только первый изъ равныхъ. Переверзевъ въ своей рѣчи находилъ нужнымъ подчеркнуть свое положеніе главы, чтобы показать, какой дескать онъ, Переверзевъ, настоящій, энергичный министръ. Словомъ, тонъ рѣчи былъ напускной и для дѣла ненужный.

Еще до засѣданія комиссіи, въ которой предсѣдательствовалъ Переверзевъ, мнѣ пришлось поднять вопросъ въ Министерствѣ о несмѣняемости судей, о чемъ я выше говорилъ. Моя точка зрѣнія была такова: законъ о несмѣняемости судей есть законъ необходимѣйшій, ибо ставитъ судью въ независимое отъ администраціи положеніе. Но все же это ни болѣе ни менѣе, какъ гарантія противъ произвола администраціи. Если бы администрація была идеальна и не стремилась бы къ подчиненію себѣ совѣсти судей, то не было бы никакой необходимости въ законѣ о несмѣняемости судей. Принципъ несмѣняемости не есть принципъ

самодовлѣющій; онъ есть все же зло, но гарантирующее противъ большаго зла; нельзя представить себѣ ничего худшаго, какъ несправедливаго судью, котораго никто не можетъ смѣстить. Дореволюціонное время посадило въ Россіи множество худыхъ судей, намъ нужно избавиться отъ нихъ. Слѣдуетъ издать законъ, отмѣняющій несмѣняемость судей на очень краткій срокъ, въ каковой и избавиться отъ этихъ дурныхъ судейскихъ элементовъ. Правильность моей точки зрѣнія признавали весьма многія лица. Переверзевъ стоялъ на моей сторонѣ. Но когда вопросъ былъ переданъ на предварительное разсмотрѣніе судебной комиссіи, что было явнымъ проваломъ идеи временнаго уничтоженія несмѣняемости, то было ясно, что этотъ вопросъ въ комиссіи провалится, ибо такіе вопросы, если хотятъ ихъ разрѣшить въ положительномъ смыслѣ, нельзя ставить на обсужденіе цѣлыхъ коллегій; нельзя заставлять цѣлую комиссію отвергнуть принципъ, уважать который является чуть ли не аксіомой.

Очень многія лица внѣ комиссіи стояли за временную отмѣну несмѣняемости судей. Но храбро выступилъ за это въ самой комиссіи только будущій Министръ Юстиціи прис. пов. Малянтовичъ. Большинство же изъ тѣхъ, которые въ бесѣдахъ со мной стояли на моей точкѣ зрѣнія, въ пленарномъ засѣданіи комиссіи, не только отказались отъ своей прежней точки зрѣнія, но даже о ней не заявили. Главными защитниками принципа несмѣняемости судей стали первоприсутствующіе Гражд. Кассац. Департамента Ганскау и оберъ-прокуроръ уголовнаго Кассац. Департамента Носовичъ. Сенаторъ Ганскау говорилъ даже объ этомъ вопросѣ съ волненіемъ.

Словомъ, я провалился. А помогъ этому провалу и Переверзевъ, который въ комиссіи сталъ на сторону защитниковъ несмѣняемости. Онъ объяснилъ впослѣдствіи это тѣмъ, что вопросъ о временной отмѣнѣ несмѣняемости судей явно клонился къ провалу. Но мнѣ не нравилась его непослѣдовательность.

Въ острую оппозицію къ Переверзеву, завершившуюся, однако, благополучно, мнѣ пришлось встать по дѣлу о назначеніи прокурора Тифлисской Судебной Палаты Кисилевскаго на новую должность. Я выше упомянулъ, что тифлисскіе адвокаты дали свой отрицательный отзывъ о Кисилевскомъ, но потомъ взяли его обратно. Это, конечно, не могло понравиться Кисилевскому, который не пожелалъ оставаться далѣе на службѣ въ Тифлисѣ. Нужно было его какъ-нибудь устроить на новомъ мѣстѣ, такъ какъ претензія его была справедлива. Я имѣлъ частныя свѣдѣнія о Кисилевскомъ, какъ о хорошемъ человѣкѣ; мнѣ особенно хотѣлось оказать ему услугу. Однако, въ то время нигдѣ не было для него подходящихъ свободныхъ вакансій. Но Переверзевъ такую вакансію нашелъ. Постъ старшаго предсѣдателя Петроградской Судебной Палаты былъ вакантнымъ. Было очень трудно найти настоящаго замѣстителя на этотъ постъ. О томъ, чтобы назначить на это мѣсто Кисилевскаго, никому въ голову не могло прійти, такъ какъ это было бы рѣдкостнымъ скачкомъ по службѣ. Мѣсто старшаго предсѣдателя Петербургской Судебной Палаты за послѣднее время занимали все сенаторы. Если бы къ этому времени сенаторъ Таганцевъ-сынъ самъ не заявилъ желанія получить вакантное мѣсто старшаго предсѣдателя Петербургской Судебной Палаты, то мы были бы въ большомъ затрудненіи, что намъ дѣлать. И вдругъ въ періодъ переговоровъ съ Таганцевымъ Кисилевскій, послѣ уже состоявшагося частнаго соглашенія съ Таганцевымъ, пришелъ ко мнѣ съ пріема у Переверзева и заявляетъ, что Переверзевъ сказалъ ему, что назначитъ его старшимъ предсѣдателемъ Петербургской Судебной Палаты. Я былъ фрапированъ этимъ сообщеніемъ до послѣдней степени. Я сказалъ

Кисилевскому, что при всемъ моемъ желанiи оказать ему всякое содѣйствiе въ его служебномъ положенiи, я все же предупреждаю его, что постараюсь отклонить это назначенiе, и надѣюсь, что онъ не будетъ за это на меня въ претензiи. Кисилевскiй отнесся къ моимъ словамъ безъ всякой предубѣжденности; онъ очень хорошо понималъ, что Переверзевъ перехватилъ черезъ край. Я отправился къ Переверзеву и просилъ его (ранѣе я ему то же говорилъ) безъ предупрежденiя меня никого никуда не назначать, что его воля, какъ министра, будетъ исполнена, но онъ не долженъ сводить всякую работу канцелярiи на нѣтъ неожиданностью своихъ распоряженiй. Я ему объяснилъ, что всякое назначенiе на должность въ буквальномъ смыслѣ приводитъ въ движенiе все вѣдомство, ибо съ назначенiемъ одного лица передвигается съ мѣста на мѣсто цѣлая плеяда другихъ служащихъ. Въ частности я сказалъ ему и о томъ, что Кисилевскаго по ходу его службы слишкомъ рано назначать старшимъ предсѣдателемъ Петроградской Судебной Палаты, что такимъ назначенiемъ будутъ недовольны въ судебномъ мiрѣ. Переверзевъ по обыкновенiю выслушалъ, что я ему сказалъ, не возражалъ мнѣ и молча предоставилъ мнѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнiю. Къ моему удовольствiю открылась вакансiя въ Сенатѣ на должность товарища оберъ-прокурора, на которую къ всеобщему удовлетворенiю и былъ назначенъ Кисилевскiй.

Былъ такой случай. П. Н. Переверзевъ попросилъ меня устроить одного своего прiятеля присяжнаго повѣреннаго предсѣдателемъ Окружнаго Суда одного изъ южныхъ городовъ Россiи. Онъ назвалъ и городъ. Этотъ городъ на югѣ служилъ лакомымъ кускомъ для многихъ. Всѣ, кто чувствовалъ себя физически плохо или имѣлъ въ семьѣ больныхъ, стремился попасть туда. Кандидатовъ на открывавшуюся тамъ вакансiю предсѣдателя Окружнаго Суда было множество. Но главное несчастiе заключалось въ томъ, что адвокатъ Х., на мой взглядъ, былъ абсолютно неспособенъ занять эту должность. Это былъ адвокатъ безъ практики и въ достаточной мѣрѣ лѣнивый. Переверзевъ настаивалъ на его назначенiи, несмотря на мой протестъ. Я былъ въ очень трудномъ положенiи. Я старался косвенно повлiять на Х., объясняя ему, какъ трудно и сложно положенiе всякаго предсѣдателя суда. Но Х., какъ и нѣкоторые другiе адвокаты, не чувствовалъ, что онъ былъ неспособенъ на занятiе этой должности; онъ де не хуже другихъ. Что мнѣ было дѣлать?! Въ то время въ Петербургѣ находился старшiй предсѣдатель той Судебной Палаты, къ которой былъ приписанъ упомянутый выше Судебный Округъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ судей въ Россiи. Я откровенно разсказалъ ему положенiе дѣла и необходимость вслѣдствiе настоянiя министра назначить Х. предсѣдателемъ —скаго суда. Тотъ сказалъ: «Назначайте; всякихъ предсѣдателей суда мы видѣли; будетъ плохъ, поможемъ ему». Я сообщилъ Х., что желанiе его будетъ удовлетворено. Тогда Х., все же скромный человѣкъ, испугался будущей своей отвѣтственности и отъ мѣста предсѣдателя суда отказался.

Еще одна черта П. Н. Переверзева:

Въ тѣ времена на прiемные часы министровъ являлась масса народа. Это была цѣлая лавина людей. Нужно было всѣхъ просителей по возможности удовлетворить, хотя бы одними отвѣтами. Трудъ по прiему просителей было почти даромъ потраченное время: Ни одного вопроса, походя, рѣшать нельзя. Нужно сразу понять, что проситъ проситель и сдѣлать отмѣтку на прошенiи, что тре-

буется сдѣлать по этому прошенію. Керенскій былъ мастеръ принимать; всѣ уходили отъ него удовлетворенные. Но, конечно, Керенскій на пріемы смотрѣлъ, какъ на обузу. А Переверзевъ чуть что не любилъ ихъ; онъ находилъ, что на пріемахъ узнаешь истинныя нужды народа. Керенскій при своей быстротѣ рѣшеній почти всегда попадалъ въ цѣль. А Переверзевъ дѣлалъ промахъ за промахомъ. Одно дѣтище Керенскаго было крайне неудачно — это новое устройство мирового суда: дѣла сталъ рѣшать судья съ двумя ассистентами (откуда и какъ ихъ назначали — я не помню); это былъ судъ безапелляціонный. Почему и кому въ угоду сравнительно популярный мировой судъ нужно было испортить! Эти судьи такого нарѣшили, что пришлось создать право Министра Юстиціи пересматривать эти рѣшенія и отмѣнять ихъ. И вотъ тутъ Переверзевъ неоднократно отличался. Не разсмотрѣвъ всего производства суда, по жалобѣ потерпѣвшей стороны отмѣнялъ рѣшеніе суда. Словомъ было столько и серьезнаго, и мелочей, которыя раздражали меня въ Переверзевѣ и даже болѣе, чѣмъ раздражали, что я рѣшилъ подать въ отставку, о чемъ и сказалъ Скарятину и Вальцу. Они меня стали уговаривать остаться, между прочимъ, мотивъ ихъ былъ — необходимость не оставлять Переверзева безъ помощи, на что я согласился при условіи сохраненія за собою права открыто критиковать дѣйствія Переверзева, чтобы его дѣятельности не смѣшивали съ дѣятельностью его товарищей, ибо я боялся, оставаясь на службѣ, дискредитировать себя.

Въ бытность Переверзева министромъ, ко мнѣ, какъ завѣдывающему гражданской частью, былъ направленъ проситель, московскій купецъ Нѣмчиновъ, владѣлецъ гостинницы «Дрезденъ». Вотъ, что онъ мнѣ разсказалъ. Какъ только старое правительство пало, въ Москвѣ образовалась революціонная организація, во главѣ которой встали московскіе общественные дѣятели, въ томъ числѣ докторъ Кишкинъ. Эта организація захватила для своихъ нуждъ принадлежащую ему гостинницу «Дрезденъ», что онъ считаетъ крайне несправедливымъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать защиты у Правительства и возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ. Въ душѣ я очень обрадовался приходу Нѣмчинова. Начавшаяся вакханалія нарушеній всякихъ правъ подъ флагомъ «революціоннаго правотворчества» была мнѣ далеко не по вкусу. Мнѣ хотѣлось такъ или иначе положить ей, гдѣ можно, предѣлъ. Случай съ Нѣмчиновымъ давалъ къ тому нѣкоторый поводъ. Я, конечно, не показалъ Нѣмчинову и вида, что просьба его мнѣ по душѣ, а весьма холодно замѣтилъ ему, что гражданскіе законы новымъ правительствомъ не отмѣнены и что, слѣдовательно, онъ можетъ судебнымъ порядкомъ выселить непрошенныхъ гостей изъ своей гостинницы. Нѣмчиновъ усумнился въ такомъ своемъ правѣ. Я, однако, разъяснилъ ему, что всѣ права на его сторонѣ, и прибавилъ, что, конечно, безъ адвоката ему обойтись нельзя, что противникъ у него будетъ сильный и что ему поэтому придется пригласить для услугъ опытнаго и съ именемъ защитника. Я указалъ ему на московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ Тесленко и Малянтовича, которые будутъ въ этомъ дѣлѣ ему полезны, но оговорился, что Тесленко и Малянтовичъ люди съ хитрецой и, пожалуй, не пожелаютъ вступить въ его дѣло, чтобы не ссориться съ общественной организаціей, но что во всякомъ случаѣ они укажутъ, къ кому нужно будетъ ему обратиться.

Нѣмчиновъ уѣхалъ; однако въ Москвѣ ничего не сдѣлалъ; онъ затѣмъ вновь пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы повидаться со мной, но меня въ мини-

стерствѣ ему не удалось застать и вечеромъ онъ позвонилъ ко мнѣ по телефону на домъ, спрашивая совѣта. Я былъ съ нимъ болѣе, чѣмъ сухъ. Замѣтилъ ему, что по дѣламъ со мной можно бесѣдовать только въ министерствѣ, а не дома, и что вообще по его дѣлу не можетъ быть никакихъ разговоровъ, что ему уже указанъ путь, по которому ему надлежитъ идти и что все дальнѣйшее всецѣло зависитъ отъ него. На этотъ разъ Нѣмчиновъ послушался меня, уѣхалъ въ Москву и предъявилъ искъ у мирового судьи о выселеніи организаціи. Рѣшеніе судьи было превосходно написано, и моя догадка, что рѣшеніе было написано судьей по совѣщаніи съ другими судьями, оказалась по наведенной справкѣ правильной. Въ этомъ рѣшеніи судъ писалъ, что новая власть особенно должна въ интересахъ довѣрія къ ней ограждать незыблемость существующихъ законовъ. Но что въ этомъ дѣлѣ меня особенно поразило, это то, что дѣло со стороны организаціи велъ П. Н. Малянтовичъ (будущій Министръ Юстиціи). Рѣшеніе мирового судьи вошло въ окончательную силу; жалоба Малянтовича въ Съѣздъ Мировыхъ Судей по формальнымъ основаніямъ вслѣдствіе допущенной имъ какой-то ошибки была ему возвращена. Объ этомъ дѣлѣ мнѣ пришлось говорить съ товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Леонтьевымъ, который одобрилъ въ этомъ дѣлѣ мою точку зрѣнія; и отъ Леонтьева я получилъ вскорѣ затѣмъ приглашеніе принять участіе въ комиссіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ по вопросу объ изданіи особаго закона о правѣ правительства на реквизицію частныхъ помѣщеній для нуждъ правительственныхъ и общественныхъ. Вопросъ объ изданіи новаго закона подняла указанная выше московская организація. Комиссія была довольно торжественно обставлена; въ ней было много пріѣзжихъ гостей изъ Москвы. Въ качествѣ представителя организаціи въ комиссіи выступилъ московскій присяжный повѣренный Метакса, который сказалъ длиннѣйшую рѣчь на тему, какъ необходимо для правительства и общественныхъ организацій право на реквизицію частныхъ помѣщеній. Въ его рѣчи сквозило большое неудовольствіе по поводу «несправедливаго» рѣшенія мирового судьи, который не сумѣлъ понять значенія поднятаго у него дѣла. Мнѣ пришлось ему отвѣчать. Въ то время въ Петербургѣ было уже въ полномъ ходу дѣло объ особнякѣ Кшесинской и о дачѣ Дурново. Я сравнилъ дѣйствія московской организаціи съ дѣйствіемъ большевиковъ въ Петербургѣ; я указалъ, что московская организація должна полностью признать свою неправоту и что она даже признала ее тѣмъ, что обратилась къ правительству, потерпѣвъ фіаско въ судебномъ пути, — съ ходатайствомъ объ изданіи новаго необходимаго закона о реквизиціи. Метакса разсердился на мою рѣчь. Онъ сказалъ: «Мы въ другомъ мѣстѣ поговоримъ съ Демьяновымъ на задѣтую имъ тему». Въ какомъ мѣстѣ я долженъ былъ бесѣдовать съ Метаксой, я не зналъ, но съ нимъ мнѣ не пришлось потомъ встрѣчаться. Законъ новый былъ разработанъ, но не помню, чтобы онъ окончательно былъ принятъ Временнымъ Правительствомъ. Энергичный товарищъ Министра Леонтьевъ вышелъ вскорѣ въ отставку, когда ушелъ изъ Временнаго Правительства кн. Львовъ — Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

Съ Леонтьевымъ мнѣ пришлось познакомиться въ Маломъ Совѣтѣ Министровъ. Въ засѣданіяхъ этого Совѣта принимали участіе товарищи Министровъ. Въ немъ разсматривались, такъ называемыя, безспорныя дѣла. Но какъ только вопросъ возбуждалъ споръ, и получалось разногласіе, безспорное дѣло передавалось на разсмотрѣніе непосредственно въ Совѣтъ Министровъ. Засѣданія Малаго

Совѣта меня интересовали, и я къ нимъ готовился. Въ этомъ мнѣ помогалъ чиновникъ Юстиціи г. Гепнеръ, весьма опытный юристъ. Онъ очень хорошо зналъ, гдѣ и на какой законъ надо опереться. Мнѣніе же о томъ, что нужно поддержать въ Совѣтѣ и что подлежитъ провалу, было уже дѣломъ моимъ личнымъ. Съ г. Гепнеромъ мы подружились; онъ охотно со мной бесѣдовалъ и о старыхъ временахъ и много передавалъ мнѣ любопытнаго изъ бывшей жизни Министерства. Г. Гепнеръ, ознакомившись съ вопросами, которые подлежали обсужденію въ Совѣтѣ, докладывалъ мнѣ о нихъ, сообщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, не нарушаются ли принятіемъ «безспорнаго вопроса» старые законы и, если приходилось ихъ отмѣнить, то какъ нужно было бы это оформить съ внѣшней стороны, ибо, еслибы вводился новый законъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оговаривалось бы въ немъ, какія статьи стараго закона отмѣняются, то вышла бы большая путаница въ примѣненіи новыхъ законовъ. Придавалъ значеніе (что весьма правильно) посѣщеніямъ Малаго Совѣта и товарищъ Министра Юстиціи А. С. Зарудный. Въ то время предсѣдателемъ Малаго Совѣта Министровъ состоялъ профессоръ Гриммъ. Поговаривали, что онъ уйдетъ, и Зарудный находилъ наиболѣе правильнымъ, чтобы въ замѣстители проф. Гримма по предсѣдательствованію въ Совѣтѣ былъ назначенъ одинъ изъ товарищей Министра Юстиціи.

Я сталъ довольно часто посѣщать засѣданія Малаго Совѣта. Рѣже посѣщали его Зарудный и Скарятинъ. Я весьма быстро сошелся съ проф. Гриммомъ, который относился ко мнѣ съ довѣріемъ, что мнѣ извѣстно со стороны.

Къ этому времени относится слѣдующій эпизодъ: У меня вышло нѣчто въ родѣ скрытаго столкновенія съ Министромъ Путей Сообщенія Некрасовымъ. Однажды ко мнѣ обратился мой бывшій кліентъ съ просьбой выслушать двухъ его пріятелей южныхъ заводчиковъ, которые хотѣли посовѣтоваться со мной по поводу какой-то поставки въ Министерство Путей Сообщенія. Я сначала наотрѣзъ отказался съ ними говорить, но когда бывшій довѣритель мнѣ объяснилъ, что дѣло касается взятки, которую заводчики хотятъ обойти, я согласился ихъ выслушать. Заводчики побывали у меня и дѣйствительно разсказали мнѣ, что безъ взятки они никакой поставки сдѣлать не могутъ. Взятку требовали на какой то южной желѣзной дорогѣ. Въ правдивости ихъ словъ я не имѣлъ основаній сомнѣваться. Я написалъ Некрасову письмо, въ которомъ просилъ его выслушать заводчиковъ, оговорившись однако, что лично съ ними я не знакомъ, но что не имѣю основанія имъ не довѣрять, такъ какъ они мнѣ рекомендованы лицомъ, заслуживающимъ съ моей стороны полнаго довѣрія. Заводчикамъ же я сказалъ слѣдующее: «я даю вамъ письмо къ Некрасову, но съ условіемъ, что вы будете говорить съ нимъ также откровенно, какъ со мной». Черезъ нѣсколько дней послѣ сего, заводчики были вновь у меня и разсказали мнѣ, что мое письмо къ Некрасову имѣло скорѣе отрицательное для нихъ значеніе. Некрасовъ принялъ ихъ очень хорошо, но когда они передали мое письмо къ нему и разсказали, въ чемъ заключается ихъ просьба, Некрасовъ надулся. Разсказъ ихъ меня удивилъ. Съ Некрасовымъ я былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Я и мысли не могъ допустить, чтобы онъ могъ отрицательно отнестись къ просителямъ только потому, что они сослались на меня. Въ чемъ же было дѣло?! Я нашелъ объясненіе въ слѣдующемъ: Некрасовъ не могъ допустить, чтобы у него, въ его вѣдомствѣ могли быть какія либо безобразія, чтобы въ Министерствѣ Путей Сообщенія при немъ, какъ и въ старину, могли брать взятки. Указаніе на возможность безпорядковъ въ его вѣдомствѣ показалось ему вѣроятно несправедливымъ. Его, можетъ быть, могло разсердить непрошенное по его мнѣнію вмѣ-

шательство съ моей стороны не въ свое дѣло. Чѣмъ кончилось дѣло съ поставкой, я не узналъ. Кажется, заводчики не достигли ничего.

Переверзевъ, повидимому, самъ чувствовалъ, что не все удачно идетъ у него по Министерству. Онъ все время былъ въ удрученномъ состояніи духа; дѣйствовало на это состояніе, конечно, и то, что онъ не пользовался авторитетомъ во Временномъ Правительствѣ. Ему стало казаться, что все идетъ прахомъ. Въ то время еще всѣ данныя были на лицо, чтобы бороться за програму Временнаго Правительства, т. е. за доведеніе Россіи до Учредительнаго Собранія, отчаянію не было еще мѣста. Переверзевъ самъ вскорѣ показалъ, что съ большевиками можно и должно бороться. Первый натискъ на нихъ былъ имъ сдѣланъ, когда большевиковъ выдворяли изъ дома Кшесинской. Положеніе было таково: большевики, и Ленинъ въ томъ числѣ, заняли насильно домъ Кшесинской и не желали оттуда уходить. На это насиліе собственница особняка Кшесинская еще въ то время не жаловалась и не подавала иска о выселеніи непрошенныхъ гостей. Казалось бы, не было повода къ начатію дѣла, если смотрѣть на насильственное занятіе чужого дома какъ на актъ только самоуправства, т. е. какъ на преступленіе, преслѣдуемое только въ частномъ порядкѣ по жалобѣ потерпѣвшаго. Нужно признать, что такой взглядъ Временнаго Правительства на дѣло съ захватомъ особняка Кшесинской былъ ошибочнымъ; нужно было видѣть въ дѣйствіяхъ Ленина и другихъ нѣчто большее, чѣмъ самоуправство, то-есть нѣчто, требовавшее непосредственнаго вмѣшательства властей. Въ концѣ концовъ, Кшесинская не стерпѣла издѣвательства надъ собою и предъявила у мирового судьи искъ о выселеніи изъ ея дома какъ Ленина, такъ и занимавшихъ ея особнякъ различныхъ большевистскихъ организацій. Искъ этотъ былъ предъявленъ повѣреннымъ Кшесинской, присяжнымъ повѣреннымъ Хесинымъ. Само собой разумѣется, мировой судья иначе не могъ поступить, какъ удовлетворить справедливое требованіе Кшесинской. Дѣло было выиграно, но оставалось еще привести въ исполненіе рѣшеніе судьи. Ленинъ и компанія не пожелали ему подчиниться. Наступилъ острый моментъ примѣненія къ нимъ внѣшней силы. Судебный приставъ не смогъ этого сдѣлать; оставалось позвать на помощь ему военныя части. Переверзевъ, не ожидая вызова войскъ, обратился къ совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ съ просьбой повліять на отвѣтчиковъ, чтобы они добровольно оставили помѣщеніе, кстати и дачу Дурново, по поводу которой не производилось никакого дѣла *.

Замѣчательный въ своемъ родѣ отзывъ далъ Исполнительный Комитетъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Министру Юстиціи по поводу его обращенія. Онъ указалъ ему, что существуетъ законъ, который предоставляетъ право владѣльцу дома и власти выселить квартирантовъ изъ насильно занятаго ими помѣщенія, что надо обратиться по дѣлу только въ судъ, а не въ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Врядъ ли, однако, справедливый, поучительный и вмѣстѣ съ тѣмъ простой и ехидный отвѣтъ Исполнительнаго Комитета повліялъ сколько нибудь на Переверзева. Врядъ ли онъ его заставилъ покраснѣть. Однако, таковъ характеръ Переверзева, что когда пришлось дѣйствовать, то-есть когда призванная войн-

---

* Очень можетъ быть, что я ошибаюсь относительно времени обращенія Переверзева въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ по поводу дома Кшесинской и дачи Дурново. Очень вѣроятно, что обращеніе состоялось раньше и помимо дѣла по иску Кшесинской. Но вѣрно то, что такое обращеніе на самомъ дѣлѣ было.

ская часть, должна была осадить домъ Кшесинской и выселить оттуда квартирантовъ, Переверзевъ оказался на мѣстѣ дѣйствія, и я не ошибусь если выскажу предположеніе, что онъ лично руководилъ дѣломъ выселенія. Энергія, которая могла понравиться, хотя и не дѣло Министра входить самолично въ исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ, какъ бы важны они ни были по существу.

Кончилъ свою министерскую карьеру Переверзевъ совершенно соотвѣтственно своему облику.

Петербургской прокуратурой было начато слѣдствіе по дѣлу о большевикахъ. Прокуроръ палаты Каринскій велъ это дѣло съ энергіей. Къ слѣдствію привлечено было очень много лицъ. Какъ мнѣ помнится, Ленинъ въ началѣ производства не былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности. Одно большевистское дѣло цѣплялось за другое, и производство возросло до громадныхъ размѣровъ. Все дѣло обнимало уже 15 томовъ производства. Керенскій былъ крайне недоволенъ кажущейся ему медленностью веденія дѣла, такъ какъ не видѣлъ его результата, то-есть, чтобы кто либо былъ привлеченъ къ уголовному суду. Пока дѣло находилось въ стадіи предварительнаго слѣдствія положеніе большевиковъ во внѣ все укрѣплялось. Публичные выпады большевиковъ дѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе, а общество какъ будто переставало видѣть во Временномъ Правительствѣ силу, способную дать имъ отпоръ. Одно большевистское наступленіе было ликвидировано благодаря помощи казаковъ. Но затѣмъ вновь возрасло. Казаки остались не у дѣлъ, обиженные какимъ-то несправедливымъ распоряженіемъ Керенскаго, непосредственно ихъ касавшимся. (Подробностей не помню.) Нужно было повернуть психологію массъ въ отношеніи къ большевикамъ, нужно было нанести имъ моральный ударъ, дабы отвлечь отъ нихъ симпатіи массъ. Сдѣлалъ это Переверзевъ. Онъ опубликовалъ часть обвинительнаго матеріала по дѣлу о большевикахъ. Было напечатано письмо Ленина къ Радеку, въ которомъ, хотя и туманно, но можно было видѣть, что въ денежномъ отношеніи Ленинъ не чистъ, а въ связи съ нѣкоторыми другими матеріалами, что большевики, а значитъ и Ленинъ, тѣ огромныя деньги, которыя ими тратились на пропаганду, получали отъ нѣмцевъ. Если это было такъ, то Ленинъ, конечно, не могъ не знать этого обстоятельства. Ударъ, нанесенный Переверзевымъ, былъ мѣтокъ. Негодованіе охватило русское общество. Только и было разговору, что о продажничествѣ большевиковъ. Но Переверзевъ по обыкновенію не додѣлалъ дѣла. Одновременно съ опубликованіемъ обвинительнаго матеріала онъ не далъ распоряженія о немедленномъ арестѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, о которыхъ упоминалось въ его сообщеніи *.

Кстати вспомнить — нашлись доктринеры, въ томъ числѣ новый сенаторъ Н. Д. Соколовъ, которые обвиняли Переверзева за это опубликованіе слѣдственнаго матеріала, видя въ немъ нарушеніе закона, запрещавшаго опубликованіе матеріаловъ слѣдственнаго производства, забывая, что право опубликованія всегда принадлежало слѣдственной власти и только внѣ ея такое опубликованіе преслѣдовалось по закону.

---

* Хронологическая канва нѣсколько искажена авторомъ. Опубликованіе Переверзевымъ обвинительныхъ противъ большевиковъ матеріаловъ состоялось во время перваго выступленія большевиковъ въ началѣ Іюля 1917 г. Распоряженіе Керенскаго, обидѣвшее казаковъ, касалось похоронъ казаковъ, павшихъ при подавленіи этого же выступленія большевиковъ. Прим. ред.

Упущеніе, сдѣланное Переверзевымъ, имѣло послѣдствіемъ крупную стычку его съ Некрасовымъ, тогдашнимъ замѣстителемъ Керенскаго въ Совѣтѣ Министровъ. (Описывая въ краткихъ словахъ дальнѣйшія событія, оговариваюсь, что къ сожалѣнію помню ихъ весьма туманно. Однако, полагаю, что въ общемъ изложеніе ихъ правильно.) Некрасовъ и Переверзевъ были довольно близки другъ къ другу, а въ политикѣ даже и друзьями. Некрасовъ былъ повидимому тоже съ этомъ дѣлѣ неправъ, но по соображеніямъ особаго свойства. Насколько мнѣ помнится, у него скопились свои собственные матеріалы по обвиненію большевиковъ въ сношеніяхъ съ нѣмцами. Онъ, кажется, слѣдилъ за Радекомъ, который долженъ былъ пріѣхать въ Россію черезъ Норвегію. Некрасовъ былъ неправъ въ томъ, что велъ какую то свою политику даже безъ вѣдома Керенскаго. Повидимому, у него было желаніе отличиться и своимъ политическимъ чутьемъ, и предусмотрительностью. Выпадъ Переверзева противъ большевиковъ разстроилъ его планы. Стало извѣстнымъ, что Радекъ, узнавъ, что творится въ Петербургѣ, на границѣ съ Россіей остановился и укатилъ обратно въ Германію. Стычка Переверзева съ Некрасовымъ была очень рѣзка. Они другъ на друга кричали, но Некрасовъ больше горячился и личныхъ выпадовъ противъ Переверзева себѣ не позволилъ, тогда какъ послѣдній передъ этимъ не остановился; разошлись они обозленные. Переверзевъ затѣмъ сдѣлалъ огромную ошибку, напечатавъ свое оправдательное письмо въ газетахъ, гдѣ рѣзко обвинялъ Некрасова. Въ нападкахъ на Некрасова помогалъ ему товарищъ прокурора судебной палаты Бессарабовъ. Въ обществѣ очень много говорили объ этомъ событіи. Некрасовъ написалъ съ своей стороны оправдательное письмо, но отъ браннаго тона воздержался, указавъ однако, что и Переверзеву не слѣдовало переносить въ печать брань по его адресу. Переверзевъ долженъ былъ бросить службу и уѣхалъ изъ Петербурга. Говорили, что между Некрасовымъ и Переверзевымъ долженъ былъ состояться третейскій судъ; называли мое имя, какъ суперъ-арбитра въ этомъ судѣ. Судъ вѣроятно и состоялся бы, еслибы Переверзевъ не уѣхалъ изъ Петербурга. Лично меня поведеніе Переверзева возмущало. Я отдавалъ дань его выпаду противъ большевиковъ, считалъ его крайне удачнымъ, сожалѣлъ, что онъ, какъ я говорилъ выше, не додѣлалъ дѣла до конца, считалъ неправымъ и Некрасова, что онъ велъ свою собственную какую то тайную политику противъ большевиковъ, но ругань Переверзева по адресу Некрасова, перенесенная имъ затѣмъ на столбцы газеты, ничѣмъ не могла быть оправдываема. Помимо неполитичности дѣйствій Переверзева, онъ не имѣлъ права забыть свои отношенія къ Некрасову, основанныя на дружбѣ и связывавшія его съ нимъ общимъ общественнымъ и государственнымъ дѣломъ. Карьера Переверзева — этого во всѣхъ своихъ ошибкахъ все же чистаго и честнаго человѣка, но большого фантазера, безпрограмнаго и неумѣлаго администратора, — кончилась. Я думалъ тогда — она никогда и не можетъ возродиться — столько промаховъ онъ сдѣлалъ. Но людей такъ мало, что чего добраго его опять призовутъ къ власти, и меня это не удивитъ.

Большевики должны ненавидѣть Переверзева. Я знаю, что, когда пришло ихъ время, они готовили крупный процессъ съ именемъ Переверзева. Предупрежденный Переверзевъ скрылся изъ Петербурга. Большевики преслѣдовали его семью. Если бы Переверзева судили, то врядъ ли бы онъ избѣжалъ смертной казни. Но большевики не постѣснялись бы казнить его и безъ суда.

Государственные преступники — министры императорскаго правительства находились подъ арестомъ и были посажены въ Петропавловскую крѣпость, охраняемые «вѣрными» солдатами. Этихъ «вѣрныхъ» солдатъ весьма хвалили въ печати за ихъ бравый видъ и вѣрность долгу; отъ нихъ, дескать, не уйдешь. Дѣйствительно, отъ нихъ уйти было трудно. Бывшіе правители и вельможи были люди все пожилые, немощные. Переносить физическія передряги, связанныя хотя и съ льготнымъ, но все же тюремнымъ режимомъ, имъ было не легко. Многіе изъ нихъ захворали. Тюремный докторъ, а также призванныя медицинскія свѣтила требовали измѣненія ихъ содержанія. Правительство признало возможнымъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ министровъ перевести подъ домашній арестъ. По этому воспротивилась «вѣрная» тюремная стража. Она прямо сказала, что изъ тюрьмы ихъ не выпуститъ. Однако, послѣ переговоровъ все же выпустила.

Когда я объ этомъ узналъ, мнѣ впервые запала въ голову мысль о непрочности Временнаго Правительства. Протестъ стражи и необходимость переговоровъ съ ней показали слабость правительства. Я тогда же нашелъ, что инцидентъ съ домомъ Кшесинской и дачей Дурново — это цвѣточки сравнительно съ тѣмъ, что произошло въ Петропавловской крѣпости. Тамъ былъ протестъ и непризнаніе авторитета и силы правительства со стороны организаціи, враждебной правительству; здѣсь было то же, но со стороны силы, подчиненной самому правительству.

Новымъ Министромъ Юстиціи былъ назначенъ членъ четвертой Государственной Думы, лидеръ группы прогрессистовъ, почтенный Ефремовъ, честнѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, назначеніе его министромъ ничѣмъ другимъ нельзя было объяснить, какъ только тѣмъ, что Ефремовъ стоялъ во главѣ хотя и немногочисленной, но все же пользовавшейся всеобщимъ уваженіемъ политической группы и, слѣдовательно, былъ до извѣстной степени популяренъ. И это назначеніе было той ошибкой, какую неоднократно совершала новая власть, когда имѣла въ виду кого либо назначить на отвѣтственный постъ, полагая, что популярность сдѣлаетъ больше, чѣмъ знаніе и умѣніе. Ефремовъ къ юридическому міру имѣлъ только то отношеніе, что когда-то и то недолго на своей родинѣ (въ казачествѣ) былъ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей. Не помню, окончилъ ли онъ даже юридическій факультетъ, но знаю, что на практикѣ ему не приходилось заниматься какой либо юриспруденціей. Безъ ошибки можно сказать, что разрѣшеніе самыхъ простыхъ юридическихъ вопросовъ должно было ставить его втупикъ. Я не могу понять, какъ самъ Ефремовъ могъ согласиться пойти въ Министры Юстиціи; объясняю это тѣмъ, что онъ, какъ и другіе, признавалъ необходимымъ, чтобы во главѣ отдѣла власти было лицо, такъ или иначе стоявшее во главѣ революціоннаго движенія. Ефремовъ очень хорошо сознавалъ свое положеніе. Какъ умный и добросовѣстный человѣкъ онъ не сталъ брать на себя разрѣшеніе самостоятельно вопросовъ по его Министерству. А такъ какъ онъ давно состоялъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со мной и Скарятинымъ и не имѣлъ основанія не довѣрять намъ, то фактически въ то весьма недолгое время, пока онъ стоялъ во главѣ министерства, министерствомъ управляли мы, его товарищи. При Ефремовѣ наступило все же спокойное время, когда не мѣшали работать никакія неожиданности. Но Ефремовъ вскорѣ ушелъ, и я думалъ, по собствен-

ному желанію, видя свою безпомощность. Его назначили предсѣдателемъ Малаго Совѣта Министровъ, а на его мѣсто пригласили А. С. Заруднаго.

Зарудный — крупная личность; человѣкъ убѣжденій и проводящій свои убѣжденія въ жизнь. Когда-то былъ товарищемъ прокурора Петербургскаго Окружнаго Суда, откуда долженъ былъ уйти вслѣдствіе какой-то исторіи на политической подкладкѣ; служилъ затѣмъ въ Министерствѣ Юстиціи въ юрисконсультской части и перешелъ наконецъ въ адвокатуру, гдѣ сразу занялъ почетное положеніе. Прекрасный судебный ораторъ, онъ, когда служилъ въ прокуратурѣ и обвинялъ, былъ чрезвычайно непріятенъ защитникамъ, такъ какъ никогда не стремился къ обвиненію во что бы то ни стало или къ наиболѣе строгому наказанію обвиняемаго. Мякотинъ, не особенно долюбливающій Заруднаго, увѣрялъ, что своей манерой обвиненія онъ все же добивался болѣе строгаго наказанія, чѣмъ слѣдовало по справедливости, такъ какъ, заручившись довѣріемъ къ себѣ присяжныхъ засѣдателей, добивался своего.

Зарудный, какъ адвокатъ, всегда зналъ дѣло, которое ему поручали, до тонкости. Въ этомъ отношеніи онъ былъ добросовѣстнѣйшимъ повѣреннымъ. Въ интересахъ своего подзащитнаго онъ доходилъ до тонкости; все принималъ въ разсчетъ, изучалъ составъ присяжныхъ засѣдателей и принималъ въ разсчетъ характеръ судей. Всегда зналъ, какъ поведетъ защиту и что будетъ говорить. Я всегда считалъ Заруднаго однимъ изъ лучшихъ нашихъ уголовныхъ защитниковъ. Зарудный никогда не стремился къ рекламѣ. Мало того — онъ даже не интересовался, чтобы о рѣчахъ его давали отчетъ въ газетахъ, или чтобы рѣчь его была напечатана даже тогда, когда она имѣла общественное значеніе. Я — не любитель слушать чужія рѣчи и только изрѣдка, да и то скорѣй случайно, являлся на чужую защиту. Помню, какъ-то у меня была своя защита въ судебной палатѣ, и до моего дѣла въ той же палатѣ выступалъ Зарудный. Онъ велъ дѣло (даромъ) какого-то редактора, привлеченнаго къ отвѣтственности за статью въ газетѣ, направленную противъ присяги. Зарудный принесъ съ собою въ судъ цѣлые фоліанты книгъ — ученіе и разборъ ученій отцовъ церкви. Въ защитѣ своей онъ не только ссылался на Евангеліе, но и на ученія отцовъ церкви и доказалъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что даже съ ихъ точки зрѣнія присяга есть зло, только по неволѣ терпимое. Палата оправдала редактора. Замѣчательная рѣчь Заруднаго канула въ Лету. А можно вѣрно сказать, что любой прогрессивный журналъ помѣстилъ бы ее у себя съ величайшей охотой. Роль Заруднаго въ процессѣ Бейлиса всѣмъ извѣстна. Онъ былъ душой этого процесса и врядъ ли безъ Заруднаго могъ пройти такъ блестяще этотъ процессъ, несмотря на рѣчи Маклакова, Грузенберга и другихъ. Зарудный взялъ на себя труднѣйшую задачу, требовавшую огромнаго труда и эрудиціи — доказать, что по ученію самихъ евреевъ никакихъ ритуальныхъ убійствъ совершенно быть не можетъ. Онъ произнесъ прекрасную рѣчь, но весь блескъ его защиты заключался въ репликѣ гражданскимъ истцамъ, когда онъ, опровергая ихъ доводы и ссылаясь на Талмудъ и другія религіозныя книги еврейства, показалъ, какъ глубоко онъ изучилъ свой предметъ, свою находчивость и блескъ въ репликѣ.

Какъ политическій дѣятель Зарудный имѣетъ массу крупнѣйшихъ недостатковъ. Онъ вѣритъ только себѣ; онъ не можетъ вслѣдствіе сего состоять въ какой либо партіи, какъ активный ея дѣятель; и если онъ вступилъ въ трудовую народно-соціалистическую партію, то потому только, что по времени необходимо было примкнуть къ какой либо политической партіи, чтобы не остаться внѣ поли-

тической жизни страны. Но само собой разумѣется, что разъ Зарудный сказалъ, что онъ является членомъ партіи, онъ подчинялся ея велѣніямъ безпрекословно. Таковъ его характеръ. Когда Зарудный увлекается, онъ весь горитъ; глаза всегда выдаютъ его волненіе. Двоюродный братъ Ал. С. Зарудпаго сенаторъ С. М. Зарудный сравнивалъ своего брата Сашу «съ Савонаролой»; онъ говорилъ: «посмотрите на его глаза; если кто насъ приговоритъ къ смертной казни, то это братъ Саша». Однако увѣренность Зарудпаго въ себѣ была сверхъ мѣры. Онъ часто бывалъ неправъ и только потому, что не провѣрялъ правильности своихъ мыслей черезъ другихъ, онъ бывалъ иногда несправедливъ. Вѣра въ себя дѣлала его нетерпимымъ къ чужимъ мнѣніямъ. Такъ какъ онъ былъ по характеру весьма настойчивъ, то былъ тяжелъ въ сношеніяхъ съ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ до крайности добрый человѣкъ. Нужно было видѣть его кроткую улыбку, когда онъ шутилъ, или былъ веселъ, чтобы полюбить его. Зная его самостоятельность мнѣній и нетерпимость, я былъ увѣренъ, что министромъ онъ долго не пробудетъ. Такъ оно и вышло.

Какъ только Зарудный вступилъ въ министры, онъ сталъ проводить въ жизнь свои служебныя воззрѣнія. Тотчасъ же онъ потребовалъ, чтобы вся почта, получаемая министромъ, поступала непосредственно къ нему. Когда онъ не успѣвалъ ее просмотрѣть, онъ поручалъ дѣлать это мнѣ. А такъ какъ у министровъ вообще мало времени даже на нужную работу, то этотъ просмотръ часто ложился бременемъ только на одного меня. Я конечно производилъ эту, на мой взглядъ, почти безполезную работу (безполезную по времени, которое она отнимала), ругаясь въ душѣ, но ничего съ Зарудпымъ подѣлать было нельзя.

Зарудный самъ рѣшилъ выйти въ отставку. Его не просили уходить, но и не удерживали, когда онъ заявилъ желаніе уйти изъ министерства. Повода къ уходу его въ отставку я не помню. Но помню, что онъ радовался своему уходу. По обыкновенію онъ увлекся. У него появилась тогда идея помощи власти со стороны; Зарудный думалъ принести ей пользу въ качествѣ публичнаго оратора. Чиновники министерства недолюбливали Зарудпаго; онъ заставлялъ ихъ работать больше, чѣмъ слѣдовало по ходу дѣла. Иной разъ излишняя работа, какъ мнѣ казалось, являлась результатомъ того, что онъ не зналъ всѣхъ обычаевъ чиновничьей службы. Такъ, напримѣръ, когда Зарудный интересовался какимъ либо вопросомъ или нуждался въ справкѣ, онъ писалъ на бумагѣ: «сдѣлать докладъ». А дѣлать министру «докладъ» по установившемуся въ министерствѣ обычаю значило сдѣлать его въ письменной формѣ. Когда я нуждался въ справкѣ, я поступалъ иначе: я вызывалъ къ себѣ того чиновника, въ столѣ котораго производилось дѣло, и устно выяснялъ съ нимъ вопросъ. Такое непосредственное общеніе съ чиновниками приносило и больше пользы и было болѣе по вкусу чиновникамъ. Въ иныхъ случаяхъ Зарудный меня удивлялъ. Помню такой фактъ: во время его управленія министерствомъ, началось слушаніемъ въ особомъ присутствіи Сената, подъ предсѣдательствомъ Таганцева-сына, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, дѣло Сухомлинова. Обвинителемъ выступалъ оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента Носовичъ. Не знаю, кому въ голову пришла мысль, что въ помощь оберъ-прокурору по политическимъ соображеніямъ нужно пригласить еще «общественнаго обвинителя». Мысль эта врядъ ли была здоровой. Носовичъ, какъ только узналъ объ этомъ, всталъ было на дыбы; онъ увидѣлъ въ этомъ шагѣ недовѣріе къ нему. Но вскорѣ онъ понялъ всю выгоду имѣть при себѣ такого союзника: всякая вина за неудачный исходъ процесса ложилась бы не на одного него. Поэтому

и онъ, а также и Таганцевъ, стали горой за назначеніе въ процессѣ общественнаго обвинителя. Начали искать кого бы назначить на эту роль. Времени было мало на вызовъ кого либо изъ провинціи. Начали перебирать своихъ петербургскихъ адвокатовъ. Было рѣшено, что еврей ни подъ какимъ видомъ не можетъ участвовать въ процессѣ въ качествѣ представителя власти. Остановились въ концѣ концовъ на присяжномъ повѣренномъ Феодосьевѣ, въ достаточной мѣрѣ талантливомъ адвокатѣ, умѣющемъ произносить горячія рѣчи. Особенность Феодосьева та, что его можно было всегда настроить въ извѣстномъ направленіи; онъ великолѣпно ухватывалъ чужую мысль. Но вообще же это легкомысленнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. И съ этой стороны онъ немедленно себя и показалъ. Когда на его имени остановились, я лично его спрашивалъ — имѣетъ ли онъ какія либо чисто внѣшнія препятствія къ принятію предложенія. Онъ увѣрялъ, что не имѣетъ никакихъ. Когда же открылось засѣданіе Правительствующаго Сената, защитникъ Сухомлинова отвелъ его, какъ адвоката, съ которымъ совѣщались по дѣлу и котораго якобы приглашала въ защитники Сухомлинова. На самомъ дѣлѣ факта этого не было, а былъ лишь разговоръ о томъ, не согласится ли Феодосьевъ защищать Сухомлинова, если къ нему обратятся съ этой просьбой. Такъ было дѣло со словъ самого Феодосьева. Феодосьевъ однако не сумѣлъ отпарировать нанесенный ему ударъ и немедленно ушелъ изъ процесса, то-есть съ перваго же засѣданія. Въ министерствѣ тогда возникъ вопросъ о нахожденіи ему замѣстителя. Это оказалось чрезвычайно труднымъ. Зарудный однако нашелся; онъ указалъ на молодого адвоката, на товарища прокурора Судебной Палаты (таковымъ его сдѣлалъ Переверзевъ), «талантливаго» Данчича. Всѣмъ же намъ было ясно, что Данчичу такая задача не по плечу. Но Зарудный настоялъ на своемъ. По обыкновенію онъ созвалъ по возникшему вопросу совѣщаніе, наговорилъ членамъ этого совѣщанія кучу любезностей, сказалъ, что вполнѣ подчинится тому, что скажетъ совѣщаніе. Когда же совѣщаніе единогласно выразило мнѣніе, что Данчичъ для этого дѣла не годится, Зарудный все же назначилъ Данчича замѣстителемъ Феодосьева. Данчичъ — добродушный человѣкъ. Онъ открыто признавался послѣ процесса, что не только не былъ въ процессѣ, какъ адвокатъ, на высотѣ, но что онъ въ самомъ лучшемъ видѣ провалился со своею рѣчью въ дѣлѣ Сухомлинова. На мой же взглядъ провалъ Данчича былъ проваломъ самого министерства. На Заруднаго же вся эта исторія не произвела рѣшительно никакого впечатлѣнія. Какъ будто случилось все такъ, какъ слѣдовало случиться. Сенаторы желали, чтобы помимо Носовича выступилъ въ дѣлѣ общественный обвинитель, и онъ, министръ, это устроилъ, и больше отъ него ничего не требовалось; чего же въ такомъ случаѣ безпокоиться и волноваться. Вотъ такого настроенія въ Зарудномъ я и не понималъ. Съ Зарудномъ, какъ я говорилъ, у меня всегда были самыя дружественныя отношенія, что не мѣшало намъ разно смотрѣть на нѣкоторыя вещи. Я предвидѣлъ, что во многомъ съ Зарудномъ мы можемъ не сойтись. Въ дѣловомъ отношеніи я могъ быть ему не по вкусу. На всякій случай я ему сказалъ, что не дорожу мѣстомъ товарища Министра. Меня вообще по существу интересовала тогда больше дѣятельность Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ бился, по-моему, ключъ жизни, хотя Министерство Военное все же во всемъ главенствовало изъ-за состоянія войны. Мой намекъ, что я могу уйти, Зарудный принялъ, повидимому, какъ намекъ, что онъ, по моему мнѣнію, никуда негодный министръ, чего я абсолютно и въ мысляхъ не имѣлъ.

Какъ на образчикъ самостоятельнаго мышленія Заруднаго, я могу сослаться на слѣдующее: Отрицательное положеніе Временнаго Правительства заключалось въ томъ, что оно съ самаго момента своего возникновенія дѣйствовало какъ бы внѣ пространства. Оно управляло, но никому не давало отчета въ своемъ управленіи. Все было основано на одномъ довѣріи. Должны были вѣрить, что Временное Правительство ведетъ народъ къ благу. А такъ какъ составъ самого Временнаго Правительства вовсе не былъ таковъ, чтобы вселить къ нему особое довѣріе крайнихъ партій, а кромѣ того, и вообще одно «довѣріе» вовсе не такой фундаментъ, на которомъ можно было бы строить что либо государственно прочное, то нужно было создать какое-то учрежденіе, которое явилось бы, хотя бы временно, представителемъ народа, для наблюденія и критики дѣйствій правительства. Въ этомъ отношеніи положительную роль сыграло Московское Государственное Совѣщаніе, которое несомнѣнно укрѣпило, хотя и не глубоко, положеніе правительства, но учрежденіе это было непостоянное, а созванное ad hoc; не принесло правительству вреда и демократическое совѣщаніе въ Александринскомъ театрѣ. Окончательно же должно было укрѣпить положеніе Временнаго Правительства Совѣтъ Республики, если бы къ этому времени уже не созрѣло большевистское движеніе. Зарудный проникся идеей, что правительство обязано передъ кѣмъ-то отчетностью, но не вникъ въ вопросъ о томъ, кто и какъ долженъ создать это учрежденіе. Въ своемъ умѣ онъ упростилъ положеніе, признавъ, что правительство обязано подчиниться функціонирующему представительному учрежденію въ лицѣ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Мысль негодная, такъ какъ Совѣтъ не давалъ представительства всей массы народа, а главное, являлся представителемъ въ цѣломъ только одной арміи, а въ отношеніи рабочихъ только одного Петербургскаго района. Я не помню, чтобы Зарудный съ кѣмъ либо не только совѣтовался по поводу пришедшей ему въ голову мысли, но даже говорилъ на эту тему. Припоминается мнѣ, что мысль свою о необходимости Временному Правительству подчиниться власти Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ онъ все же высказалъ въ Совѣтѣ Министровъ.

Неправильно было отношеніе Заруднаго еще къ одному чрезвычайно важному, на мой взглядъ, законодательному вопросу. Во главу всякаго политическаго требованія, всегда предъявлявшагося существующему правительству, ставилось требованіе неприкосновенности личности, свободы печати и проч. . . . Временное Правительство съ первыхъ же шаговъ выработало законъ о печати, а вопросъ о неприкосновенности личности продолжалъ оставаться въ тѣни. Я же считалъ его чуть ли не самымъ серьезнымъ вопросомъ дня; я полагалъ, что законъ о свободѣ личности будетъ имѣть значеніе не только закона важнаго по всей сущности, но и имѣющаго декларативный характеръ, то-есть могущаго поднять довѣріе массы къ Временному Правительству. Такого значенія за проектированнымъ закономъ не усматривали ни Зарудный, ни даже Керенскій; при чемъ первый признавалъ, что и безъ изданія новаго спеціальнаго закона личность гражданина вообще неприкосновенна, ибо она ограждается и существующимъ уже русскимъ законодательствомъ, и что новый законъ можетъ имѣть лишь то практическое значеніе, что въ одномъ мѣстѣ сконцентрируетъ все то, что касается свободы личности. Зарудный былъ правъ только отчасти, да и то въ немногомъ. Суть дѣла заключалась именно въ томъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ нарушенія свободы личности гражданинъ точно могъ сослаться на законъ, запрещающій нарушать его свободу, а не искать статей закона, на основаніи

коихъ можно было сдѣлать только выводъ о томъ, что безнаказанно свободу человѣка нарушать нельзя. Кромѣ того, требовалась выработка точныхъ условій, когда и въ какихъ случаяхъ свобода каждаго отдѣльнаго лица могла быть нарушена въ силу самого закона. Зарудный исполнилъ мое желаніе — была создана особая комиссія подъ моимъ предсѣдательствомъ для выработки новаго закона. Я постарался создать проектъ закона въ самое короткое время, что мнѣ и удалось сдѣлать. Проектъ закона былъ представленъ въ ближайшій срокъ въ Совѣтъ Министровъ. Но на этомъ дѣло и остановилось. Зарудный не торопился въ Совѣтѣ съ новымъ закономъ, считая, что хотя новый законъ очень хорошъ, но что имѣются другія болѣе важныя и неотложныя дѣла, которыя требуютъ тоже ближайшаго разсмотрѣнія. Такъ проектъ новаго закона и лежалъ безъ движенія въ Совѣтѣ Министровъ, пока я не вступилъ въ управленіе Министерствомъ. Но и тутъ мнѣ не повезло. По моему настоянію Керенскій дѣйствительно пустилъ его на обсужденіе. Разсмотрѣніе закона стояло уже въ повѣсткѣ засѣданія Совѣта, но въ этотъ день нѣкоторые министры не явились въ засѣданіе Совѣта и потому «столь важный», по выраженію Керенскаго, законъ былъ имъ снятъ съ обсужденія. Такъ вопросъ и умеръ. Наступили худыя времена.

Зарудный имѣлъ стычки съ сослуживцами. Онъ очень оберегалъ свое положеніе, какъ Министра, то-есть главы Министерства, и не позволялъ, чтобы ему наступали на ногу. Во время Московскаго совѣщанія былъ открытъ монархическій заговоръ. Были данныя, указывавшія, что заговоръ на самомъ дѣлѣ существовалъ. Керенскій поручилъ разслѣдованіе дѣла прокурору Московской судебной Палаты Сталю, о чемъ я выше говорилъ, забывъ предувѣдомить о семъ Заруднаго, Министра Юстиціи. Зарудному это не понравилось. Когда Сталь былъ въ Петербургѣ, они по какому-то поводу, связанному съ дѣломъ «заговора», при разговорѣ по телефону, наговорили другъ другу непріятностей, причемъ Зарудный въ разговорѣ не позволилъ себѣ ничего рѣзкаго по отношенію Сталя, а Сталь сказалъ Зарудному какую-то непозволительную дерзость. Это страшно взбѣсило Заруднаго, который потребовалъ отставки Сталя. Сталь призналъ свою вину. Дѣло окончилось тѣмъ, что Сталь формально попросилъ извиненія у Заруднаго, а Заруднаго убѣдили, что Сталя въ ту пору было некѣмъ замѣнить и что вся исторія, если ее не затушить, надѣлаетъ много совершенно лишняго общественнаго шума.

Другой весьма характерный для Заруднаго случай произошелъ по поводу рапорта прокурора Харьковской Судебной Палаты, бывшаго присяжнаго повѣреннаго П. Д. Шидловскаго. Когда Шидловскаго назначили прокуроромъ палаты, онъ съ первыхъ же шаговъ сдѣлалъ одну промашку. Желая ознакомить со своими служебными требованіями сослуживцевъ по прокуратурѣ, онъ обратился къ нимъ съ циркуляромъ, въ которомъ коснулся суда, отнесясь критически къ его дореволюціонной дѣятельности. Это обидѣло судей. Въ своихъ распорядительныхъ засѣданіяхъ нѣкоторые суды подвергли обсужденію циркуляръ прокурора палаты Шидловскаго и раскритиковали его, о чемъ довели до свѣдѣнія по начальству, то-есть представили о семъ министерству. Шидловскій ликвидировалъ инцидентъ тѣмъ, что написалъ второй циркуляръ, аннулировавшій значеніе перваго. Зарудный былъ крайне недоволенъ дѣйствіями Шидловскаго. Онъ сталъ относиться къ Шидловскому явно враждебно. Случилась такая исторія: Старшій предсѣдатель Харьковской Судебной Палаты Крыловъ представилъ Министру списокъ лицъ, которыя должны были получить

новыя назначенія. Въ числѣ ихъ онъ упомянулъ объ одномъ лицѣ, характеризуя его приблизительно такъ: «старательный, очень давно служитъ и вѣроятно будетъ на мѣстѣ». Эта характеристика, если читать между строками представленія, была самая отрицательная въ отношеніи способностей служащаго. Еслибы такой чиновникъ въ будущемъ оказался на службѣ изъ рукъ вонъ плохимъ, то Крыловъ всегда могъ бы умыть въ этомъ дѣлѣ руки и сказать: я же васъ предупреждалъ, что чиновникъ этотъ только терпимъ. Рекомендуемое лицо должно было получить мѣсто судебнаго слѣдователя или можетъ быть даже товарища прокурора какого-то Окружнаго Суда. Съ своей стороны Шидловскій представилъ своихъ кандидатовъ на вакантныя мѣста. Онъ упомянулъ въ своемъ рапортѣ и о кандидатѣ Крылова и самымъ положительнымъ образомъ отвергалъ эту кандидатуру, заботясь о хорошемъ составѣ своихъ сослуживцевъ. Не было рѣшительно никакихъ основаній идти въ этомъ вопросѣ наперекоръ Шидловскому, такъ какъ удовлетвореніе просьбы послѣдняго нисколько бы и не обидѣло Крылова. Такъ на это смотрѣли я и Жемчужниковъ. Однако, дѣло получило неожиданный оборотъ. Я доложилъ Зарудному о положеніи кандидата Крылова, и почему дано предпочтеніе кандидату Шидловскаго. Зарудный неожиданно для меня взялъ сторону отвергаемаго лица и съ горячностью, совершенно не идущей къ дѣлу, сталъ бранить Шидловскаго и говорить, что ни одно представленіе Шидловскаго не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ къ нему самому нельзя питать никакого довѣрія. — Онъ вычеркнулъ нашего кандидата и замѣнилъ его Крыловскимъ. Мнѣ это было чрезвычайно непріятно; я боялся, что изъ этого выйдетъ исторія, что Шидловскій можетъ принять къ сердцу неисполненіе его представленія и выйдетъ въ отставку. Но дѣлать было нечего. Всѣ назначенія были Зарупнымъ сдѣланы, но еще имъ не подписаны, когда самъ Зарудный вышелъ въ отставку, а я занялъ его мѣсто. Вопреки обычаю я не исполнилъ распоряженія ушедшаго Министра; кандидата Крылова я немедленно замѣнилъ кандидатомъ Шидловскаго.

Третья стычка была у Заруднаго съ прокуроромъ Петроградской Судебной Палаты Каринскимъ, бывшимъ московскимъ присяжнымъ повѣреннымъ, приглашеннымъ на службу Министромъ Переверзевымъ. Зарудный не взлюбилъ Каринскаго, а послѣдній Заруднаго. Зарудный въ служебныхъ отношеніяхъ съ подчиненными всегда держался оффиціальнаго тона, то-есть какъ начальство. Онъ считалъ это принципіально необходимымъ. А прежнихъ товарищей его по сословію это раздражало; они не признавали за Зарудным права распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Они были конечно въ этомъ отношеніи достаточно неправы, ибо кто-нибудь же долженъ приказывать, если распоряженіе идетъ отъ одного лица.

Стычка Заруднаго съ Каринскимъ была очень рѣзка. Каринскій подалъ въ отставку. Зарудному такъ претило назначать въ прокуратуру товарищей по сословію, то-есть присяжныхъ повѣренныхъ, что онъ настоялъ на назначеніи прокуроромъ Петроградской Судебной Палаты бывшаго прокурора Саратовской Судебной Палаты Карчевскаго, вышедшаго изъ Саратовской прокуратуры по настоянію мѣстныхъ революціонныхъ кружковъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія назначеніе Карчевскаго было смѣлымъ шагомъ со стороны Заруднаго. Но Зарудный былъ очень доволенъ тѣмъ, что на посту прокурора Петроградской Судебной Палаты очутился опытный служака, а не любитель. Онъ даже выражался такъ, что въ работѣ Карчевскаго видно даже изящество.

Меня въ то время интересовало съ практической точки зрѣнія, какъ разрѣшится земельный вопросъ при разсмотрѣніи его въ центральной земельной комиссіи (или комитетѣ), гдѣ предсѣдательствовалъ уважаемый и любимый всѣми профессоръ Постниковъ. Это была обширная комиссія по своему составу. Въ ней участвовали представители различныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ двое изъ Министерства Юстиціи. Одинъ изъ этихъ представителей былъ сенаторъ Семеновъ-Тянь-Шанскій. Комиссія работала совершенно самостоятельно и, хотя законовъ не издавала, но играла роль руководителя въ изданіи земельныхъ законовъ Министерствомъ Земледѣлія. Какую роль играли въ комиссіи, и играли ли ее вообще, представители Министерства — я не знаю; отчета объ этомъ никому не давалось. Выходило такъ, что чуть ли не для собственнаго удовольствія посѣщали эти комиссіи представители вѣдомствъ. Когда я вступилъ въ отправленіе должности управляющаго Министерствомъ Юстиціи, я вызвалъ къ себѣ сенатора Тянь-Шанскаго и попросилъ его періодически докладывать мнѣ, что дѣлалось въ земельной комиссіи. Въ то время Министромъ Земледѣлія былъ М. Черновъ, — человѣкъ по душѣ чрезвычайно самолюбивый, безцеремонный и мало считающійся съ чужими мнѣніями и съ своими товарищами по Кабинету Министровъ. Стало извѣстнымъ, что онъ ведетъ свою самостоятельную политику помимо политики земельнаго комитета; разсылаетъ циркуляры по провинціальнымъ земельнымъ комитетамъ, по содержанію своему иногда расходящіеся съ существующими земельными законами. Объ одномъ такомъ циркулярѣ много говорилось въ Совѣтѣ Министровъ, но министры другихъ вѣдомствъ никакъ не могли, несмотря на заявленное ими желаніе, получить отъ Чернова копію этого циркуляра. Я рѣшилъ подробнѣе ознакомиться съ тѣмъ, что дѣлаетъ Черновъ.

Не имѣя передъ собою документовъ, я не могу теперь передать сущность циркуляра Чернова и даже содержаніе той записки по поводу дѣйствій министра Чернова, которую я въ свое время разослалъ по вѣдомствамъ.

Я досталъ знаменитый циркуляръ и убѣдился въ правильности тѣхъ слуховъ, которые ходили объ этомъ циркулярѣ. Я занялся разборомъ этого циркуляра, въ чемъ мнѣ помогалъ талантливый видный чиновникъ 1-го Департамента (фамилію котораго, къ сожалѣнію, не помню). Записка моя вышла довольно обширной. Съ внѣшней стороны она была полнымъ противорѣчіемъ тому облику записокъ, которыя составлялись въ казенныхъ вѣдомствахъ. Обыкновенно въ казенныхъ бумагахъ, гдѣ критиковалось мнѣніе одного вѣдомства другимъ, употреблялись дипломатическія выраженія въ родѣ: «едва ли», «казалось бы» и проч. Въ своей запискѣ всѣ эти «едва ли», «казалось бы» я выкинулъ. Составленная мною записка по моему предложенію должна была быть разосланной по другимъ министерствамъ. Но я зналъ, что Зарудный, который весьма дорожилъ вѣдомственными традиціями, перековеркаетъ записку на старый бюрократическій ладъ, чего мнѣ въ данномъ и столь важномъ вопросѣ особенно не хотѣлось. Я сдѣлалъ такъ: чтобы моя записка осталась въ неприкосновенности, я рѣшилъ отъ своего имени оффиціально представить ее Министру Юстиціи съ тѣмъ, чтобы онъ уже самъ рѣшилъ ея судьбу, то-есть оставилъ бы въ томъ видѣ, въ какомъ она была написана или передѣлалъ ее по своему, или же, наконецъ, оставилъ ее безъ движенія. Моя записка въ такомъ случаѣ осталась бы въ цѣлости, хотя бы въ одномъ Министерствѣ Юстиціи. Но въ данномъ случаѣ судьба была за меня. Въ это самое время Зарудный подалъ въ отставку, и я сталъ его замѣстителемъ. Немедленно я сдѣлалъ распоряженіе о разсылкѣ

ея по вѣдомствамъ уже отъ своего имени. О моей запискѣ говорили, и я услышалъ довольно много лестныхъ для меня отзывовъ о ней. Вслѣдъ за ней я разослалъ циркуляръ прокурорамъ окружныхъ судовъ, въ которомъ требовалъ отъ нихъ особеннаго вниманія къ тому, что дѣлалось въ земельныхъ комитетахъ, дабы существующіе земельные законы ими не нарушались. Циркуляръ этотъ далъ тоже свои результаты. Комитеты стали осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ. А въ Псковской губерніи, гдѣ былъ особенно энергичный прокуроръ, комитеты стали чуть ли не пустовать; члены ихъ перестали собираться, боясь привлеченія къ уголовной отвѣтственности за превышеніе власти. Все это было отмѣчено въ Министерствѣ Земледѣлія и закулисно стали говорить, что въ работѣ по разрѣшенію земельнаго вопроса мѣшаетъ Министерство Юстиціи. Я тогда написалъ второй циркуляръ, въ которомъ указывалъ прокуратурѣ, что она не должна быть особенно рьяной въ преслѣдованіяхъ нарушителей закона, что она должна имѣть въ виду, что нарушители законовъ дѣйствуютъ согласно предписаніямъ, даннымъ имъ свыше, но что прокуратура не лишена права привлекать къ отвѣтственности интеллектуальныхъ виновниковъ въ совершеніи беззаконія. Такимъ образомъ прокуратура получила право добраться до самыхъ верховъ Министерства Земледѣлія. Циркуляръ этотъ былъ составленъ, но я не помню — успѣлъ ли онъ быть разосланъ.

Моя записка о земельномъ вопросѣ почему-то сильно задѣла предсѣдателя земельной комиссіи профессора Постникова. Онъ явился ко мнѣ въ Министерство и сказалъ мнѣ, что въ запискѣ все правильно изложено и правильны ея выводы, но что не слѣдовало ее разсылать, предварительно не ознакомивъ его съ содержаніемъ записки. «За что вы на старости лѣтъ пожелали предать меня суду?» — сказалъ бѣдный Постниковъ. Конечно, почтенный А. С. Постниковъ былъ неправъ, сдѣлавъ такое заключеніе; записка абсолютно не касалась дѣятельности земельной комиссіи, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ, и я былъ радъ, что при бесѣдѣ съ Постниковымъ присутствовалъ Г. Д. Скарятинъ, который съ своей стороны подтвердилъ ему, что земельная комиссія и онъ, Постниковъ, абсолютно не затронуты въ запискѣ, дѣло касалось Министерствъ и Министра, не желавшаго считаться съ законами и стремившагося дѣйствовать по-диктаторски самостоятельно.

Передъ уходомъ въ отставку Зарудный передалъ мнѣ дѣла. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: «На твоемъ мѣстѣ я непремѣнно бы уничтожилъ отдѣлъ контръ-развѣдки при Министерствѣ». Я уже упоминалъ, какъ Зарудный относился къ этому отдѣлу. Почему онъ самъ этого не сдѣлалъ въ бытность свою Министромъ, я не знаю и объясняю это только тѣмъ, что онъ не успѣлъ. По существу я вполнѣ сочувствовалъ въ этомъ вопросѣ Зарудному и потому въ первую же голову рѣшился заняться этимъ отдѣломъ. Въ тотъ же день «все дѣло» я взялъ къ себѣ на домъ. Ознакомившись съ нимъ, я убѣдился, насколько правъ былъ Зарудный. Не было ни закона, ни постановленія властей объ учрежденіи отдѣла контръ-развѣдки, было только одно распоряженіе со стороны Совѣта Министровъ: выдать на расходы по контръ-развѣдкѣ Министру Юстиціи Переверзеву 100.000 рублей — и больше ничего. Какую-то инструкцію по веденію дѣлъ въ контръ-развѣдкѣ составлялъ или, можетъ быть, вѣрнѣе, намѣревался составить Переверзевъ. Какія-то данныя въ этомъ смыслѣ, помнится, въ дѣлѣ были. Я уже указалъ, что завѣдующій контръ-развѣдкой Мироновъ

засадилъ въ тюрьму человѣкъ десять, не знавшихъ, за что они сидятъ. Въ день назначенія меня управляющимъ Министерствомъ ко мнѣ приходила хлопотать за мужа, молодого офицера Сумарокова, жена его, завѣрявшая меня, что не только нѣтъ никакихъ данныхъ обвинять ея мужа въ контръ-революціи, но что даже и сплетень по этому поводу не можетъ быть никакихъ. Ея ходатайство объ освобожденіи мужа поддерживалъ матросъ Баткинъ, который былъ свидѣтелемъ ареста Сумарокова. Я убѣдился, что незаконность существованія контръ-развѣдки была настолько ясна, что, не уничтоживъ ея, впослѣдствіи нельзя было бы раздѣлаться съ запросами парламента по поводу ея существованія. Я немедленно вызвалъ къ себѣ Миронова и въ присутствіи товарища Министра Вальца попросилъ его изложить мнѣ, какія дѣла по развѣдкѣ находятся въ данный моментъ у него въ производствѣ, кого и за что онъ посадилъ въ тюрьму и сколько времени эти лица сидятъ уже въ заключеніи. Оказалось, никакихъ опредѣленныхъ дѣлъ у Миронова въ производствѣ не имѣется, что публику подъ арестъ онъ посадилъ только по подозрѣнію и что нѣкоторыя лица сидятъ уже довольно долго безъ допроса. Такъ какъ я велъ бесѣду въ качествѣ Министра Юстиціи, то-есть совершенно оффиціальнымъ тономъ, то, какъ генералъ-прокуроръ, выразилъ Миронову свое неудовольствіе по поводу того, что онъ вопреки строгому требованію революціоннаго времени держитъ людей подъ арестомъ, не допрашивая ихъ. Задѣтый моимъ замѣчаніемъ за живое «революціонеръ» Мироновъ объяснилъ мнѣ, что онъ заваленъ работой, которую ведетъ по необходимости одинъ, ибо всѣ его сослуживцы забастовали. Тогда я вновь тѣмъ же оффиціальнымъ тономъ замѣтилъ ему, что онъ поступаетъ неправильно, если своевременно не доводитъ до свѣдѣнія начальства о существующемъ въ его отдѣлѣ безпорядкѣ. Я потребовалъ затѣмъ немедленнаго выпуска всѣхъ заключенныхъ изъ тюрьмы, а когда Мироновъ указалъ, что ему еще надо допросить нѣкоторыхъ изъ нихъ, я ему сказалъ, чтобы, въ случаѣ надобности, допросъ этотъ онъ произвелъ путемъ вызова къ себѣ заподозрѣнныхъ повѣстками, поручившись вмѣстѣ съ тѣмъ, что ни одинъ изъ послѣднихъ отъ явки не уклонится. «Когда же я долженъ ихъ освободить?» спросилъ Мироновъ. — «Немедленно, и объ освобожденіи ихъ донести мнѣ вечеромъ, явясь въ Зимній Дворецъ и вызвавъ меня изъ засѣданія Совѣта Министровъ».

Все было исполнено, какъ я сказалъ. Мироновъ вечеромъ для доклада мнѣ пріѣзжалъ въ Зимній Дворецъ. А на другой день утромъ контръ-развѣдка при Министерствѣ Юстиціи была мной совсѣмъ ликвидирована, о чемъ я довелъ до свѣдѣнія Совѣта Министровъ. Я считалъ себя въ этомъ отношеніи совершенно свободнымъ, такъ какъ не былъ связанъ закономъ объ учрежденіи ея. Въ числѣ освобожденныхъ былъ Пуришкевичъ, который сдѣлалъ мнѣ затѣмъ вмѣстѣ со своей женой визитъ въ Министерство. Конечно, Пуришкевичъ былъ у меня на пріемѣ крайне взволнованъ, и когда онъ говорилъ со мной, у него были на глазахъ слезы. Я былъ съ Пуришкевичемъ во 2-ой Государственной Думѣ, но никогда не велъ съ нимъ знакомства. Впослѣдствіи мнѣ разсказали, что бѣдствія Пуришкевича при Временномъ Правительствѣ не кончились моимъ выпускомъ его изъ заключенія. Его, какъ я слышалъ, арестовала городская милиція по приказу городского комиссара Роговскаго, который, какъ говорили, отдавая приказъ объ его арестѣ, выразился, что Министру Юстиціи надо еще показать, какъ освобождать изъ-подъ ареста такихъ лицъ, какъ Пуришкевичъ. Какъ только я объ этомъ узналъ, я далъ распоряженіе прокурору палаты Карчевскому разслѣдовать это дѣло, и если выяснится, что Пуришкевичъ дѣйстви-

тельно арестованъ по приказу Роговскаго, то немедленно начать дѣло по обвиненію послѣдняго въ превышеніи власти. Въ концѣ концовъ, Пуришкевичъ оказался на свободѣ, но что сдѣлалъ Карчевскій по данному мною ему распоряженію — такъ мнѣ и не пришлось узнать.

Вышеупомянутый Мироновъ служилъ по контръ-развѣдкѣ и при Военномъ Министерствѣ. Послѣ удаленія его изъ Министерства Юстиціи его удалили и изъ Военнаго Министерства.

Что это былъ за человѣкъ? Внѣшнее впечатлѣніе Мироновъ производилъ хорошее. Хорошо отзывался о немъ и Савинковъ. Вѣроятно, это былъ человѣкъ убѣжденный, то-есть вѣрилъ въ то дѣло, за которое брался. Но вспоминая его, я не буду удивленъ, если узнаю, что это былъ не вполнѣ нормальный человѣкъ. Такъ тогда мнѣ казалось.

До назначенія меня управляющимъ Министерствомъ я былъ въ Совѣтѣ Министровъ всего, какъ мнѣ помнится, одинъ разъ, когда меня взялъ туда Зарудный. Многіе Министры приходили въ засѣданіе Совѣта въ сопровожденіи своихъ товарищей, но товарищи, имѣя право высказываться, не участвовали, однако, по общему порядку въ голосованіи. Теперь я вступилъ въ Совѣтъ съ правомъ голоса. Въ Совѣтѣ Министровъ, какъ и въ Маломъ Совѣтѣ, разсылались членамъ Совѣта повѣстки съ обозначеніемъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію. Но во время засѣданій порядокъ дѣлъ часто измѣнялся, если встрѣчалась надобность обсудить какой либо экстренный вопросъ. Само собой разумѣется, мнѣ было весьма интересно принимать непосредственное участіе въ отвѣтственной работѣ Совѣта. Для предварительнаго ознакомленія съ дѣлами Совѣта я употребилъ тотъ же пріемъ, какъ и для изученія дѣлъ Малаго Совѣта, то-есть просилъ чиновника Министерства Юстиціи Гепнера помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, чтобы я былъ технически болѣе натасканъ. Участіе Гепнера при изученіи подлежавшихъ разсмотрѣнію Совѣта дѣлъ принесло мнѣ большую пользу.

Керенскій въ качествѣ предсѣдателя Совѣта ввелъ въ немъ свой порядокъ въ обсужденіи дѣлъ. Онъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы члены Совѣта не обращались другъ къ другу, какъ старые знакомые между собой, называя другъ друга по имени и отчеству, а непремѣнно «Г. Министръ такой-то». Онъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы никто не уходилъ изъ Совѣта, не предупредивъ его, а если кто либо безъ предупрежденія уходилъ, то онъ громко спрашивалъ: «Г. Министръ такой-то, — позвольте узнать основанія Вашего ухода». Это нѣсколько напоминало школьное обращеніе. Лично я не придавалъ бы значенія обращенію между собою Министровъ по имени и отчеству. Соблюденіе строгихъ обычаевъ обыкновенно на сути дѣла не отражается; порядокъ въ обсужденіи дѣлъ можетъ быть образцовымъ въ средѣ самыхъ близкихъ друзей, если ведетъ засѣданіе опытный руководитель. Керенскій былъ, на мой взглядъ, умѣлымъ предсѣдателемъ. Въ то время, когда я сталъ посѣщать засѣданія Совѣта, замѣстителемъ Керенскаго былъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Терещенко, преемникъ Некрасова. Терещенко точно также строго соблюдалъ обычай обращенія между собою членовъ Совѣта, введенный Керенскимъ; даже поправлялъ Министровъ, если они называли его не «господинъ замѣститель предсѣдателя Совѣта», а «Г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ». Это уже казалось мнѣ совершенно излишней мелочностью. Въ мое время засѣданія подъ предсѣдательствомъ Терещенко происходили довольно часто, такъ какъ Керенскій

въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго бывалъ нерѣдко въ разъѣздахъ. Дѣлъ въ Совѣтѣ было конечно огромное количество; дѣла, которыя не носили принципіальнаго характера и не требовали для разрѣшенія ихъ изданія новаго закона или же не нуждались въ пленарномъ обсужденіи, разсматривались обыкновенно по утрамъ, когда собирались министры или вызванные на утро Керенскимъ, или же по собственной инициативѣ. Образцоваго порядка въ веденіи дѣла на утреннихъ засѣданіяхъ не наблюдалось. Часто возбуждались вопросы, которые оставались висѣть въ воздухѣ. Иной разъ давалось порученіе, разработать извѣстный вопросъ, а затѣмъ распоряженіе это на другой день отмѣнялось. Общій же духъ того, что дѣлалось въ самомъ Совѣтѣ, можно опредѣлить такъ: требовалось найти общую формулу, удовлетворявшую болѣе или менѣе всѣхъ, которая являлась бы выраженіемъ того, что требовалось въ данный моментъ рѣшить. Какъ только такая формула бывала найдена, дѣло считалось сдѣланнымъ, и переходили къ разсмотрѣнію слѣдующаго вопроса. Для формулировки рѣшенія въ Совѣтѣ нуженъ былъ быстрый разумъ и умѣніе понимать другихъ. Этой способностью обладалъ въ достаточной мѣрѣ замѣститель Керенскаго, Терещенко.

Я сталъ управляющимъ Министерствомъ Юстиціи въ то время, когда не былъ еще учрежденъ Совѣтъ Республики. При мнѣ засѣдалъ въ Александринскомъ театрѣ Демократическій Съѣздъ. Мысль о необходимости имѣть постоянное, хотя и несовершенное по формѣ, народное представительство была уже у многихъ на умѣ. Помню, что Терещенко въ одномъ изъ утреннихъ съ нимъ свиданій сказалъ мнѣ, что хорошо было бы, если бы Министерство Юстиціи составило проектъ положенія о постоянномъ съѣздѣ представителей народа при Временномъ Правительствѣ. Сказано это было не въ формѣ опредѣленнаго порученія. Я, однако, немедленно занялся этимъ дѣломъ, боясь, что мнѣ скажутъ затѣмъ, что работа эта — не къ спѣху или вовсе не нужна, а я стоялъ душою за учрежденіе такого органа. Проектъ былъ составленъ, и о томъ, что онъ уже готовъ, стало немедленно извѣстно въ печати. Ко мнѣ явились представители ея съ просьбой дать матеріалы для опубликованія. Я согласился, и о моемъ проектѣ былъ данъ подробный отчетъ въ газетахъ; какъ помнится, въ формѣ бесѣды со мной. Составленное затѣмъ Временнымъ Правительствомъ положеніе Совѣта Республики (я стоялъ противъ такого названія, ибо считалъ его забѣганіемъ впередъ, и безъ нужды) разнился нѣсколько съ моимъ проектомъ; оно было, кстати сказать, выработано безъ участія Министра Юстиціи.

Безъ особаго приглашенія я не ѣздилъ на утреннія засѣданія Совѣта Министровъ. Я, однако, замѣтилъ, что юристъ всегда былъ полезенъ въ этихъ совѣщаніяхъ. Спустя только нѣкоторое время, я узналъ, что я всегда могъ по собственному усмотрѣнію являться въ Зимній Дворецъ по утрамъ и что это считалось даже желательнымъ. Но обычая этого я не зналъ, соваться впередъ не хотѣлъ, а Зарудный мнѣ ничего не передавалъ объ этомъ обыкновеніи. Самъ онъ, вѣроятно, тоже безъ приглашенія на такія засѣданія не ѣздилъ.

Однажды ко мнѣ на пріемъ явился генералъ кн. Долгорукій и разсказалъ мнѣ слѣдующее: Отправляясь съ сѣвернаго фронта въ отпускъ, онъ былъ по дорогѣ арестованъ какой-то военной политической организацией, въ составъ которой входили и матросы, по подозрѣнію въ контръ-революціи. Изъ-подъ ареста онъ былъ освобожденъ Керенскимъ, который обѣщалъ передать разслѣдо-

ваніе дѣла о немъ прокурорскому надзору и при условіи, что представители организаціи будутъ присутствовать при предварительномъ слѣдствіи по этому дѣлу. Генералъ Долгорукій былъ освобожденъ, и дѣло о немъ поступило къ слѣдователю. Но о представителяхъ организаціи тогда забыли. Слѣдователь объ обѣщаніи Керенскаго даже не зналъ. Дѣло же о генералѣ было прекращено за отсутствіемъ уликъ. Но генерала организація не забыла. Кн. Долгорукій находился въ крайнемъ безпокойствѣ. Онъ боялся всякихъ осложненій, вплоть до лишенія вновь свободы насильственнымъ путемъ. Онъ выразилъ желаніе ради своего спокойствія, чтобы о немъ было произведено новое разслѣдованіе. Мнѣ же эта исторія была до крайности непріятна; я былъ недоволенъ Керенскимъ за то, что онъ допустилъ съ своей стороны обѣщаніе, по существу совершенно невозможное, и за то, что если ужъ допустилъ его, то не позаботился своевременно объ его исполненіи. Теперь же приходилось въ угоду безсмысленной черни и изъ-за самолюбія неудовлетворенныхъ лицъ дѣлать что-то явно незаконное и что-то, что по существу своему показывало недовѣріе къ суду. Генералу Долгорукому я это высказалъ. Когда же пришли ко мнѣ «представители» — двое матросовъ и студентъ (очень смирный и неглупый молодой человѣкъ), — то я и имъ объяснилъ, что желаніе ихъ не подлежало бы вовсе удовлетворенію, не будь слова, даннаго имъ первымъ представителемъ власти; но предупредилъ ихъ, что о пересмотрѣ дѣла вообще не можетъ быть и рѣчи. Матросы было заволновались, а одинъ изъ нихъ, размахивая руками, сталъ говорить, что они взяли на себя порученіе отъ товарищей добиться пересмотра дѣла. Я замѣтилъ ему, что ему не слѣдовало брать на себя такихъ порученій. Помнится, что я сказалъ: «такого нелѣпаго порученія». Юноша студентъ сталъ усмирять своего пылкаго товарища. Такъ какъ дѣло было спѣшное, то я просилъ ихъ явиться ко мнѣ вечеромъ на квартиру узнать окончательный отвѣтъ. Керенскаго я повидалъ. Онъ былъ, повидимому, нѣсколько сконфуженъ происшедшимъ и просилъ меня сдѣлать что-нибудь, что могло бы успокоить явившуюся ко мнѣ депутацію. Онъ сказалъ, что дѣйствительно онъ обѣщалъ организаціи участіе ея въ разслѣдованіи дѣла Долгорукаго. Нужно было спасать престижъ Керенскаго. Я рѣшилъ сдѣлать такъ — пригласить въ Министерство представителей организаціи, князя Долгорукаго, судебнаго слѣдователя, который велъ по дѣлу предварительное слѣдствіе, и товарища прокурора, въ вѣдѣніи коего находилось дѣло, и ознакомить представителей съ содержаніемъ предварительнаго слѣдствія. Вечеромъ ко мнѣ на квартиру явились представители. Вновь матросы заволновались и стали увѣрять, что такой способъ завершенія дѣла не можетъ ихъ удовлетворить. Это меня до того взбѣсило, что я, что со мной почти никогда не бывало, сталъ на нихъ кричать и стучать кулакомъ по столу. Я заявилъ имъ, что если они не удовлетворятся тѣмъ, что я имъ предлагаю, я покончу переговоры немедля и что съ такимъ моимъ заявленіемъ они могутъ отправиться къ пославшимъ ихъ. Врядъ ли, однако, «товарищи» особенно ясно понимали разницу между новымъ разслѣдованіемъ дѣла и ознакомленіемъ съ матеріалами уже законченнаго судебнаго слѣдствія. Дѣло кончилось благополучно. Они на все согласились. На другой день въ министерство явился отъ нихъ только одинъ смирный посланецъ студентъ, который радъ былъ поскорѣе покончить съ пустой формальностью, то-есть выслушать то, что ему прочиталъ судебный слѣдователь. Онъ поспѣшилъ уйти изъ моего кабинета.

Разсказываю это, какъ картину тогдашнихъ правительственныхъ нравовъ.

Къ этому времени относится и мое дѣло съ Троцкимъ. Какъ я говорилъ уже, Троцкій былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности по дѣлу о большевикахъ. Но событіе, въ которомъ онъ принималъ участіе, стояло во всемъ дѣлѣ совершенно особнякомъ. Его обвиняли, и это было исключительно одно обвиненіе, въ томъ, что, будучи на какомъ-то собраніи рабочихъ въ Народномъ Домѣ, онъ произнесъ зажигательную рѣчь, призывая къ убійству Керенскаго. Сообщеніе объ этомъ сдѣлали двое офицеровъ, якобы слышавшихъ эту рѣчь. Троцкаго арестовали. Онъ полностью отрицалъ взводимое на него обвиненіе. Былъ допрошенъ рядъ свидѣтелей, постороннихъ Троцкому, участвовавшихъ въ собраніи, которые мало того, что отрицали приписываемыя Троцкому слова, но показали, что Троцкій старался наоборотъ успокоить расходившуюся тогда толпу. Никакихъ призывовъ онъ тогда вообще не дѣлалъ. Сообщалъ мнѣ о ходѣ предварительнаго слѣдствія прокуроръ Палаты Карчевскій, сказавъ, что Троцкаго въ тюрьмѣ по такому обвиненію держать абсолютно нельзя. Я отлично понималъ, что судебная слѣдственная власть не рѣшится, хотя имѣетъ право, совершенно самостоятельно рѣшать такой вопросъ, выпустить на волю такую птицу, какъ Троцкій, безъ благословенія свыше. Это благословеніе я ей и далъ. Однако, я понималъ, что освобожденіе Троцкаго изъ-подъ ареста вредно. Поэтому я попросилъ предварительно освобожденія Троцкаго доставить мнѣ весь слѣдственный матеріалъ, его касающійся, и ознакомился съ нимъ подробно. Освобожденнаго Троцкаго встрѣтили въ Совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ съ тріумфомъ. А въ тотъ же день управляющій дѣлами Совѣта Министровъ — Гальпернъ предупредилъ меня, что въ вечернемъ засѣданіи Совѣта Министровъ у меня попросятъ объясненія по дѣлу Троцкаго. Я этого ожидалъ, и предупрежденіе Гальперна не застало меня врасплохъ. Въ Совѣтѣ во время засѣданія я получилъ записку сначала отъ Гальперна, который вновь предупреждалъ меня о готовящемся запросѣ, а затѣмъ получилъ записку и со стороны Терещенко, предсѣдательствовавшаго тогда въ Совѣтѣ. Объясненіе мнѣ предстояло сдѣлать въ концѣ засѣданія, когда вопросы по повѣсткѣ будутъ исчерпаны. Я далъ свое объясненіе въ твердомъ тонѣ. Я разсказалъ, въ чемъ заключается обвинительный матеріалъ по дѣлу Троцкаго, объяснилъ, что опредѣленіе объ освобожденіи Троцкаго изъ-подъ ареста дано судебно-слѣдственною властью, что авторитетъ ея долженъ быть во всякомъ случаѣ поддержанъ, что по существу она въ данномъ дѣлѣ совершенно права, сказалъ далѣе, что Министерство Юстиціи должно всегда стоять на стражѣ закона и не допускать, чтобы его могли не только обвинять, но даже подозрѣвать въ томъ, что по его распоряженію могутъ содержать людей въ тюрьмѣ по однимъ лишь политическимъ соображеніямъ, что во всякомъ случаѣ я, пока буду во главѣ Министерства, этого никогда не допущу. Объясненія мои были приняты благосклонно. Многіе говорили мнѣ, что они вполнѣ раздѣляютъ мою точку зрѣнія и что запросъ не имѣлъ другой цѣли, какъ ознакомленіе съ дѣломъ. Одинъ только Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Никитинъ (московскій присяжный повѣренный, по партіи соціалъ-демократъ) мимоходомъ замѣтилъ, что о выпускѣ на волю Троцкаго нужно было предупредить Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, что таково было соглашеніе съ Министерствомъ Юстиціи, когда дѣло касалось замѣтнаго лица. Никитинъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ правъ; но я лично не зналъ, что существовало такое соглашеніе, о чемъ долженъ былъ меня въ свое время предупредить Зарудный, чего онъ не сдѣлалъ. Я виноватъ только, что не догадался, по собственному почину, предупредить Никитина. Но никто не мѣшалъ Ники-

тину, какъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, сдѣлать, если онъ находилъ это нужнымъ, распоряженіе о новомъ арестѣ Троцкаго въ административномъ порядкѣ. На его мѣстѣ я бы это сдѣлалъ и не побоялся бы сдѣлать этого.

Когда въ Совѣтѣ ставился на обсужденіе какой либо земельный вопросъ, то сейчасъ же среди членовъ Совѣта проявлялось нервное настроеніе и не потому, что самъ вопросъ по существу былъ чрезвычайно острый, а вслѣдствіе того, что онъ вносился Министромъ Земледѣлія Черновымъ, который въ Совѣтѣ не пользовался ни любовью, ни довѣріемъ. Я выше говорилъ о безцеремонности, съ какой Черновъ обращался съ законами, но онъ еще умѣлъ вносить страшную путаницу въ самое обсужденіе вопроса. Чернову ничего не стоило въ любой моментъ измѣнять текстъ вносимаго имъ закона либо послѣ того, какъ самъ усмотритъ въ немъ недостатки, либо послѣ замѣтки, сдѣланной другими. Слушатели весьма часто не знали, какой текстъ закона обсуждался въ данный моментъ. Начинали возражать, а въ отвѣтъ слышали: «да вы возражаете противъ текста, который уже измѣненъ». Конечно, нельзя было соблюдать порядка при такомъ способѣ обсужденія законовъ. Обсужденіе вопроса откладывалось для предварительной заготовки новаго неоспореннаго текста закона. Это въ свою очередь раздражало Чернова. Помню, что однажды члены Совѣта стали говорить очень нервно по адресу Чернова, что вызвало со стороны предсѣдателя Керенскаго замѣчаніе, что какъ только приступаютъ къ обсужденію вносимыхъ Черновымъ законоположеній, то члены Совѣта безпричинно волнуются. Это замѣчаніе справедливо не всѣмъ понравилось, и Министръ Народнаго Просвѣщенія Ольденбургъ просилъ Керенскаго такихъ замѣчаній впредь не дѣлать. Я не помню, чтобы при мнѣ прошелъ въ Совѣтѣ хотя бы одинъ Черновскій законопроектъ.

Засѣданія Совѣта Министровъ происходили ежедневно. Собирались къ 8 часамъ вечера и засиживались сплошь и рядомъ до 2—3 часовъ ночи. Можно себѣ представить, до какого утомленія доходили министры, работавшіе съ утра. Оберъ-прокуроръ Синода Карташевъ отъ усталости иногда закрывалъ глаза. Въ Совѣтѣ Керенскій доминировалъ. Почему это было такъ, можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что министры ничего не хотѣли дѣлать безъ благословенія Керенскаго; министры преклонялись передъ популярностью послѣдняго, и этой популярности приносили жертвы во вредъ дѣлу. Само собой разумѣется, такое отношеніе избаловало Керенскаго. Я не могу забыть такого эпизода. Изъ всего состава Временнаго Правительства, избраннаго въ первую очередь, остались только двое — Керенскій и Терещенко. Терещенко тоже пожелалъ уйти, о чемъ и заявилъ въ Совѣтѣ. Его стали уговаривать остаться (каковые уговоры окончились успѣшно). Керенскій съ прерывающимся отъ волненія голосомъ, въ которомъ слышались ноты рыданія, упрекнулъ Терещенко, что онъ его покидаетъ, тогда какъ обѣщалъ не разставаться съ нимъ до послѣдняго момента. И вотъ, что сказалъ Керенскій, что меня поразило: «Вы уйдете — кого же я найду въ замѣстители вамъ. Я лично, вы это должны знать, не имѣю возможности принять въ свое вѣдѣніе Министерство Иностранныхъ Дѣлъ». Выходило такъ, по словамъ Керенскаго, что онъ одинъ способенъ управляться съ любымъ дѣломъ, на него возложеннымъ. Ему даже въ голову не пришла

простая мысль: — а признаютъ ли его самого годнымъ на эту роль. Нужно сказать, что въ словахъ Керенскаго отнюдь не было слышно самомнѣніе, а изрекалось нѣчто въ родѣ истины, о чемъ и задумываться не приходится. Такая самооцѣнка явилась на мой взглядъ результатомъ отношенія къ Керенскому со стороны тѣхъ, съ кѣмъ ему въ послѣднее время приходилось сталкиваться. А что это было во вредъ дѣлу, я приведу тому доказательство. Оно тоже относится къ тому времени, когда Терещенко, оставаясь Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, уступилъ свое мѣсто замѣстителя предсѣдателя въ Совѣтѣ А. Ив. Коновалову.

Послѣ разсмотрѣнія дѣлъ по повѣсткѣ, было заявлено Коноваловымъ, что въ закрытомъ засѣданіи Совѣта будетъ сдѣланъ докладъ Морскимъ Министромъ Вердеревскимъ о событіяхъ на фронтѣ. Въ закрытыхъ засѣданіяхъ Совѣта могли принять участіе лишь одни Министры. Товарищи министровъ и вся канцелярія Совѣта покидала залъ. Морской Министръ Вердеревскій сообщилъ, что взбунтовавшіеся въ г. Выборгѣ матросы утопили и убили массу офицерства. Онъ спрашивалъ, что же дѣлать? Началось обсужденіе. Я высказалъ слѣдующее мнѣніе — другого способа нѣтъ, какъ послать въ Выборгъ вѣрныя войска и флотъ и поступить съ матросами, какъ съ врагами, что передать въ данный моментъ дѣло суду совершенно невозможно, даже по фактическимъ соображеніямъ: взбунтовавшіеся матросы не во власти начальства. Я не исключалъ судъ, но лишь послѣ того, какъ всѣ бунтари будутъ взяты либо въ плѣнъ, либо сами сдадутся, либо будутъ выданы властямъ. Помню, я спросилъ у Военнаго Министра Верховскаго, есть ли у него вѣрныя войска, и когда онъ могъ бы ихъ послать. Быстрый на слова Верховскій немедленно отвѣтилъ, что войска онъ доставитъ въ Выборгъ на третій отъ сего числа день. Но затѣмъ, послѣ переговоровъ, оказалось, что послать войска и флотъ можно лишь черезъ Главнокомандующаго Сѣвернаго фронта, отъ котораго долженъ исходить такой приказъ, чего сразу не сообразилъ Верховскій. Было постановлено поручить Коновалову сообщить Главнокомандующему Сѣвернаго Фронта о состоявшемся постановленіи Совѣта послать въ Выборгъ флотъ и войска для усмиренія взбунтовавшихся. На другой день вечеромъ вновь собралось закрытое засѣданіе Совѣта. Коноваловъ объяснилъ, что онъ не смогъ исполнить порученіе Совѣта, такъ какъ не удалось вызвать къ аппарату находившагося въ Ставкѣ Керенскаго. Оказалося, что Керенскій заболѣлъ (былъ у него жаръ чуть не до 40 градусовъ, свалившій его въ постель) и что онъ до сего времени все еще боленъ. Я замѣтилъ, что А. Ив. Коновалову дано было порученіе говорить не съ Керенскимъ, а съ Главнокомандующимъ Сѣвернаго фронта, что было дано порученіе не ознакомить Ставку съ содержаніемъ постановленія Совѣта, а сообщить для исполненія приказъ Совѣта. Все это было принято во вниманіе и не вызвало возраженій. Но затѣмъ Вердеревскій сообщилъ Совѣту о взятіи нѣмцами острова Эзеля, о томъ, что это взятіе подѣйствовало на умы войска и флота положительнымъ образомъ, что нужно ждать взрыва патріотизма, что посему въ данный моментъ опасно затѣвать что либо, что могло бы возбудить неудовольствіе войскъ и флота и что, по его мнѣнію, Выборгскую исторію въ данный моментъ не выгодно поднимать. Безъ дальнѣйшихъ комментарій скажу, что Совѣтъ такъ и сдѣлалъ, какъ предлагалъ Вердеревскій. Но въ чемъ тутъ виноватъ «безвольный» Керенскій? Безвольнымъ былъ Совѣтъ безъ Керенскаго.

Къ этому времени относится исторія Керенскаго съ генераломъ Корниловымъ, которая послужила поводомъ къ многочисленнымъ обвиненіямъ Керенскаго. Благодаря главнымъ образомъ этой исторіи имя Керенскаго стало для многихъ въ Россіи ненавистнымъ. Относиться явно отрицательно къ Керенскому стало вдругъ какъ бы признакомъ правильности пониманія русской внутренней политики. Представители Добровольческой Арміи чуть ли не открыто говорили о своемъ правѣ повѣсить Керенскаго, если онъ появится среди арміи. Такова была ненависть къ Керенскому.

Мнѣ, какъ управляющему Министерствомъ Юстиціи, пришлось ознакомиться съ данными этого событія по матеріаламъ, имѣвшимся въ рукахъ Главнаго Военнаго Прокурора Шабловскаго, которому было поручено разслѣдованіе этого дѣла. Оговариваюсь, что пишу по памяти, не имѣя возможности провѣрить себя опросомъ другихъ лицъ, соприкасавшихся съ дѣломъ. Записки Керенскаго по поводу дѣла съ Корниловымъ у меня въ рукахъ не было, и до сего времени я съ нею не знакомъ. Допуская однако же возможность ошибки въ сообщаемыхъ мною деталяхъ событія, я полагаю все же, что разсказъ мой въ цѣломъ соотвѣтствуетъ истинѣ.

Шабловскій при разслѣдованіи дѣла былъ очень недоволенъ той ролью, которую сыгралъ въ ней Керенскій. Однако, онъ не защищалъ и генерала Корнилова. Лично я, не будучи знакомъ съ Корниловымъ, относился къ нему не особенно дружелюбно, вѣрнѣй съ нѣкоторой досадой на него по обстоятельствамъ, можетъ быть, съ внѣшней стороны весьма маловажнымъ. Это недружелюбное отношеніе къ нему связывалось у меня въ душѣ всегда съ какой-то жалостью къ нему. Мнѣ было какъ-то обидно за него, что онъ самъ умаляетъ свое достоинство, ибо вся его карьера доказывала высоту его души и любовь къ Россіи. Вотъ, что въ немъ мнѣ не нравилось. Московское Государственное Совѣщаніе уже засѣдало въ Москвѣ; въ немъ долженъ былъ принять участіе и Корниловъ. Онъ, однако, къ открытію засѣданія опоздалъ, пріѣхавъ съ фронта, кажется, на второй день засѣданія совѣщанія. Онъ въѣхалъ въ Москву какъ-то особенно торжественно, сопровождаемый эскортомъ конницы. Съ поѣзда онъ поѣхалъ не прямо въ совѣщаніе, гдѣ его ждали, а сначала къ Иверской. Такой способъ появленія мнѣ не нравился, ибо я видѣлъ въ немъ нѣкоторую демонстрацію, желаніе понравиться народу, то-есть создать себѣ особаго рода популярность. Въ этомъ я увидѣлъ, что онъ не искрененъ, себѣ на умѣ. Оговариваюсь, однако, что таково было только мое личное впечатлѣніе, и я бы легко отъ него отказался, еслибы мнѣ представили доказательства моего ошибочнаго впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ такое впечатлѣніе о Корниловѣ у меня тогда создалось.

Исторія же Керенскаго съ Корниловымъ такова: Изъ Ставки Корнилова пріѣхалъ въ Петербургъ къ Керенскому бывшій прокуроръ Свят. Синода Львовъ. Онъ сообщилъ Керенскому приблизительно слѣдующее: въ Ставкѣ открыто подготовляются къ совершенію coup d'état — смѣстить существующую власть и образовать новое правительство во главѣ съ генераломъ Корниловымъ. Львовъ добавилъ, что Корниловъ вообще противъ него, Керенскаго, ничего не имѣетъ и готовъ оставить его въ кабинетѣ въ качествѣ Министра Юстиціи, но что если Керенскій поѣдетъ въ Ставку къ Корнилову (куда на самомъ дѣлѣ онъ въ то время собирался), то тамъ его арестуютъ. Вотъ, что сообщилъ Керенскому Львовъ, и никому тогда въ голову не могло прійти, что Львовъ, бывшій прокуроръ Свят. Синода, могъ наговорить Керенскому чистѣйшаго, выдуманнаго

изъ головы вздора. Керенскому не было основанія не вѣрить Львову. Оставалось лишь провѣрить его слова для установленія виновности Корнилова. Керенскій рѣшилъ переговорить лично съ Корниловымъ по прямому проводу съ тѣмъ, чтобы при его бесѣдѣ присутствовалъ и Львовъ. Былъ назначенъ часъ для этой бесѣды, о чемъ Корниловъ былъ предупрежденъ. Въ назначенный часъ Керенскій былъ на мѣстѣ, а Львовъ запоздалъ. Нетерпѣливый Керенскій не могъ дождаться прихода Львова и началъ свои переговоры съ Корниловымъ до его прихода, причемъ сдѣлалъ недопустимую ошибку, сказавъ Корнилову, что при ихъ бесѣдѣ присутствуетъ и Львовъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ другой непростительный промахъ, граничащій съ крайнимъ легкомысліемъ, на каковой Корниловъ отвѣтилъ идентичнымъ же: Керенскій спросилъ Корнилова, правда ли то, что говорилъ ему Львовъ, причемъ не сказалъ ему того, что именно говорилъ ему Львовъ. Корниловъ съ своей стороны не спросилъ Керенскаго о томъ, что же такое сказалъ ему Львовъ. Корниловъ передалъ ему, что онъ дѣйствительно ждетъ его къ себѣ въ Ставку и что, если Львовъ ему это передалъ, то это правда. Керенскій, усматривая въ словахъ Корнилова подтвержденіе сообщенія Львова, въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго, приказалъ Корнилову подать въ отставку и, если не ошибаюсь, явиться въ Петербургъ. Далѣе послѣдовала уже не ошибка со стороны Корнилова, а уже дѣйствительное съ его стороны преступленіе. Корниловъ не только не послушался приказанія своего непосредственнаго начальства, а явно пошелъ противъ правительства, двинувъ на Петербургъ часть своихъ войскъ. Какъ извѣстно, изъ этой затѣи Корнилова ничего не вышло. Корниловъ былъ арестованъ своимъ же другомъ, Главнокомандующимъ Алексѣевымъ. Сочувствовавшій Корнилову Б. В. Савинковъ, который не скрывалъ своихъ симпатій къ Корнилову и не скрывалъ своего недовольства инертностью Керенскаго въ проведеніи имъ, по его мнѣнію, необходимѣйшихъ военныхъ мѣропріятіи, инціаторомъ проведенія которыхъ былъ генералъ Корниловъ, тоже оффиціально призналъ, что Корниловъ показалъ себя мятежникомъ съ точки зрѣнія квалификаціи его дѣйствій по уголовному уложенію. Переворотъ Корнилову не удался. А всякій неудавшійся переворотъ всегда только мятежъ по толкованію взявшей верхъ власти.

Во всей этой исторіи можно было глубоко пожалѣть Корнилова, разумъ котораго не подсказалъ ему сдержать свой темпераментъ. Онъ поступилъ очертя голову, считая себя по существу правымъ и дѣйствующимъ въ интересахъ родины. Къ сказанному можно прибавить слѣдующее: Поступокъ Корнилова былъ съ юридической стороны несомнѣнно преступнымъ дѣяніемъ, но онъ заслуживалъ амнистіи; амнистія предала бы забвенію всю эту грустную исторію.

Интересно еще отмѣтить, что органъ «Рѣчь» открыто сталъ въ этой исторіи на сторону Корнилова, пренебрегая въ данномъ случаѣ юридической государственной стороной вопроса.

Я занималъ должность управляющаго Министерствомъ Юстиціи сравнительно длительное время. Я зналъ, что Керенскій былъ озабоченъ подысканіемъ новаго министра. Чаще другихъ называли имя московскаго присяжнаго повѣреннаго П. Н. Малянтовича, несомнѣнно даровитаго адвоката. Я уже говорилъ, что власть имущіе имѣли тенденцію назначать на «посты» лицъ, заявившихъ себя чѣмъ либо на общественной аренѣ и непремѣнно изъ принадлежавшихъ къ одной изъ доминировавшихъ политическихъ партій. Малянтовичъ, по партіи соціалъ-демократъ, былъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ Москвы. Естественно на

его имени остановились, но неправильно, что не вдались въ оцѣнку того, насколько онъ могъ занимать постъ Министра, по своимъ внутреннимъ качествамъ. Я былъ противъ назначенія Малянтовича по соображеніямъ принципіальнаго свойства. Пріятелю своему, управляющему дѣлами Совѣта Министровъ, А. Я. Гальперну, стоявшему весьма близко къ Керенскому, я объяснилъ, почему я отношусь къ кандидатурѣ Малянтовича въ Министры отрицательно и сдѣлалъ это съ той цѣлью, чтобы Гальпернъ повліялъ на Керенскаго не назначать Малянтовича Министромъ. Самъ я съ Керенскимъ не могъ объ этомъ говорить, чтобы не подумали, что я хлопочу за себя. Отрицательное мое отношеніе къ Малянтовичу основывалось на участіи его въ веденіи дѣла (о чемъ я выше говорилъ) о насильственномъ занятіи гостиницы «Дрезденъ» московскою общественною организаціею. Я не допускалъ мысли, чтобы Министромъ Юстиціи могло быть лицо, открыто отрицавшее силу существующихъ законовъ только потому, что законъ этотъ въ данный моментъ неудобенъ, и чтобы это положеніе онъ выставлялъ въ судѣ какъ юридическій доводъ. Гальпернъ тоже стоялъ на моей точкѣ зрѣнія и даже говорилъ, что приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы повліять на Керенскаго отказаться отъ кандидатуры Малянтовича. Но это оказались только слова. Гальпернъ не имѣлъ, какъ выяснилось, никакого вліянія на рѣшенія Керенскаго. Избалованному Керенскому не очень бы нравилось, чтобы находили не все цѣлесообразнымъ, что ему приходило въ голову. Повидимому, Гальпернъ это понималъ. Словомъ, Гальпернъ, несмотря на свое обѣщаніе, ничего по дѣлу не сдѣлалъ. Малянтовичъ былъ вскорѣ назначенъ Министромъ. Но, должно быть, это назначеніе состоялось все же не безъ борьбы; особеннаго довѣрія къ Малянтовичу, казалось, и Керенскій не чувствовалъ. Керенскій даже поставилъ ему условіемъ его назначенія, чтобы всѣ прежніе товарищи Министра остались на своихъ мѣстахъ, а чтобы закрѣпить мое личное положеніе въ Министерствѣ, меня назначили предсѣдателемъ Малаго Совѣта Министровъ на мѣсто Ефремова, назначеннаго посломъ въ Швейцарію.

Лично противъ Малянтовича я ничего не имѣлъ; мы были всегда съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Наши отношенія не измѣнились бы и далѣе, еслибы самъ Малянтовичъ не подалъ къ этому повода. Малянтовичъ — типичный московскій адвокатъ. Московскій адвокатъ никогда ничего просто не дѣлаетъ; онъ во всемъ открываетъ Америку; никогда ничего просто не скажетъ, но непремѣнно сошлется на свою необыкновенную проницательность въ дѣлахъ, которая помогаетъ ему открыть или понять обстоятельства, столь полезныя для интересовъ дѣла. Словомъ, ничего просто московскій адвокатъ не скажетъ, а все имъ подается какъ бы на особенномъ блюдѣ и съ гарниромъ. Само собой разумѣется, Малянтовичъ явился въ Министерство не просто Министромъ Юстиціи, которому поручено разумно управлять Министерствомъ, а Министромъ, пришедшимъ спасать всю Юстицію отъ грозящаго ей развала; онъ долженъ былъ вести дѣла по собственной имъ спеціально начертанной линіи. Такъ какъ я своего взгляда на назначеніе Малянтовича не скрывалъ, то онъ сталъ ему извѣстнымъ. Онъ тоже не скрылъ отъ меня, что онъ знаетъ о моемъ къ нему отношеніи къ его назначенію, и попросилъ меня, а также Вальца (въ то время Скарятина не было въ Петербургѣ) выслушать его оправданія и ознакомиться съ его точкой зрѣнія на дѣло о гостиницѣ «Дрезденъ», которая, по его мнѣнію, должна будетъ убѣдить насъ въ его полной правотѣ. Мы, конечно, на это охотно согласились, но Малянтовичъ не сумѣлъ насъ убѣдить. Пришлось на дѣло поставить точку. При свиданіи съ нами, онъ не скрылъ отъ насъ, что прави-

тельство очень дорожитъ тѣмъ, чтобы мы остались служить на прежнихъ должностяхъ, что онъ самъ чрезвычайно радъ работать съ нами и что ничего не предприметъ по Министерству, не посовѣтовавшись предварительно съ нами. Послѣ этого предисловія онъ перешелъ къ обсужденію вопроса, который долженъ былъ явиться тѣмъ новымъ словомъ, которое должно было обновить политику Министерства Юстиціи. Дѣло касалось отношенія къ большевикамъ. Малянтовичъ находилъ, что такъ какъ большевизмъ есть политическое ученіе, то какъ таковое не подлежитъ, какъ и всякое другое ученіе, какому бы то ни было преслѣдованію со стороны власти. Поэтому онъ предложилъ намъ прекратить это преслѣдованіе.

Я теперь боюсь точно опредѣлить мысль Малянтовича, но думаю, что опредѣлилъ ее правильно. Конечно, мы съ Вальцемъ запротестовали; мы объяснили ему, что преслѣдованіе большевиковъ не носитъ вовсе характера преслѣдованія за идеи или ученія, а является результатомъ ихъ дѣйствій, направленныхъ къ сверженію существующаго политическаго строя въ Россіи, посему производство по дѣлу о большевикахъ должно идти своимъ порядкомъ. Малянтовичу не оставалось ничего, какъ только примириться съ нашей точкой зрѣнія, что внѣшне онъ и сдѣлалъ. Былъ затѣмъ назначенъ докладъ по дѣлу о большевикахъ, участниками каковаго доклада являлись слѣдователи Александровъ и другіе и чины прокурорскаго надзора, въ вѣдѣніи коихъ находилось производство. Малянтовичъ выслушалъ весьма подробный докладъ и сдѣлалъ попытку къ тому, чтобы освободить хотя бы нѣкоторыхъ большевиковъ отъ привлеченія къ уголовной отвѣтственности. Однако, и эта его попытка не привела къ успѣху. Ни я, ни Вальцъ, ни Скарятинъ не нашли къ этому основаній. Казалось бы, дѣло на этомъ и должно было кончиться. Однако, къ удивленію своему мы черезъ два дня узнали, что двое или трое большевиковъ все же были выпущены на свободу и что это сдѣлала прокуратура по соглашенію съ Малянтовичемъ. Не къ чести прокурорскаго надзора (Карчевскій, кажется, здѣсь не принималъ никакого участія) нужно замѣтить, что онъ согласился съ Малянтовичемъ, хотя при докладѣ стоялъ на другой точкѣ зрѣнія. Такимъ образомъ вопреки своему обѣщанію дѣйствовать съ нами совмѣстно и въ дѣлѣ очень отвѣтственномъ Малянтовичъ выступилъ самостоятельно и при томъ сознательно противъ насъ. Я, Вальцъ и Скарятинъ нашли это совершенно недопустимымъ, и заявили Малянтовичу, что всѣ подаемъ въ отставку. Это до чрезвычайности поразило Малянтовича, который, повидимому, искренне не ожидалъ подобнаго исхода его дѣйствій. Онъ сталъ насъ умолять (буквально) оставить свое намѣреніе, обѣщая написать въ газетахъ объясненіе, что онъ въ дѣлѣ о большевикахъ предпринялъ шагъ безъ нашего участія и вопреки нашему желанію, что въ этомъ направленіи онъ дастъ свои объясненія при первомъ своемъ выступленіи въ Совѣтѣ Республики. Мы на это согласились, не желая съ одной стороны дѣлать особыхъ непріятностей Малянтовичу, а съ другой и вызывать общественный скандалъ; къ Малянтовичу мы продолжали относиться какъ къ старому нашему товарищу по сословію. Между тѣмъ помимо нашего желанія въ печать проникли слухи о разногласіи между Министромъ Юстиціи и его товарищами; объ этомъ узнали и въ правительствѣ. Малянтовичу дали понять, что насъ считаютъ правыми въ этомъ дѣлѣ.

Малянтовичъ заготовилъ для печати длиннѣйшее объясненіе, съ которымъ онъ насъ ознакомилъ. Въ объясненіи этомъ онъ откровенно и правдиво излагалъ ходъ дѣла. Но объясненіе это въ газетахъ не появилось, такъ

какъ редакціи отказались его напечатать въ виду его длинноты. Малянтовичъ просилъ насъ дать съ нашей стороны свѣдѣнія въ газетахъ, что между нимъ и нами не возникало такихъ разногласій, которыя могли бы привести насъ къ разрыву.

Скрѣпя сердце, мы на это согласились и напечатали въ газетахъ просимое заявленіе. Точной редакціи нашего весьма короткаго письма я не помню. Но на этомъ дѣло не кончилось. Газеты не замолчали. Опять безъ нашего вѣдома Малянтовичъ по тому же дѣлу помѣстилъ въ газетахъ краткое объясненіе (можетъ быть и интервью), въ которомъ указалъ на то, что дѣйствительно у него съ товарищами Министра было небольшое столкновеніе изъ-за того, что онъ безъ вѣдома товарищей Министра кой-кого изъ большевиковъ выпустилъ на волю, что товарищи Министра дѣйствительно выразили ему свое неудовольствіе, но не потому, что онъ выпустилъ нѣкоторыхъ большевиковъ изъ тюрьмы, а за то, что онъ сдѣлалъ это помимо ихъ; что принципіально товарищи Министра даже и не имѣли ничего противъ такого освобожденія. Выходило такъ, что «мы» разсердились на Министра за его чисто внѣшній промахъ, по существу не имѣющій ничего серьезнаго. Малянтовичъ скрылъ отъ печати главное основаніе нашего съ нимъ расхожденія, что мы, вопреки его точкѣ зрѣнія, считали, что ни одинъ большевикъ, привлеченный къ уголовной отвѣтственности, въ то время не могъ избѣжать предварительнаго заключенія. Не знаю, о чемъ думалъ Малянтовичъ, когда помѣщалъ свое второе объясненіе въ печати; онъ не могъ не знать, что такого шага съ его стороны мы не могли оставить безъ отвѣта.

Особенно негодовалъ Г. Д. Скарятинъ, который равнодушно не могъ относиться къ тому, что сдѣлалъ Малянтовичъ. Характеристика дѣйствія Малянтовича носила въ его устахъ весьма рѣзкій характеръ. Мы рѣшили никакихъ заявленій съ нашей стороны Малянтовичу не дѣлать, а ограничиться письмомъ въ редакціи газетъ, въ которомъ откровенно сказать, что у насъ съ Министромъ разногласія были далеко не формальнаго свойства, а по существу. Чтобы не имѣть предварительныхъ и весьма тяжелыхъ разговоровъ съ Малянтовичемъ по этому поводу, мы рѣшили сообщить ему о нашемъ шагѣ письмомъ же, отправленнымъ ему одновременно съ письмомъ въ редакціи. Такъ мы и сдѣлали. Помню, что насъ очень озаботило, въ какой формѣ написать обращеніе къ Малянтовичу. Рѣшили написать чисто оффиціальное письмо, а такъ какъ къ тому времени была выработана особая форма оффиціальныхъ обращеній безъ упоминанія титуловъ, словъ «Многоуважаемый» или «Милостивый Государь», то письмо наше начиналось просто «Павелъ Николаевичъ» и кончалось также просто, безъ всякихъ «остаюсь и т. п.» — нашими подписями.

Малянтовичъ, получивъ наше письмо, тотчасъ же сдѣлалъ попытку остановить посылку нашего письма въ газеты. Но мы остались твердыми. Малянтовичъ со слезами на глазахъ просилъ насъ не посылать письма; говорилъ намъ, что если мы уйдемъ, то ему нельзя будетъ оставаться въ Министерствѣ, что таковы условія его нахожденія на службѣ. Не могу понять, какъ могло правительство ставить ему такія условія, явно устанавливающія нѣкоторое недовѣріе къ приглашенному въ Министры лицу, и еще удивительнѣе, какъ самъ Малянтовичъ могъ согласиться принять ихъ при поступленіи на службу. Можетъ быть, впрочемъ, своими словами Малянтовичъ хотѣлъ подѣйствовать на наши чувства. Сцена разговора съ нимъ была чрезвычайно тягостна. Знаю, что потомъ Малянтовичъ жаловался на нашу къ нему жестокость и на то, какъ грубо мы ему написали наше письмо (обращеніе). Малянтовичу, однако, не грозила опасность

вынужденнаго ухода изъ Министровъ, такъ какъ прошеній объ отставкѣ мы не подали и не хотѣли подавать. Приходилось другъ друга терпѣть до поры до времени.

Я съ большимъ удовольствіемъ принялъ назначеніе предсѣдателя Малаго Совѣта Министровъ, работа въ немъ мнѣ нравилась. Принявъ назначеніе, я постарался немедленно ознакомиться съ дѣлопроизводствомъ канцеляріи Совѣта Министровъ. Дѣла тамъ не задерживались; работа въ ней кипѣла; всѣ чиновники работали усердно. Напомню, что вся канцелярія состояла изъ бывшихъ служащихъ Императорскаго Правительства, людей все молодыхъ и изъ семей крупной старой бюрократіи; тѣмъ пріятнѣе было установить ея хорошее отношеніе къ новой власти. Чиновники отнеслись къ моему назначенію, повидимому, хорошо, ибо я видѣлъ съ ихъ стороны дружественное къ себѣ отношеніе. Они выразили мнѣ удовольствіе, что я посѣтилъ канцелярію для ознакомленія съ ходомъ работъ, чего ни одинъ изъ моихъ предшественниковъ не догадался сдѣлать.

Особыхъ дѣлъ въ Совѣтѣ, о которыхъ слѣдовало бы упомянуть, я не помню. Но курьезы нѣкоторые случались. Помню такой случай. Въ числѣ дѣлъ Малаго Совѣта находились дѣла по разсмотрѣнію просьбъ о помилованіи. Эти дѣла поступали изъ Министерства Юстиціи. Производство по этимъ дѣламъ было таково: всѣ просьбы о помилованіи въ первую очередь поступали на разсмотрѣніе товарища Министра Вальца, который всѣ явно безнадежныя, а иногда и безсмысленныя просьбы устранялъ. Была, напримѣръ, такая просьба: прошеніе каторжника палача о помилованіи въ виду того, что онъ долго и усердно исполнялъ свое дѣло палача. Всѣ просьбы, сколько-нибудь заслуживающія уваженія, передавались на разсмотрѣніе особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ того же Вальца, въ составъ которой входили между прочимъ и представители нѣкоторыхъ общественныхъ организацій (напримѣръ отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, представители котораго, кажется, этой комиссіи ни разу не посѣтили). Комиссія относилась къ своему дѣлу чрезвычайно внимательно. Пересматривалось все уголовное производство по дѣлу просителя и выносилось мотивированное заключеніе по дѣлу. Просьбъ о помилованіи поступало огромное количество. Я не ошибусь, если скажу, что подано было такихъ прошеній не менѣе трехъ тысячъ. Изъ этого количества подлежало, согласно заключеніямъ комиссіи, удовлетворенію вѣроятно не болѣе пяти процентовъ. Само собою разумѣется, Малому Совѣту, на окончательное разрѣшеніе котораго поступали прошенія, ничего не оставалось дѣлать, какъ только принимать заключенія комиссіи. Детальное обсужденіе заключеній комиссіи могло бы привести лишь къ тому, что мало знакомые съ дѣломъ члены Совѣта обратили бы самый Совѣтъ въ судбище съ обвинительными и оправдательными рѣчами. Однако, нашелся одинъ членъ Совѣта, товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ В. Я. Гуревичъ, бывшій адвокатъ, сосланный въ Сибирь въ административномъ порядкѣ, который поставилъ вопросъ, какъ онъ сказалъ, на принципіальную точку зрѣнія. Онъ нашелъ, что всякое помилованіе осужденнаго ведетъ къ дискредитированію судебной власти. Эта курьезная во всѣхъ отношеніяхъ точка зрѣнія была особенно удивительна въ устахъ юриста. Я замѣтилъ Гуревичу, что очень сожалѣю, что онъ былъ сосланъ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ, а не въ силу судебнаго рѣшенія. Вѣроятно бы онъ, какъ политически осужденный, не сталъ бы

приводить своихъ доводовъ за авторитетность судебныхъ рѣшеній. Я снялъ съ обсужденія всѣ вопросы о помилованіи съ тѣмъ, чтобы передать ихъ на разсмотрѣніе непосредственно въ Совѣтъ. Въ Маломъ Совѣтѣ не допускалось разногласій.

Въ числѣ посѣщавшихъ Малый Совѣтъ былъ представитель Военнаго Министерства генералъ кн. Тумановъ, грузинъ. До того времени мы съ нимъ не встрѣчались. У насъ съ нимъ мало-по-малу стала завязываться дружба. Мнѣ онъ очень нравился. Послѣ переворота, въ самомъ началѣ его, онъ погибъ ужасной смертью. Взбунтовавшіеся солдаты, только потому, что онъ былъ генералъ, убили его и тѣло его бросили въ Мойку.

Вскорѣ мнѣ представился удобный случай разстаться со службой въ Министерствѣ Юстиціи. Посѣтилъ меня пріѣхавшій съ Кавказа А. Ив. Чхенкели. Бесѣдуя о кавказскихъ дѣлахъ, онъ сообщилъ, что представитель Временнаго Правительства на Кавказѣ, бывшій депутатъ первой Государственной Думы Харламовъ оставляетъ свой постъ. Разговоръ коснулся меня — согласился ли бы я занять мѣсто Харламова. Я сказалъ, что пошелъ бы и съ удовольствіемъ. Рѣшили такъ: Чхенкели переговоритъ по прямому проводу со своей закавказской (с.-д.) партіей и выяснитъ, какъ они отнесутся къ моей кандидатурѣ. На другой день онъ пришелъ сказать мнѣ, что кандидатура моя одобрена. Приблизительно къ тому же времени пришелъ ко мнѣ и представитель Тифлисскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ студентъ (фамиліи его не помню), членъ Совѣта Республики съ такимъ же точно предложеніемъ какъ и Чхенкели и тоже какъ и Чхенкели, переговорившій съ представителями Совѣта о моей кандидатурѣ. Кандидатура моя и въ данномъ случаѣ была одобрена. Наконецъ, и отъ армянской кавказской группы я получилъ то же предложеніе. Оговариваюсь, что всѣ дѣйствовали безъ сговору. Популярность моя имѣла свои внѣшнія основанія. Нужно было отыскать человѣка, который не принадлежалъ бы близко ни къ одной изъ доминирующихъ политическихъ партій на Кавказѣ, а потому и независимаго въ этомъ отношеніи. Я оказался какъ разъ подходящимъ лицомъ. Ни с.-д., ни с.-р., и по національности ни грузинъ, ни армянинъ, ни татаринъ. Однако, оказались и нѣкоторые «но», которые мѣшали мнѣ тотчасъ принять приглашеніе. Группа с.-д. и Тифлисскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ стояли на томъ, чтобы представитель Временнаго Правительства не былъ единоличнымъ вершителемъ дѣлъ, передаваемыхъ ему на разсмотрѣніе и разрѣшеніе, а дѣйствовалъ бы совмѣстно съ особымъ совѣщаніемъ, состоящимъ при немъ изъ лицъ по выбору мѣстныхъ общественныхъ организацій. Армянская же группа, которая утверждала, что и русскіе держатся ея тенденціи, желала, чтобы представитель Временнаго Правительства не дѣлился своими функціями ни съ кѣмъ. Армянамъ я говорилъ: «я не боюсь никакой отвѣтственности, а потому согласенъ принять ваши пожеланія», а представителямъ с.-д., что, хотя я и не боюсь принять всю отвѣтственность за веденіе дѣлъ на себя одного, но что для меня все же безопаснѣе дѣлиться отвѣтственностью съ другими лицами. Тѣмъ же и другимъ добавлялъ: «что только въ томъ случаѣ соглашусь быть на Кавказѣ представителемъ Временнаго Правительства, если между группами не будетъ разногласій относительно

порядка исполненія представителемъ своихъ обязанностей». Я просилъ ихъ сговориться какъ-нибудь между собою. Сговоръ этотъ, повидимому, состоялся. Былъ выработанъ компромиссъ: рядъ дѣлъ былъ предоставленъ разрѣшенію единоличной власти представителя и рядъ дѣлъ совмѣстно съ совѣщаніемъ или Совѣтомъ, состоящимъ при представительствѣ. Временное Правительство принципіально высказалось за мою кандидатуру на Кавказѣ. Но дѣло на этомъ такъ и остановилось съ торжествомъ большевиковъ. Исторія эта поучительна вотъ въ какомъ отношеніи. Грузія провозгласила себя автономной; когда же я въ народномъ Совѣтѣ Абхазіи, куда былъ избранъ Абхазской національной группой (въ составъ которой входила и крайняя лѣвая партія), отстаивалъ существующую автономію Абхазіи, грузинскія власти эту автономію свели на нѣтъ; игнорируя прежніе свои договоры съ Абхазіей, меня признали врагомъ Грузіи и засадили въ тюрьму. Въ Абхазскомъ Совѣтѣ представитель Грузіи перводумецъ Ис. Ив. Рамишвили, Вл. Джугели и другіе не стѣснялись никакой клеветы въ отношеніи меня; называли меня монархистомъ, новоиспеченнымъ мартовскимъ соціалистомъ; говорили, что я получаю деньги отъ ген. Деникина и проч. Имъ не было дѣла до моего честнаго прошлаго, которое было принято во вниманіе ихъ же представителями, когда я былъ товарищемъ Министра Юстиціи и когда меня просили пріѣхать въ Тифлисъ въ качествѣ представителя Временнаго Правительства.

Въ самомъ началѣ своего вступленія въ Министерство я говорилъ Скарятину, въ вѣдѣніи котораго находились всѣ законодательныя комиссіи Министерства, и Зарудному, когда онъ былъ Министромъ, что главнымъ образомъ на Министерствѣ Юстиціи лежитъ обязанность озаботиться выработкой проекта основныхъ законовъ Россійскаго Государства, что время созыва Учредительнаго Собранія приближается, что мы ничего не заготовляемъ и ничего не сумѣемъ ему предложить въ этомъ отношеніи, что даже не собираемъ нужныхъ для сего матеріаловъ. Я предлагалъ созвать для выработки проекта основныхъ законовъ свою министерскую комиссію. Меня выслушивали, со мной соглашались, но дѣло не подвигалось впередъ. Свою мысль я высказалъ и Малянтовичу, который понялъ всю важность моего предложенія и рѣшилъ создать такую комиссію. О своемъ рѣшеніи онъ сообщилъ въ Совѣтѣ Министровъ Керенскому. Мысль Малянтовича была принята, но ему самому замѣтили, что такая комиссія должна быть учреждена какъ нѣчто совершенно самостоятельное, и что она не должна находиться въ спеціальномъ вѣдѣніи Министерства Юстиціи. Дѣйствительно, такую комиссію создали, а Малянтовича сдѣлали ея предсѣдателемъ. Комиссіи этой пришлось поработать недолго. Было всего два или три ея засѣданія, а затѣмъ она закончила свое существованіе вмѣстѣ съ существованіемъ Временнаго Правительства, когда пришли большевики. Однако, и въ первые дни своего существованія можно было отмѣтить нѣкоторую ея тенденцію — оставить Россію цѣлостнымъ государствомъ съ сильной центральной властью. О федеративномъ устройствѣ Россіи тогда, повидимому, никто не думалъ. Кажется, одинъ только я и высказался открыто, что отдѣльнымъ народностямъ Россіи нужно дать самыя широкія и независимыя права по самоуправленію. Мысль эта не имѣла успѣха и врядъ ли нашла поддержку въ двухъ-трехъ голосахъ. Напримѣръ соц.-дем. Гальпернъ былъ противъ нея. Нужно, однако, сказать, что вопросъ о государственномъ устройствѣ не былъ поставленъ на обсужденіе комиссіи по существу.

Бесѣда шла лишь о подготовительныхъ работахъ и, какъ я сказалъ, въ этомъ отношеніи можно было лишь отмѣтить нѣкоторую тенденцію во взглядахъ ея членовъ.

Малянтовичъ, какъ и Переверзевъ, не пользовался популярностью въ Совѣтѣ Министровъ. Почему-то къ нему относились не очень доброжелательно. Переверзевъ самъ испортилъ отношеніе къ нему Совѣта, а Малянтовичъ сразу не пришелся ко двору.

Наступилъ конецъ Временному Правительству. Малянтовичъ въ числѣ другихъ Министровъ попалъ въ заключеніе. Я видѣлся съ нимъ послѣ выхода его изъ тюрьмы. Онъ тогда производилъ впечатлѣніе развалины, но не съ точки зрѣнія физической, а въ моральномъ отношеніи. Казалось, Малянтовичъ уже ни во что не вѣрилъ, на все глядѣлъ съ мрачностью и съ недовѣріемъ. Хуже всего было то, что свое пессимистическое настроеніе онъ примѣнялъ тамъ, гдѣ говорилось о необходимости дѣйствовать. Онъ какъ бы гасилъ тотъ огонь, который горѣлъ еще въ умахъ и сердцахъ желавшихъ бороться. Этимъ онъ въ тотъ моментъ принесъ много вреда.

Временному Правительству пришлось существовать и работать въ подпольѣ. Но это уже было не существованіе, а прозябаніе, и прозябаніе довольно позорное.

Защита Зимняго Дворца

(25 октября — 7 ноября 1917 г.)

Александра Синегуба

Въ восемь часовъ утра я былъ уже въ Школѣ и сидѣлъ въ канцеляріи, постепенно входя въ свою тяжелую роль адъютанта Школы. — «Пройдутъ эти дни ожиданія выступленія Ленинцевъ, наладится курсъ для государственной жизни родины, и я тогда подамъ рапортъ объ отставкѣ. — Въ деревнѣ моя работа будетъ полезнѣе, чѣмъ здѣсь среди заговоровъ тѣхъ, кто самъ не отдаетъ себѣ отчета въ послѣдствіяхъ, кто личное ставитъ выше народнаго благополучія... Какъ распинались въ «Колхидѣ», сколько таинственности и вѣрныхъ доказательствъ! Смѣшно... Нѣтъ довѣрія другъ къ другу, а запрягаются въ возъ, должный вывезти Россію на свѣтлый путь жизнедѣятельности. Никакой самодѣятельности, спаянности. А о любви къ Родинѣ и ужъ говорить нечего! Словно это — молодчики, тучами являющіеся въ послѣднее время въ Школу для поступленія въ юнкера и цинично-откровенно объяснявшіе свои побужденія, толкающія ихъ именно въ нашу Школу. Одни стоятъ другихъ: — одинаковые карьеристы тыла» — злобно размышлялъ я, почему-то припоминая случай третьяго дня во время пріема съ предложенной мнѣ взяткой... «А это что?» — прервалъ я невеселыя думы, во время механической подписи размноженныхъ на гектографѣ повѣстокъ къ педагогическому персоналу Школы... «Телюкинъ!» — позвалъ я старшаго писаря, такъ гордившагося, несмотря на свое нынѣшнее эс-эрство, бывшей службой въ личной канцеляріи Государя-Императора.

«Что прикажете?» — выросъ съ вопросомъ передъ мною позванный унтеръ-офицеръ.

«Почему эта телеграмма изъ Главнаго Штаба въ очередномъ докладѣ, кто ее вскрылъ и почему не доложена мнѣ, какъ только я пришелъ?» — задалъ я вопросы Телюкину, внутренне волнуясь и едва воздерживаясь отъ повышенія тона, чтобы этимъ не привлечь вниманія юнкеровъ, зашедшихъ въ канцелярію по дѣламъ службы, а главное тѣхъ разночинцевъ, которые уже успѣли явиться за какими-то справками къ дежурному писарю. — «Это дежурный офицеръ сюда положили; она исполнена, Ваше Высокоблагородіе; сегодня ночью я дежурилъ, и когда пришла телеграмма, то я лично позвонилъ къ Начальнику Школы и ее по приказанію Начальника Школы я вскрылъ и прочиталъ имъ въ телефонъ. Такъ что вы не извольте безпокоиться. Начальникъ Школы лично пріѣзжалъ сюда и сами отдали распоряженія. И сейчасъ въ Главномъ Штабѣ находятся

наши юнкера для связи, также посланы юнкера въ Николаевское Инженерное Училище, Николаевское Кавалерійское Училище, а двое изъ членовъ Совѣта Школы направлены въ личное распоряженіе товарища Керенскаго», — нагибаясь своей длинной фигурой ко мнѣ, конфиденціально доложилъ Телюкинъ.

«А это что-нибудь да значить, если даже посланы юнкера непосредственно къ главѣ Временнаго Правительства. Значитъ, Главному Штаву не особенно того», — читалъ я въ его глазахъ. Но чтобы не показать виду, что я его понялъ — а главное, что онъ правильно подчеркнулъ послѣднія распоряженія Начальника Школы — я задалъ вопросъ о томъ, почему онъ, а не дежурный офицеръ принималъ телеграмму изъ Главнаго Штаба.

Отвѣтъ былъ, къ сожалѣнію, самый неожиданный и лишній разъ обрисовывающій и нравы офицерства Школы, и то паденіе не только военной дисциплины, но просто даже честнаго порядочнаго отношенія, если не къ долгу и обязанностямъ, то къ оплатѣ труда, просто къ двадцатому числу. Дежурный офицеръ поручикъ Б—овъ, изъ прапорщиковъ запаса мирнаго времени, оказалось, ушелъ спать къ себѣ на квартиру.

«Но почему же вы, Телюкинъ, не позвонили сперва мнѣ, не послали за мной. Вѣдь я васъ и всѣхъ писарей столько разъ просилъ обо всемъ экстренномъ и внезапномъ немедленно увѣдомлять меня. Особенно, васъ», — попрекнулъ я своего друга. Телюкинъ затоптался и, не выдерживая моего настойчиваго вопросительнаго взгляда, зачесалъ свой несоразмѣрно длинный носъ. «Почему? . . Забыли, да? . .» «Никакъ нѣтъ, я сперва хотѣлъ это сдѣлать, но потомъ рѣшилъ, что разъ телеграмма изъ Главнаго Штаба, да и курьеръ передавалъ, что она особой важности, вамъ все равно придется звонить къ Начальнику Школы, и дежурный юнкеръ совѣтывали прямо позвонить къ Начальнику, а къ тому же они говорили, что вчера вы всю ночь провели въ канцеляріи и что и сегодня около двухъ часовъ ночи заходили въ Школу». «Ну ладно, ладно; идите и пошлите горниста за дежурнымъ офицеромъ, да еще Панову прикажите составить списокъ юнкерамъ, ушедшимъ въ связь, и позвоните въ 1-ую роту, чтобы сейчасъ прислали дневникъ нарядовъ». И только Телюкинъ вышелъ, я снова впился въ телеграмму. «Начинается», — заработала мысль. А вѣдь на улицахъ было тихо и движеніе было обычное. Вспомнилъ я Кирочную и Литейный Проспектъ, на которыхъ по обыкновенію послѣднихъ дней прошелся передъ службой, чтобъ взглянуть па Неву и на Выборгскую Сторону. «Однако, много думать не приходится», — заключилъ я свои размышленія, вставая изъ-за стола, чтобы пойти въ кабинетъ Начальника Школы и посмотрѣть на блокъ-нотъ, въ который онъ въ моменты моего отсутствія, вносилъ тѣ распоряженія, которыя должны были идти черезъ меня. Но не успѣлъ я подойти къ двери въ корридоръ, какъ она отворилась и передо мной появился юнкеръ II-ой роты Исаакъ Гольдманъ съ винтовкой въ рукахъ и патронной сумкой на поясѣ. По возбужденнымъ глазамъ, молодцеватой выправкѣ и учащенному дыханію я сразу догадался, что это одинъ изъ юнкеровъ связи, явившійся, очевидно, съ новостями, должными сыграть какую-то роль. «Здравствуйте, юнкеръ! закройте дверь. Откуда? Съ чѣмъ?» «Изъ Главнаго Штаба съ запиской о немедленной готовности Школы къ выступленію . . . Въ Штабѣ паника . . . Никто ничего не дѣлаетъ . . . Подобныя же распоряженія посланы въ другія Школы и части».

«Петропавловка на нашей сторонѣ. Тамъ говорили, что у Финляндскаго вокзала сосредоточилась тяжелая артиллерія, перешедшая на сторону Ленинцевъ. Но это ничего. Пѣхота и казаки объявили нейтралитетъ, но и это ничего. Если

придутъ войска изъ Гатчины, Царскаго Села, то положеніе будетъ возстановлено быстро и безъ насъ; но если они запоздаютъ, то намъ придется идти арестовывать Ленина, образовавшаго какое-то новое правительство изъ коммунистовъ», — докладывалъ юнкеръ слышанное имъ въ Главномъ Штабѣ, пока я вскрывалъ и читалъ принесенное имъ приказаніе. «Прекрасно, можете идти», — отпустилъ я юнкера. «Вы ѣли уже сегодня?» — справился я. «Никакъ нѣтъ, насъ въ четвертомъ часу отправили въ связь. И товарищи просили, чтобы имъ прислали или смѣну, или пищу». «Хорошо, идите въ роту и передайте фельдфебелю, чтобы онъ прислалъ смѣну, вы же оставайтесь въ Школѣ». «Телюкинъ! — позвалъ я снова писаря. — Гдѣ же списокъ юнкерамъ связи? Живо! Да идите сами сюда съ машинкой». Черезъ минуту я уже диктовалъ: «Приказаніе командирамъ 1-ой и 2-ой ротъ. По приказанію изъ Главнаго Штаба немедленно»...... машинка стучала подъ длинными, тонкими пальцами виртуоза своего дѣла, и я едва успѣвалъ комбинировать тѣ распоряженія, которыя могли своимъ исполненіемъ выполнить приказаніе Штаба. «Пулеметы получить у Завѣдывающаго оружіемъ», диктовалъ я, а въ головѣ наростало сомнѣніе. А вдругъ, нестроевая команда, объявившая нейтралитетъ, на этотъ разъ видя, что дѣло приняло характеръ разрѣшенія для Ленина вопроса — «быть или не быть», перемѣнитъ свое рѣшеніе и перейдетъ въ открытую оппозицію. Тогда пулеметы, револьверы и патроны командиры ротъ не получатъ. «Здравствуйте, Александръ Петровичъ», — привѣтствовалъ меня поручикъ Шумаковъ, войдя въ этотъ моментъ ко мнѣ въ кабинетъ. Я получилъ записку поручика Б—ва. Онъ боленъ и продолжать дежурство онъ не можетъ и проситъ меня замѣнить его. Вамъ это извѣстно?» — «Нѣтъ, что за сволочь!» — теряя хладнокровіе и забывая присутствіе солдата, выругалъ я нарушившаго дисциплину поручика. «Не я буду, если онъ не полетитъ подъ судъ. Спасибо, дорогой, что вы пришли. Сейчасъ же приступайте къ дежурству. Ага! хорошо, Пановъ. Позвоните на квартиру Начальника Школы, узнайте, гдѣ онъ; потомъ пошлите за капитаномъ Галіевскимъ, онъ долженъ быть въ первой ротѣ. А, полковникъ Киткинъ пришелъ? Да? Конечно, у него другого дѣла нѣтъ, какъ бесѣдовать съ юнкерами», — отнесся я уже къ поручику Шумакову, послѣ ухода являвшагося писаря. «Борисъ, наладь этотъ вопросъ, ты знаешь, оказывается, Мейснеръ до сихъ поръ не привелъ въ порядокъ пулеметовъ, а револьверы у этого мерзавца Кучерова. Его второй день, подлеца, въ Школѣ нѣтъ. Запилъ. И нашелъ же время! Нѣтъ... я не могу дальше. Этакъ съ ума сойдешь. Согласись, что это форменный бедламъ; а тутъ у меня все болитъ», — началъ я жаловаться на свои недомоганія, какъ вошелъ Телюкинъ и доложилъ о пріѣздѣ Начальника Школы. «Ну, слава Богу! Борисъ, тебѣ Телюкинъ все объяснитъ по этому вопросу, а я къ Полковнику», — и я бросился изъ кабинета черезъ канцелярію, чтобы бѣжать съ докладомъ къ Начальнику Школы. Канцелярія была полна юнкерами и штатскими разночинцами; едва я вошелъ въ нее, какъ меня засыпали какими-то вопросами и просьбами. — «Потомъ, потомъ», — отмахнулся я отъ нихъ. «Господа юнкера, оставьте ваши личныя дѣла и освободите канцелярію. Штатскихъ сегодня не принимать. Всѣ справки прекратить», — отдалъ я распоряженія экспедитору. «Вы господа, — обратился я къ частнымъ посѣтителямъ, — будьте любезны въ слѣдующій разъ зайти», — говорилъ я уже у двери въ корридоръ.

— «Здравствуйте, закройте дверь; доклада не надо — все знаю; теперь не время. Я уже приказалъ портупей-юнкеру Лебедеву собрать Совѣтъ

Школы и Комитетъ юнкеровъ. И сейчасъ я долженъ идти туда. Вы же прикажите прекратить всякіе пріемы. Въ Школѣ не должно быть никого изъ посторонних. Сдѣлано? Отлично! О Мейснерѣ, Б—вѣ — знаю. Всѣ телеграммы знаю. Изъ Главнаго Штаба? Одна проформа. У меня, повторяю, все ясно и налажено. Все измѣнилось. Разсказывать нѣтъ времени. Что выйдетъ, — посмотримъ. Я же рѣшилъ выступить, если юнкера не перемѣнили настроеніе. Во всякомъ случаѣ, выступлю съ желающими. Господамъ же офицерамъ приказываю послѣдовать за мною. Считаю, что это вопросъ долга и чести. Не сомнѣваюсь, что и вы будете тамъ, гдѣ и я», — ровно, спокойно, безъ единой вибраціи въ тонѣ, твердо и безъ рисовки говорилъ Начальникъ Школы. «Итакъ, будьте болѣе внимательнымъ, а главное — выдержаннымъ. Забудьте, пожалуйста, канцелярію и вспомните свои позиціи и проявите себя тѣмъ офицеромъ, какимъ вы были до этого проклятаго времени», — продолжалъ, улыбаясь, онъ. «Ну, можете идти. Всѣ распоряженія — послѣ совѣщанія. Сейчасъ никакихъ. Да приготовьте свое оружіе. А, здѣсь? Ну, это прекрасно!» — кончилъ свой пріемъ, отпуская меня, Начальникъ Школы. Я щелкнулъ шпорами, повернулся и взялся за ручку двери, какъ легшая на мое плечо рука остановила меня. Я повернулся. Въ головѣ было пусто. Ни одной мысли... «Вотъ что, Саня», — съ грустью въ своихъ большихъ голубыхъ глазахъ, тихо заговорилъ уже не Начальникъ Школы, а мой любимый, старшій братъ, — «Все пошло къ черту! Кто-то предалъ. Временному Правительству не удержаться. Только чудо можетъ спасти его. Ни одинъ изъ плановъ не примѣнимъ, и черезъ три дня также не сбросить большевиковъ. — Они будутъ еще сильнѣе. Все должно быть построено иначе. И уже конечно не нами... Я простился съ семьею и написалъ письма родителямъ... Ты тоже напиши... Они насъ поймутъ. Я съ тобою должны погибнуть. Мнѣ только жалко юнкеровъ. Но ты вѣдь понимаешь меня. Мы вѣдь дворяне и разсуждать иначе не можемъ. А тамъ, какъ Богъ... Съ нами будетъ Галіевскій. Ну, бодрись. И иди», — и поцѣловавъ меня, онъ слегка подтолкнулъ меня къ двери. Я вышелъ словно въ туманѣ, не понимая, гдѣ, куда и зачѣмъ иду. «Капитанъ Галіевскій, голубчикъ, постойте минутку!»— наскочилъ я въ полутемномъ корридорѣ на худощавую фигуру куда-то спѣшившаго капитана. «Здравствуйте, послали смѣну юнкерамъ?»

— «А! Александръ Петровичъ!.. Ну какъ же, какъ же, послалъ. Ну что, другъ мой, повоюемъ нынче, а?»

— «Да, да, придется. Жаль только, что обстановка мѣняется».

— «Плевать! Я очень радъ, что не ошибся въ васъ, при пріемѣ васъ въ школу. Только мы, стараго покроя офицеры, и можемъ еще что-нибудь дѣлать. А Б—овъ хорошъ? А? Не даромъ же я пересталъ подавать ему руку. Присяжный повѣренный несчастный — туда же, въ офицеры полѣзъ. Понимаю я его болѣзни. Трусъ! Начальникъ Школы приказалъ ему явиться. Ахъ, голубчикъ, что я вамъ посовѣтую», — продолжалъ капитанъ, когда мы остановились у канцеляріи. «Вы вотъ здѣсь не были въ февралѣ, да и нестроевую команду хорошо не знаете, вѣдь въ ней ни одного порядочнаго человѣка нѣтъ; такъ вотъ вамъ я и говорю — вы на всякій случай снесли бы къ себѣ на квартиру, что у васъ поважнѣе есть, а главное ничего собственнаго, ничего не оставляйте. Ну, бѣгу въ роту. Надо къ пулеметамъ замки наладить. Эти прохвосты мало того, что ключи потеряли отъ склада, такъ что мнѣ пришлось приказать взломать дверь, да еще замки съ пулеметовъ поснимали и куда-то запрятали. Да,

будьте, дорогой Александръ Петровичъ, осторожнѣе съ Мейсперомъ. Онъ что-то крутитъ. Этотъ почище Б—ова будетъ», — шопотомъ закончилъ капитанъ и понесся дальше, а я вошелъ въ канцелярію. На этотъ разъ въ ней было пусто. Писаря, очевидно, пошли на собраніе нестроевой команды и только Телюкинъ складывалъ со стола бумаги въ ящикъ. Въ кабинетѣ я засталъ Бориса Шумакова, сидящаго въ развалку и сладко позѣвывавшаго. «Вотъ, другъ, какъ надо дѣйствовать! Надѣюсь, доволенъ?» — встрѣтилъ меня онъ вопросомъ.

«Дрянь дѣло, но я съ наслажденіемъ буду всаживать въ эту провокаторскую мерзость пульки изъ моего любимчика», — снова заговорилъ онъ, поглаживая увѣсистый наганъ, болтавшійся сбоку въ кожаномъ чехлѣ на поясѣ. — Сами работать не хотятъ и другимъ не даютъ. Ну, что-жъ, что сѣютъ, — то и пожнутъ. А ты чего копаешься со своимъ снаряженіемъ? Тоже готовишься идти? Нѣтъ, нѣтъ, ты долженъ оставаться въ Школѣ. Тебѣ тамъ не мѣсто. И безъ тебя, слава Богу, есть кому идти. Смотри, на что ты похожъ?» — перемѣнилъ мой другъ резонерскій тонъ на подкупающую убѣдительность.

«Ты не правъ, Борисъ. Именно мнѣ, тебѣ, Галіевскому, однимъ словомъ, намъ, старикамъ, тамъ мѣсто и въ первую голову. Я думаю, я надѣюсь, что тамъ все офицерство Петрограда соберется. Подумай, какая это красивая, сильная картина будетъ. Помнишь, я разсказывалъ, что когда я девятнадцатаго числа ѣздилъ съ докладомъ въ Главный Штабъ, то передъ Зимнимъ и передъ Штабомъ стояли вереницы офицеровъ въ очереди за полученіемъ револьверовъ».

— «Ха-ха-ха», — перебилъ меня, разражаясь смѣхомъ, поручикъ. — «Ну и наивенъ же ты. Да вѣдь эти револьверы, эти господа петербургскіе офицеры, сейчасъ же по полученіи продавали. Да еще умудрялись по нѣсколько разъ ихъ получать, а потомъ бѣгали и справлялись, гдѣ это есть большевики, не купятъ ли они эту защиту Временнаго Правительства. Нѣтъ, ты дуракъ, да и законченный, къ тому же! Петроградскаго гарнизона не знаетъ! . .» заливался Шумаковъ. — Мнѣ стало весело отъ этой неудержимой молодой задорности друга, и вдругъ я вспомнилъ, что ничего еще не ѣлъ, а потому предложилъ ему пойти позавтракать.

— «Ѣсть не хочу, а выпить не вредно», — рѣшилъ онъ, подымаясь и беря меня подъ руку. «Выпить?» — переспросилъ я. Въ столовой никого изъ собранской прислуги не оказалось и такъ какъ до обѣда еще оставалось около двухъ часовъ, то мы и рѣшили пойти на кухню и что-нибудь высмотрѣть на закуску къ вину.

— «Здравствуйте!»

— «Здравствуйте, баре-голубчики. Добро пожаловать», — привѣтствовала насъ кривоглазая Фекла, кухарка за повара.

— «Здравствуйте, красавица», — пробасилъ Борисъ. «Ага, картошечка подрумянивается. Добро. Мы вотъ сейчасъ малость закусить хотимъ, красавица, и за ваше доброе сердце по стаканчику вина выпить, чтобы женишокъ поскорѣе къ вамъ заявился», — продолжалъ онъ подшучивать надъ кухаренціей.

— «Сейчасъ, сейчасъ, батюшка. Ужъ для васъ, какъ для сынковъ родныхъ», — сладостно пѣла скрипучимъ тонкимъ тономъ Фекла. «Да вы извольте присѣсть, соколики мои ясные. И куда это парни дѣвались? Совсѣмъ народъ замутился. Все одна хлопочу. И дрова принесу, и картошку очищу, а они, черти, знай семки лускаютъ и лясы на собраніяхъ точатъ. И что это, скажите мнѣ, Христа ради, дѣлается на нашей православной землѣ», — внезапно

перешла на плаксивый тонъ Фекла, лишь только захлопнулась дверь за ушедшимъ ополченцемъ. «Въ нестроевой сказывали, что будто-сь вы юнкерей рабочій народъ разстрѣливать вести хотите... Да я вѣры не дала... Да еще напустилась на смутьяновъ-то нашихъ. Лодыри окаянные!.. Статочное ли дѣло, говорю, чтобы наши господа, мухи никто изъ нихъ не обидѣлъ, да на душегубство пошли. Это имъ, треклятымъ, чужіе погреба дай пограбить, какъ давеча Петровскій вылакали — ироды... Лишь Павлуха мнѣ шкаликъ далъ... Я вотъ имъ и сказываю, что ежели да наши офицеры, ужъ если и пойдутъ, то правду одну съ собой понесутъ, которая вамъ, дармоѣды, глаза палитъ», — кипятилась Фекла, забывъ о картошкѣ и о цѣли нашего прихода. Поручикъ Шумаковъ, не выносившій, въ противоположность мнѣ, болтовни на злободневныя темы, началъ уже рыться въ ящикахъ стола, отыскивая штопоръ, какъ вбѣжалъ посыльный и подалъ записку отъ Начальника Школы. Въ ней намъ приказывалось немедленно собрать всѣхъ наличныхъ чиновъ Школы въ гимнастическомъ залѣ, для производства Общаго Собранія, а также указывались нѣкоторыя мѣры на случай скораго выступленія Школы. Штопоръ не находился, тонъ записки былъ очень категориченъ, а поэтому терять время на то, пока Фекла сбѣгаетъ за другимъ — не приходилось. И мы, огорченные неудачей, не солоно хлѣбавши, покинули кухню, оставивъ почуявшую что-то недоброе Феклу завывать во всѣ ея легкія. Выйдя въ корридоръ Школы, мы разстались. Поручикъ Шумаковъ, какъ дежурный офицеръ, отправился къ телефону передавать соотвѣтствующія приказанія дежурнымъ юнкерамъ по ротамъ и господамъ офицерамъ, а я помчался въ канцелярію писать допускъ къ запаснымъ винтовкамъ, находившимся подъ охраной караула на внутреннемъ балконѣ гимназическаго зала.

Въ десять часовъ 45 минутъ огромная буфетная зала, съ идущимъ вдоль внутренней стѣны балкономъ, была запружена юнкерами, среди которыхъ отдѣльными группами размѣстились чины нестроевой команды. Кое кто изъ господъ офицеровъ тоже уже находились въ залѣ, стараясь держаться въ сторонѣ отъ возбужденныхъ юнкеровъ, стремясь этимъ предоставить полную свободу фантазированію на злобу грядущихъ событій. Я, всей душою ненавидящій этотъ новый сортъ собраній въ средѣ военной корпораціи, съ чувствомъ глубочайшей горести и боли ожидалъ начала парадпаго представленія. Я сидѣлъ и, наблюдая, мучился. А вокругъ — горящіе глаза, порывистые разговоры, открытая прямодушность и страстныя партійныя заявленія. Лишь двѣ, три малочисленныя группки держались въ сторонѣ и внимательно вглядывались то въ колышащуюся массу юнкеровъ, то на двери, въ которыя должны вотъ-вотъ войти члены Совѣта Школы.

— «Что призадумались, Александръ Петровичъ?» — подсѣлъ ко мнѣ съ вопросомъ сѣдовласый капитанъ Галіевскій. «Не по нутру парадное представленьице? Что дѣлать, голубчикъ; намъ, очевидно, этого не понять. Но я такъ думаю, разъ Александръ Георгіевичъ это даетъ, значитъ, это надо. Да и трудно въ наши злые дни. Эхъ, не война бы съ нѣмцами, — я и минутки не остался бы въ этомъ царствѣ болтологіи. Однако, долго что-то не идутъ, вѣдь еще масса работы», — и капитанъ началъ перечислять, что ему надо еще сдѣлать и что и какъ онъ уже сдѣлалъ.

Мы такъ погрузились въ бесѣду, что не замѣтили, какъ вошли члены Совѣта Школы, а также остальные господа офицеры Школы, успѣвшіе прибыть къ этому времени. И только, послѣдовавшая при входѣ Начальника Школы, команда

— «смирно, господа офицеры!» — пропѣтая помощникомъ Начальника Школы — вернула насъ къ сознанію горькой трагической дѣйствительности. Въ залѣ настала тишина и нависла всеобщая напряженность. Всѣ смотрѣли туда, впередъ, гдѣ передъ лицомъ зала, на составленныхъ подмосткахъ отъ классныхъ кафедръ — располагались члены Совѣта и вошедшій его предсѣдатель, Начальникъ Школы. Процедура открытія засѣданія быстро смѣнилась докладомъ о побужденіяхъ, толкнувшихъ Совѣтъ Школы на производство таковаго.

Оказалось, что передъ Совѣтомъ Школы встала дилемма разрѣшенія вопроса объ отношеніи къ текущему моменту, требовавшему выясненія отношенія Школы къ Временному Правительству, къ мѣропріятіямъ послѣдняго въ борьбѣ съ новымъ, выросшимъ зломъ, въ лицѣ Ленина и исповѣдуемой имъ идеологіи, все болѣе и болѣе увлекающей сырыя рабочія массы Петрограда и войскъ. Конечно, Совѣтъ Школы не колеблясь принялъ въ принципѣ твердое рѣшеніе слѣдовать всѣмъ послѣдующимъ мѣропріятіямъ существующаго до момента открытія Учредительнаго Собранія Правительства. Ввиду особо необычнаго момента и положенія Правительства, — Совѣтъ Школы предложилъ комитетамъ юнкеровъ и нестроевой команды произвести совмѣстное засѣданіе по заслушаннымъ Совѣтомъ Школы вопросамъ. Однако, отъ означеннаго засѣданія Комитетъ нестроевой команды уклонился, делегировавъ для информаціи своего предсѣдателя — старшаго унтеръ-офицера Сидорова. Состоявшееся собраніе приняло въ принципѣ рѣшенія Совѣта, а равно постановило — произвести общее собраніе Школы для разсмотрѣнія принятыхъ резолюцій. И вслѣдъ за докладомъ, послѣдовало чтеніе резолюціи по подвергавшимся обсужденію вопросамъ. Во все время доклада въ залѣ, собравшемъ въ себѣ около 800 человѣкъ, царила жуткая по своей напряженности тишина. Ни звука одобренія, ни шелеста жестовъ отрицанія, ничто не нарушало тишины со всасывающимся въ нее мѣрнымъ чтеніемъ ровнаго въ своихъ нотахъ голоса секретаря Совѣта, портупей-юнкера Лебедева. Чтеніе кончено. Моментъ — и объявляется открытіе преній. Вздохъ облегченія вырвался изъ сгрудившейся аудиторіи. Вотъ входитъ на кафедру первый ораторъ.

Это лидеръ кадетской партіи. Школы юнкеръ X. И краткій, горячо-страстный призывъ полился къ слушателямъ. Ораторъ находилъ не только необходимымъ принятіе резолюціи Совѣта Школы, но и всѣхъ возможныхъ активныхъ, немедленныхъ мѣропріятій, которыя не только войдутъ въ Школу съ верха іерархической лѣстницы власти, но о которыхъ сейчасъ же надо просить Начальника Школы и гг. офицеровъ Школы. Порывистыя требованія слѣпого подчиненія лишь офицерству Школы, лишь военнымъ законамъ, стоящимъ внѣ всякихъ совѣтовъ и комитетовъ, вызываетъ бурю аплодисментовъ и восторженный гулъ одобренія, за которыми оратора не слышно. Я оборачиваюсь на залъ и весь ухожу въ исканіе протеста. «Онъ долженъ быть!» — говорю я себѣ. «Да, онъ тамъ», — ловлю я легкое движеніе въ обособившихся группахъ, еще ранѣе замѣченныхъ мною. «Посмотримъ и послушаемъ; это становится интереснымъ», — летитъ мысль въ головѣ и останавливается отъ звонка и отъ наставшаго успокоенія. Говоритъ уже новый ораторъ, тоже лидеръ, но уже эсъ-эръ. «Странное дѣло», — ловлю я себя на критикѣ выступленія оратора. «А гдѣ же стрѣлы въ огородъ кадетъ? Что такое? И вы идете дальше рѣшенія объединеннаго засѣданія Совѣта Школы и комитета юнкеровъ? И вы предлагаете съ момента военныхъ дѣйствій передать всю власть офицерству Школы, запрещая какія либо вмѣшательства членамъ Совѣта и комитета? Да, вѣдь

это обратное явленіе августовскому собранію по вопросу конфликта Корнилова съ Керенскимъ», — припомнилъ я дико потрясшую меня рѣчь юнкера князя Кудашева. «Ахъ, да! . . Вѣдь Керенскій — эсъ-эръ. Онъ вашъ. Да, да . . . Я теперь понимаю. Понимаю, откуда и почему теперь вы къ намъ, къ офицерамъ!» Слѣдующее выступленіе вызываетъ гулъ въ заднихъ рядахъ зала и на балконѣ. Внезапно началось какое-то движеніе къ дверямъ. Звонокъ предсѣдательствующаго не помогаетъ. И вдругъ раздаются крики: «Уходятъ чины нестроевой команды». Оборачиваюсь къ кафедрѣ. Что-то, понуря голову, говоритъ унтеръ-офицеръ Сидоровъ. Что — не слышно. Требованія изъ залы: «Тише, тише, громче!» . . . грозятъ остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, какъ вдругъ чей-то звонкій голосъ съ балкона покрываетъ весь гамъ: «громче, такъ громче», — оретъ этотъ голосъ. — «Товарищи солдаты нестроевой команды постановили соблюдать нейтралитетъ. А такъ какъ на этомъ собраніи рѣшается вопросъ о братоубійствѣ, о борьбѣ за капиталъ противъ свободы рабочаго трудящагося народа, противъ нашего защитника Владиміра Ильича Ленина и, значитъ, образованнаго имъ настоящинскаго народнаго Правительства, то мы, члены комитета нестроевой команды, рѣшили васъ, господъ, оставить однихъ. Намъ съ вами не по дорогѣ. Товарищи солдаты! И кто въ Бога вѣритъ! Вонъ отсюда. И на товарища Сидорова, что тамъ на кафедрѣ слезки льетъ, не смотрите. Онъ врагъ пролетаріата, такъ какъ продался буржуазіи!» . . . окончилъ гремѣть неожиданный голосъ. «Чей это голосъ?» — работала моя голова. «Я всѣхъ чиновъ команды знаю. О, неужели къ намъ сюда въ Школу успѣлъ проникнуть агитаторъ. Хотя — вспомнилъ я наши порядки-непорядки, — ничего удивительнаго нѣтъ. Ай, какъ жалко. Съ собою револьвера нѣтъ. Капитанъ, милый, дайте свой револьверъ, скорѣе» . . . — обратился я съ просьбой къ сосѣду. Тотъ недоумѣнно взглянулъ на меня и слегка отшатнулся. Но, очевидно, затѣмъ понявъ мои переживанія, схватилъ меня за руку и началъ упрашивать выйти изъ зала. Однако, этотъ моментъ моего порыва, продиктованнаго ослабленіемъ воли, также быстро прошелъ, какъ и налетѣлъ. И мое вниманіе, среди бури гремѣвшаго негодованіемъ остального большинства зала, уже снова было захвачено новой картинкой. «Что еще будетъ?» неожиданно увѣренно говорилъ я себѣ, видя, что отъ обособившихся группокъ юнкеровъ отдѣлились фигурки, направившіяся къ эстрадѣ. Вотъ первый юнкеръ четвертаго взвода второй роты, восемнадцатилѣтній юноша А—къ, съ матовымъ, тонкимъ лицомъ, жгучій брюнетъ, поднялся на кафедру и съ леденящимъ спокойствіемъ на лицѣ ждетъ прекращенія въ залѣ шума и крика. Но это кажется безнадежнымъ. Крики: «Товарищи юнкера, смотрите, чтобы кто изъ юнкеровъ не ушелъ бы за молодцами! Къ столбу позора такихъ! . . Да здравствуетъ Временное Правительство! Къ нему! . . Ура! . .» И это «ура» облегчило атмосферу зала, и стоявшій на кафедрѣ юнкеръ, поймавъ моментъ затишья, началъ рѣчь. Но хохотъ, покрывшій первыя слова оратора, анархиста-максималиста, началъ расти, и онъ, вздернувъ плечами, такъ же спокойно сошелъ, какъ и поднялся. Въ этотъ моментъ вбѣжалъ въ залу юнкеръ Х. и, поднявшись на кафедру — закричалъ: «Господа, сейчасъ я видѣлъ Родзянко. Онъ проситъ васъ, заклинаетъ встать на защиту Временнаго Правительства отъ посягательства на него, на благополучіе народа гостей изъ пломбированнаго вагона. Самъ Родзянко занятъ мобилизаціей общественныхъ силъ для оказанія Правительству моральной поддержки» — выпалилъ юнкеръ и также быстро сошелъ съ кафедры . . .

«Пустяки-занятіе изобрѣлъ для себя господинъ бывшій предсѣдатель Государственной Думы», — вдругъ снова заработала моя мысль, но уже въ веселомъ тонѣ. «Тебя, милягу, эти господчики изъ кабинета Временнаго Правительства оттерли отъ пирога власти, а ты, сердешный, хлопочешь за нихъ. Или думаешь этимъ жестомъ поднять свой кредитъ? Не знаю, кто какъ, а я такъ предполагаю, что это дешевый способъ. Мобилизовать для моральной поддержки! А если всѣ станутъ на точку зрѣнія оказанія поддержки лишь въ формѣ «моральной»? Тогда и я могъ бы, пожалуй, нанять десятка два хулигановъ, да и тѣшиться себѣ надъ вами такъ, какъ вы, вмѣстѣ съ Гучковымъ, потѣшились надъ всѣми нами. Краснобаи проклятые!» . . .

А въ это время на кафедрѣ стояло уже двое. Никто ихъ не слушалъ. Въ залѣ творилось что-то невозможное. Кто хохоталъ, кто чуть не плакалъ отъ надрыва въ тѣхъ призывахъ, которыхъ и самъ не понималъ. Кто требовалъ порядка. Президіумъ тоже надрывался въ призывѣ къ порядку, но ничего не выходило. Нарождался хаосъ. Не знаю, въ фарсъ, или трагедію вылилось бы все это въ дальнѣйшемъ, если бы, выходившій было во время послѣднихъ преній, Начальникъ Школы не вернулся обратно и, съ нескрываемой озабоченностью взойдя на кафедру, не пригласилъ бы жестомъ къ молчанію. Какъ ни были перебудоражены всѣ лучшіе изъ господъ юнкеровъ, — это появленіе Н-ка Школы сейчасъ же привело къ порядку.

«Господа, есть новости. И я прошу спокойно отнестись къ тому, что будетъ вамъ сообщено и что требуетъ немедленнаго вашего рѣшенія», — началъ говорить Начальникъ Школы, окончательно завладѣвая вниманіемъ зала. Помимо только-что полученнаго приказанія отъ Главнаго Штаба явиться сейчасъ же въ боевой готовности къ Зимнему Дворцу для полученія задачъ по усмиренію элементовъ возставшихъ противъ существующаго Правительства, сюда прибылъ юнкеръ Н. отъ Временнаго Правительства съ призывомъ къ вамъ выполнить свой долгъ передъ родиной въ моментъ наитягчайшихъ напряженій, въ дни, когда засѣдаетъ народившійся Совѣтъ Республики. При этомъ, я считаю своимъ долгомъ передъ вами подчеркнуть то обстоятельство, что моментъ крайне тяжелый, что обстановка складывается очень неблагопріятно для Правительства, и поэтому для принявшихъ рѣшеніе честно продолжать нести свой долгъ передъ родиной — это можетъ оказаться послѣднимъ рѣшеніемъ въ жизни», — продолжалъ четко, твердо говорить Начальникъ Школы. «Мы это рѣшеніе приняли! Ведите насъ туда. Мы идемъ за вами, и только за вами! . .» — прервали Начальника Школы крики юнкеровъ.

«Прекрасно, господа», — среди вновь потребованнаго Начальникомъ Школы спокойствія раздался его голосъ. — «Прекрасно. Терять времени не будемъ, его у насъ нѣтъ, и поэтому отъ словъ къ дѣлу. Объявляю засѣданіе закрытымъ. Совѣтъ Школы и юнкеровъ, впредь до распоряженія, объявляю распущеннымъ. Приказываю: Командирамъ ротъ немедленно отдать распоряженіе о разводѣ ротъ по помѣщеніямъ и приготовленіи къ выступленію. Форма одежды — караульная. Сборное мѣсто — на дворѣ. Сборъ черезъ 20 минутъ. Если обѣдъ готовъ, то накормить юнкеровъ, если нѣтъ, то пища будетъ выдана изъ Зимняго Дворца. Дежурный офицеръ — пожалуйте ко мнѣ. Господамъ офицерамъ черезъ 5 минутъ собраться въ помѣщеніи столовой офицерскаго Собранія», — уловилъ я послѣднія распоряженія Начальника Школы. Что онъ говорилъ далѣе — не могъ услышать изъ-за раздавшихся командъ и распоряженій, отдаваемыхъ командирами ротъ и подхватываемыхъ фельдфебелями и должностными

юнкерами. «Вотъ это я понимаю, это я чувствую», — анализировалъ я свои переживанія, при видѣ систематизировавшейся массы юнкеровъ въ компактныя, организованныя по слову военнаго искусства группы, носящія названія взводовъ. «Первый взводъ, направо; шагомъ — маршъ!» — неслась команда и мѣрный ритмъ возбужденнаго шага грузно повисъ надъ заломъ.

Черезъ 2 минуты въ залѣ никого не осталось, и я выходилъ изъ нея съ группой офицеровъ, окружившихъ Начальника Школы и выслушивавшихъ различныя приказанія, однако не мѣшавшія острить и веселымъ смѣхомъ поддерживать легкость и ясность въ настроеніи. Я внутренне торжествовалъ.

«Это прекрасно, — говорилъ я себѣ, — бодрость залогъ благополучія; ну, сегодня ужъ постараюсь, пускай на фронтѣ, въ полку, потомъ узнають, что я не подкачалъ мундира 25 сапернаго баталіона.

О, какъ хорошо бы или быть растерзаннымъ штыками возставшихъ, послѣ упорной борьбы, или стать ногою на горло вождей ихъ и подсмѣиваться имъ въ физіономію надъ лицезрѣніемъ ими того, какъ эти несчастные, обманутые ими люди будутъ восторженно привѣтствовать насъ, своихъ избавителей, полные готовности, по первому нашему жесту, смести на нашемъ пути все, что только мы укажемъ. Дорогіе Корниловъ и Крымовъ, что не удалось вамъ, то, Богъ милостивъ, можетъ быть удастся намъ!»

Въ столовой уже все оказалось готовымъ къ обѣду, и горячія закуски дымились посреди стола; офицеры шумно располагались за столомъ, продолжая остря комментировать всевозможныя свѣдѣнія, уже проникшія въ Школу.

Не успѣли мы пообѣдать, какъ въ столовую вошелъ дежурный портупей-юнкеръ и доложилъ, что юнкера уже одѣлись и ожидаютъ приказаній.

«Ну, что-жъ. Тогда идемъ безъ обѣда», — сказалъ Начальникъ Школы. «Господа офицеры, пожалуйте къ ротамъ. Вы, — обратился онъ къ находящемуся тутъ же, по его приказанію, поручику Б—ову, — вы будете въ моемъ особомъ распоряженіи и, если вы послѣдующимъ поведеніемъ не загладите сегодняшней ошибки, то вамъ придется пенять уже на самого себя. Поручикъ Скородинскій и вы, — относясь ко мнѣ, продолжалъ Начальникъ Школы, — будьте также при мнѣ. Въ Школѣ остаются: — вы, господинъ полковникъ, и вы, поручикъ Шумаковъ. Надѣюсь, что у васъ будетъ все благополучно и нестроевая команда изъ-подъ вашего наблюденія не выйдетъ . . . Вы, докторъ, — обратился къ вернувшемуся изъ кабинета доктору, — пойдете съ нами. Неправда ли? . .» «А теперь, господа, по ротамъ! Выводите юнкеровъ; стройте и пойдемъ . . .»

Офицеры быстро и шумно, но безъ какихъ либо разговоровъ, покидали столовую, стремясь къ своимъ мѣстамъ, къ выполненію полученныхъ приказаній. Даже вѣчно неумолкавшій, о всякаго рода спекуляціяхъ, Николаевъ, съ какой-то особой серьезностью, поправляя на ходу снаряженіе, ни однимъ словомъ не обмолвился, пока мы вмѣстѣ шли по корридору до канцеляріи, гдѣ я и пор. Шумаковъ отстали отъ общей компаніи, направясь въ нее.

Я передалъ Борису ключи, обнялся съ нимъ, а затѣмъ мы вмѣстѣ вышли изъ канцеляріи, направляясь на дворъ . . . «Что-то будетъ дальше», — начинало сверлить въ мозгу.

Черезъ полчаса я шелъ впереди вытянувшагося баталіона юнкеровъ на Литейный Проспектъ. На меня было возложено командованіе авангардомъ баталіона, командованіе которымъ затѣмъ принялъ вернувшійся капитанъ Галіевскій, отлучавшійся къ своей семьѣ.

На улицѣ было тихо — ничто не предвѣщало грозы, и еслибы сзади не остались въ Школѣ трое юнкеровъ, отказавшихся выступить, двое: Дерумъ (латышъ) и Тарасюкъ (хохолъ) безъ объясненія причинъ и третій — юнкеръ Вигдорчикъ, открыто заявившій Начальнику Школы, черезъ дежурнаго офицера, о своей принадлежности къ коммунистической партіи съ до-военныхъ временъ, мы бы еще бодрѣе шли впередъ. Но постепенно воспоминаніе объ оставшихся изгладилось, и забота о вниманіи къ окружающей жизни заняла доминирующее положеніе въ направленіи мыслей. Но все было обычно, будничпо. И мысль невольно возвращалась къ раненію самого себя поручикомъ Хрѣновымъ, о чемъ онъ прислалъ рапортъ изъ дому, гдѣ это случилось при зарядкѣ револьвера, за которымъ онъ было побѣжалъ.

«Чортъ возьми! Извольте вотъ теперь командовать его ротой! Странно — не бываетъ!» — сдѣлалъ я выводъ и принялся объяснять юнкерамъ принятую баталіономъ форму построенія. Подходя къ Сергіевской, я получилъ приказаніе отъ командующаго баталіономъ выслать впередъ заставу съ дозорами, которымъ приказывалось вступить въ бой безъ всякаго размышленія. Это было кратко, но ясно, и поэтому, выдѣливъ 1-ый взводъ отъ своей 2-ой роты, я, лично ставъ во главѣ его, быстро, ускореннымъ шагомъ, значительно продвинулся впередъ. Но вотъ снова получается приказаніе идти не къ Марсову полю, а на Набережную Невы, такъ какъ по донесеніямъ развѣдчиковъ на Марсовомъ полѣ происходятъ митинги солдатъ Павловскаго полка.

Подходя къ мосту, у меня, отъ внезапно пробѣжавшаго въ мозгу вопроса: — «а кто эти, стоящіе около него», — сильно запульсировало сердце. «Будьте внимательнѣе и спокойнѣе», — сказалъ я вслухъ юнкерамъ. «Можетъ быть, придется дѣйствовать». — «Слушаемся». — кратко отвѣтили они.

Для придачи большаго безразличія къ окружающей обстановкѣ, и значитъ, къ стоящей на посту у моста группѣ часовыхъ, я, вынувъ изъ портсигара папиросу, небрежно зажалъ ее зубами и закурилъ . . . Поровнялись. Отъ группы, вооруженныхъ и винтовками, и гранатами отошелъ одинъ изъ солдатъ и подойдя вплотную, справился, куда идемъ. Въ отвѣтъ, я задалъ вопросъ, что они тутъ дѣлаютъ. «Мостъ отъ разводки охраняемъ!» — отвѣтилъ солдатъ артиллеристъ изъ гарнизона Петропавловской крѣпости. «Ага, прекрасно!» — внутренне радуясь тому, что Петропавловка пока еще не потеряла головы, похвалилъ я солдата и сейчасъ же пояснилъ ему, указывая на приближающихся юнкеровъ авангарда, что Школа Прапорщиковъ Инженерныхъ войскъ также выполняетъ свой долгъ передъ Родиной и идетъ въ распоряженіе Временного Правительства.

«А какъ ведутъ себя Павловцы?» — справился я.

«Сперва митинговали, а потомъ въ казармы зашли. Рѣшили нейтралитетъ объявить, но караулы выставили. Вонъ гуляютъ!» — указалъ въ сторону Марсова поля артиллеристъ.

«Ну, всего вамъ хорошаго», — пожелалъ я часовымъ и мы направились дальше. И скоро свернули на площадь передъ Зимнимъ Дворцомъ. Представшая картина ландшафта этой огромной площади меня обидѣла. Площадь была пуста. Что такое! Отчего такъ пусто? — невольно сорвалось у меня съ языка. Юнкера молчали. Я взглянулъ на нихъ. Легкая блѣдность лицъ, недоумѣнная растерянность ищущихъ взглядовъ краснорѣчивѣе словъ мнѣ разсказали о томъ, что родилось у нихъ въ душѣ. Ясно было, что они еще болѣе меня ожидали встрѣтить иную обстановку. Желая поднять ихъ настроеніе, я воскликнулъ:

«Чортъ возьми, это будетъ очень скучно, если изъ-за опозданія мы останемся въ резервѣ... Ну такъ и есть... Смотрите, у Александровскаго сада и тамъ у края площади передъ аркой бродятъ юнкерскіе патрули».

«Ясно, что части здѣсь были уже въ сборѣ и сейчасъ уже выполняютъ полученныя задачи... Въ окнахъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба выглядываютъ офицеры. Значитъ, тамъ происходятъ занятія, а слѣдовательно, обстановка несравненно спокойнѣе, чѣмъ то обрисовывали на Школьномъ собраніи», — дѣлалъ я выводы, впиваясь взглядомъ во второй этажъ знакомаго зданія, гдѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я старательно корпѣлъ за столомъ. «Что же наши не идутъ? Юнкеръ Б., взгляните на колонну и, если она остановилась, отправьтесь и доложите по цѣпочкѣ, что все благополучно и что я ожидаю приказаній. Я же буду передъ памятникомъ», — отдалъ я распоряженіе одному изъ юнкеровъ.

Юнкеръ оживился и съ энергичнымъ поворотомъ отправился исполнять полученное приказаніе. Въ этотъ моментъ со стороны Александровскаго парка перейдя дорогу подошелъ юнкерскій 2-ой Ораніенбаумской школы прапорщиковъ дозоръ. Старшій дозора остановилъ дозоръ, скомандовалъ смирно и направился ко мнѣ. Я принялъ честь, какъ должное привѣтствіе въ нашемъ лицѣ мундира нашей школы, и потому, желая отвѣтить тѣмъ же, подалъ и своимъ двумъ оставшимся возлѣ меня юнкерамъ: смирно.

Легкая судорога удовольствія, промелькнувшая на крупныхъ лицахъ юнкеровъ дозора, указала мнѣ, что карта мною бьется правильно.

«Что хотите, портупей-юнкеръ?» — спросилъ я вытянувшагося старшаго дозора.

— «Разрѣшите узнать, какой части и цѣль вашего прибытія сюда», — твердо, на густыхъ нотахъ отвѣтилъ вопросомъ старшій дозора.

«Передовой дозоръ идущаго сюда въ распоряженіе Временнаго Правительства баталіона Школы прапорщиковъ инженерныхъ войскъ», — съ чувствомъ безконечнаго сознанія всего вѣса, должнаго заключаться въ названіи и значеніи той части, въ которой протекаетъ служба родинѣ, твердо, по фальцетомъ отвѣтилъ я. «Скажите, портупей-юнкеръ», — сейчасъ продолжалъ я свой отвѣтъ, переходя на вопросъ, «скажите, вы давно здѣсь? Ваша школа? И какія еще части и школы были тутъ и куда онѣ дѣлись? Мы, къ сожалѣнію, кажется запоздали. Вообще, что слышно новаго?»

— «Никакъ нѣтъ, вы не опоздали. Плохо...» — съ набѣгавшей улыбкой горечи началъ было портупей-юнкеръ, но сейчасъ же, спохватившись, желая очевидно скрыть мучившія его душу сомнѣнія, въ искусственно бодромъ тонѣ продолжалъ: «Очевидно еще соберутся. Слава Богу, что вы пришли, это подыметъ настроеніе. И во Дворцѣ говорили, что казаки сюда идутъ и войска изъ Гатчины... А покамѣстъ у насъ тутъ сперва стояли одиночные посты, но такъ какъ утромъ у Александровскаго парка группа рабочихъ обезоружила и избила двоихъ, то теперь мы несемъ дозоры».

«Вотъ оно что. Прекрасно. Мы быстро устроимъ границы должнаго поведенія для господъ хулиганствующихъ. Эхъ чортъ возьми, разрѣшили бы арестовать Ленина и компанію, и все пришло бы въ порядокъ. Ну, всего вамъ хорошаго, господа. Надѣюсь, совмѣстной работой останемся довольны», уже на ходу закончилъ я свою случайную бесѣду со встрѣтившимся дозоромъ, направляясь къ памятнику, чтобы собою обозначить правый флангъ расположенія для имѣющаго въ каждый моментъ подойти баталіона нашей школы.

Дѣйствительно, только мы подошли къ памятнику, какъ изъ-за оставленнаго нами угла показались первые ряды юнкеровъ. Спокойствіе и гордость отъ начавшей обрисовываться въ воображеніи картины встрѣчи съ представителями власти и руководства судьбой Родины сразу захватили меня. И то обстоятельство, что площадь была пуста, что около параднаго главнаго входа во дворецъ нелѣпо лежали неизвѣстно откуда свезенные полѣницы дровъ, что около этого входа и у подъѣзда въ зданіе Главнаго Штаба стояли малочисленныя группы людей частью въ военной формѣ, частью въ штатскихъ костюмахъ — какъ-то эти перечисленныя обстоятельства уже иначе укладывались въ моей головѣ, рождая въ ней представленіе о солидности въ отношеніи къ совершающемуся со стороны Правительства. Холодное спокойствіе въ принятіи мѣръ воздѣйствія — лучшая ванна для протрезвленія умовъ заблудшихъ. Въ этомъ спокойствіи есть своеобразная красота.

При появленіи на площади головной части нашего баталіона группы людей у подъѣздовъ начали увеличиваться. Кое-кто изъ одной группы перешелъ въ другую. Это дало новый поворотъ моимъ мыслямъ. — «Наше прибытіе обсуждается. Значитъ положеніе серьезнѣе, чѣмъ это было бы желательно. Очевидно, мы имъ нужны какъ воздухъ», — повторялъ я оцѣнку возникшимъ новымъ соображеніямъ по отношенію невѣдомаго мнѣ положенія дѣлъ въ городѣ. «Что же, очаровательно! За нами дѣло не станетъ. Пускай скорѣе даютъ задачу и полномочія, а тамъ будетъ видно, на чьей улицѣ будетъ праздникъ», — гордо думалъ я, любуясь чистотой передвиженія втянувшагося на площадь баталіона и принимавшаго построеніе въ развернутый фронтъ, лицомъ къ Зимнему Дворцу и правымъ флангомъ къ Главному Штабу Петроградскаго Военнаго Округа.

Построенія закончились. Раздалась команда: «стать вольно». Наблюдавшій за построеніемъ Начальникъ Школы съ поручиками Ск. и Б. направились къ Главному Штабу. Ко мнѣ, на правый флангъ фронта, перешелъ капитанъ Галіевскій... Меня потянуло къ нему.

— «Не густо...», — встрѣтилъ онъ меня замѣчаніемъ.

— «Образуется...», — въ тонъ, лаконично отвѣтилъ я.

— «Равняйсь!» — неожиданно скомандовалъ онъ, поворачиваясь къ линіи фронта. Я быстро взглянулъ по направленію къ Штабу.

Къ намъ приближалась группа лицъ, въ центрѣ которой, часто беря руку подъ козырекъ, отвѣчалъ на чьи-то вопросы нашъ Начальникъ Школы. Было ясно, что съ нимъ идетъ «начальство». «Интересно, выйдетъ ли Керенскій», — не находя знакомой фигуры въ приближающейся группѣ, мелкнулъ вопросъ.

«Господа офицеры, пожалуйте сюда!» — вслѣдъ за командой «вольно», раздалось приказаніе Начальника Школы, отрывая меня отъ размышленій.

Офицеры покинули свои мѣста въ строю и, окруживъ полукольцомъ озабоченное «начальство», строго оффиціально вглядывались въ ихъ лица.

Подошедшій въ этотъ моментъ одинъ изъ офицеровъ Главнаго Штаба, обращаясь къ Начальнику Школы, попросилъ его отойти въ сторону Главнаго Штаба.

— «За Начальника Школы ухватились!» — прошепталъ кто-то сзади меня свое впечатлѣніе.

— «Это мы сдѣлаемъ карьеру!» — также шопотомъ произнесъ другой голосъ.

— «Господа, господинъ Военный Комиссаръ при Верховномъ Главнокомандующемъ поздоровается съ юнкерами», — почти сейчасъ же, возвращаясь обратно въ сопровожденіи очень высокаго, худощаваго штатскаго, бросилъ намъ Начальникъ

Школы. «Нѣтъ, нѣтъ, вы оставайтесь здѣсь», — остановилъ Начальникъ Школы попытавшихся было направиться въ строй офицеровъ, лично же направляясь къ юнкерамъ, въ сопровожденіи все того же штатскаго.

«Батальонъ, смирно!» — скомандовалъ Начальникъ Школы. «Сейчасъ васъ будетъ привѣтствовать господинъ Военный Комиссаръ при Верховномъ Командованіи, поручикъ Станкевичъ». «Господинъ комиссаръ...» обращаясь къ поручику Станкевичу, началъ было соотвѣтствующій уставу рапортъ Начальникъ Школы. Но продолженіе церемоніи рапорта военный комиссаръ отклонилъ и, приподымая штатскій головной уборъ, обратился къ юнкерамъ Школы:

— «Я счастливъ видѣть васъ, товарищи-граждане, здѣсь, въ моментъ напряженія всѣхъ усилій членами Временнаго Правительства на пользу великой нашей революціи. Я радъ, что нѣкоторымъ образомъ родная мнѣ школа... Старшій курсъ долженъ помнить меня... Я былъ въ вашей школѣ въ числѣ вашихъ офицеровъ, пока революція не позвала меня къ новому дѣлу... въ арміи. Я сейчасъ пріѣхалъ изъ арміи. И я свидѣтельствую вамъ, что вѣра арміи въ настоящій составъ Правительства, возглавляемаго обожаемымъ Алекс. Федор. Керенскимъ, необычайно сильна. Дѣло борьбы за Россію съ нѣмцами также въ арміи сейчасъ стоитъ на должной высотѣ. И вотъ, въ этотъ моментъ, подъ стройное зданіе величайшихъ усилій Правительства обезумѣвшими демагогами, помнящими лишь свои партійные расчеты, подводится предательская мина. Вездѣ царитъ вѣра въ ясную будущность Россіи, ведомой стоящимъ на стражѣ революціи Правительствомъ къ побѣдѣ, безъ анексій и контрибуцій, надъ сдающимъ уже врагомъ. И только здѣсь, въ Столицѣ, въ Красномъ Петроградѣ готовится ножъ въ спину Революціи. Я радъ и счастливъ привѣтствовать васъ, такъ рѣшительно и горячо, безъ колебаній, отдающихъ себя въ распоряженіе тѣхъ, кто единственно имѣетъ право руководства жизнью Народа до дня Учредительнаго Собранія. Да здравствуетъ Учредительное Собраніе! Ура!»...

Когда стихли вызванныя рѣчью военнаго комиссара клики ура, комиссаръ отирая платкомъ капли выступившаго на лбу пота, продолжалъ свое привѣтствіе.

Но продолженіе было уже значительно короче. Въ немъ военный комиссаръ высказалъ увѣренность, что товарищи-граждане юнкера окажутся такими же доблестными защитниками дѣла Революціи, какими оказались на фронтѣ тѣ товарищи-граждане офицеры, которые раньше кончили эту родную ему школу.

«Да, да, вы правы, господинъ военный комиссаръ», — согласился я съ нимъ въ этой части его рѣчи.

— «Александръ Петровичъ! — обратился ко мнѣ капитанъ Галіевскій, — я вижу, вамъ очень нравится рѣчь; вы знаете, кто это? Это — одинъ изъ бывшихъ преподавателей полевой фортификаціи у насъ въ Школѣ. Величайшая бездарность, сумѣвшая, однако, быстро сдѣлать карьеру. Вамъ, навѣрное, приходилось слышать также объ учебникѣ по полевой фортификаціи, недавно изданномъ Яковлевымъ, Бартошевичемъ и имъ. Онъ, въ этой книжечкѣ Яковлевской стряпни, врисовалъ нѣсколько, гдѣ-то на фронтѣ позаимствованныхъ чертежиковъ. И послѣ этого вообразилъ себя чуть ли не профессоромъ академіи»...

— «Ну, поѣхали, капитанъ!» — вмѣшался въ разговоръ поручикъ Скородинскій. — «Я хорошо знаю поручика Станкевича — это удивительно милый

и чуткій человѣкъ. Правда, онъ очень увлекающійся, но зато искренній. А что онъ сдѣлалъ карьеру, — это не удивительно. Теперь его партійные друзья на верхахъ власти и, конечно, своихъ приспѣшниковъ они не забываютъ», — закончилъ Скородинскій, отходя отъ насъ.

— «Тоже карьеру сдѣлаетъ», — мотнулъ головою въ его сторону мой собесѣдникъ и видя, что я никакъ не реагирую на его свѣдѣнія, замолчалъ.

— «Очень пріятно встрѣтиться съ вами, господа», — между тѣмъ мягко улыбаясь и порывисто пожимая руки нѣкоторыхъ изъ бывшихъ своихъ сотоварищей по дѣятельности въ Школѣ, просто и искренне здоровался военный комиссаръ.

— «Я прямо изъ Ставки», — продолжалъ онъ. «Какая разница съ вашимъ Питерскимъ настроеніемъ. Но, это ничего . . ., я полагаю, мы быстро уладимъ всѣ шереховатости и вамъ снова можно будетъ вернуться къ болѣе мирному продолженію вашей продуктивной, полезной работы. Ваши бывшіе питомцы отличаются на фронтѣ и пѣхота ихъ высоко цѣнитъ» . . .

— «Владиміръ Станкевичъ», — протянулъ, наконецъ, и мнѣ руку военный комиссаръ.

«Александръ Синегубъ», — въ тонъ представился я.

— «Это нашъ новый офицеръ, недавно съ фронта», — зачѣмъ-то нашелъ нужнымъ прибавить поручикъ Б.

— «Да, у васъ, я вижу, есть новыя лица!» — отвѣтилъ ему военный комиссаръ.

— «Александръ Петровичъ!» — окликнулъ меня поручикъ Скородинскій.

«Что скажете?» — обернулся я къ спѣшившему ко мнѣ поручику.

— «Начальникъ Школы васъ требуетъ. Работа есть. Счастливчикъ!» . . . — ласково улыбаясь, передалъ онъ мнѣ приказъ Начальника Школы.

«А гдѣ начальникъ?» — обрадованно заторопился я.

— «Вонъ тамъ, около группы Багратуни у Главнаго Штаба», — указалъ мнѣ поручикъ на мѣстонахожденіе Начальника Школы.

— «Явитесь къ военному комиссару при Верховномъ Командованіи, поручику Станкевичу», — подчеркивая титулъ служебнаго положенія поручика, мягко, но съ особой, свойственной ему манерой отдавать такъ приказанія, что они, для получающаго таковыя, пріобрѣтали значеніе сверхстепеннаго значенія, — проговорилъ онъ.

— «Ахъ, вы здѣсь!» — продолжалъ онъ, уже обращаясь къ подошедшему въ этотъ моментъ военному комиссару, — «вотъ, согласно вашего желанія и приказанія Главнаго Штаба, я предоставляю въ ваше распоряженіе полуроту юнкеровъ, подъ командой поручика Синегуба. Я вамъ даю самаго опытнаго офицера, недавно только прибывшаго къ намъ въ Школу съ фронта. Надѣюсь, поручикъ, — снова отнесся Начальникъ Школы ко мнѣ, — вы учтете всю серьезность значенія оказываемой вамъ чести предоставленія выполненія тѣхъ задачъ, которыя вы будете получать непосредственно отъ господина военнаго комиссара и исполнять которыя будете, какъ мои личныя приказанія» . . . — въ упоръ смотря мнѣ въ глаза, добавилъ Начальникъ Школы.

«Слушаю-съ, господинъ полковникъ; а какую полуроту прикажете взять?»

— «Капитанъ Галіевскій получилъ приказаніе и онъ вамъ предоставитъ таковую!»

«Слушаю-съ! Разрѣшите идти?»

— «Да, съ Богомъ!» — весело отвѣтилъ Начальникъ Школы, протягивая мнѣ руку и дѣлая шага два впередъ, приблизился вплотную ко мнѣ и вдругъ, понижая голосъ, быстро проговорилъ: «Дѣло крайне серьезно. Соберите все вниманіе. И чаще присылайте донесенія мнѣ и капитану Галіевскому» — и переходя на обычный тонъ, продолжалъ: «Всѣ указанія испрашивать у господина военнаго комиссара. Ну, въ добрый часъ! Берегите юнкеровъ!» — отпустилъ меня Начальникъ Школы.

«Господинъ военный комиссаръ, — обратился я, поворачиваясь къ комиссару и беря руку подъ козырекъ, — поручикъ Синегубъ, по приказанію Начальника Петроградской Прапорщиковъ Инженерныхъ войскъ Школы, представляется по случаю назначенія въ ваше распоряженіе».

— «Очень пріятно, принимая честь, любезно отвѣтилъ военный комиссаръ, — я попрошу васъ, немедленно выступить. И такъ слишкомъ много времени потеряно», — нервно смотря на часы, бросилъ замѣчаніе военный комиссаръ.

«Слушаю-съ! Разрѣшите построить и куда прикажете вести и какое будетъ назначеніе?»

— «Я буду съ вами. Мы пойдемъ въ Маріинскій дворецъ на охрану засѣдающаго въ немъ Предпарламента, такъ какъ по имѣющимся свѣдѣніямъ готовится обструкція и выступленія противъ засѣдающихъ. Скорѣе стройте юнкеровъ», — нервно закончилъ комиссаръ.

«Слушаю-съ!» и заражаясь необходимостью спѣшить, я бѣгомъ направился къ баталіону юнкеровъ.

— «Александръ Петровичъ», — встрѣтилъ меня поручикъ Мейснеръ, — «ваша полурота готова. Я назначенъ командовать второй полуротой, въ качествѣ резерва для васъ. И, голубчикъ, если надо, вызывайте меня скорѣе», — весь оживляясь, попросилъ поручикъ.

«Спасибо; хорошо; обязательно. Подождите, еще много будетъ дѣла. А что, патроны будутъ выдавать?» — вдругъ съ ужасомъ вспомнилъ я отсутствіе этой соли нашей сущности.

— «Патроны? Во дворцѣ ихъ надо получить. Тамъ большой запасъ. Я сейчасъ доложу капитану Галіевскому», — бросаясь къ командующему баталіономъ, отвѣтилъ поручикъ.

«Полурота, равняйсь!» — принялся я, между тѣмъ, отводить свою полуроту отъ баталіона.

— «Послушайте, поручикъ, — подходя ко мнѣ заговорилъ военный комиссаръ, — постройте мнѣ такъ юнкеровъ, чтобы всѣ могли слышать меня безъ повышенія моего голоса».

«О, чортъ возьми, опять разговорчики. Да вѣдь вамъ спѣшить надо . . . Хотя это на руку — патроны поднесутъ» . . . — промелькнуло успокаивающее соображеніе. — «Слушаюсь!» — уже вслухъ отвѣтилъ я и принялся строить полуроту въ каррэ. Военный комиссаръ выждалъ эволюцію фронта и началъ говорить:

— «Господа, въ данное, исключительно тяжелое время для Революціи и Страны свершилось событіе огромной исторической важности. Въ залахъ Маріинскаго Дворца засѣдаетъ цвѣтъ нашей мысли и гордость нашихъ чаяній — Совѣтъ Республики. Я былъ тамъ и видѣлъ ихъ святую работу надъ укрѣпленіемъ завоеваній Революціи и выводомъ страны на тотъ путь величественнаго шествія къ счастью, котораго только достойна демократія міра. Я видѣлъ, какъ, забывъ все личное, забывъ даже о ѣдѣ, сидятъ надъ разрѣшеніемъ

вопросовъ тѣ, кто не только является гордостью нашей мысли, но и творцомъ дѣла дружественнаго, творческаго сожительства демократій всего міра. И ихъ работа, вѣрьте мнѣ, еще священнѣе, чѣмъ защитниковъ нашей великой страны, выбросившей впервые міру такіе лозунги, какъ война до побѣднаго конца, безъ анексій и контрибуцій. И вотъ, товарищи-граждане, въ этотъ моментъ, демагогическая злобность, посѣянная Ленинымъ и разжигаемая врагами революціи и страны, готовится стать катастрофичной для Революціи. Опьяненные демагогіей, отбросы рабочаго міра готовятся произвести срывъ происходящаго Засѣданія Совѣта Республики. Спокойствію въ творческой работѣ, въ часы ея максимальнаго напряженія, грозитъ опасность. А между тѣмъ, дорогъ каждый часъ этого труда, результаты котораго, въ безконечномъ волненіи ожидаютъ и армія, и демократія. И вотъ, дорогіе товарищи, — граждане юнкера, вамъ предоставляется высокая честь охранить спокойствіе работы Совѣта Республики. Я счастливъ, что могу васъ поздравить съ назначеніемъ въ караулъ Маріинскаго Дворца. И я убѣжденъ, что это будетъ лишь почетнымъ для васъ служеніемъ Революціи и Странѣ и что дѣло до примѣненія оружія не дойдетъ, такъ какъ, если массы хулиганствующихъ увидятъ васъ на постахъ у Дворца, они только побурлятъ, и разойдутся»... — застѣнчиво улыбаясь, закончилъ свою рѣчь военный комиссаръ.

«Разлука ты, разлука, чужая сторона», — навязчиво ныло у меня въ ушахъ при вслушиваніи въ рѣчь оратора. «Ей-ей, вы житель какой-то подлунной планеты, но не земли. У васъ нѣтъ времени, а вы продолжаете его тратить на то, что, право, удивительно просто и ясно. Къ чему?» — И какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли, сзади раздалось обращеніе ко мнѣ.

— «Господинъ поручикъ, разрѣшите доложить, что мы хотимъ ѣсть, а тамъ у Дворца юнкера получаютъ хлѣбъ».

«Ага! Сейчасъ кончитъ комиссаръ говорить, я попрошу разрѣшенія запастись хлѣбомъ».

— «Вотъ, что насъ губитъ», — вдругъ обратился ко мнѣ юнкеръ N.

«Тише! Бросьте! Вы въ строю!» — оборвалъ я невыдержавшаго юнкера. «Пускай дѣлаютъ, что хотятъ, лишь бы мы сами не забыли о Родинѣ», — уже смягчаясь, добавилъ я.

«Господинъ военный комиссаръ! — какъ только послѣдній кончилъ говорить, обратился я, — разрѣшите получить хлѣбъ, — его здѣсь рядомъ выдаютъ, юнкера сегодня еще не ѣли».

— «Да, да, только скорѣе!» — далъ согласіе военный комиссаръ, съ нѣсколько озабоченнымъ выраженіемъ лица, очевидно, отъ мелькнувшей мысли, что слушать и прекрасныя пѣсни на пустой желудокъ не особенно весело. Пока юнкера получали хлѣбъ, я получилъ отвѣтъ о патронахъ. Патроны дѣйствительно были, но на выдачу требовалось распоряженіе изъ Главнаго Штаба. Отъ кого же это должно было изойти и кто долженъ былъ ихъ выдать, пока, несмотря на всѣ усилія поручика Мейснера, выяснить не удавалось.

— «Вы не можете себѣ представить, какой тамъ внутри царитъ кавардакъ», — указывая на дворецъ и зданіе Главнаго Штаба, разсказывалъ поручикъ. «Я ни отъ кого не могъ добиться ни одного путнаго указанія. Начальникъ Штаба посылаетъ къ адъютантамъ; тѣ къ коменданту Дворца, а послѣдній къ Начальнику Штаба. Чортъ бы ихъ всѣхъ дралъ, сволочь штабная!» — вспылилъ поручикъ. «Хороши гуси. Не бѣда. Я доложу Станкевичу, пускай

распорядится, на то онъ кстати и комиссаръ, чтобы за порядкомъ наблюдать». Военнаго комиссара уже осаждала какая-то группа изъ военныхъ и штатскихъ.

— «Ну, что, готовы?» — встрѣтилъ онъ меня вопросомъ.

«Такъ точно. Хлѣбъ полученъ. Вотъ не могу получить патроновъ».

— «Патроновъ? Зачѣмъ?» — перебилъ меня комиссаръ.

«У насъ мало. По пятнадцати штукъ на винтовку. Пулеметовъ и гранатъ совсѣмъ нѣтъ. Обѣщали выдать здѣсь, но добиться» . . .

«Это лишнее; дѣло до огня дойти не можетъ. И пятнадцати штукъ за глаза довольно. Идемте, ведите роту. Дорогу знаете во Дворецъ? Прямо по Морской. А придя во дворецъ, вы хорошенько ознакомьтесь съ постами и рѣшительно прикажите огня безъ самой крайней необходимости не открывать. Я буду самъ все время тамъ, такъ что вы можете быть спокойнымъ. А если и подойдетъ къ Маріинскому Дворцу какая либо хулиганствующая толпа, то право для укрощенія ея достаточно одного вида юнкеровъ, стоящихъ на постахъ съ винтовками. Вотъ внутри Дворца надо быть на чеку. Я боюсь, чтобы кто не устроилъ обструкцію въ залѣ засѣданія и не произвелъ паники. Стройте вздовенные ряды и идемте», — подойдя къ полуротѣ, распорядился военный комиссаръ.

Мы двинулись. Юнкера, сперва молчаливые, теперь вполголоса дѣлились впечатлѣніями. Только военный комиссаръ весь ушелъ въ какую-то бесѣду съ сопровождавшими его: офицеромъ, штатскимъ и двумя юнкерами изъ членовъ Совѣта Школы, зачѣмъ-то ему понадобившимися.

«Не выслать ли впередъ развѣдку?» — подумалъ я, войдя на Морскую.

«Хотя это зачѣмъ же?! Вѣдь достаточно же ясно завѣрилъ военный комиссаръ, что съ боевой точки зрѣнія — все спокойно. А, кромѣ того, если впереди и окажется что-нибудь скверное, то вѣдь, слава Богу, какая у меня силища, вы, мои хорошіе господа юнкера, плохо владѣющіе винтовками, и вы, господинъ Военный Комиссаръ».

«Разъ, два! . . Твёрже ногу! . . Ноги не слышу!» — словами команды попытался я оторвать себя отъ легкомысленныхъ думъ и вдругъ разсмѣялся. — У одного изъ юнкеровъ выпалъ изъ-подъ мышекъ несомый имъ хлѣбъ. Смущенный своею неловкостью, юнкеръ выскочилъ изъ строя за, покатившимся по сѣрому глянцу цементной мостовой, буханкомъ хлѣба. «Куда?» — завопилъ отдѣленный командиръ. — «Изъ строя, безъ разрѣшенія? На мѣсто!» — «Ха, ха, ха . . .» — смѣялись юнкера. «Ха, ха, ха» — заливались, обрадовавшись случаю остановившіяся на тротуарѣ двѣ дѣвушки, по костюмамъ и кричащимъ манерамъ, опредѣленно принадлежавшія къ категоріи заблудшихъ созданій. «Да, посмѣяться есть отъ чего», — говорилъ я фланговому юнкеру, — «юнкера въ боевой готовности, и съ хлѣбами подъ мышками, и на Морской».

— «Остановитесь!» — догоняя меня, быстро отдалъ распоряженіе военный комиссаръ.

«Оставайтесь здѣсь, я зайду на телефонную станцію, попытаться произвести смѣну находящагося тамъ караула, который, по полученнымъ свѣдѣніямъ, перешелъ на сторону Ленинцевъ», — сообщилъ мнѣ свое намѣреніе военный комиссаръ.

Я остановилъ полуроту. Пока военный комиссаръ переходилъ улицу, къ намъ подошелъ какой-то офицеръ и сталъ возмущенно разсказывать о томъ, что сегодняшней ночью у Петроградскаго коменданта изъ стола выкрали пароли и отзывы карауловъ Петроградскаго гарнизона. И вотъ сегодня въ часъ смѣны

на телефонную станцію проникли большевики. Но они еще скрываютъ это для того, чтобы перехватывать телефонные разговоры Правительственныхъ органовъ и членовъ Совѣта Республики.

Возбужденное описаніе нервно настроеннымъ офицеромъ, казалось, хотя и интереснымъ, но крайне сомнительнымъ. Особенно меня настраивалъ противъ разсказа видъ разсказчика. Бѣгающіе глаза, тонкій, визгливый голосъ, рѣзко подчеркивавшій простоту стиля фразъ, и приказчичьи ухватки, замѣнявшія ему манеры, буквально били по нервамъ.

«Что-то нечистое здѣсь», — закопошилось въ головѣ, въ результатѣ интуитивнаго отрицанія навязчивой убѣдительности особы въ офицерской формѣ. «Не отъ васъ ли узналъ такую необычайную новость, господинъ военный комиссаръ? Боже мой, надо скорѣе его предупредить. Вѣдь онъ — сама наивность!»

— «Они отказываются добровольно освободить телефонную станцію», — озабоченно проговорилъ военный комиссаръ. — «И я рѣшилъ произвести смѣну силою. Оставьте половину юнкеровъ съ офицеромъ здѣсь, приказавъ слѣдить за воротами и окнами, а съ другой половиной вы продвиньтесь впередъ и уже съ той стороны воротъ ведите наблюденіе за нею. Отдѣлите мнѣ нѣсколькихъ юнкеровъ, и я попытаюсь съ ними проникнуть на станцію. Землячки увидятъ, что съ ними не шутятъ, и сразу сбавятъ тонъ. Тамъ караульный начальникъ какой-то прапорщикъ; очевидно онъ все и мутитъ», — высказалъ свои соображенія военный комиссаръ. «А кто ему подалъ примѣръ, и кто его этому научилъ?» — подумалъ я, услышавъ тонъ глубочайшаго пренебреженія, съ которымъ было произнесено: «какой-то прапорщикъ». Но забота выполненія полученнаго приказанія оказалась сильнѣе всякихъ философствованій, и я, отдѣливъ первое отдѣленіе 1-го взвода въ распоряженіе военнаго комиссара, началъ производить по улицѣ соотвѣтствующее передвиженіе для полученія лучшаго надзора за зданіемъ телефонной станціи, а въ случаѣ надобности и ея обстрѣла.

Прапорщикъ Одинцовъ-младшій, оставаясь на томъ же разстояніи отъ зданія телефонной станціи, построилъ свой 2-ой взводъ 2-ой роты поперекъ Морской, во всю ея ширину фронтомъ къ Маріинской площади. Я же, перейдя съ тремя отдѣленіями 1-го взвода фасадъ телефонной станціи, принялъ тоже построеніе, но фронтомъ въ обратную сторону, въ сторону Невскаго проспекта.

Изъ безвинтовочныхъ юнкеровъ я создалъ команду связи. Между тѣмъ военный комиссаръ съ юнкерами 1-го отдѣленія 1-го взвода подошелъ къ воротамъ станціи, но они оказались уже запертыми. И я, стоя на тротуарѣ, впереди праваго фланга своего взвода, старался предвосхитить у военнаго комиссара выходъ изъ создавшагося положенія, которое, наконецъ, меня убѣдило, что на телефонной станціи дѣйствительно находятся приверженцы Ленина и К⁰. «Вотъ у кого надо, оказывается, учиться энергіи. И откуда только у нихъ такое руководство. Интересно, какъ бы вы объяснили это теперь?» — мысленно обращался я къ всплывшей въ памяти картинѣ ночного совѣщанія 19-го въ «Колхидѣ». — «Начало не дурное, — просмаковалъ я рѣшительность дѣйствій господъ подпольщиковъ. Теперь дѣло за нами. Однако что же предполагаетъ предпринять военный комиссаръ», въ нетерпѣніи вглядываясь въ окна и ворота станціи, топтался я на мѣстѣ.

«Та-та-та-та», — вдругъ рѣзко разрѣзался воздухъ визгливо стучащимъ свистомъ, родившимъ представленіе о желѣзныхъ, зелено-темныхъ и красно-бурыхъ

крышахъ домовъ, которыя съ силою полили металлическимъ градомъ, отчего переливающіеся дробью отзвуки становились коротко-сухими. «Та-та-та-та», — поплыла вдоль Морской новая волна дробящихъ отзвуковъ, отвѣвая отъ себя какой-то захватывающій дыханіе мысли холодокъ.

«Что такое» — пришелъ я въ себя отъ мгновенной внезапности ударившихъ по нервамъ звуковъ. «Пулеметный огонь! Откуда? По насъ?» — И я быстро обернулся, ища пѣшаго или коннаго врага, въ томъ концѣ Морской, который выходилъ на Маріинскую площадь. «Тамъ бой», — мелькнула мысль, но подъ ощущеніемъ уловленныхъ слухомъ новыхъ, болѣе близкихъ, знакомыхъ звуковъ, — представившаяся было въ воображеніи картинка разстрѣла Маріинскаго Дворца уплыла вдаль, а на мѣстѣ ея родилась большая тревога, колко жавшая сердце. «Это стрѣляютъ по юнкерамъ. Стоять такъ нельзя. Слишкомъ большая цѣль»... — работала мысль.

«Къ стѣнкамъ домовъ! Далеко не распространяться!» — крикнулъ я приказаніе юнкерамъ.

Тревожное недоумѣніе, сковавшее было юнкеровъ, мгновенно прошло, и они, повинуясь словамъ команды, вмигъ разсыпались по тротуару, становясь спинами къ стѣнкамъ домовъ.

«Зарядить винтовки!» — вслѣдъ отдалъ я приказъ, въ то же время соображая, куда лучше стать самому, чтобы не выпустить изъ рукъ командованіе полуротой.

«Никто не упалъ, — значитъ, стрѣльба демонстративная и въ воздухъ».

«Но гдѣ же военный комиссаръ и его юнкера?» — окидывая взглядомъ улицу, точно по мановенію волшебнаго жезла ставшую жутко пустою — спрашивалъ я себя. Но въ первыя секунды осмотра сторонъ улицы — я его фигуры не находилъ. «Что такое? — неужели я такъ растерялся, что не вижу военнаго комиссара», — мелькало въ головѣ. Но замѣчая въ то же время, какъ нервно прижимались нѣкоторые изъ юнкеровъ къ каменнымъ стѣнамъ домовъ и стальнымъ жалюзи, спустившимся на окна витринъ, что придало этому участку Морской впечатлѣніе глубокой, холодной могилы — во мнѣ проснулось чувство дикой обиды и злобы.

«Воспользоваться горячностью порыва молодыхъ сердецъ и безъ сожалѣнія принять ихъ безразсудочное самопожертвованіе. Ужасно! Вѣдь нѣкоторые не умѣютъ заряжать винтовки», — содрогалась мысль при видѣ, какъ одинъ юнкеръ тщетно старался утопить патроны въ магазинную коробку винтовки. «Какъ куропатокъ перестрѣляютъ насъ изъ оконъ и съ крышъ, если только окажется это имъ выгоднымъ и если есть достаточно для этого средствъ. Проклятье! Какое жалкое, унизительное положеніе! Хотя бы открыли настоящій огонь и убили бы меня», — со злобой вглядываясь въ чердачныя окна, smalодушничалъ я.

«Ахъ, вотъ и комиссаръ!» — и я пошелъ навстрѣчу къ нему, идущему ко мнѣ.

«Я все не могу опредѣлить, откуда и гдѣ стрѣльба. Боюсь, что на Маріинской площади бой идетъ. Не отправиться ли туда? Здѣсь сейчасъ ничего такъ не сдѣлаешь!» — обратился я къ нему.

— «Ничего, это пустяки. Вы приведите въ большій порядокъ юнкеровъ и продолжайте осаду станціи. Огня не открывайте, пока они сами не станутъ стрѣлять по васъ. А я отведу ту часть юнкеровъ къ углу Невскаго, чтобы не допустить сюда могущихъ явиться на выручку караулы красногвардейцевъ.

Я убѣжденъ, что на станціи сейчасъ переполохъ, такъ какъ не могутъ они знать, кто открылъ стрѣльбу и кто беретъ верхъ, а видя, что здѣсь находятся юнкера, они даже скорѣе рѣшатъ, что ихъ дѣло проиграно и они сдадутся», — говорилъ мнѣ военный комиссаръ.

«Слушаюсь!» — отвѣчалъ я съ радостью, черпая въ словахъ военнаго комиссара увѣренность, что эта стрѣльба идетъ со стороны вѣрныхъ долгу частей, выполняющихъ, очевидно, порученную имъ задачу. «Навѣрно, гвардейскій экипажъ или семеновцы очищаютъ Маріинскую площадь отъ демонстрирующихъ толпъ», — заработало мое воображеніе. «Надо будетъ и въ сторону площади принять мѣры предохраненія. И если сюда бросятся бѣгущія толпы, то заарестовать. А чтобы было удобнѣе и планомѣрнѣе это выполнить, займу углы Гороховой», — принялъ я рѣшенія и пошелъ передавать соотвѣтствующія распоряженія начальникамъ отдѣленій.

Черезъ нѣсколько минутъ стрѣльба затихла. А еще спустя немного времени, на улицѣ появились любопытствующіе и случайные прохожіе. Юнкера съ винтовками на готовѣ бодро обмѣнивались замѣчаніями, внимательно глядя со своихъ мѣстъ на углахъ улицъ Морской и Гороховой вдоль нихъ и слѣдя за воротами и окнами станціи. Я же съ гордостью расхаживалъ по цементной мостовой. «Больше непринужденности въ видѣ!» — говорилъ я себѣ. «На тебя смотрятъ не только юнкера, но и землячки караула. И чѣмъ ты спокойнѣе и довольнѣе, тѣмъ страшнѣе имъ», — продолжалъ я кокетничать съ собою.

«Но чертъ возьми, какая гладкая мостовая. Вотъ бы наши кирки-мотыги, и устроить бы здѣсь окопчики для пулеметовъ. Ахъ да, пулеметовъ. Надо послать донесеніе къ Начальнику Школы, что мы перешли къ боевой задачѣ, и попросить прислать пулеметы и пироксилиновыхъ шашекъ для взрыва воротъ телефонной станціи». И я, вызвавъ юнкера связи, передалъ ему написанное донесеніе для доставки въ Зимній Дворецъ.

Эта моя мѣра вызвала еще большее оживленіе у юнкеровъ, и я съ наслажденіемъ наблюдалъ за все растущимъ усвоеніемъ создавшагося положенія. «Молодцы друзья», — созерцая выраженія лицъ, мысленно подбадривалъ я ихъ, по временамъ произнося тѣ или иныя замѣчанія.

Расхаживая такимъ образомъ по улицѣ, я одновременно не упускалъ изъ вниманія закрытыхъ воротъ станціи. «Что-то тамъ творится. Пожалуй, военный комиссаръ правъ, и тамъ теперь каются въ своемъ промахѣ и обсуждаютъ, какъ исправить свой поступокъ. Не хотѣлъ бы я быть на вашемъ мѣстѣ», — всматриваясь въ окна, соображалъ я. «Ага, отворяется дверца въ воротахъ, — ужъ не делегація ли?» — мелькнуло радостное предположеніе, и я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ къ воротамъ, приглашая юнкеровъ къ усиленію вниманія.

Юнкера, стоявшіе по сторонамъ воротъ, взяли винтовки на изготовку. Я потихоньку разстегнулъ кобуру, а затѣмъ руки засунулъ въ карманы.

«Ну-съ, выходите», — внутренне торопилъ я, жадно впиваясь въ расширяющуюся щель отворяемой во внутрь двора двери. Наконецъ, высунулась круглая голова на короткой шеѣ. Глаза напряженно забѣгали, осматривая улицу. Затѣмъ голова на мгновеніе обернулась назадъ, показавъ коротко подстриженный затылокъ, и снова повернулась къ намъ, подавшись впередъ, обнаруживая плечи съ офицерскими прапорщичьими погонами.

«Выходите, прапорщикъ, — любезно предложилъ я, — «юнкера стрѣлять не будутъ», — предупредительно добавилъ я, видя, какъ глаза его косились то вправо, то влѣво на винтовки юнкеровъ.

— «Посмотрѣлъ бы я, какъ вы стали бы стрѣлять!» — задорно крикнулъ онъ. «Ступайте вы лучше по домамъ, пока не поздно, а то будетъ худо!» — продолжалъ онъ.

«Тише, прапорщикъ! Больше спокойствія. Вы же видите, что съ офицеромъ разговариваете! Нечего дурака ломать! И повѣрьте мнѣ, право, лучше будетъ и болѣе достойно для васъ, если вы добровольно впустите насъ на станцію. Подумайте хорошенько надъ тѣмъ, что вы дѣлаете и куда ведете людей!»

— «Что вы хотите?» — мѣняя тонъ, задалъ онъ вопросъ.

«Нести караульную службу на станціи».

— «Я ее несу»...

«Я не знаю, какъ и почему вы ее несете, но мнѣ приказано военнымъ комиссаромъ при Верховномъ командованіи арміей смѣнить вашъ караулъ».

— «Дайте пароль и приказаніе коменданта, — я не знаю, кто вы?» — прищурился прапорщикъ. Сзади него раздался смѣхъ. «Тише, товарищи, мѣшаете разговаривать!» — осторожно оборачиваясь, сказалъ онъ.

«Вы, очевидно, только сегодня нацѣпили на себя погоны!» — съязвилъ я.

— «Неправда, я ихъ получилъ на фронтѣ, а не въ тылу!» — презрительно окидывая взглядомъ надѣтое на мнѣ мирнаго образца пальто, съ серебряными погонами, съехидничалъ юный прапорщикъ.

«Жалѣю васъ, что теперь вамъ приходится ихъ пачкать измѣной присягѣ!»

— «Неправда, я не измѣняю присягѣ! Я иду за народомъ, а это вы продались прислужникамъ капитала, одѣвшимся въ соціалистическую тогу. Это вы губите народъ. Э, да что съ вами толковать! Убирайтесь по добру, по здорову, а то мы вамъ пропишемъ, гдѣ раки зимуютъ!» — возбужденно махая револьверомъ, снова закипятился прапорщикъ.

«Послушайте, — не вытерпѣвъ, прикрикнулъ я на него, — я разъ сказалъ уже, чтобы вы приличнѣе разговаривали... Что за хамская манера махать руками», — вынимая изъ кармана руку съ портсигаромъ и беря изъ него папиросу, продолжалъ я. Мое внѣшнее спокойствіе подѣйствовало на него, и онъ опустилъ револьверъ.

— «Вотъ что, — заявилъ онъ, — я даю вамъ пятнадцать минутъ на размышленіе. И если, черезъ 15 минутъ, вы со своими юнкерами не уйдете, то пеняйте на себя!» — закончилъ онъ и исчезъ за дверью.

Я закурилъ вынутую папиросу. «Что же, однако, дѣлать? Такъ стоять — это скучно. А любопытно, что дѣлается сейчасъ на Маріинской площади? Пулеметы молчатъ и лишь идетъ одиночная ружейная стрѣльба. Чортъ возьми! Навѣрное много убитыхъ. Эхъ Ленинъ!.. А еще идеалистъ. Идти къ осуществленію земного рая по трупамъ людей и лужамъ человѣческой крови! Ничего тогда твой рай не стоитъ! Шулеръ ты политическій, а не идеологъ!» — снова вернулось философское настроеніе ко мнѣ.

— «Ну, что у васъ?» — подходя ко мнѣ, задалъ вопросъ военный комиссаръ.

«Да вотъ, пробовалъ убѣждать караульнаго начальника согласиться на смѣну; но онъ, въ свою очередь, требуетъ, чтобы мы ушли и далъ четверть часа

на размышленіе. А что, новаго ничего не слышно?» — въ свою очередь заинтересовался я.

— «Неважно. Многія части держатъ нейтралитетъ. Нѣкоторыя же примкнули къ возставшимъ. Рабочіе Путиловскаго и Обуховскаго заводовъ идутъ въ городъ. Надо станцію скорѣе взять. Во что бы то ни стало ее надо занять, а то операціонный штабъ возставшихъ слишкомъ широко пользуется телефонной сѣтью, и наоборотъ — Правительственные органы лишились этой возможности. А стрѣльба затихаетъ», — замѣтилъ въ раздумьѣ военный комиссаръ.

Въ этотъ моментъ появился юнкеръ связи отъ прапорщика Одинцова и доложилъ, что на Невскомъ появились какіе-то патрули и что на Мойкѣ у мостовъ рабочіе начинаютъ строить баррикады.

Услышавъ докладъ, военный комиссаръ сразу оживился.

— «Продолжайте убѣждать сдаться, — а я пойду, узнаю, въ чемъ дѣло», — заторопился онъ.

«Слушаюсь. Разрѣшите потребовать на всякій случай изъ Зимняго Дворца подкрѣпленіе, по крайней мѣрѣ вторую полуроту. Пулеметы и пироксилинъ я уже вытребовалъ!» — доложилъ я.

— «Попробуйте. Не думаю, чтобы было что присылать. Смотрите же, первыми огня не открывать. Это можетъ все дѣло испортить. Потомъ, будутъ кричать, что мы первые открыли стрѣльбу и что мы идемъ по стопамъ старорежимныхъ городовыхъ: — стрѣляемъ въ народъ», — закончилъ военный комиссаръ и быстро зашагалъ къ Невскому.

«Это чортъ знаетъ, что за двойственность! Тамъ — стрѣльба, а здѣсь не смѣй, а то кто-то какія-то обвиненія предъявитъ. Да вѣдь, разъ мы введемъ порядокъ, то кто же откроетъ ротъ? Или какъ послѣ Іюльскихъ дней будетъ?!.. Комедіанты проклятые!.. Тамъ стрѣльба, а здѣсь жди, чтобы тебя сперва убили... Что за чортовщина, — ничего не понимаю! Ну, ладно, пришлютъ пироксилинъ, на собственный страхъ взорву всю станцію къ чорту!»... — злобствовалъ я и принялся писать новое донесеніе Начальнику Школы и капитану Галіевскому. Донесенія, на этотъ разъ, я написалъ въ двухъ экземплярахъ. «Чортъ его знаетъ, что творится», — заработало во мнѣ сомнѣніе: — «можетъ, и донесенія еще не должны попадать по адресу? — Пошлю двумя дорогами двухъ юнкеровъ: это будетъ надежнѣе». Сказано — сдѣлано!..

Черезъ минуту юнкера связи, получивъ категорическое приказаніе передать донесенія въ собственныя руки по назначенію, уже скрывались вдали: одинъ въ направленіи Невскаго, а другой въ обходъ, по Гороховой, черезъ Александровскій садъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ, и изъ одного изъ оконъ станціи раздался голосъ прапорщика:

— «Слушайте, убирайтесь! А то намъ надоѣло ваше присутствіе. Смотрите, если черезъ три минуты вы не уйдете, то перестрѣляемъ васъ какъ собакъ!..»

«Ахъ вы, сволочь этакая!» — вскричалъ я, и выхвативъ револьверъ изъ кобуры, взмахнулъ его на взводъ.

Но прапорщикъ скрылся.

— «Чортъ его знаетъ, что такое», — нервничалъ я, шагая по тротуару. — «Чортъ, а хочется ѣсть!» — замѣчая валяющіеся на дорогѣ куски хлѣба, брошенные юнкерами, вспомнилъ я объ ѣдѣ. «Вѣдь я сегодня такъ ничего и не ѣлъ. Даже рюмки водки не успѣлъ выпить!.. А что сейчасъ въ Школѣ

творится? Шумаковъ пожалуй спитъ въ дежуркѣ, а нестроевые пьянствуютъ и жарятъ въ карты. Хорошенькій результатъ дала революціонная дисциплина!» — И размышленія поплыли одно за другимъ . . .

На улицѣ, черезъ наши цѣпи, хотя и рѣдко, но все же продолжала проходить публика. Видно было, что улица уже привыкла къ намъ: мы уже достаточное время болтались на ней.

Но вотъ, со стороны Невскаго показался броневикъ.

— «Броневикъ идетъ! . .» — раздалось нѣсколько возгласовъ доклада съ мѣста.

«Вижу, — отвѣчалъ я. Это, навѣрное, нашъ. У Зимняго Дворца, когда мы уходили, я видѣлъ, какъ появились двѣ машины. Очевидно, одну изъ нихъ и посылаютъ намъ на поддержку!»

— «Никакъ нѣтъ; это броневикъ возставшихъ — это я хорошо знаю. Я видѣлъ сегодня брата изъ броневого дивизіона. И онъ говорилъ, что часть дивизіона объявила нейтралитетъ, а часть перешла на сторону возставшихъ», — сообщилъ непріятную новость одинъ изъ юнкеровъ.

Въ этотъ моментъ подбѣжалъ юнкеръ связи отъ взвода, отошедшаго къ углу Невскаго и Морской, и доложилъ о томъ, что приближающійся броневикъ пришелъ со стороны Невскаго и что военный комиссаръ требуетъ спокойствія.

«Вниманіе!» — крикнулъ я юнкерамъ, выслушавъ докладъ. «Если я выстрѣлю, открыть по немъ огонь. Безъ этого же моего сигнала, Боже сохрани, стрѣлять! Возможно еще, что это нашъ!»

Броневикъ приближался.

«Если откроетъ огонь сейчасъ, то подрѣжетъ колѣни. Значитъ, пускай юнкера стоятъ», — работала напряженная мысль. «Чего онъ едва тащится? Нѣтъ, это не нашъ! Нашъ былъ бы съ офицеромъ, а офицеръ не позволилъ бы продолжать напряженіе въ нашихъ рядахъ и далъ бы о себѣ знать. Да, да, . . . нѣтъ сомнѣнія — это возставшіе. — Чортъ! Что онъ хочетъ? Неужели откроетъ огонь по верхней части туловища! Охъ, успѣю ли положить юнкеровъ? О, мука какая! Стрѣлять въ него нѣтъ смысла: — не прошибешь! Снять юнкеровъ и увести отъ безсмысленнаго разстрѣла», — мелькнуло раздумье.

«Что ты? Обалдѣлъ? Бѣжать будешь? Стыдись! Но какъ онъ медленно ползетъ! Сволочь, издѣвается! Ладно, издѣвайся, а я покурю, но остановись и выйди кто только изъ машины — застрѣлю», — затягиваясь папироской, давалъ я себѣ обѣщаніе.

Броневикъ приблизился. Глазки были открыты; оттуда велось наблюденіе.

«Ладно, смотри, не смотри, а съ мѣста не сойдемъ!» — съ трудомъ удерживаясь отъ желанія вести наблюденіе за дуломъ пулемета, твердо говорилъ я себѣ, попыхивая папиросой.

Но вотъ броневикъ поровнялся съ воротами телефонной станціи и остановился. Черезъ секунду изъ воротъ выскочилъ прапорщикъ и, подойдя къ машинѣ, о чемъ то переговорилъ въ боковой глазокъ съ находящимися внутри машины. Переговоры продолжались не долѣе минуты. Кончивъ говорить, прапорщикъ исчезъ, а машина, вздрогнувъ, снова тихо поползла впередъ... къ намъ.

«Пройдетъ мимо насъ, повернется — и тогда» . . . — начали было наслаиваться въ головѣ комбинаціи возможныхъ дѣйствій броне-машины, какъ ея новая остановка оборвала ихъ. — «Ну, начнется», — рѣшилъ я. — «Въ животъ или въ голову?» — выросъ вопросъ, и я взглянулъ на дуло пулемета. Оно было накрыто чехломъ.

«Сволочи!» — выругался я. — «Насмѣхаетесь вы, что ли?» и я было шагнулъ къ машинѣ съ желаніемъ выяснить, что же наконецъ они собою представляютъ, какъ скрипъ передовыхъ рычаговъ и начавшійся ходъ машины назадъ съ заворотомъ зада корпуса въ ворота станціи, — остановилъ меня.

Вотъ открылись ворота и машина медленно вошла подъ арку. «Почему они медлятъ?» «Хорошо медлятъ! — сейчасъ же отвѣтилъ я себѣ. Заняли уже станцію своимъ карауломъ. Прислали на помощь броневикъ и строятъ на улицахъ баррикады. Вотъ мы медлимъ. Мало того, — идіотовъ-ротозѣевъ изъ себя изображаемъ!» — негодовалъ я на пассивность дѣйствій военнаго комиссара и Зимняго, откуда все еще не присылали просимый пироксилинъ. «Скорѣе бы его получить, тогда машину подорву уближеннымъ снарядомъ, приспособленнымъ, хотя бы къ штыку винтовки, которую и подсуну подъ броневикъ», — размечтался я, какъ ко мнѣ подошелъ портупей-юнкеръ Гаккель, бывшій студентъ Института Путей Сообщенія, и попросилъ разрѣшенія высказать свои соображенія.

«Пожалуйста, говорите, я слушаю васъ», — далъ я согласіе.

— «Разрѣшите доложить, что юнкера очень смущены нашей бездѣятельностью. Сколько времени мы стоимъ здѣсь и дождались того, что уже броневикъ прибылъ. Нѣкоторые опасаются, что здѣсь кроется провокація».

«Что за вздоръ! Вы же видите, что я связанъ повиновеніемъ военному комиссару. Онъ распоряжается здѣсь!» — съ негодованіемъ, горячо запротестовалъ я противъ усмотрѣнія въ моихъ дѣйствіяхъ чего-то нечистаго.

— «Ради Бога! Господинъ поручикъ, — ваше поведеніе, наоборотъ, только и поддерживаетъ настроеніе и повиновеніе вамъ», — торопливо отвѣтилъ портупей-юнкеръ. «Я къ вамъ потому и подошелъ, что знаю васъ. Вы же тоже знаете, что я былъ на фронтѣ и Георгіевскій кавалеръ, и что, конечно, поэтому мнѣ непонятна малодушная тактика какого-то комиссара, который сперва насъ поздравилъ съ почетнымъ назначеніемъ въ караулъ Маріинскаго Дворца, а затѣмъ, зная объ отсутствіи патроновъ и неопытности нашихъ юнкеровъ, держитъ насъ уже столько времени передъ станціей. Если онъ не рѣшался занять ее раньше, то какъ же онъ займетъ ее теперь, когда тамъ броневикъ? Нѣтъ, здѣсь, если не зло скрывается, то глупость, господинъ поручикъ», — серьезно и резонно докладывалъ портупей-юнкеръ.

«Чортъ васъ возьми!» — неслось у меня въ головѣ, — «что вы мои мысли читали, что ли?» . . .

«Но что же дѣлать, дорогой; — надо ждать», — дружественно заговорилъ я. — «Я послалъ четыре донесенія съ просьбой о высылкѣ пироксилина и подкрѣпленія, которое думаю послать на Мойку для снятія баррикадъ. И я думаю, что скоро мы получимъ и то, и другое, а тогда я буду дѣйствовать на свой страхъ и рискъ».

— «Вотъ, это прекрасно, господинъ поручикъ; простите, что безпокоилъ васъ», — довольно отвѣтилъ портупей-юнкеръ.

Въ этотъ моментъ вдругъ Морская заголосила на всевозможные лады. «Что такое?» — повернулся я въ сторону визга и истерическаго крика. «Женщины? Откуда онѣ взялись? Ахъ, съ телефонной станціи!»

— «Это телефонныя барышни. Очевидно ихъ выпроводили въ намѣреніи открыть уже боевыя дѣйствія», — высказалъ свое соображеніе портупей-юнкеръ Гаккель.

Между тѣмъ вой, истерическій вой, вырывавшихся изъ воротъ станціи, потока барышенъ все усиливался. А почти пустынная Морская сразу запестрѣла различнѣйшими бѣгущими, прыгающими нарядами и шляпками.

Юнкера, наблюдая картинку печальнаго бѣгства, искренне захлебывались отъ смѣха, на который болѣе пожилыя барышни отвѣчали, кто усовѣщаніемъ, а кто карканьемъ бѣды.

— «Нашли надъ чѣмъ смѣяться!» — кричали однѣ, — «вы бы посмотрѣли, какъ съ нами обращались! Это не люди!»...

«Уходите вы поскорѣе отсюда. Васъ губятъ нарочно. Весь городъ въ рукахъ Ленина. Всѣ части перешли на его сторону. А вамъ здѣсь готовятъ западню».

— «Господинъ офицеръ, — принялась тормошить меня одна длинная и сухая, какъ палка, барышня: — Вся станція полна ими. Они черезъ какой-то ходъ съ Мойки, что ли, набираются. А что они дѣлаютъ съ проводами! Многія войсковыя части не знаютъ, въ чьихъ рукахъ телефонная станція, а намъ запрещено говорить... за каждой по солдату стоитъ. Военная часть проситъ телефонъ Главнаго Штаба, или коменданта, или Зимняго Дворца, а они какой-то свой даютъ. Поэтому многія части не знаютъ правды. Я сама слышала, какъ они смѣялись, что одно военное уличище убѣдили въ томъ, что Ленинъ и его компанія уже арестованы и что юнкеровъ можно отпустить въ городской отпускъ. Одна барышня передала знакомымъ, что у насъ большевики, такъ ее чуть не убили!.. Уходите отсюда и юнкеровъ спасайте, — все равно ничего не сдѣлаете. Продали Россію!»... — рыдая, кончила барышня и побѣжала дальше.

Я стоялъ, какъ истуканъ.

— «Господинъ поручикъ, — подбѣжалъ ко мнѣ портупей-юнкеръ Гаккель, — съ вами хочетъ говорить одинъ французъ!»

«Въ чемъ дѣло? Кто хочетъ говорить? Какой французъ? Давайте его сюда!» — отвѣтилъ я.

«Господинъ лейтенантъ, — подходя ко мнѣ и приподымая котелокъ, заговорилъ элегантный штатскій на французскомъ языкѣ, — господинъ лейтенантъ, я секретарь второго атташе французскаго посольства», — отрекомендовался онъ. — «Я сейчасъ иду съ Садовой по Гороховой. На Гороховой и на Мойкѣ, у Государственнаго Банка, много рабочихъ, и они сейчасъ идутъ на баррикады, которыя ихъ товарищи начали строить передъ мостомъ черезъ Мойку на Гороховой. Рядомъ лежатъ и пулеметы. А когда я вышелъ на уголъ Морской и увидѣлъ юнкеровъ и спросилъ, что они дѣлаютъ, то я понялъ, что вамъ съ тыла грозитъ опасность. Я только хотѣлъ изъ чувства любви къ вашему прекрасному, но больному сейчасъ народу предупредить васъ объ этомъ. Будьте осторожнѣе, и дай вамъ Богъ всякаго благополучія!» — пожимая мои руки, протянувшіяся къ нему съ благодарностью, кончилъ онъ свою медленную, видя, что я съ трудомъ вникаю въ смыслъ, рѣчь.

— «Можно мнѣ пройти здѣсь? Мнѣ надо на Невскій», — спросилъ онъ, указывая рукою вдоль Морской.

Я предупредилъ его, что это теперь небезопасно, такъ какъ потокъ барышенъ кончился и надъ Морской висѣло унылие пустоты.

«О, ничего! Я не боюсь. Я очень спѣшу и у меня нѣтъ времени обходить!»

«Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, разрѣшите просить васъ, все, разсказанное вами мнѣ, передать офицеру, находящемуся на углу Невскаго. И скажите, пожалуйста, ему, чтобы онъ доложилъ объ этомъ въ Зимній Дворецъ и военному комиссару. Спасибо еще разъ», — поблагодарилъ я его.

— «О, пожалуйста! Счастливъ быть полезнымъ. Я ваше порученіе выполню, господинъ лейтенантъ. Можете быть спокойнымъ. До свиданья! Всякаго успѣха!» — и приподнявъ котелокъ, онъ быстро засѣменилъ по Морской къ Невскому. Пройдя послѣдняго юнкера, онъ опустилъ котелокъ на голову, а затѣмъ и скрылся.

«Что дѣлать? Что дѣлать?» — стучало въ вискахъ. Мысли путались и голова горѣла. «Пропали! Бѣдные вы», — сквозь слезы смотря на юнкеровъ, думалъ я. «Увести васъ я не могу. Дѣлать что-нибудь тоже не могу, потому что не знаю, что мнѣ съ вами дѣлать, такими жалкими и безполезными. Бѣдныя ваши жены, дѣти и матери!» — и я, если бы снова не подбѣжалъ портупей-юнкеръ Гаккель, навѣрное разрыдался бы; такъ была сильна спазма, сжавшая горло . . .

«Господинъ поручикъ, съ Маріинской площади идетъ грузовикъ съ рабочими. Разрѣшите его задержать. Я сниму шофера, сяду за руль и подведу его къ воротамъ станціи. Загорожу дорогу броневику!» — восторженно сіяя отъ пришедшей идеи, выпалилъ портупей-юнкеръ.

«Прекрасно! Спасибо! Скорѣе!» — «Стой, стрѣлять буду!» — на перерѣзъ грузовику бросился я и портупей-юнкеръ. Юнкера тоже взяли винтовки на изготовку. Грузовикъ остановился. «Слѣзай! Живо!» — началъ дальше распоряжаться портупей-юнкеръ, а я снова вернулся на свое мѣсто, чтобы наблюдать за воротами станціи.

Рабочіе слѣзли безъ сопротивленія. Шоферъ же началъ ругаться, но портупей-юнкеръ ударомъ приклада въ плечо лучше словъ убѣдилъ въ безнадежности его положенія, и онъ съ извиненіями сталъ слазить со своей машины.

Менѣе, чѣмъ черезъ минуту, машина проплыла мимо меня подъ тихое и внѣшне спокойное привѣтствіе юнкеровъ. Еще нѣсколько секундъ, и огромный грузовикъ, выѣхавъ правыми колесами своей телѣжки на тротуаръ, почти вплотную къ стѣнамъ домовъ, закрылъ собою входъ въ ворота и остановился. Остановивъ машину, портупей-юнкеръ Гаккель спокойно сошелъ съ нея и что-то покрутивъ въ коробкѣ скоростей, со скромностью, достойной скорѣе институтки, чѣмъ боевого солдата, направился ко мнѣ:

— «Господинъ поручикъ! Ваше приказаніе исполнено!» — мягко и легко останавливаясь передо мною, бодро и весело доложилъ портупей-юнкеръ Гаккель.

«Сердечное спасибо, славный и чуткій другъ!» — растроганно поблагодарилъ я его.

— «Радъ стараться, господинъ поручикъ! Господинъ поручикъ, разрѣшите и эту машину туда же», — снова попросилъ портупей-юнкеръ.

«Гдѣ? Какую?» — озадаченно спросилъ я.

— «А вотъ вторая идетъ. Черти, флагъ краснаго креста нацѣпили, а сами навѣрное оружіе перевозятъ».

«А чортъ съ нимъ, съ флагомъ. Арестуйте и эту машину и туда же!» — въ восторгѣ отъ набѣжавшей мысли, что начинаетъ везти, отдалъ я приказъ.

Такъ же чисто и быстро была поставлена рядомъ съ первой, но перпендикулярно къ ней, и вторая машина.

Эта комбинація съ машинами дала мнѣ возможность произвести нѣкоторую необходимую перегруппировку моихъ малочисленныхъ силъ.

А когда я кончалъ производить ее, ко мнѣ явился юнкеръ связи изъ Зимняго Дворца съ сообщеніемъ отъ капитана Галіевскаго. Сообщеніе было радостное, и я имъ подѣлился съ юнкерами.

Капитанъ Галіевскій выслалъ намъ подкрѣпленіе, которое, по полученіи пулемета и пироксилина, уже скоро явится сюда. «Теперь и взорвать станцію будетъ много легче», — показывая на машины, говорилъ я юнкерамъ.

«Затѣмъ во Дворцѣ получены свѣдѣнія, что въ городъ вошли казачьи части генерала Краснова. Первые эшелоны уже заняли кромѣ Царскосельскаго вокзала еще и Николаевскій вокзалъ», — докладывалъ юнкеръ связи, мой любимецъ, юнкеръ 2-ой роты И. Гольдманъ. «А сейчасъ, когда я проходилъ черезъ Невскій на улицу Гоголя, — я слышалъ стрѣльбу по направленію Казанскаго Собора, — очевидно, это съ Николаевскаго вокзала ведутъ наступленіе казаки», — съ довольнымъ видомъ докладывалъ свои соображенія юнкеръ, въ отвѣтъ на мою справку, что за стрѣльба доносится со стороны Невскаго. «Ага, теперь понятно, почему такъ долго не показывается милѣйшій прапорщикъ. Ну, ну, посмотримъ, что будетъ!» — работала мысль.

«А что не видали вы военнаго комиссара, поручика Станкевича?»

— «Никакъ нѣтъ, господинъ поручикъ!»

«А какъ же вы прошли? Вѣдь онъ долженъ быть на углу Морской и Невскаго!»

— «По маршруту, данному капитаномъ Галіевскимъ: Александровскій садъ, улицѣ Гоголя и Кирпичному переулку», — отвѣчалъ юнкеръ связи, на мгновеніе озадачивая меня сообразительностью хитраго капитана. «Такъ, такъ, капитанъ что-то чуетъ, что даетъ кружный путь. Эхъ ты, Господи, что-то будетъ дальше?»

«А что Начальника Школы не видали?» — снова поинтересовался я.

— «Никакъ нѣтъ. Его страшно рвутъ. То зовутъ на засѣданіе Правительства, то въ Главный Штабъ».

— «Броневикъ идетъ со стороны Маріинской Площади!» — раздался докладъ съ мѣста.

«Новое дѣло!» — ударила по мозгамъ мысль и снова стало тепло подъ лѣвымъ соскомъ.

«Вниманіе! Приготовься!» — крикнулъ я юнкерамъ.

На этотъ разъ машина шла быстро. Въ глазки двойной башенки смотрѣли дула пулеметовъ. Пройдя мимо насъ, машина замедлила ходъ. Дула пулеметовъ задвигались.

«Ну, теперь каюкъ», — струсилъ было я, но машина, продолжая двигаться, молчала. Доползя до нашихъ загражденій, машина остановилась.

Вслѣдъ за тѣмъ со стороны Невскаго подошла вторая машина. Изъ этой послѣдней машины выскочило трое человѣкъ, и обойдя наши загражденія, подошли къ первой. Переговорили. Двое направились въ ворота станціи. Дверь въ воротахъ открылась и эти двое вошли въ нее.

«Что же теперь будетъ? Пока казаки генерала Краснова дойдутъ, отъ насъ ничегосеньки не останется. А чортъ, что будетъ, то будетъ!» — тупо работала уставшая мысль. Болѣла голова, ныли ноги. Хотѣлось сѣсть. Закрыть глаза и такъ сидѣть. И подавшись чувству безконечной усталости, я уперся плечомъ въ стѣнку, лѣниво смотря на броневики и на ворота станціи.

Снова вышли изъ воротъ тѣ же люди.

— «Гей, юнкера, отпустите шоферовъ, да живо!» — крикнулъ одинъ изъ нихъ. Шоферы, никѣмъ не охраняемые, такъ какъ я и не думалъ ихъ арестовывать, а только отобрать у нихъ машины, болтались тутъ же. И теперь, когда услышали зовъ, со всѣхъ ногъ бросились къ своимъ машинамъ.

Побитый шоферъ попытался было начать какіе-то разговорчики съ однимъ изъ распоряжавшихся, но моментально отказался отъ пришедшаго намѣренія. Причина, которая его побудила къ этому, — былъ увѣсистый кулакъ, поднесенный къ его подбородку.

— «Живо поворачивайся, скотина. Тебя ждутъ тамъ, а ты прохлаждаешься, сволочь! Ну, ну, живо!» — и шоферъ бомбой отпрыгнулъ къ своей машинѣ.

Черезъ минуту грузовики исчезали въ направленіи Невскаго. Броневики продолжали стоять. На насъ не обращали вниманія.

«Что такое? — недоумѣвалъ я. Они ждутъ, очевидно, приказаній. Но почему не трогають насъ? Да я бы, за продѣлку съ грузовиками, давно уже расправился бы, да такъ, что никто ноги не унесъ бы», — злился я за пренебреженіе къ намъ. «Нѣтъ, они намъ что-то готовятъ, но что? А не все равно тебѣ, что? Они въ данномъ случаѣ господа положенія. А ты свою роль окончилъ. Какъ глупо началъ, такъ глупо кончилъ. Ну, затянулъ Лазаря! Подожди, авось что-нибудь измѣнится». И въ этотъ же моментъ первый броневикъ началъ идти къ Невскому.

А вслѣдъ за его уходомъ на тротуарѣ показалась штатская фигура военнаго комиссара.

«Что такое? Ты мило гуляешь? Или я съ ума сошелъ! Ничего не понимаю! Что за чушь творится!» — гудѣло въ головѣ.

— «Соберите юнкеровъ и постройте ихъ, да быстрѣе. Я согласился прекратить осаду. За что получилъ свободный проходъ для юнкеровъ?» — проговорилъ, подойдя ко мнѣ, не смотря на меня, комиссаръ.

Я не отвѣтилъ ни одного слова.

Черезъ 2—3 минуты мой оставшійся взводъ уже ровнялся, строясь на Гороховой улицѣ. Съ баррикадъ на мосту черезъ Мойку на насъ смотрѣли пулеметы.

«Смирно. На право. На плечо!» — ровно командовалъ я, какъ будто это обычное занятіе на дворѣ школы.

«А второй взводъ тоже уже ушелъ?» — задалъ я вопросъ.

— «Не знаю, но я думаю, они сами догадаются это сдѣлать, увидя, что мы ушли», — отвѣтилъ нашъ злой геній.

«Шагомъ маршъ!» — скомандовалъ я. Взводъ пришелъ въ движеніе.

— «Если бы юнкера не были бабами, все дѣло пошло бы иначе», — вдругъ бросилъ злое, глубоко несправедливое, недостойное обвиненіе достойный другъ главноуговаривающаго.

Чтобы не отяготить своей души, я вмѣсто отвѣта сталъ подсчитывать ногу.

Пересѣкая улицу Гоголя, я чуть было не вздрогнулъ: поперекъ улицы стояла команда матросовъ съ винтовками на изготовку.

«Разъ, два!.. Ногу тверже!..» — съ упорствомъ крикнулъ я слова команды, маршируя дальше, чутко вслушиваясь въ воздухъ, въ стремленіи услышать щелканье затворовъ.

Но въ возухдѣ стояло мѣрное отсчитываніе шага моего взвода.

«Лѣвое плечо впередъ!» — выходя къ Александровскому скверу, подалъ я команду, съ облегченіемъ уводя взводъ отъ тяжело-нудной атмосферы Гороховой, принесшей столько разочарованія, стыда и боли.

Поровнявшись съ Невскимъ, я, все же боясь, что 2-ой взводъ можетъ быть продолжаетъ стоять на Невскомъ, отправилъ къ прапорщику Одинцову юнкера связи съ приказаніемъ идти въ Зимній Дворецъ.

Еще нѣсколько минутъ, и мы вышли на площадь. Разнообразныя чувства волновали душу, когда мы направлялись къ Зимнему Дворцу, гдѣ мерещились упреки, насмѣшки, и чувство горечи къ виновнику нашихъ напрасныхъ переживаній и неудачи сразу выросло въ дикую ненависть и презрѣніе. — «Вотъ и памятникъ, уходящій въ густоту нависшихъ сумерокъ спустившагося на городъ вечера, а нѣсколько дальше къ Милліонной стоятъ какихъ-то два броневика.

Увидя насъ, броневики вздрогнули и мѣрно поплыли къ намъ. «Наши — не наши? Э, разницы нѣтъ. Обнюхаете насъ и вернетесь на свои мѣста. Сегодня игра въ кошки съ мышками: — вѣдь здѣсь военный комиссаръ!» — проиронизировала мысль серьезно сосредоточенный осмотръ машинами насъ. Однако, юнкера, задѣтые за живое тактикой поведенія машинъ, обратились съ вопросами, что они дѣлаютъ, на чьей сторонѣ. Отвѣтъ былъ самый неожиданный: «Мы держимъ нейтралитетъ. Но выѣхали въ городъ съ цѣлью препятствія боевымъ стычкамъ между обѣими сторонами. Войска драться между собою не должны. Пускай Правительство и штабъ Ленина идутъ на соглашательство, или дерутся между собою. Таково наше, бронедивизіона, рѣшеніе. И вы можете себѣ идти во Дворецъ, но если будете нападать первыми, то мы будемъ противъ васъ».

Но вотъ, мы подошли и къ Дворцу.

Я остановилъ юнкеровъ и послалъ связь къ капитану Галіевскому съ докладомъ о нашемъ прибытіи, поручивъ также узнать, явился ли уже прапорщикъ Одинцовъ-младшій со своимъ взводомъ — на площади его не было, а по времени онъ долженъ былъ бы тоже подойти. Вообще на площади было тускло и пусто, какъ и въ моментъ нашего прихода. Также продолжали нелѣпо-разбросанно лежать дрова передъ Дворцомъ, наводя мысль на воспоминанія о баррикадахъ. «Но почему не видно приготовленій къ устройству наружной обороны? Вотъ, изъ этихъ брусьевъ можно сдѣлать отличныя баррикады. Великолѣпно можно использовать слѣва рѣшетку сада. Затѣмъ, всѣ окна первыхъ этажей. Кромѣ Дворца безусловно занять и привести къ оборонительному состоянію Главный Штабъ, Министерство Финансовъ и Иностранныхъ Дѣлъ, прорывъ подъ Аркой къ Невскому глубокую канаву и заложить мину, если не взводный окопъ устроить. Затѣмъ надо использовать и зданіе Главнаго Управленія Генеральнаго и Главнаго Штабовъ. Гдѣ же офицерство этихъ всѣхъ учрежденій? Или оно уже на выполненіи какой либо задачи? А дадутъ ли намъ еще какую-нибудь задачу или теперь мы останемся за флагомъ? Конечно, военный комиссаръ будетъ дѣлать докладъ Правительству, и совершенно ясно, что докладъ будетъ неблагопріятенъ для юнкеровъ и вреденъ для освѣщенія обстановки момента», — мучительно рвали голову печальные выводы о знакомствѣ съ дѣятельностью и способностями представителя Правительства при верховномъ командованіи.

«Господинъ поручикъ!» — раздалось обращеніе, заставившее вернуться къ ощущенію мелкой дѣйствительности, окружавшей насъ. «Господинъ поручикъ! Капитанъ Галіевскій приказалъ ввести юнкеровъ во дворъ и присоединиться къ баталіону, а затѣмъ вамъ явиться къ нему, а гдѣ онъ находится, — я васъ провожу. Прапорщика Одинцова съ юнкерами во Дворцѣ нѣтъ. Ихъ, по докладу убѣжавшихъ юнкеровъ и нѣкоторыхъ офицеровъ Штаба, очевидцевъ, окружили солдаты Павловскаго полка, рабочіе и броневики, и взяли въ плѣнъ. При чемъ страшно издѣвались и били юнкеровъ. Куда ихъ увели — неизвѣстно»... — возбужденный печальной новостью о судьбѣ товарищей, торопливо доложилъ вернувшійся юнкеръ связи. Вздохъ горести и краткія восклицанія, вырвавшіяся у юнкеровъ, разрядили было нависшую атмосферу молчанія, въ которой мы ожидали возвращенія изъ дворца связи.

Гулъ голосовъ рокотомъ переливался подъ аркой, посреди которой стоялъ броневикъ.

— «Это уже нашъ!» — оживленно прокоментировали юнкера. «Да, здѣсь все уже наше», — тускло мелькнула мысль. А гдѣ-то въ глубинѣ застоналъ червячокъ тоски: «Здѣсь и преступленіе наше, здѣсь и его искупленіе». Простоналъ и исчезъ. Духъ бодрой рѣшимости захватилъ меня при выходѣ изъ-подъ арки во дворъ, гдѣ, между высокими рядами сложенныхъ въ кубы дровъ, стояли козлы винтовокъ, съ разгуливающими передъ ними часовыми, а слѣва и справа торчали холодныя черныя дула трехдюймовыхъ скорострѣлокъ. Весь дворъ говорилъ. И въ этотъ говоръ вносилось рѣзкимъ диссонансомъ ржаніе лошадей. Налѣво отъ входа до дворъ, передъ длиннымъ рядомъ дровъ, оказалось мѣсто, отведенное для нашего баталіона, куда я и подошелъ съ юнкерами.

Наши юнкера, въ большинствѣ, находились тутъ же: кто сидѣлъ на дровахъ, а кто прямо на цементной мостовой двора. Изъ офицеровъ никого не было видно. Когда я, поблагодаривъ своихъ юнкеровъ за ихъ прекрасную службу, разрѣшилъ имъ разойтись изъ строя, мнѣ сейчасъ же было сообщено окружившими насъ юнкерами, что они не надѣялись уже видѣть насъ. Это было трогательно, и я не замедлилъ использовать этотъ моментъ для подлитія масла въ огонь настроенія борьбы и борьбы активной. «Не имѣемъ права мы заниматься разговорчиками съ тѣми, кто билъ, а сейчасъ, можетъ быть, умерщвляетъ нашихъ товарищей, только за то, что тѣ, будучи такими же дѣтьми Русскаго Народа, какъ и рабочіе и крестьяне, отличаются отъ нихъ существенно знаніями, расширяющими кругозоръ міросозерцанія, а потому во имя свѣтлой истины великой правды берутся за оружіе, но берутся не какъ за цѣль, а какъ за средство отрезвленія загипнотизированныхъ ложью слова дикихъ слугъ безумнаго фанатизма нелѣпаго ученія, ведущаго въ ярмо кошмарнаго рабства».

«Вы извините, что я, заболтавшись съ вами, оторвалъ васъ отъ вашего отдыха!» — поставилъ я точку надъ своею бесѣдою съ юнкерами, которые, къ моему большому, внутреннему удовлетворенію, слушали меня съ большимъ вниманіемъ.

«А гдѣ господа офицеры?» — спохватился я, видя, что бесѣда можетъ затянуться, а между тѣмъ, надо идти съ докладомъ къ капитану Галіевскому, о чемъ мнѣ напоминала стоящая тутъ же фигура юнкера связи.

— «Господа офицеры съ нѣкоторыми изъ нашихъ юнкеровъ въ Бѣломъ Залѣ на митингѣ».

«Митингѣ? На какомъ такомъ митингѣ?» — какъ ужаленный подсочилъ я съ бревна, на которомъ съ наслажденіемъ сидѣлъ послѣ нѣсколькихъ часовъ стоянія на ногахъ.

— «Такъ точно. Самый настоящій митингъ. Во Дворецъ явились, для защиты Временнаго Правительства, школы прапорщиковъ изъ Ораніенбаума, Петергофа, взводъ отъ Константиновскаго Артиллерійскаго, наша школа, и ожидается прибытіе казаковъ. Сперва все шло хорошо. Но бездѣятельность и проникшіе агитаторы, а въ то же время растущіе успѣхи возставшихъ, вызвали броженіе среди Ораніенбаумцевъ и Петергофцевъ. Ихъ комитеты устроили совѣщаніе и потребовали къ себѣ представителя отъ Временнаго Правительства изъ его состава для дачи разъясненій о цѣли ихъ вызова и обстановки момента. А когда разъясненія были выданы Пальчинскимъ, то они объявили, за недостаточностью таковыхъ, общее собраніе для всего гарнизона Зимняго Дворца. И вотъ, уже съ часъ митингуютъ въ Бѣломъ Залѣ, куда вышли всѣ члены Временнаго Правительства во главѣ съ Коноваловымъ. Тамъ такая картина стыда, — горячо докладывалъ портупей-юнкеръ Мацѣевскій, — что я, сперва заинтересовавшійся причиной собранія, убѣжалъ оттуда. Другъ друга не слушаютъ, кричатъ, свистятъ. Не юнкера, не завтрашніе офицеры, а стадо глупаго баранья. Вы вотъ увидите, господинъ поручикъ, что за физіономіи этихъ юнкеровъ: тупыя, крупныя и грубыя. Уже по виду на нихъ, вы догадаетесь, что все это отъ сохи, полуграмотное, невѣжественное звѣрье . . . Быдло! . .» — съ дрожью въ голосѣ, едва сдерживалъ набѣжавшее желаніе разрыдаться отъ гнета впечатлѣнія дикости картины, еще продолжавшей мучить этого стройнаго, хрупкаго, нѣжнаго юношу.

«Говоритъ Коноваловъ — предсѣдатель Совѣта Министровъ Временнаго Правительства, какое бы то тамъ ни было Правительство, но оно Правительство твоего народа. И что же? Онъ говоритъ, а его перебиваютъ. Коноваловъ такъ и бросилъ. Затѣмъ Масловъ выступилъ, вѣдь старый революціонеръ; Терещенко принимался — вотъ этотъ красиво, хорошо говорилъ, а результатъ тотъ же. Ни къ кому никакого уваженія. Тутъ же и курятъ, и хлѣбъ жуютъ, и сѣмечки щелкаютъ».' — Я слушалъ съ закрытыми глазами; меня шатало, тошнило; мысли путались . . . Наконецъ, забравъ себя въ руки, я справился о Керенскомъ.

— «Господь его вѣдаетъ! Сперва скрывали отъ юнкеровъ даже пребываніе Временнаго Правительства. Говорили, что оно засѣдаетъ въ Главномъ Штабѣ. Потомъ объявили, что находится здѣсь. И что принято рѣшеніе вести оборону Зимняго Дворца, такъ какъ возставшіе предполагаютъ его занять, какъ уже заняли весь городъ. О послѣднемъ, конечно, не говорятъ, а наоборотъ усиленно лгутъ, что идутъ войска, что авангардъ Сѣверной Арміи въ лицѣ казачьихъ частей корпуса генерала Краснова вошелъ въ городъ. Сперва объявили, что заняты Царскосельскій вокзалъ и Николаевскій, что дало возможность прибыть эшелонамъ изъ Бологое и ст. Дно. Затѣмъ, это было въ три часа дня, что казаки двинулись по Невскому и что только задержались у Казанскаго Собора. Пока вы, господинъ поручикъ, были у телефонной станціи, мы еще вѣрили въ правдивость этихъ сообщеній. Но когда пошедшая къ вамъ на подкрѣпленіе полурота, увидѣвъ, что на углу Невскаго и Морской происходитъ какая-то стычка, подъ охраной броневиковъ, вернулась назадъ, намъ стало ясно, что происходившая стрѣльба говоритъ о торжествѣ возставшихъ и что здѣсь по инерціи продолжаютъ лганьё. А васъ мы было уже похоро-

нили. И слава Богу, что вамъ удалось вернуться!» — тихо, утомившись отъ возбужденія, закончилъ свое тяжелое описаніе портупей-юнкеръ.

Наступило молчаніе. Сгустившаяся темнота не позволяла видѣть выраженія лицъ. И только звуки пощелкиванія гдѣ-то выстрѣловъ, осѣдавшихъ во дворъ, напоминали о необходимости дѣйствія, но тяжесть впечатлѣнія о взаимоотношеніяхъ членовъ Временнаго Правительства и юнкеровъ, ихъ защитниковъ, — обволакивало туманомъ сѣрыхъ вопросовъ душу, сердце и нервы.

«Ну, а пока друзья, я пойду къ капитану Галіевскому. Поручикъ Скородинскій», — позвалъ я поручика, вышедшаго подъ освѣщенную арку, справа изъ Дворца. — «Кто меня зоветъ?» — оборачиваясь, задалъ вопросъ къ намъ въ темноту длинный, изящный поручикъ. — «Это я, Александръ Синегубъ!»

— «А, здравствуйте, поздравляю съ благополучнымъ возвращеніемъ», — привѣтствовалъ онъ меня, какъ только я вошелъ въ полосу свѣта.

«Чего ужъ благополучнѣе, когда взводъ юнкеровъ потерялъ. Зря время потеряли и людей! — повторилъ я. — Чортъ знаетъ, голова кругомъ идетъ; вотъ что, поручикъ, останьтесь пожалуйста около юнкеровъ — мнѣ надо явиться къ капитану Галіевскому. Чортъ знаетъ, вѣдь мы не въ школѣ. Никого изъ офицеровъ нѣтъ около нихъ. Мало ли какая сволочь начнетъ имъ засорять мозги», — попросилъ я поручика. — «Да, да, Александръ Петровичъ, мнѣ это самому въ голову пришло, я и ушелъ съ митинга». «Что онъ все еще продолжается?! Безобразіе, неужели никто его не догадается разогнать? Ну и Правительство! — говорилъ я. — Удивительно слабое, хотя это понятно». — «Но въ концѣ концовъ все же договорились, и юнкера обѣщали остаться, если будетъ проявлена активность и если информація событій будетъ отвѣчать дѣйствительности. Правительство обѣщало, и юнкера теперь расходятся», — сообщалъ поручикъ.

«А гдѣ Начальникъ Школы?»

— «Его рвутъ. Сейчасъ онъ въ Главномъ Штабѣ. Его Правительство назначило комендантомъ обороны Зимняго Дворца, и ему подчинены всѣ, находящіяся въ Зимнемъ Дворцѣ силы».

«Да, что вы говорите?! Слава Богу! Теперь я опять начинаю вѣрить, что мы не погубимъ зря нашихъ юнкеровъ и что что-нибудь да выганцуется у насъ. Ну, я бѣгу къ Галіевскому. Гдѣ капитанъ?»

— «Въ комендантской комнатѣ, первая лѣстница наверхъ, во второмъ этажѣ, сейчасъ же рядомъ съ выходомъ», — отвѣтилъ поручикъ, направляясь въ темень двора.

«Броневикъ есть, а около него ни души», — почему-то вспомнилъ броневикъ, когда сталъ подниматься по ступенькамъ въ темный входъ. Юнкеръ связи, нащупавъ ручку двери, открылъ ее. Передъ глазами оказался длинный, сравнительно узкій корридоръ перваго этажа.

Въ корридорѣ пахло тѣмъ запахомъ, который такъ присущъ стѣнамъ казармъ. «Здѣсь караулъ помѣщался до революціи», — сообщилъ юнкеръ связи, очевидно замѣтивъ, что я повелъ носомъ.

«А теперь гдѣ?» — улыбнувшись наблюдательности юнкера, справился я.

— «Въ Портретной галлереѣ. Но часть и здѣсь. Здѣсь, отъ наружныхъ воротъ. А здѣсь налѣво — патроны выдаютъ», — указалъ онъ первую дверь лѣвой стороны.

«Постойте. А намъ уже выдали?»

— «Никакъ нѣтъ. Патроновъ не хватило! Но теперь новые доставлены, и ихъ будутъ выдавать».

Но вотъ и капитанъ Галіевскій. Я подошелъ съ докладомъ.

— «Александръ Петровичъ! очень радъ, милый, васъ видѣть. Хорошо еще, что хоть такъ кончилось. Съ этими представителями власти у меня уже опухла голова. Но, въ добрый часъ теперь назначенъ комендантъ обороны Зимняго. Вы уже знаете это? Да? Я очень успокоился душою, когда узналъ, что назначили Ананьева. Лишь бы не оказалось позднимъ это единственно разумное до сихъ поръ мѣропріятіе со стороны Правительства и Главнаго Штаба. Сколько и чего только, дружокъ, я вамъ не перескажу потомъ, вы диву дадитесь. Однимъ словомъ, я пришелъ къ заключенію, что Керенскому надо было передать власть Ленину. Но какъ это сдѣлать? Подождите, вы сами въ этомъ убѣдитесь! А вѣдь самъ исчезъ, оставивъ несчастныхъ дураковъ-сотоварищей расхлебывать кашу, которой, пожалуй, подавятся, а никакъ не расхлебаютъ. Правительство — это какіе-то особенные люди. Въ частности, многіе на меня произвели сильное впечатлѣніе. Я убѣжденъ, что ихъ здѣсь обрабатываютъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Около нихъ все время вертятся какія-то темныя личности, да кое-кто и въ средѣ ихъ далеко отъ этихъ не ушелъ. Но все же оно дитя передъ улизнувшимъ главноуговаривающимъ. Еще вчера, морочa людей въ Совѣтѣ Республики, въ этомъ сборищѣ козлищъ, клялся умереть на своемъ посту, а сегодня, переодѣвшись, какъ разсказываютъ наши, сестрою милосердія, удралъ изъ города. Учуялъ, что его пѣсня все равно къ концу идетъ. Такъ хоть бы чести хватило слово сдержать, другихъ не подвести, такъ нѣтъ, онъ и товарищей предалъ. А тѣ и сейчасъ все еще вѣрятъ въ него, а можетъ быть . . . Знаютъ, да считаютъ за лучшее, молчать. Ну да я рѣшилъ ихъ по совѣсти защищать. Александръ Георгіевичъ тоже того же мнѣнія. У насъ рѣшенія не мѣняются, не правда-ли. А если дать восторжествовать Ленину безъ сопротивленія, то народъ никогда не разберется, гдѣ черное и гдѣ бѣлое, кто его другъ и кто ему готовитъ ярмо безпросвѣтнаго рабства. И вотъ для этого мы должны погибнуть здѣсь. И теперь я уже вижу, что это неизбѣжно, что нашимъ прежнимъ расчетамъ не осуществиться. Что же дѣлать; не мы — такъ другіе, но начать мы должны. Да, тяжелая расплата за нашъ невольный грѣхъ. Это тяжело говорить. Лучше идемте, посмотримъ, не пришелъ ли Александръ Георгіевичъ», вставая съ диванчика комендантской комнаты, закончилъ Галіевскій.

«Да, да, дорогой капитанъ, именно все такъ, какъ Вы говорите. Вотъ если останемся живы, я разскажу вамъ о своихъ наблюденіяхъ и выводахъ. А если бы Бурцеву объ этомъ разсказать. Старикъ сталъ бы волосы рвать за свое проклятое дѣло благословенія революціи. И хотя онъ начинаетъ опоминаться послѣднее время, но это еще далеко отъ искренности: до нутра у него еще не дошло сознанія. Ну, да провались они всѣ въ болото. А вотъ мнѣ патроновъ надо, господинъ капитанъ. У кого ихъ можно потребовать?»

— «У Васъ полевая книжка есть, такъ Вы напишите требованіе и получите въ караулкѣ, а я побѣгу посмотрѣть, что дѣлается на площади у воротъ. Мѣсто встрѣчи — комендантская», уже на ходу крикнулъ капитанъ. «Слушаюсь», отвѣтилъ я въ догонку, принимаясь выписывать на листкѣ изъ полевой книжки требованіе на патроны для юнкеровъ 2-ой роты.

«Пришлите мнѣ фельдфебеля 2-ой роты Немировскаго», отдалъ я приказаніе, поймавъ одного изъ проходившихъ юнкеровъ 1-ой роты.

— «Слушаюсь», отвѣтилъ тотъ, и побѣжалъ исполнить полученное приказаніе, а я продолжалъ дальше возиться съ полевой книжкой, но уже занося въ ея вторую половину, въ отдѣлъ моихъ впечатлѣній и наблюденій, схему происшедшимъ встрѣчамъ.

«Юнкера говорили еще о Петербургской и Ораніенбаумской школахъ, писалъ я, стараясь оттѣнить легкими штрихами наибольшія выпуклости общаго рельефа. А если свершится чудо, и я уцѣлѣю, то расшифрую записанное, — это дастъ козыри обществу Анны Петровны для конкуренціи съ Бурцевымъ и борьбы съ Батмаевцами».

Удовлетворенный записью, спряталъ полевую книжку въ боковой карманъ пальто. Между тѣмъ прибывали пріемщики изъ школъ, отъ чего на душѣ становилось весело.

«Заработали! Ну давай Богъ! Въ добрый часъ!» — и я выскочилъ въ корридоръ, а изъ него на дворъ. Дворъ гудѣлъ. Возгласы команды, споры, смѣхъ. Все это напоминало бивуакъ, а направо черезъ рѣшетчатыя верхи воротъ свѣтились кое гдѣ огоньки въ зданіи Главнаго Штаба . . . Мимо прошла команда юнкеровъ 2-ой Петергофской Школы, направляясь къ выходу изъ дворца. «На смѣну дозоровъ пошли», — догадался кто-то. «Ну, а что мы дѣлать будемъ?» — не рѣшаясь прямо спросить меня, начали задавать юнкера другъ другу вопросы при моемъ появленіи, въ расчетѣ вызвать меня на высказаніе какихъ либо соображеній.

— «Счастливчики идутъ. Право, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Ну вотъ вы вѣчно панически настроены, а я, такъ убѣжденъ, что придетъ утро, а мы все будемъ сидѣть въ резервѣ. Вотъ увидите, что ничего не случится. Не забывайте, что Керенскій, теперь это не секретъ, отправился къ арміи и къ утру войдетъ въ Питеръ. И повѣрьте, эти господа все учитываютъ и, конечно, въ ночь, разъ за день ничего не успѣли сдѣлать, разсѣются такъ же быстро по своимъ норамъ, какъ неожиданно и выползли изъ нихъ». «Неожиданно! когда еще за нѣсколько дней до сегодня пресса называла часъ начала ихъ дѣйствій. Вы эсъэры просто . . .», кто то старался оспорить мнѣніе говорившаго. «Бросьте разговорчики, господа, не мѣшайте, пока возможно подремать», — неслось съ высоты полѣницъ, гдѣ кое кто умудрился даже всхрапывать, не смущаясь твердостью дровъ.

— «А я васъ ищу, Александръ Петровичъ», выросъ передо мною съ восклицаніемъ поручикъ Скородинскій, очевидно узнавъ меня по любимому мною мурлыканію Рылеевскаго «Часового», привязавшагося къ моему языку чуть ли не съ одиннадцатилѣтняго возраста. «Вамъ есть заданіе, продолжалъ онъ. Капитанъ Галіевскій приказываетъ отвести роты на предназначенныя имъ мѣста по разработанному Начальникомъ Школы плану обороны дворца на случай нападенія на него какихъ либо группъ возставшихъ явно не предполагающихъ наткнуться на такое сопротивленіе, какъ юнкерскіе баталіоны. Вамъ приказано занять первый этажъ налѣво отъ выхода изъ воротъ, распространившись отъ крайняго лѣваго угла дворца такъ, чтобы на Милліонную получился продольный огонь углового окна, куда потомъ вамъ будетъ данъ пулеметъ. Это окно должно явиться вашимъ лѣвымъ флангомъ. Правый уже обозначится стыкомъ съ моимъ лѣвымъ. Я начинаю отъ окна, выходящаго на площадь рядомъ съ главными этими воротами съ лѣвой стороны ихъ, если смотрѣть отсюда по направленію къ

Морской. Такимъ образомъ, мы получаемъ фронтовое наблюденіе за площадью и съ огнемъ на нее. Главная оборона этого участка перваго этажа дворца ввѣряется вамъ съ подчиненіемъ вамъ и меня съ моей ротой. При этомъ вамъ приказывается подъ строжайшей отвѣтственностью не открывать первымъ огня, не смотря ни на что. Огонь разрѣшается лишь въ случаѣ атаки со стороны бандъ, и то, если атака будетъ сопровождаться огнемъ съ ихъ стороны. Такова воля Временнаго Правительства. Кромѣ того, при размѣщеніи юнкеровъ въ комнатахъ приказывается учитывать высоту подоконниковъ въ расчетѣ на закидываніе ручными гранатами комнатъ, а такъ же принять во вниманіе возможную внезапность открытія огня изъ оконъ верхнихъ этажей противолежащихъ Дворцу зданій, которыя, хотя и будутъ приведены въ оборонительное состояніе средствами офицерскихъ отрядовъ, все же могутъ случайно перейти въ руки возставшихъ. Это все мѣры предположительныя и руководящаго характера. Въ данное же время надлежитъ лишь занять позицію и начать вести самое строгое наблюденіе, давъ возможность свободнымъ юнкерамъ лечь отдыхать, такъ какъ рѣшительныя дѣйствія ожидаются лишь къ утру, вслѣдствіи происшедшей какой то заминки въ приближеніи возставшихъ къ Дворцу. Слѣдовательно, опасаться можно лишь случайныхъ бандъ. Къ утру же подойдутъ войска съ фронта. Да я забылъ добавить, что вы должны имѣть резервъ, на случай наружнаго дѣйствія у воротъ. Резервъ надлежитъ имѣть отъ 1-ой роты, т. е. теперь моей. Дѣйствовать резервомъ лишь съ доклада капитану Галіевскому. Ну теперь я, кажется, все передалъ. Эти детали должны быть сообщены юнкерамъ, которымъ вмѣняется въ обязанность самое осторожное обращеніе съ вещами, находящимися въ комнатахъ. И когда будетъ все исполнено, доложить капитану Галіевскому. Онъ желаетъ лично явиться для провѣрки. Къ нему отъ 1-ой роты, по его приказанію, я назначилъ связь, которая въ его распоряженіе уже и ушла», закончилъ поручикъ дѣйствительно подробное приказаніе.

«Вотъ это спасибо, поручикъ, за пріятную новость. А то невѣдѣніе, что съ собою дѣлать, довольно тяжелое чувство. Пока я введу въ помѣщеніе свою роту, вы разъясните вашимъ юнкерамъ полученную задачу» — сдѣлалъ я предложеніе.

— «Слушаюсь, господинъ поручикъ! Разрѣшите пойти?» — входя въ роль подчиненнаго мнѣ по службѣ, оффиціально строго отвѣтилъ поручикъ Скородинскій.

«Да! . . Фельдфебель 2-ой роты ко мнѣ», крикнулъ я въ темноту, и въ свою очередь началъ распоряженія, радостно встрѣченный юнкерами.

Черезъ нѣсколько минутъ я вводилъ роту въ комнаты 1-го этажа.

Я видѣлъ, какъ юнкера располагались у оконъ, всматриваясь въ происходящее на площади, какъ приспособливались лечь на полу, покрытомъ коврами. Я слышалъ ихъ неувѣренныя формулировки ощущеній, получаемыхъ ими отъ обстановки комнатъ, въ которыхъ еще недавно, года нѣтъ, была атмосфера уюта личной жизни нашихъ земныхъ боговъ. Я понималъ ихъ стѣсненныя тяжелыя движенія членами тѣла, словно налившагося пудами какой-то невѣроятной тяжести. И видя, и слыша, и понимая ихъ, я жалѣлъ и болѣлъ душою за нихъ и за себя и за грѣхъ.

Мы ждемъ. И видно это давало мнѣ силы, не понимая себя, не контролируя своихъ распоряженій, отдавать ихъ въ такомъ видѣ, что, выполняя ихъ, достигалось поставленное мною заданіе. — Не мудрствуй! — твердилъ я себѣ.

Теперь не время! Но . . . тщетно пытался я взять себя въ руки. И не я одинъ мучился. Юнкера, которые были на дворѣ просты и естественны здѣсь томились и были странны.

Я нѣсколько разъ обращался то къ тому, то къ другому изъ тѣхъ, мысль и чувства которыхъ играли на лицахъ ихъ. Я обращался къ нимъ какъ братъ къ брату, а не начальникъ къ подчиненному, такъ какъ это ощущеніе мною было утеряно съ момента проникновенія въ эти комнаты. Я что-то говорилъ, на что то жаловался, чего-то хотѣлъ — но что, чего — не знаю . . .

Но время дѣлаетъ свое дѣло.

Постепенно мысль прояснилась, чувства обрѣли покой, и я снова получилъ способность отдачи себѣ отчета въ поступкахъ и обстановкѣ момента. И мнѣ стало легче. Вотъ явилось желаніе и юнкерамъ передать это облегченіе. А для этого я попробовалъ вникнуть въ возможныя мѣропріятія.

Оказывается, голова работаетъ. Мысль такія мѣры нашла. И энергія снова во мнѣ закипѣла. — «Вы бы заснули», — убѣждалъ я молчаливо сидѣвшую парочку друзей юнкеровъ съ горящими глазами, окаймленными налившимися синевой подъ яблочными мѣшками.

— «Пробуемъ, но не выходитъ. Обстановка давитъ», конфузливо признаются юнкера.

«Да это вѣрно. Я васъ понимаю. Но необходимо сохранить силы. Богъ знаетъ, что насъ еще ждетъ впереди. Право перестаньте думать и отдохните», — пробовалъ я урезонить ихъ.

— «А хорошая мебель», — выскочилъ кто-то изъ юнкеровъ съ трезвой оцѣнкой вещей, находившихся въ комнатахъ. — «Да тутъ какъ-то все сохранилось на мѣстѣ, — не успѣли растащить или же разсказы о грабежѣ чистый вымыселъ», — подхватилъ я затронутую тему, чтобы развитіемъ ея отвлечься отъ другихъ.

— «Ну нѣтъ. Тутъ массу растащили, но надо отдать справедливость Керенскому. Онъ горячо и настойчиво требовалъ сохраненія въ цѣлости вещей — объявляя ихъ достояніемъ государства. Но развѣ усмотрить за нашей публикой. Особенно, дворцовыми служащими и той шантрапой, что набила дворецъ», — замѣтилъ одинъ изъ разлегшихся на полу юнкеровъ.

— «А вы видѣли молельню, господинъ поручикъ? Тамъ есть такіе образа, что имъ цѣны нѣтъ».

«Да видѣлъ, но въ нее не входилъ. Не смогъ себя заставить. Вѣдь тамъ государыня Богу молилась. И мнѣ казалось, что если я войду туда, то это будетъ кощунство. Вѣдь мы здѣсь не гости по приглашенію хозяевъ Дворца, а игрушка въ рукахъ судьбы, занесенная ею сюда, для тѣхъ достиженій, которыя еще сокрыты отъ насъ. Поэтому я не смѣлъ войти въ нее. И даже если бы мнѣ сказали, что наша жизнь была бы охранена стѣнами ея, я и тогда не вошелъ бы въ нее и никого добровольно туда не впустилъ».

— «А Керенскій немножко иначе мыслитъ», — началъ опять кто-то говорить о Керенскомъ, но его перебили возгласы изъ сосѣдней комнаты.

«Гдѣ господинъ поручикъ? Доложите, что казаки пришли и располагаются въ коррпдорахъ и въ комнатахъ около молельни и хотятъ такъ же занять ее».

«Казаки! Какіе казаки? Откуда?» — и я бросился въ коррпдоръ.

Коррпдоръ уже былъ набитъ станичниками, а въ него продолжали втискиваться все новые и новые.

«Гдѣ ваши офицеры? Гдѣ командиръ сотни?» — обратился я съ вопросомъ къ одному изъ бородачей уральцевъ. Онъ махнулъ головой и не отвѣчая продолжалъ куда то проталкиваться черезъ своихъ товарищей.

«Что за рвань? — соображалъ я, смотря на ихъ своеобразные костюмы, истасканные до послѣдняго. — Э, да у нихъ дисциплина, кажется, тоже къ черту въ трубу вылетѣла. Хорошенькіе помощники будутъ . . .»

«Эй! Станичники, кто у васъ здѣсь старшій», снова обратился я съ вопросомъ, но уже къ массѣ.

— «Всякъ за себя — а на што тебѣ», — раздались два слабыхъ отвѣта среди гама, съ которымъ они продолжали продвигаться по корридору, частью заваленному какими-то большими ящиками, о которыхъ острили, что Керенскій не успѣлъ ихъ съ собою забрать по причинѣ преждевременнаго исчезновенія.

Услышавъ эти своеобразные отвѣты, я было чуть не разразился бранью за нелѣпость ихъ и за игнорированіе во мнѣ офицера.

«Смотри — среди нихъ нѣтъ почти молодежи, это все старшихъ возрастовъ. Ага, то-то они и явились сюда», — проталкиваясь среди казаковъ къ стоявшему на ящикѣ и слѣдившему за движеніемъ казаковъ подхорунжему, подумалъ я.

— «Хотя на большомъ засѣданіи представителей совѣта съѣзда казаковъ и говорено было о воздержаніи отъ поддержки Временнаго Правительства, пока въ немъ есть Керенскій, который намъ много вреда принесъ, все же мы наши сотни рѣшили придти сюда на выручку. И то только старики пошли, а молодежь не захотѣла и объявила нейтралитетъ».

«Такъ, такъ. А гдѣ офицеры ваши?»

— «Да ихъ не много, пять человѣкъ съ двумя командирами сотенъ. А они къ коменданту Дворца пошли. Ихъ позвали туда . . . — Эй, вы тамъ, давай пулеметы туда въ уголъ, вотъ размѣстится народъ, тогда и ихъ пристроимъ... — А вы давно здѣсь», уже обращаясь ко мнѣ, продолжалъ подхорунжій, крѣпкій, бородатый казакъ.

«Съ полудня. Ходили уже къ телефонной станціи, да толку не вышло — уклончиво отвѣтилъ я. — Вотъ что я васъ хотѣлъ попросить — продолжалъ я. — Здѣсь молельня царя есть. Такъ чтобы въ нее не ходили». — «Зачѣмъ толкаться туда, казаки сами не пойдутъ, развѣ который предъ образомъ лобъ перекресить захочетъ».

— «Вы не думайте, поручикъ, станичники понятіе большое имѣютъ», — смотря мнѣ прямо въ глаза, добавилъ подхорунжій.

«Вотъ это спасибо. Ну я побѣгу къ своимъ, а вы, значитъ, располагайтесь, какъ можете, а когда придутъ ваши офицеры, пошлите сказать мнѣ», — спрыгивая съ ящика, попросилъ я.

— «Слушаюсь, господинъ поручикъ», — вслѣдъ отвѣтилъ подхорунжій.

Прійдя къ первому взводу, гдѣ было назначено мѣсто моего пребыванія для юнкеровъ связи, я засталъ поручика Скородинскаго и юнкера Гольдмана, явившагося съ приказаніемъ отъ капитана Галіевскаго. Но не успѣлъ я открыть рта для вопроса, что есть новаго, какъ изъ сосѣдней комнаты, слѣва расположенной, угловой, выходящей окнами и на Милліонную улицу, вбѣжало двое юнкеровъ.

— «Господинъ поручикъ», разлетѣлись они ко мнѣ.

«Стопъ. По очереди. Говорите вы, въ чемъ дѣло?»

— «Господинъ поручикъ, казаки насъ выставляютъ изъ угловой комнаты. Взводный командиръ приказалъ просить васъ прійти».

— «Они ничего слушать не хотятъ и располагаются въ комнатѣ такъ, словно въ конюшню явились», — возмущенно докладывалъ юнкеръ.

«А вы что хотите?» — справился я у второго.

— «У насъ та же картина, господинъ поручикъ, но кромѣ того хотятъ еще въ молельню пойти. Ихъ не пускаетъ часовой, а они кричатъ, что можетъ умирать прійдется, такъ чтобы помолиться туда пустили. — Намъ будетъ очень пріятно помолиться тамъ, гдѣ сами цари молились — кричатъ они, — а вы не пускаете, жидовскія морды. Часовой изъ нашихъ евреевъ оказался. Юнкера обидѣлись и, если вы не прійдете, то еще дѣло до драки дойдетъ», — съ еще большею растерянностью доложилъ второй юнкеръ. «Смѣхъ и грѣхъ — пронеслось въ головѣ. Это теперь не оберешься скандаловъ, съ этими бородатыми дядями».

— «Александръ Петровичъ, — пока только кончили свои доклады юнкера, обратился ко мнѣ поручикъ Скородинскій, — вотъ какъ разъ капитанъ Галіевскій черезъ юнкера связи приказываетъ отдать лѣвую часть этажа оборонѣ казаковъ, такъ какъ у нихъ есть пулеметы, а намъ сосредоточиться лишь въ расположеніи моей роты».

«Ну прекрасно. Передайте въ ваши взводы командирамъ взводовъ, чтобы они ихъ привели въ комнаты направо», — отдалъ я распоряженіе юнкерамъ.

«Фельдфебель Немировскій!» — обратился я къ стоявшему не въ далекѣ фельдфебелю 2-ой роты и прислушивавшемуся къ къ происшедшымъ докладамъ.

— «Я здѣсь», — подлетѣлъ онъ со своею пружинностью въ манерѣ вытягиваться при обращеніи офицеровъ къ нему.

— «Наблюдите за отданнымъ приказаніемъ. Да чтобы все это быстро было исполнено. Я буду при 1-омъ взводѣ 1-ой роты. А пока пойдемте къ молельной комнатѣ — предложилъ я Скородинскому — посмотрѣть, что тамъ за антраша выкидываютъ станичники, а то еще дѣйствительно въ рукопашную схватятся».

Черезъ нѣсколько минутъ все приняло обычный видъ порядка въ настроеніяхъ юнкеровъ, — сцѣпившихся съ казаками, но теперь тоже удовлетворенныхъ полученной возможностью войти помолиться тамъ, гдѣ «сами цари съ дѣточками молились», — какъ, мягко улыбаясь сіяющими грустно глазами, говорили они.

«Какіе большіе дѣти они еще» — возвращаясь къ своимъ ротамъ, говорилъ я поручику. «Вотъ и на фронтѣ я не разъ наблюдалъ, какъ бородачи 2-ой Уральской казачьей дивизіи, увлекшись споромъ о преимуществахъ одного святого передъ другимъ, абсолютно не обращали никакого вниманія на лопавшіяся вокругъ нихъ гранаты и шрапнели. А однажды при отступленіи я едва оторвалъ отъ богословскаго спора и выгналъ изъ халупы шестерыхъ казаковъ. Еще немного и мы не успѣли бы сѣсть на коней и ускакать отъ вошедшихъ въ деревню австрійцевъ», вспоминалъ я сюжеты фронтовой жизни.

— «Да, они особенные — соглашался поручикъ со мною. И они мнѣ очень нравятся, только не молодые, тѣ такъ распустились, что противно на нихъ смотрѣть».

«Да, да, а какіе были это войска!» — вздохнули мы и смолкли. Черезъ открытыя окна ночная прохлада освѣжала воздухъ комнатъ, уже пропитавшихся запахомъ сапогъ, внесеннымъ нами въ эти такъ взволновавшія наши чувства стѣны. Тишина, соблюдаемая юнкерами, позволяла улавливать звуки гдѣ-то

вспыхивающей ружейной трескотни, что не мѣшало подумывать о кухняхъ, находящихся во дворцѣ, на предметъ использованія ихъ для приготовленія чая юнкерамъ. И эти думы опять напомнили мнѣ о моемъ 26 часовомъ голодѣ.

«Хорошо еще, что Телюкинъ догадался сунуть коробку папиросъ».

— «А вы бы пошли на верхъ. Тамъ у комендантской есть столовая, гдѣ придворные лакеи сегодня подали дивный обѣдъ и вина. Право, сейчасъ — вы видите — все тихо и можете положиться на меня», — началъ убѣждать поручикъ.

И словно, меня кто подслушалъ. Въ комнату вошелъ капитанъ Галіевскій, и подойдя къ темнотѣ на наши голоса къ намъ, передалъ приказаніе Начальника Школы явиться въ помѣщеніе комендантской.

— «Начальникъ Школы приказалъ всѣмъ офицерамъ школъ и частей собраться для обсужденія мѣръ и полученія заданій по развитію обороны Зимняго. Поэтому, идемте скорѣе, господа. Времени терять нельзя. А у васъ хорошо здѣсь», — невольно поддавшись впечатлѣнію покоя, закончилъ капитанъ.

Спустя немного мы входили въ продолговатую комнату, шумно наполненную офицерствомъ. Здѣсь были и казаки, и артиллеристы, и пѣхотинцы — все больше отъ военныхъ школъ, молодые и старики. Строгіе, озабоченные и безудержно веселые. Послѣдніе были непріятны; они были полупьяны. Начальника Школы еще не было. И поэтому всѣ говорили сразу и на разныя темы. Причемъ преобладающей темой служила противная черта Петроградскаго гарнизона, высчитываніе старшинства въ производствѣ въ тотъ или другой чинъ, всегда съ недовольными комментаріями и завистливыми сравненіями.

Одинъ полковникъ кричалъ: «Я при царѣ 10 лѣтъ былъ полковникомъ, меня тогда обходили и теперь меня обходятъ. Да и не меня одного, а и васъ, и васъ . . . — обращался онъ къ своимъ собесѣдникамъ — а сегодня намъ кланяются, просятъ защищать ихъ, великихъ мастеровъ Революціи, да въ то же время сажаютъ на голову какого-то Начальника Инженерной Школы, изъ молодыхъ. Да чтобы я ему подчинялся? нѣтъ! слуга покорный!»

— «А вино отличное», — смаковалъ капитанъ одной Ораніенбаумской Школы. — «Это марка! И то, представьте себѣ господа, что лакеи, эта старая рвань, намъ еще худшее подали. Воображаю, что было-бы съ нами, если бы мы да старенькаго тяпнули: пожалуй, изъ-за стола не вышли-бы. А что, не приказать ли сюда подать парочку, другую, а то ужасная жара здѣсь, все пить хочется». —

— «Да такъ эти жирные негодяи тебѣ и понесутъ сюда», — возмущенно возразилъ штабсъ-капитанъ той же школы.

— «Ну старики и рѣшили запереть молодыхъ въ конюшняхъ, чтобы ихъ нейтралитетъ былъ для нихъ большимъ удовольствіемъ, а сами рѣшили идти защищать землю и волю, которыя по убѣжденіямъ эсъ-эровскихъ агитаторовъ хочетъ забрать Ленинъ со своею шайкою» — разсказывалъ одинъ изъ казачьихъ офицеровъ группѣ окружавшихъ его слушателей, среди которыхъ стояли офицеры и нашей школы.

— «Господа офицеры!» — прокричалъ вдругъ полковникъ, отказывавшійся отъ подчиненія Начальнику Школы, при появленіи послѣдняго изъ боковой комнаты въ сопровожденіи высокаго штатскаго въ черномъ костюмѣ. Офицеры поднялись со своихъ мѣстъ, и щелканье шпоръ замѣнило стихнувшіе разговоры.

— «Здравствуйте, господа офицеры, — началъ говорить Начальникъ Школы.

волею Временнаго Правительства я назначенъ Главнымъ Штабомъ комендантомъ обороны Зимняго Дворца. Поэтому я пригласилъ васъ для принятія слѣдующихъ директивъ: Соблюденіе полнаго порядка во ввѣренныхъ вамъ частяхъ. Господа офицеры должны прекратить шатаніе по дворцу, и, вспомнивъ, зачѣмъ они здѣсь, находиться при своихъ людяхъ, не допуская къ нимъ агитаторовъ, которые уже успѣли сюда проникнуть. Затѣмъ объяснить людямъ, что министръ Пальчинскій свидѣтельствуетъ о полученіи телеграммы о начавшемся движеніи казаковъ генерала Краснова на Петроградъ. Поэтому наша задача сводится сейчасъ къ принятію мѣръ противъ готовящагося нападенія на Дворецъ, для чего прошу начальниковъ частей подойти сюда и разсмотрѣть планъ расположенія помѣщеній Зимняго Дворца. А кромѣ того, дать мнѣ данныя о количествѣ штыковъ и способности принятія на себя той или другой задачи, за выполненіе которой вся отвѣтственность ввиду недостатка времени и условій обстановки момента, конечно, ложится на взявшихъ таковую», — продолжалъ говорить Начальникъ Школы, развернувъ планъ и положивъ его на столъ. Офицеры, почувствовавъ энергію и сильную волю въ словахъ Коменданта Обороны Зимняго Дворца, подтянулись и оживленно стали обступать столъ, всматриваясь въ планъ Дворца. «Здѣсь», — показывалъ карандашемъ на планѣ Комендантъ Обороны, — «расположены сейчасъ казаки и юнкера школы прапорщиковъ Инженерныхъ Войскъ — это первый этажъ на-лѣво . . .»

— «Виноватъ», — перебилъ Коменданта Начальникъ Петергофской Школы прапорщиковъ, — «я полагалъ бы, что юнкерамъ-инженерамъ слѣдовало бы заняться устройствомъ баррикадъ снаружи Дворца, а внутреннюю оборону и патрули возложить на пѣхоту, т. е. на наши школы». —

— «Совершенно вѣрно, вы полагаете совершенно правильно; но этого нельзя было возложить на ваши школы, ибо онѣ занялись митингами. Теперь, когда болѣе или менѣе настроеніе ваше и вашихъ юнкеровъ выяснено, когда у насъ есть казаки и артиллерія, мы можемъ строго разграничить функціи по родамъ оружій. Поэтому, вы, полковникъ, возьмете на себя оборону рѣшетки этого сада, примыкающаго ко Дворцу, противъ адмиралтейства» — далъ задачу Комендантъ Обороны Начальнику Петергофской Школы.

— «Простите», — возразилъ тотъ, — «юнкера мои очень устали; я разсчитывалъ бы на внутренній караулъ Дворца, такъ сказать на резервъ».

— «Господа, я прошу не отказываться отъ выполненія получаемыхъ заданій. Мы всѣ здѣсь устали. Не уставшихъ нѣтъ. Поэтому я считаю этотъ вопросъ законченнымъ».

— «Господинъ полковникъ», — вбѣгая въ припрыжку въ комнату, еще съ порога закричалъ Штабъ-ротмистръ. «Господинъ полковникъ, имѣю честь явиться. Я едва пробился со своими инвалидами георгіевцами. Сволочи насъ хотѣли разоружить, но мы имъ прописали Кузькину мать. Честь имѣю явиться. Штабсъ-ротмистръ Н. Прошу дать работу. Вы не смотрите, что я одноногій. Я и мои инвалиды въ Вашемъ распоряженіи». —

Дѣйствительно, шумно явившійся Штабъ-ротмистръ былъ съ протезомъ вмѣсто лѣвой ноги. Маленькій, подвижной, съ тараканьими усами, онъ мнѣ напомнилъ пана Володыевскаго изъ «Огнемъ и Мечемъ» Генриха Сенкевича. Это появленіе инвалида отразилось на настроеніи офицеровъ, и когда Штабъ-ротмистръ, завѣренный Комендантомъ Обороны въ предоставленіи ему и его инвалидамъ боевой работы, отошелъ отъ Коменданта, Начальникъ Школы Петергофцевъ заявилъ, что онъ принимаетъ къ исполненію порученную ему задачу.

Вслѣдъ за Петергофцами, получили заданія Ораніенбаумская первая и вторая школы. Первой вручалось дальнѣйшее продолженіе внутренняго караула, а второй предназначена была защита баррикадъ у воротъ, у Дворцоваго Моста и Зимней канавки, причемъ резервомъ для нея считалась Школа Петергофцевъ. На инвалидовъ, явившихся въ группѣ свыше 40 человѣкъ, возлагалась оборона перваго этажа, взамѣнъ баталіона инженерной школы, которую приказывалось вывести во дворъ для прикрытія артиллеріи съ выдѣленіемъ изъ баталіона взводовъ на баррикадныя работы. Поручики Мейснеръ и Лохвицкій получили приказаніе отправиться возводить баррикады у моста черезъ Зимнюю канавку. Поручики Скородинскій и Баклановъ — строить баррикады у Главныхъ Воротъ, изъ тѣхъ полѣнницъ дровъ, что лежали на площади передъ Дворцомъ. Капитану Галіевскому ввѣрялось общее руководство работами инженерной школы и наблюденіе за внутренней обороной. Мнѣ было приказано составить расписаніе расположенія частей, съ ними подерживать связь черезъ команду связи, которая организовывалась изъ четырехъ человѣкъ отъ части, и имѣть мѣстонахожденіе въ комендантской, гдѣ объявлялась штабъ-квартира Коменданта обороны. Командиру артиллерійскаго взвода отъ Константиновскаго Училища вмѣнялась оборона воротъ на случай прорыва, а пока нахожденіе въ резервѣ во дворѣ.

Офицеры, получивъ заданія, постепенно расходились по своимъ частямъ, обѣщая мнѣ немедленно прислать отъ себя юнкеровъ для команды связи. Комендантъ обороны уже сидѣлъ за столомъ, черкая карандашемъ на планѣ названія частей въ мѣстахъ, имъ отведенныхъ. Я сидѣлъ надъ полевой книжкой.

«Слава Богу, дѣло начинаетъ клеиться», успокоительно звенѣла мысль въ головѣ.

Все, казалось, налаживалось и прояснялось. Но вотъ открывается дверь, и передъ столомъ выростаетъ офицеръ артиллерійскаго взвода Константиновскаго Училища.

«Господинъ Полковникъ», — обратился онъ къ Коменданту Обороны, — «я присланъ командиромъ взвода доложить, что орудія поставлены на передки и взводъ уходитъ обратно въ Училище согласно полученному приказанію отъ Начальника Училища черезъ приказаніе отъ Командира батареи».

Взрывъ гранаты произвелъ бы меньше впечатлѣнія, чѣмъ сдѣланное заявленіе офицеромъ взвода.

И сейчасъ же вслѣдъ за офицеромъ явилось нѣсколько юнкеровъ Константиновцевъ, въ нерѣшительности остановившихся на порогѣ комнаты.

Комендантъ Обороны и оставшіеся офицеры добровольцы вскочили со своихъ мѣстъ и въ недоумѣніи смотрѣли на докладывавшаго офицера.

«Какъ это такъ?!» — вырвалось у Коменданта. — «Немедленно остановите взводъ». — «Поздно!» — отвѣтили юнкера. — «Взводъ уже выѣзжаетъ. Мы просили остаться, но командиръ взвода объявилъ, что онъ подчиняется только своему командиру батареи. Вотъ мы и еще нѣсколько юнкеровъ остались. Взводъ уходить не хотѣлъ, но командиръ взвода настоялъ съ револьверомъ въ рукахъ». —

— «Да что вы съ ума сошли?» — раскричался Комендантъ на офицера Константиновца, — «вѣдь взводъ, разъ онъ здѣсь, подчиненъ только мнѣ. Немедленно верните взводъ!» — приказалъ онъ одному изъ офицеровъ. «А Васъ я арестую», — обращаясь къ офицеру артиллеристу, продолжалъ Комендантъ.

— «Я не причемъ, господинъ Полковникъ, а остаться я не могу, мнѣ приказано вернуться», — и быстро повернувшись, артиллеристъ выскочилъ изъ комнаты. Нѣсколько офицеровъ было съ крикомъ сорвались со своихъ мѣстъ, хватаясь за кобуры своихъ револьверовъ.

— «Стойте! ни съ мѣста!» — снова прогремѣлъ Комендантъ.

— «Пускай уходятъ. Имъ же будетъ хуже: они не дойдутъ до Училища. Ихъ провоцировали, и они расплатятся за измѣну».

— «А Вы», — обращаясь къ юнкерамъ, продолжалъ Комендантъ, — «присоединяйтесь къ Инженерной Школѣ. Спасибо Вамъ за вѣрность долгу . . . и идите». —

Юнкера еще помялись на мѣстѣ, и затѣмъ, получивъ отъ меня указаніе куда пройти, вышли. Я боялся взглянуть на Коменданта обороны. Я боялся увидѣть чувство горести на его лицѣ.

— «А можетъ быть ихъ задержать въ воротахъ», — замѣтилъ кто-то изъ офицеровъ, нарушая наступившее молчаніе. «Къ сожалѣнію некому этого сдѣлать; едва-ли успѣли занять баррикады», — отвѣтилъ Комендантъ, вставая и направляясь къ выходу. «Я иду къ Временному Правительству въ Бѣлый Залъ», обращаясь ко мнѣ, сказалъ Комендантъ, пріостанавливаясь въ дверяхъ съ планомъ въ рукахъ. Но не успѣлъ онъ выйти изъ комнаты, какъ слегка отталкивая его отъ двери влетѣлъ въ комнату офицеръ женщина. «Гдѣ Комендантъ Обороны? господа», — женскимъ, настоящимъ женскимъ голосомъ спросилъ офицеръ. «Это я», — отвѣтилъ Комендантъ.

— «Ударная рота женскаго баталіона смерти прибыла въ Ваше распоряженіе. Рота во дворѣ. Что прикажете дѣлать?» — вытягиваясь и отдавая честь по военному, отрапортовалъ офицеръ женщина. «Спасибо. Радъ. Займите 1-ый этажъ вмѣстѣ съ инвалидами. Поручикъ, — отнесся Комендантъ ко мнѣ, — пошлите юнкера связи съ госпожей . . . съ господиномъ офицеромъ для указанія мѣста и сообщите объ этомъ Капитану Галіевскому. Еще разъ прошу принять выраженіе благодарности. Дѣла будетъ много. Не безпокойтесь, не забудемъ Васъ», добавилъ Комендантъ, замѣтивъ выраженіе легкой неудовлетворенности, пробѣжавшей по личику офицера, и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ вслѣдъ за выходомъ Коменданта, комната опустѣла, а спустя еще немного времени начали постепенно прибывать юнкера для связи. Кончивъ возиться съ полевой книжкой, я сталъ соображать о близости столовой. Наконецъ я, не выдержавъ сидѣнія, отправился разыскивать столовую, захвативъ съ собой одного изъ юнкеровъ. Это оказалось довольно сложнымъ занятіемъ. Но вотъ я и у цѣли, у двери комнаты, гдѣ сейчасъ насыщу свой пустой желудокъ. Толстый, бритый, важный лакей отворилъ дверь. Я шагнулъ на яркій ослѣпительный свѣтъ и остановился. Клубы табачнаго дыма, запахъ виннаго перегара ударили въ носъ, запершило въ горлѣ, а отъ пьянаго разгула какихъ-то офицеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые почти сползали со стульевъ, у меня закружилась голова, затошнило. Я не выдержалъ картины, и несмотря на желаніе ѣсть и пить, я выскочилъ изъ комнаты. «Пиръ во время чумы . . . Пиръ во время чумы . . . позоръ, это офицеры . . .» — и предо мною стала моя адъютантская комната въ Школѣ и въ ней Борисъ, говорящій мнѣ: «Нѣтъ, ты дуракъ, да и законченный, къ тому же Петроградскаго гарнизона не знаешь». «Да, да, ты правъ, Борисъ, я дуракъ; ну а дураковъ учить надо. Вотъ сегодня и танцуешь, моралистъ паршивый — ругалъ я себя. — Э, брось, братъ, не мудрствуй лукаво, не забывай, что имѣешь дѣло съ людьми, что это самый вульгарный типъ животнаго міра . . .

А пожалуй, это лучше, что я не остался въ столовой, — возвращаясь въ комендантскую, соображалъ я. — Наѣлся бы чего добраго, самъ напился . . . вѣдь тебѣ стоитъ только начать пить и ты станешь ничуть не лучше другихъ, а пожалуй, и похуже».

Новаго ничего не было. Минуты томительнаго ожиданія бѣжали тягуче медленно. Но вотъ скрипнула дверь, и показалась фигура капитана Галіевскаго. Блѣдный отъ волненія, шатаясь отъ усталости, капитанъ направился ко мнѣ.

— «Я не могу. Усталъ. Выбился изъ силъ, убѣждая казаковъ. Они, узнавъ, что ушла артиллерія, устроили митингъ и тоже рѣшили уйти . . . Вотъ что, Александръ Петровичъ, идите къ своей ротѣ и займите баррикады у воротъ. Пѣхотные юнкера еще этого не сдѣлали, а между тѣмъ возставшіе приближаются. Получено извѣстіе отъ главнаго штаба. Потомъ убѣдите казаковъ оставить вамъ пулеметы, которые поставьте на баррикады. Среди юнкеровъ найдите пулеметчиковъ, хотя бы чужой школы. А я . . . я отдышусь и пойду къ Александру Георгіевичу. Бѣдный, тяжело ему сегодня и еще хуже будетъ». — Но я уже не слушалъ капитана, и сорвавшись съ мѣста, бросился спасать положеніе. Своихъ юнкеровъ я нашелъ во дворѣ, на старомъ мѣстѣ, куда они были выведены для предоставленія мѣста въ первомъ этажѣ казакамъ, теперь уходящимъ, инвалидамъ георгіевцамъ и ударницамъ. Юнкера были разстроены, что я сразу уловилъ по отдѣльнымъ замѣчаніямъ, которыми они перекидывались.

«Ну, теперь съ ними не разговаривай — это хуже ихъ разстроитъ, а сразу дѣйствуй» — промелькнуло рѣшеніе, и подойдя къ срединѣ фронта, я скомандовалъ: «Рота смирно!» — Разговоры отъ внезапности моего появленія смолкли. — «Рота ровняйсь! Смирно! Друзья, Вамъ предстоитъ честь первыми оказаться на баррикадахъ. Поздравляю. На плечо! Рота правое плечо впередъ, шагомъ маршъ!» — и рота, словно наэлектризованная, взяла твердый отчетливый шагъ.

Вотъ броневикъ, испорченный, какъ оказалось, а потому и торчащій здѣсь на манеръ пугала отъ воронъ въ огородѣ . . . Ворота. Открываю. Темно. Кто-то копошится впереди. Различаю въ стукѣ, сопровождающемъ копошеніе, звукъ ударовъ бросаемаго дерева. Ага — это и есть линія баррикадъ — быстро соображаю и развожу роту въ темнотѣ по линіи, растущей вверхъ преграды-защиты.

И еще не много, и юнкера начинаютъ сами продолжать завершеніе созданія баррикады и приспособляться къ болѣе удобному положенію для стрѣльбы. Отысканы и пулеметчики, и взводные юнкера, посовѣтовавшись со мной, опредѣлили мѣста для пулеметовъ: таковыми оказались исходящіе углы баррикады. Теперь остановка за пулеметами, и я, оставивъ вмѣсто себя фельдфебеля Немировскаго, побѣжалъ къ казакамъ, захвативъ нѣсколько юнкеровъ. У броневика сталкиваюсь съ какой то фигурой. Оказывается офицеръ женщина, а за ней еще фигуры. Спрашиваю, въ чемъ дѣло. — «На баррикадахъ никого нѣтъ, рѣшилъ занять ихъ» — по мужски отвѣчаетъ командиръ ударницъ. «Виноватъ. Ошибаетесь, юнкера Школы Прапорщиковъ Инженерныхъ войскъ уже заняли баррикады. И я бы просилъ васъ наоборотъ занять весь 1-ый этажъ, такъ какъ казаки уходятъ». — «Знаю, но тамъ хватитъ георгіевцевъ. Да что же, наконецъ, вы намъ не довѣряете?» — заволновался офицеръ-ударница. «Ничего подобнаго, таково приказаніе Начальника Обороны. Ради Бога, не вносите путаницы» — уже молилъ я. «Ну что-жъ, разъ баррикады заняты, я вернусь на мѣсто. Рота кругомъ!» — скомандовалъ командиръ ударницъ. Видя, что

инцидентъ оконченъ, я понесся дальше въ корридоръ. Въ корридорѣ творилось что-то невѣроятное. Галдежъ. Движеніе казаковъ, собирающихъ свои мѣшки. Злыя, насупленныя лица. Все это ударило по нервамъ, и я, вскочивъ на ящикъ, сталъ просить, убѣждать станичниковъ не оставлять насъ . . . Не выдавать! — разсчитывая громкими словами сыграть на традиціяхъ степныхъ волковъ. Въ первый моментъ ихъ какъ будто охватило раздуміе, но какая-то сволочь, напоминаніемъ объ уходѣ взвода артиллеріи, испортила все дѣло. Казаки загудѣли и опять задвигались. «Ничего съ ними не сдѣлаете» — пробившись ко мнѣ, заговорилъ давешній подхорунжій. — «Когда мы сюда шли, намъ сказокъ наговорили, что здѣсь чуть не весь городъ съ образами, да всѣ военныя училища и артиллерія, а на дѣлѣ то оказалось — жиды да бабы, да и Правительство, тоже наполовину изъ жидовъ. А русскій то народъ тамъ съ Ленинымъ остался. А васъ тутъ даже Керенскій, не къ ночи будетъ помянутъ, оставилъ одниxъ. Вольному воля, а пьяному рай» — перешелъ на балагурный тонъ подхорунжій, вызывая смѣшки у близъ стоявшихъ казаковъ. И эта отповѣдь, и эти смѣшки взбѣсили меня, и я накипулся съ обличеніями на подхорунжаго. «Черти вы, а не люди? Кто мнѣ говорилъ вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, что у Ленина вся шайка изъ жидовъ, а теперь вы уже и здѣсь жидовъ видите. Да жиды, но жидъ жиду рознь», — вспомнилъ я своихъ милыхъ, свѣтлыхъ юнкеровъ. «А вотъ вы-то сами, что сироты казанскія, шкурники, трусы подлые, женщинъ и дѣтей оставляете, а сами бѣжите. Смотрите, васъ за это Господь такъ накажетъ, что свѣту не рады будете. Измѣнники!» — кричалъ я уже, положительно не помня себя. И удивительное дѣло! Подхорунжій молчалъ, опустивъ голову и посапывая. «Чертъ! Заколдованный кругъ какой-то! Родиться и жить для того, чтобы ругаться въ Зимнемъ Дворцѣ», — холодомъ обдала меня набѣжавшая откуда-то мысль, и я, сразу ослабѣвъ, тоже смолкъ. Казаки уходили, и въ этомъ было дикое, жуткое. «Такъ Пилатъ умывалъ руки», — скользнуло нелѣпое сравненіе; а злоба послала имъ вслѣдъ эпитетъ Каина. «Стой!» снова спохватился я. Чертъ съ ними, пускай убираются, только пулеметы оставили-бы. И я уже смягченнымъ тономъ обратился къ подхорунжему. «Богъ вамъ судія. Идите. Но оставьте пулеметы, а то мы съ голыми руками», — попросилъ я. — «Берите», мрачно отвѣтилъ, не глядя на меня, подхорунжій. «Они тамъ, въ углу, въ мѣшкахъ, они намъ ни къ чему», — махнулъ онъ рукою, а затѣмъ сунувъ ее мнѣ, добавилъ: «Помогай вамъ Богъ, а насъ простите», — и грузно шлепнувъ ногой о полъ, направился за уходящими, вглубь перваго этажа, казаками. «Постойте, — куда же они идутъ?» — подъ вліяніемъ недоумѣнія остановилъ я подхорунжаго. — «Куда вы идете? вѣдь ворота тамъ». — «Ну да, дураковъ нашли» — снова рѣзко отвѣтилъ подхорунжій. «Тамъ юнкера у воротъ, а мы черезъ Зимнюю Канавку выйдемъ, тамъ намъ свободный пропускъ обѣщанъ». — «Кѣмъ?» — озадаченный спросилъ я. — «Прощайте!» — не отвѣчая на вопросъ и прибавляя шагу, пошелъ подхорунжій.

«Вотъ оно что! тамъ есть выходъ! Они черезъ него уйдутъ, а потомъ черезъ него большевики влѣзутъ. Свободный пропускъ обѣщанъ», — повторилъ я фразу подхорунжаго. — «Такъ, такъ, голубчикъ, спѣлись уже. Ну что-жъ, отъ судьбы не уйдешь». — «Послушайте, юнкеръ», — съ приливомъ новой энергіи обратился я къ одному изъ взятыхъ съ собой юнкеровъ. — «Отправляйтесь вслѣдъ за казаками и замѣтьте выходъ, въ который они уйдутъ, а затѣмъ вернитесь сюда и ждите меня, предварительно указавъ этотъ выходъ командиру Георгіевцевъ. Поняли?» — «Такъ точно, понялъ!» —

«И помните, что это боевой приказъ. Понимаете?» — «Такъ точно, понимаю», — снова лаконично отвѣтилъ юнкеръ.

«Ну идите; а вы, господа», — обратился я къ остальнымъ, — «берите пулеметы и тащите ихъ на баррикады. Фельдфебель знаетъ, гдѣ поставить, а я побѣгу къ Коменданту Обороны Зимняго Дворца съ докладомъ».

Выскочивъ въ проходъ подъ аркой, я остановился. Гдѣ-то совсѣмъ близко щелкали выстрѣлы. «Скорѣе къ Коменданту или Галіевскому и назадъ къ юнкерамъ» — кольнула мысль, и я снова бросился въ противоположный входъ, направляясь въ комендантскую. По дорогѣ попались какіе то юнкера, а затѣмъ группа безобразно пьяныхъ офицеровъ, среди которыхъ одинъ высокій офицеръ, размахивая шашкой на голо, что-то дико вопилъ. Влетѣвъ въ комендантскую, я наскочилъ на поручика Лохвицкаго, что-то заикаясь докладывавшаго капитану Галіевскому, обезкураженно сидящему на стулѣ.

«Господинъ капитанъ» — перебивая Лохвицкаго, началъ я докладывать объ уходѣ казаковъ черезъ выходъ на Зимнюю Канавку. «Такъ, такъ», только твердилъ онъ, выслушивая мой докладъ, а когда я кончилъ его, вдругъ сразилъ меня новостью: — «Паршиво. Но еще хуже растерянность Правительства. Сейчасъ полученъ ультиматумъ съ крейсера «Авроры», ставшаго на Невѣ противъ Дворца. Матросы требуютъ сдачи Дворца, иначе откроютъ огонь по немъ изъ орудій. Петропавловская крѣпость объявила нейтралитетъ. А вотъ послушайте, что докладываютъ юнкера артиллеристы ушедшаго взвода Константиновцевъ», — показалъ онъ рукой на незамѣченную мной группу изъ трехъ юнкеровъ. «Положеніе дрянь и пѣхотныя школы снова волнуются. А Правительство хочетъ объявить для желающихъ свободный выходъ изъ Дворца. Само же остается здѣсь и отъ сдачи отказывается», — сообщалъ рвущія мозги, душу и сердце новости капитанъ. Я молчалъ. Я не чувствовалъ себя и въ себѣ языка, мысли, ничего. Капитанъ барабанилъ по столу своими длинными, костлявыми, худыми пальцами. Я смотрѣлъ на нихъ. И вдругъ жалость защемила сердце. «Господи, придется ли еще этимъ пальцамъ ласкать личико болѣзненной славной дочурки?» — и эта мысль отрезвила меня.

«Да чертъ съ ними, капитанъ», — заволновался я. «Чѣмъ меньше дряни во дворцѣ останется, тѣмъ легче будетъ обороняться. Вѣдь до утра досидѣть, а тамъ въ городѣ опомнятся и придутъ на выручку. Не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ. А вы, что, Лохвицкій, тутъ? Баррикады построили?» — «Какого дьявола», — отвѣтилъ за него капитанъ. — «Разбѣжались при подходѣ Семеновцевъ, а Мейснеръ попалъ въ ихъ руки . . . добровольно», — выдержавъ паузу, продолжалъ капитанъ, — «заявилъ, что хочетъ идти парламентеромъ отъ той части защитниковъ Дворца, которую здѣсь держатъ силою. Я вамъ говорилъ, что онъ что то выкинетъ».

«Да, да, да. Теперь я все понимаю», — твердилъ я. «Теперь ясны появленія у насъ въ школѣ Рубакина. Теперь я все, все соображаю. Только бы теперь еще найти военнаго комиссара и кое что спросить», — забѣгавъ по комнатѣ, вцѣпившись руками въ волосы, забормоталъ я. Капитанъ, пораженный моей выходкой, подскочилъ ко мнѣ и началъ успокаивать.

— «Бросьте, не время, идемте къ юнкерамъ. Поручикъ!» — позвалъ онъ Лохвицкаго, — «оставайтесь тутъ и, когда явится Александръ Георгіевичъ, доложите, что мы на баррикадахъ». Мы вышли. За нами вышли юнкера Константиновцы — «А эти назадъ прибѣжали», — разсказывалъ капитанъ. «Когда они стали выѣзжать на Невскій, имъ преградили путь броневики и отняли у нихъ

орудія, которыя теперь противъ дворца направлены. А эти молодцы, какъ то вырвались и просятъ идти на выручку. Сдѣлать вылазку. Эхъ дѣла, дѣла».

Но вотъ мы подошли къ выходу подъ арку. Нѣсколько близкихъ выстрѣловъ густымъ эхомъ отозвались подъ нею.

— «Впередъ, Александръ Петровичъ», воскликнулъ капитанъ и бросился къ воротамъ. За ними я и юнкера. Баррикады были освѣщены. Юнкера стояли на своихъ мѣстахъ, готовые скорѣе быть растерзанными, чѣмъ сойти съ мѣстъ. Пулеметы налаженные торчали на мѣстахъ. Баррикады оказались высокими и довольно удобными съ родами траверсовъ изъ перешеекъ, сложенныхъ также изъ дровъ. Обойдя баррикады, капитанъ нашелъ, что защитниковъ ихъ недостаточно и что кромѣ того они слишкомъ утомлены, а поэтому приказалъ замѣнить ихъ первой ротой, что немедленно и было мною исполнено. И только юнкера расположились по мѣстамъ за баррикадами, какъ открылся огонь по Дворцу, фонари погасли и мы очутились снова въ темнотѣ. «Откуда стрѣляютъ? Ни черта не видно», неслось по баррикадѣ. «Спокойствіе соблюдать!» — отдавалъ распоряженіе капитанъ. — «Огонь открывать только по моему приказу. Чертъ его знаетъ, кто можетъ идти къ намъ», — обращаясь ко мнѣ, говорилъ онъ. — «А я вотъ, что сдѣлаю: впередъ дозоры выставлю» — и принявъ рѣшеніе, капитанъ началъ назначать юнкеровъ въ дозоры.

Но вдругъ снова загорѣлся свѣтъ въ высокихъ электрическихъ фонаряхъ, стоящихъ по бокамъ воротъ. И снова стало свѣтло какъ днемъ. И снова раздались выстрѣлы и щелканье пуль о стѣны Дворца. — «Свѣтъ потушить», — кричалъ капитанъ. «Свѣтъ потушить», — бѣгая вокругъ фонарей и ища выключателя, кипятился капитанъ, наблюдая, какъ звуки пуль, ударявшихся о стѣны, постепено снижались съ верха къ землѣ.

— «Александръ Петровичъ, бѣгите во дворецъ и найдите собаку монтера и приведите сюда», — приказалъ онъ мнѣ.

— «Я раненъ въ руку», — спокойно отходя отъ пулемета, также спокойно доложилъ юнкеръ. Смотря на юнкера, на его спокойствіе, написанное на его лицѣ, и на Георгіевскій солдатскій крестикъ, мнѣ неудержимо хотѣлось схватить и поцѣловать эту раненую руку. Но я сдержался и сталъ отвязывать бинтъ, прикрѣпленный къ поясу. — «Оставьте, Александръ Петровичъ», — замѣтилъ капитанъ. — «Онъ пойдетъ въ лазаретъ въ третій этажъ. Да скорѣе бѣгите за монтеромъ» — крикнулъ мнѣ капитанъ, топнувъ ногой, и я исчезъ въ воротахъ. «Куда бѣжать, гдѣ искать? Дворецъ огроменъ, чертъ, до утра проплутаешь въ немъ! Ага! .. въ столовую! — случайно сообразилъ я. — Тамъ старые придворные лакеи, они все, конечно, знаютъ. Живо, скорѣе, каждая секунда дорога», мчась изо всѣхъ силъ легкихъ, подгонялъ я себя. Подбѣжавъ къ столовой, я наткнулся на двухъ бритыхъ служителей, надъ чѣмъ-то хохотавшихъ. — «Гдѣ монтеръ? Гдѣ — откуда даютъ свѣтъ на наружныя ворота», — набросился я на нихъ съ вопросами. Озадаченные моимъ появленіемъ и вопросами, они замолчали. — «Живо отвѣчайте. Я васъ спрашиваю, гдѣ здѣсь во Дворцѣ монтерная?» — «Я не знаю» — заговорилъ одинъ. — «Сейчасъ никого нѣтъ, всѣ разбѣжались, вотъ только господа офицеры изволятъ погуливать тутъ»—сладенько, цинично улыбаясь, отвѣтилъ пониже ростомъ.—«Издѣваешься скотина!» — и вдругъ неожиданно для себя, я ударилъ его въ лицо. «Говори, гдѣ монтерная», выхватывая револьверъ изъ кобуры и суя его въ лицо другому, давился я словами.

— «Ой, убиваютъ, караулъ» — закричалъ первый, куда-то убѣгая.

— «Сейчасъ, сейчасъ, ваше сіятельство. Я покажу», — сгибаясь, засуетился спрошенный. — «Ладно. Иди скорѣе», — торопилъ я его уже, не выпуская револьвера изъ рукъ. — «Ну скорѣе, бѣгомъ. Времени нѣтъ. Жирная сволочь», — ругался по извощичьи я. Мелькали какія-то двери, переходы. Попадались юнкера, куда то спѣшащіе, а мы бѣжали изъ одного корридора въ другой. Наконецъ остановились передъ желѣзною дверью; — «здѣсь» — запыхавшись, объявилъ, останавливаясь лакей. «Отворяй!» приказалъ я ему. Лакей началъ стучать. Прошло нѣсколько секундъ, показавшихся вѣчностью, и дверь открылась. Еще моложавый маленькій человѣкъ въ кожаномъ передникѣ, на жилетку, увидя меня съ револьверомъ, поднялъ руки вверхъ. Но я не заговорилъ съ нимъ, а быстро обернувшись, чисто инстинктивно, приказалъ жестомъ выпрямившемуся лакею войти въ комнату и, когда онъ это исполнилъ, я опустилъ револьверъ и объяснилъ монтеру свое желаніе.

«Не бойтесь», — успокаивалъ я, — «я не большевикъ, а офицеръ, какъ вы можете видѣть по моей формѣ. И скорѣе, пожалуйста, погасите свѣтъ у воротъ на площади». «Слушаюсь, ваше высокоблагородіе», — засуетился около распредѣлительной доски монтеръ. «Слушаюсь. Сію минуту. Готово, ваше высокоблагородіе», — объявилъ онъ, отходя отъ доски и смотря на мои руки. «Спасибо. Отлично. А теперь выходи оба отсюда. А вы дайте мнѣ ключъ отъ этой комнаты», — обращаясь къ монтеру, потребовалъ я. «Слушаюсь. Сейчасъ. Ахъ Боже мой, гдѣ же ключъ». — «Ищи ключъ на кожаномъ шнурѣ», — мечась по комнатѣ, попросилъ онъ лакея, но тотъ уже выскочилъ и несся по корридору во свояси. — «Живо, живо», — торопилъ я. «Есть», — радостно завопилъ монтеръ, подавая ключъ. Я взялъ его и пробовалъ закрыть и открыть дверь. Замокъ дѣйствовалъ хорошо. — «Ну, идемте. Свѣтъ оставьте здѣсь горѣть. Вы будете находиться при мнѣ», — говорилъ я ему, когда мы зашагали обратно, направляясь къ выходу, къ главнымъ воротамъ. «А что, ваше высокоблагородіе», — разспрашивалъ онъ меня. «Вы изъ отряда его Превосходительства генерала Корнилова будете?» — «Почему вы это думаете», — задалъ я ему вопросъ. — «Да ужъ навѣрное не иначе. Ужъ вы больно рѣшительно дѣйствуете, не то что здѣшніе господа офицеры. Собрались съ юнкерами насъ защищать, а сами все гуляютъ». — «Да, да, васъ защищать — думалъ я, — да я тебя бы уже отправилъ на тотъ свѣтъ, если-бы не нужда въ тебѣ». Но вотъ мы вышли къ комендантской. «Ага, — сообразилъ я. Я оставлю его и ключъ у юнкеровъ связи. Это будетъ надежнѣе и цѣлесообразнѣе», и я вмѣстѣ съ нимъ вошли въ комендантскую. Комендантская была полна. Всѣ одновременно говорили, кричали. Я провелъ къ стѣнѣ у шкапа монтера и, сдавъ его юнкерамъ связи, заявивъ имъ, что они мнѣ отвѣчаютъ за него и за ключъ своими головами, сталъ прислушиваться къ происходящему. Оказалось, въ центрѣ ударницъ, инвалидовъ георгіевцевъ и откуда то взявшихся юнкеровъ Павловскаго военнаго училища, которыхъ во дворцѣ не было, стоялъ комендантъ обороны дворца. Вся эта публика, волнуясь, съ возбужденными глазами, а ударница со слезами на нихъ, умоляли, требовали отъ коменданта обороны сдѣлать вылазку на главный штабъ, гдѣ, по ихъ свѣдѣніямъ, писаря перешли на сторону Ленина и, обезоруживъ и частью убивъ офицеровъ, арестовали генерала Алексѣева.

— «Мы должны выручить ген. Алексѣева. Это единственный человѣкъ, ради котораго стоитъ жить. Только онъ спасетъ Россію, а они его замучаютъ», кричали, перебивая другъ друга, просящіе. «Уже, говорятъ, съ него сорвали погоны», — визжала одна ударница. «Если вы не разрѣшите, вы врагъ родины», вопилъ

штабъ-ротмистръ, подпрыгивая на своей протезѣ. «Хорошо», наконецъ согласился комендантъ обороны, видя, что всѣ его увѣренія, что генерала Алексѣева тамъ нѣтъ, ни къ чему не приведутъ. «Но только», продолжалъ онъ, «могутъ произвести вылазку однѣ лишь ударницы. Инвалиды же должны остаться охранять 1-ый этажъ. Васъ, ротмистръ, я назначаю командиромъ внутренней обороны воротъ. Но какъ только вы убѣдитесь, что генерала Алексѣева нѣтъ, такъ немедленно же вернитесь на мѣсто», снова обращаясь къ ударницамъ, приказалъ комендантъ. Ликуя и торопя другъ друга, покинула вся эта честная, чуткая публика комендантскую.

— «Я не могъ иначе поступить, все равно сами бы ушли, а это было бы хуже», увидѣвъ меня, подѣлился со мною комендантъ. «Ну, какъ ты, живъ еще», подойдя ко мнѣ и улыбаясь, продолжалъ онъ. — «Ну, и усталъ я. Рвутъ. Говорятъ безъ конца и никакого толку. Положительно сладу нѣтъ ни съ кѣмъ. Ну идемъ внизъ, посмотримъ, что тамъ дѣлается». И мы, разговаривая, вышли изъ комендантской. Внизу, на встрѣчу намъ, попался капитанъ Галіевскій. «Разрѣшите узнать, вами ли разрѣшена вылазка ударницамъ», обратился онъ съ вопросомъ къ коменданту. «Да», отвѣтилъ комендантъ обороны. — «Слушаюсь», и онъ снова бросился къ баррикадамъ. «Ну я туда», выйдя подъ арку и указывая на противолежащую дверь 1-го этажа, откуда выбѣжали ударницы, сказалъ онъ. «А ты, — продолжая обращаться ко мнѣ, закончилъ онъ, дѣлай, что найдешь нужнымъ, я доволенъ тобой и довѣряю тебѣ».

Чувство удовлетворенности наполнило меня, и я выскочилъ къ баррикадамъ. И въ тотъ же моментъ снова загорѣлись потухшіе было фонари, и я увидѣлъ выстроившуюся роту ударницъ, стоявшую лицомъ ко дворцу и правымъ флангомъ къ выходу изъ-за баррикадъ по направленію Милліонной улицы.

— «Равняйсь. Смирно», — покрывая щелканіе пуль о стѣны, о баррикады и верхушку воротъ, командовала, стоя передъ фронтомъ ударницъ, женщина-офицеръ. «На руку. На право. Шагомъ маршъ», и, вынувъ револьверъ изъ кобуры, женщина-офицеръ побѣжала къ головѣ роты.

Я и стоящіе тутъ же офицеры: капитанъ Галіевскій и штабъ-ротмистръ взяли подъ козырекъ.

— «Броневникъ идетъ», — раздалось съ баррикадъ.

— «Пулеметчики, приготовсь», — командовалъ Галіевскій. «Александръ Петровичъ, Христа ради, потушите огонь» — крикнулъ онъ мнѣ и, выхвативъ револьверъ, выстрѣлилъ въ фонарь.

«Зря», — крикнулъ я, но ошибся. Фонарь потухъ. Пуля разбила его.

Стрѣльба по второму не давала результата, и я снова помчался во дворецъ. «Тебѣ не свѣтъ тушить надо, а пойти съ ударницами». — «Ну тутъ каждому свое», — глупо урезонилъ я себя, мчась въ комендантскую.

Черезъ нѣсколько минутъ я съ монтеромъ снова былъ въ монтерской. Доска оказалась выключенной, и онъ позвонилъ на станцію.

— «Станція занята матросами», — объявилъ онъ, опуская слуховую трубку. «Теперь весь свѣтъ въ ихъ рукахъ. Ваше высокородіе», — молилъ онъ, пока я провѣрялъ его заявленіе, «отпустите меня: у меня жена, дѣти. Я не при чемъ здѣсь».

«Хорошо, убирайся къ черту и куда хочешь, но попадешься среди нихъ, застрѣлю», — въ безсильной злобѣ угрожалъ я, въ то же время чувствуя безполезность словъ.

Назадъ я шелъ одинъ. Ноги подкашивались. Я выбился изъ силъ и часто останавливался, чтобы, прислонившись къ стѣнѣ, не упасть. Въ головѣ было пусто . . . Вотъ и комендантская. Вошелъ. Пусто. Я бросился къ окну. «Назадъ, назадъ, господинъ поручикъ, васъ убьютъ», откуда-то раздался удивительно знакомый голосъ. — «Кто здѣсь, гдѣ», — обернулся я. «Это я», высовываясь изъ за шкапа, показалась, бѣлая какъ снѣгъ, физіономія фельдфебеля Немировскаго. «Что вы тутъ дѣлаете, почему не съ юнкерами?» Немировскій вздрогнулъ, затрясся, закрылъ лицо руками и зарыдалъ. Я подошелъ къ нему. «Ну, успокойтесь, въ чемъ дѣло», допрашивалъ я его.

— «Я былъ все время на баррикадахъ . . . Я не могу больше . . . Я не могу видѣть крови . . . Одинъ юнкеръ въ животъ, въ грудь . . . Очень тяжело раненъ, а у него невѣста, старуха мать . . .» — рыдалъ Немировскій. — «Послушайте, — видя, что лаской ничего не сдѣлаешь, сказалъ я, — послушайте, вы самовольно ушли. Вы знаете, что я имѣю право пустить вамъ пулю въ лобъ, но я этого не сдѣлаю, если вы дадите слово взять себя въ руки и отправитесь составить мнѣ изъ первыхъ попавшихся юнкеровъ команду связи». — «Спасибо, спасибо. Слушаюсь. Но вы никому не скажете, что видѣли меня. Лучше застрѣлите, но не говорите никому». — «Это будетъ зависѣть отъ васъ, вѣдь вы казакъ, фельдфебель», урезонивалъ я его.

— «Я завтра подамъ рапортъ объ исключеніи изъ школы: я не имѣю права надѣть офицерскаго мундира», — горячо клялся, приходя въ себя и вытирая лицо, юноша-композиторъ, піанистъ, дивной игрою котораго заслушивалась вся школа.

Безконечная жалость къ нему, къ себѣ и ко всѣмъ заворошилась, защемила въ груди.

«На баррикады», крикнулъ я себѣ и съ вновь вспыхнувшей энергіей бросился къ воротамъ. Въ корридорѣ 1-го этажа снова загудѣло отъ выползшихъ откуда-то юнкеровъ пѣхотныхъ школъ. Кто стоялъ, кто шелъ. Но вотъ дверь. Выскакиваю. Противоположная дверь открыта, и въ освѣщенномъ корридорѣ толпятся какіе-то юнкера.

«Что-то неладное», — пронизываетъ мысль мозги, и я тамъ. На ящикѣ стоитъ какая-то фигура въ солдатской шинели и оретъ отрывистыя слова. Окружающіе волнуются и гудятъ. «Что такое, что за митингъ», проталкиваюсь впередъ, въ стремленіи среди всеобщаго гама уловить смыслъ бросаемыхъ словъ, говоримыхъ съ ящика, на которомъ часа два тому назадъ стоялъ хорунжій. Наконецъ удается вслушаться. «Черезъ пять минутъ Аврора вновь откроетъ огонь. Черезъ пять минутъ». «И еще разъ повторяю: кто сложитъ оружіе и выйдетъ изъ дворца, тому будетъ пощада. Васъ обманываютъ», — вырвалось изъ груди говорившаго.

«Агитаторъ», понялъ я, и холодокъ пробѣжалъ у меня по спинѣ.

«Ну, чего медлишь?» — со свирѣпостью накинулся я на себя. «Въ твоемъ наганѣ еще есть патроны. Говори, говори, собака. Собакѣ — собачья смерть, — шепталъ я губами, вытаскивая съ трудомъ руку и осторожно поднимая дуло нагана надъ плечами впереди стоящихъ и цѣлясь въ голову говорящаго.

«Ну, вотъ сейчасъ хорошо!» — и я взвелъ курокъ.

— «Съ ума ты сошелъ!» — раздалось надъ правымъ ухомъ, и одновременно рука легла на мою правую руку, просунувъ палецъ подъ курокъ.

«Что за . . .», и слова замерли на губахъ, я увидѣлъ лицо брата, склонившееся ко мнѣ.

— «Сейчасъ же, поручикъ, отправляйтесь въ комендантскую и ждите меня тамъ. Слышите? Я вамъ категорически приказываю, какъ Комендантъ Обороны Дворца».

Ничего не отвѣчая, я повернулся и, засовыва наганъ въ кобуру, поплелся, съ чувствомъ побитой собаченки, въ комендантскую.

«Ишь ты», — успокаиваясь, сидя въ комендантской, размышлялъ я. «Второй разъ будетъ „Аврора“ стрѣлять по Дворцу, а я и перваго не слышалъ. Да, гдѣ тутъ услышишь, когда такія стѣны. Тутъ, при твердости характера, можно отсиживаться цѣлыя недѣли, а не только до утра. Крѣпость! Эхъ, всѣхъ бы такихъ. какъ наша Школа!» — вяло скользила въ головѣ мысль. «И чего я сижу? — вдругъ рѣшилъ я. Скорѣй бѣги и арестуй Коменданта Обороны. А на что обопрешься? . . А Галіевскаго забылъ?» — подсказала мысль, и я вскочилъ со стула. Но въ тотъ же моментъ отворилась дверь и въ комендантскую вошелъ Комендантъ Обороны въ сопровожденіи какихъ-то офицеровъ и нѣсколькихъ штатскихъ.

— «Поручикъ, — обратился ко мнѣ Комендантъ, — отправьтесь къ Временному Правительству и доложите, что вылазка, произведенная ударницами, привела ихъ къ гибели, что Главный Штабъ занятъ возставшими, обезоружившими офицерскій отрядъ, а также доложите, что положеніе усложняется и что Дворецъ кишитъ агитаторами. Временное Правительство вы найдете, — подойдя вплотную ко мнѣ, и понизивъ голосъ, продолжалъ Комендантъ, — за бѣлымъ заломъ, да вотъ возьмите связь — онъ вамъ укажетъ», — показалъ Комендантъ на миленькаго, въ штатскомъ костюмѣ, очень изящнаго юношу.

«Слушаюсь, господинъ полковникъ», — покорно отвѣтилъ я вслухъ и, повернувшись къ юношѣ въ штатскомъ, передалъ ему приказаніе коменданта проводить меня къ Временному Правительству. Юноша взглянулъ на коменданта и, увидѣвъ утвердительный кивокъ головой, любезно раскланялся передо мною и заявилъ, что всего себя предоставляетъ въ мое распоряженіе.

Свернувъ налѣво, затѣмъ направо въ длинный и прямой, какъ стрѣла, корридоръ, я со связью бросились бѣжать. «Здѣсь налѣво, на лѣстницу у стеклянныхъ дверей», — проговорилъ юноша. «А теперь вверхъ и налѣво», и мы снова очутились въ корридорѣ, въ концѣ котораго завернули направо и вышли въ Портретную Галлерею.

— «Здѣсь часъ назадъ была брошена бомба сверху проникшими во Дворецъ большевиками, и Временное Правительство должно было изъ этого зала перейти въ другой, куда я васъ сейчасъ приведу», — разсказывалъ онъ, когда мы уже шли по Портретной Галлереѣ, гдѣ бѣжать не было возможности изъ-за валявшихся на полу матрацевъ юнкеровъ-ораніенбаумцевъ.

«Вотъ вы гдѣ, синьоры? Спите? Прекрасное занятіе въ то время, когда гибнутъ женщины! Нѣтъ, я ничего не понимаю», — въ отчаяніи, мысленно кричалъ я себѣ.

Но вотъ галлерея кончилась, и огромный залъ распластался передъ нами. По залу ходили отдѣльныя фигуры офицеровъ. Мы подошли ближе. Въ офицерахъ узнаю офицеровъ нашей Школы: поручиковъ Бакланова, Скородинскаго и Лохвицкаго. Отдѣльно отъ нихъ разгуливалъ маленькій худенькій докторъ Школы — Ипатовъ.

Увидѣвъ меня, они бросились ко мнѣ: «Какъ? Что? Уже заняли первый этажъ?» . . . дрожащими губами справился торопливо кругленькій, упитанный Баклановъ.

«Да, занять», — и выдержавъ паузу, — докончилъ: «нами».

Изъ блѣднаго, Баклановъ сталъ густо-краснымъ и отошелъ. Скородинскій что-то промямлилъ, что онъ находится здѣсь въ караулѣ, и тоже отошелъ. Только Лохвицкій, съ перекошеннымъ лицомъ, сбиваясь и брызжа слюною, началъ доказывать безплодность дальнѣйшей борьбы. «Вы карьеристы, — говорилъ онъ, захлебываясь, — вы губите юнкеровъ и насъ!»

«Убирайтесь вы къ чорту!» — не вытерпѣвъ, огрызнулся я на поручика Гвардіи, выставленнаго изъ нея съ фронта за необычайное мужество. «Неврастеникъ несчастный!»

— «Вы можете ругаться, сколько угодно, а только губить насъ и Временное Правительство вы не можете», — продолжалъ онъ стонать надъ душой.

«Здѣсь. Стучитесь», — остановился мой провожатый у двери, на караулѣ которой стоялъ юнкеръ нашей Школы, Я. Шварцманъ. Я поздоровался съ нимъ и объявилъ, что иду къ Временному Правительству по приказанію Коменданта Обороны Дворца. Онъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ я могу пройти, и постучалъ въ дверь. Кто-то дверь толкнулъ изнутри и я вошелъ въ нее, закрывая сейчасъ же ее за собой.

— «Что вамъ угодно?» — спросилъ меня въ адмиральскомъ сюртукѣ старичокъ, сидѣвшій налѣво отъ двери, въ креслѣ.

«Поручикъ Синегубъ, Школы Подготовки Прапорщиковъ Инженерныхъ Войскъ, по приказанію Коменданта Обороны Зимняго Дворца, полковника Ананьева, явился для доклада объ обстановкѣ момента господину предсѣдателю Совѣта Министровъ, Ваше Превосходительство», — громко, отчетливо, вытянувшись въ позѣ «смирно», отрапортовалъ я отвѣтъ.

Во время моего отвѣта разгуливавшіе по комнатѣ двое министровъ, членовъ Временнаго Правительства, остановились и затѣмъ они, и одинъ поднявшійся изъ-за стола, подошли ко мнѣ.

Въ одномъ я узналъ Терещенко, а во вставшемъ изъ-за стола — Коновалова.

— «Я къ вашимъ услугамъ. Что сообщите?» — пріятнымъ тембромъ голоса задалъ онъ мнѣ вопросъ. «Говорите, говорите скорѣе!» — живо заторопилъ меня Терещенко.

Въ краткихъ словахъ я изложилъ порученное мнѣ Комендантомъ Обороны, упомянувъ о стойкости юнкеровъ нашей Школы, продолжающихъ лежать на баррикадахъ.

— «Поблагодарите ихъ отъ нашего имени!» — пожимая мнѣ руку, говорилъ предсѣдатель Совѣта Министровъ, когда я кончилъ докладъ и спросилъ разрѣшенія идти. — «И передайте нашу твердую вѣру въ то, что они додержатся до утра», — закончилъ министръ.

— «А утромъ подойдутъ войска», — вставилъ Терещенко.

— «Понимаете, надо додержаться только до утра», — добавилъ значительнымъ тономъ голосъ изъ-за его спины.

«Такъ точно, понимаю. За нашу школу я отвѣчаю, господинъ предсѣдатель Совѣта Министровъ.

— Вотъ и прекрасно!» — обрадованно проговорилъ тотъ же голосъ. Я быстро взглянулъ въ его сторону и увидѣлъ небольшого старичка съ пронизывающими, колкими глазами.

— «Спасибо», — говорилъ А. И. Коноваловъ, — «и пожалуйста передайте Коменданту, что Правительство ожидаетъ частыхъ и подробныхъ сообщеній».

— «А лучше, если онъ самъ сможетъ вырваться и явиться къ намъ», — бросилъ Терещенко.

Во время этихъ приказаній я приблизился къ двери и открылъ ее, и въ тотъ же моментъ въ нее проскользнулъ поручикъ Лохвицкій и, поймавъ за пуговицу жакета А. И. Коновалова, началъ доказывать ему безполезность дальнѣйшей борьбы.

Изумленные министры пододвинулись и начали вслушиваться въ развиваемую Лохвицкимъ тему.

Мнѣ было досадно и смѣшно. Взять его за плечи и вывести мнѣ представилось актомъ довольно грубымъ по отношенію министровъ, поэтому я его ущипнулъ, но онъ только отмахнулся рукою. Меня это задѣло, и я объявилъ, что поручикъ контуженъ въ голову на фронтѣ, — что соотвѣтствовало истинѣ, — и поэтому прошу разрѣшенія его увести. Но мнѣ отвѣтили, что въ томъ, что онъ говоритъ, есть интересныя данныя и поэтому я могу безъ стѣсненія его оставить.

«Слушаюсь», — стереотипно отвѣтилъ я, повернулся и вышелъ. Выйдя въ залъ, я снова почувствовалъ приливъ безконечной слабости отъ неожиданно для меня родившагося какого-то чувства симпатіи къ этимъ людямъ, въ сущности покинутымъ всѣми, на волю волнъ взыгравшагося рока. «Бѣдные, какъ тяжело вамъ».

— «Господинъ офицеръ, господинъ офицеръ», — внезапно раздался зовъ сзади. «Это васъ зовутъ», — сказалъ мнѣ мой спутникъ. Я обернулся. Ко мнѣ изъ кабинета засѣданія Правительства большими шагами, быстро приближалась высокая, стройная фигура Пальчинскаго.

— «Сейчасъ звонили по телефону изъ Городской Думы, что общественные дѣятели, купечество и народъ съ духовенствомъ во главѣ идутъ сюда и скоро должны подойти и освободить Дворецъ отъ осады. Передайте это Коменданту Обороны для передачи на баррикады и оповѣщенія всѣхъ защитниковъ Дворца», — говорилъ взволнованно министръ. «Подождите, я . . .» — но его перебили передачей изъ кабинета приглашенія подойти къ телефону. «Хорошо, бѣгу!» — крикнулъ онъ, и снова обращаясь ко мнѣ, добавилъ: — «Вы сами, пожалуйста, тоже распространяйте это. Это должно поднять духъ», — отходя отъ меня, закончилъ онъ отдачу распоряженій.

Это извѣстіе о шествіи отцовъ города и духовенства подняло меня. И мнѣ стало удивительно легко. «Это поразительно красиво будетъ», — говорилъ я сопровождавшему меня юношѣ.

Юноша сіялъ еще больше меня. Но вотъ Портретная Галлерея, и я, нѣсколько сдержавъ выраженія своей экзальтированности, выбѣжавъ на середину Галлереи, прокричалъ новость юнкерамъ.

«Ура! Да здравствуетъ Россія!» — закончилъ я сообщеніе новости и, подъ общіе, торжественные крики «ура» юнкеровъ, побѣжалъ дальше, останавливаясь передъ группами юнкеровъ и дѣлясь съ ними приближающейся радостью.

А въ это время снова начала разговаривать съ Невы «Аврора».

— «Будьте добры, помогите мнѣ, — говорилъ мнѣ юноша, оказавшійся офицеромъ-прапорщикомъ, только на-дняхъ пріѣхавшимъ въ отпускъ къ родителямъ съ фронта и вотъ сегодня проникнувшимъ во Дворецъ, — раздѣлить участь юнкеровъ и тѣхъ сыновей чести, которые служили въ арміи не изъ-за двадцатаго

числа, а въ силу уваженія къ себѣ, какъ дѣтямъ большого, прекраснаго народа». «Вы это можете сдѣлать, — убѣждалъ онъ меня, — предоставьте мнѣ нѣсколькихъ юнкеровъ, и я организую вылазки. Позвольте, позвольте — предупредилъ онъ, готовый было сорваться у меня протестъ. — Я уже ходилъ, но одинъ. Я пробрался за баррикады и, вмѣшавшись у Александровскаго Сада въ толпу осаждающихъ, бросилъ три гранаты. Это же была картинка! Правда, — помогите», — просилъ юноша.

Но я отказалъ. Одно дѣло, грудь на грудь идти, и другое — изъ-за спины. И среди кого? Рабочихъ, отуманенныхъ блестящей, какъ мыльный шаръ, фантазіей . . . «Нѣтъ, — говорилъ я, — право, невинной крови не надо. Вотъ, подойдутъ горожане съ духовенствомъ, и это, повѣрьте, окажется сильнѣе, чѣмъ «Авроры» съ ихъ стороны и вылазки такого сорта, какъ вы предлагаете, съ нашей. Оставьте честь метаній бомбъ изъ-за угла господамъ Савинковымъ», — урезонивалъ я горящаго жаждою боя прапорщика.

— «Вы правы; я не подумалъ съ этой точки зрѣнія», — согласился со мною юноша.

За бесѣдой мы незамѣтно достигли поворота корридора въ первомъ этажѣ къ выходу подъ аркой, гдѣ намъ снова попалось двое юнкеровъ и какой-то дворцовый служитель, стоявшій прислонившись къ стѣнкѣ и беззаботно курящій махорку, напомнившую мнѣ, что я давно не курилъ. Я остановился и попросилъ у него папиросу. Онъ охотно исполнилъ мою просьбу, но отъ денегъ отказался. Я закурилъ и пошелъ дальше, за поворотъ.

— «Господинъ поручикъ», — вдругъ остановилъ меня одинъ изъ двухъ юнкеровъ, попавшихся на встрѣчу до поворота. «Господинъ поручикъ, этотъ человѣкъ, у котораго вы брали папиросу, кажется большевикъ. У него подъ тулупомъ болтаются гранаты. Мы давно за нимъ слѣдимъ. Онъ кого-то здѣсь ждетъ», — доложилъ юнкеръ свои соображенія о здоровеннѣйшаго роста субъектѣ, принятомъ мною за дворцоваго служителя.

«Такъ, отлично! Будьте внимательны! Я сейчасъ провѣрю», — поворачиваясь обратно, приказалъ я юнкерамъ.

«Послушайте, скажите, что вы здѣсь дѣлаете?» — подходя почти вплотную, задалъ я прямо вопросъ человѣку въ тулупѣ и валенкахъ. И не давая возможности произнести что-либо въ отвѣтъ, я быстро оборвалъ крючокъ воротника и задернулъ его на плечи, связавъ, такимъ образомъ, свободу дѣйствій рукъ.

Эффектъ былъ ошеломляющій, какъ для него, такъ и для меня: На раскрытыхъ плечахъ лежали солдатскіе погоны Семеновскаго полка, а за поясомъ торчало два револьвера и висѣло нѣсколько гранатъ.

Мгновеніе — и мой револьверъ у его носа, а штыки винтовокъ юнкеровъ прижались къ животу и груди. И онъ стоялъ, не шелохнувшись, выпуча глаза и сдерживая дыханіе. Прапорщикъ вмигъ снялъ съ него его украшенія и вытащилъ изъ кармановъ кучу обоймъ и кошелекъ, въ которомъ оказалась расписка въ полученіи отъ товарища Сидора Евдокимова пакета за № 17 отъ 25 октября изъ Зимняго Дворца, отъ товарища N. Печати не было. Подпись была, но не разборчива. Эту записку я спряталъ въ полевую книжку, а револьверы, патроны и гранаты предоставилъ въ распоряженіе юнкеровъ и принялся за допросъ. Но ни угрозы, ни обѣщанія свободы не дѣйствовали. И онъ,

притворяясь дурачкомъ, разсказывалъ сказку, что кошелекъ онъ нашелъ во дворѣ, что онъ неграмотный, и что онъ и не солдатъ вовсе, а такъ святымъ духомъ оказался въ формѣ. Слушая галиматью, какую онъ несъ, прапорщикъ бѣсился и все хотѣлъ его пристрѣлить. Но я рѣшилъ иначе и приказалъ юнкерамъ отвести его наверхъ и сдать внутреннему караулу 2-го этажа. Прапорщикъ тоже пошелъ съ ними.

«Надо быть осторожнѣе», — начала строить выводы мысль, когда оставшись одинъ, продолжалъ идти къ комендантской, какъ въ корридорѣ изъ другого, параллельнаго первому, изъ котораго я только-что вышелъ, съ шумомъ показались юнкера-ораніенбаумцы. Я остановился и, подождавъ, чтобы ихъ больше накопилось, передалъ имъ вѣсть о шествіи горожанъ ко Дворцу. И то, какъ они приняли это, подсказало мнѣ, что они выходили въ корридоръ для полнаго выхода изъ Дворца.

Теперь же настроеніе вновь переломилось, и они снова загалдѣли о возвращеніи обратно къ своимъ постамъ. Въ это же время откуда-то выскочилъ офицеръ ихъ школы, и дѣло водворенія порядка опять пошло на ладъ. Тутъ же попался мнѣ на глаза одинъ изъ юнкеровъ связи нашей Школы, котораго я и послалъ на баррикады передать новость капитану Галіевскому. «Медлить нельзя», между тѣмъ, говорилъ я себѣ. «Скорѣе находи Коменданта Обороны и проси направить свободныхъ офицеровъ къ юнкерамъ. Иначе приходъ отдозъ города будетъ впустую. Затѣмъ изъ юнкеровъ необходимо устроить заставы на подступахъ къ Бѣлому Залу, а то безконечные корридоры никѣмъ не охраняются, и они свободно, черезъ какіе-нибудь ходы, вродѣ Зимней Канавки, просочатся и затопятъ Дворецъ своею численностью, а не побѣдой оружія. Боже, какъ мнѣ это раньше не пришло въ голову», — едва плетясь къ комендантской, казнился я. «О, гдѣ бы выпить воды и оправиться», — и у меня въ глазахъ запрыгалъ стаканъ чаю, замѣченный мною на столѣ въ кабинетѣ засѣданія Временнаго Правительства. «Дуракъ, почему не попросилъ, объяснивъ причины жажды».

«Ты этимъ бы даже подбодрилъ ихъ. Они увидали бы, что есть люди, которые твердо стоятъ на своемъ посту служенія долгу. Да, держи карманъ шире, — просто рѣшили бы, что выскочка», — зло разсмѣявшись, вошелъ я въ достигнутую мною комендантскую. «Что они тамъ дѣлаютъ», нечаянно оборачиваясь на порогѣ вправо и замѣчая группу юнкеровъ и офицеровъ, заинтересовался я надъ необычайностью ихъ позъ. «А, пускай дѣлаютъ, что хотятъ», — и я окончательно вошелъ въ комнату. Въ ней я засталъ лишь нѣсколькихъ юнкеровъ и верзилу вольноопредѣляющагося, удивительно напомнившаго мнѣ одного знакомаго, и картины изъ родной Малороссіи поплыли передъ глазами, я зашатался и, если бы онъ не подхватилъ меня, то я бы грохнулся на полъ.

«Вы ранены?» — участливо закидали меня вопросами, но я молчалъ.

Все куда-то исчезло, но я какъ-то сразу увидѣлъ нагнувшагося надо мной верзилу вольноопредѣляющагося. «Что такое? Зачѣмъ вы здѣсь?» — вскочилъ я съ вопросомъ со стула, на который меня усадили.

— «Вамъ плохо! Сидите лучше, господинъ поручикъ», — ласково улыбаясь изъ-подъ мохнатыхъ бровей голубыми глазами, просилъ онъ меня. Гдѣ Комендантъ Обороны?» — упрямо задалъ я вопросъ.

«Комендантъ только-что отправился къ Временному Правительству», — отвѣтилъ одинъ изъ юнкеровъ.

«Догнать!» — заоралъ я.

И отъ этого, внезапно вырвавшагося крика, мнѣ стала отчетливо ясна вся окружающая обстановка. Двое юнкеровъ, какъ-то подпрыгнувъ отъ неожиданности окрика, бросились въ корридоръ исполнять приказаніе, но сейчасъ же вскочили обратно.

— «Тамъ дерутся», — срывая изъ-за спинъ винтовки, говорили они.

«Ворвались», — мелькнула мысль, обдавая жаромъ все тѣло, и я въ моментъ бросился къ корридору, вытаскивая револьверъ изъ кобуры. Но взглянувъ въ корридоръ, сейчасъ же вложилъ его обратно. Дравшіеся на шашкахъ, мелькавшихъ въ воздухѣ, оказались двое пьяныхъ офицеровъ, быстро отдѣлявшихся отъ группы, замѣченной мною при входѣ въ комендантскую. «Что скажу юнкерамъ? Какой стыдъ!» — смущенно рѣшалъ я. «Офицеры подрались, своихъ не узнали, что ли? Видно большевики для васъ, что пугало для воронъ!» — крикнулъ я уже изъ корридора, бросаясь между приблизившимися драчунами. Мое появленіе смутило и внесло нѣкоторое спокойствіе, что дало возможность подбѣжавшимъ сотоварищамъ развести ихъ въ разныя стороны.

— «Господинъ поручикъ, — подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ одинъ изъ юнкеровъ, — что прикажете доложить коменданту? Вы приказывали его догнать».

«Спасибо. Я забылъ. Не надо, я самъ пойду... Кто знаетъ дорогу? А то я запутаюсь», — схитрилъ я, боясь, что снова ослабѣю и не дойду самостоятельно.

— «Я знаю, господинъ поручикъ», — вызвался вольноопредѣляющійся. — «Разрѣшите, проведу?»

«Да, да. Идемте. А вы оставайтесь здѣсь и всѣмъ передавайте, что сюда идетъ народъ», и я повторилъ извѣстіе, съ которымъ прибѣжалъ.

— «Позвольте васъ взять подъ руку», — предложилъ мой провожатый, когда мы скрылись за поворотомъ.

«Спасибо. Только съ лѣвой стороны», — быстро попросилъ я его, отъ мелькнувшаго соображенія: «почему онъ такъ быстро предложилъ свои услуги... и вообще, какъ странно онъ держится, почему онъ дернулся корпусомъ впередъ, когда я говорилъ, что сюда идутъ отцы города. Ясно, ему это не понравилось... ужъ не онъ ли посылалъ отсюда пакетъ за № 17», — работало напряженно какое-то растущее чувство недовѣрія къ спутнику, что-то болтавшему, что ускользало отъ моего слуха.

По мѣрѣ приближенія къ цѣли, спутникъ все круче и круче мѣнялъ темы разговора, а я все лѣнивѣе ворочалъ языкомъ и чаще сталъ останавливаться, чтобы, опершись спиною къ стѣнкѣ, внимательнѣе разсмотрѣть лицо, руки и одутловатости кармановъ. «Странно — упорно сидѣла все одна и та же мысль въ головѣ. — Я его раньше все какъ-то не замѣчалъ, и почему онъ безъ винтовки или револьвера, или шашки. И что онъ можетъ безъ нихъ тутъ дѣлать? Нѣтъ, опредѣленно здѣсь дѣло нечистое», — заключалъ я и принимался идти дальше, чтобы черезъ сотню шаговъ остановиться и снова обдумать тѣ же вопросы. Но вотъ онъ, слегка замнувшись, съ налета задалъ вопросъ, не могу ли я использовать его желаніе быть полезнымъ дѣлу защиты Временнаго Правительства и, если понадобится, занять его такъ, чтобы сами члены Временнаго Правительства видѣли его усердіе, за что его, послѣ подавленія мятежа, произведутъ въ корнеты флота...

— «Господинъ поручикъ», — повышенно закончилъ онъ, спотыкнувшись на словѣ «флота», свою просьбу. Я отъ неожиданности сопоставленія корнета съ флотомъ слегка вздрогнулъ и искоса взглянулъ на него снизу вверхъ. Онъ тоже смотрѣлъ на меня. «Матросъ», — выросла догадка . . .

«Что же, я съ удовольствіемъ сдѣлаю это», — съ трудомъ проговорилъ я, въ то же время сжимая рукоятку нагана.

— «Покорнѣйше благодарю!» — освобождая свою правую руку, отвѣтилъ онъ. «Вы бы отдохнули, господинъ поручикъ, на васъ лица нѣтъ», — остановился онъ съ предложеніемъ, засунувъ освобожденную руку въ правый задній карманъ. Въ корридорѣ, въ который мы вышли съ большой мраморной лѣстницы, была полутемнота и полное отсутствіе какой либо человѣческой фигуры. Въ вискахъ стучало, во рту было не хорошо. «Кто раньше?» — мелькалъ вопросъ въ головѣ, съ жадностью улавливавшей доносящіеся звуки гула голосовъ изъ свѣтлой полоски конца корридора. И вдругъ изъ распахнувшейся двери, слѣва отъ выхода съ лѣстницы, вышли съ тяжелыми шагами, эхомъ покатившимися по корридору одинъ за другимъ пять юнкеровъ.

— «А какой у меня револьверъ, я всегда съ нимъ», — смущенно говорилъ мнѣ вольноопредѣляющійся верзила, вытаскивая правую руку и нерѣшительно подымая ея кисть, съ зажатымъ въ пальцахъ браунингомъ.

«Хорошій, но вы не играйте имъ! Оружіемъ не играютъ», — наставительно громко произнесъ я отвѣтъ, хватая лѣвой рукой за его кисть съ револьверомъ и подымая свой наганъ правой рукой. «Играя — можно убить», — кончилъ я.

Находившіеся въ нѣсколькихъ шагахъ юнкера-ораніенбаумцы — уже стояли рядомъ.

«Бросьте револьверъ, вы не умѣете съ нимъ обращаться! — Взять его!» — приказалъ я юнкерамъ, когда браунингъ упалъ изъ разжавшихся пальцевъ. «Я арестую васъ! Ведите въ Портретную Галлерею!» — отдалъ я приказаніе юнкерамъ, внутренне поражаясь ровной четкой интонаціи собственнаго голоса въ то время, когда сердце готово было выскочить изъ груди.

Въ Портретной Галлереѣ, куда я вошелъ съ юнкерами и нечаяннымъ плѣнникомъ, — стоялъ въ воздухѣ Содомъ и Гоморра. Строились какіе-то юнкера, то вбѣгая въ строй, то выскакивая изъ него. Отъ шума и свѣта и предшествующаго волненія, я остановился, чтобы разобраться въ впечатлѣніяхъ. Прямо передо мной стоялъ Комендантъ Обороны, правѣе Пальчинскій, кричащій негодующе на поручика Лохвицкаго, съ совершенно искаженной физіономіей, что-то въ свою очередь кричащаго Пальчинскому. А еще ближе направо у незамѣченной мною деревянной загородки-будки стоялъ поручикъ Скородинскій и двое юнкеровъ на часахъ. Изъ загородки доносились какіе-то грубыя восклицанія и смѣхъ.

— «Господинъ полковникъ, я приказываю арестовать этого большевика», — указывая на Лохвицкаго Коменданту Обороны, горячился министръ.

— «Чортъ знаетъ что! Второй офицеръ оказывается большевикомъ!» — кончилъ, приходя въ себя, Пальчинскій и, отвернувшись отъ поручика къ строющимся юнкерамъ, сталъ торопить построеніе.

«А, вы пришли! Это превосходно. Вотъ, господинъ министръ, офицеръ, за котораго я вамъ ручаюсь», — указывая на меня Пальчинскому, продолжалъ Комендантъ Обороны.

«Не зѣвайте», — бросилъ я юнкерамъ и подошелъ къ начальнику Обороны съ докладомъ о положенiи вещей внизу и объ арестѣ мною, за странное поведенiе, вольноопредѣляющагося, въ которомъ я подозрѣваю матроса, но въ чемъ убѣдиться документально не успѣлъ.

— «Гдѣ онъ? А этотъ! Отлично сдѣлали, что арестовали. Я уже хотѣлъ это сдѣлать, но онъ какъ-то ускользнулъ изъ глазъ. Поручикъ Скородинскiй, примите и допросите . . . А вы, принимайте командованiе взводомъ и отправьтесь очистить отъ большевиковъ ту часть Дворца, что примыкаетъ къ Эрмитажу, откуда они все больше и больше наполняютъ Дворецъ», — отдалъ мнѣ приказанiе Комендантъ Обороны, указывая на строющихся юнкеровъ.

— «Приведите ихъ скорѣе въ порядокъ», — обратился ко мнѣ министръ.

«Слушаюсь! Взводъ равняйсь!» — и слова команды покрыли шумъ. «Разрѣшите идти, господинъ министръ?» — спросилъ я у Пальчинскаго, когда назначенные мною взводный и отдѣленные командиры заняли свои мѣста и произвели расчетъ.

— «Да вы планъ Зимняго знаете?» — справился у меня министръ.

«Никакъ нѣтъ!»

— «Господинъ полковникъ, дайте поручику провожатаго. А гдѣ комендантъ зданiя? Онъ гдѣ-то здѣсь былъ», — спрашивалъ министръ.

— «Такъ точно, я тутъ, господинъ министръ!» — подлетѣлъ молоденькiй прапорщикъ въ широчайшихъ галифэ.

— «Вотъ, вы пойдете вмѣстѣ со взводомъ и укажете путь самый короткiй и такъ, чтобы . . ., ну, поднявшись еще на этажъ, спуститься къ нимъ въ тылъ сверху . . . Однимъ словомъ, чтобы зайти въ тылъ. А со стороны воротъ тоже будутъ приняты мѣры», — высказалъ соображенiя министръ.

— «Виноватъ, господинъ министръ, я буду совершенно безполезенъ . . . я . . . я не знаю ходовъ соединенiй помѣщенiй Дворца. Я только недавно вступилъ въ должность и за сложностью обязанностей не успѣлъ еще ознакомиться», — оправдывался въ своемъ незнанiи своихъ обязанностей шикарный комендантъ зданiя.

— «Это чортъ знаетъ что!» . . . — вскипѣлъ министръ. «Я самъ пойду съ вами!» — отнесся онъ ко мнѣ. «Подождите одну секунду», — и онъ подошелъ къ Коменданту Обороны, отдававшему какiя-то распоряженiя юнкерамъ связи.

Я воспользовался этимъ перерывомъ и спросилъ поручика Скородинскаго о результатѣ допроса.

— «Да и допрашивать не пришлось. Сразу сознался, что все время болтался здѣсь и велъ наблюденiе, но на васъ онъ даже не сердитъ. Слышите — хохочутъ подлецы».

«Ну, всѣхъ благъ. Министръ идетъ».

Я бросился къ взводу. Министръ кивнулъ головой. «Смирно! На плечо! Ряды вздвой! Направо! Шагомъ маршъ!» — подалъ я команду, и взводъ двинулся.

— «Сколько юнкеровъ?» — справился министръ, идя рядомъ со мной.

«27 человѣкъ», — отвѣтилъ я.

— «Достаточно. Эти негодяи очень трусливы. Важна внезапность», — проговорилъ министръ и смолкъ.

Министръ тоже не зналъ расположенiя ходовъ во Дворцѣ, а поэтому велъ на лобовой ударъ, а не въ тылъ.

Гулко неслись шаги взвода по длиннымъ корридорамъ и лѣстницамъ, взбудораживая отдѣльныя группы и фигуры юнкеровъ, большей частью безцѣльно слонявшихся по Дворцу.

Но вотъ и корридоръ 1-го этажа. Опомнившіеся Ораніенбаумцы держали нѣкоторый порядокъ. Стояли кое-гдѣ парные часовые, а передъ выходомъ подъ арку къ воротамъ стояла застава. При нашемъ появленіи они замѣтно оживились.

Взводъ же, ведомый министромъ Пальчинскимъ, также подтянулся и взялъ тверже ногу.

«На мѣстѣ!» — скомандовалъ я передъ выходомъ, выжидая пока министръ наведетъ справку о положеніи на баррикадахъ.

— «Баррикады въ нашихъ рукахъ, тамъ же почти все въ рукахъ большевиковъ. — Прямо!» закончилъ министръ.

Эхо ружейной и пулеметной трескотни смѣшивалось съ пискливымъ жужжаніемъ пулекъ, пронизывающихъ арку вдоль отъ воротъ ко двору.

«По одному, — прямо, бѣгомъ!» — скомандовалъ я, бросаясь черезъ арку къ противоположнымъ дверямъ перваго этажа второй части Дворца.

Перебѣжка протекла благополучно, безъ раненій. Въ знакомомъ уже мнѣ вестибюлѣ оказалась группа юнкеровъ, ведшихъ какое-то совѣщаніе. Я и министръ накинулись на нихъ съ вопросомъ, гдѣ большевики, и что они сами дѣлаютъ.

— «Большевики тутъ, за слѣдующей залой скопляются, у лѣстницы», — отвѣтили спрошенные.

— «Прекрасно, присоединяйся къ намъ!» — крикнулъ министръ, бросаясь дальше. Я бѣжалъ рядомъ. Но вотъ залъ съ лѣстницей наверхъ. По залу въ отдѣльныхъ кучкахъ раскинуты солдатскія и матросскія фигуры, вооруженныя съ пять до зубовъ.

Съ крикомъ: «Сдавайся!» — направляюсь къ лѣстницѣ, чтобы отрѣзать выходъ на лѣстницу. Первая пара юнкеровъ мчится туда же за мной. Съ нами, рядомъ, министръ. Вбѣгающіе юнкера, съ винтовками на перевѣсъ, ошеломляютъ группу и первое мгновеніе воцаряется растерянность, мѣстами превратившая матросовъ и солдатъ въ столпниковъ.

«Насъ мало, а ихъ много. Они разбросаны, а мы вбѣгаемъ лишь съ одной стороны», — мелькаетъ въ головѣ, и я, оборачиваясь, ору слова команды, какъ будто бы за мной идетъ бригада; ору, словно меня рѣжутъ на куски. У лѣстницы, куда стоявшіе у нея матросы и солдаты вдругъ бросились удирать, замахиваясь гранатами, но только замахиваясь, а не кидая ихъ, очевидно, изъ боязни переранить своихъ, министръ Пальчинскій, находившійся все время рядомъ со мной, склоняется ко мнѣ своею длинной фигурой и кричитъ мнѣ въ правое ухо: «перестаньте орать, словно васъ рѣжутъ, — я не могу слышать!» — Но я бросаю фразу, что такъ надо, и продолжая крикъ, устремляюсь на лѣстницу. Передъ поворотомъ ея въ обратную сторону вверхъ, моя пара юнкеровъ и я задерживаемся, чтобы обезоружить и стащить внизъ пару пойманныхъ матросовъ. И въ этотъ моментъ я замѣчаю, что эффектъ нашего появленія далъ прекрасные результаты: нѣсколько десятковъ человѣкъ уже обезоружено, а нѣсколько въ сторонѣ, вправо отъ лѣстницы, группа юнкеровъ съ тремя офицерами, бывшая до нашего появленія въ плѣну у нашего противника, уже устремляется къ винтовкамъ и гранатамъ.

— «Освободившіеся юнкера и офицеры сюда!» — кричитъ Пальчинскій. «Дальше спѣшите!» . . . — бросаетъ онъ мнѣ. Но дальше бѣжать мнѣ не съ кѣмъ. Но нѣсколько секундъ, и ко мнѣ подбѣжало человѣкъ 7—9 юнкеровъ и прапорщиковъ, и мы снова несемся впередъ, но уже по лѣстницѣ. Ближайшій матросъ, все поворачивающійся въ своемъ бѣгствѣ, словно затравленный звѣрь, пытается стрѣлять, но неудачно, и онъ спотыкается. Честь схватить его первымъ принадлежитъ мнѣ, несмотря на горячее желаніе этого достигнуть у прапорщика. Вырываю револьверъ и сталкиваю внизъ къ юнкерамъ, для ареста, для отнятія гранатъ, и снова несусь дальше за обогнавшимъ меня прапорщикомъ и двумя юнкерами слѣва. Но вотъ, лѣстница кончилась, и преслѣдуемые нами матросы и солдаты несутся уже по огромному залу.

Теперь ихъ больше. Вмѣстѣ съ ними, въ безотчетномъ страхѣ, удираютъ тѣ товарищи, что въ спокойномъ настроеніи спѣшили внизъ въ 1-ый этажъ.

Въ залѣ мы снова освобождаемъ небольшую группу юнкеровъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ посылаю отвести внизъ новыхъ, захваченныхъ плѣнныхъ, и снова дальше. Министра уже съ нами нѣтъ. Онъ остался внизу закрѣплять успѣхъ.

Но вотъ и этотъ залъ кончился и налѣво передъ нами, — мной, прапорщикомъ и четырьмя, пятью юнкерами, — новый залъ съ корридоромъ впереди. Въ этомъ залѣ повторяется то же, но съ тою разницей, что захваченные было въ плѣнъ юнкера и находившіеся въ немъ уже сами при нашемъ появленіи срываются со всѣхъ сторонъ и, набросившись на столы, съ лежащими на нихъ кучами гранатъ, помогаютъ задерживать и обезоруживать своихъ бывшихъ сторожей, пустившихся было на утёкъ.

«Развѣ ты солдатъ?» — набросился я на замахнувшагося гранатой «большевика».

Тотъ заморгалъ глазами отъ моего вопроса.

«Я тебя, скотина, спрашиваю. Опусти руки, когда съ тобой разговариваетъ офицеръ!»

Онъ покорно опустилъ занесенныя руки съ гранатами.

«Положи на полъ! Вѣдь не умѣешь ихъ держать! Еще себя взорвешь!»

Солдатъ затрясся, положилъ гранаты и вдругъ заревѣлъ.

«Сволочь, на офицера руку поднялъ! . . Ну ладно . . . ты не виноватъ. Тебѣ голову замусорили другіе. Знаю . . . Не бойся . . . Живъ останешься!» — говорилъ я ему и въ то же время уже осматривалъ это поле битвы, къ огромному счастью, совершенно безкровное.

«Надо дальше въ корридоръ. Хорошо, что эта шантрапа безъ боевыхъ руководителей», — оставляя земляка ревѣть, подошелъ я къ прапорщику, снимавшему съ матроса гранаты.

— «Этихъ надо убрать», — замѣтилъ онъ мнѣ.

«Да, это вы правы».

Черезъ нѣсколько минутъ пять юнкеровъ повели 11 человѣкъ матросовъ и солдатъ внизъ.

«Пришлите сюда первопопавшихся юнкеровъ!» — отдалъ я приказаніе уходящимъ. И оставшись одинъ, я увидѣлъ, что насъ осталось всего четверо: я, прапорщикъ, юнкеръ нашей школы Шапиро и юнкеръ ораніенбаумецъ.

— «Тамъ гдѣ-то есть входъ», — указалъ на корридоръ прапорщикъ.

«Чортъ его знаетъ, тамъ много этихъ дверей. Ну ладно, идемте! Вы останетесь тутъ охранять гранаты и въ качествѣ резерва, — приказалъ я ораніенбаумцу, — а мы въ корридоръ. Отыщемъ выходъ. Забаррикадируемъ столами и все будетъ великолѣпно. Пока задача выполнена».

Уже нѣсколько дверей нами освидѣтельствовано. Всѣ заперты. Но вотъ, прапорщикъ открылъ дверь и вскрикнулъ. Просунувшійся матросъ схватилъ его за ногу. Онъ упалъ и сразу оба исчезли за порогомъ. Крикъ испуга и ругань сразу родили во мнѣ представленіе, что тамъ, въ темнотѣ, лѣстница, и на ней засада. Моя стрѣльба подняла еще большій шумъ и топотъ. «Удираютъ». — «Впередъ!» — И я съ юнкеромъ Шапиро бросились въ темноту.

«Проклятіе!» Лѣстница оказалась винтовой, металлической и вертикальной. Стрѣлять и бросать гранаты безполезно. Но вотъ просвѣтъ пролёта и граната летитъ туда. Взрывъ. — Еще крики. Хлопаніе двери и тишина.

Прислушался. Тихо, ни одного звука. Начали спускаться — площадка и дверь. Толкнули. Заперта. Еще разъ толкнули — заперта. Поискали еще выходъ. Нѣтъ. Голыя, холодныя стѣны. Порылся въ карманѣ, отыскивая спички. Коробка есть, но спичекъ не оказалось. Я посовѣщался съ юнкеромъ Шапиро и стали подниматься обратно. И вдругъ проскользнуло соображеніе: «А что, если наверху, изъ другихъ комнатъ, выскочили на нашу стрѣльбу и заперли двери?» — И отъ этой мысли стало холодно. «Скорѣе, скорѣе наверхъ, къ двери, къ свѣту!» — звенѣло въ головѣ.

Но вотъ площадка. Руки ощупываютъ холодныя, гранитныя стѣны. «Дверь!» — вскрикиваю я и толкаю. «Заперта» . . . — мелькаетъ сознаніе отъ ощущенія безплодности надавливанія на нее. Ищу ручку. Таковой не оказывается.

«Выше!» — вдругъ просвѣтляется мозгъ соображеніемъ, что это промежуточный этажъ, и мы снова съ юнкеромъ бросились подниматься по лѣстницѣ вверхъ. Но вотъ, стало что-то сѣрѣть на стѣнѣ и черезъ нѣсколько ступенекъ мы очутились передъ открытой дверью въ показавшійся мнѣ необычно ярко освѣщенный корридоръ. Съ чувствомъ облегченія вышли въ корридоръ.

«Но вѣдь это не конецъ», — сказали мнѣ груды гранатъ, спокойно лежащія на полу около стола передъ дверью въ этотъ корридоръ. И вопросъ о томъ, что дѣлается тамъ, на баррикадахъ, у комендантской, у Портретной Галлереи, у мучениковъ, членовъ Временнаго Правительства, снова выросъ въ душѣ.

И необходимость дѣйствія повелительно завладѣла всѣмъ существомъ.

«Дорогой мой, вамъ не будетъ непріятно остаться одному здѣсь, пока я сбѣгаю за юнкерами? Я послалъ бы васъ, но боюсь, что юнкера чужихъ школъ васъ не послушаются».

— «Ради Бога, господинъ поручикъ, приказывайте Я все исполню, что вы прикажете, только не считайтесь съ желаніемъ уберечь меня. Я не боюсь. А вамъ необходимо оправиться и организовать оборону, а то снова налѣзутъ!»

«А гдѣ же ораніенбаумецъ?» — спохватился я и бросился въ залу. Тамъ было пусто.

«Можетъ быть, въ слѣдующей залѣ еще есть кто» . . . — и я бросился дальше. Но никого не было и тамъ . . . И я вернулся обратно въ корридоръ, гдѣ продолжалъ стоять юнкеръ Шапиро.

— «Господинъ поручикъ, я стану на лѣстницѣ, у стѣнки. Это будетъ незамѣтнѣе и выгоднѣе», встрѣтилъ онъ меня своимъ соображеніемъ. «Хорошо», — согласился я.

«Никого нѣтъ, надо идти къ Пальчинскому. Чортъ, не понимаю, почему не присылаютъ подкрѣпленія», — говорилъ я, передавая юнкеру револьверы и гранаты, захваченные изъ залы.

— «А можетъ быть, тамъ идетъ бой», — высказалъ онъ предположеніе.

«Возможно. Ну — я бѣгу. Да хранитъ васъ Господь! — Если все благополучно, я сейчасъ же назадъ. Простите, родной, что оставляю, но по совѣсти иначе не могу. И смотрите, въ случаѣ чего, живымъ въ руки не попадайтесь. Пощады теперь не будетъ!»... — крикнулъ я уже изъ зала и понесся бѣгомъ къ 1-му этажу.

Лишь въ концѣ второго зала, у лѣстницы, попался только обрюзглый, маленькій, сѣдой придворный служитель, при моемъ приближеніи весь сжавшійся и задрожавшій.

«А, револьвера испугался», — подумалъ я, замѣтивъ, что его глаза смотрятъ на мою руку, сжимавшую наганъ, который я забылъ спрятать въ кобуру. И отъ этой мысли рука было дернулась къ кобурѣ, но сразу не попавъ въ нее, я оставилъ руку съ револьверомъ въ покоѣ.

Но вотъ и вестибюль, съ котораго началось наше побѣдное торжество, приведшее къ нѣсколькимъ десяткамъ плѣнныхъ и потерѣ прапорщика.

Въ вестибюлѣ была группа юнкеровъ и еще какихъ-то людей. Я бросился къ юнкерамъ:

«Сейчасъ наверхъ. Налѣво, черезъ одинъ залъ, а затѣмъ черезъ другой, въ корридоръ. Тамъ увидите открытую дверь налѣво, на лѣстницу. И тамъ стоитъ часовой — юнкеръ Шапиро. Такъ немедленно отправляйтесь туда... Но почему вы безъ винтовокъ? Что это за люди?» — озадаченно-недоумѣнно, ничего не понимая, спрашивалъ я.

— «Мы... Дворецъ сдался...» — наконецъ мрачно отвѣтилъ одинъ юнкеръ.

«Сдался?!.. Вранье, не можетъ быть», — и я бросился въ дверь подъ арку. Подъ аркой шумѣло, гудѣло, двигалось. И я, рванувшись въ потокъ, напирающій въ тѣ же двери, что и мнѣ нужны, проталкивался, дрался, и снова проталкивался, пока не очутился, совсѣмъ сдавленный водоворотомъ человѣческихъ тѣлъ, передъ лѣстницей въ комендантскую, тоже всю занятую людьми.

Отъ этой невольной остановки я началъ уяснять, что дѣйствительно что-то случилось, но что, я не отдавалъ себѣ отчета.

— «А вотъ гдѣ ты? — Стой!» — оглушилъ меня окрикъ, и передъ лицомъ, надъ плечами, отдѣлившими меня отъ кричавшаго матроса, показалась съ трудомъ тянущаяся ко мнѣ мозолистая, съ короткими, корявыми пальцами, рука.

«Онъ схватитъ меня за лицо!» — мелькнула мысль и ужасъ овладѣлъ мной. И отъ этого ощущенія я рванулся въ сторону и вступилъ на ступеньку лѣстницы; и только тутъ я замѣтилъ, что еще немного выше стоитъ Комендантъ Обороны, а рядомъ высокій, съ красивымъ лицомъ, вольноопредѣляющійся лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Увидѣвъ Коменданта, я сдѣлалъ еще усиліе и снова протиснувшись, поднялся еще на нѣсколько ступенекъ.

Онъ замѣтилъ меня. И нагнулся ко мнѣ: «Саня, я вынужденъ былъ сдать Дворецъ. Да ты слушай», — увидя, что я отпрыгнулъ отъ него, продолжалъ онъ.

«Сдать Дворецъ?» — горѣло въ мозгу.

— «Не кипятись. Поздно — это парламентеры. Бѣги скорѣе къ Временному Правительству и предупреди . . . скажи: юнкерамъ обѣщана жизнь. Это все, что пока я выговорилъ. Оно еще не знаетъ. Надо его спасать. Для него я ничего не могу сдѣлать. О немъ отказываются говорить» . . .

«Да, да, спасать!» . . . — овладѣло моей душой новое горѣніе. И я повернулся бѣжать. А навстрѣчу тянется матросъ. «Въ животъ!» И я нагнувшись сверху внизъ ткнулъ головою ему въ животъ и, какъ-то проскользнувъ дальше въ толпу, сталъ пробираться. Тяжело, не понимаю какъ, но я продвигался впередъ, среди этой каши изъ рабочихъ, солдатъ, юнкеровъ, — оборачиваясь посмотрѣть, гдѣ матросъ. Но его изъ-за сгрудившихся тѣлъ не было видно. Но вотъ, стало свободнѣе. Только одни юнкера, медленно продвигающіеся, безъ оружія, къ дверямъ.

А вотъ и выскочилъ изъ толпы и побѣжалъ дальше. «Скорѣе за поворотъ. Нѣтъ, не сюда. За второй», . . . — и я продолжалъ бѣжать. Вотъ и поворотъ.

«Въ этотъ», — рѣшилъ я и завернулъ.

— «Господинъ поручикъ, тамъ большевики, пулеметы», — выросли передо мною двѣ фигуры юнкеровъ.

«Гдѣ?»

— «За стеклянной дверью, въ концѣ корридора. Слава Богу, что васъ встрѣтили. Мы нарочно стоимъ здѣсь, чтобы думали, что все хорошо, что мы часовые. А то въ тылъ баррикадамъ зайдутъ!» — говорили братья Эпштейны, юнкера нашей школы.

«Правильно. Стойте», — и я сдѣлалъ движеніе, чтобы бѣжать дальше.

— «Господинъ поручикъ, Ораніенбаумцы идутъ».

«Ораніенбаумцы? Гдѣ?» — Изъ одной изъ дверей въ покинутый мной корридоръ дѣйствительно выходила новая толпа юнкеровъ.

«Надо бѣжать къ Временному Правительству, чего медлишь?» — работала мысль. — «Нѣтъ, постой!» — и что-то толкнуло меня къ выходящимъ юнкерамъ.

«Юнкера стой!» — заоралъ я и началъ говорить. Что я говорилъ, я не отдавалъ себѣ отчета. Я призывалъ и проклятія матерей за оставленіе Дворца, за позоръ, которымъ покроются ихъ погоны, эта ступень къ высокому званію офицера, я и взывалъ къ товариществу, къ традиціямъ. Юнкера мрачно слушали меня. А когда я выкричался, то снова пришли въ движеніе, но уже тихо и безмолвно. Но все же, нѣсколько человѣкъ бросились ко мнѣ и со слезами стали просить прощенія за уходъ: «Но что мы можемъ сдѣлать! Съ нами нѣтъ офицеровъ! Мы попробовали, послѣ перваго раза, когда вы говорили съ нами о шествіи изъ города народа съ духовенствомъ, выбрать начальниковъ изъ юнкеровъ. Но ничего не вышло, когда тѣ начали распоряжаться. Сами же выбиравшіе стали отказываться. Вотъ, если бы у насъ были такіе офицеры, какъ капитанъ Галіевскій вашей Школы, то этого не было бы . . . Простите, мы побѣжимъ, а то отстанемъ отъ товарищей, будетъ хуже! . .» — и они побѣжали къ удалявшейся ротѣ.

Опять пустынные корридоры, лѣстница и наконецъ Портретная Галлерея. Никого. На полу винтовки, гранаты, матрацы. А со стѣнъ въ скованныхъ золотыхъ рамахъ стоятъ, во весь ростъ, бывшіе Повелители могучей, беспредѣльной Россіи. «Счастливые! Вы безмятежно спите!» — въ благоговѣйномъ

страхѣ взглянулъ я на портреты Владыкъ моихъ предковъ, которые такъ имъ служили со своими современниками, что передъ Россіей трепетала Европа. «А теперь!» . . . — И я сталъ молиться Богу, съ просьбой прощенія за кощунство, которое я собой представляю, шагая по этому залу.

«Скорѣе, скорѣе отсюда», — неслось въ головѣ, но ноги не слушались, и я уже едва плёлся. «Какая длинная галлерея! Я не дойду. Это что? А, да, слѣдъ отъ разорвавшейся бомбы. Бомбы? — Да, да, бомбы!»

— «Господинъ поручикъ, вы куда?» — и изъ-за портьеры, обвивавшей входъ въ залу изъ Портретной Галлереи, показалось двое юнкеровъ нашей Школы, но кто — я не узнавалъ.

— «Идите въ полуциркульный залъ; тамъ есть наши и Никитинъ, членъ Временнаго Правительства».

«Ахъ да, спасибо», — и я опомнился. «А гдѣ само Временное Правительство?» — спросилъ я, снова овладѣвая собою.

— «Оно? Не знаемъ!»

— «Здѣсь, господинъ поручикъ!» — раздался голосъ справа изъ маленькой темной ниши.

Я бросился туда. Въ ней лежало и стояло нѣсколько человѣкъ юнкеровъ съ винтовками въ рукахъ. «Что вы дѣлаете?» — спросилъ я.

— «Мы въ караулѣ при Временномъ Правительствѣ — оно здѣсь, направо». — и мнѣ указали дверь.

Я вошелъ. А. И. Коноваловъ выслушалъ докладъ, затѣмъ я вышелъ изъ маленькаго кабинета и пошелъ въ галлерею. И здѣсь я сѣлъ на маленькій диванчикъ. Скоро выскочила женщина и, говоря, что она представительница прессы и поэтому, представляя собою общественное мнѣніе, можетъ быть совершенно спокойна, что ее никто не тронетъ, — металась отъ одной двери къ другой. Меня это смѣшило. Посмотритъ направо, напротивъ, на дверь, на винтовую лѣстницу, сейчасъ же отскочитъ и бросится въ залъ. Но вотъ, выскочилъ штатскій, схватилъ ее подъ руку и они побѣжали въ залъ.

Сидѣть было пріятно. Мягко. И я съ удовольствіемъ сидѣлъ. Въ головѣ было такъ тихо, спокойно.

Вышелъ Пальчинскій, за нимъ Терещенко.

— «Нѣтъ, это не пріемлемо, я категорически утверждаю! . . .» — доносился до меня голосъ Пальчинскаго. «Надо вернуть юнкеровъ! Послушайте, бѣгите, верните юнкеровъ», — продолжалъ онъ.

«Ахъ, это ко мнѣ относится». И я попытался подняться. Но ничего не вышло.

«Я здѣсь умереть могу, но бѣгать, бѣгать больше не въ силахъ!» . . . — проговорилъ я и отвернулся. Мнѣ было больно, стыдно за свой отказъ.

— «Я самъ пойду», — отнесся Пальчинскій къ Терещенко, — «а вы вернитесь». — «Ну, хорошо» . . . — согласился тотъ.

Пальчинскій пошелъ, а Терещенко вернулся назадъ. Черезъ минуту выскочилъ какой-то молоденькій офицеръ въ черкескѣ и побѣжалъ за Пальчинскимъ.

Минуты бѣжали.

Но вотъ, откуда-то началъ рости гулъ.

Еще кануло въ вѣчность нѣсколько времени.

Гулъ становился явственнѣе, ближе.

Вотъ, въ дверяхъ Пальчинскій. Затѣмъ маленькая фигурка съ острымъ лицомъ въ темной пиджачной парѣ и съ широкой какъ у художниковъ старой шляпченкѣ на головѣ.

А еще нѣсколько дальше звѣриныя рожи скуластыхъ, худыхъ, длинныхъ и плоскихъ, круглыхъ, удивительно глупыхъ лицъ. Рожи замерли въ созерцаніи открывшагося ихъ блуждающимъ, дикимъ взглядамъ ряда величественныхъ Царей Русскаго народа, скованныхъ золотомъ рамъ.

Я поднялся, но идти не было силъ. Тогда я всталъ въ дверяхъ и прислонился къ косяку. Мимо прошелъ Пальчинскій, направляясь въ кабинетъ.

«Что, патроновъ у васъ достаточно?» — спросилъ я у юнкеровъ.

— «Такъ точно, господинъ поручикъ».

Но вотъ, жестикуляція широкополой шляпенки и гулъ, все растущій сзади, сдѣлали свое дѣло, и тѣ, передніе, качнулись, дернулись и полились широкой струей въ галлерею.

Теперь шляпенка не звала ихъ, а сдерживала:

— «Держите, товарищи, дисциплину!» — урезонивалъ тягучій, рѣзкій голосъ. — «Тамъ юнкера!»

Толпа увидѣла въ дверяхъ зала двухъ юношей, отважно, спокойно стоящихъ на колѣняхъ, чтобы можно было брать съ пола патроны и гранаты, сложенные съ боковъ дверей.

«Если Пальчинскій выйдетъ сейчасъ отъ Временнаго Правительства, гдѣ, очевидно, совѣщаются объ условіяхъ капитуляціи, — хотя неизвѣстно, кто ее будетъ принимать, — выйдетъ и прикажетъ открыть огонь, то первые ряды будутъ сметены, но послѣдующіе все равно растерзаютъ насъ. И если Правительство рѣшитъ сдаться, то эти звѣри юнкеровъ не пощадятъ. Такъ или иначе, а вамъ юноши — смерть!» — смотря на юнкеровъ, думалъ я.

Снова вышелъ Пальчинскій и махнулъ рукой. Шляпенка засѣменила къ дверямъ. Толпа ринулась за нимъ.

— «Стой!» — кричалъ Пальчинскій, — «если будете такъ напирать, то юнкера откроютъ огонь!»

Упоминаніе объ юнкерахъ опять сдержало звѣрье.

«Ну и поиздѣваются они надъ вами, мои дорогіе», — неслось въ головѣ, смотря, какъ юнкера твердо держали винтовки, готовые по малѣйшему знаку открыть огонь.

Шляпенка, прокричавъ еще разъ призывъ къ революціонной дисциплинѣ, направилась къ нашей нишѣ и совмѣстно съ министромъ черезъ нее прошла въ кабинетъ.

Прошло нѣсколько утомительно-тяжелыхъ минутъ ожиданія послѣдующаго хода событій.

Обстановка была уже не въ нашу пользу. По винтовой лѣстницѣ напротивъ ниши, куда такъ растерянно засматривало «общественное мнѣніе», начали показываться свѣжія революціонныя силы, одинъ бандитъ краше другого. Тактически, для нашего сопротивленія, это представлялось ихъ торжествомъ. Мы уже годились лишь для того, чтобы умереть и, въ лучшемъ случаѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, что единственно избавляло отъ лишнихъ мученій, что ускоряло развязку. И отъ осознанія этой, уже теперь, неизбѣжности я не могъ продолжать смотрѣть на юнкеровъ. Они волновали меня и ощущеніе какой-то вины передъ ними за свою невольную безпомощность отвратить отъ нихъ грядущее неизбѣжное все сильнѣе и острѣе пронизывало все мое существо. «По-

чему такъ долго ведутся разговоры? Неужели тамъ никто не понимаетъ, что каждая минута дорога, что обстановка можетъ такъ сложиться, что даже умереть съ честью нельзя будетъ. Ну, а если достигнуть какого либо соглашенія, то вѣдь надо же учитывать настроеніе этой черной массы, готовой уже во имя грабежа, во имя насыщенія разбуженныхъ животныхъ инстинктовъ, во имя запаха крови, которой ихъ дразнили весь вечеръ и ночь, потерять всякую силу воли надъ собой и тогда ринуться рвать и терзать все, что ни попадется подъ руки. Вѣдь вотъ, маленькій человѣкъ типа мастерового уже подобралъ съ матраца гранату и вертитъ ее въ своихъ трудовыхъ рукахъ. И стоитъ ему сдѣлать неосторожное движеніе, и она взорвется. А тогда васъ всѣхъ разорвутъ вмѣстѣ, не только съ этой, находящейся у васъ шляпенкой, но еще и съ десятками имъ подобнымъ. Да, да . . . чашу переполняетъ всегда лишняя, послѣдняя капля . . . А ты не философствуй. Забылъ, что тамъ штатскіе люди дѣятели кабинетовъ, уставшіе, задерганные и растерянные. Спѣши къ нимъ и спроси, чего хотятъ, если смерти, — то дать немедленный бой, . . . а если . . . да если они захотятъ жить, то юнкера все равно пропадутъ. Эти новые, собирающіеся, эти уже понюхали крови тамъ внизу: у нихъ иной видъ, иной взглядъ. Боже мой, да если пойти докладывать, да объяснять, — потеряешь время. А если начать дѣйствовать, — то тамъ у Правительства — шляпёнка-парламентеръ, ихъ сотоварищъ. Боже, научи, что дѣлать? . .» И вдругъ я догадался:

«Кто сзади, зайдите въ кабинетъ и просите разрѣшенія открыть огонь. Еще нѣсколько минутъ, и этого нельзя будетъ сдѣлать. — Живо!» — полушопотомъ, стараясь всѣми силами сохранить равнодушіе на лицѣ, бросилъ я въ темноту ниши приказаніе юнкерамъ, въ отношеніи которыхъ, въ данномъ случаѣ, я этимъ бралъ на себя самовольно руководство, а слѣдовательно и отвѣтственность.

— «Слушаюсь!» — донесся до меня отвѣтъ, а затѣмъ легкое шевеленіе, нарушившее соблюдаемую нами тишину, сказало мнѣ, что юнкера приняли мое вмѣшательство.

«Цѣлься въ матросовъ. Первый рядъ въ ближайшихъ, второй — въ слѣдующихъ. Стоящіе, возьмите на себя тѣхъ, кто у двери на винтовую лѣстницу. По командѣ «огонь» дать залпъ. Безъ команды ни одного выстрѣла. Гранаты бросать: первые къ лѣстницѣ, а затѣмъ влѣво. Бросать — только стоя. Пулеметъ есть?» — задалъ я вопросъ, отдавъ указанія словно рѣчь шла объ изяществѣ рамъ или о качествѣ паркета.

— «Никакъ нѣтъ! Пулемета нѣтъ!» — донесся шопотъ.

«Смотрите, не волноваться — только по командѣ».

Но въ этотъ моментъ дверь широко раскрылась, и изъ нея на фонѣ шумливаго разговора показались шляпёнка и Пальчинскій. Масса, топтавшаяся на мѣстѣ и подпираемая новыми волнами все прибывающихъ снизу товарищей, уже давно перешла границу дозволеннаго и постепенно докатилась до насъ на разстояніе двадцати — двадцати пяти шаговъ. Въ галлереѣ уже было душно, и вонь виннаго перегара съ запахомъ пота насыщали воздухъ.

Вотъ шляпенка прошла мимо меня.

Масса, увидѣвъ ее, загудѣла, завопила и размахивая, кто винтовками, кто гранатами, ринулась къ нему.

— «Спокойствіе, товарищи, спокойствіе», — распластавъ руки въ стороны, кричала, поднимаясь на носки, шляпенка. «Товарищи! — дикимъ голосомъ

вдругъ завопила шляпенка. — Товарищи! Да здравствуетъ пролетаріатъ и его Революціонный Совѣтъ! Власть капиталистическая, власть буржуазная у вашихъ ногъ! Товарищи, у ногъ пролетаріата! И теперь, товарищи пролетаріи, вы обязаны проявить всю стойкость революціонной дисциплины пролетаріата Краснаго Петрограда, чтобы этимъ показать примѣръ пролетарію всѣхъ странъ! Я требую, товарищи, полнаго спокойствія и повиновенія товарищамъ изъ операціоннаго Комитета Совѣта!» . . .

Между тѣмъ, министръ Пальчинскій сообщалъ юнкерамъ рѣшеніе Правительства принять сдачу, безъ всякихъ условій, выражая этимъ подчиненіе лишь силѣ, что предлагается сдѣлать и юнкерамъ.

— «Нѣтъ, — раздались отвѣты, — подчиняться силѣ еще рано! Мы умремъ за Правительство! Прикажите только открыть огонь».

— «Безцѣльно и безсмысленно погибнете», — убѣждалъ новый голосъ.

— «И Правительство погубите этимъ», — доказывалъ третій.

— «Нѣтъ, о насъ они не должны думать. Слагать оружіе для сохраненія нашихъ жизней, мы не имѣемъ права требовать, но убѣждать сохранить свои мы должны и мы васъ просимъ отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Вы будете съ нами. Мы позаботимся о васъ или погибнемъ вмѣстѣ, но сейчасъ нѣтъ смысла!» — страстно, быстро убѣждалъ голосъ предсѣдателя Совѣта Министровъ А. И. Коновалова.

Юнкера молчали . . .

Въ это время ораторствовавшая шляпенка выдохлась и уже давно отъ надрыва сипѣла.

«Одинъ выстрѣлъ. Все равно куда — и эта орава бросится и все сокрушитъ на своемъ пути», — ясно и отчетливо предупреждало сознаніе при видѣ, какъ отъ фанатическихъ выкриковъ шляпенки масса пришла въ неистовство и . . . рванулась впередъ, напирая на шляпенку. Министръ Пальчинскій вскочилъ на порогъ ниши. Я прижался къ косяку . . . «Поздно», — мелькнуло въ головѣ, и круги поплыли передъ глазами. Но послѣднее усиліе, и я отступилъ въ нишу. Министръ же смѣшался съ толпой. Юнкера вскочили. Я закрылъ на мгновеніе глаза.

«Огонь!» — мелькнуло въ головѣ. Но . . . выстрѣловъ не раздалось. «Если вы, юные, жертвуете собой и идете навстрѣчу страданіямъ, то не мнѣ ускорять разрѣшенія счетовъ съ жизнью», и я вышвырнулъ наганъ и сорвалъ Анненскую ленту съ рукоятки шашки.

«Ну, теперь терзайте меня», подумалъ я, ставъ у стѣнки ниши, противъ двери въ кабинетъ послѣдняго засѣданія Временнаго Правительства Россіи, и эта жалкая, трусливая мысль заслоняла собою отчетливость выраженія лицъ членовъ Правительства, стоявшихъ вокругъ стола и частью выжидающе вглядывающихся во входъ изъ ниши, а частью продолжающихъ что-то быстро, вполголоса говорить другъ другу. При этомъ одинъ изъ министровъ торопливо кончалъ рыться въ какихъ-то бумажкахъ и затѣмъ, подойдя къ стѣнѣ, куда-то торопливо засунулъ руку, послѣ чего, вернувшись къ столу, съ облегченіемъ сѣлъ.

Это мужество министра отвлекло меня отъ думы о себѣ и сразу создало какое-то оригинальное рѣшеніе войти, во что бы это ни стало, въ кабинетъ и понаблюдать, что будетъ дальше. И я, принявъ рѣшеніе, чуть было не пошелъ. «Стой! — остановилъ я себя, — подожди, когда войдетъ эта шляпенка, направляющаяся сюда, а то члены Правительства, увидѣвъ тебя первымъ, еще подумаютъ, что ты струсилъ и прибѣгаешь подъ ихъ защиту». —

И я пропустилъ войти въ дверь шляпенку, а за нимъ еще нѣсколько человѣкъ, за которыми уже и протиснулся въ кабинетъ и остановился у письменнаго стола передъ окномъ и сталъ наблюдать.

«Историческая минута!» — мелькнуло въ головѣ.

«Не думай — смотри!» — перебило сознаніе работу мысли.

И я смотрѣлъ.

Съ величественнымъ спокойствіемъ, какое можетъ быть лишь у отмѣченныхъ судьбою сыновей жизни, смотрѣли частью сидящіе, частью стоящіе члены Временнаго Правительства на злорадно торжествующую шляпенку, нервно оборачивающуюся, то къ вошедшимъ товарищамъ, то къ хранящимъ мертвенное, пренебрежительное спокойствіе членамъ Временнаго Правительства.

«А это что?»... — поднялся Терещенко и говоритъ, протянувъ руку, сжатую въ кулакъ. «Что онъ говоритъ?» — и я сдѣлалъ шагъ впередъ.

— «Сними шляпу»... но его перебиваетъ другой голосъ: — «Антоновъ, я васъ знаю давно; не издѣвайтесь, вы этимъ только выдаете себя, свою невоспитанность! Смотрите, чтобы не пришлось пожалѣть; мы не сдались, а лишь подчинились силѣ, и не забывайте, что ваше преступное дѣло еще не увѣнчано окончательнымъ успѣхомъ», — обращаясь къ нервно-смѣющемуся, говорилъ новый голосъ, который я не успѣлъ опредѣлить, кому принадлежитъ, такъ какъ, въ этотъ моментъ, меня что-то шатнуло и передъ глазами выросла взлохмоченная голова какого-то матроса.

— «А вотъ гдѣ ты сволочь! Наконецъ попался!» — врѣзалось въ уши грубое, радостное удовлетвореніе матроса.

«Пусти руки, не давай воли рукамъ; что тебѣ надо? Я не знаю тебя!» — глупо растерянно защищался я словами, свалившись съ неба на землю.

— «Не знаешь? А кто меня арестовалъ на лѣстницѣ и отобралъ револьверъ?.. Отдай револьверъ!» — приставалъ мастросъ, дѣйствительно отпустивъ руки отъ воротника моего, мирнаго времени, офицерскаго пальто.

«Ого, съ нимъ можно разговаривать!» — пронеслась мысль.

«Какой револьверъ? Я тебя не знаю. Мало ли кого я забиралъ, такъ что-жъ я всѣхъ помнить долженъ? Голова!»...

— «Ну, нечего тамъ, отдай револьверъ, а то»...

«Что — то? Видишь, у меня моего нѣтъ. Пойди въ Портретную Галлерею и тамъ возьми; отстань отъ меня. Не мѣшай слушать!»...

— «Да ты мнѣ мой отдай. Я за него въ отвѣтѣ буду».

«Врешь! Кому отвѣчать будешь? Начальства нѣтъ теперь для васъ, такъ нечего зря языкомъ чесать. Смотри лучше, тамъ на столѣ нѣтъ ли какого револьвера», — убѣждалъ я его.

Но онъ вытащилъ изъ кармана кошелекъ и изъ него бумажку — удостовѣреніе, что ея предъявитель, товарищъ-матросъ такой-то, дѣйствительно, получилъ револьверъ системы наганъ за такимъ-то номеромъ отъ Кронштадтскаго Военно-Революціоннаго Комитета, куда по выполненіи возложенной на него задачи обязанъ вернуть означенный револьверъ. Слѣдовали подпись и печать комитета.

«Да ты правъ, ты долженъ былъ бы его вернуть, если бы имѣлъ. Но ты его потерялъ въ бою. Ты это и доложи», — урезонивалъ я его, въ то же время соображая, что онъ, или глупъ какъ пробка, или издѣвается надо мной. Мнѣ начинало надоѣдать и я сталъ нервничать.

— «Мнѣ не повѣрятъ, скажутъ, что я пропилъ. Да чего тамъ болтать! Разъ взялъ чужую вещь, то долженъ знать, гдѣ она. Отдай револьверъ!» — приходя въ повышенное состояніе настроенія, снова началъ свои требованія матросъ, но на этотъ разъ замахиваясь кулакомъ.

«Стой, подожди!»... — остановилъ я его съ внутреннимъ ужасомъ, что онъ меня сейчасъ ударитъ, а затѣмъ...

И тутъ, подъ вліяніемъ ужаса, что меня ударитъ по лицу, я совершилъ гадость, мерзость. Я бросился къ стоявшему къ намъ спиною члену Временнаго Правительства: «Послушайте, избавьте меня отъ этого хама. Я не могу его убить, иначе всѣхъ растерзаютъ!» — говорилъ я, дергая его за плечо.

Онъ обернулся. Блѣдное лицо и колкіе, пронизывающіе глаза.

«Ахъ, это вы давеча что-то объясняли мнѣ!» — вспомнилъ я. «Вотъ этотъ матросъ требуетъ, чтобы я вернулъ ему револьверъ, который я у него отобралъ вечеромъ, во время очищенія перваго этажа у Эрмитажа. У меня его нѣтъ. Объясните ему», — быстро говорилъ я.

Старичокъ выслушалъ и принялся мягко что-то говорить матросу, который растерянно сталъ его слушать. Я же воспользовался этимъ и быстро отошелъ на свое старое мѣсто у письменнаго стола, рядомъ съ окномъ, и снова сталъ смотрѣть, что творится въ кабинетѣ.

Въ кабинетѣ уже было полно. Члены Временнаго Правительства отошли большею своею частью къ дальнему углу. Около адмирала вертѣлись матросы и рабочіе и допрашивали его.

Но вотъ, шляпенка-Антоновъ повернулся и прошелъ мимо меня въ нишу, и не входя въ нее, крикнулъ въ Портретную Галлерею: «Товарищи, выдѣлите изъ себя двадцать пять лучшихъ, вооруженныхъ товарищей для отвода сдавшихся намъ слугъ капитала въ надлежащее мѣсто для дальнѣйшаго производства допроса».

Изъ массы стали выдѣляться и идти въ кабинетъ новые представители Красы и Гордости Революціи.

Между тѣмъ вниманіе вернувшейся назадъ шляпёнки однимъ изъ членовъ Правительства было обращено на то, что его сподвижники все отбираютъ, а также хозяйничаютъ на столахъ. Ѣдкое замѣчаніе задѣло шляпенку, и онъ началъ взывать къ революціонной и пролетарской порядочности и честности.

«А гдѣ же юнкера?» — спросилъ я прижавшагося къ стѣнѣ за дверью одного юнкера, только сейчасъ замѣчая его.

— «Часть увели въ залу, а я и еще нѣсколько здѣсь! Товарищи по ту сторону шкапа у стѣны», — отвѣтилъ онъ.

«А что вы думаете дѣлать?» — спросилъ я.

— «Что? Остаться съ Правительствомъ; оно, если само будетъ цѣло, сумѣетъ и насъ сохранить!» — отвѣтилъ онъ.

«Ну, я подъ защиту Правительства не пойду. Да съ нимъ и считаться не станутъ. Все равно разорвутъ», — отвѣтилъ я.

— «Но что же дѣлать?» — спросилъ онъ.

«А вы смотрите на меня и дѣйствуйте такъ, какъ я буду дѣйствовать», — отвѣтилъ я. И сталъ выжидать.

Комната уже наполнилась двадцатью пятью человѣками, отобранными шляпенкой.

— «Ну, выходите сюда!» — крикнулъ шляпёнка членамъ Временнаго Правительства.

— «Ну да хранитъ васъ Богъ!» — взглянувъ на нихъ, мысленно попрощался я съ ними и вышелъ въ нишу.

Въ нишѣ, прислонившись къ косяку, стоялъ маленькій человѣчекъ, типа мастерового-мѣщанина, — недавній объектъ моего наблюденія.

«Послушайте, — тихо и быстро заговорилъ я съ нимъ, — вотъ вамъ деньги . . . выведите меня и его, — я указалъ на юнкера, — отсюда черезъ Дворецъ къ Зимней Канавкѣ. Вы знаете Дворецъ», — продолжалъ я спрашивать его, словно онъ уже далъ мнѣ согласіе на мое абсурдно-дикое предложеніе провести черезъ огромнѣйшій Дворецъ, насыщенный ненавидящимъ насъ, офицерство, революціоннымъ отбросомъ толпы — чернью и матроснёю.

— «Я что? Я такъ себѣ. Товаришъ прибѣжалъ ко мнѣ сегодня и зоветъ идти смотрѣть, какъ Дворецъ берутъ. Онъ въ винномъ погребѣ остался, а я, непьющій, вотъ и пришелъ посмотрѣть сюда на Божье попущенье», — тянулъ мастеровой, отмахиваясь отъ денегъ.

«Ладно, ладно, — потомъ разскажете!» — убѣждалъ я его, — «прячьте деньги и идемте, а то сейчасъ и насъ заберутъ, а я не хочу вмѣстѣ быть», — убѣждалъ я.

Мастеровой крякнулъ, взялъ кошелекъ и, посмотрѣвъ въ разрѣдившуюся отъ массъ Портретную Галлерею, наконецъ произнесъ: «Идите туда и тамъ подождите. Ежели они не замѣтятъ, я выйду и попробую провести», — закончилъ онъ.

«Ну, была не была! Помяни Царя Давида и всю кротость его . . . . . .» — всплыла на память завѣщанная бабушкой молитва, и я, дернувъ за рукавъ юнкера, пошелъ въ Портретную Галлерею навстрѣчу всякимъ дикимъ возможностямъ.

Юнкеръ шелъ за мной. Вышли. И тутъ снова возбужденіе оставило меня, и я, покачиваясь, едва дошагалъ до диванчика у противоположной стороны и сѣлъ.

«Дѣлайте, что хотите!» — неслось въ головѣ. «Не могу идти», — рвало отчаяніе душу.

Мимо шли, бѣжали, а мы сидѣли. Юнкеръ тоже сѣлъ рядомъ со мной.

Наконецъ къ намъ подошелъ мастеровой. «Ихъ повели», — проговорилъ онъ. «Идемте! Ой, не знаю, какъ выйдемъ, тамъ здорово вашего брата поколотили», — махнулъ онъ рукой.

«Я усталъ. Я не могу идти. Дайте курить», — попросилъ я.

— «У меня нѣтъ. Я этимъ не занимаюсь. Эй, товарищъ!» — крикнулъ онъ одному солдату, ковырявшемуся подъ матрацами, вытаскивая изъ-подъ нихъ револьверы и винтовки. И тутъ я замѣтилъ, что такихъ «ковырялъ» было много, и что всѣ заняты, очевидно, одной мыслью что-нибудь забрать, утащить. Были и такіе, что съ диванчиковъ отпарывали плюшъ. «Гіены», — мелькнуло сравненіе и вспомнилось, какъ подъ Люблиномъ я однажды такихъ обиралъ отгонялъ отъ тѣлъ убитыхъ товарищей, при лунномъ свѣтѣ прелестной лѣтней ночи. И на сердцѣ засосала безысходная тоска.

— «Вотъ есть папироска. Кури сердечный, полегчаетъ! . . Ишь лица нѣтъ на человѣкѣ», — говорилъ, давая мнѣ папиросу, взятую у «товарища», мастеровой.

«Ахъ ты русская натура» . . . — съ наслажденіемъ затягиваясь, думалъ я, и почему-то на память набѣжали первыя строчки описанія Днѣпра: «Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ . . .»

«Ну, идемте», — поднялся я.

— «Пора!» — подтвердилъ мастеровой; и я, молчаливый юнкеръ и мастеровой пошли. Въ головѣ снова образовалась какая-то пустота, и я, идя, почти не отдавалъ себѣ отчета въ совершающемся вокругъ и не замѣчалъ пути, по которому мы шли. Я ясно запечатлѣвалъ лишь необходимость сохраненія, какъ можно болѣе ярко выраженнаго, равнодушія ко всему окружающему — чему учила меня то, чѣмъ я привыкъ руководствоваться за войну, — интуиція.

Мы шли медленно. Иногда насъ останавливали вопросами, на которые или мастеровой, или я давали отвѣты.

Наконецъ, мы добрались до арки. Прошли черезъ нее, среди бушующаго моря головъ. Съ площади неслась стрѣльба. Подъ аркой была темнота, и мы также благополучно протолкались въ первый этажъ слѣдующаго зданія. «Идти въ ворота нельзя», — говорилъ мастеровой, — «тамъ насъ всѣхъ арестуютъ, а васъ разстрѣляютъ. Тамъ кровью пахнетъ!» — на ухо шепталъ онъ мнѣ.

«Да, да», — согласился я, «потому и просилъ васъ вывести на канавку», — отвѣчалъ я, довольный, что пока все идетъ отлично и мой интуитивный расчетъ меня не обманулъ и на этотъ разъ.

Въ вестибюлѣ, гдѣ у меня было такъ много связано со всѣмъ этимъ злосчастнымъ днемъ, толпа рабочихъ и солдатъ взламывали ящики, о которыхъ казаки говорили, что они съ золотомъ и брилліантами. Я на одну минуту просунулъ голову между плечъ, чтобы замѣтить содержимое, но неудачно. Мѣшкать же было нельзя и мы продолжали идти. Прошли мимо лѣстницы, на которой я взялъ въ плѣнъ матроса, отъ котораго дважды пришлось ускользать.

Но вотъ корридоръ. Затѣмъ лѣстничка, на которой спѣшащая во Дворецъ группа солдатъ Павловскаго полка учинила допросъ и, удостовѣрившись, что ни у меня, ни у юнкера нѣтъ оружія, оставила насъ въ покоѣ и пошла дальше.

Мы тоже двинулись. Но вдругъ мастеровому пришло въ голову какое-то рѣшеніе, и онъ, оставивъ насъ ожидать его, побѣжалъ вслѣдъ за уходящими. Черезъ минуту онъ вернулся съ солдатомъ Павловцемъ и обращаясь ко мнѣ сказалъ, что дальше насъ будетъ вести этотъ солдатъ, а онъ долженъ вернуться назадъ. Я и юнкеръ поблагодарили его за услугу и мы разстались.

Но вотъ мы и на Милліонной. Въ концѣ ея, у Марсового Поля, трещали пулеметы, а сзади гудѣла толпа и среди нея горѣли огни броневиковъ.

На Милліонной же было пусто, темно. Мы шли по серединѣ улицы.

Но вотъ навстрѣчу попалась группа изъ 3-хъ человѣкъ. Въ темнотѣ нельзя было видѣть, кто идетъ. Нашъ сопровождающій окликнулъ. Оказались Преображенцы. Онъ справился о комитетѣ полка, подъ сѣнь котораго онъ предполагалъ насъ сдать для ночлега, такъ какъ черезъ Марсово Поле пройти ужъ никакъ нельзя было бы изъ-за патрулей.

Спрошенные отвѣчали, что онъ еще засѣдаетъ и чтобы мы спѣшили.

— «Полкъ держитъ нейтралитетъ, и комитетъ взялъ на себя охрану порядка; онъ и васъ приметъ», — говорилъ онъ, идя съ нами дальше.

«Итакъ, я въ плѣну. Оригинально. Ну, посмотримъ, что произойдетъ дальше», — рѣшалъ я, — какъ солдатъ объявилъ, что мы пришли, и вошелъ въ открытую дверь одного изъ домовъ по лѣвой сторонѣ Милліонной, откуда на улицу падала полоска свѣта.

Вошли. Передняя — пусто. Прошли въ корридоръ, голоса изъ ближайшей комнатки насъ остановили у ея двери. Солдатъ вошелъ и черезъ нѣсколько секундъ выскочилъ, прося «пожаловать».

Маленькая комната. Накурено. Усталыя лица двухъ поднятыхъ головъ отъ какой-то бумаги повернулись въ нашу сторону.

— «Кто вы?» — раздался вопросъ. Спрашивалъ офицеръ.

Меня что-то обожгло. «Я изъ Зимняго. Защищалъ Временное Правительство. Дворецъ взяли. Правительство арестовано. Ради Бога, капитанъ, во имя чести вашего мундира, дайте мнѣ одну изъ вашихъ ротъ. Надо идти туда. Поднимайте солдатъ», — горячо понесъ я вздоръ, забывъ, гдѣ нахожусь, видя предъ собой лишь офицерскіе погоны.

— «Вы съ ума сошли!» — вскочилъ офицеръ. «Вы не туда попали! Какой Зимній? Какъ вы могли оттуда выйти? Глупости! .. Идите въ другой полкъ, у насъ нѣтъ свободнаго мѣста», — рѣзко отчеканивалъ онъ.

«Да нѣтъ», — вмѣшался юнкеръ, — «мы оба оттуда. Временное Правительство арестовано на нашихъ глазахъ! Господинъ поручикъ говоритъ правду».

— «Арестовано? Кто?» — раздался вопросъ съ порога другой комнаты. Я взглянулъ въ сторону вопроса: спрашивающій оказался солдатомъ.

— «Чепуха», — проговорилъ капитанъ, — «они повторяютъ какія-то сказки о томъ, что Зимній кѣмъ-то взятъ. У насъ мѣста нѣтъ; не мѣшайте намъ. Идите въ Павловскій полкъ», — снова твердо отчеканивалъ капитанъ. «Послушайте», — обратился онъ къ вошедшему, — «вотъ здѣсь, мы съ прапорщикомъ . . .»

«Извините, что безпокоили», — наконецъ соображая, что упоминаніемъ о Зимнемъ мы вредимъ себѣ, отвѣтилъ я и вышелъ.

Нашъ сопровождающій еще былъ въ корридорчикѣ.

«Вотъ что, любезный, отведите насъ въ Павловскій полкъ. Здѣсь нѣтъ мѣста», — попросилъ я.

Солдатъ согласился и мы двинулись.

Теперь пулеметы стучали громче. Мѣстами щелкали винтовки.

— «Разстрѣливаютъ», — прервалъ молчаніе солдатъ.

«Кого?» — справился я.

— «Ударницъ!» . . . — и помолчавъ, добавилъ: «Ну и бабы, бѣдовыя. Одна полъ роты выдержала. Ребята и натѣшились! Онѣ у насъ. А вотъ, что отказывается, или больна которая, ту сволочь сейчасъ къ стѣнкѣ!» . . .

«Ого, куда я попаду сейчасъ!» — пробѣжала жуткая мысль въ головѣ . . . «Эхъ, все равно!»

Въ этотъ моментъ раздался окликъ: «кто идетъ?» — и на фонѣ справа, впереди свѣтящагося сиротливо фонаря показался матросъ.

Но не успѣли мы что либо отвѣтить, какъ матросъ, завопивъ: «А, офицерская сволочь!» и схвативъ винтовку на перевѣсъ, сдѣлалъ выпадъ въ меня.

«Въ животъ!» — мелькнуло въ головѣ, и я невольно закрылъ глаза.

«Отчего не больно?» — неслось въ головѣ, и я открылъ глаза.

Передъ мною стояла спина сопровождающаго меня солдата. Я продвинулся вправо. Матросъ лежалъ на землѣ, мокрый отъ изрѣдка моросящаго дождика и что-то бормоталъ.

«Бѣгите вправо на уголъ! Я сейчасъ», — бросилъ мнѣ солдатъ, продолжая держать винтовку за штыкъ.

Я обѣжалъ фонарь и, подойдя къ углу, остановился. Юнкера не было. Онъ еще раньше убѣжалъ.

«Какъ быстро все произошло», — соображалъ я, поджидая солдата, который и не замедлилъ подойти.

— «Сволочь!» — говорилъ онъ. «Этихъ матросовъ мы за людей не считаемъ. Имъ только рѣзать да пить!.. Будетъ собака помнить!»... — закончилъ онъ, шагая рядомъ.

«А что ты ему сдѣлалъ?» — по старой привычкѣ обратился я къ нему на «ты» съ вопросомъ.

— «Да ничего особеннаго, Ваше Благородіе». И помолчавъ, добавилъ: «У нихъ, сволочей, всегда кольца на рукахъ, а у меня тутъ бабенка одна, такъ я для нее и снялъ у него. Пьянъ собака! Теперь, поди, уже спитъ. Я его къ тротуару оттащилъ, чтобы броневикъ не переѣхалъ. А вотъ и наши патрули. Я васъ сдамъ имъ, чтобы они васъ проводили. Да вы, ваше Благородіе, не говорите, что изъ Дворца. Я имъ скажу, что вы изъ города сами пришли въ Преображенскій полкъ, да тамъ мѣста нѣтъ, вотъ васъ сюда и послали», — говорилъ заботливо мнѣ мой спутникъ.

«Ну, спасибо за совѣтъ. Только, родной, у меня денегъ нѣтъ. Я всѣ отдалъ!»

— «Что вы, ваше Благородіе! Я изъ кадровыхъ, съ понятіемъ. Мнѣ, да и многимъ нашимъ ребятамъ такъ тяжело видѣть, что дѣлается въ Матушкѣ Россеѣ, что мы и въ толкъ не возьмемъ. А господъ офицеровъ мы по прежнему уважаемъ и очень сочувствуемъ. Да что дѣлать, кругомъ словно съ ума сошли! Ну, будьте счастливы!..» И солдатъ подбѣжалъ къ остановившемуся патрулю.

Черезъ минуту я былъ въ корридорахъ Павловскихъ казармъ, куда меня ввели двое патрульныхъ.

— «Откуда?» — спросилъ болтавшійся въ корридорѣ солдатъ.

Я молчалъ — соврать солдату мнѣ было стыдно.

— «Со стороны», — въ голосъ отвѣтили патрульные.

— «Ладно; въ ту дверь, ежели со стороны; а вы поменьше таскайте всякій хламъ», — говорилъ онъ, уже обращаясь къ патрульнымъ.

«Какой это хламъ?» — устало соображалъ я, идя къ указанной двери. — «Черезъ комнату, въ слѣдующую!» — крикнулъ мнѣ вслѣдъ солдатишко, когда я отворялъ дверь.

Въ комнатѣ было тепло, грязно, полусвѣтло и пусто. Изъ двери налѣво доносились какіе-то звуки. Прислушался: стонъ то повышаясь, то понижаясь, продолжалъ залазить въ эту грязь четырехъ бѣлыхъ стѣнъ. Пошелъ къ двери напротивъ. Открылъ ее остановился въ изумленіи.

Первое, что бросилось въ глаза и поразило меня, былъ большой столъ, накрытый бѣлой скатертью. На немъ стояли цвѣты. Бутылки отъ вина. Груды какихъ-то свертковъ, а на ближайшемъ краѣ къ двери, раскрытая, длинная коробка съ шоколадными конфетами, перемѣшанными съ бѣлыми и розовыми помадками.

«Что это? Куда я попалъ?» — задавая себѣ вопросы, не сводя глазъ съ конфетъ, тихо направился я къ столу и вдругъ спотыкнулся. И только тутъ я окончательно осмотрѣлъ и запечатлѣлъ обстановку большой, длинной комнаты, наполненной такъ людьми, что я теперь не понималъ, какъ я не замѣтилъ этого сразу, а обратилъ лишь вниманіе на какіе-то конфеты, пакеты и

бутылки, дѣйствительно лежавшіе на столѣ, а не примерещившіеся. То же, что заставило меня спотыкнуться, было спящее тѣло офицера. И такими, издающими храпъ съ подсвистами, была наполнена вся комната. Они лежали на полу, на диванчикахъ, на походныхъ кроватяхъ и стульяхъ. «Странная компанія», — думалъ я, наблюдая это царство сна. Но вотъ какіе-то голоса изъ слѣдующей комнаты. Пробрался туда. Та же картина, только обстановка комнаты изящнѣе.

«Офицерское Собраніе полка», — наконецъ догадался я.

Опять раздался разговоръ, — прислушался, присмотрѣлся. Говоритъ сѣдоватый полковникъ, склонивъ голову на руки, сидя за столомъ. Отвѣчаетъ лежащій на диванѣ.

Я пробрался къ говорившему и позвалъ его.

«Господинъ полковникъ!» — тихо звалъ я его. Услышалъ. Поднялъ голову и окинулъ меня осоловѣвшими, припухнувшими глазами.

«Господинъ полковникъ, — продолжалъ я, — я изъ Зимняго Дворца. Ужасно усталъ. Могу я остаться здѣсь и лечь отдыхать, или надо еще кому либо явиться?»

— «Глупо. Разъ вы здѣсь, то дѣлайте, что хотите, но не мѣшайте другимъ!» — отвѣтилъ полковникъ, и голова опять легла на руки.

«Боже мой, что же это?.. Сколько здѣсь офицеровъ! На кроватяхъ. Цвѣты. Конфеты. А тамъ»... — и образы пережитаго, смѣшиваясь и переплетаясь въ кинематографическую ленту, запрыгали передъ глазами, и я, забравшись подъ столъ, уснулъ, положивъ голову на снятое съ себя пальто.

Проснулся я въ десятомъ часу. Въ комнатѣ стоялъ шумъ отъ споровъ, смѣха и просто разговоровъ. Солнце лупило во всю. Было ярко и странно.

«Почему надо мной какой-то столъ? Что за гостинная? Что за люди? Гдѣ я?» — быстро промелькнули недоумѣнные вопросы, но сейчасъ же исчезли отъ воспоминанія о ночномъ, о вчерашнемъ.

«Гдѣ братъ? Что съ нимъ?» — впервые выросъ вопросъ тревоги о любимомъ братѣ, гордости нашей семьи.

«Господи, милый, славный, Господи! Что же это теперь будетъ съ Россіей, со всѣми нами?» — и я принялся читать «Отче Нашъ». — Молитва успокоила, и я вылѣзъ изъ-подъ стола. Офицеры, которые преобладали въ наполнявшей комнаты публикѣ, кончали пить чай. Около нѣкоторыхъ столиковъ сидѣли дамы.

«Что за кунсткамера?» — зло заработала мысль.

«Что здѣсь дѣлаютъ дамы? Ну, ладно, умоюсь, поѣмъ и выясню, въ чемъ дѣло!» — «Послушайте, гдѣ здѣсь уборная?» — справился я у пробѣгавшаго мимо солдата съ пустымъ подносомъ.

«Тамъ», — махнулъ онъ рукой на дверь, черезъ которую я вчера вошелъ сюда.

Я пошелъ. Изъ пустой слѣдующей комнаты, гдѣ я слышалъ стоны, я ткнулся во вторую дверь и попалъ въ большую, когда-то залу, а теперь ободранную комнату, съ валяющимися и еще спящими тѣлами, въ которыхъ я узналъ юнкеровъ.

Около уборной — солдатской, я увидѣлъ, черезъ окно въ другомъ помѣщеніи, дикую картину насилованія голой женщины солдатомъ, подъ дикій гоготъ товарищей.

«Скорѣе вонъ отсюда!».. — и я, не умываясь, бросился назадъ.

Черезъ часъ я позналъ тайну убѣжища для гг. офицеровъ, мило болтавшихъ съ дамами.

Еще за нѣсколько дней до выступленія большевиковъ гг. офицеры Главнаго Штаба и Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба потихохоньку и полегохоньку обдумали мѣропріятія на случай такого выступленія. И вотъ, это убѣжище оказалось однимъ изъ такихъ мѣропріятій. Находящіеся здѣсь всѣ считались добровольно явившимися подъ охрану комитета полка, объявившаго нейтралитетъ. Такимъ образомъ создавалась безболѣзненная возможность созерцанія грядущихъ событій: «а что, молъ, будетъ дальше?»

Но вотъ меня окликнулъ молодой офицеръ съ эксельбантами.

— «Вы меня не узнаете? Я адъютантъ Петергофской Школы прапорщиковъ. Васъ я видѣлъ въ Зимнемъ. Какъ вы попали сюда? Ваши юнкера разсказывали, что васъ выбросили въ окно, а вы себѣ здѣсь . . ха, ха, ха» . . . . — заливался отъ плоской шутки красивый поручикъ.

«Послушайте, я ужасно хочу ѣсть», — перебилъ я его, — «но денегъ съ собою у меня нѣтъ. Не найдется ли у васъ свободныхъ суммъ? Я вамъ, если будетъ все благополучно, пришлю по адресу, какой вы мнѣ укажете», — попросилъ я у поручика.

— «Пожалуйста, ради Бога, для васъ все, что угодно. Вотъ, разрѣшите четвертную. Этого будетъ достаточно?» — любезно предложилъ онъ мнѣ.

«За глаза! Огромное спасибо. Вотъ мой адресъ, на случай, если событія вытѣснятъ у меня изъ головы мое обязательство».

— «Я адресъ возьму, не для этого, а какъ память о васъ», — слюбезничалъ адъютантъ, стрѣляя глазами въ даму въ огромнѣйшей шляпѣ, украшенной перьями.

За болтовней, а затѣмъ за завтракомъ, за который взяли 10 рублей, — время незамѣтно бѣжало.

Въ это время въ комнатахъ началось оживленіе.

«Комиссаръ изъ Смольнаго пріѣхалъ», — раздавалась изъ устъ въ уста новость, вызывая коментаріи.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ комнату высокій красавецъ вольноопредѣляющійся — студентъ Петроградскаго Университета. Въ вошедшемъ я узналъ того вольноопредѣляющагося, который въ качествѣ парламентера велъ переговоры съ Комендантомъ Обороны Зимняго Дворца.

Новая ниточка, — рѣшилъ я, выслушавъ его заявленіе о томъ, что онъ уполномоченъ Военно-Революціоннымъ Комитетомъ выдать удостовѣренія на право свободнаго прохода по городу тѣмъ изъ офицерамъ, кто явился сюда самъ, или кого привели патрули, забравъ на улицахъ города, но безъ оружія въ рукахъ и не въ раіонѣ Зимняго Дворца. Тѣхъ же, кто защищалъ Временное Правительство, отправятъ въ Петропавловку.

— «И пожалуйста, — закончилъ онъ, — разбейтесь на группы и составьте списки. При этомъ для офицеровъ Генеральнаго Штаба долженъ быть отдѣльный списокъ».

— «Вотъ это хорошо!» — заволновался подполковникъ, — «я всѣхъ нашихъ знаю и я вамъ, господинъ комиссаръ, его сдѣлаю», — съ улыбкой, почтительно говорилъ молодой подполковникъ.

«Какой ты подполковникъ? Ты подхалимъ, а не офицеръ! Но что же со мной будетъ? Ей-Богу, въ Петропавловку не хочется», — подходя къ окну и смотря на улицу, соображалъ я.

На ней было пустынно, но ярко, свободно.

Но вотъ загремѣло и показался грузовикъ съ рабочими, сжимавшими въ рукахъ винтовки.

— «Каины поѣхали», — произнесъ надъ ухомъ знакомый голосъ свое заключенiе.

«Нѣтъ, слѣпые и обманутые!» — отвѣтилъ я, не оборачиваясь.

— «Ты живъ?»

«Глупый вопросъ!»

— «Ну чего злишься? — Ты знаешь, какiе у меня нервы», — беря за руку, вкрадчиво говорилъ Баклановъ.

«Ну, ладно. Горбатаго могила исправитъ, господинъ присяжный повѣренный. Ну, ну, хорошо, я не буду. Скажи, какъ ты сюда попалъ? Я тебя и не замѣтилъ», — прочитавъ слѣды отчаянiя на какъ-то сильно осунувшемся лицѣ поручика, заговорилъ я, уже значительно смягчаясь.

— «Потомъ. Тяжело вспоминать! Били... Погоны сорвали... А теперь разстрѣляютъ», — плаксиво закончилъ поручикъ.

Я молчалъ.

— «Начальникъ Школы убитъ», — вдругъ произнесъ онъ.

«Царствiе Небесное!» — и я перекрестился.

«Вотъ и прекрасно, если разстрѣляютъ, скорѣе увидимся съ нимъ, черезъ нѣсколько мгновенiй», — не выдавая ни однимъ мускуломъ ощущенiя этого горя, такъ грубо мнѣ преподнесеннаго злымъ поручикомъ, подумалъ я.

Баклановъ понялъ и отошелъ.

Черезъ минуту другой голосъ привѣтствовалъ меня.

Оборачиваюсь — прапорщикъ Одинцовъ младшiй. Я, искренне обрадованный, бросился къ нему.

Между тѣмъ офицеры составили листы съ фамилiями по группамъ.

Разгуливая съ Одинцовымъ, мы подошли и, случайно остановившись около группы изъ Генеральнаго Штаба, услышали восторги по адресу Смольнаго:

— «Они безъ насъ, конечно, не могутъ обойтись!»

— «Нѣтъ, тамъ видно головы, что знаютъ вещамъ цѣну», — говорилъ одинъ, вызывая осклабливанiя у другихъ.

— «Да, это не Керенскаго отношенiе къ дѣлу!»... — глубокомысленно подхватилъ другой.

— «Ха-ха-ха... Этотъ сейчасъ мечется, какъ бѣлка въ колесѣ. Отъ одного антраша переходитъ къ другому — передъ казаками, которыхъ также лишатъ невинности, какъ и ударницъ», — грубо сострилъ третiй.

— «Господинъ поручикъ, вы живы? Какъ хорошо, что я заглянулъ сюда!» — выростая предо мною, говорилъ юнкеръ N., членъ Совѣта нашей Школы.

«Здравствуйте. А что вы здѣсь дѣлаете?» — справился я.

— «Я изъ Смольнаго, куда ѣздилъ отъ Комитета Спасенiя и Городской Думы съ ходатайствомъ скорѣйшаго освобожденiя юнкеровъ. И вотъ получилъ бумажку — приказанiе — выпустить и направить въ Школу. Идемте со мной. Я васъ выведу. Еще есть кто-нибудь изъ гг. офицеровъ?» — говорилъ, поражая меня, юнкеръ N.

Черезъ пять минутъ я подошелъ къ уже выстроившимся юнкерамъ для возвращенiя домой въ Школу. Встрѣча была теплая, но крайне грустная — мы не досчитывались многихъ товарищей.

Подъ свистъ изъ оконъ казармъ мы произвели перестроеніе и пошли, соблюдая ногу и должный порядокъ. На повозкѣ ѣхали побитые и Баклановъ. Впереди и сзади шелъ караулъ отъ Павловскаго полка, очень пригодившійся на мосту чрезъ Фонтанку у цирка Чинизелли, гдѣ уличные хулиганы начали швырять каменьями въ юнкеровъ, виновныхъ лишь тѣмъ, что обладали чистыми душами и сердцами.

Прійдя, наконецъ, въ школу и поблагодаривъ юнкеровъ за проявленную дисциплину духа, я распустилъ ихъ изъ строя и пошелъ здороваться съ полковникомъ Киткинымъ, вышедшимъ встрѣчать насъ на подъѣздъ.

Съ милой улыбкой на своихъ сочныхъ губахъ, помощникъ Начальника Школы теперь, потирая руки, восхищался своею дальновидностью:

— «Я говорилъ, что ничего не выйдетъ, кромѣ позора. Ну, теперь убѣдились! Такъ ужъ не жалуйтесь, что пришлось много тяжелаго перенести. Сами виноваты — нечего соваться туда, гдѣ ничего не потеряли. Ну, а теперь пойдемте, выпьемъ водченки!» — предложилъ онъ, заканчивая свои милыя изліянія. Но я отказался отъ этой чести, сославшись на головную боль.

Зато черезъ нѣсколько минутъ я бесѣдовалъ съ Борисомъ, а затѣмъ съ явившимся капитаномъ Галіевскимъ, грустнымъ отъ общей боли, отъ человѣческой подлости и глупости.

— «. . . Я безконечно счастливъ, что моя рота юнкеровъ такъ стойко и мужественно вела себя, что по сдачѣ Дворца даже эти господа оставили у насъ оружіе и безпрепятственно пропустили съ баррикадъ прямо идти въ Школу», — тихо, съ гордостью, говорилъ капитанъ.

«Да, да», — соглашались мы. Большинство юнкеровъ прекрасно зарекомендовало себя. Тяжело будетъ, если не удастся ихъ довести до производства въ офицеры. Въ такихъ на фронтѣ только и нуждаются, — и тихая бесѣда насъ переносила то къ далекому готовящемуся къ зимовкѣ фронту, то къ переживаемымъ явленіемъ политической жизни Родины, въ которую вкропился и такой день, какъ вчерашній.

«Да — дѣлали мы выводы, много было страннаго за эти часы, вчерашняго дня и сегодняшней ночи . . . Да! Защищать положеніе, сопровождая его требованіями не открывать огня. Оригинально . . . и подлежитъ выясненію, въ чемъ зарыта «собака» . . . Ну да, Богъ видитъ правду, и хоть не скоро ее скажетъ, но все же скажетъ . . . Доживемъ ли? . .»

«Ну, пора и по домамъ», — наконецъ рѣшили мы, и разстались.

А еще черезъ три часа я пилъ шампанское за здоровье брата, оказавшагося тоже на свободѣ, и началъ строить планъ мести офицерамъ Генеральнаго и Главнаго Штабовъ, за издѣвательство надъ нами, — вызывая своими планами смѣхъ у прелестной хозяйки дома.

И вотъ, этими своими, воспоминаніями, я отдаю на судъ исторіи, для нахожденія истины и для воздаянія каждому по дѣламъ его, лицедѣевъ дня 25 октября 1917 года.

И дѣлаю я это въ память погибшихъ и пострадавшихъ юнкеровъ, гг. офицеровъ и героинь-ударницъ! Да простятъ мнѣ то, что я еще живъ, мои славные, честные, боевые друзья! . .

Моя жизнь въ коммунистическомъ раю

баронессы М. Д. Врангель

Моимъ внукамъ

Я не внесу въ мой разсказъ ни политики, ни исторіи, я лишь хочу искренно и правдиво, шагъ за шагомъ, передать, черезъ что я прошла и что мною очевидицею пережито въ дни большевиковъ.

Проживъ въ Петроградѣ съ 1918 г. до конца 1920 г., я несмотря на всѣ ужасы жизни и особо щекотливое личное мое положеніе уцѣлѣла какимъ-то чудомъ. Жила я подъ своей фамиліей, перемѣнить нельзя было, такъ какъ очень многіе меня знали. Но по трудовой книжкѣ, замѣнявшей паспортъ, я значилась: дѣвица Врангель, конторщица. А служила я въ Музеѣ Города, въ Аничковскомъ Дворцѣ, 2 года, состояла однимъ изъ хранителей его — мѣсто «отвѣтственнаго работника», какъ говорятъ въ Совдепіи. Ежедневно, какъ требовалось (такъ какъ за пропускные дни не выдавалось хлѣба по трудовымъ карточкамъ), я расписывалась моимъ крупнымъ почеркомъ въ служебной книгѣ. Въ дни подхода Юденича къ Петрограду, Троцкій и Зиновьевъ устроили въ Аничковскомъ Дворцѣ военный лагерь, разставивъ пулеметы со стороны Фонтанки; военныя власти шныряли во Дворцѣ повсюду, а служебная книга съ фамиліями, раскрытая, какъ всегда, лежала на виду въ швейцарской. Былъ у меня и обыскъ-налетъ, а въ дни появленія на горизонтѣ Главнокомандующаго Русской Арміей генерала Врангеля (моего старшаго сына) всѣ стѣны домовъ Петрограда пестрѣли воззваніями:

> Смерть псу фонъ-Врангелю, нѣмецкому барону!
> Смерть лакею и наймиту Антанты Врангелю!
> Смерть врагу Рабоче-Крестьянской Республики Врангелю!

Позже, въ другомъ мѣстѣ моего жительства, я была прописана, какъ вдова Веронелли, художница. Письма я писала подъ третьимъ именемъ. И вотъ, какъ ни непонятно, я выскочила благополучно, тогда какъ другія несчастныя матери, жены, сестры, дочери военныхъ бѣлогвардейцевъ, были заточены въ вшивые казематы и томились тамъ по мѣсяцамъ: старуха М. П. Родзянко, семья Звягинцевыхъ, баронесса Варвара Ивановна Икскуль, Хрулевы, наши племянницы, княгиня Т. Г. Куракина, бар. Е. А. Корфъ, баронесса Тизенгаузенъ, графиня Бенигсенъ, М. В. Винбергъ, мать совсѣмъ юнаго конногвардейца Таптыкова, да всѣхъ не перечтешь.

Начну разсказъ о моихъ переживаніяхъ по порядку. Должна прежде всего оговориться, всѣ ужасы моей жизни — ничего исключительнаго изъ себя не представляли, такъ же жили $^3/_4$ изъ породы буржуевъ, развѣ что были помоложе и не столь одиноки.

* *
*

Въ началѣ 1918 года мужъ, убѣдившись, что въ Петроградѣ жизнь становится все тяжелѣе, началъ продавать все наше имущество: картины, фарфоръ, мебель, ковры, серебро. Деньги постепенно помѣщали, какъ и прежде, въ Банкъ. Грознаго еще ничто не предвѣщало, было только запрещено переводить капиталы за границу. Затѣмъ запретили выдачу по текущимъ счетамъ, банки національзировали, изъ сейфовъ обобрали золото и бриллiанты, и мы, какъ и всѣ, остались ни съ чѣмъ. Мужъ рѣшилъ переѣхать въ Ревель, куда перевелъ и Спиртоочистительное О-во, Предсѣдателемъ коего онъ состоялъ. Я въ Ревель ѣхать не захотѣла, дѣти (сынъ и невѣстка), усиленно просили меня пріѣхать къ нимъ въ Крымъ, гдѣ въ то время, уволенный въ отставку, жилъ сынъ со своей семьей. Я давно ихъ не видала и ухватилась за это, тѣмъ болѣе, что въ Ревелѣ въ то время были нѣмцы, и во мнѣ кипѣло патріотическое возмущеніе противъ нихъ. Выбирать тогда, куда ѣхать, я могла. Я рѣшила устроить въ Петроградѣ для насъ съ мужемъ маленькій pied à terre на случай нашего пріѣзда, въ Крымъ же разсчитывала поѣхать на время, — тогда еще дѣлались такіе фантастическіе, какъ кажется теперь, невѣроятные планы. Проводивъ мужа, увѣренная, что разстаюсь съ нимъ на короткое время, я переѣхала въ уютную солнечную квартирку къ моей старой пріятельницѣ. Было просто, но красиво убрано, повсюду развѣсила портреты сына въ военныхъ доспѣхахъ и моихъ милыхъ внучатъ. Мнѣ даже нравилась эта упрощенность жизни; я поняла, какъ, вѣроятно, и многіе, сколько въ сущности лишняго, подчасъ совсѣмъ ненужнаго отягощало насъ. Мы были — рабы своего имущества.

Вскорѣ я получила отъ мужа 4 письма изъ Ревеля; путешествіе его было съ большими приключеніями, мои письма до него не дошли. Рѣшила не терять времени, хлопотать о требовавшихся безчисленныхъ документахъ на выѣздъ. Писала и телеграфировала сыну, такъ какъ онъ ранѣе просилъ, когда рѣшу выѣхать, дать ему знать, дабы онъ могъ у Скоропадскаго устроить мнѣ проѣздъ на Украину, но сколько ни писала — всѣ письма, повидимому, до него не доходили. Бумаги нужныя я, однако, всѣ получила, дѣло было только за паспортомъ, его мнѣ выдать отказали. Вскорѣ закрыли границы, и я осталась въ плѣну. Сразу мнѣ удалось найти очень хорошую женщину — прислугой. Я рѣшила поступить на какую-нибудь «чистую» службу. Сперва я работала нештатной служащей въ Музеѣ Александра III., но вскорѣ устроилась на лучшее мѣсто въ Музей Города, въ Аничковскомъ Дворцѣ. Учрежденіе это по духу было особое. Ни начальство, ни служащіе политикой не занимались, страстно любили свое дѣло, и работали не за страхъ, а за совѣсть. Сперва я состояла эмиссаромъ съ жалованьемъ 950 руб. въ мѣсяцъ, затѣмъ меня превратили въ научнаго сотрудника. Я получала сперва 4 тыс., позже 6 тыс., и, наконецъ, какъ хранителю Музея, мнѣ было назначено 18 тыс. въ мѣсяцъ, да бѣда-то въ томъ, что «пайка» пресловутаго въ нашемъ учрежденіи не полагалось. Жизнь безумно дорожала не по днямъ, а по часамъ. Вскорѣ я получила изъ Финляндіи

отъ мужа письмо. Онъ бѣжалъ изъ Ревеля, какъ и другіе, въ ожиданіи прихода туда большевиковъ. Писалъ, что былъ серьезно боленъ, поправляется понемногу, и заканчивалъ: «будь наготовѣ, за тобой пріѣдетъ человѣкъ, довѣрься ему». Письмо дошло до меня какимъ то таинственнымъ способомъ, я немедленно распродала все почти оптомъ, такъ какъ второпяхъ, то по сравнительно грошевой цѣнѣ; даже продала шубу и одежду, такъ какъ мужъ писалъ, что надо ѣхать безъ всякаго багажа, но ни о мужѣ, ни о какомъ человѣкѣ я болѣе никогда ни слова не слыхала. Умеръ ли онъ? Живъ ли? Не знала, что и думать. Проѣдая, помаленечку, вдвоемъ съ прислугой, деньги, вырученныя за продажу вещей, жутко дѣлалось, а что же дальше? Цѣны все лѣзли и лѣзли — 1 фунтъ отвратительнаго казеннаго хлѣба на рынкѣ продавался въ то время за 400—500 руб. (теперь говорятъ уже 4.000 руб)., говядина 1.700 руб., яйцо одно 400 руб., масло 12 тыс., сахаръ 10 тыс., соль 350 руб., крупа-пшено 180 руб. фунтъ, коробка спичекъ 80 руб., керосинъ 1 ф.—800 руб., свѣчка 500 руб., сапоги 150 тыс. руб., галоши 20 тыс. руб., чулки пара 6 тыс. руб., иголка — и та стоила 100 руб., катушка нитокъ 500 руб., мыло для стирки 5 тыс., и т. д. и т. д. Старушка хозяйка моя сбѣжала въ окрестности, разсчитывая, что тамъ подешевле, но вскорѣ умерла отъ истощенія. Прислуга моя то и дѣло падала безъ чувствъ отъ утомленія, стоя въ хвостахъ, полуголодная, за совѣтскимъ хлѣбомъ и селедками. Я видѣла, что она чахнетъ, и какъ ни грустно было съ ней разстаться, нашла ей хлѣбное мѣсто. И вотъ начались мои мытарства. Въ 7 часовъ утра бѣжала въ чайную за кипяткомъ. Напившись ржаного кофе безъ сахара, конечно, и безъ молока, съ кусочкомъ ужаснаго чернаго хлѣба, мчалась на службу, въ стужу и непогоду, въ рваныхъ башмакахъ, безъ чулокъ, ноги обматывала тряпкой: вскорѣ мнѣ посчастливилось купить у моей сослуживицы «историческія галоши» покойнаго ея отца, извѣстнаго архитектора графа Сюзора, благо, сапоги у меня тоже были мужскіе, — я промѣняла ихъ какъ то за клочокъ сѣраго солдатскаго сукна въ $2^1/_2$ аршина. Такими гешефтами всѣ тогда занимались, сперва какъ то стыдно было, а потомъ всѣ такъ привыкли, будто только всю жизнь это и дѣлали. Питалась я въ общественной столовой съ рабочими, курьерами, метельщицами, ѣла темную бурду съ нечищенной гнилой картофелью, сухую, какъ камень, воблу или селедку, иногда табачнаго вида чечевицу, или пережуткую пшеничную бурду, хлѣба 1 ф. въ день, ужаснаго изъ опилокъ, высѣвокъ, дуранды и только 15% ржаной муки. Что за сцены потрясающія видѣла я въ этой столовой — до сихъ поръ онѣ стоятъ у меня передъ глазами! Сидя за крашеными черными столами, липкими отъ грязи, всѣ ѣли эту тошнотворную отраву изъ оловянной чашки, оловянными ложками. Съ улицы прибѣгали въ лохмотьяхъ синія отъ холода, еще болѣе голодныя женщины и дѣти. Они облипали нашъ столъ, и, глядя помертвѣлыми, бѣлыми глазами жадно вамъ въ ротъ, шептали: «тетенька, тетенька, оставьте ложечку», и только вы отодвигали тарелку, они, какъ шакалы, набрасывались на нее, вырывая другъ у друга, и вылизывали ее до чиста. Въ 5 часовъ я возвращалась домой, убирала комнаты, топила печь, зимой черезъ два дня, варила на дымящей печуркѣ, выѣдавшей глаза, ежедневно на ужинъ одинъ и тотъ же картофель, — стоилъ въ то время одинъ фунтъ — 6 штукъ 250 руб., ѣла съ солью, а въ дни кутежа съ рѣдькой и лукомъ. Послѣ «ужина» чинила свое тряпье, по субботамъ мыла полъ, въ воскресенье стирала. Это было для меня самое мучительное — полоскать бѣлье съ приmороженными больными руками, адовая мука, а не стирать самой было невозможно. Бѣлье брали только

съ нашимъ мыломъ, стоило оно 5 тысячъ фунтъ, да за стирку рубашки 150 руб., простыни 200 р., полотенца 50 руб., и т. д. Такъ какъ дворниковъ въ домахъ болѣе не существовало (большинство изъ нихъ переименовалось предсѣдателями домовыхъ комитетовъ), то приходилось и дрова таскать, и помои выносить самой. А когда была объявлена повинность дежурить у воротъ, то сколько я ни протестовала, доказывая, что по возрасту я отъ повинности избавлена, предсѣдатель увѣрялъ: разъ я служу, стало быть работоспособна, и отъ повинности уклоняться не смѣю. И вотъ съ 10 до 1 часу ночи, я, какъ и другіе жильцы, кто раньше, кто позже, сидѣла на тумбѣ у воротъ, опрашивая всѣхъ входившихъ и выходившихъ изъ дома. Одна изъ дѣвицъ, очень жизнерадостная, на всякое дежурство облачалась для потѣхи въ оставшееся отъ былого великолѣпія вечернее платье, шикарную еще сохранившуюся шляпу и въ бѣлыя перчатки, увѣряя, что это единственный случай себя показать, такъ какъ, сидя на службѣ въ грязи или дома стирая, такое на себя не надѣнешь, въ театры же и кинематографы ей ходить не по карману. Должна отмѣтить, что несмотря на всѣ глумленія надъ буржуями и истязанія, какъ ни странно, за все время моего пребыванія въ Петроградѣ желанія буржуевъ отомстить угнетателямъ я не видѣла, подчасъ ихъ «повинности» принимались, конечно, тѣми, кого жизнь еще не повалила, даже съ юморомъ; они же оставались непріязненны и жестоки къ намъ, хотя «кровушки» то и у насъ ими было попито не мало.

Такъ какъ я боялась ночевать одна въ квартирѣ, — кругомъ меня нѣсколько квартиръ было очищено, и хотя обирать у меня уже было нечего, но могли перепугать, — я сговорилась съ однимъ заводскимъ рабочимъ, бывшій шофферъ Гурко, онъ взялся ночевать въ моей квартирѣ, колоть дрова и выносить помои за 1500 руб. въ мѣсяцъ безъ кормежки.

Предсѣдатель домоваго комитета, надо думать, блюдя порядокъ, то и дѣло захаживалъ къ жильцамъ. Явившись какъ то ко мнѣ, увидѣлъ портреты сына въ военныхъ доспѣхахъ, приказалъ немедленно всѣ ихъ убрать, предупреждая, что если зайдетъ и увидитъ и въ слѣдующій разъ «генераловъ», безъ разговоровъ отправитъ меня съ портретами въ Чека. Я немедленно переслала ихъ на храненіе къ знакомому присяжному повѣренному.

Дни шли, положеніе мое становилось все болѣе и болѣе критическимъ, придирки и наблюденія Домоваго Комитета, изнурительная физическая работа, недоѣданіе, отсутствіе всякихъ извѣстій о мужѣ и сынѣ — измучили меня, я таяла съ каждымъ днемъ. Скоро, не имѣя больше вещей, чтобы продавать и пополнять мой бюджетъ, я должна была отказаться отъ услугъ и моего рабочаго, — платить было нечѣмъ. Я опять осталась одна и только ужасно боялась, какъ бы не слечь и не очутиться въ больницѣ, гдѣ больные замерзали, гдѣ не было ни медикаментовъ, ни мѣста, валялись въ повалку на полу. Хирурги отказывались дѣлать операціи, такъ какъ отъ стужи — они не могли держать инструмента въ рукахъ. А народъ меръ и меръ, какъ мухи. 30 тыс. гробовъ въ мѣсяцъ не хватало, брали на прокатъ. Мой сослуживецъ и старинный знакомый, баронъ А. И. Притвицъ отъ истощенія ослѣпъ, вскорѣ умеръ; онъ былъ владѣлецъ богатѣйшаго маіората въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Похоронили его въ общей казенной могилѣ. Такъ какъ гроба жена не могла купить, то на кладбище она повезла его въ большей корзинѣ, благо онъ былъ очень небольшого роста, обернутаго въ простыню, поставила на розвальни, сама приткнулась около. Но про себя должна сказать, Богъ меня хранилъ. Я потеряла, правда, два пуда вѣсу, была желта какъ воскъ, отъ вѣчно мокрыхъ, никогда не просыхающихъ

ногъ (галоши мои знаменитыя послужили только мѣсяцъ). Мнѣ свело пальцы на ногахъ, руки отъ стирки и стужи приморожены, отъ дыма печурки, недоѣданія и усиленной непрерывной письменной работы сильно ослабли глаза, но я за два года ни разу больна не была. Постичь не могу, какъ въ 60 лѣтъ можетъ такъ ко всему приспособиться человѣческій организмъ.

Но буду продолжать по порядку. Однажды, когда я исполняла одну изъ тяжелыхъ очередныхъ моихъ работъ, зашла ко мнѣ моя пріятельница, извѣстная общественная дѣятельница, очень душевный человѣкъ, пришла въ ужасъ отъ условій моей жизни. Предложила переѣхать къ ней; у нея была большая — ея эмигрировавшихъ друзей — квартира и прислуга. Я была безумно счастлива. Наконецъ не быть одинокой! На новосельѣ я блаженствовала 10 дней. Пошли аресты, особыя гоненія на партію кадетовъ. Моя пріятельница состояла предсѣдательницей Комитета Кадетовъ въ одномъ изъ районовъ, ее убѣдили скрыться, прислуга меня немедленно бросила, поступила въ богатый еврейскій домъ, и опять я осталась одна, въ большой квартирѣ — я да еще черный котъ, неумолчно мяукавшій съ голоду, да и я сама была не лучше его. Зачастую я вставала ночью проглотить хоть стаканъ воды, или погрызть сырой морковки, чтобы заглушить щемящій голодъ. Тысячъ назначеннаго мнѣ жалованья я не видѣла три мѣсяца за отсутствіемъ въ Государствѣ денежныхъ знаковъ. Я уже разгуливала въ сапогахъ съ отставшею подошвою, привязанною веревкою, но это ничуть меня не смущало, такъ какъ такихъ франтихъ, какъ я, было много. Тоскливо было отсутствіе освѣщенія въ темные зимніе вечера, зачастую электричества частнымъ лицамъ совсѣмъ не давали, обыкновенно оно горѣло съ 10 до 12, когда всѣ мы полумертвые отъ усталости валились спать. Впрочемъ, были ночи, когда электричество блистало во всю, — это въ тѣ зловѣщія ночи, когда производились обыски и аресты. Всѣ это знали, всѣ трепетали измученные и издерганные въ ожиданіи пріятнаго визита. Но въ дни мрака было тоже жутко. Не имѣя ни керосина, ни свѣчей, въ моей конурѣ, выходившей на черный дворъ, совсѣмъ одинокая, съ обуревавшими меня печальными думами о близкихъ, оторванныхъ судьбою отъ меня, я коротала мои вечера, изрѣдка зажигая драгоцѣнныя спички, чтобы посмотрѣть который часъ. И вотъ въ одну изъ освѣщенныхъ электричествомъ ночей въ 3 часа раздались на черной лѣстницѣ оглушительные звонки, нетерпѣливые удары въ дверь и крики. Вскочивъ съ кровати — я догадалась — обыскъ! Такъ какъ у меня въ комнатѣ температура была на нулѣ, я спала одѣтая, да еще прикрытая разнымъ тряпьемъ. Около меня всегда лежали мои драгоцѣнности, письма и фотографіи сына, перевязанныя. Въ одну минуту я схватила ихъ, бросилась въ уборную и съ сокрушеннымъ сердцемъ утопила. Направилась къ дверямъ, а удары становились все свирѣпѣе и свирѣпѣе, того и гляди двери снесутъ. Открыла дверь, за ней 5 дѣтинъ «краса и гордость революціи», двое съ ружьями, тутъ же и предсѣдатель Домоваго Комитета — «салонный танцоръ», какъ онъ называлъ себя, а также и управляющій домомъ, — бывшій старшій дворникъ, — все по закону, все честь честью. Потребовали у меня документъ, онъ былъ у меня тоже на готовѣ, народъ мы стали всѣ вышколеный; убѣдившись, что я нахожусь на совѣтской службѣ, да еще «отвѣтственная работница», направились въ комнаты, шарили вездѣ, все перевернули, читали письма, рвали, отбирали бумаги. Найдя хорошій сафьяновый портфель, хотя и пустой, — забрали. Послѣ многое изъ хорошихъ хозяйскихъ вещей, оказалось, «экспропріировали» (это новомодное у насъ слово). Взяли телефонный списокъ съ фамиліями, курили, острили и только въ 5 утра

закончили всѣ операціи. Съ меня сняли опросъ — «гдѣ хозяйка, когда вернется?» — Сказала, что переѣхала я всего 10 дней, наняла комнату, хозяйки почти не знаю, а поѣхала она, какъ сказала, въ Новгородскую губернію за провизіей. Управляющій прибавилъ: «ей 60 лѣтъ, глуха какъ стѣна и не работоспособна». «Знаемъ мы этихъ глухихъ да нѣмыхъ, работать паразиты эдакіе не хотятъ, а народъ мутить ихъ дѣло. Счастье ея, что намъ подъ руки не попалась, а мы пріѣхали ее прокатить въ Петропавловку. Да мы не прощаемся, а до свиданія», — утѣшили они меня. Черезъ два часа послѣ этого пріятнаго ночного отдыха я уже бѣжала за кипяткомъ въ чайную, а оттуда на работу, на службу до пяти вечера.

Для душевнаго моего успокоенія до меня то и дѣло доходили вѣсти о смерти кого либо изъ оставшихся въ Петроградѣ друзей и знакомыхъ. Умерли отъ истощенія и голода моя невѣстка бар. Ш. Врангель, племянница М. Вогакъ, родственница еще одна, М. Н. Аничкова, умерла отъ сыпного тифа, А. П. Арапова, дочь Натальи Николаевны Пушкиной, по второму браку Ланской, обратилась въ вѣшалку, обтянутую кожей. Умерла въ нищетѣ княгиня Е. А. Голицына, бывшая начальница Ксеніинскаго Института. Ради существованія, пока не слегла, несмотря на свои 68 лѣтъ, во всякую погоду торговала на улицѣ бубликами; сестра ея, Е. А. Депревицкая, — также скоро послѣ нея умерла. Эм. Ал. Эллисъ, бывшая фрейлина, дочь коменданта Петропавловской крѣпости былыхъ временъ, умерла отъ изнуренія. Разстрѣляны въ то время были наши племянники бар. М. и Г. Врангель, при потрясающей обстановкѣ, А. И. Араповъ, — это только мои друзья, — общее же число жертвъ было безчисленно. А сколько сидѣло по тюрьмамъ. Порою, казалось, вернулись времена Іоанна Грознаго, людей изводили и въ одиночку, и скопомъ, со всевозможными муками и терзаніями.

Однако, я все время отвлекаюсь, но воспоминанія такъ еще болѣзненно живы и напряжены, такъ напираютъ, кажется, что еще не достаточно наглядно обрисовала «коммунистическій рай», и все новымъ и новымъ примѣромъ, новымъ штрихомъ хочется дорисовать эту картину.

Но возвращаюсь къ моему повѣствованію. Вскорѣ хозяйка дома дала мнѣ знать, къ большому моему огорченію, что ей вернуться на квартиру не прійдется. Немедленно меня уплотнили. Со мной теперь жили еврейка, два еврея, счетчица Народнаго Банка — бывшая горничная у одной моей хорошей знакомой; жила еще, хотя ворчливая, но хорошая старушка, бывшая няня, но она вскорѣ перебралась въ деревню, а на ея мѣсто поселился рядомъ со мною ужаснѣйшій красноармеецъ. Горничная въ былое время получала отъ меня на чаи, именовала меня «Ваше Сіятельство», теперь была такъ важна, что и приступа къ ней не было. Однажды, попросивъ оказать мнѣ незначительную услугу, я положила передъ нею 100 рублей, для меня въ то время это былъ цѣлый кушъ, она швырнула ихъ: «Ну да, буду я съ вами валандаться. А дрянь то эту уберите, что я на нее купить могу, вѣдь это даже не гривенникъ». Положимъ, она была права, да большаго то дать ей у меня самой не имѣлось. Дѣвица эта съ трудомъ подписывала свою фамилію, но жалованье получала такое же, какъ и я, да въ придачу громадный паекъ, и еще подкармливалась изъ деревни, и находила, что «теперь не жизнь, а малина».

Всѣ они размѣстились въ лучшихъ комнатахъ, я же жила въ самой маленькой, которую взяла ради экономіи моего крошечнаго запаса дровъ. Евреи топили у себя дважды въ день, такъ какъ служили въ Лѣскомѣ.

Парадныя комнаты были очень хорошо омеблированы. Мебель была корельской березы и краснаго дерева, зеркала, картины. И во что обратили все это скоро новые обитатели? Ставили въ комнатахъ самовары, дымъ столбомъ стоялъ, сушили бѣлье мокрое на креслахъ и т. д. Красноармеецъ былъ мой ближайшій сосѣдъ. По дому онъ расхаживалъ въ бѣлыхъ подштанникахъ, въ туфляхъ на босу ногу, съ трубкою въ зубахъ, горланилъ на всю квартиру неприличныя пѣсни, безцеремонно на моихъ глазахъ любезничалъ съ горничною, зачастую ночью собиралъ у себя «общество»; что они тамъ дѣлали, не знаю, а только гоготъ, гамъ и пѣсни не давали мнѣ не разъ заснуть до утра. Впрочемъ, все это было только безпокойно, но не страшно, возрастъ мой и видимая нищета спасали меня отъ худшаго. Вся эта компанія жила припѣваючи, ни въ чемъ сравнительно себѣ не отказывала, меня же третировала и за нищету презирала. Зачастую, вдыхая въ себя ароматъ жарившагося у нихъ гуся или баранины, мнѣ отъ раздражавшаго мой апетитъ запаха дѣлалось дурно.

Съ марта 1920 года въ жизни моей началось новое осложненіе. Въ газетахъ промелькнула фамилія Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи генерала Врангеля (какъ я уже сказала выше, моего сына), дальше все чаще и чаще. Всѣ стѣны домовъ оклеивались воззваніями и каррикатурами на него. То призывали всѣхъ къ единенію противъ нѣмецкаго пса, лакея и наймита Антанты, — врага Рабоче-Крестьянской Республики Врангеля, то изображали его въ видѣ типа союза русскаго народа. — Облака, скалы, надъ ними носится старикъ съ нависшими бровями, одутловатыми щеками, сизымъ носомъ, одѣтый въ мундиръ съ густыми эполетами, внизу подпись: «Бѣлогвардейскій демонъ» и поэма:

«Печальный Врангель, духъ изгнанья
Виталъ надъ Крымскою землей» и т. д.

Были и поострѣе, но для чистоплотной печати не годятся. Въ ушахъ имя Врангеля жужжало тогда повсюду, на улицѣ, въ трамваяхъ (и развѣ не чудо, что я уцѣлѣла?). Каждую ночь я мѣняла мой ночлегъ, находила пріютъ, то у однихъ, то у другихъ. Мои доброжелатели заволновались, кто предлагалъ мнѣ перемѣнить паспортъ, кто переѣхать въ окрестности, одна организація предложила мнѣ изъ какихъ то суммъ Колчака меня ежемѣсячно субсидировать, чтобы я оставила службу; два другихъ большихъ учрежденія въ память второго покойнаго моего сына (историка и критика искусства) также предложили свою помощь. Но въ инвалиды записываться не хотѣлось, да и служба была моя единственная отрада, въ ней я находила забвеніе отъ всѣхъ ужасовъ жизни. Отъ денегъ я съ признательностью отказалась, а воспользовалась предложеніемъ устроить меня въ Общежитіе въ окрестностяхъ Петрограда, подальше отъ властей. «Съ глазъ долой, изъ сердца вонъ», какъ смѣясь говорили мнѣ мои друзья.

Прописали меня тамъ вдова Веронелли, художница. На службу надобно было ѣздить ежедневно чуть свѣтъ. Но, что бы мнѣ ни предстояло, я бы все приняла, лишь бы мнѣ избавиться отъ моихъ городскихъ мучителей, да вѣдь и горничная отлично знала, кто я, и каждую минуту могла меня предать. А развѣ не счастье было избавиться отъ ихъ глумленій и униженій. Помню одинъ изъ такихъ случаевъ. Отъ отсутствія топлива зимой лопнули водопроводныя трубы, мы должны были сами себѣ добывать воду, изъ сосѣдняго дома тащить въ третій этажъ по грязной, примерзшей, скользкой лѣстницѣ. Красноармеецъ принесъ для горничной, еврей для еврейки, мнѣ принести было некому.

Попробовала было вѣжливо попросить одинъ кувшинъ у еврейки. Завизжала, руками замахала: «вода моя, моя». Нечего дѣлать, взяла свое ведро, отправилась по воду. Изнемогая, обливаясь потомъ, несмотря на морозъ, съ трудомъ удерживая невольно струившіяся по щекамъ слезы, я приплелась съ моимъ ведромъ въ кухню, гдѣ сидѣла вся компанія. Увидя мой жалкій видъ, они покатились со смѣха, а дѣвица задорно мнѣ крикнула: «что, бывшая барынька, тяжеленько?» «Ничего, потрудитесь, много на нашей шеѣ то понаѣздились!» Чтобы не доставить имъ еще большую радость увидѣть меня разрыдавшейся, я безмолвно съ моимъ ведромъ пошла къ себѣ, стараясь не слушать несшіяся мнѣ вслѣдъ остроты.

И вотъ теперь мнѣ предстояла радость уйти отъ этихъ звѣрей. Поселившись въ Общежитіи, я сразу почувствовала себя въ раю; положимъ, рай своеобразный: я помѣщалась въ «четвертушкѣ» — это четвертая часть комнаты, какъ въ пьесахъ Горькаго «На днѣ», отдѣленная ситцевыми занавѣсками. Въ каждой четвертушкѣ стояла желѣзная кровать съ соломеннымъ блиномъ вмѣсто тюфяка, шкапъ, столъ, два стула, умывальникъ на ножкахъ и ведро. Двѣ обитательницы на своей сторонѣ имѣли окна, двѣ — двери, мнѣ досталась безъ окна. Двѣ жилицы были милыя образованныя дѣвушки, а моя сосѣдка — голова въ голову — истеричная старая дѣва, учительница. Въ былое время она частенько забѣгала ко мнѣ, ходила передо мной на заднихъ лапкахъ, а теперь если я впотьмахъ уроню ложку, или близко къ ея занавѣскѣ подвину стулъ, кричала на меня, какъ на собаку. «Ишь обнаглѣла, какъ Крымская Ханша, Крымъ то пока не вашъ», и т. д. . . Но, по счастію, тутъ, въ Общежитіи были цѣлые десятки пріятныхъ, образованныхъ, душевныхъ людей, какъ бы тѣни прошлаго, чудомъ уцѣлѣвшія. Все очень извѣстныя фамиліи, но зная, что коммунисты распоясались, то, чтобы не подвести тѣхъ лицъ, отъ наименованій воздержусь. Кромѣ нихъ были сестры милосердія, разные служащіе «по неволѣ», однимъ словомъ, какой то оазисъ въ Дьявольской Совдепской пустынѣ. Но мы жили насторожѣ съ опаской. Ежедневно, чуть свѣтъ, во всякую непогоду я тащилась къ трамваю на службу. Все чаще и чаще трамваи опаздывали, или среди дороги, за отсутствіемъ электрической тяги, останавливались и приходилось шлепать пѣшкомъ. Все чаще и чаще стали поговаривать, что намъ грозитъ быть выброшенными, комиссары уже посѣтили насъ и собираются зданіе реквизировать для дома отдыха рабочимъ. Боже! Неужели еще скитаться. Мы жили, не зная, что ждетъ насъ завтра. По счастью, на меня напало равнодушіе, а не отчаяніе. Буду ли заточена въ тюрьму, или умру съ голода, не все ли равно? Я уже ничего не ждала, плыла по теченію и тупо доживала.

И вдругъ . . . въ концѣ октября 1920 года, однажды, когда я уходила со службы, швейцаръ мнѣ сказалъ: васъ спрашиваютъ. Смотрю, незнакомая дѣвица — финка. Она просила меня выйти съ ней на улицу, такъ какъ должна со мной говорить по очень важному дѣлу. Мы вышли. Она сунула мнѣ клочокъ бумаги, со знакомымъ характернымъ почеркомъ моей самой близкой пріятельницы, жившей со дня революціи въ Финляндіи. Она писала: «Вашъ мужъ живъ. Буду счастлива видѣть васъ у себя, умоляю воспользуйтесь случаемъ, довѣрьтесь подателю записки вполнѣ. О подробностяхъ не безпокойтесь, все устроено». Побѣгъ организовать стоило тогда 1 милліонъ совѣтскихъ денегъ, на финскія марки 10 тысячъ. На мой вопросъ: когда ѣхать? куда? Дѣвица мнѣ сказала — завтра, безъ всякаго багажа, одѣньтесь потеплѣе, поѣдете по

морю часа $3^1/_2$—4 на рыбачьей парусной лодкѣ. Все устроено, ни о чемъ не заботьтесь, — дала адресъ, гдѣ встрѣтиться. Я выхода, какъ дальше жить, не видѣла; какъ ни труденъ мнѣ казался путь, — я согласилась. По ночамъ были уже морозы, заливъ покрылся уже саломъ, это оставался послѣдній случай до первопутка.

* *
*

Какъ всегда, въ 5 часовъ я направилась въ мое дачное убѣжище, никому не сказала ни слова. Промаявшись ночь подъ обуревавшими меня мыслями, въ 7 часовъ утра была уже у трамвая, отправилась на службу. Такъ какъ у меня былъ отдѣльный служебный кабинетъ, я незамѣтно собрала всѣ мои работы, положила на видное мѣсто. Чтобы не подвести мое служебное учрежденіе, ни въ чемъ неповинное, въ случаѣ обнаружатъ мой побѣгъ, я на самый видъ положила мое прошеніе: «По случаю сильнаго переутомленія прошу о 2-хъ мѣсячномъ отпускѣ», и съ щемящимъ сердцемъ, ни съ кѣмъ не простившись, покинула мой милый Аничковскій дворецъ. Такъ какъ трамваи по Невскому не ходятъ, передвиженій другихъ, кромѣ пѣшаго, нѣтъ, мнѣ пришлось плестись пѣшкомъ на Тучкову Набережную, гдѣ мнѣ было назначено свиданіе. Меня угостили жидкой теплой кашицей и ржанымъ кофе съ чернымъ хлѣбомъ. Подкрѣпившись, двинулись съ финкой въ путь; намъ, оказывается, надо направляться на Балтійскій вокзалъ, куда дальше, не говоритъ. Видать, вышколена хорошо и очень осторожна и предусмотрительна.

День былъ субботній, когда обыкновенно назначается дровяная повинность. Всѣ трамвайные пути заняты платформами съ дровами. Пришлось ждать 2 часа. Народу у трамваевъ скопилось множество, вагоны брали съ боя. Не попавъ въ нѣсколько вагоновъ, мы, наконецъ, вцѣпились въ одинъ, вися почти въ воздухѣ, пока не удалось протиснуться въ вагонъ, гдѣ люди были, какъ сельди въ бочкѣ, но, наконецъ, доѣхали. Финка, меня провожавшая до мѣста отбытія, отвела меня въ сторону, просила съ ней не говорить, ни о чемъ не спрашивать, сообщила, что братъ моей пріятельницы тоже бѣжитъ, но такъ какъ уже разъ за неудачный побѣгъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, очень труситъ, а узнавъ, что и я ѣду, хотѣлъ сейчасъ же вернуться, съ трудомъ его уговорили, просилъ меня не подавать вида, что съ нимъ знакома, и предупреждаетъ, если нагрянетъ опасность, побѣжитъ, мнѣ же совѣтуетъ бѣжать въ противоположную сторону. Много, дѣйствительно, было неудавшихся побѣговъ, многіе были за нихъ засажены въ тюрьмы, а недавно на границѣ застрѣлена княгиня Голицына, рожденная Бекманъ, дочь бывшаго Финляндскаго Генералъ-Губернатора. У меня было жуткое чувство. Смерть отъ разстрѣла и насилія надо мной во имя сына, думалось мнѣ, я приняла бы спокойно, — это былъ бы мученическій вѣнецъ для меня, какъ и для многихъ жертвъ, но дать большевикамъ законный поводъ меня уничтожить какъ то казалось мнѣ зазорнымъ.

Положилась на волю Божью! —

Подали теплушки; за износомъ вагоновъ, на пригородныхъ дорогахъ передвигаются только въ теплушкахъ. По случаю субботняго дня ѣхало по дачамъ много разнаго народу, много красноармейцевъ направлялось въ Ораніенбаумъ. Если бы они знали, какой заложническій призъ подлѣ нихъ, думала я. На станціи Мартышкино моя спутница потянула меня за локоть. Пора выходить! Уже смеркалось. Долго мы брели въ разбродъ, мои спутники, видимо, во всякую

критическую минуту, готовы были меня покинуть. Дойдя до спуска къ морю, показалась какая то фигура, направлявшаяся прямо на насъ, сердце защемило, но вотъ финка — моя спутница — спѣшно бросилась къ нему, что то пошептала и велѣла намъ слѣдовать за нимъ. Мы спускались молча къ шоссе, по которому были разбросаны хатки, вдали слышался плескъ моря, которое или погубитъ насъ, или спасетъ! Къ одной изъ хатъ мы и направились. Насъ встрѣтили хозяева — онъ русскій, она финка. Съ большими предосторожностями они впустили насъ, бросились закрывать ставни, зажгли ночникъ.

На мой вопросъ: «когда же въ путь?» — сказали: «часа черезъ два, когда совсѣмъ стемнѣетъ». Просили насъ громко не говорить, не выходить, такъ какъ патрули красноармейцевъ время отъ времени проходятъ мимо — мы попросили ѣсть. Дали все тотъ же вареный картофель, и ржаной кофе съ черным хлѣбомъ. Мы стали съ нетерпѣніемъ ждать рыбака. Моя спутница что-то была въ ажитаціи, шептались о чемъ то, по фински спорили. Вотъ уже и 11 часовъ вечера. Дѣвица, очень огорченная, сообщаетъ: сегодня ѣхать нельзя, рыбакъ «мертвецки пьянъ». Что дѣлать? Возвращаться обратно? Невозможно, только что отошелъ послѣдній поѣздъ.

Такое напряженіе силъ и нервовъ, неужели даромъ? Вернувшись завтра утромъ въ Петроградъ, дѣлать новую попытку побѣга, опять переживать пережитое, казалось непосильнымъ! . . Но выхода другого не было. Остались ночевать. Я съ дѣвицей улеглись на широкую подозрительнаго вида кровать, братъ пріятельницы тутъ же на полу, хозяева въ кухнѣ; измученные и физически, и нравственно, мы заснули, какъ мертвые . . . И вдругъ, у дверей послышались тяжелые шаги, голоса возбужденныхъ хозяевъ — мнѣ вспомнился матросскій налетъ, мы вскочили, какъ ошпаренныя; слышно было, тащили что-то, ступени лѣстницъ скрипѣли, видимо направлялись на чердакъ. Оставаться въ невѣдѣніи я больше не могла и бросилась къ дверямъ, дѣвица за мной, а спутникъ нашъ спалъ, какъ убитый. Въ полуоткрытую дверь, мы увидѣли людей, которые тащили ящики и мѣшки на чердакъ. Ночью? Въ чемъ дѣло? Финка на мои вопросы только махала рукой, чтобы я молчала. Наконецъ, проводивъ людей, явились хозяева радостные, возбужденные, и сообщили, что «дѣло сегодня вышло важное: 25 бутылокъ спирту, табаку, много мѣшковъ муки привезли и заработокъ будетъ хорошій, на зарѣ придутъ и покупатели, товаръ уже запроданъ». Насъ просили не шевелиться и не выходить. Ясно — мы находились въ гнѣздѣ контрабандистовъ. Не хватало еще этого! Попасться матери Главнокомандующаго Арміей въ такой компаніи, вотъ бы злорадствовали!

Промаялись остатокъ ночи. Чуть свѣтъ явились покупатели, то же шептаніе, препирательства, тасканіе кулей и ящиковъ. Я потребовала, чтобы мнѣ отвѣтили опредѣленно, ѣду ли я сегодня, иначе я съ первымъ же поѣздомъ вернусь въ Петербургъ. Финка поклялась, что въ сумеркахъ выѣдемъ, что пьяница запертъ и до вечера его не выпустятъ, дабы не напился.

Прошелъ томительный день въ уныніи и молчаніи. Въ щелочку окна видѣли въ теченіе дня нѣсколько прошедшихъ мимо красноармейскихъ патрулей. Сердце екало, что скрывать. Накормили насъ черными макаронами и простоквашей, это ужъ было нѣсколько получше Совдепскаго пойла. На нашъ вопросъ хозяевамъ, сколько должны? Намъ отвѣтили — 8 тысячъ; такъ какъ эти тысячи были совѣтскій мусоръ, то не споря уплатили.

Но вотъ стемнѣло. Появился нашъ долгожданный рыбакъ, съ двумя товарищами, и хотя пьяны вполнѣ не были, но видимо хозяева наши, изъ своей добычи,

спиртомъ ихъ угостили, они были на веселѣ. Раздумывать было некогда. Перекрестились и пошли. Ночь была морозная, мрачная, беззвѣздная. Подойдя къ морю, все время озираясь, перешептываясь и насъ нервируя, фины вытащили изъ амбара лодку и пустили ее съ берега. Она откатилась далеко. Подойти къ ней по водѣ было немыслимо, рыбаку вода была до пояса; и вотъ не успѣла я опомниться, какъ финъ подхватилъ меня, какъ узелъ, и возложилъ на спину стоявшему въ водѣ, тотъ въ свою очередь, дойдя до лодки, свалилъ меня, какъ мѣшокъ, въ лодку. Наконецъ, готовимся въ путь. Съ финской дѣвицей мы очень сердечно распрощались еще въ хатѣ, я просила ее безъ надобности не рисковать идти съ нами на берегъ. Долго не могли сдвинуть лодку съ мели. Она была маленькая, рыбачья, парусная. Насъ ѣхало пятеро, три рыбака, братъ моей пріятельницы, все время молчавшій, какъ нѣмой, и я. Время казалось вѣчностью, холодокъ пробиралъ. Но вотъ лодка заколыхалась, машинально мы съ спутникомъ моимъ перекрестились, лодка то поднималась, то опускалась. Изрѣдка налетала волна, обдавая насъ ледяной струей. Рыбаки то и дѣло черпали ковшами воду со дна лодки, а вода все накапливалась и накапливалась. Ноги мои были мокрехоньки. Посмотрѣла на ручные часы: ровно 8 вечера. Но вотъ перемѣнился вѣтеръ, фины зашептались, заволновались, стали перемѣнять парусъ. Намъ сказали, что мы должны сидѣть тихо, вѣтеръ не попутный, придется направляться на Толбуховскій маякъ, огибать Кронштадтъ, гдѣ все время море освѣщается рефлекторами. Меня ткнули, иначе я не могу сказать, на дно лодки, прося, пока проѣдемъ, лежать и не двигаться. Теперь ужъ я вся была мокрехонька, меня точно обволакивала ледяная кора. Зубъ на зубъ не попадалъ. Холодъ убилъ во мнѣ всякій страхъ, ни большевики, ни чека ни что меня не страшило — лишь бы чѣмъ нибудь прикрыться. Но ни у кого ничего лишняго изъ одежды не было.

Рефлекторы снопами свѣта освѣщали море: затаивъ дыханіе, фины управляли лодкой . . . Наконецъ, миновали страшное пугало Кронштадтъ, вокругъ только безбрежное море, небо все также мрачно, ни луна не свѣтитъ, ни звѣздъ не видно. Ноги, кажется, окостенѣли, трясетъ, какъ въ лихорадкѣ, часы бѣгутъ, обѣщанные 3½ часа путешествія давно прошли. Время показываетъ 3-ій часъ ночи, а мы все носимся и носимся по волнамъ. Сильный порывъ вѣтра сорвалъ парусъ, мачта обломалась. Конца нашимъ приключеніямъ нѣтъ. Фины, всѣ трое во весь ростъ, поднялись въ нашей маленькой лодкѣ, нервничаютъ, суетятся, изъ веселъ налаживаютъ мачту, натягиваютъ парусъ, вокругъ волнующееся море, того гляди захлеснетъ лодку, которая накреняется то направо, то налѣво. Духъ замираетъ . . . но ледяная кора, меня обволакивающая, и мучительныя боли моихъ еще ранѣе отмороженныхъ рукъ и ногъ отвлекаютъ мое вниманіе. Вѣдь какъ никакъ 25 Октября, ночь, заморозки, промокли мы до костей — сижу полуживая! Наконецъ, парусъ налаженъ, двинулись, фины увѣряютъ, что скоро берегъ, сколько ни вглядываюсь, береговъ не вижу . . . Еще новое испытаніе! Повалилъ густѣйшій снѣгъ, бѣлой пеленой закрылъ горизонтъ, ледяныя капли струятся по шеѣ, за спину, вся шляпа мокра, голова стынетъ. Фины съ трудомъ направляютъ лодку. Мотались мы, мотались, взглянула на часы — четвертый часъ ночи!

Уже 8 часовъ нашего странствованія! Снѣгъ меньше и рѣже. Вдали стали вырисовываться, какъ будто, очертанія береговъ. Фины зашевелились, мой, казалось, до сихъ поръ нѣмой спутникъ улыбнулся, окликнулъ меня, радостно закивалъ головой. Дѣйствительно, вотъ и спасительный берегъ. Фины сняли парусъ,

пошли на веслахъ. Я пока радости спасенія не ощущала, душа точно тоже оледенѣла. Фины, опасаясь патрулей, видимо трусили, торопили меня выходить, но я не только идти, встать на ноги силъ не имѣла. Одинъ изъ нихъ подхватилъ меня подъ руки, другой за ноги, потащили и бросили меня на берегъ, какъ утопленницу. На наши вопросы, гдѣ мы? — замахали руками и подхватили свои пустые изъ подъ товара мѣшки, ползкомъ крадучись скрылись за деревьями. Я осталась вдвоемъ съ моимъ спутникомъ. Я продолжала лежать, онъ же совсѣмъ преобразился, оживился, помогъ мнѣ встать, торопилъ меня идти. Но куда?.. Часы показывали 25 минутъ пятаго. Свѣтъ чуть брезжилъ... Мы поплелись. Шли по лѣсу, терялись въ догадкахъ, гдѣ мы?..

Отъ ходьбы помаленьку я стала оттаивать и физически, и душевно.

Уже свѣтало, вдругъ ноги запутались въ какую-то проволоку, вглядѣвшись, мы увидѣли проволочныя загражденія, вблизи разставленныя пушки. Мой спутникъ, знавшій хорошо Финляндію, сказалъ мнѣ: «а знаете, вѣдь мы попали на фортъ Ино, надо идти по направленію Теріокъ въ противоположную сторону». Повернули, шли по лѣсу, изрѣдка попадались заколоченныя на глухо дачи; когда то здѣсь жило много русскихъ дачниковъ, теперь тишина мертвая, ни людей, ни собакъ. Наконецъ, показалась мѣстность болѣе населенная. Постучались въ два дома, раздалась воркотня, но насъ не впустили. Вотъ засвѣтился огонекъ въ одной хатѣ, видимо, хозяева уже начинаютъ свой день. Постучались. Вышелъ очень симпатичный финъ съ женой. Говоритъ по-русски, мы объяснили, что русскіе бѣженцы, и просили дать обогрѣться. Онъ очень радушно насъ впустилъ, и о Боже! какое счастіе! передо мной жарко горящая печь!.. Понемногу моя ледяная кора начала оттаивать, вокругъ меня текли потоки. Такъ какъ мнѣ нечѣмъ было замѣнить мое промокшее тряпье: вѣдь я бѣжала, въ чемъ была, хозяйка сняла мои рваные башмаки съ подвязанною веревкою подошвами, пальто, шляпу, посадила у печки, накинувъ на меня какое-то свое ватное одѣяніе. Боже! Боже! какое блаженство! Мнѣ кажется, я никогда не испытала болѣе пріятнаго ощущенія, точно отъ смерти я возвращалась къ жизни!

Я почувствовала сильный голодъ, но, къ сожалѣнію, въ карманѣ на двоихъ у насъ было только 16 фин. мар. Я стала совѣтоваться съ моимъ спутникомъ, какъ быть, и вотъ онъ, набравшись уже теперь храбрости, сказалъ мнѣ: «знаете что, я сообщу ему, кто вы» (это было еще до крымской катастрофы), навѣрно онъ знаетъ о Вашемъ сынѣ, повѣритъ намъ и насъ накормитъ, а затѣмъ мы дадимъ ему записку къ сестрѣ, и она за насъ все, что слѣдуетъ, ему заплатитъ.

И дѣйствительно — не ошибся. Какъ только онъ объяснилъ фину, тотъ очень заинтересовался, позвалъ старуху мать, дѣтишки обступили насъ. Финъ этотъ, оказалось, рыбакъ, прежде часто бывалъ въ Петроградѣ и сочувственно относится къ русскимъ бѣлымъ, имѣя свѣдѣнія объ ужасахъ Петроградской жизни.

Скоро столъ, покрытый скатертью, намъ уставили разными чудесами, которыхъ я не имѣла во рту 2 года: вареныя яйца, сыръ, масло, простокваша, и б ѣ л ы й хлѣбъ!..

Навѣрно, видъ у насъ былъ очень дикій, съ такимъ вниманіемъ мы все разсматривали.

Подали горячій, дымящійся кофе и съ сахаромъ!.. и съ молокомъ! Ну и наѣлись же мы. Кровь по жиламъ клокотала, стало даже жарко... Одежды просохли, я натянула свое тряпье, — пальто торчало, какъ накрахмаленное, —

и мои ссохшiяся громадныя сапожища, съ подвязанными веревкою подошвами, голову украсила сморщенной, съежившейся отъ печки шляпою.

Пора двигаться дальше; карантина нельзя миновать. Финъ сказалъ, что дастъ экипажъ и довезетъ насъ до Терiокъ. «А далеко», спросила я. «Да, 20 верстъ», сказалъ онъ. Но что это значило, послѣ всего пережитаго. Подали экипажъ, — телѣгу съ соломой, другого у него не было, но и это пустяки, жизнь закалила. Горячо поблагодаривъ радушныхъ финовъ, влѣзли на телѣгу и помчались, такъ и подскакивая на каждомъ ухабѣ. Три безсонныхъ ночи, мучительная стужа, страхъ быть пойманнымъ и арестованнымъ или очутиться на днѣ морскомъ — все, все было забыто, все осталось позади!

Около 9 утра мы прибыли въ карантинъ. Опросы, формальности. На меня смотрѣли, какъ на бѣлую ворону. Мой спутникъ покатывался со смѣху, глядя на великолѣпiе моего облаченiя. По окончанiи всѣхъ формальностей, мы были водворены въ карантинъ на 2 недѣли. И что значитъ нервный подъемъ, въ 60 лѣтъ, послѣ всего мной продѣланнаго — не схватила даже насморка. Только человѣческая пища, послѣ Совдепскихъ отбросовъ, оказалась во вредъ моему желудку, пока я свыклась. Во время моего пребыванiя въ карантинѣ, ввиду появившейся въ мѣстной газетѣ замѣтки объ отважной путешественницѣ, матери генерала Врангеля, спасшейся въ Финляндiи, я получила массу сочувственныхъ писемъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ русскихъ и особенно тронувшiй меня адресъ отъ многихъ финскихъ семействъ, выражавшихъ удовольствiе, что я нашла прiютъ именно у нихъ въ Финляндiи и массу лестныхъ словъ о сынѣ.

Американская миссiя такъ заботливо и внимательно снабжала меня все время, пока я находилась въ карантинѣ всякими явствами, а на первое время и кой какими теплыми вещами.

Такое общее человѣческое отношенiе ко мнѣ и уваженiе, отъ котораго я за 2 года отвыкла, умиляли меня.

Я чувствовала себя, какъ бы въ сказкѣ въ родѣ Царевны-Лягушки, сбросившей свою оболочку и обратившейся въ Царь-Дѣвицу.

Вскорѣ я получила полную свободу.

За мной прiѣхала моя спасительница и увезла къ себѣ, въ прелестную виллу. $3^1/_2$ мѣсяца, въ ожиданiи визы и ради отдыха, я прожила у нея, окруженная самой нѣжной заботливостью, и несмотря на всѣ тяжелыя переживанiя за сына въ связи съ послѣдовавшей Крымской катастрофой, совсѣмъ пришла въ норму. Въ февралѣ я отправилась въ Дрезденъ къ мужу, гдѣ мы и живемъ бѣженцами, не унывая, а вѣря и надѣясь на возрожденiе и расцвѣтъ нашей несчастной дорогой родины.

*　　*

*

На этомъ я еще не кончаю. Не желая прерывать цѣлость впечатлѣнiя моихъ личныхъ переживанiй, я не отвлекалась въ сторону общихъ вопросовъ, теперь же хочу, для полноты картины, вернуться назадъ къ моему повѣствованiю и сказать кратко еще объ общемъ состоянiи несчастнаго Петрограда въ дни большевиковъ.

Внѣшнiй видъ его принялъ налетъ слегка буколическiй. По Невскому, за исключенiемъ мелькающихъ съ комиссарами автомобилей и изрѣдка грохочущихъ грузовиковъ, другого передвиженiя, кромѣ пѣшаго, нѣтъ. Многiя улицы и Невскiй у Александровскаго театра покрыты лужайками. Воздухъ чище и

прозрачнѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ фабрики и заводы бездѣйствуютъ. Большая часть обывателей двигается по дорогѣ, а не по тротуарамъ. У многихъ за плечами котомки съ пайками. Многіе жуютъ тутъ же на улицѣ, только что полученный въ городской лавкѣ по карточкѣ, хлѣбъ. Передъ моимъ отъѣздомъ, осенью голодные обыватели были обрадованы. Въ Петроградъ прибыли громадныя партіи яблокъ. Выдавали по многу и на пайки, и по карточкамъ. Яблоки жевали повсюду и на улицѣ, и въ трамваяхъ, и на службѣ. По этому поводу разсказываютъ, остроумное замѣчаніе одного прибывшаго въ Петроградъ иностранца: «Что же это такое?» — недоумѣваетъ онъ: «русскіе все плачутся, что имъ нехорошо живется, а сами живутъ, какъ въ раю: ходятъ голые и цѣлый день яблоки жуютъ».

То и дѣло лѣтомъ, на улицахъ попадаются дамы, донашивающія бывшія элегантныя платья и шляпы, а ноги за отсутствіемъ сапогъ въ вязанныхъ веревочныхъ туфляхъ съ голыми икрами à l'enfant, за недостаткомъ чулокъ. Зимой, единственный экипажъ, очень распространенный — салазки: на нихъ перевозятъ домашній скарбъ, дорожныя вещи съ вокзаловъ, — извозчиковъ давно нѣтъ; добытый паекъ и купленный у мѣшечниковъ картофель; утомленныя матери везутъ на нихъ своихъ полуголодныхъ ребятъ. Магазины всѣ закрыты и наглухо заколочены, т. к. товары всѣ реквизированы, а предпріятія національзированы.

Видъ обывателей помимо фантастическаго облаченія обращаетъ на себя вниманіе болѣзненнымъ отпечаткомъ на лицахъ. Физіономіи у всѣхъ одутловатыя, съ мѣшками подъ глазами, съ восковымъ налетомъ. Въ духовномъ смыслѣ положительно опустились, вопросы желудка на первомъ мѣстѣ.

Я была на службѣ среди самаго цвѣта интеллигенціи, и мы замѣчали за собой, о чемъ бы не говорили, обязательно перейдемъ на вопросы продуктовъ, о трудности ихъ добыванія и т. д. Большинство стало раздражительные, издерганные и затравленные. Всѣ поголовно страдаютъ безпамятствомъ.

Масса выдающихся общественныхъ и научныхъ дѣятелей погибли отъ разстрѣловъ и голода. О разстрѣлѣ скопомъ всѣмъ извѣстныхъ видныхъ дѣятелей кадетской партіи, объявленныхъ внѣ закона, повторять не буду, это отошло уже въ исторію. Знаю, что умерли отъ истощенія академики Лаппо-Данилевскій и А. А. Шахматовъ и другіе, цѣлый списокъ именъ. Можно составить обширный мартирологъ погибшихъ во цвѣтѣ лѣтъ силъ и дарованій отъ руки большевиковъ. Профессора и студенчество живутъ, какъ и другія лица интеллигентныхъ профессій, въ такомъ же подозрѣніи, какъ и былая аристократія, вѣчно въ ожиданіи ареста и обыска; они, какъ и остальные, стоятъ въ «хвостахъ» у лавокъ за селедками и ужаснымъ хлѣбомъ, несутъ трудовыя повинности. Ради заработка служатъ одновременно въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ и, конечно, наука отходитъ на второй планъ. Ни учебниковъ, ни учебныхъ пособій нѣтъ, научные журналы не издаются, заграничные не получаются, школы значатся болѣе на бумагѣ; въ дѣйствительности же сокращены до минимума, такъ какъ нѣтъ помѣщеній, топлива, учителей, пособій и т. д. Благодаря совмѣстному обученію дѣвочекъ съ мальчиками, при современной недисциплинированности и распущенности — одинъ развратъ. Въ классахъ приказано убрать иконы, запрещено носить кресты. Чтобы «революціонизировать» дѣтей, ихъ водятъ въ кинематографы до одурѣнія, гдѣ знакомятъ съ похожденіями Распутина, демонстрируютъ пасквили на интимныя картины жизни членовъ царской семьи.

Иногда по улицамъ расклеиваютъ громадныя, въ натуральную величину, аляповатыя изображенія Николая Кроваваго, пьянаго, еле держащагося на но-

гахъ, въ мантіи. Съ головы валится корона, подъ пятой груды окровавленныхъ рабочихъ и пролетаріевъ.

Организованы группы и клубы «коммунистической молодежи», слышала ихъ рѣчи, что за новое поколѣніе дастъ оно Россіи, думать жутко!

Церкви домовыя, при учебныхъ заведеніяхъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, а также военныя — закрыты.

Духовенство не освобождается отъ обще-гражданскихъ повинностей. Газеты полны издѣвательствъ и поруганій, самыхъ неприличныхъ, по адресу священнослужителей. Въ Красной Газетѣ былъ даже спеціальный отдѣлъ: «О попахъ». Тѣмъ не менѣе замѣчается, несомнѣнно, большой религіозный подъемъ. Крестные ходы, изрѣдка допускаемые, по настоянію части рабочихъ, привлекаютъ сотню тысячъ народа, такихъ грандіозныхъ прежде никогда не бывало. Церкви переполнены молящимися. При церквахъ образовались братства. Такъ какъ церкви теперь на иждивеніи прихожанъ, надо видѣть, съ какою любовью и рвеніемъ, (большинство, конечно, женщины), приводятъ ко дню торжественныхъ праздничныхъ богослуженій церкви въ порядокъ. Моютъ окна, двери, чистятъ образа, украшаютъ бумажными цвѣтами, гирляндами своего производства. Такъ какъ причты теперь ограничены, не только дьяконовъ, но и псаломщиковъ зачастую нѣтъ, служитъ одинъ священникъ, то прихожане наперерывъ предлагаютъ читать псалтырь. Образовали прекрасные хорошо спѣвшіеся хоры. Появился совсѣмъ новый типъ священника, молодые, образованные, подчасъ съ университетскимъ образованіемъ. Особенно выдѣляется теперь отецъ Александръ Введенскій. Онъ пользуется громадной популярностью, за нимъ ходятъ толпы народа. Пріѣздъ его для служенія въ какую нибудь церковь производитъ сенсацію. Изъ него уже сдѣлали фетишъ: разсказываютъ даже о цѣломъ рядѣ его чудесъ. Это молодой человѣкъ 32 лѣтъ, съ университетскимъ образованіемъ, окончилъ два факультета, съ большой эрудиціей, увлекательный ораторъ. Такъ какъ собесѣдованія, устраиваемыя имъ по разнымъ частнымъ учрежденіямъ, собирали такое скопленіе народа, что залы не могли вмѣстить, и вокругъ зданія были большія сборища толпы, рвавшейся его послушать, то власти запретили ему собесѣдованія. Онъ перенесъ ихъ въ церковь. Всѣ его рѣчи чужды всякой политики; мнѣ случилось присутствовать на двухъ изъ бесѣдъ. Темы были: «Объ уныніи», а вторая «Что такое счастіе?». Я вынесла глубокое впечатлѣніе, громадная эрудиція, глубокая вѣра и искренность. Проповѣди его совсѣмъ своеобразныя. Много тепла, сердечности, дружественности, я бы сказала: подъ впечатлѣніемъ его словъ, — озлобленіе смягчается. Чувствуется его духовная связь съ паствой. Богослуженіе его — экстазъ. Онъ весь горитъ и все время приковываетъ вниманіе, наэлектризовываетъ васъ. Очень теперь распространены общія исповѣди. Такого молитвеннаго настроенія мнѣ прежде въ церквахъ никогда не доводилось видѣть: люди рыдаютъ и дѣйствительно каются во грѣхахъ, а не исполняютъ это, какъ бывало у многихъ прежде, для проформы.

Популярность и дѣятельность этого священника уже у властей на примѣтѣ. Я знаю нѣсколько прежде равнодушныхъ къ религіи лицъ, которыя, подъ впечатлѣніемъ его служенія и проповѣдей, обратились въ глубоковѣрующихъ. Подобный же ему священникъ, я слышала, есть и на Васильевскомъ Островѣ и въ окрестностяхъ Петрограда. Внѣшній видъ современныхъ, молодыхъ священниковъ теперь тоже особый: волоса стрижены и на рясахъ носятъ университетскіе значки.

Говорить о финансовомъ и экономическомъ положеніи Совдепіи — не берусь, нужны цифровыя данныя и научное отношеніе, а я отъ этихъ вопросовъ всегда была далека. Слышала со всѣхъ сторонъ, что неописуемый хаосъ. Знаю только, что хотя ежедневно, какъ сообщаютъ газеты, печатаются въ Петроградѣ, Москвѣ, Пензѣ и Харьковѣ 7 мил. въ день, мы служащіе мѣсяцами оставались безъ жалованія — за недостаткомъ денежныхъ знаковъ въ Государствѣ. Оклады получали тысячные, я менѣе 3-хъ тысячъ въ мѣсяцъ не знаю, а всѣ бродили голодные и раздѣтые. Такъ какъ право на существованіе, или вѣрнѣе, на прозябаніе въ Петроградѣ имѣетъ только тотъ, кто служитъ, такъ и на трудовой карточкѣ, по которой выдаютъ хлѣбъ и селедки, напечатано: «Кто трудится, тотъ и ѣстъ», а потому на службу бросились всѣ, кого только ноги держатъ и кто еще не совсѣмъ впалъ въ идіотизмъ. Насколько это способствуетъ процвѣтанію дѣла, это вопросъ иной, да имъ и мало кто интересуется. У нашихъ владыкъ все на показъ и на фу-фу. Оригинальная внѣшняя сторона въ большинствѣ учрежденій, причины которой, я такъ и не постигла. Всѣ объяты perpetuum mobile. Всѣ учрежденія то и дѣло переѣзжаютъ изъ улицы въ улицу, изъ зданія въ зданіе, изъ одного этажа въ другой, изъ одной комнаты въ другую, третью.

Улицы переименованы. Невскій — теперь Проспектъ 25-го Октября, Литейный — Улица Володарскаго, Морская — Улица Халтурина, Каменноостровскій — Улица Красныхъ Зорь, есть проспекты Карла Либкнехта и Карла Маркса. Просвѣтительное Учрежденіе Розы Люксембургъ. Царское Село переименовано въ Дѣтское Село — Урицкаго. Павловскъ названъ Слуцкъ, въ память коммунистки Вѣры Слуцкой. Таврическій Дворецъ, такъ много видѣвшій въ своихъ стѣнахъ, именуется — Дворецъ Урицкаго. Дворецъ В. К. Сергѣя Александровича — называется Дворцомъ Нахамкеса, и много превращеній въ томъ же родѣ. Понаставлено множество памятниковъ великихъ дѣятелей, отцовъ революціи, изъ глины — Лассаля, Карла Либкнехта, Розы Люксембургъ, Володарскаго. Поставили Перовской — пришлось убрать. Изображеніе было въ видѣ, не то громадной летучей мыши, не то сталактита, стояло у Николаевскаго вокзала; всѣ, проходя, невольно останавливались и вмѣсто почтенія покатывались со смѣха. Меня увѣряли, что въ Москвѣ, не подалеку отъ Кремля, установленъ былъ памятникъ Стенькѣ Разину, уцѣлѣлъ ли, не знаю.

Теперь придворные художники и скульпторы — футуристы. Можно себѣ представить все великолѣпіе ихъ памятниковъ. Придворный поэтъ Рабоче Крестьянской Республики, на подобіе Державина, воспѣвавшаго когда-то Фелицу — Вл. Маяковскій, о талантѣ котораго говорятъ захлебываясь. Одинъ изъ любимыхъ поэтовъ еще Демьянъ—Бѣдный, нѣчто вродѣ раешника. Цѣлая плеяда появилась пролетарскихъ поэтовъ, главари — слесарь Герасимовъ и матросъ Кирилловъ, есть и крестьянскіе поэты: Клюевъ и Есенинъ.

Пантеонъ современный — Марсово Поле, гдѣ хоронятъ великихъ усопшихъ коммунистовъ — нѣчто вродѣ свалочнаго мѣста, ну да это повсюду.

Санитарное состояніе города потрясающее. Дома за отсутствіемъ ремонта, по неимѣнію нужнаго матеріала и рукъ, наканунѣ полнаго разрушенія. Ни фановыхъ, ни водопроводныхъ трубъ нѣтъ, гвоздей и то достать трудно. Вслѣдствіе недостатка топлива всѣ деревянные дома, барки и окрестные лѣса снесены. Водопроводныя и канализаціонныя трубы полопались. Нечистоты, мусоръ, грязная вода выбрасываются, куда попало, на лѣстницу, во дворъ, черезъ форточку на улицу. Дворники упразднены, какъ буржуазный пережитокъ. Вся эта пре-

лесть накапливается и превращаетъ городъ въ клоаку, несмотря на устройство всевозможныхъ санитарныхъ «дней» и «недѣль» — повинностей для истерзанія буржуевъ. Температура какъ въ частныхъ квартирахъ, такъ и въ большинствѣ учрежденій на нулѣ. Всѣ и на службѣ, и дома сидятъ въ шубахъ и шапкахъ. Спятъ не раздѣваясь. Многіе до воскресенія не моются, бѣлья не мѣняютъ по мѣсяцу за отсутствіемъ мыла и, конечно, вшивѣютъ. Вши повсюду: въ вагонахъ, больницахъ, трамваяхъ, школахъ. А вошь, какъ говорятъ, главный проводникъ заразы. Не могу умолчать объ оригинальной спекуляціи этимъ продуктомъ. Красноармейцевъ сильно тянетъ въ деревню, а отпускъ даютъ только какъ отдыхъ послѣ перенесеннаго сыпного тифа, и вотъ солдатики задумали дѣлать себѣ прививки тифа посредствомъ вшей. Сейчасъ же нашлись и поставщики. За коробку съ 5-ью вшами съ сыпного больного брали 250 рублей, и дѣло пошло къ общему удовольствію. Смертность въ Петроградѣ ужасающая, эпидеміи возвратнаго, сыпного тифа, испанки, дизентеріи и холеры. Населеніе въ 1917 году было 2.440.000 въ Петроградѣ, въ 1920 году насчитываютъ всего 705.000; конечно, разстрѣлы, эмиграцію тоже надо имѣть въ виду. Состояніе больницъ не поддается описанію, всѣ больницы и эвакуаціонные пункты забиты. Мнѣ говорилъ извѣстный врачъ Николаевскаго Госпиталя: цѣлыя партіи въ десятокъ тысячъ красноармейцевъ, прибывшихъ больными съ фронта, держали въ вагонахъ подъ Петроградомъ за невозможностью принять ихъ въ госпиталя. Врачебный персоналъ самъ повально боленъ. Больные отмораживали себѣ руки и ноги и умирали отъ замерзанія. Въ больницахъ въ палатахъ на 200 больныхъ 1—2 термометра. Медикаментовъ самыхъ необходимыхъ: касторовое масло, сода, не говоря уже о наркотикахъ, — нѣтъ. Въ операціонныхъ комнатахъ морозъ, у операторовъ коченѣютъ руки. Они не могутъ держать инструментовъ въ рукахъ. Ванны не дѣйствуютъ, уборныя — клоака. Въ мертвецкихъ груды скопившихся труповъ, такъ какъ ни гробовъ нѣтъ, ни перевозить не на чемъ. Сидѣлки понятія объ уходѣ за больными не имѣютъ, грубы, обираютъ больныхъ. Сестры милосердія новой формаціи флиртуютъ, а не занимаются дѣломъ.

Путешествіе теперь — мученіе ада. Вагоны забиты людьми, никакихъ подраздѣленій на классы нѣтъ, хотя комиссары и прочіе важные чины Государства имѣютъ не только особыя отдѣленія, но и цѣлые вагоны въ своемъ распоряженіи. Двигаются поѣзда черепашьимъ шагомъ. Достать питаніе въ дорогѣ немыслимо. Износъ вагоновъ страшный. Товарищи забираются даже въ сѣтки для ручного багажа, ѣздятъ на крышахъ вагоновъ, на паровозахъ, на подвѣсныхъ прутьяхъ Пульмановскихъ вагоновъ. Внутри все кишитъ вшами. Такая же картина въ трамваяхъ.

Катастрофы то и дѣло, за недостаткомъ смазочныхъ средствъ вагоны горятъ, люди въ паникѣ выскакиваютъ, выбиваютъ стекла, калѣчатъ другъ друга.

Пріѣзжавшіе изъ провинціи увѣряли меня, что въ такомъ же положеніи вся Совдепская страна.

Вотъ тотъ запасъ моихъ впечатлѣній и переживаній въ коммунистическомъ раю, которымъ я хотѣла подѣлиться.

Отъ Москвы до Берлина въ 1920 году*

Р. Донского

Польскій часовой подвелъ насъ къ воротамъ избы и черезъ нѣсколько минутъ меня пригласили войти. Мать взяла тебя на руки, и мы направились черезъ дворъ къ крылечку. Бабка же осталась сидѣть въ саняхъ. Чистая, просторная изба была перегорожена пополамъ занавѣской. Передъ занавѣской жили солдаты, за нею — офицеры. Насъ сейчасъ же провели въ офицерское отдѣленіе. Тамъ стоялъ столъ, покрытый чистой скатертью, диванъ и двѣ кровати. Въ углу былъ грамофонъ. На столѣ горѣла хорошая керосиновая лампа. Было чисто и почти уютно. На диванѣ за столомъ сидѣлъ молодой, очень красивый поручикъ, бритый съ бачками, слегка женственный, напоминающій Онѣгина. Два подпоручика сидѣли у того же стола на стульяхъ. Поручикъ попросилъ насъ сѣсть и спросилъ, какіе у насъ есть документы. Я подалъ ему толстую пачку, и онъ началъ просматривать ихъ. А ты тѣмъ временемъ, стоя на колѣняхъ у матери, легъ животикомъ на столъ, и не успѣли мы оглянуться, какъ ты схватилъ лежавшій передъ поручикомъ заряженный револьверъ. Раздался всеобщій хохотъ. Поручикъ, обезоруживъ тебя, поманилъ къ себѣ. Ты радостно и довѣрчиво протянулъ къ нему ручонки и потянулся къ погонамъ. Дальнѣйшій просмотръ бумагъ онъ велъ уже, держа тебя на колѣняхъ, и ты все время ощупывалъ его шитье на воротникѣ, пуговицы и погоны. Бумаги были просмотрѣны быстро.

— Значитъ Вы — профессоръ, а это ваша супруга? — спросилъ поручикъ, указывая на мать.

— Нѣтъ, это племянница.

— А гдѣ же ваша супруга?

— Она въ саняхъ.

— Такъ пригласите же, распорядился поручикъ, и подавайте чай.

Когда бабка вошла и увидѣла чистую обстановку, вѣжливыхъ, воспитанныхъ офицеровъ и тебя на рукахъ у поручика, она чуть не расплакалась.

— Господи, наконецъ-то мы попали къ культурнымъ людямъ! воскликнула она.

Офицеры радостно раскланялись. Подали чай съ сахаромъ и съ чудеснымъ хлѣбомъ, и начались разспросы про Москву. Поражались цѣнамъ

---

* См. Архивъ. Т. I

и звѣриному образу жизни, который мы вели. Мы въ свою очередь разспрашивали о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и удивляли ихъ своей неосвѣдомленностью. Для насъ явилась неожиданностью регулярная польская армія. Мы разспрашивали о ея организаціи, о порядкѣ назначенія офицеровъ, о дисциплинѣ.

— Такъ значитъ у васъ уже организованное государство? — удивлялся я.

Они смѣялись. Для насъ явилось новостью присоединеніе къ Польшѣ Галиціи и Восточной Пруссіи. Мы не знали, кто президентъ республики и т. д. Появились на столѣ газеты и иллюстрированные журналы, на которые я набросился съ жадностью. Бесѣда шла милая и непринужденная. Написали письма въ Москву, которыя офицеры обѣщали отправить.

Послѣ чая завели для тебя грамофонъ, и ты окончательно ошалѣлъ отъ восторга: визжалъ, прыгалъ, бѣгалъ по комнатѣ и, какъ только грамофонъ замолкалъ, требовалъ повторенія.

— Исчо! просилъ ты.

Офицеры забавлялись съ тобою, угощали тебя шоколадомъ, носили на рукахъ, словомъ, ты былъ героемъ дня. Затѣмъ приступили къ обыску. Вещи осматривали подробно, но дѣлали все это въ такой формѣ, что никакого чувства обиды у насъ не было. Къ тому же въ теченіе всего обыска не умолкалъ грамофонъ. Освѣдомились, есть ли со мной деньги и брильянты. Я вынулъ все, что было. Они сочли деньги и вернули все. Полюбовались бабкиными вещами, похвалили ихъ, и тоже вернули. Къ десяти часамъ все было кончено, намъ подали подводы, снабдили насъ на дорогу саломъ и хлѣбомъ, и мы простились съ этими милыми людьми. Это было первое свѣтлое впечатлѣніе отъ Польши. Первое и послѣднее, ибо дальше отношеніе стало уже совсѣмъ инымъ, и мнѣ частенько въ дальнѣйшемъ приходилось вспоминать милаго и радушнаго поручика съ передовыхъ позицій.

* *
*

Съ позицій мы въ сопровожденіи солдата поѣхали въ штабъ батальона. Погода стояла теплая, и шелъ мокрый снѣгъ. Ты спалъ подъ шубой, а мы съ бабкой достали сало и хлѣбъ и жадно набросились на ѣду. Хлѣбъ былъ ситный, чудесно выпеченный, а сало копченое, настоящее польское. Мы уплетали все это за обѣ щеки и подъ вліяніемъ ласковаго пріема на позиціяхъ готовы были выскочить изъ саней и начать танцевать. Насъ доставили въ штабъ батальона въ сосѣдней деревнѣ.

Приняли насъ офицеры, которымъ деньщикъ при насъ подалъ чай съ хорошимъ ситнымъ хлѣбомъ, густо намазаннымъ масломъ. Вся эта картина, — чистые воспитанные офицеры, которымъ такіе же чистые солдаты приносили вкусныя сытныя вещи, прекрасное обмундированіе, сапоги, ремни на ружьяхъ, сытый видъ солдатъ, сытыя крестьянскія лошади, — все это прямо ошеломляло насъ, и намъ казалось, что мы спимъ и видимъ прекрасный сонъ. Офицеръ быстро сдѣлалъ отмѣтки на бумагѣ, выданной намъ поручикомъ, и сейчасъ же послалъ насъ дальше въ штабъ полка. Когда мы вышли изъ канцеляріи, насъ встрѣтилъ мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати въ солдатской формѣ, котораго мы видѣли въ избѣ у поручика. Оказалось,

что бабка забыла свою шапку и ее намъ прислали. Хотѣли дать мальчугану на чай, но онъ отказался, гордо заявивъ:

— Польскіе солдаты на чай не берутъ.

А потомъ мы узнали, что онъ потребовалъ за доставку вещей съ нашихъ попутчиковъ Д.

Когда мы проѣзжали околицу, въ лицо намъ дунулъ какой-то странный короткій порывъ вѣтерка, и въ то же время что-то свиснуло и чмокнуло. Лошадь шарахнулась въ сторону, а везшій насъ крестьянинъ обругался. Оказалось — шальная пуля. Впослѣдствіи изъ разспроса офицеровъ я понялъ, что она пролетѣла у самыхъ нашихъ головъ не больше чѣмъ въ аршинѣ.

Къ вечеру мы были въ штабѣ полка и заночевали въ хорошей избѣ. Сначала поужинали на славу чудеснымъ картофелемъ со свѣжайшимъ масломъ и густой сметаной, а потомъ легли всѣ въ рядъ на полу на душистомъ сѣнѣ и заснули послѣ всѣхъ передрягъ, какъ убитые. Хозяева легли позже насъ и, не смущаясь кучами сѣна, все время жгли лучину, которую вставляли въ забитыя просмоленной паклей щели между бревнами. Приходилось только удивляться тому, какъ сравнительно рѣдко горятъ русскія деревни.

Часовъ въ 6 утра я проснулся отъ бьющаго мнѣ въ глаза свѣта. Открываю глаза и вижу картину. Въ очагѣ ярко пылаетъ куча дровъ, и при свѣтѣ этого костра прядетъ женщина. Я и не подозрѣвалъ до того, что въ избахъ костры замѣняютъ лампу, и только слышалъ о лучинѣ.

Часовъ около десяти намъ выписали въ канцеляріи пропуски до Борисова, мы снова сѣли на подводы и тронулись. Въ Борисовъ прибыли часамъ къ четыремъ дня.

Здѣсь насъ постигло первое разочарованіе. Принялъ насъ какой-то хулиганъ, подхорунжій, который началъ мнѣ читать нотаціи на ту тему, что мнѣ нужно было сидѣть въ Москвѣ и заниматься организаціонной работой.

— Я васъ пошлю въ Смолевичи, закончилъ онъ, а оттуда васъ несомнѣнно отправятъ обратно въ Россію.

На попутчиковъ онъ накричалъ самымъ неприличнымъ образомъ.

Насъ подъ конвоемъ отправили въ гостинницу, откуда мы не имѣли права отлучаться. Выѣхать въ Смолевичи мы должны были утреннимъ поѣздомъ. Гостинница оказалась гнусной нетопленной дырой. Хозяева евреи отвели лучшую комнату Д., къ которому сейчасъ же привели парикмахера. Намъ дали холодный закутъ. Но потомъ, когда тебя увидѣла дочка хозяйки, милая евреечка, она не выдержала и уступила тебѣ съ матерью и бабкой свою комнату, а меня устроили въ столовой. Хозяйка пошла куда-то за обѣдомъ, а сынъ ея, гимназистъ, сбѣгалъ въ лавочку и принесъ французскихъ булокъ, которыхъ мы не ѣли уже нѣсколько лѣтъ, печенья и варенья. Мы пообѣдали на славу, и выпили чаю такъ, какъ не пили его уже очень давно. На душѣ было очень скверно, но французская булка скрашивала многое. Къ сыну хозяйки пришелъ товарищъ и началъ давать всякіе совѣты, какъ выбраться въ Германію. Того, что насъ отошлютъ въ Россію, онъ совершенно не допускалъ. Но о польскихъ порядкахъ разсказалъ столько ужасовъ, что окончательно убилъ насъ. Съ его словъ выходило, что польскіе жандармы — та же Московская чрезвычайка.

Въ восемь часовъ уложили тебя и ты быстро уснулъ, а за тобой начали устраиваться на ночлегъ и мы. Но въ девять пришелъ подхорунжій и велѣлъ собираться.

— Поѣздъ идетъ въ одиннадцать часовъ, сказалъ онъ.

Пришлось тебя будить и одѣвать соннаго. Ты немного похныкалъ, но быстро успокоился. Вообще, я до сихъ поръ поражаюсь той стойкости, съ какою ты вынесъ путешествіе. Вѣдь ты былъ совершенно выбитъ изъ колеи, будили тебя въ самое неожиданное время, спать тебѣ приходилось въ шубѣ на саняхъ, и хоть бы одинъ разъ ты поревѣлъ, какъ слѣдуетъ. Похнычешь, бывало, немного, а потомъ жалобнымъ голосомъ попросишь:

— Сосю!

Мать вытащитъ соску изъ-подъ повязки на раненной рукѣ, куда она ее прятала, какъ въ самое чистое мѣсто, вставитъ тебѣ въ ротъ, ты раза два прочмокнешь — и успокоишься.

Вмѣсто двухъ подводъ намъ подали одну для вещей и предложили идти на станцію пѣшкомъ. «Рогатаго» пришлось бросить. Бабка съ тобою кое-какъ примостилась въ сани, а мы съ матерью пошли за санями. Стояла оттепель, на улицахъ было темно, и мы поминутно попадали въ лужи. До вокзала добрались съ промокшими ногами. Усѣлись въ пустомъ залѣ на вещахъ, конвойные легли на столахъ и захрапѣли. Спрашиваю, когда отойдетъ поѣздъ — никто не знаетъ. Ты разгулялся, и мы рѣшили тебя не класть спать. И потянулась ночь. Ты бѣгалъ по вокзалу и забавлялся тѣмъ, что открывалъ и запиралъ входную дверь.

Мнѣ было ужасно жалко «Рогатаго» и я послалъ въ гостинницу двухъ носильщиковъ съ санками, которые черезъ полтора часа доставили его на вокзалъ.

Часы бѣжали томительно долго, а поѣзда все не было. Стало свѣтать — поѣзда нѣтъ. Наконецъ и день настал — поѣзда нѣтъ. Только въ двѣнадцатомъ часу дня подали его. Негодяй подхорунжій просто захотѣлъ поиздѣваться надъ нами и заставилъ просидѣть ночь на вокзалѣ. Поѣздъ былъ изъ товарныхъ вагоновъ безъ печей. Но ѣхать до Смолевичей было, къ счастью, немногимъ больше двухъ часовъ.

* *

*

Въ Смолевичахъ носильщиковъ не было и вещи пришлось тащить на себѣ. Пока я ихъ перенесъ въ вокзалъ, а оттуда на подводу, и пока мы доѣхали до «контрольной станціи», расположенной въ полувыгорѣвшей деревнѣ, уже начало смеркаться. Въ «контрольной станціи» (въ контръ-развѣдкѣ) насъ принялъ галиційскій жандармъ съ нѣмецкой повадкой и чисто польской психологіей. Отъ соединенія этихъ двухъ несоединимыхъ началъ получилось нѣчто въ высокой степени сумбурное, къ тому же еще сдобренное врожденной личной тупостью. Допрашивалъ онъ меня часа два, и на допросѣ выяснилось, что я сдѣлалъ непростительную ошибку. Переходя границу, я не уничтожилъ своихъ совѣтскихъ документовъ. Они были настолько курьезны, что я рѣшилъ сохранить ихъ на память. Жандармъ же рѣшилъ, что разъ я ихъ сохраняю, значитъ, я намѣреваюсь вернуться въ Россію, то-есть другими словами, что я большевистскій шпіонъ. Тщетно совалъ я ему свой дипломъ, царскій послужной списокъ, аттестатъ

о службѣ отца. Онъ на нихъ не обращалъ никакого вниманія и весь ушелъ въ созерцаніе моихъ двухъ «мандатовъ» и прочихъ нестоющихъ бумаженокъ, изъ которыхъ явствовало, что я важная персона, коей власти должны оказывать всяческое содѣйствіе. Моимъ утвержденіямъ, что все это сочинялъ я самъ, онъ не вѣрилъ. Промучивши меня около двухъ часовъ, онъ приступилъ къ личному обыску, который онъ провелъ въ такой оскорбительной формѣ, что я не выдержалъ и заплакалъ. Сказалось напряженіе нервовъ цѣлой недѣли и безсонная ночь въ Борисовѣ. Обыскъ вещей былъ отложенъ до слѣдующаго дня за позднимъ временемъ. Деньги и документы жандармъ отобралъ. На мой вопросъ, что съ нами будетъ, онъ отвѣтилъ:

— Пока арестъ. Изъ уваженія къ вашимъ годамъ я оставляю васъ въ канцеляріи, хотя долженъ былъ бы отправить въ арестантскую. Завтра я доложу генералу и мы, вѣроятно, отправимъ васъ въ Россію.

— Неужели же насъ не пропустятъ въ Германію? — спросилъ я.

— Ни въ коемъ случаѣ. Нѣмцы наши враги. И мы не пропустимъ человѣка, котораго считаемъ большевикомъ, проѣхать черезъ всю Польшу и разсказать нѣмцамъ, что онъ здѣсь видѣлъ.

— Ну тогда въ Чехію или Литву?

— Чехи и Литовцы тоже наши враги.

— Что за чортъ, подумалъ я, люди едва успѣли основать собственное государство и уже со всѣми сосѣдями поссорились. Вотъ такъ мышеловка.

Съ тяжелымъ сердцемъ начали мы устраиваться на ночь. Въ нашемъ распоряженіи было двѣ нетопленныхъ комнаты деревенскаго домика. Мебель составляли три стола, диванъ и нѣсколько стульевъ. На одинъ изъ столовъ уложили тебя, а на другомъ бабка начала готовить ужинъ. Изъ сосѣдней еврейской лавочки принесли самоваръ, французскихъ булокъ, плюшекъ, колбасы, молока и какао. На московскій масштабъ получилось настоящее пиршество.

Какъ ни тяжело было на душѣ, но когда я отхлебнулъ изъ стакана душистаго какао и откусилъ кусокъ горячей плюшки, я забылъ всѣ невзгоды.

— Пускай, думалъ я, насъ отправляютъ, куда угодно. А какао съ плюшкой я все-таки пью!

Когда я кончалъ второй стаканъ, вошелъ нашъ жандармъ въ сопровожденіи молоденькаго офицера и познакомилъ насъ.

— У поручика въ Смоленскѣ сестра, и онъ хотѣлъ разспросить васъ, нельзя ли ее какъ-нибудь вывезти.

Вновь пришедшій просидѣлъ у насъ около часа. О сестрѣ онъ предложилъ нѣсколько вопросовъ больше для проформы, а затѣмъ сталъ съ большимъ интересомъ разспрашивать о томъ, какъ намъ жилось въ Москвѣ. Тонъ у него былъ не только сочувственный, а даже и ласковый. Онъ старался оправдать жандарма.

— Вы не можете представить себѣ, сколько къ намъ подъ видомъ бѣженцевъ ѣдетъ шпіоновъ. Но, что вы не шпіонъ, выяснится очень скоро. Увѣряю васъ, что завтра къ вамъ будетъ уже совершенно иное отношеніе.

— Значитъ, обратно не отошлютъ?

— Объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Мы даже простыхъ уголовныхъ преступниковъ не выдаемъ.

Я былъ очень удивленъ такимъ добрымъ отношеніемъ ко мнѣ и понялъ его нѣсколько позже, когда научился разбираться въ формахъ польской

арміи. Со мною говорилъ врачъ и, вѣроятно, одинъ изъ моихъ учениковъ. Почему онъ не назвалъ себя, не понимаю. Вѣроятно, это была причуда жандарма.

Немного успокоенные этимъ разговоромъ, мы устроились на ночь. Я легъ, не снимая шубы, на диванъ, а мать съ бабкой устроились на полу. На другой день утромъ пришелъ жандармъ и сказалъ, что дивизіонный генералъ желаетъ говорить со мною. Мы сѣли въ сани и поѣхали черезъ мѣстечко. Оно было почти все разрушено. Вдоль улицы торчали лишь печныя трубы и только кое-гдѣ попадались домики. Штабъ помѣщался на окраинѣ мѣстечка въ противоположномъ концѣ. Дорогой жандармъ бесѣдовалъ со мной уже совершенно инымъ тономъ. Величалъ меня Herr Professor (мы говорили по-нѣмецки) и удивлялся моей смѣлости.

— Перейти фронтъ съ двумя женщинами и съ ребенкомъ вѣдь это не шутка!

Секрета этой перемѣны въ отношеніи я тогда еще не понималъ и былъ ей несказанно удивленъ.

Генералъ жилъ въ хорошемъ помѣщичьемъ домѣ съ садомъ. Принялъ онъ меня очень корректно и заговорилъ по-польски. Я обратился къ нему по-нѣмецки, онъ по-польски же отвѣтилъ, что онъ не понимаетъ. Тогда я сказалъ ему по-французски, что я, къ сожалѣнію, не говорю по-польски. Генералъ улыбнулся.

— Тогда проще всего говорить по-русски, сказалъ онъ. Вѣдь я русскій кадровый офицеръ.

Я выразилъ свое удивленіе, что меня приняли за большевика.

— Развѣ шпіоны ѣздятъ съ семьями и дѣтьми?

— Паралычными больными представляются.

— Но мнѣ кажется, что ваши сомнѣнія разсѣиваются?

— Въ значительной мѣрѣ. Я отошлю васъ въ Минскъ въ распоряженіе корпуснаго командира. Но вамъ придется подождать поѣзда съ польскими заложниками. Онъ уже на границѣ и придетъ не сегодня, завтра. Вамъ будетъ удобнѣе. Для заложниковъ приготовлены бараки. Къ тому же съ вами значительная сумма денегъ, и я боюсь довѣрить ее солдату, а офицера дать вамъ не могу.

Домой я вернулся пѣшкомъ одинъ. Въ канцеляріи я засталъ нашихъ попутчиковъ Д., на которыхъ неистово кричалъ жандармъ.

— Польскіе жиды и не говорятъ по-польски! Я вамъ покажу!

М-мъ Д. сидѣла забившись въ уголъ дивана, а самъ Д. стоялъ посреди комнаты блѣдный, дрожащій и срывающимся голосомъ твердилъ:

— Я же не изъ Польши, я изъ Москвы.

Изъ сосѣдней комнаты выскочилъ пожилой офицеръ съ явно семитскимъ лицомъ (онъ былъ тоже въ формѣ врача) и, поднеся кулакъ къ самому лицу Д.,, обратился къ жандарму.

— А ты дай ему попробовать вотъ этого, — живо заговоритъ по-польски!

Увидѣвши меня, они бросили мучить несчастныхъ Д. и пригласили меня въ сосѣднюю комнату, кабинетъ жандарма, гдѣ меня наканунѣ допрашивали и обыскивали. Жандармъ выложилъ мои документы, а еврейскій ренегатъ принялся ихъ осматривать.

— Дипломъ — подлинный, послужной списокъ тоже, далъ онъ заключеніе.

Потомъ немного подумалъ и обратился ко мнѣ.

— Кто въ 1909 году былъ профессоромъ анатоміи въ Москвѣ?

— Штатнымъ Карузинъ, а заслуженнымъ Зерновъ.

— А прозекторомъ?

— Либо Алтуховъ, либо Стопницкій, я не помню точно, когда умеръ Алтуховъ.

— Вѣрно.

— Вы врачъ?

— Нѣтъ, я инженеръ. Но вращался въ Москвѣ во врачебныхъ кругахъ.

И онъ поспѣшно откланялся. Начался обыскъ вещей. Со стороны солдатъ отношеніе тоже рѣзко измѣнилось. Наканунѣ я самъ втаскивалъ свои чемоданы. Теперь же они мнѣ не давали этого дѣлать. Въ большое смущеніе привелъ жандарма «рогатый».

— Что это такое? — удивлялся онъ, разсматривая кусочки гипса.

Я, какъ могъ, объяснялъ ему мотивы, заставившіе меня взять съ собой форму. Но онъ плохо мнѣ вѣрилъ.

— И эту штуку вы протащили съ собой черезъ половину Европы? Но вѣдь здѣсь можетъ быть задѣлано все, что угодно: золото, брильянты, большевистскія прокламаціи.

— Если вы сомнѣваетесь, разбейте нѣсколько кусковъ. Но я только прошу васъ сдѣлать это осторожно, чтобы ихъ можно было склеить.

Видъ у меня былъ, вѣроятно, ужъ очень огорченный, ибо жандармъ, подумавъ, спросилъ меня:

— Вы даете честное слово, что въ формѣ ничего не спрятано?

— Даю.

— Тогда Богъ съ вами. Я обязанность свою выполнилъ достаточно добросовѣстно.

Онъ сѣлъ писать протоколъ, а я вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Вы гдѣ ночевали? — спросили меня Д.

— Въ канцеляріи. А вы?

Онъ хотѣлъ, было, отвѣтить, но къ ней уже вернулась ея бонтонность.

— Въ комендатурѣ, поспѣшила она сказать.

Потомъ студентъ изъ Вильны разсказалъ мнѣ, что это была за «комендатура». Вши въ ней ползали миріадами по стѣнамъ и по полу, и они простояли всю ночь, стараясь не прислоняться къ стѣнѣ.

Я поспѣшилъ порадовать мать и бабку разговоромъ съ генераломъ. Полагая, что сейчасъ опять начнутъ допрашивать Д., я рѣшилъ лучше избавить себя отъ присутствія при этой омерзительной картинѣ и обратился къ вахмистру, который наканунѣ меня обыскивалъ.

— Мнѣ хочется вывести ребенка на воздухъ. Вы бы не могли меня сопровождать?

— Но панъ профессоръ не арестованъ. Онъ можетъ идти, куда угодно.

Я не заставилъ себѣ повторять этого, одѣлъ тебя и мы вышли. Морозъ былъ крѣпкій, но день солнечный. Напротивъ была жалкая еврейская лавченка. Я смотрѣлъ на нее и думалъ.

— Неужели я могу зайти туда и совершенно открыто купить всё, что захочу, безъ всякихъ разрѣшеній главковъ и губкомовъ?

Черезъ минуту я впервые въ твоей жизни положилъ тебѣ въ ротъ кусочекъ шоколада, ты пожевалъ его перѣшительно, потомъ поморщился и выплюнулъ. Мы постояли среди выгорѣвшей пустой улицы.

— Ципка! Радостно скривилъ ты свою рожицу.

Я оглянулся. Недалеко отъ насъ присѣли двѣ вороны. Двери контрольной станціи открылись и на улицу вышли Д. Роскошная доха ея обмокла и выглядѣла совсѣмъ жалко. Онъ согнулся подъ тяжестью двухъ чемодановъ.

— Ну что, отпускаютъ васъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, допросъ будетъ вечеромъ. Пока мы идемъ опять въ комендатуру.

И онъ, спотыкаясь, зашагалъ вдоль улицы со своими чемоданами. За ними индѣйскимъ пѣтухомъ выступалъ конвойный. Мучили ихъ еще три дня, каждое утро и вечеръ гоняя съ чемоданами черезъ все мѣстечко изъ арестантской въ контрольную станцію и обратно. Въ результатѣ несчастный Д. черезъ двѣ недѣли заболѣлъ въ Минскѣ сыпнымъ тифомъ.

Вернувшись въ канцелярію, я спросилъ вахмистра, кто такой офицеръ, осматривавшій мои бумаги. Онъ назвалъ чисто еврейскую фамилію.

— Онъ врачъ?

— Нѣтъ, кажется, инженеръ.

Недѣли черезъ три, зайдя въ Минскѣ въ аптеку, я увидѣлъ его бесѣдующимъ съ аптекаремъ. Мы поздоровались.

— Вы въ отпуску? — спросилъ я.

— Нѣтъ, въ командировкѣ по дѣлу о топографическихъ съемкахъ.

* *
*

День прошелъ тоскливо. Обѣдать мы ходили въ «ресторанъ» Р., гдѣ насъ накормили незатѣйливо, но вкусно и сытно. Надѣялись, что къ ночи придетъ поѣздъ заложниковъ. Но жандармъ нашъ, уходя вечеромъ изъ канцеляріи, сказалъ, что сегодня поѣзда не будетъ. Опять пришлось укладываться на грязномъ полу нетопленной канцеляріи. Такъ же, какъ и вчера, еврейка, снабжающая насъ самоварами, принесла матрацы, и мы легли на этотъ разъ всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ. Утромъ жандармъ сообщилъ, что поѣздъ почему-то задерживается большевиками, и что намъ придется прожить въ Смолевичахъ нѣсколько дней. Я рѣшилъ попытаться устроиться въ ресторанѣ у Р., ибо условія жизни въ грязной нетопленной канцеляріи были совершенно невыносимы, и пошелъ упрашивать Р. впустить насъ. Р. оказался очень милымъ и добрымъ, но крайне безтолковымъ человѣкомъ. Добиться отъ него какого-нибудь опредѣленнаго отвѣта было немыслимо. Ресторанъ его состоялъ изъ буфета, столовой и «отдѣльнаго кабинета», затѣмъ шла комната, въ которой жилъ онъ самъ съ женой, и кухня. Я нацѣлился на «отдѣльный кабинетъ» — комнату $4\frac{1}{2} \times 5$ арш., въ которой стояла рваная клеенчатая кушетка, небольшой столъ и два стула, и сталъ убѣждать сдать намъ ее. Онъ соглашался, что жить съ ребенкомъ въ нетопленной канцеляріи тяжело, и охотно пустилъ бы насъ.

Но у него тѣсно. Къ тому же и офицеры, посѣщающіе ресторанъ, могутъ остаться недовольны. Разговоръ этотъ длился около часу, и я не могъ добиться отъ него никакого отвѣта. Дѣло закончилось довольно неожиданно.

— Ну, что ты голову морочишь, раздался изъ спальни голосъ жены Р. Видишь, людямъ дѣваться некуда — значитъ, нужно пустить.

Потомъ я узналъ, что у Р. недавно умеръ ребенокъ твоихъ лѣтъ, что она очень любитъ дѣтей, и что наканунѣ за обѣдомъ ты ее очаровалъ. Черезъ часъ мы были уже на новой квартирѣ. Она была далеко не комфортабельна, но сравнить съ канцеляріей ее было невозможно. Было тепло и чисто. Отъ матрацовъ мы отказались, ибо они были очень грязны, и спали прямо на полу, подостлавъ подъ себя шубы и одѣяла. (Въ комнатѣ было настолько тепло, что укрываться не было нужды). У Р. мы прожили шесть дней. Днемъ сидѣли больше въ буфетѣ и цѣлый день ѣли. Ты игралъ съ Троцкимъ, большимъ рыжимъ псомъ Р., и тебя было положительно невозможно вытащить изъ-за стойки, гдѣ было много вкусныхъ вещей — яблоки, печенья и пр. А г-жа Р. тщательно слѣдила, чтобы у тебя ротъ никогда не оставался пустымъ. Не успѣешь ты прожевать печенье, она уже суетъ тебѣ яблоко.

— Пускай ѣстъ мальчикъ. Наголодался въ Москвѣ, отвѣчала она на всѣ наши протесты.

— Вѣдь онъ же заболѣетъ.

— Ничего, не заболѣетъ. Онъ ишь какой здоровенькій.

Такъ проходилъ день. Къ вечеру собирались офицеры. Мы запирались въ свою комнатку и начинали укладываться спать. Офицеры сидѣли обычно до часу ночи, ужинали, иногда играли въ карты. Вели они себя очень корректно.

Вечеромъ въ день переѣзда къ Р. я поймалъ у себя въ рукавѣ огромную вошь. Раздѣлся до гола и, о ужасъ! — бѣлье мое кишмя кишѣло огромными жирными звѣрями. Осмотрѣли тебя — тоже. У бабки и матери — тоже. Тутъ только вспомнили, что мы не раздѣвались шесть сутокъ. Какъ было возможно, вымылись, перемѣнили бѣлье. Но у меня не было чистой рубахи. Пришлось замѣнить ее вязанной кофточкой бабки. Въ этомъ необычномъ даже для совѣтской Россіи костюмѣ я провелъ полтора дня, пока стиралась моя рубашка. Завшивѣли мы настолько основательно, что два мѣсяца съ лишнимъ не могли избавиться отъ этихъ подлыхъ насѣкомыхъ.

На второй день нашего пребыванія у Р. пріѣхала изъ Москвы одна дама и поселилась у насъ въ комнатѣ. А на пятый я уже не выдержалъ и отправился къ генералу просить отправить насъ въ Минскъ, не дожидаясь поѣзда съ заложниками. Онъ, видимо, потерялъ вѣру въ то, что поѣздъ этотъ когда-нибудь придетъ, и быстро согласился. На слѣдующій вечеръ насъ погрузили на подводу и повезли на вокзалъ. Жандармъ нашъ провожалъ насъ, и всю дорогу подшучивалъ надъ долготерпѣніемъ бабки, разрѣшившей мнѣ взять съ собой «рогатаго». Простились мы съ нимъ очень дружелюбно. И онъ еще разъ повторилъ, что очень удивляется моей храбрости. Сопровождалъ насъ вахмистръ, которому было приказано доставить насъ къ корпусному командиру, а всѣхъ остальныхъ нашихъ спутниковъ въ контръразвѣдку. Деньги остались къ кассѣ дивизіи. Поѣздъ состоялъ изъ нетопленныхъ товарныхъ вагоновъ. Но къ такимъ маленькимъ неудобствамъ мы

успѣли уже привыкнуть. На разсвѣтѣ мы были въ Минскѣ. До восьми часовъ просидѣли на вокзалѣ, а потомъ насъ отвезли въ канцелярію корпуснаго командира.

* *
*

У корпуснаго командира мы просидѣли часа два, послѣ чего насъ отправили въ контръ-развѣдку. Пока мы сидѣли, солдаты привели какого-то пожилого еврея, и адъютантъ генерала неистово оралъ на него. Въ чемъ провинился еврей, я не понялъ. Но его арестовали и отправили вмѣстѣ съ нами. Насъ посадили на извозчиковъ. Хотѣлъ взять извозчика и еврей. Но солдатъ не позволилъ и заставилъ его идти пѣшкомъ. Въ контръ-развѣдкѣ мы нашли всѣхъ нашихъ попутчиковъ. Продержали насъ тамъ до сумерекъ, послѣ чего отпустили на частныя квартиры съ обязательствомъ ежедневно являться «замельдовываться». Въ контръ-развѣдкѣ меня поразила крайняя лѣнь чиновниковъ. Никто абсолютно ничего не дѣлалъ. Офицеры слонялись съ дѣловымъ видомъ изъ комнаты въ комнату. Писаря флиртовали съ двумя гнуснѣйше-бульварнаго вида дѣвицами, одѣтыми въ военную форму. И на то, чтобы выписать намъ десять пропусковъ для проживанія въ гостинницѣ, у нихъ ушелъ цѣлый рабочій день. На стѣнахъ канцеляріи висѣла масса объявленій и приказовъ съ огромнымъ задорно-напыщеннымъ орломъ польскаго герба. Орелъ тебѣ очень понравился и тебя нельзя было оторвать отъ него.

— Пѣтушокъ, пѣтушокъ, радостно твердилъ ты, тыча въ него пальчикомъ.

Когда смерклось, пошли искать номеръ въ гостинницѣ. Это была нелегкая задача, ибо большинство гостинницъ было реквизировано. Наконецъ, удалось найти отвратительную комнату въ грязной гостинницѣ. Но въ ней было двѣ кровати и диванъ. И это показалось намъ уже роскошью. На стѣнѣ висѣло объявленіе съ гербомъ. Увидѣвъ его, ты радостно взвизгнулъ — и тутъ пѣтушокъ!

Оставивъ васъ въ номерѣ, я побѣжалъ къ Д. занять у нихъ денегъ, ибо у меня въ карманѣ осталось только четыре пятитысячныхъ краткосрочныхъ обязательства. Имъ посчастливилось найти номеръ въ одной изъ лучшихъ гостинницъ. И я засталъ ихъ за обѣдомъ. Столовая напоминала третьеразрядный московскій трактиръ. На эстрадѣ фальшиво играло жалкое еврейское тріо. Но эта убогая обстановка послѣ совѣтской Москвы показалась мнѣ настоящей Европой. Перехвативъ у Д. пару «костюшекъ», я вернулся въ гостинницу и пошелъ съ бабкою купить чего-нибудь на ужинъ. Мы вышли на главную улицу. Горѣли фонари и окна лавокъ. По улицѣ ѣздили извозчики. Правда, снѣгъ былъ не убранъ, и улица была на аршинъ выше тротуара. Но мы этого не замѣчали. Послѣ мертвой Москвы намъ казалось, что мы попали въ столицу. А магазины! Вѣдь въ нихъ свободно продавалась ветчина, колбасы, бѣлый хлѣбъ, фрукты, сахаръ, финики, миндаль и многое другое, о существованіи чего мы въ Москвѣ даже забыли. Накупивъ всякой всячины, мы пошли домой. У самой гостинницы насъ нагналъ патруль солдатъ. Одинъ изъ нихъ размахнулся и съ крикомъ «жидъ» ударилъ меня по шеѣ. Бабка попробовала его устыдить, но онъ подошелъ къ ней вплотную и, осыпая ее площадной бранью, началъ

на нее замахиваться кулакомъ. Я поспѣшилъ увести ее. Такъ привѣтствовала свободная Польша русскаго ученаго, всю жизнь не устававшаго возмущаться порабощеніемъ польскаго народа. Когда мы вернулись домой, отъ радостнаго настроенія, овладѣвшаго нами въ магазинахъ, не осталось и слѣда.

* *
*

На другой день я зашелъ въ аптеку разспросить о русскихъ врачахъ. Еврей-аптекарь указалъ мнѣ адресъ д-ра В., сказавъ, что онъ очень много дѣлетъ для бѣженцевъ. Тотъ встрѣтилъ меня очень радостно и сейчасъ же ухватился за меня.

— У насъ основались медицинскіе курсы. Вы, конечно, отдохнете въ Минскѣ нѣсколько недѣль и прочитаете у насъ серію лекцій. Устроимъ Вамъ и публичную лекцію. Третьяго дня Мережковскій имѣлъ огромный успѣхъ.

Оказалось, что Мережковскій живетъ въ Минскѣ уже вторую недѣлю и выѣхалъ точно также, какъ и мы. Меня очень безпокоилъ вопросъ объ отобранныхъ у меня деньгахъ. В. успокоилъ меня и сказалъ, что деньги несомнѣнно вернутъ. Насчетъ пропуска въ Германію онъ совѣтовалъ не заговаривать съ мѣстными властями, ибо на ѣдущихъ въ Германію смотрятъ косо. По его мнѣнію, проще всего было проѣхать въ Варшаву и начать хлопотать о выѣздѣ уже тамъ. На всякій случай онъ обѣщалъ мнѣ достать отъ мѣстнаго общества врачей удостовѣреніе, что я имѣлъ въ Москвѣ лабораторію и библіотеку, ликвидація коихъ могла легко дать отобранную у меня сумму, и свидѣтельство о непричастности къ большевикамъ отъ польскаго врачебнаго инспектора. Обѣ бумаги я получилъ отъ него черезъ пару дней.

По возвращеніи домой я узналъ отъ матери, что она разговорилась въ магазинѣ съ русской дамой, оказавшейся женой д-ра Л., въ госпиталѣ котораго во время войны лежалъ раненымъ твой отецъ. Она обѣщала подыскать намъ квартиру. Обѣщаніе свое она исполнила и черезъ пару дней мы вырвались изъ отвратительной гостинницы, въ которую попали, и переѣхали на окраину города въ небольшой деревянный домикъ, хозяйка котораго уступила намъ двѣ комнаты. Жизнь наладилась быстро, и мы отдохнули душой и тѣломъ. Хозяйка кормила насъ на славу, комнаты были теплыя, свѣтлыя, цѣлый день залитыя солнцемъ. Напившись утромъ чаю, мы отправлялись въ городъ «замельдовываться». Одна изъ бульварныхъ дѣвицъ въ военной формѣ отмѣчала насъ въ спискѣ и этимъ дѣло кончалось. Затѣмъ мы, пошатавшись по городу и сдѣлавъ кое-какія покупки, возвращались домой. Послѣ завтрака я обычно одѣвалъ тебя и мы выходили погулять по улицѣ. Морозъ стоялъ крѣпкій, но дни были солнечные, ясные. Затѣмъ тебя укладывали спать, а я садился подготовиться къ лекціи. Въ три обѣдали, а отъ четырехъ до шести у меня была ежедневная лекція. Въ семь пили чай и вечера проводили въ тѣсномъ семейномъ кругу. Иногда заходили къ намъ Л. и одна изъ ихъ родственницъ. Спать ложились рано. Настроеніе было бы совсѣмъ недурное, если бы не проклятый вопросъ о деньгахъ. Ихъ очень долго не высылали изъ Смолевичей, и я все не могъ добиться опредѣленно, вернутъ ли ихъ, или нѣтъ. Въ контръ-развѣдкѣ да-

вали уклончивый отвѣтъ. Говорили, что деньги за корпуснымъ командиромъ. Черезъ Мережковскаго, который оказался въ большомъ фаворѣ у польскихъ властей, я обратился къ послѣднему. Тотъ завѣрилъ его, что деньги вернутъ, но не сразу, а опредѣлять, сколько мнѣ требуется на прожитіе и будутъ выдавать по частямъ. Это меня совсѣмъ не устраивало, ибо въ Польшѣ мнѣ оставаться отнюдь не улыбалось. Такъ меня мучили около двухъ недѣль. Въ одинъ прекрасный день, когда я явился замельдовываться, меня позвалъ къ себѣ офицеръ.

— Ваши деньги пришли. Потрудитесь расписаться.

Все свершилось такъ просто, что я даже не вѣрилъ случившемуся. И никакъ не могъ понять, зачѣмъ они меня мучили. Очевидно потребность покуражиться надъ слабѣйшимъ — національная польская черта. Грубый, невоспитанный солдатъ удовлетворилъ этой потребности, ударивъ меня по шеѣ и обругавъ площадными словами бабку. Воспитанный генералъ пускалъ въ ходъ болѣе культурные пріемы. Но психологія у обоихъ была несомнѣнно одна и та же.

Большинство населенія Минска состояло изъ русскихъ и евреевъ. Поляковъ было незначительное меньшинство и большая часть ихъ принадлежала къ администраціи и арміи. Держали они себя по отношенію къ коренному населенію совсѣмъ по-большевистски и управляли тѣми же самыми пріемами. Пожалуй, даже еще худшими. Ибо къ непроходимому невѣжеству, грубости и жестокости большевиковъ присоединялась еще безмѣрная чванливость и самодовольство, лишавшая новоявленныхъ администраторовъ малѣйшаго чувства самокритики.

Какъ шло дѣло въ канцеляріяхъ, я уже тебѣ сказалъ. То, что я видѣлъ въ контръ-развѣдкѣ, я встрѣчалъ и во всѣхъ другихъ канцеляріяхъ, въ которыхъ пришлось побывать. За то внѣ часовъ службы новоиспеченные администраторы проявляли кипучую дѣятельность, которая сводилась главнымъ образомъ къ отравленію существованія коренного населенія. Все время, пока мы были въ Минскѣ, производились повальные обыски. Былъ такой обыскъ и у нагнавшей насъ въ Смолевичахъ москвички. Къ этому времени она успѣла получить пропускъ въ Варшаву. Его отобрали и сказали, что въ Варшаву ее ни въ коемъ случаѣ не пустятъ. Потомъ, промучивъ ее недѣлю, пропускъ вернули.

Въ большомъ ходу были принудительныя работы, которыя проводились такъ. Въ городъ отправлялся военный отрядъ, который шелъ по улицѣ, хваталъ всѣхъ встрѣчныхъ и, не разбирая ни пола, ни возраста, отправлялъ на работу. Въ одну изъ такихъ облавъ чуть-чуть не попалъ и я. А одинъ изъ нашихъ спутниковъ, выйдя какъ-то изъ магазина на главной улицѣ, былъ схваченъ и цѣлый день грузилъ вагоны. Ходить по улицамъ приходилось съ опаской.

Недалеко отъ нашей квартиры были казармы. Когда тамъ замерзъ водопроводъ, солдаты стали ѣздить за водой въ нашъ дворъ. Работали они крайне небрежно, и вода лилась не столько въ ихъ бочку, сколько во дворъ, такъ что онъ сразу превратился въ ледяной катокъ. И не столько они работали, сколько грѣлись въ кухнѣ, хватая все, что заблагоразсудится. На протесты хозяйки они отвѣчали непечатными ругательствами, среди которыхъ «большевистская курва» звучало почти ласкательно. Недѣля, пока у нихъ чинился водопроводъ, была для насъ прямо кошмарной.

Госпиталь Л., когда-то образцово поставленный, превратился въ клоаку. Самъ Л., дѣльный, опытный хирургъ, былъ смѣщенъ съ должности главнаго врача и низведенъ въ рангъ младшаго ординатора. А главнымъ врачемъ былъ назначенъ какой-то хирургическій недоносокъ, не подпускавшій Л. къ операціонному столу.

Небольшая горсточка неслужилаго польскаго населенія въ Минскѣ держалась дерзко и вызывающе, кстати и некстати подчеркивая, что они хозяева. Какъ-то во время одного благотворительнаго уличнаго сбора къ бабкѣ подошли на улицѣ сборщики съ такой рѣчью:

— Въ виду того, что вы пользуетесь гостепріимствомъ Польши, вы, надѣемся, не откажетесь что-нибудь пожертвовать.

— На хорошее дѣло я привыкла жертвовать, не считаясь съ эгоистическими мотивами, отвѣтила бабка.

* *

*

На второй недѣлѣ пребыванія въ Минскѣ я увидѣлъ на главной улицѣ афишу о спектаклѣ артистовъ Художественнаго театра К—ина и Б—авскаго. Я такъ обрадовался, что сейчасъ же побѣжалъ знакомиться съ ними. Оказалось, что они выѣхали изъ Москвы на недѣлю позже насъ и проѣхали тѣмъ же путемъ, какъ и мы. Подъ Новый Годъ мы сидѣли за сосѣдними столиками и совершенно не подозрѣвали о томъ, что скоро встрѣтимся въ Минскѣ. Съ К—нымъ мы довольно быстро дружески сошлись и продѣлали вмѣстѣ путь до Варшавы. Полтора мѣсяца прожили вмѣстѣ въ Варшавѣ и встрѣтились позже въ Берлинѣ.

Въ Минскѣ мы прожили шесть недѣль. Во-первыхъ, не хотѣлось бросать незаконченнымъ начатый курсъ лекцій, который студенты слушали съ большимъ интересомъ. Во-вторыхъ, прямое пассажирское сообщеніе съ Варшавой было прервано сначала на десять, а потомъ на двадцать дней, и приходилось ѣхать въ объѣздъ на Вильно. Мы все ждали, когда оно возобновится. Но и черезъ двадцать дней оно не возобновилось и намъ пришлось ѣхать на Вильно.

Чтобы покончить съ Минскомъ, разскажу тебѣ пару характерныхъ для Польши эпизодовъ. Когда я бралъ пропускъ и обратился по-русски къ канцелярскому служителю, выдававшему бланки, тотъ многозначительно и удивленно спросилъ:

— Панъ не мувитъ по-польски и хочетъ ѣхать до Варшавы?

— Что жъ дѣлать, отвѣтилъ я. Я былъ въ Лондонѣ, не говоря поанглійски, въ Гельсингфорсѣ, не говоря по-фински, въ Константинополѣ, не говоря по-турецки, въ Афинахъ, не говоря по-гречески, и въ Венеціи, не говоря по-итальянски. И не погибъ. Авось, не погибну и въ Варшавѣ. Тѣмъ болѣе, что въ Варшаву я ѣду не въ первый разъ.

Дня за три до отъѣзда, мы пошли съ К—нымъ къ начальнику станціи просить спальныхъ мѣстъ до Вильны. Отрекомендовались. Тотъ принялъ насъ изысканно любезно и обѣщалъ оставить пять мѣстъ — три дамскихъ и два мужскихъ. Взять ихъ мы должны были за часъ до отхода поѣзда. Когда мы пришли за билетами, онъ протянулъ намъ пять карточекъ и очень любезнымъ тономъ пояснилъ:

— Пять спальныхъ мѣстъ въ корридорѣ. Для дамъ сидячія, а для мужчинъ стоячія.

Я объѣздилъ всю Европу. Но стоячія спальныя мѣста видѣлъ только въ Польшѣ.

Мы устроились на чемоданахъ въ корридорѣ. А тебя уложили на свободный диванъ въ купэ и съ тобою прикурнула мать. Свободныхъ дивановъ было много, но занимать ихъ, во избѣжаніе скандала, мы не стали. Часа черезъ два въ купэ вошелъ офицеръ, которому было оставлено мѣсто. Мать начала, было, тебя будить, но офицеръ милостиво разрѣшилъ вамъ остаться. Мать пристроилась въ уголку и взяла тебя на колѣни. А офицеръ вытянулся на диванѣ и захрапѣлъ.

*　　*
*

Въ Вильнѣ насъ постигла большая неудача. Хотя въ Минскѣ пропуски и выдавались до Варшавы, но въ Вильнѣ ихъ нужно было визировать въ жандармеріи, для чего приходилось ѣхать черезъ весь городъ. Г-жа К—на, слегка говорящая по-польски, рѣшила попытаться визировать ихъ у вокзальныхъ жандармовъ. Я былъ противъ этого, она пошла одна со своими пропусками, и черезъ десять минутъ вернулась съ визой.

— Пойдемте, я устрою и вамъ, пригласила она.

Я сдуру согласился и мы пошли. Но офицеръ, давшій ей пропускъ, уже ушелъ, а его замѣститель заупрямился и велѣлъ обыскать наши вещи. Когда дѣло дошло до моихъ рукописей, онъ заявилъ, что не беретъ на себя отвѣтственности и долженъ отправить рукописи въ контръ-развѣдку. Я тщетно возражалъ ему, что рукописи были просмотрѣны трижды: на позиціяхъ, въ Смолевичахъ и въ Минскѣ.

— Если бы у васъ на пропускѣ былъ штемпель Минской контръ-развѣдки, я пропустилъ бы васъ, а безъ него не могу.

Впослѣдствіи я досмотрѣлся, что хотя штемпеля и не было, но въ текстѣ пропуска значилось, что онъ выданъ съ разрѣшенія контръ-развѣдки за такимъ-то номеромъ. Офицеру же было лѣнь прочитать пропускъ. Въ концѣ концовъ, меня посадили на извозчика и отправили съ конвойнымъ въ контръ-развѣдку. Тамъ меня продержали съ 11 ч. до 5 ч. въ ожиданіи начальника. Послѣдній явился сильно на веселѣ, распространяя вокругъ себя запахъ водки, и съ маху объявилъ мнѣ, что я арестованъ, что въ Варшаву меня не пустятъ и навѣрное отправятъ обратно въ Россію. Съ большимъ трудомъ удалось убѣдить его разрѣшить намъ остановиться въ гостиницѣ. Угрозы отправить обратно я не испугался, ибо достаточно хорошо ознакомился съ психологіей польскихъ властей, чтобы понять, что это только очередное издѣвательство. Меня безпокоило одно — какъ бы онъ не вздумалъ оставить у себя рукописей. Дѣло въ томъ, что уѣзжая изъ Минска, я рѣшилъ денегъ больше не показывать и задѣлалъ ихъ въ переплетъ бювара, который оказался съ рукописями. Но дѣло обошлось благополучно. Получивъ разрѣшеніе на прописку въ гостиницѣ, и давъ подписку о невыѣздѣ, я забралъ рукописи и безпрепятственно выбрался изъ канцеляріи. Извозчиковъ не было. Тяжелыя папки оттягивали руки, и я почти рысью бѣжалъ къ вокзалу по пустой, почти не освѣщенной

улицѣ окраины города, боязливо оглядываясь, какъ бы меня не ограбили. Случись это, мы остались бы нищими въ двухъ смѣнахъ бѣлья.

Поѣздъ на Варшаву съ К—ными ушелъ. А бабка и мать сидѣли на вокзалѣ сами не свои, не зная, что думать о моемъ исчезновеніи. Поѣхали въ городъ, и на этотъ разъ намъ повезло: мы нашли два хорошихъ, почти европейскихъ, номера.

Зная, что въ Вильно открытъ университетъ, я съ утра отправился къ ректору, каковымъ оказался петроградскій хирургъ З—ій. Выслушавъ мои злоключенія, онъ улыбнулся угрозѣ отправить меня въ Россію и написалъ, кому слѣдуетъ, обо мнѣ письма. Тѣмъ не менѣе мнѣ пришлось просидѣть въ «почекальнѣ» контръ-развѣдки еще два дня и еще два дня любоваться нравами освобожденной Польши. Съ утра до вечера тамъ толпились евреи, приходившіе хлопотать объ освобожденіи арестованныхъ родственниковъ. О томъ, какъ съ ними обращались, я предпочту умолчать: ужъ очень омерзительно переживать все сначала. Со многими изъ нихъ я разговаривалъ, и они горько жаловались на безобразія, творимыя польскими жандармами. Никто не зналъ, за что арестованы родственники. Большинство было схвачено на улицѣ ни съ того, ни съ сего. И сидѣли они въ тюрьмѣ недѣлями.

Къ вечеру второго дня начальникъ контръ-развѣдки потребовалъ меня передъ свои, помутившіяся отъ водки, очи и объявилъ мнѣ, что я могу ѣхать дальше.

Вильно въ то время переживала кризисъ мелкихъ денегъ. Получить въ лавкѣ сдачу со 100 марокъ было почти невозможно. На дорогу же достать мелочи было необходимо. И я, зная, что склонность къ издѣвательству надъ слабѣйшимъ всегда сопутствуетъ въ характерѣ привычкѣ пресмыкаться передъ сильнѣйшимъ, рѣшилъ снахальничать. Зашелъ въ Государственный Банкъ и, пользуясь тѣмъ, что у меня недурной французскій выговоръ, разыгралъ француза, прося размѣнять двѣсти марокъ. Кассиръ побѣжалъ къ начальству, оба подошли къ окошечку и, пыжась изо всѣхъ силъ, на невообразимомъ французскомъ языкѣ стали извиняться, что могутъ размѣнять только сто марокъ.

*　　*
*

Поѣздъ отходилъ въ пять часовъ вечера. Спальныя мѣста расписывались за 3—4 недѣли впередъ и думать о нихъ было нечего. Мы много наслышались объ ужасахъ предстоящаго путешествія, но то, что намъ пришлось пережить до Варшавы превосходитъ всякое воображеніе, даже совѣтское. Мы взяли билеты второго класса и я обѣщалъ носильщику изрядное вознагражденіе, если онъ сумѣетъ достать намъ приличныя мѣста. Онъ забралъ вещи и сказалъ, что на платформу онъ выйдетъ другими дверями и что мы найдетъ его около вагона II класса. Подошелъ поѣздъ, охраняемый вооруженными солдатами. Я спросилъ ихъ, гдѣ II классъ.

— Вотъ, указалъ онъ на III-ій.

— Это же III-ій.

— Другихъ нѣтъ, всѣ сгорѣли.

На дебаркадерѣ была огромная толпа и у каждой дверцы вагона образовалась очередь. Стали въ очередь и мы. Носильщика не было. Скоро

дверцы открыли, толпа насъ смяла и мы остались и безъ мѣста, и безъ носильщика. Не получивъ мѣстъ, я рѣшилъ разыскать хоть вещи и побѣжалъ вдоль дебаркадера.

— Баринъ, баринъ, куда вы пропали? Я занялъ три мѣста, раздался изъ вагона голосъ носильщика.

Онъ выглядывалъ въ дверь вагона II класса, сидя на нашихъ чемоданахъ. Я побѣжалъ за вами, но пока мы пришли, два мѣста у носильщика отбили и осталось только одно. На немъ устроилась мать съ тобой, а мы съ бабкой остались стоять между скамьями. Купэ было съ боковой дверью и между скамьями кромѣ насъ стояло еще три человѣка. Минутъ черезъ пять къ намъ заглянулъ кондукторъ и сказалъ, что рядомъ пустое купэ I класса. Кто желаетъ доплатить, можетъ перейти. Мы бросились туда, но удалось захватить только два мѣста. Перешли бабка, мать и ты, а я остался сидѣть во второмъ классѣ. Когда поѣздъ отошелъ, въ нашемъ семимѣстномъ купэ было двѣнадцать человѣкъ. Съ первыхъ же станцій поѣздъ началъ осаждаться солдатами. Они лѣзли во всѣ вагоны съ огромными мѣшками за спинами, съ ружьями, патронташами и прочей амуниціей. Одинъ такой навьюченный солдатъ занималъ мѣста столько, сколько три обыкновенныхъ человѣка. А ихъ въ наше купэ набилось очень скоро душъ пять. Каждая посадка такого солдата сопровождалась неимовѣрнымъ скандаломъ, публика запирала дверь и кричала ему:

— Въ войсковый вагонъ!

А онъ начиналъ колотить прикладомъ въ стекло. Рискуя остаться съ выбитымъ окномъ (морозъ стоялъ около 20 гр.), пассажиры открывали дверь и онъ, сбивая всѣхъ съ ногъ, вваливался въ вагонъ.

Въ Гродно на вокзалѣ творилось нѣчто невообразимое. Поѣздъ брался приступомъ, и на вокзалѣ стоялъ положительный ревъ. За нѣсколько минутъ до отхода поѣзда въ наше купэ вошелъ комендантъ и, заявивъ, что офицерамъ нужно два мѣста, потребовалъ, чтобы я и мой сосѣдъ перешли въ другое купэ. Спорить не приходилось. Но войти въ другое купэ было почти немыслимо и я сказалъ ему, что я останусь стоять.

— Алле прошу пана, закричалъ комендантъ и ухватилъ меня за воротникъ. Я едва успѣлъ захватить свертокъ съ рукописями и деньгами и очутился на платформѣ. Тамъ творился настоящій адъ. Всѣ двери вагоновъ были заперты изнутри, и въ нихъ, отчаянно ругаясь, ломилась толпа штатскихъ людей и сверхъ мѣры навьюченныхъ солдатъ. Я вскочилъ на подножку вашего купэ, прижавъ животомъ къ стѣнкѣ вагона рукописи и ухватившись одной рукой за поручень, а другой неистово барабаня въ окно. Поѣздъ тронулся и я остался висѣть. На мое счастье выглянула бабка, разсмотрѣла, кто стучитъ, и меня впустили. Войти я не могъ, ибо въ пятимѣстномъ купэ было уже двадцать два человѣка съ очень большимъ багажемъ и на полу не было мѣста, куда можно было бы поставить ногу. Меня втащили на чьи-то колѣни. У бабки на колѣняхъ сидѣлъ навьюченный солдатъ. Ты лежалъ въ узенькой щели между двумя чемоданами, головой внизъ и неистово колотилъ ногами чью-то спину, крича:

— Не мѣшай Лодкѣ!

Въ вагонѣ было не меньше 30° Р., но мы всѣ были въ шубахъ, ибо снять ихъ за тѣснотой не было возможности. Прошло съ полчаса, и за отсутствіемъ кислорода началъ тухнуть газъ. Распахнули дверь и въ купэ ворвался

свѣжій морозный воздухъ. Газъ разгорѣлся и стало возможно дышать. Такъ мы ѣхали всю ночь, открывая каждые полчаса дверь и заставляя температуру купэ все время скакать на 50° вверхъ и внизъ.

* *

*

Въ Варшаву пріѣхали часовъ въ 9 утра. Я сейчасъ же побѣжалъ по адресу знакомыхъ К—на. Оказалось, что онъ съ женою живетъ въ гостинницѣ въ одномъ номерѣ съ двумя почти незнакомыми дамами, пріютившими ихъ. О томъ, чтобы достать номеръ или комнату, и думать было нечего. И я рѣшилъ ѣхать въ Жирардовъ, куда имѣлъ отъ одного Минскаго врача рекомендательное письмо къ его родственникамъ, П—амъ. Ихъ было три брата — старшіе фабриканты и младшій военный врачъ, оказавшійся моимъ ученикомъ. Это была хорошая трудовая еврейская семья. Начали они изъ ничего и развили собственнымъ горбомъ большое текстильное дѣло. Но война ихъ совершенно разорила. Фабрика стояла и старшіе братья открыли небольшое заведеніе минеральныхъ водъ, чѣмъ они и жили. Въ Жирардовъ мы пріѣхали около четырехъ часовъ и сейчасъ же начались поиски квартиры. Прежде всего мы отправились въ гостинницу фабрики Гилле и Дитрихъ. Тамъ насъ встрѣтилъ толстый, важный полякъ въ венгеркѣ. Выслушалъ и коротко отрѣзалъ:

— Свободныхъ комнатъ нѣтъ.

— Подлецъ! сказалъ мнѣ, выйдя на улицу, П. Вѣдь я же навѣрное знаю, что у него нѣтъ ни одного жильца.

Оттуда прошли въ ужасающую, еврейскую гостинницу, гдѣ удалось достать комнату съ тремя кроватями, тремя стульями и однимъ столикомъ. На стѣнѣ не было даже гвоздя, чтобы повѣсить платье. Одно стекло въ окнѣ было выбито. Но мы такъ измучились за дорогу, что ни о чемъ не думали, и у всѣхъ было одно желаніе — лечь и заснуть. Подъ утро у бабки начался астматическій припадокъ — она простудилась въ вагонѣ. Шестичасовымъ поѣздомъ я поѣхалъ въ Варшаву за адреналиномъ, который одинъ только и облегчалъ ея припадки. И потянулись кошмарные дни. Она сидѣла скрючившись на отвратительной постели, не въ силахъ двинуть ни рукой, ни ногой. Въ комнатѣ была неистовая грязь, въ разбитое окно дуло. Ты томился и шкодилъ съ утра до ночи...

На четвертый день ей стало немного лучше и стало возможно думать о переѣздѣ. Я пошелъ къ директору фабрики Гилле и Дитрихъ, отрекомендовался другомъ одного изъ прежнихъ директоровъ А., живущаго въ Берлинѣ, и просилъ помочь мнѣ въ пріисканіи комнаты. Онъ позвалъ чиновника и велѣлъ проводить меня въ фабричную гостинницу. П. оказался правъ: она стояла пустая, и мы вечеромъ переѣхали, занявъ двѣ комнаты. Но тамъ оказалось немногимъ лучше, чѣмъ въ нашей гостинницѣ. Д-ръ П. скоро подыскалъ намъ двѣ приличныя комнаты въ семьѣ и черезъ недѣлю, когда бабка совсѣмъ поправилась, мы туда переѣхали и зажили своимъ хозяйствомъ.

Въ Жирардовѣ мы прожили шесть недѣль. Съ первыхъ же дней жизнь сложилась такъ, что я съ утра уѣзжалъ въ Варшаву по дѣламъ и пріѣзжалъ въ 5—6 часовъ вечера. А дѣла у меня были слѣдующія. Я вывезъ изъ Москвы краткосрочныя обязательства и мнѣ нужно было обратить хоть

часть ихъ въ польскія марки. Это оказалось нелегкимъ дѣломъ. Во вторыхъ нужно было получить разрѣшеніе на выѣздъ въ Германію. А это, пожалуй, было еще труднѣе.

На второй или третій день по пріѣздѣ я переходилъ Іерусалимскія аллеи, направляясь къ вокзалу.

— Профессоръ Д.! услышалъ я вдругъ позади окликъ.

Оглянулся и вижу, ко мнѣ бѣжитъ, подобравъ тяжелую кавалерійскую саблю, блестящій польскій офицеръ.

— Батюшки, подумалъ я, сейчасъ скажетъ, что я арестованъ и что меня завтра отправятъ къ большевикамъ.

Но оказалось совсѣмъ другое. Въ блестящемъ гвардейцѣ я насилу узналъ бывшаго своего фельдшерскаго ученика С. Онъ прослужилъ у меня въ военномъ госпиталѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Я очень цѣнилъ его, какъ интеллигентнаго человѣка, звалъ по имени и отчеству и не мѣшалъ ему жить на частной квартирѣ, что уставомъ воспрещалось. Добра никакого я ему не дѣлалъ, но жизни не отравлялъ и относился къ нему по-человѣчески. Оказалось, что за такое вполнѣ естественное отношеніе онъ очень привязался ко мнѣ и обрадовался мнѣ, увидѣвъ меня въ Варшавѣ, какъ родному. Онъ служилъ въ конвоѣ президента республики, а отецъ его занималъ видное положеніе въ министерствѣ путей сообщенія. Онъ затащилъ меня къ себѣ и я провелъ не одинъ пріятный вечеръ въ этой хорошей семьѣ, щедро отплатившей мнѣ за то немногое, что я сдѣлалъ для ея любимца. До сихъ поръ я вспоминаю съ удовольствіемъ одну характерную картинку. Жирардовскій жандармскій вахмистръ началъ меня притѣснять. Когда молодой С. узналъ объ этомъ, онъ сказалъ:

— Завтра я къ вамъ заѣду, и мы все уладимъ.

На другой день онъ, гремя своей саблей, вошелъ со мной въ канцелярію и отрекомендовалъ меня, какъ своего давнишняго друга. Вахмистръ недовѣрчиво взглянулъ на него и попросилъ его предъявить свои документы. Тотъ небрежно выкинулъ на столъ билетъ съ печатью Бельведерскаго дворца. Вахмистръ, увидя печать, такъ и распластался и послѣ этого, встрѣчаясь со мной, онъ сталъ очень почтительно отдавать мнѣ честь.

*   *
*

Какъ я тебѣ сказалъ, мнѣ ежедневно приходилось ѣздить въ Варшаву. Уѣзжалъ я раннимъ поѣздомъ, ибо до Варшавы было два часа ѣзды. Съ этимъ же поѣздомъ ѣхали спекулянты, главнымъ образомъ евреи. Спекулировали они преимущественно хлѣбомъ, который въ Варшавѣ былъ почему-то вдвое дороже, чѣмъ въ Жирардовѣ. На вокзалѣ былъ строжайшій контроль. У будки, гдѣ провѣрялись билеты при выходѣ на перронъ, всегда стояла пара солдатъ съ ружьями, которые тщательно осматривали багажъ, не оставляя неоткрытымъ ни одного чемодана, ни одного мѣшка. Ежедневно я былъ свидѣтелемъ, какъ они задерживали двухъ-трехъ евреекъ съ запретнымъ товаромъ, — десяткомъ яицъ или парой фунтовъ хлѣба, — поднимавшихъ неистовый крикъ на всю станцію. А входя въ вагонъ, я видѣлъ неизмѣнно одну и ту же картину: всѣ сѣтки для багажа были завалены хлѣбомъ, лежащимъ въ вагонѣ совершенно открыто. Въ Варшавѣ хлѣбъ

этотъ продавался на подъѣздѣ вокзала и спекулянты первымъ же поѣздомъ возвращались въ Жирардовъ.

Пріѣхавъ въ Варшаву, я забѣгалъ на минутку къ К—нымъ, которые жили у самаго вокзала, а потомъ шелъ продавать свои «коротышки». На оффиціальной биржѣ онѣ совсѣмъ не котировались, и это явилось для меня большимъ ударомъ, ибо въ биржевыхъ дѣлахъ я былъ совершеннымъ профаномъ и очень боялся оказаться обобраннымъ. Къ счастью я встрѣтился случайно съ двумя московскими биржевиками, которые вошли въ мое положеніе и взялись мнѣ помочь. Они посовѣтовали мнѣ, запросить телеграфно А. въ Берлинѣ о цѣнѣ этихъ бумагъ. Я еще былъ настолько проникнутъ совѣтской психологіей, что открылъ ротъ.

— Телеграфировать о такомъ дѣлѣ? Да развѣ это мыслимо?..

Они отъ души расхохотались и тутъ же составили мнѣ телеграмму. Отвѣтъ пришелъ черезъ день. Онъ былъ кратокъ, но категориченъ: бумага не котируется. Я былъ совсѣмъ убитъ. Когда я уѣзжалъ, я думалъ, что вывожу съ собою сумму, которая обезпечитъ насъ лѣтъ на десять. А по цѣнамъ подпольной биржи выходило, что моихъ коротышекъ едва ли хватитъ на годъ. Мои биржевики предложили меня свести съ подпольной биржей, посовѣтовали выждать недѣли двѣ, наблюдая ежедневно за курсомъ, и, во всякомъ случаѣ, избавиться отъ бумагъ въ Варшавѣ. И вотъ я попалъ въ совершенно невѣдомый мнѣ доселѣ кругъ спекулянтовъ. Собирались они въ кафе Люрсъ на Новомъ Свѣтѣ. Войдя въ кафе, я отыскивалъ какого-нибудь знакомаго и подсаживался за его столикъ. Начиналась бесѣда о царскихъ, думскихъ, краткосрочныхъ, каратахъ и проч., и проч. Подходили другіе биржевики. Забѣгали зайцы, исполнявшіе порученія биржевиковъ, которымъ вмѣсто привѣтствія подавались два пальца лѣвой руки. Публика была разношерстная. Среди нихъ имѣлись настоящіе биржевые рвачи съ огромными бриллiантами на пальцахъ и въ галстухахъ, съ увѣсистыми золотыми портсигарами. Толкался среди нихъ одинъ жандармъ изъ контръ-развѣдки, сообщавшій имъ свѣдѣнія о положеніи на «внутреннемъ фронтѣ», который, какъ извѣстно, имѣетъ огромное вліяніе на жизнь биржи. Было много русскихъ эмигрантовъ, попавшихъ сюда случайно и такъ же, какъ и я, застрявшихъ здѣсь. Они торговали чѣмъ придется. Особенно хорошо осталось у меня въ памяти одно утро, когда я сидѣлъ за столикомъ съ капитаномъ второго ранга балтійскаго флота, извѣстнымъ московскимъ антикваріемъ изъ Леонтьевскаго переулка и ассистентомъ при кафедрѣ химіи въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ. Капитанъ второго ранга продавалъ чей-то домъ въ Москвѣ, національзированный большевиками, антикварій носился съ партіей бриллiантовъ, а химикъ все свое будущее строилъ на старинной табакеркѣ, увѣряя, что онъ имѣетъ документальное доказательство, будто изъ нея однажды изволилъ понюхать Людовикъ XIV.

Около двухъ недѣль провелъ я въ этой компаніи. Коротышки мои то поднимались, то опускались на два пфеннига. И я рѣшилъ произвести наконецъ чревосѣченіе. Посовѣтовавшись со своими биржевиками, я продалъ ихъ всѣ въ одинъ день. Въ Жирардовъ я пріѣхалъ съ опустошенными карманами и тяжелымъ сердцемъ. Единственное, что меня утѣшало — это сознаніе, что мнѣ уже не нужно ходить къ Люрсу.

Закончивъ денежныя дѣла, я принялся хлопотать о визѣ въ Берлинъ. Отправилъ А. телеграмму съ просьбой исхлопотать въѣздъ, а самъ принялся

за хлопоты о выѣздѣ. Это было не легко, ибо поляки очень косо и недружелюбно смотрѣли на тѣхъ, кто ѣдетъ въ Германію, и визы въ Германію были обставлены всякими затрудненіями: нужно было пройти черезъ цѣлый рядъ учрежденій — контръ-развѣдку, генеральный штабъ, столичную полицію, министерство иностранныхъ дѣлъ и т. д. Короче, скажу тебѣ, что когда я прошелъ все это, двѣ страницы моего паспорта in quarto оказались заполнены польскими «пѣтушками» — это были все визы на выѣздъ. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ мнѣ очень помогли отецъ и сынъ С., которые самоотверженно сопровождали меня во всѣхъ хожденіяхъ по визамъ. Тамъ, гдѣ люди стояли въ очереди по 6—7 часовъ, они проводили меня съ задняго крыльца и устраивали дѣло въ одинъ моментъ. Я очень рекомендовалъ К—ну, воспользоваться любезностью С. и выхлопотать себѣ выѣздъ въ Германію. Но онъ почему-то очень боялся Берлина, ожидая тамъ большевистскаго переворота, и рѣшилъ ждать разрѣшенія ѣхать въ Парижъ. И онъ жестоко поплатился за это. Мы уѣхали въ Берлинъ, а онъ остался въ Варшавѣ и досидѣлся до большевистскаго наступленія. Большевики подкатились къ Варшавѣ, а визы у него все не было. Онъ метался, какъ угорѣлый изъ консульства въ консульство и вездѣ получалъ отказы. Наконецъ онъ прослышалъ, что даетъ визы греческій консулъ. Бросился къ нему, получилъ визу; на основаніи ея ему дали проѣздную чешскую визу и онъ, наконецъ, выкатился въ Прагу и дальше въ Римъ. А въ Римѣ греческій консулъ, увидя его визу, посовѣтовалъ ему, ея никому не показывать, во избѣжаніе недоразумѣній, ибо въ Варшавѣ въ то время греческаго консула не было. Визу же ему проставилъ какой-то проходимецъ, который, пользуясь всеобщей сумятицей въ Варшавѣ, заказалъ себѣ соотвѣтственныя печати и взималъ въ свою пользу плату за визы. Собралъ онъ такимъ образомъ не малую сумму, ибо за греческой визой валомъ валила убѣгающая отъ большевистскаго наступленія публика.

Въ своихъ хожденіяхъ по визамъ я ознакомился со столичными порядками въ Польшѣ. То, что я видѣлъ до сихъ поръ, я склоненъ былъ объяснять сутолокою на фронтѣ, ибо и Минскъ, и Вильно были все-таки прифронтовой полосой. Я все думалъ, что въ столицѣ будетъ лучше. Увы! здѣсь было то же самое и своими организаціонными талантами поляки мнѣ очень напоминали большевиковъ. Я какъ-то попалъ съ С—имъ къ ратушѣ и увидѣлъ всю площадь запруженную народомъ.

— Это результатъ послѣдняго приказа, объяснилъ мнѣ С. Намъ не хватаетъ подвижного состава и рѣшено сократить пассажирское движеніе. Теперь билеты на вокзалѣ выдаются только имѣющимъ разрѣшеніе на поѣздку. Это все желающіе выѣхать изъ Варшавы. Но это, конечно, скоро будетъ отмѣнено.

Приказъ былъ дѣйствительно отмѣненъ. Но ратуша бралась приступомъ еще дней семь.

Войдя въ жирардовскую жизнь, я тоже столкнулся съ дезорганизаціей, которая била въ глаза вездѣ и во всемъ. Огромная фабрика Гилле и Дитрихъ, снабжавшая когда-то всю Россію чудесными тканями, стояла почти безъ дѣла. Почти — я говорю больше изъ деликатности. Ибо фабрика дѣлала только дерюгу. Можетъ быть это было изъ-за недостатка сырья, а можетъ быть по другой причинѣ. Судить не берусь. Но могу сообщить тебѣ такой фактъ. На фабрикѣ былъ инженеръ нѣмецъ, котораго польскіе рабочіе

потребовали удалить и замѣнить полякомъ. Удалить нѣмца — удалили. А замѣнить его полякомъ не смогли, ибо нужнаго спеціалиста не нашлось. Въ концѣ концовъ дирекція придумала компромиссный выходъ. Нѣмецъ поселился въ Варшавѣ и на фабрику не показывался, завѣдывая дѣломъ черезъ ѣздившаго къ нему ежедневно для распоряженія замѣстителя.

Въ одномъ домѣ съ нами помѣщалась комиссія по борьбѣ со спекуляціей. Это было тоже любопытное учрежденіе. Водили туда исключительно евреевъ. Одного приволокутъ съ десяткомъ яицъ, другого съ фунтомъ колбасы. Крику, бывало, не оберешься. Нерѣдко на улицѣ приходилось видѣть и такую картину. Рядомъ съ покрытой байковымъ одѣяломъ еврейкой важно выступаютъ два жандарма, лѣниво зѣвая по сторонамъ. Подъ байковымъ одѣяломъ ясно обозначены узлы съ товаромъ. Когда арестованная входитъ въ домъ, площадка лѣстницы оказывается запруженной толпой евреевъ. Всѣ обступаютъ конвойныхъ, которые начинаютъ пинками прочищать себѣ дорогу. А тѣмъ временемъ изъ толпы подъ одѣяло протягиваются руки и узлы перекочевываютъ подъ широчайшіе лапсердаки. Толпа постепенно рѣдѣетъ и арестованная входитъ въ комиссію почти безъ всякихъ вещественныхъ доказательствъ своего преступленія. Комиссія работала во всю, а цѣны въ Жирардовѣ все росли и росли. За шесть недѣль нашего пребыванія тамъ нѣкоторые пищевые продукты вздорожали почти вдвое.

Мы часто говорили съ братьями П. о грядущихъ судьбахъ Польши и сходились на томъ, что полякамъ не подъ силу выполнить задачу организаціи могущественнаго государства и что Великая Польша — мертворожденное дѣтище мудрыхъ политиковъ Антанты. И одинъ изъ братьевъ очень мѣтко опредѣлилъ основную черту національнаго характера поляковъ.

— Что они могутъ сдѣлать, если въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ пыха? (пыхъ — по-польски значитъ темпераментъ).

* *
*

На пятой недѣлѣ пребыванія въ Жирардовѣ отъ А. пришло извѣстіе, что мнѣ разрѣшенъ въѣздъ въ Германію. Съ визой же бабки и матери встрѣтилось затрудненіе. Выѣздныя визы были получены, сидѣть въ Жирардовѣ намъ надоѣло, и мы рѣшили переѣхать въ Познань. Тамъ имѣлось германское консульство, котораго не было въ Варшавѣ, а потому было удобнѣе хлопотать о въѣздѣ матери и бабки. С. устроилъ намъ спальныя мѣста (не стоячія, какъ въ Минскѣ, а настоящія) и мы доѣхали съ шикомъ. Въ Познани мы совершенно ожили. Это была настоящая, подлинная Германія, съ ея образцовой организаціей, съ европейскими гостинницами, съ хорошими магазинами, съ настоящимъ нѣмецкимъ пивомъ и съ цѣнами втрое ниже, чѣмъ въ Варшавѣ. Польшей въ Познани даже не пахло (я разумѣю частную жизнь, а не присутственныя мѣста). На улицахъ отъ Польши были только пьедесталы памятниковъ безъ фигуръ, да переименованныя улицы. Что за мука была съ этими улицами! Новыя названія существовали только на дощечкахъ. А адреса давались по старымъ. Ищешь, ищешь бывало Фридрихштрассе, а оказывается она совсѣмъ не Фридрихштрассе, а Почтовая улица. Или спрашиваешь, какъ пройти на улицу Марцинкевича, а спрошенный наморщитъ лобъ и думаетъ:

— Постойте, кажется Вильгельмштрассе теперь улица Марцинкевича. Нѣтъ, улица Марцинкевича — это Луизенштрассе, а Вильгельмштрассе — улица Адама Мицкевича. Кажется такъ. Направо третья улица.

Придешь, куда показано, и видишь дощечку: улица Стефана Баторія.

Побывалъ въ больницѣ. Порядки остались нѣмецкіе, но врачи оказались другіе. Прозекторомъ вмѣсто міроваго патолога-анатома, сидѣвшаго раньше въ Познани, я нашелъ молодого, совсѣмъ неопытнаго польскаго врача.

Познань до такой степени очаровала всѣхъ насъ, что у меня явилась совершенно дикая мысль — попытаться устроиться во вновь открытомъ познанскомъ университетѣ. По существу мысль была не совсѣмъ дикая. Ибо я отлично зналъ, что среди поляковъ есть только одинъ представитель моей спеціальности въ Варшавѣ, и что нѣмца поляки на кафедру не пустятъ. Пошелъ къ ректору. Таковымъ оказался дѣльный гинекологъ нѣмецкой школы. Онъ очень одобрилъ мою мысль и посовѣтовалъ сходить къ министру. (Познань управлялась своимъ собственнымъ кабинетомъ министровъ.) Тотъ выслушалъ меня и спросилъ:

— На какомъ же языкѣ вы будете читать?

— Конечно на польскомъ. Я полагаю, что русскому можно овладѣть языкомъ очень быстро.

— Видите ли, мы полонизируемъ этотъ край. И мы вправѣ требовать, чтобы профессора наши не только владѣли польскимъ языкомъ, а и говорили на немъ безъ всякаго акцента. Иностранцу же этого добиться трудно.

Я вспомнилъ осиротѣвшій анатомическій театръ и отъ души пожалѣлъ этотъ цвѣтущій край, отданный мудрыми руководителями Антанты во власть польскаго «пѣтушка». Послѣ этого я побывалъ въ лабораторіяхъ вновь открытаго университета. Большинство ихъ ютилось въ подвалахъ чудеснаго королевскаго дворца. Замѣщенными оказались только нѣсколько кафедръ. Да и тѣ замѣщены были довольно своеобразно. Такъ, на кафедрѣ ботаники сидѣлъ фармацевтъ изъ Варшавы. Правда, по-польски онъ говорилъ безъ акцента.

Я много слышалъ въ Варшавѣ о враждѣ познанцевъ къ Германіи. Но въ городѣ, по крайней мѣрѣ, я этой вражды не видѣлъ. На улицѣ преобладала нѣмецкая рѣчь. Въ магазинахъ тоже достаточно было заговорить по-нѣмецки, чтобы встрѣтить самое предупредительное отношеніе. Такъ, напримѣръ, благодаря нѣмецкому языку я легко доставалъ тебѣ молоко безъ карточекъ. А проявленіе враждебнаго отношенія къ полякамъ я видѣлъ весьма ясное. Такъ, напримѣръ, Познань, изобилующая пищевыми продуктами, установила таможенную блокаду Польши. Мнѣ пришлось изъ-за визъ съѣздить обратно въ Варшаву и я былъ несказанно удивленъ таможенному досмотру между Познанью и Польшей. Досмотръ былъ настолько строгъ, что у моего сосѣда по купэ познанцы отобрали фунтъ колбасы и полъ фунта конфетъ. Изъ этого путешествія я приведу тебѣ два красочныхъ эпизода. Когда я вошелъ въ вагонъ въ Познани, всѣ купэ оказались запертыми и на нихъ висѣли билетики «резервировано». Публика столпилась въ коридорѣ. Была невѣроятная давка. Затѣмъ явился кондукторъ и началъ по очереди открывать купэ, впуская публику по своему выбору и принимая мзду. Кто не догадался уплатить, остался въ коридорѣ. Таможенный же досмотръ, о которомъ я только-что сказалъ, велся такъ.

Публику высадили изъ вагона и загнали съ вещами въ залъ, откуда по одному человѣку впускали въ смотровую. У дверей была неимовѣрная давка, визжали женщины, плакали дѣти. А по прилавку зала (это была прежняя русская таможня на границѣ Германіи), возвышаясь надъ толпою, важно расхаживалъ со стекомъ въ рукахъ польскій жандармскій офицеръ и издѣвался надъ публикой. Публика отвѣчала негодующими криками. Къ чему сводился діалогъ, я не могъ разобрать, но съ устъ офицера то и дѣло неслось по адресу публики презрительное:

— Быдло!

Діалогъ закончился для офицера довольно неожиданно. На прилавкѣ появилась штатская фигура и вѣжливо, но настойчиво попросила офицера пройти съ нимъ къ коменданту. Офицеръ смѣрилъ говорившаго презрительнымъ взглядомъ, откинулся весьма картинно назадъ и, небрежно помахивая стекомъ, освѣдомился, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить.

— Депутатъ Сейма имя рекъ, былъ отвѣтъ.

Офицеръ какъ-то сразу, словно заводная кукла, перевелъ свой небрежный уклонъ назадъ и въ бокъ въ почтительнѣйшій поклонъ прямо впередъ, отдалъ честь и покорно сошелъ съ прилавка.

* *
*

Въ Познани мы провели двѣ недѣли и отпраздновали Пасху. Вскорѣ послѣ пріѣзда установилась теплая весенняя погода. Мы пріодѣлись и цѣлые дни проводили на воздухѣ въ скверахъ и садахъ. Наша гостинница стояла на углу главной улицы и у насъ въ номерѣ былъ чудесный балконъ. Я очень любилъ сидѣть на немъ съ тобою и наблюдать, какъ все твое маленькое существо инстинктивно переполнялось радостью, ощутивъ впервые біеніе пульса культурной жизни. Подъ нами пробѣгали въ трехъ направленіяхъ трамваи, ѣздили извозчики, катались велосипедисты, сновали пѣшеходы. Ты привѣтствовалъ радостнымъ визгомъ каждый трамвай, каждый велосипедъ, и оглядывался во всѣ стороны, крича:

— И тамъ вагончикъ! И тамъ вагончикъ!

Я никакъ не думалъ, чтобы двухлѣтній ребенокъ могъ такъ ярко воспринять уличную жизнь большого города.

Когда уладилось дѣло съ германскими визами, оказалось, что я зря таскалъ бѣдныхъ С—хъ по Варшавскимъ канцеляріямъ: варшавскія разрѣшенія для Познани не имѣли значенія и волынку пришлось начать сначала по Познанскимъ канцеляріямъ. Въ результатѣ паспортъ мой украсился новой серіей «пѣтушковъ». Наконецъ, всѣ формальности были выполнены, и мы могли проститься съ Польшей. Поѣздъ былъ почти сплошь заполненъ нѣмцами, бѣгущими отъ поляковъ. Какая разница была въ отношеніи ихъ къ намъ съ тѣмъ, къ чему мы привыкли въ польскихъ поѣздахъ! Черезъ полчаса тебя уже зналъ весь вагонъ.

— А, маленькій русскій! привѣтствовали со всѣхъ сторонъ твою подвижную фигурку.

И когда узнавали, что эта фигурка выпивала въ Москвѣ на тысячу рублей въ день молока, со всѣхъ сторонъ неслись удивленные:

— Donnerwetter!..

Въ ихъ представленіи русскій рубль все еще оставался двумя марками и шестнадцатью пфеннигами.

Вотъ наконецъ и граница. Поляки въ послѣдній разъ вытрясли наши чемоданы и карманы, въ послѣдній разъ жандармъ уставился на мои рукописи, словно баранъ на новыя ворота. Черезъ пять минутъ мы были уже на Германской территоріи. Чиновникъ быстро обошелъ вагоны, не раскрывъ ни одного чемодана, такой же быстрый осмотръ паспортовъ и — Fertig! Abfahren!..

Черезъ пару часовъ мы слѣзали на Шарлоттенбургскомъ вокзалѣ, убранномъ зеленью и большими надписями «Willkommen in der Heimat!»

Надписи эти относились не къ намъ, но встрѣтившій насъ на вокзалѣ другъ мой А. такъ горячо и искренно обнималъ насъ, новые знакомые по вагону такъ дружески кивали намъ на прощаніе, что намъ казалось, будто и мы немного причастны къ радушному пріему, будто и насъ привѣтствуетъ новая Родина.

Документы и дневники

Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны

(1918—1920 гг.)

1. ОСОБОЕ СОВѢЩАНІЕ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІЕЙ

Эпоха гражданской войны на Югѣ Россіи, начавшаяся въ первыхъ числахъ ноября 1917 года, когда генералъ Алексѣевъ приступилъ въ Новочеркасскѣ къ формированію Добровольческой Арміи, и закончившаяся въ ноябрѣ 1920 г. эвакуаціей Крыма войсками генерала Врангеля, распадается на нѣсколько періодовъ. Можно различать періоды Корниловско-Алексѣевскій (ноябрь 1917 г.—апрѣль 1918 г.), Деникинско-Алексѣевскій (апрѣль—сентябрь 1918 г.), Деникинскій (сентябрь 1918 г.—мартъ 1920 г.) и Врангелевскій (мартъ—ноябрь 1920 г.). Въ первомъ періодѣ Добровольческой Арміей командовалъ генералъ Корниловъ; создатель Арміи генералъ Алексѣевъ, формально не занимая никакой должности, неизмѣнно находился при Арміи, завѣдывалъ ея финансами и поддерживалъ сношенія съ тяготѣвшими къ ней общественно-политическими группировками. Послѣ смерти генерала Корнилова, убитаго подъ Екатеринодаромъ 30 марта 1918 г., командованіе Арміей перешло къ генералу Деникину. Положеніе генерала Алексѣева оставалось безъ перемѣнъ и только 18 августа того же года въ Екатеринодарѣ онъ принялъ званіе Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи. 25-го сентября генералъ Алексѣевъ скончался, должность Верховнаго Руководителя отпала, а генералъ Деникинъ принялъ званіе Главнокомандующаго Добровольческой Арміей.

Къ тому же времени относится введеніе въ дѣйствіе печатаемаго ниже «Положенія объ Особомъ Совѣщаніи при Верховномъ Руководителѣ Добровольческой Арміей», которое за смертью генерала Алексѣева было переименовано въ Особое Совѣщаніе при Главнокомандующемъ Добровольческой Арміей. Иниціатива разработки этого Положенія принадлежала В. В. Шульгину, который лѣтомъ 1918 г. при свиданіи съ генераломъ Алексѣевымъ на Дону указывалъ ему на необходимость созданія при немъ такого высшаго органа гражданскаго управленія и даже составилъ краткій проектъ соотвѣтствующаго приказа. Названіе новаго учрежденія было подсказано воспоминаніями объ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ, членами котораго вмѣстѣ съ В. В. Шульгинымъ былъ и Н. Н. Львовъ, также находившійся при Добровольческой Арміи. В. В. Шульгинъ еще разъ вернулся къ этой мысли въ августѣ, когда командованіе Арміи обосновалось въ Екатеринодарѣ и приняло на себя управленіе очищенными отъ большевиковъ

частями губерній Ставропольской и Черноморской. Новый, болѣе подробный проектъ В. В. Шульгина былъ переработанъ при участіи помощника Верховнаго Руководителя, генерала Драгомирова и окончательно утвержденъ генераломъ Алексѣевымъ 18 августа.

Приложенное къ приказу Верховнаго Руководителя 20 августа 1918 г. № 1 Положеніе объ Особомъ Совѣщаніи почиталось секретнымъ въ виду общей, крайне сложной политической обстановки и было отпечатано лишь въ ограниченномъ числѣ номерованныхъ экземпляровъ. Переговоры о замѣщеніи должностей начальниковъ отдѣловъ затянулись, и первое засѣданіе Особаго Совѣщанія могло состояться только 28 сентября, когда Положеніе о немъ оказалось уже въ значительной степени антиквированнымъ. Предсѣдательствованіе въ Особомъ Совѣщаніи было возложено на помощника Главнокомандующаго по политической части, генерала Драгомирова.

* *

*

«Утверждаю»

Генералъ отъ инфантеріи Алексѣевъ

г. Екатеринодаръ

18 августа 1918 г.

Приложеніе къ приказу Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи 20 августа 1918 г. № 1.

Секретно № ....

Положеніе

объ особомъ совѣщаніи при верховномъ руководителѣ добровольческой Арміи

1) Особое Совѣщаніе имѣетъ цѣлью: а) разработку всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ возстановленіемъ органовъ Государственнаго управленія и самоуправленія въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется власть и вліяніе Добровольческой арміи. б) Обсужденіе и подготовку временныхъ законопроектовъ по всѣмъ отраслямъ Государственнаго устройства, какъ мѣстнаго значенія, по управленію областями, вошедшими въ сферу вліянія Добровольческой арміи, такъ и въ широкомъ государственномъ масштабѣ по возсозданію Великодержавной Россіи въ прежнихъ ея предѣлахъ. в) Организацію сношеній со всѣми областями бывшей Россійской Имперіи для выясненія истиннаго положенія дѣлъ въ нихъ и для связи съ ихъ правительствами и политическими партіями для совмѣстной работы по возстановленію Великодержавной Россіи. г) Организацію сношеній съ представителями державъ согласія, бывшихъ въ союзѣ съ нами, и выработку плановъ совмѣстныхъ дѣйствій въ борьбѣ противъ коалиціи центральныхъ державъ. д) Выясненіе мѣстонахожденія и установленіе тѣсной связи со всѣми выдающимися государственными дѣятелями по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, а также съ наиболѣе видными представителями общественнаго и земскаго самоуправленія, торговли, промышленности и финансовъ, для привлеченія ихъ въ нужную минуту къ самому широкому государственному строительству. е) Привлеченіе лицъ, упомянутыхъ въ п. д. къ разрѣшенію текущихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью.

2) Особое Совѣщаніе состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

Государственнаго устройства
Внутреннихъ дѣлъ
Дипломатическо-агитаціоннаго
Финансоваго
Торговли и промышленности
Продовольствія и снабженія

Земледѣлія
Путей сообщенія
Юстиціи
Народнаго просвѣщенія
Контроля

3) Во главѣ каждаго отдѣла стоятъ управляющій отдѣломъ и два помощника.

4) При особомъ совѣщаніи состоитъ Управляющій дѣлами особаго совѣщанія и при немъ канцелярія съ освѣдомительнымъ бюро.

5) Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія состоитъ Верховный Руководитель Добровольческой Арміи Генералъ-отъ-Инфантеріи АЛЕКСѢЕВЪ. Его замѣстители въ порядкѣ постепенности: первый — Командующій Арміей Генералъ-Лейтенантъ ДЕНИКИНЪ, второй — Помощникъ Верховнаго Руководителя Генералъ-отъ-Кавалеріи ДРАГОМИРОВЪ, третій — Помощникъ Командующаго Арміей Генералъ-Лейтенантъ ЛУКОМСКІЙ.

6) Постоянными членами Особаго Совѣщанія состоятъ: Командующій Арміей Генералъ-Лейтенантъ ДЕНИКИНЪ, Помощникъ Верховнаго Руководителя Генералъ-отъ-Кавалеріи ДРАГОМИРОВЪ, Помощникъ Командующаго Арміей Генералъ-Лейтенантъ ЛУКОМСКІЙ, Начальникъ Штаба арміи Генералъ-Майоръ РОМАНОВСКІЙ и всѣ Управляющіе Отдѣлами и Управляющій дѣлами Особаго Совѣщанія.

7) Кромѣ постоянныхъ членовъ для разрѣшенія спеціальныхъ вопросовъ могутъ быть приглашаемы постороннія лица, съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія Предсѣдателя.

8) Управляющій дѣлами Особаго Совѣщанія, Управляющіе Отдѣлами и ихъ помощники избираются Верховнымъ Руководителемъ Добровольческой Арміи и назначаются его приказомъ.

9) Составъ канцеляріи Особаго Совѣщанія и каждаго отдѣла опредѣляется штатами и утверждается Верховнымъ Руководителемъ.

10) Личный составъ канцеляріи и отдѣловъ избирается Управляющимъ дѣлами Особаго Совѣщанія и Управляющими отдѣлами по принадлежности, и утверждается приказомъ Верховнаго Руководителя.

11) Внутренній порядокъ и распредѣленіе работъ въ канцеляріи и отдѣлахъ опредѣляется ихъ начальниками.

12) Управляющіе отдѣлами пользуются правомъ личнаго доклада у Верховнаго Руководителя и у Командующаго Арміей, и имъ же принадлежитъ право законодательной иниціативы по вопросамъ своего вѣдомства. Составленные ими законопроекты съ разрѣшенія Предсѣдателя вносятся на разсмотрѣніе «Особаго Совѣщанія».

13) Засѣданія «Особаго Совѣщанія» назначаются Предсѣдателемъ, а въ случаѣ его отсутствія или болѣзни — его замѣстителемъ.

14) Засѣданія «Особаго Совѣщанія» раздѣляются на «большія» и «малыя» засѣданія.

15) «Большія» засѣданія «Особаго Совѣщанія» назначаются для разрѣшенія наиболѣе серьезныхъ вопросовъ Общегосударственнаго значенія и для разсмотрѣнія сложныхъ законопроектовъ, затрагивающихъ интересы нѣсколькихъ вѣдомствъ. Предсѣдательствуетъ лично Верховный Руководитель.

16) «Малыя» засѣданія назначаются для разрѣшенія въ спѣшномъ порядкѣ не терпящихъ отлагательства вопросовъ текущей жизни, связанныхъ съ установленіемъ гражданскаго правопорядка въ мѣстностяхъ, занятыхъ Добровольческой Арміей. «Малыя» засѣданія созываются по иниціативѣ Командующаго Арміей Генералъ - Лейтенанта ДЕНИКИНА и происходятъ подъ его предсѣдательствомъ. Членами «малаго» засѣданія состоятъ: Помощникъ Командующаго Арміей — Генералъ-Лейтенантъ ЛУКОМСКІЙ, Начальникъ Штаба Арміи Генералъ-Майоръ РОМАНОВСКІЙ и Управляющіе тѣми отдѣлами, коихъ признаетъ необходимымъ пригласить Предсѣдатель.

17) О рѣшеніяхъ, принятыхъ на «малыхъ» засѣданіяхъ, Управляющіе дѣлами докладываютъ на ближайшемъ «большомъ» засѣданіи.

18) Засѣданія, какъ «малыя», такъ и «большія» имѣютъ исключительно совѣщательный характеръ, и принятыя на нихъ рѣшенія не обязательны для Верховнаго Руководителя или для Командующаго Арміей, кои могутъ принять и самостоятельное рѣшеніе и дать ему силу закона.

Съ подлиннымъ вѣрно:

И. Д. Начальника Военно-Политическаго Отдѣла Генеральнаго Штаба

Капитанъ ФЕДОРОВЪ.

2. ОСОБОЕ СОВѢЩАНІЕ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМЪ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГѢ РОССІИ

На практикѣ недостаточность Положенія 18-го августа, составленнаго на спѣхъ и лишеннаго юридической опредѣлительности, сказалось очень скоро. Поэтому уже въ ноябрѣ 1918 года былъ поднятъ вопросъ о разработкѣ новаго Положенія. Работа эта была поручена спеціальной комиссіи подъ предсѣдательствомъ управляющаго Отдѣломъ Юстиціи. Комиссія выполнила данное ей порученіе въ январѣ 1919 года. Между тѣмъ 26 декабря 1918 года генералъ Деникинъ, по соглашенію съ атаманами казачьихъ войскъ Донского и Кубанскаго, вступилъ въ командованіе всѣми вооруженными силами, дѣйствовавшими на югѣ Россіи, что вызвало новое переименованіе учрежденій, состоявшихъ при Главнокомандующемъ. Соотвѣтственно перередактированный проектъ Положенія объ Особомъ Совѣщаніи при Главнокомандующемъ Вооруженными Силами на Югѣ Россіи былъ законченъ разсмотрѣніемъ въ Особомъ Совѣщаніи 25-го января и утвержденъ генераломъ Деникинымъ 2-го февраля. Оно было распубликовано въ Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства, издаваемомъ Особымъ Совѣщаніемъ при Главнокомандующемъ В. С. Ю. Р., за 1919 годъ, гдѣ составило ст. I-ую.

Положеніе 2-го февраля сохраняло силу въ теченіе почти всего 1919 года. Параллельно съ Особымъ Совѣщаніемъ полнаго состава функціонировало для разсмотрѣнія лишенныхъ политическаго значенія проектовъ малое присутствіе Особаго Совѣщанія. Малое присутствіе дѣйствовало на основаніи правилъ, составленныхъ управляющимъ Отдѣломъ Законовъ К. Н. Соколовымъ по порученію Особаго Совѣщанія и одобренныхъ Главнокомандующимъ. Правила эти, какъ неимѣвшія силы законовъ, не были распубликованы.

* *

*

Утвержденныя главнокомандующимъ вооруженными силами на югѣ Россіи постановленія особаго совѣщанія

I. Объ утвержденіи Положенія объ Особомъ Совѣщаніи при Главнокомандующемъ Вооруженными Силами на Югѣ Россіи и Правилъ о движеніи дѣлъ въ Особомъ Совѣщаніи и его Канцеляріи.

Журналомъ отъ 25-го января 1919 года, за № 30, Особое Совѣщаніе постановило:

1. Проектъ Положенія объ Особомъ Совѣщаніи одобрить въ редакціи при семъ прилагаемой.

2. Проектъ Правилъ о движеніи дѣлъ въ Особомъ Совѣщаніи и его Канцеляріи одобрить и представить на утвержденіе Предсѣдателя Особаго Совѣщанія.

3. Постановить, что законодательныя предположенія по предметамъ, предусмотрѣннымъ въ статьѣ 96 Основныхъ Законовъ (Св. Зак. т. I ч. I изд. 1906), представляются Начальниками Военнаго и Морского Управленія на утвержденіе Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи непосредственно.

Настоящее постановленіе Особаго Совѣщанія утверждено въ г. Екатеринодарѣ Главнокомандующимъ Вооруженными Силами на Югѣ Россіи 2-го февраля 1919 года.

Положеніе
объ особомъ совѣщаніи при главнокомандующемъ вооруженными силами на югѣ Россіи

На подлинномъ написано:

«Утверждаю»
Генералъ-Лейтенантъ Деникинъ.

2 февраля 1919 года.

I. Положенія общія

При Главнокомандующемъ, для содѣйствія въ дѣлахъ законодательныхъ и административныхъ состоятъ Особое Совѣщаніе и нижеслѣдующія вѣдомства: 1) Военное Управленіе; 2) Морское Управленіе; 3) Управленіе Внутреннихъ Дѣлъ; 4) Управленіе Земледѣлія; 5) Управленіе Иностранныхъ Дѣлъ; 6) Управленіе Исповѣданій; 7) Управленіе Народнаго Просвѣщенія; 8) Управленіе Почты и Телеграфовъ; 9) Управленіе Продовольствія; 10) Управленіе Путей Сообщенія; 11) Управленіе Торговли и Промышленности; 12) Управленіе Финансовъ; 13) Управленіе Юстиціи; 14) Управленіе Государственнаго Контроля.

При Особомъ Совѣщаніи состоятъ: Отдѣлъ Законовъ, Отдѣлъ Пропаганды и Канцелярія.

2. Управленіе каждаго вѣдомства ввѣряется лицу, назначаемому Главнокомандующимъ съ званіемъ Начальника Управленія. Отдѣлами Законовъ и Пропаганды завѣдываютъ Управляющіе Отдѣлами, назначаемые Главнокомандующимъ.

Канцелярія Особаго Совѣщанія состоитъ въ завѣдываніи Управляющаго Дѣлами Особаго Совѣщанія, назначаемаго Главнокомандующимъ, по представленію Предсѣдателя Особаго Совѣщанія.

Примѣчаніе. Въ случаѣ отсутствія Начальниковъ Управленій, Управляющихъ Отдѣлами или Управляющаго Дѣлами Особаго Совѣщанія, за болѣзнью или по инымъ причинамъ, Помощники ихъ исполняютъ всѣ ихъ обязанности и занимаютъ во всѣхъ установленіяхъ ихъ мѣста.

3. Въ области управленія подчиненнаго Начальники Управленій и Управляющіе Отдѣлами Законовъ и Пропаганды пользуются правами Министровъ, примѣнительно къ учрежденіямъ министерствъ (св. зак. т. I. ч. 2. изд. 1892 г.).

4. Начальникамъ Управленій и Управляющимъ Отдѣлами Законовъ и Пропаганды предоставляется право личнаго доклада Главнокомандующему по дѣламъ ввѣренныхъ имъ частей: 1) не подлежащимъ обсужденію въ Особомъ Совѣщаніи (ст. 10) и 2) подлежащимъ таковому обсужденію, предварительно, до внесенія ихъ въ Особое Совѣщаніе.

Начальники Управленій и Управляющіе Отдѣлами обязаны заблаговременно ставить въ извѣстность Предсѣдателя Особаго Совѣщанія о содержаніи предстоящаго личнаго доклада, причемъ Предсѣдателю Особаго Совѣщанія принадлежитъ право присутствовать при такихъ докладахъ.

Примѣчаніе. Начальники Военнаго и Морского Управленій по дѣламъ, не подлежащимъ обсужденію въ Особомъ Совѣщаніи, имѣютъ докладъ у Главнокомандующаго безъ предварительнаго извѣщенія о томъ Предсѣдателя Особаго Совѣщанія.

5. За общій ходъ дѣлъ по ввѣреннымъ имъ вѣдомствамъ Начальники Управленій отвѣтствуютъ передъ Главнокомандующимъ.

II. Объ особомъ совѣщаніи

6. Особое Совѣщаніе составляется изъ Начальниковъ Управленій и Управляющихъ Отдѣлами Законовъ и Пропаганды, кои состоятъ его членами по должности, и изъ членовъ, назначаемыхъ особо Главнокомандующимъ въ числѣ по его усмотрѣнію.

7. Предсѣдатель Особаго Совѣщанія и два его замѣстителя на случай его болѣзни или отсутствія назначаются Главнокомандующимъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Главнокомандующій найдетъ нужнымъ лично предсѣдательствовать въ Особомъ Совѣщаніи Предсѣдатель послѣдняго участвуетъ въ немъ на правахъ члена.

8. При обсужденіи отдѣльныхъ дѣлъ въ Особомъ Совѣщаніи могутъ быть приглашаемы по распоряженію Предсѣдателя Особаго Совѣщанія, съ правомъ совѣщательнаго голоса и для представленія объясненій, лица, содѣйствіе которыхъ разрѣшенію дѣла можетъ быть полезнымъ.

9. Въ области законодательства и Верховнаго Управленія, Особое Совѣщаніе является совѣщательнымъ органомъ при Главнокомандующемъ.

10. На обсужденіе Особаго Совѣщанія поступаютъ: 1) всѣ законодательныя предположенія за исключеніемъ касающихся тѣхъ предметовъ, кои предусматриваются статьями 96 и 97 Основныхъ законовъ (Св. Зак. томъ I, часть I, изд. 1906 г.); 2) всѣ правительственныя мѣропріятія общегосударственнаго значенія; 3) всѣ предположенія о замѣщеніи высшихъ гражданскихъ должностей центральнаго и мѣстнаго управленія, за исключеніемъ должностей Начальниковъ Управленій, управляющихъ Отдѣлами Законовъ и Пропаганды и Управляющаго дѣлами Особаго Совѣщанія.

Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію Особаго Совѣщанія, вносятся въ оное Главнокомандующимъ, Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія, Начальниками Управленій, Управляющими Отдѣлами Законовъ и Пропаганды и Управляющимъ Дѣлами Особаго Совѣщанія по принадлежности.

На внесеніе въ Особое Совѣщаніе законодательныхъ предположеній, Начальники Управленій, Управляющіе Отдѣлами и Управляющій Дѣлами Особаго Совѣщанія испрашиваютъ предварительно разрѣшеніе Главнокомандующаго.

11. Постановленія Особаго Совѣщанія представляются Предсѣдателемъ его на утвержденіе Главнокомандующему.

12. Постановленія Особаго Совѣщанія, утвержденныя Главнокомандующимъ, немедленно пріемлютъ силу. Постановленія, имѣющія значеніе закона, подлежатъ распубликованію въ общемъ порядкѣ чрезъ Отдѣлъ Законовъ. Постановленія, относящіяся къ порядку Управленія, распубликовываются лишь въ случаѣ указанія на то въ постановленіи Особаго Совѣщанія.

13. Представленія, состоявшіяся по коимъ постановленія Особаго Совѣщанія Главнокомандующимъ утверждены не были, либо оставляются безъ послѣдствій, либо, по указанію Главнокомандующаго, возвращаются подлежащему Управленію или Отдѣлу для переработки.

14. Предсѣдателю Особаго Совѣщанія предоставляется обращаться къ Начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ о доставленіи необходимыхъ ему свѣдѣній и объясненій по исполненію постановленій Особаго Совѣщанія.

III. Объ отдѣлѣ законовъ

15. Управленіе Отдѣломъ Законовъ состоитъ изъ Управляющаго Отдѣломъ (ст. 2) и другихъ лицъ по штату.

16. Въ засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія Управляющій Отдѣломъ Законовъ, участвующій въ обсужденіи дѣлъ наравнѣ съ другими членами Особаго Совѣщанія, сверхъ того, даетъ заключенія о соотвѣтствіи внесенныхъ законопроектовъ дѣйствующимъ узаконеніямъ.

17. Управляющій Отдѣломъ Законовъ входитъ въ Особое Совѣщаніе, по соглашенію съ Начальниками подлежащихъ Управленій, съ представленіями о согласованіи отдѣльныхъ законовъ.

18. Предметы вѣдомства Отдѣла Законовъ составляютъ: 1) разработка, по порученію Особаго Совѣщанія, вопросовъ и составленіе законодательныхъ предположеній, связанныхъ съ дѣломъ государственнаго устройства; 2) наблюденіе за точностью издаваемыхъ законовъ и распоряженій; 3) обнародованіе законовъ и распоряженій посредствомъ

опубликованія ихъ въ Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства; 4) собираніе и систематизація всѣхъ законодательныхъ постановленій, прошедшихъ чрезъ Особое Совѣщаніе, а равно распоряженій Главнокомандующаго по дѣламъ Гражданскаго Управленія; 5) изданіе Собранія Узаконеній и Распоряженій Правительства.

IV. О Канцеляріи особаго совѣщанія

19. При особомъ Совѣщаніи состоитъ Канцелярія, подчиненная Предсѣдателю Особаго Совѣщанія.

20. Канцелярія подъ начальствомъ Управляющаго Дѣлами Особаго Совѣщанія состоитъ изъ Помощника Управляющаго, Начальниковъ Общей и Особой Частей и другихъ чиновъ по штату.

21. Помощникъ Управляющаго Дѣлами назначается Главнокомандующимъ по представленію Предсѣдателя Особаго Совѣщанія. Начальники Общей и Особой Частей назначаются Главнокомандующимъ по представленію Управляющаго Дѣлами Особаго Совѣщанія. Остальные чины Канцеляріи назначаются Управляющимъ Дѣлами.

22. Къ предметамъ вѣдѣнія Канцеляріи относятся: 1) подготовка къ слушанію представленій и матеріаловъ, поступающихъ на разсмотрѣніе Особаго Совѣщанія; 2) составленіе представленій по дѣламъ, касающимся Канцеляріи, а также не составляющимъ предмета вѣдѣнія Управленій или Отдѣловъ; 3) составленіе журналовъ Особаго Совѣщанія, представляемыхъ Предсѣдателемъ на утвержденіе Главнокомандующаго; 4) составленіе проектовъ распоряженій по Общему Управленію, представляемыхъ на утвержденіе Главнокомандующаго; 5) надзоръ за своевременнымъ печатаніемъ и разсылкой всѣхъ распоряженій Главнокомандующаго по Общему Управленію; 6) составленіе, для представленія Главнокомандующему на утвержденіе проектовъ приказовъ о назначеніи, перемѣщеніи и увольненіи членовъ Особаго Совѣщанія и высшихъ (до IV класса включительно) чиновъ Управленій; 7) удовлетвореніе денежнымъ довольствіемъ чиновъ отдѣльныхъ Управленій временно, впредь до окончательнаго образованія этихъ Управленій.

23. Канцелярія Особаго Совѣщанія имѣетъ собственную печать съ изображеніемъ государственнаго герба и надписью: «Канцелярія Особаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ Вооруженными Силами на Югѣ Россіи».

3. ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМЪ

Въ серединѣ декабря 1919 года военныя неудачи, постигшія войска генерала Деникина и вызвавшія необходимость эвакуаціи Ростова, поставили на очередь вопросъ о новомъ преобразованіи высшаго органа гражданскаго управленія при Главнокомандующемъ. Однако, первоначально идея коренной реорганизаціи правительства была отвергнута. 14 декабря генералъ Деникинъ подписалъ два акта: 1) приказъ № 175, который предоставлялъ предсѣдателю Особаго Совѣщанія утверждать за Главнокомандующаго постановленія Особаго Совѣщанія по текущимъ дѣламъ, и 2) наказъ Особому Совѣщанію. Воспроизводимый здѣсь «наказъ» преслѣдовалъ, повидимому, цѣль, не измѣняя конструкціи правительства, сообщить его дѣятельности большую интенсивность и политическую опредѣленность.

* *

*

Наказъ особому совѣщанію

Въ связи съ приказомъ моимъ сего года № 175 приказываю Особому Совѣщанію принять въ основаніе своей дѣятельности слѣдующія положенія:

1) Единая, Великая, Недѣлимая Россія. Защита вѣры. Установленіе порядка. Возстановленіе производительныхъ силъ страны и народнаго хозяйства. Поднятіе производительности труда.

2) Борьба съ большевизмомъ до конца.

3) Военная диктатура. Всякое давленіе политическихъ партій отметать. Всякое противодѣйствіе власти — справа и слѣва — карать.

Вопросъ о формѣ правленія — дѣло будущаго. Русскій народъ создастъ верховную власть безъ давленія и безъ навязыванія.

Единеніе съ народомъ.

Скорѣйшее соединеніе съ казачествомъ путемъ созданія южно-русской власти, отнюдь не растрачивая при этомъ правъ обще-государственной власти.

Привлеченіе къ русской государственности Закавказья.

4) Внѣшняя политика — только національная, русская.

Не взирая на возникающія иногда колебанія въ русскомъ вопросѣ у союзниковъ, — идти съ ними. Ибо другая комбинація морально недопустима и реально неосуществима.

Славянское единеніе.

За помощь — ни пяди русской земли.

5) Всѣ силы, средства — для арміи, борьбы и побѣды.

Всемѣрное обезпеченіе семействъ бойцовъ.

Органамъ снабженія выйти, наконецъ, на путь самостоятельной дѣятельности, использовавъ все еще богатыя средства страны и не разсчитывая исключительно на помощь извнѣ.

Усилить собственное производство.

Извлечь изъ состоятельнаго населенія обмундированіе и снабженіе войскъ.

Давать Арміи достаточное количество денежныхъ знаковъ, преимущественно передъ всѣми. Одновременно карать безпощадно за «безплатныя реквизиціи» и хищеніе «военной добычи».

6) Внутренняя политика.

Проявленіе заботливости о всемъ населеніи безъ различія.

Продолжать разработку аграрнаго и рабочаго закона въ духѣ моей деклараціи; также и закона о земствѣ.

Общественнымъ организаціямъ, направленнымъ къ развитію народнаго хозяйства и улучшенію экономическихъ условій (кооперативы, профессіональные союзы и проч.) содѣйствовать.

Противогосударственную дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ пресѣкать, не останавливаясь передъ крайними мѣрами.

Прессѣ — содѣйствующей помогать, несогласную терпѣть, разрушающую — уничтожать.

Никакихъ классовыхъ привилегій, никакой преимущественной поддержки административной, финансовой или моральной.

Суровыми карами за бунтъ, руководительство анархическими теченіями, спекуляцію, грабежъ, взяточничество, дезертирство и проч. смертные грѣхи не пугать только, а осуществлять ихъ при посредствѣ активнаго вмѣшательства Управленія Юстиціи, Главнаго Военнаго Прокурора, Управленія Внутреннихъ Дѣлъ и Контроля. Смертная казнь — наиболѣе соотвѣтственное наказаніе.

Ускорить и упростить — порядокъ реабилитаціи не вполнѣ благополучныхъ по большевизму, петлюровщинѣ и т. д. Если была только ошибка, а къ дѣлу годны — снисхожденіе.

Назначеніе на службу — исключительно по признакамъ дѣловымъ; отметая изувѣровъ и справа, и слѣва.

Мѣстный служилый элементъ, за уклоненіе отъ политики центральной власти, за насилія, самоуправство, сведеніе счетовъ съ населеніемъ, равно какъ и за бездѣятельность — не только отрѣшать, но и карать.

Привлекать мѣстное населеніе къ самооборонѣ.

7) Оздоровить фронтъ и войсковый тылъ — работой особо назначенныхъ генераловъ съ большими полномочіями, составомъ полевого суда и примѣненіемъ крайнихъ репрессій.

Сильно почистить контръ-развѣдку, уголовный сыскъ, влпвъ въ нихъ судебный (бѣженскій) элементъ.

8) Поднятіе рубля; транспортъ и производство преимущественно для государственной обороны.

Налоговой прессъ главнымъ образомъ для состоятельныхъ, а также для не несущихъ воинской повинности.

Товарообмѣнъ — исключительно за боевое снаряженіе и предметы необходимые для страны.

9) Временная милитаризація воднаго транспорта, съ цѣлью полнаго использованія его для войны, не разрушая, однако, торгово-промышленнаго аппарата.

10) Облегчить положеніе служилаго элемента и семействъ чиновъ, находящихся на фронтѣ, частичнымъ переводомъ на натуральное довольствіе (усиліями Управленія Продовольствія и Вѣдомства Военныхъ Снабженій). Содержаніе не должно быть меньше прожиточнаго минимума.

11) Пропагандѣ служить исключительно прямому назначенію — популяризаціи идей, проводимыхъ властью, разоблаченію сущности большевизма, поднятію народнаго самосознанія и воли для борьбы съ анархіей.

Главнокомандующій Вооруженными Силами
на Югѣ Россіи, Генералъ-Лейтенантъ (подп.) ДЕНИКИНЪ.

14 декабря 1919 г. г. Таганрогъ.

*   *
*

Однако, 16 декабря ген. Деникину была представлена записка группы членовъ Особаго Совѣщанія, во главѣ съ Н. И. Астровымъ и М. М. Федоровымъ, о настоятельной необходимости реорганизаціи правительства, и 17 декабря ген. Деникинъ подписалъ приказъ № 176 объ образованіи Правительства при Главнокомандующемъ. 20-го декабря послѣдовалъ приказъ — № 177, урегулировавшій нѣкоторыя детали перехода къ новому порядку. Предсѣдателемъ Правительства былъ назначенъ предсѣдательствовавшій до тѣхъ поръ въ Особомъ Совѣщаніи и Помощникъ Главнокомандующаго, ген. Лукомскій.

*   *
*

Приказъ

Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи 17 декабря 1919 года № 176

г. Таганрогъ.
(По Общему Управленію)

Современная обстановка требуетъ реорганизаціи гражданскаго управленія.
Предписываю:

I. Особое Совѣщаніе упразднить.
II. Отдѣлъ Законовъ и Управленіе Продовольствія упразднить.

III. Должность Главнаго Начальника Военныхъ Сообщеній соединить съ должностью Начальника Путей Сообщеній, поставивъ во главѣ Главнаго Начальника Сообщеній.

IV. Военное и Морское Управленія соединить, поставивъ во главѣ Начальника Военнаго и Морского Управленія.

V. Учредить должность Главнаго Начальника Снабженій, подчинивъ ему бывшихъ Главныхъ Начальниковъ Снабженій и Санитарной части на правахъ помощниковъ, съ оставленіемъ за послѣдними правъ, прежнимъ должностямъ присвоенныхъ. Передать въ вѣдѣніе Главнаго Начальника Снабженій функціи Управленія Продовольствія.

Приказы о чинахъ военныхъ проводить по Военному Управленію.

VI. Отдѣлъ Пропаганды подчинить Начальнику Управленія Внутреннихъ Дѣлъ.

VII. Образовать при мнѣ Правительство въ слѣдующемъ составѣ:

а) Предсѣдатель Правительства (можетъ быть въ то же время начальникомъ одного изъ Управленій);
б) Начальникъ Военнаго и Морского Управленія;
в) Начальникъ Управленія Внутреннихъ дѣлъ;
г) Начальникъ Управленія Финансовъ;
д) Главный Начальникъ Сообщеній;
е) Главный Начальникъ Снабженій;
ж) Начальникъ Управленія Торговли и Промышленности;
з) Начальникъ Управленія Юстиціи.

VIII. Начальникъ Управленія Иностранныхъ Дѣлъ и Государственный Контролеръ, не входя въ составъ Правительства, подчиняются непосредственно мнѣ.

IX. Начальники Управленій: Земледѣлія и Землеустройства, Народнаго Просвѣщенія и Исповѣданій, не входя въ составъ Правительства, по вопросамъ превышающимъ ихъ права входятъ съ представленіемъ къ Правительству, при мнѣ состоящему.

X. Управляющаго Дѣлами Особаго Совѣщанія наименовать Управляющимъ Дѣлами Правительства, при мнѣ состоящаго, и передать въ его вѣдѣніе функціи Отдѣла Законовъ.

XI. Образовать при Правительствѣ, при мнѣ состоящемъ, Совѣщаніе по законодательнымъ предположеніямъ, которое должно обсуждать всѣ законопроекты, поступающіе изъ Вѣдомствъ или передаваемые мною, и представлять на разсмотрѣніе въ Правительство, при мнѣ состоящее.

Подлинный подписалъ Генералъ-Лейтенантъ ДЕНИКИНЪ.

* *
*

Правительство при Главнокомандующемъ по приказу 17 декабря просуществовало до второй половины февраля 1920 года. Тѣмъ временемъ по соглашенію между генераломъ Деникинымъ и Верховнымъ Казачьимъ Кругомъ была образована такъ называемая «южно-русская власть». Власть эта должна была возглавляться Главнокомандующимъ и осуществляться совѣтомъ министровъ, отвѣтственнымъ передъ законодательной палатой изъ представителей населенія. Кромѣ краткаго текста соглашенія между Главнокомандующимъ и Верховнымъ Кругомъ, никакихъ актовъ, относящихся къ новой организаціи правительства, опубликовано не было. Предсѣдателемъ совѣта министровъ былъ назначенъ Н. М. Мельниковъ.

Совѣтъ министровъ южно-русскаго правительства принялъ дѣла отъ своихъ предшественниковъ въ двадцатыхъ числахъ февраля. Но вскорѣ затѣмъ онъ былъ въ свою очередь упраздненъ.

* *
*

17 марта, по переѣздѣ ставки въ Крымъ, генералъ Деникинъ издалъ слѣдующій приказъ:

I

Въ виду того, что территорія, занятая вооруженными силами юга Россіи сократилась, признаю необходимымъ временно измѣнить и упростить организацію гражданскаго управленія.

1) Совѣтъ министровъ упразднить;
2) Поручить М. В. Бернацкому организовать упрощенное и сокращенное численно дѣловое учрежденіе, вѣдающее дѣлами общегосударственными и руководствомъ мѣстныхъ органовъ;
3) Мѣстную власть Крыма преобразовать, привлекши къ участію въ ней избранныхъ представителей мѣстной области.

II

Общее направленіе внѣшней и внутренней политики остается незыблемымъ на началахъ, провозглашенныхъ мною 16 января въ г. Екатеринодарѣ.

Основной цѣлью гражданскаго управленія ставлю водвореніе внутренняго мира и порядка и удовлетвореніе насущныхъ нуждъ широкихъ народныхъ слоевъ, дабы опираясь на нихъ, армія могла спокойно продолжать борьбу за спасеніе Родины.

Генералъ Деникинъ.

Феодосія, 30 марта № 1.

Дневникъ обывателя

А. В.

(26 іюля 1918 г.—4 апрѣля 1919 г.)

Отъѣздъ въ Крымъ и моя жизнь въ Ялтѣ

26 іюля

Вчера вечеромъ прибыли въ Курскъ. Вмѣстѣ со мной прибыли также дядя Аполя съ женой и Татой. Они ѣхали въ томъ же поѣздѣ, но въ другомъ вагонѣ. Хотѣли было ѣхать сразу дальше на Бѣленихино, но не удалось. Туда не выдавали билетовъ безъ разрѣшенія Совѣта, для полученія котораго требуются не однѣ сутки. Пришлось ѣхать на Желебовку. Погрузились и въ 9 часовъ вечера поѣхали дальше. И тутъ опять ужасная давка. Всѣ вагоны набиты до верху желающими покинуть Совнаркомію. Ползли ужасно медленно; проѣхали Льговъ и въ 1 часъ ночи были на границѣ Совѣтской Россіи, на станціи Желебовкѣ. Выйдя изъ вагоновъ, — сейчасъ же подвергнулись крайне строгому обыску. Товарищи-красногвардейцы не гнушались ничѣмъ, перерывали все, забирали и чай, и кофе, и шоколадъ, а у меня конфисковали мой старый костюмъ. Хотѣли уже было забрать и золотые часы, но при помощи дяди мнѣ всетаки удалось ихъ коекакъ отстоять. Вообще творился полнѣйшій грабежъ, и я могу еще быть благодаренъ, что отдѣлался только костюмомъ. Другихъ не такъ пообчистили. Послѣ обыска, наняли подводу и, какъ разсвѣло, двинулись дальше. Предстояло ѣхать лошадьми 12 верстъ до слѣдующей станціи Коренево, находившейся уже въ Германскихъ рукахъ. Кромѣ насъ ѣхало еще около 100 подводъ, такъ что кортежъ растянулся на цѣлую версту. Проѣхали двѣсти шаговъ, какъ стой, еще одинъ обыскъ хотя болѣе поверхностный, и насъ отпустили на всѣ четыре стороны. Теперь путь за границу, на Украйну былъ свободенъ. Всѣ повозки потянулись по проселочной, я же съ дядей рѣшили идти пѣшкомъ, и отдѣлившись отъ всей кавалькады, пошли прямо по полотну желѣзной дороги. Было прелестное утро, солнце какъ разъ подымалось на горизонтѣ и весело освѣщало проснувшіеся холмы и равнины. Послѣ жуткой ночи, все казалось такимъ красивымъ, веселымъ, что я скоро позабылъ всѣ непріятности и бодро шагалъ по насыпи навстрѣчу будущей жизни.

Въ Коренево, куда мы прибыли часовъ въ 7 утра, мы нашли весь вокзалъ забитымъ такими же путешественниками, какъ и мы. На Украйнѣ желѣзно-дорожная забастовка и ввиду этого заторъ. Тутъ уже царствуютъ Германцы. Повсюду видны ихъ сѣрыя фигуры, спокойно гуляющія по платформѣ. Вскорѣ подали поѣздъ, но мы съ трудомъ въ немъ помѣстились, причемъ въ первый разъ когда мы до сроку влѣзли въ вагонъ, то были съ крикомъ и ревомъ выгнаны нѣмецкими солдатами изъ вагоновъ. Но не бѣда! Наконецъ въ 10 часовъ поѣздъ тронулся, и мы поѣхали. Теперь наша слѣдующая цѣль — Ворожба. Въ послѣдней пришлось пересаживаться, и тогда только прямо ѣхать на Харьковъ.

27 іюля

Послѣ цѣлой ночи ѣзды въ товарномъ поѣздѣ (воинскомъ), сегодня утромъ прибыли въ Харьковъ. Когда поѣздъ ѣдетъ дальше, на Крымъ, и пойдетъ ли вообще, никто не знаетъ. Причина забастовка. До вечера гулялъ по городу. Ну и благодать здѣсь по сравненію съ бѣдной Москвой. Дешевизна! Хлѣба сколько угодно, фруктовъ также, причемъ въ кондитерскихъ снова имѣю счастье лицезрѣть печеніе, пирожки, пирожныя и т. д. Фунтъ бѣлаго хлѣба здѣсь стоитъ 1 руб. 20 коп., абрикосъ — 80 коп. Въ первый разъ послѣ долгаго времени снова, какъ слѣдуетъ, поѣлъ и попилъ кофе со сливками и съ сахаромъ.

28 іюля

Вчера вечеромъ случайно попалъ на поѣздъ, причемъ за билетъ II класса пришлось заплатить цѣлыхъ 71 руб. Сначала поѣздъ шелъ ничего; но начиная съ Синельниково, — не дай Богъ. Поминутно пошли остановки. Какъ я уже упоминалъ, на желѣзной дорогѣ забастовка, и машинисты хотя и въ сопровожденіи германской стражи, но крайне неохотно исполняли свои обязанности. Въ Александровѣ даже дошло до того, что поѣздъ совсѣмъ остановился, и часть пассажировъ слѣзла, чтобы дальше ѣхать по Днѣпру на Херсонъ и Одессу. Имъ не вѣрилось, что есть какая нибудь надежда поѣздомъ продвинуться дальше. Но вскорѣ послѣ ихъ ухода былъ найденъ новый машинистъ, и мы, оставшіеся въ вагонахъ, покатили дальше. Вечеромъ наконецъ-то добрались до Мелитополя.

29 іюля

Всю ночь и все сегодняшнее утро стояли въ Мелитополѣ. Мелитополь въ продовольственномъ отношеніи теперь самое лучшее мѣсто на Украйнѣ. Хлѣбъ бѣлый — 60 коп. фунтъ, огурецъ 20 коп., стаканъ молока — 30 коп. и т. д. Отсюда принялись всѣ набирать себѣ хлѣба для дальнѣйшаго путешествія, такъ какъ въ Крыму хлѣбъ дороже. Въ 12 часовъ поѣхали дальше. До Джанкоя еще шло ничего, но затѣмъ пришлось давать машинисту чаевые, не то отказывался везти. Что ни станція, то пытка. Ежеминутное ожиданіе окончательной остановки. Но одно только утѣшало, мы уже въ Крыму и до цѣли въ крайнемъ случаѣ доберешься и лошадьми.

30 іюля

Утромъ проснулся рано. Вижу — поѣздъ стоитъ на какомъ-то глухомъ полустанкѣ. Кругомъ — голая равнина. Вылѣзъ я изъ вагона, — оказывается, нашего паровоза уже давно нѣтъ. Къ счастью, въ это время мимо проходилъ воинскій поѣздъ нѣмецкихъ матросовъ. Попросился, и съ ними вмѣстѣ поѣхалъ дальше. Еще 2 часа ѣзды и мы въ Симферополѣ.

1 августа

Проѣхали Медвѣжью гору, Гурзуфъ и увидѣли Ялту. Вскорѣ катеръ сталъ сворачивать и мы вошли въ гавань. Какъ только пристали, я покинулъ катеръ, взялъ извозчика и ай-да на Севастопольскую 14, къ дому, гдѣ живетъ дядя Эдя со своей семьей.

30 августа

Весь день ничего не дѣлаю. Съ утра торчалъ въ Городскомъ Саду и читалъ тамъ, сидя подъ развѣсистой мимозой, номеръ «Berliner Tageblatt». Послѣ же обѣда, и вплоть до вечера сидѣлъ дома. Курсъ германской марки все падаетъ. Теперь 1 марка равна уже 75 коп. Что это значитъ? Ужъ не признакъ ли шаткости германскихъ побѣдъ на французскомъ фронтѣ.

3 сентября

Все тихо. Жара такая же. Ходятъ по Ялтѣ слухи, что Крымъ присоединяется къ Украйнѣ, но правда ли это, не знаю. Да! Прочелъ сегодня въ газетѣ, что въ Москвѣ соц.-революціонерка Капланъ покушалась во время митинга на жизнь Ленина и ранила его, а въ Петроградѣ нѣкто Каннегисеръ убилъ комиссара Урицкаго. Вотъ это ловко! Съ такими разбойниками и можно только такъ поступать. Жаль только, что Ленинъ остался живъ, его нужно было бы въ первую голову. Изъ дому, изъ Москвы, пока все еще не имѣю свѣдѣній.

4 сентября

Все тоже. Слухъ о присоединеніи Крыма къ Украйнѣ оказался миѳомъ. Наоборотъ, въ сегодняшнихъ газетахъ помѣщено сообщеніе, что Центральныя Державы признали Крымъ независимымъ государствомъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи миссія гр. Татищева увѣнчалась въ Берлинѣ полнѣйшимъ успѣхомъ.

7 сентября

Сегодня вечеромъ, въ Ялтинскую гавань прибылъ огромный пароходъ Русскаго Общества «Посадникъ». Это бывшій «Царь», на которомъ въ молодости плавалъ дядя Германъ. Ходилъ на него. Гулялъ по палубѣ и заглядывалъ въ каюты. Шикарное судно — океанское. Изъ разспросовъ удалось узнать, что идетъ оно пустое изъ Одессы въ Маріуполь, гдѣ должно забрать оставшійся свой уголь 120 000 пудовъ. Товара же никакого не везетъ изъ-за таможенной войны между Украйной и Крымомъ. Было прямо жалко смотрѣть на такую громадину. Раньше она гуляла по океанамъ, была въ Англіи, Египтѣ, даже въ Китаѣ, а теперь всего на всего Одесса—Маріуполь. Обидно. Но мнѣ кажется, что съ Россіей дѣло еще далеко не совсѣмъ погибло, — будетъ время и опять будетъ развѣваться на моряхъ русскій бѣло-сине-красный флагъ.

8 сентября

Все еще много гуляю, особенно въ послѣднее время. Читаю газеты, но въ нихъ мало что-то новаго. Хорошо только, что молодцы англичане прутъ германцевъ на Западномъ фронтѣ. Этому я очень радъ. Съ удовольствіемъ самъ бы поступилъ въ Британскую Армію, но не судьба.

14 сентября

Сегодня опять былъ въ Продовольственной Управѣ и окончательно получилъ мѣсто «переводчика и для порученій Комитета». Про жалованіе еще точно не извѣстно, но во всякомъ случаѣ не менѣе 300 руб. въ мѣсяцъ. Сегодня уже и работалъ. Ходилъ съ предсѣдателемъ Продовольственной Управы г. Дорофѣевымъ въ Германскую Портовую Комендатуру и переводилъ весь разговоръ коменданта съ моимъ принципаломъ.

17 сентября

Сегодня выпалъ очень трудный день. Опять приходилось бывать въ Германской Комендатурѣ и бесѣдовать съ Leutnant'омъ Starke, Chef der Wirtschaftsabteilung, по поводу разныхъ неотложныхъ дѣлъ. Leutnant Starke типичный нѣмецъ, изъ вѣжливыхъ, еще молодой господинъ, притомъ крайне любезенъ. Прямо все готовъ для васъ сдѣлать. Вообще германцы здѣсь всѣ таковы, и я о нихъ кромѣ хорошаго ничего не могу сказать.

24 сентября

Сегодня въ Ялту прибылъ огромнѣйшій германскій пароходъ. Всталъ у мола и весь день, и всю ночь разгружался и нагружался. Какъ удалось изъ разспросовъ выяснить, привезъ онъ смѣну стоящей въ Ялтѣ части, а здѣшнихъ солдатъ забиралъ на

Кавказскій фронтъ. Насколько эта версія правильна, — трудно опредѣлить, но проходя мимо мола, еще поздно вечеромъ можно было слышать лязгъ цѣпей и скрежетъ подъемныхъ крановъ.

1 октября

Сегодня пришли свѣжія Одесскія газеты, съ извѣстіемъ, что болгары потерпѣли отъ союзныхъ войскъ полнѣйшій разгромъ и что правительство Малинова уже запросило мира. Вотъ это ловко! Молодцы союзники! Среди Ялтинскаго русскаго населенія, въ особенности среди интеллигенціи, нескрываемая радость, среди германцевъ же, — какъ будто ничего не случилось, ни словомъ о происшедшемъ не обмолвятся. Видно, что настаетъ конецъ Германской войны и наступаетъ день освобожденія. Одно только еще останется, — это уничтоженіе большевистскаго засилія въ Москвѣ, и тогда можно съ удовлетвореніемъ себѣ сказать, что не даромъ былъ на войнѣ.

3 октября

Сегодня имѣлъ честь присутствовать въ качествѣ переводчика въ Германской Комендатурѣ на совѣщаніи членовъ Продовольственной Управы и новымъ, на дняхъ прибывшимъ, комендантомъ маіоромъ фонъ-Рюдигеръ. Послѣдній на видъ и въ манерахъ очень славный старикъ, и при совѣщаніи онъ очень просилъ членовъ Управы при раздачѣ новозакупленнаго сахара все уладить такъ, чтобы не было никакихъ эксцессовъ, хвостовъ и т. п.

8 октября

Сегодня вдругъ всѣ въ Ялтѣ стали получать письма. Причемъ изъ Совдепіи, начиная съ декабря 1917 года и кончая теперешнимъ августомъ. Вся эта почта лежала изъ-за Украйно-Крымской таможенной войны на границѣ Крыма, и теперь, по окончаніи ея, была только пропущена.

Въ газетахъ сегодня важныя новости. Австрія и Германія согласны на миръ и принимаютъ программу Вильсона. Вотъ это дѣло. Теперь навѣрно скоро все покончится. Останутся только одни большевики. Но при помощи союзниковъ ихъ разбить будетъ ужъ не такъ трудно. Когда же наконецъ и эта война окончится, мнѣ путь въ Англію свободенъ, и сейчасъ же тронусь въ Лондонъ. Это единственное мѣсто, гдѣ, мнѣ кажется, я смогу, какъ слѣдуетъ, работать.

11 октября

Наконецъ дождался, и имѣлъ удовольствіе прочесть отвѣтъ Вильсона на Германскую ноту. Отвѣтъ крайне рѣзкій; еще бы! очистить Францію и Бельгію; думаю, что онъ не особенно понравится Германскимъ заправиламъ. Но теперь сила у союзниковъ, и они диктуютъ. Интересно предугадать отвѣтъ Германіи, неужели откажется, и война будетъ продолжаться.

12 октября

Съ нетерпѣніемъ я жду осеннихъ бурь, но ихъ пока все нѣтъ. Невольно вспоминаю, гдѣ я былъ въ это время въ прошломъ году. На фронтѣ, въ Бессарабіи въ деревнѣ Коленкоуцахъ, въ родной мнѣ батареѣ, и не думалъ я тогда, что такъ скоро закончится наша такъ славно начатая кампанія. Гдѣ же я буду въ слѣдующемъ году? Дай Богъ, чтобъ въ Англіи или въ очищенной отъ большевистскихъ бандъ Москвѣ.

13 октября

Утромъ вмѣстѣ съ Серг. Фед. посѣтилъ Германскую Комендатуру. Здѣсь между прочимъ узналъ очень интересную новость, что Германія согласилась на требованія союзниковъ и очищаетъ Францію и Бельгію. Это хорошо, такъ какъ теперь мы на порогѣ мира. Но каковъ ударъ германскому самолюбію. Видно, что дѣла «Deutschland über alles» очень плохи, а то они наврядъ ли бы пошли на такія уступки.

18 октября

Слава Богу, сегодня снова появились газеты. Въ нихъ помѣщенъ новый отвѣтъ Вильсона на согласіе Германіи очистить занятую территорію, съ требованіемъ дальнѣйшей демократизаціи и др. пунктовъ. Этимъ дѣло мира входитъ опять въ роковую полосу. Ужъ не черезчуръ ли американскій президентъ натягиваетъ струну? Но увидимъ. Ялта, межъ тѣмъ, всѣмъ этимъ крайне интересуется, но съ другой стороны не перестаетъ жить своей прежней жизнью. Посѣщаетъ театры, концерты, а вечеромъ фланируетъ при прекрасномъ лунномъ освѣщеніи по Набережной.

19 октября

Получилъ жалованье, второе по счету, ровно 373 руб. 13 коп., при удержаніи $^1/_2$% въ пользу Союза Служащихъ. Конечно, былъ радъ, и закатилъ ввиду этого вечеромъ въ кино.

21 октября

Все утро торчалъ по дѣламъ службы на молу. Болталъ съ германскимъ часовымъ, причемъ могъ констатировать, что ихъ настроеніе довольно революціонное, въ пользу мира, но . . . . враждебное большевизму. Видно, германцы куда культурнѣе нашихъ русскихъ мужичковъ.

22 октября

Передаютъ, что капитанъ какого-то парохода, шедшаго съ Востока на Западъ, встрѣтилъ въ морѣ по дорогѣ подводную лодку, поднявшую англійскій флагъ. Но можно ли всему этому вѣрить, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе дни городъ полонъ такими слухами, что только держись. Да! Вчера въ Ялтѣ поймали одного большевистскаго комиссара, свѣжаго, только что пріѣхавшаго изъ Москвы. Его арестовали въ Жокей-Клубѣ, гдѣ онъ игралъ въ карты, и при обыскѣ нашли при немъ 600 000 руб. «Николаевскими», новенькими, прямо со станка.

26 октября

Весь день въ ходьбѣ. Утромъ терся въ Германской Комендатурѣ въ Polizei-Abteilung, гдѣ нужно было получить разрѣшеніе на собраніе завтра 4-хъ районныхъ продовольственныхъ комитетовъ. Затѣмъ по этому же дѣлу былъ въ полиціи у полк. Амадзи-Магометъ, а послѣ обѣда до 5 часовъ вечера на молу, гдѣ нужно было слѣдить за выгрузкой и отправкой муки съ парохода въ складъ Управы, а также принимать мѣры въ случаѣ недоразумѣній съ германскими часовыми.

30 октября

Посѣтилъ опять Германскую этапную и портовую Комендатуры, болталъ съ германскими солдатами и писарями. Всѣ они очень рады близости мира и надѣются къ Weihnachten быть уже у себя дома, въ Германіи.

2 ноября

Ходилъ въ гостиницу «Джалита», гдѣ дядя Ваня снялъ два номера по 20 руб. Сидѣлъ немного у нихъ, а возвращаясь въ 12 часовъ домой, могъ наблюдать, какъ въ подъѣздѣ гостиницы арестовали большевика. Пріѣхали татары съ винтовками подъ начальствомъ одного молодого офицерика, схватили подозрительнаго въ солдатской формѣ типа, и отвезли его на извозчикѣ въ комендантскую. Такъ борются въ теперешніе дни съ врагами, не лучше чѣмъ при царскомъ режимѣ, но господа коммунисты Ленинскаго толка этого вполнѣ заслужили.

4 ноября

Въ 2 часа стали на улицахъ продавать телефонограммы. Купилъ одну и прочелъ, что Турція заключила перемиріе и пропускаетъ черезъ Дарданеллы союзный флотъ. Вотъ это я понимаю! Теперь можно въ скоромъ времени ожидать появленія въ Черномъ морѣ союзниковъ. Ялта съ радостью ихъ ждетъ, хотя мнѣ лично немного жаль германцевъ. Они вели себя въ Ялтѣ очень хорошо и во всякомъ случаѣ имъ больно видѣть эту радость населенія по поводу ихъ разгрома. Вечеромъ пришелъ пароходъ и привезъ газеты изъ Одессы. «Въ Австріи революція!» Этого можно было ожидать. Лишь бы она не выродилась въ большевизмъ, а то ничего. Межъ тѣмъ жизнь въ Ялтѣ идетъ по старому. Очень интересуетъ всѣхъ молніеносное «превращеніе» Крымскаго Президента Сулькевича. Всѣ общественныя учрежденія выносятъ ему резолюціи «вонъ!» по поводу его реакціонности, а онъ нуль вниманія, и все сидитъ и только все болѣе демократизируется. Въ какія нибудь двѣ недѣли отмѣнилъ незадолго до этого имъ же изданный квартирный законъ, затѣмъ ввелъ свободу печати, отмѣнилъ предварительную цензуру и разогналъ правыя цензовыя Думы, на ихъ же мѣсто посадилъ опять «демократическія». Творятся же чудеса на свѣтѣ.

5 ноября

Союзниковъ пока нѣтъ. Но ихъ ожидаютъ. Говорятъ что въ Севастополѣ германцы мобилизовали всѣ свои силы, производятъ учебную стрѣльбу, однимъ словомъ, готовятся къ чему то. Интересно, что будетъ.

Утромъ, будучи на службѣ, посѣтилъ Германскую Портовую Комендатуру, въ зданіи Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Здѣсь германскіе солдаты тоже настроены довольно мирно. Турція заключила перемиріе, а сегодня читаемъ уже, что и Австрія. Теперь остается очередь за Германіей.

6 ноября

Сегодня на морѣ творится что-то странное. Приходятъ и уходятъ какіе-то транспорты. Затѣмъ пришелъ пароходъ «Черноморъ» изъ Новороссійска, и вмѣсто того, чтобы идти дальше въ Одессу, былъ направленъ обратно. Публика ялтинская тоже въ волненіи. Повсюду на Набережной, и даже на балконахъ домовъ, обращенныхъ къ морю образуются группы, оживленно разсуждающія о возможности прихода англичанъ и смотрящія въ бинокли на горизонтъ моря. Ходятъ слухи, что занятъ союзниками Новороссійскъ, нѣкоторые даже увѣряютъ, что и Севастополь, и намѣреваются ѣхать встрѣчать друзей на наемномъ катерѣ. Но и сами германцы къ чему-то готовятся. На улицахъ появилось больше вооруженныхъ патрулей, даже солдатъ санитаровъ съ повязками Краснаго Креста на рукавахъ. Германскіе солдаты увѣряютъ, что рѣшено безъ сопротивленія Крымъ не сдавать, и что прошлою ночью въ Ялту прибыли линейныя войска. Я тоже очень навостренъ и жду дальнѣйшихъ событій. Буду очень радъ, если явятся англичане. А вдругъ французы? Послѣднее хуже, такъ какъ изъ за незнанія французскаго языка мнѣ придется тогда покинуть въ Продовольственной Управѣ мѣсто переводчика.

7 ноября

Въ городѣ все еще оживленіе. Съ германцами правда что-то неладно. Хотя англичанъ еще нѣтъ, но они уже начинаютъ складывать свои вещи. Такъ напримѣръ, сегодня ими былъ проданъ весь товаръ Feldbuchhandlung какому-то ялтинскому книготорговцу, а саму лавочку они закрываютъ.

Ввиду возможности ухода германцевъ, вечеромъ въ спѣшномъ порядкѣ была созвана дума. Было обсужденіе о самооборонѣ, такъ какъ всѣ опасаются вторичнаго возникновенія большевизма.

8 ноября

Посѣтилъ опять всѣ Комендатуры. Германцы пока на мѣстѣ и дѣлаютъ видъ, что не думаютъ покидать Ялту. Очень интересный казусъ случился съ комендантомъ Германской Портовой Комендатуры, съ Hauptmann Hahn. Его за взятки перемѣщаютъ въ Маріуполь. Вотъ те на, видно и германцы заболѣли этою болѣзнью. На морѣ немного тише, но къ вечеру оно снова разревѣлось. Пришли два парохода, одинъ Россійскаго Общества изъ Одессы съ газетами.

9 ноября

Сегодня городъ очень взволнованъ появившимся во вчерашнемъ номерѣ воззваніемъ союзниковъ къ жителямъ Одессы, гдѣ они будто-бы заявляютъ, что пришли въ Россію покончить съ большевиками. Но въ одесскихъ газетахъ нѣтъ ни слова объ этомъ, такъ что все это вранье навѣрно. Особенно въ послѣднее время слухи расплодились, какъ грибы, и нужно ко всѣмъ этимъ «достовѣрнымъ» свѣдѣніямъ относиться съ большимъ разборомъ.

10 ноября

Сегодня узнали важную новость. Вильгельмъ отрекся! Никакъ не ожидалъ, что даже въ Германіи дѣло зайдетъ такъ далеко. Но Вильгельму по дѣломъ, другой разъ ужъ не будетъ играть въ войну. Про прибытіе союзниковъ слышно все меньше, говорятъ, что ихъ эскадра пойдетъ сначала въ Новороссійскъ.

12 ноября

Наконецъ-то получено оффиціальное извѣстіе, что заключено перемиріе между союзниками и Германіей. Слава Богу! Наконецъ-то пришелъ конецъ этому безумному, безконечному кровопролитію. Но ужъ и условія выставили союзники! Вѣдь для Германцевъ это полнѣйшая капитуляція. Но что подѣлаешь, — побѣжденному всегда влетаетъ. Опять стали распространяться слухи, что союзники будутъ въ Новороссійскѣ 14-го числа. Увидимъ!

13 ноября

Начинаетъ опять твориться что-то странное. Въ городѣ носится какой-то большевистскій духъ. Вечеромъ въ Народномъ домѣ долженъ состояться рабочій митингъ, на который приглашены также и германскіе солдаты. Интересно, придутъ ли они на собраніе. Утромъ былъ два раза въ Комендатурѣ. И тутъ что-то неладное. Всѣ германскіе офицеры въ ужаснѣйшемъ расположеніи духа. Еще бы! Пораженіе Deutschland не такъ-то легко перенести. На улицахъ появились сегодня какіе-то матросы, повидимому германскіе, въ автомобиляхъ. Откуда они пріѣхали и съ какой цѣлью, никто не знаетъ. Нѣкоторые изъ публики утверждаютъ, что они прикатили изъ Севастополя, который сегодня долженъ былъ быть занятъ союзниками. Въ общемъ интереснаго много, и хотя на улицахъ жизнь идетъ по старому, но чувствуется что-то въ воздухѣ.

14 ноября

Въ Городской Продовольственной Управѣ смѣна членовъ Управы. Сегодня уже явились новые. Узналъ теперь подробности о вчерашнемъ митингѣ въ Народномъ Домѣ. Оказывается, что на него не явилось ни одного германскаго солдата. Здорово! А наши то думали, что нѣмцы такъ и повалятъ. Сегодня (узналъ я это въ Комендатурѣ) снялась Германская Комендатура въ Алуштѣ. Навѣрное скоро тронется и наша.

15 ноября

Опять Dog's weather. Весь день небо обтянуто тучами и льетъ дождикъ. Очень непріятно, когда нужно бѣгать по разнымъ Комендатурамъ. Утромъ забѣжалъ въ этап-

ную и узналъ важную новость. Завтра или послѣ-завтра германцы покидаютъ Ялту и уѣзжаютъ въ Севастополь. Всѣ они конечно, очень рады, такъ какъ это значитъ nach Hause. Но за то многіе ялтинцы строятъ кислыя рожи, такъ какъ очень боятся большевиковъ. Но я лично не думаю, что тѣ вынырнутъ. Здѣсь организуется теперь что-то вродѣ Добровольческой арміи, кажется — изъ офицеровъ, которая будетъ смотрѣть за порядкомъ. Но гдѣ же англичане? Если они скоро не придутъ, то я потеряю мое мѣсто переводчика, что будетъ очень непріятно.

16 ноября

Опять дождь. Чтобъ онъ! . . . Съ утра началась частичная погрузка германскихъ войскъ на пароходы. Въ 12 часовъ дня прикрылась Этапная Комендатура, Портовая же пока еще функціонируетъ. Окончательно выяснилось, что Германцы оставляютъ Ялту въ понедѣльникъ или вторникъ. Сегодня пришли сразу три парохода «Посадникъ» изъ Керчи, и «Алексѣй» съ «Маріей» изъ Одессы. Привезли газеты, но довольно старыя, — съ четверга. По поводу ухода Германцевъ, въ городѣ бѣда съ германскими марками. Всѣ отказываются ихъ принимать. Въ ходу только русскія деньги. На базарахъ и повсюду скандалы безъ конца. Этимъ положеніемъ моментально воспользовался какой-то предпріимчивый еврейчикъ и открылъ на Набережной мѣняльную контору, гдѣ мѣняетъ 1 германскую марку за 60 коп., а австрійскую крону за 25 коп. Хотя всѣ его и ругаютъ, но русскія деньги нужны, и лавченка дѣлаетъ шикарный Geschäft. Сегодня получено свѣдѣніе, что въ Симферополь прибылъ съ Кубани отрядъ Добровольческой Арміи. Ихъ ожидаютъ и въ Ялтѣ, на пароходѣ «Черноморъ». Интересно отмѣтить, какъ вошелъ сегодня въ портъ пароходъ «Алексѣй» изъ Севастополя. Еще въ морѣ у него развѣвался на кормѣ огромный русскій національный флагъ, когда же онъ сталъ входить въ гавань, то національный флагъ былъ спущенъ и поднятъ голубо-желтый Украинскій.

17 ноября

У мола все еще стоитъ «Марія». Рано утромъ подъ невзрачнымъ украинскимъ флагомъ, а съ 12 часовъ дня совершенно неожиданно, подъ большимъ русскимъ національнымъ. При видѣ этого флага, у всѣхъ на лицахъ появляется радость, люди останавливаются и съ надеждой смотрятъ на родные бѣло-сине-красные цвѣта.

Въ городѣ, по приказу Главнокомандующаго Добровольческой Арміи ген. Деникина, открылся отростокъ Добровольческой Арміи. Командиромъ назначенъ нѣкто полк. Дорофѣевъ. И уже съ первыхъ дней началась сказываться ея дѣятельность и вербовка. На улицахъ довольно часто встрѣчаешь записавшихся съ національной нашивкой на рукавѣ. Гритинъ женихъ, офицеръ-пулеметчикъ, кажется, тоже собирается записываться. Я же пока думаю подождать. Нужно посмотрѣть, серьезное это дѣло или нѣтъ.

18 ноября

Былъ опять въ Продовольственной Управѣ. Этой ночью и рано утромъ германцы окончательно, на шести автобусахъ, покинули Ялту и оттого мнѣ до прихода союзниковъ нечего дѣлать. Все утро болтался по Набережной. На мѣстѣ укатившихъ германцевъ по городу ходятъ теперь новоиспеченные патрули Добровольческой Арміи, офицеры и вольноперы съ винтовками и ручными гранатами. Вечеромъ разнесся по городу слухъ, что завтра будетъ призывъ всѣхъ офицеровъ, юнкеровъ и вольноперовъ. Если это правда, то придется пойти и мнѣ. Ну что-жъ, я не прочь. Но подъ условіемъ, чтобъ забрали и всѣхъ другихъ праздношатающихся, въ особенности изъ интеллигенціи. Авось тогда скорѣе освободится Россія отъ тираніи большевистскихъ узурпаторовъ. Вечеромъ послѣ ужина пошелъ погулять и зашелъ въ Курзалъ на засѣданіе Городской Думы. Было довольно интересно слушать споры между соціалистами о нужности или ненужности торжественной встрѣчи союзникамъ. Эс-эры, народные соціалисты и правые были, конечно, за встрѣчу, эс-деки же противъ.

Возвращаясь домой, встрѣтилъ еще одну партію германскихъ солдатъ. Повидимому, зачѣмъ-то вернулись, а мы то ужъ думали ихъ больше не увидѣть.

19 ноября

Такъ и есть. Сегодня въ газетахъ появился приказъ о мобилизаціи. Ну что-жъ. Я готовъ. Въ 10 часовъ пошелъ въ Комендатуру, теперь уже русскую, и записался, а отъ комиссіи медицинской отказался. Послужить я за Россію согласенъ, но только не за старо-реакціонную; если увижу, что дѣло будетъ клониться къ тому, то до-свиданія.

Моя служба въ Добровольческой Арміи

Въ Ялтѣ

20 ноября

Сегодня утромъ новый приказъ. Всѣхъ записавшихся вчера просятъ явиться въ $9^1/_2$ часовъ утра на Виноградную д. Меллера въ Штабъ Охраны, въ распоряженіе капитана Гаттенбергера. Всѣ, конечно, явились и были сейчасъ-же зачислены въ строй. Мнѣ съ Михаиломъ Васильевичемъ, который тоже записался, пришлось даже сейчасъ идти въ караулъ у воротъ Штаба. Въ общемъ пока крайняя неразбериха. Хотя фактически всѣ на военной службѣ, но никто не знаетъ что дѣлать. Въ военную форму одѣты очень немногіе, большинство же носятъ штатское. Я тоже не имѣю военной формы и приходится стоять въ своемъ статскомъ пальто, кепи и полусапожкахъ, еще изъ Лондона. Какое жалованье намъ будутъ платить, тоже неизвѣстно, но предполагаютъ, что вмѣстѣ съ кормовыми не меньше 500 руб. въ мѣсяцъ. Это было бы не плохо.

23 ноября

Вотъ и зима пришла. Снѣгу хотя нѣтъ, но морозъ пощипываетъ, а утромъ на водоемахъ и лужахъ лежитъ ледъ въ палецъ толщины. Съ интересомъ прочелъ я вывѣшенную сегодня декларацію генерала Деникина о цѣляхъ Добровольческой Арміи. Теперь я могу быть вполнѣ спокоенъ, такъ какъ дѣло къ возстановленію стараго режима не вернется. Послѣ разгона большевиковъ будетъ созвано Народное Собраніе, которое выберетъ наилучшую форму правленія.

Я лично стою за Федеративную Демократическую Республику, на подобіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. По моему этотъ образъ правленія всѣхъ больше подходитъ Россіи. Вѣдь монархія въ Россіи уже черезчуръ скомпрометирована, и приведетъ лишь къ дальнѣйшимъ волненіямъ.

24 ноября

Сегодня въ газетахъ вдругъ сюрпризъ, гласящій, что прошедшая дня четыре тому назадъ мобилизація не обязательна, и что, кто не хочетъ, можетъ возвращаться по домамъ. Многіе ушли, но я рѣшился остаться и служить дальше идеѣ объединенія Россіи и избавленію отъ большевиковъ, какъ Доброволецъ.

Сегодня опять попалъ въ караулъ, и опять въ Штабъ. Въ Штабѣ идутъ теперь приготовленія. Ожидается прибытіе союзниковъ и отряда Добровольцевъ съ Кубани, ввиду чего ихъ хотятъ встрѣтить, какъ подобаетъ. Сегодня утромъ было получено сообщеніе, что въ Севастополь уже прибыла Англо-французская эскадра. Теперь скоро они будутъ и въ Ялтѣ. Подъ вечеръ въ Штабъ привели большевика, гдѣ его допрашивали. И тутъ мнѣ бросилось въ глаза, что у этого типа подъ глазами были синяки, которые по его словамъ посадили ему допрашивавшіе его ранѣе офицеры. Ну съ этимъ образомъ дѣйствія я не согласенъ. По моему, — если виновенъ, то хоть предай разстрѣлу, но не издѣвайся битьемъ по мордѣ. Все это пахнетъ что-то жандармскимъ застѣнкомъ. Вдобавокъ это проникаетъ въ городъ и, какъ нѣмцы говорятъ, «macht böses Blut» среди рабочаго населенія. Эту ночь пришлось проторчать въ Штабѣ. Все ничего, только бѣда, что нѣтъ военной формы, и приходится стоять въ статскомъ.

25 ноября

До 12 часовъ дня стоялъ, а затѣмъ смѣнился и пошелъ домой. Погода все холодная и оттого кутаешься въ пальто. Въ 1 часъ дня въ Ялту прилетѣла сегодня первая союзническая ласточка, — прибылъ румынскій пароходъ, или вспомогательный крейсеръ «Principecca Maria». Онъ шелъ съ Англо-французской комиссіей въ Новороссійскъ за провіантомъ, но по дорогѣ на немъ испортилась помпа и пришлось завернуть въ Ялту для починки. Важничаютъ румыны, гордо смотрятъ сверху палубы на насъ, совсѣмъ позабывъ, что они не нація, а профессія. Видѣлъ также двухъ французскихъ офицеровъ, но ни одного англійскаго. По словамъ команды идутъ они изъ Сулина, и также подтверждаютъ прибытіе въ Севастополь союзной эскадры.

26 ноября, 3 часа дня.

Съ утра бѣгаю по городу, который весь украшенъ русскими національными флагами. Это въ честь ожидаемаго прибытія Добровольцевъ и союзниковъ. На Набережной толпы публики въ праздничныхъ туалетахъ. Среди нея снуютъ туда-сюда офицеры и вольноперы, мѣстные Добровольцы съ національными нашивками на рукавѣ. Румынскій пароходъ все еще у мола и видимо тоже намѣревается принять участіе въ торжествѣ. Сегодня мнѣ наконецъ-то удалось увидѣть перваго англійскаго офицера, проѣхавшаго незамѣтно по Набережной на извозчикѣ. Въ Штабѣ у насъ сегодня тоже оживленіе. Весь домъ Меллера разукрашенъ флагами въ знакъ привѣта старшихъ товарищей съ Дона и Кубани. Во дворѣ идетъ репетиція. Офицеры и вольноперы ходятъ подъ музыку гимназическаго оркестра и берутъ «на — кра-улъ». Когда въ точности гости пріѣдутъ, никто не знаетъ, но по моему ожидать ихъ можно не раньше обѣда, скорѣе къ вечеру.

9 часовъ вечера

Пока еще ни Добровольцевъ, ни союзниковъ нѣтъ. Былъ моментъ, когда думали, что они ѣдутъ, такъ какъ на горизонтѣ показался дымокъ. Всѣ переполошились, бросились на молъ и съ нетерпѣніемъ облѣпили перила. Но когда дымокъ приблизился, то это оказался катеръ «Данаецъ». Въ 5 часовъ стемнѣло, и повсюду стали снимать флаги. Оказалось, что сегодня развѣсили ихъ понапрасну. Сегодня первый день, какъ опять начали принимать германскія марки. Это по приказу, прибывшаго вчера до прихода союзниковъ, коменданта германскихъ войскъ лейтенанта Кекке. Но не думаю, чтобы всѣ исполняли это предписаніе, такъ какъ германцы здѣсь уже не играютъ никакой роли.

27 ноября

И сегодня нѣтъ ни союзниковъ, ни Добровольцевъ. Утромъ снова посѣтилъ Штабъ и получилъ первую часть жалованья, за 10 дней службы — 83 рубля. Какъ говорятъ все жалованье, помимо кормовыхъ, будетъ 250 руб. Затѣмъ ходятъ толки, что скоро всю нашу роту отправятъ на фронтъ противъ большевиковъ. Ну что-жъ, авось къ лучшему. Къ вечеру погода измѣнилась, и пошелъ дождь. На улицахъ опять слякоть, а вечеромъ изъ за отсутствія освѣщенія улицъ кромѣшная тьма. Гулять совсѣмъ невозможно, такъ какъ рискуешь совсѣмъ промочить свои ботинки въ многочисленныхъ лужахъ.

28 ноября

Наконецъ-то прибыли сегодня долгожданные Добровольцы. Я какъ разъ обѣдалъ, и оттого прозѣвалъ начало встрѣчи. По дорогѣ на молъ, на Набережной, мнѣ попался навстрѣчу возвращающійся нашъ почетный караулъ, оркестръ гимназистовъ Кусевицкаго, а сзади нихъ человѣкъ 20 казаковъ. Межъ тѣмъ на молу, гдѣ стоялъ великанъ «Саратовъ», шла выгрузка. Тутъ были и Добровольцы, и казаки, и польскіе легіонеры, все загорѣлые, крѣпкіе люди, довольно потертые и грязные, однимъ словомъ, какъ всегда имѣютъ видъ возвращающіеся солдаты съ фронта. Но народъ все веселый, чисто

военный. Тутъ же на борту виднѣлись ихъ 3-хъ дюймовыя пушки. Я не дождался конца разгрузки и къ 4 часамъ пошелъ домой. Въ это время уже по всему городу шлялись новоприбывшіе солдаты, съ интересомъ разсматривая ялтинскіе магазины и щегольскую публику. Съ одной стороны, конечно, нужно Добровольцамъ пожелать «Добро пожаловать», съ другой же скорѣй прослѣдовать дальше, такъ какъ ясно, гдѣ стоитъ много войскъ, и цѣны на все моментально подымаются. Какъ къ вечеру выяснилось, останутся у насъ только Добровольцы и казаки, польскіе же легіоны прослѣдуютъ дальше на Одессу.

30 ноября

Наконецъ-то прибыли въ Ялту сегодня первые представители союзниковъ, англійскій миноносецъ «Senator» и французскій «Dehorter». Какъ только смѣнился съ поста, сейчасъ же побѣжалъ на молъ. Тутъ опять цѣлое море головъ. Оба судна обсыпаны публикой, съ интересомъ разсматривающей долгожданныхъ союзниковъ. Сами союзники, англійскіе и французскіе моряки, тоже въ свою очередь облѣпили перила и съ любопытствомъ изучали насъ русскихъ. Хотѣлъ поговорить съ какимъ нибудь англійскимъ матросомъ, но изъ за массы народа совсѣмъ невозможно было протолкаться. Глядя на англичанъ, я невольно вспомнилъ Лондонъ, и казалось, до чего давно это все было.

На молу пробылъ съ часъ, а затѣмъ пошелъ домой. Послѣ обѣда и вечеромъ опять ходилъ гулять. Весь городъ, вѣрнѣй, всѣ главныя кафе забиты ялтинской публикой и иностранными матросами и офицерами. Ихъ угощаютъ, какъ друзей и освободителей, такъ какъ увѣрены теперь, что скоро будетъ finish большевикамъ. Повсюду радость и веселье. Радость необыкновенная. У Ravet и Florain не пробьешься, внутри многіе даже стоятъ въ ожиданіи очереди на столикъ. Но настроеніе такое только у такъ называемой буржуазіи и интеллигенціи, у рабочихъ-же совсѣмъ не то, и идя вечеромъ домой мнѣ пришлось слышать ропотъ негодованія противъ притянутыхъ «иностранныхъ наемниковъ».

Вечеромъ состоялось въ Городскомъ Театрѣ торжественное собраніе Думы съ публикой, въ честь пріѣзда гостей. Говорились, какъ полагается, рѣчи членами Думы, которымъ отвѣчали капитаны англійскаго и французскаго миноносцевъ. Затѣмъ пѣли марсельезу и «God save the King» и кричали «Ур-ра», а когда уже стали всѣ разъѣзжаться, то облѣпили оба «союзническіе» автомобиля, и не хотѣли ихъ пускать домой.

4 декабря

Въ нашемъ ялтинскомъ отрядѣ Добровольческой Арміи пока все идетъ по старому. Про отправку на фронтъ что-то перестали болтать. Масса свободнаго времени, такъ какъ въ караулъ идти теперь приходится уже всего разъ въ недѣлю. Стало больше народу. На дняхъ въ нашу роту въ д. Меллера привезли для насъ одинъ пулеметъ, и такимъ образомъ, имѣя его и слишкомъ 300 винтовокъ, мы уже можемъ кое-что натворить. Я все еще надѣюсь на скорое освобожденіе отъ большевизма Москвы. Думаю, что рѣшительная схватка произойдетъ къ веснѣ.

8 декабря

Смѣнился утромъ изъ дежурной части. Ночь прошла спокойно. Патрульные только привели и засадили подъ арестъ двухъ quasi-большевиковъ, гдѣ-то говорившихъ что-то противъ офицерства. Одинъ швейцаръ гостиницы «Джалиты», а другой почталіонъ. Я считаю, что это опять неправильно. Нельзя засаживать каждаго, кто что-либо скажетъ противъ насъ. Нужно строго разбираться, такъ какъ мало ли теперь о чемъ не болтаютъ. Съ населеніемъ же нужно считаться. Потомъ порка! По моему это возмутительная вещь, кладущая только пятно позора на Добровольческую Армію.

9 декабря

Сегодня праздникъ Георгіевскихъ Кавалеровъ. Состоится парадъ «войскъ мѣстнаго гарнизона», и такъ какъ на это требуются только лица съ военной формой, то насъ всѣхъ «статскихъ» засадили въ нарядъ. Я попалъ съ еще тремя въ караулъ на почту. Утромъ еще до парада на дворѣ Штаба, намъ былъ прочитанъ капитаномъ Гаттенбергеромъ, реестръ наказаній. Напримѣръ, за отсутствіе на перекличкѣ — 30 сутокъ ареста, за появленіе въ нетрезвомъ видѣ въ общественномъ мѣстѣ — полевой судъ и за неисполненіе приказаній начальства — разстрѣлъ. Это крѣпко! Но что-жъ такъ и надо, а то никогда не наведешь въ отрядѣ порядокъ и дисциплину.

10 декабря

Въ 12 часовъ смѣнились. Узналъ къ великому моему неудовольствію, что на завтра назначены строевыя занятія. Это очень непріятно. Получилъ сегодня кормовыя за 10 дней — 60 руб. Итого мое мѣсячное жалованіе вмѣстѣ съ кормовыми будетъ 430 руб.

11 декабря

Когда мы утромъ сегодня явились въ Штабъ, намъ сообщили, что дня черезъ три насъ всѣхъ отправятъ черезъ Севастополь въ Симферополь, гдѣ будетъ формироваться I-ый офицерскій полкъ. Эта новость меня въ общемъ обрадовала, такъ какъ я уже опять соскучился по походной жизни. Или можетъ быть мнѣ Ялта надоѣла, и я только позабылъ всѣ невзгоды моей прошлой солдатской жизни. Ну не бѣда! Я готовъ ѣхать хоть къ чорту, причемъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, нѣкто прапорщикъ Я., полякъ, который отсталъ въ Ялтѣ отъ легіона и поступилъ въ нашу часть, обѣщаетъ мнѣ въ Севастополѣ дать возможность перейти въ англійскія войска. Но послѣднему я мало вѣрю, такъ какъ это не такъ легко. Въ 1 часъ былъ смотръ нашей роты генераломъ Корвинъ-Круковскимъ. Бодрый генералъ, похвалилъ насъ, назвалъ всѣхъ «любящими сынами родины Россіи» и затѣмъ уѣхалъ.

12 декабря

Снова попалъ въ Дежурную часть. Пришлось съ 4 часовъ дня торчать въ Штабѣ. Въ общемъ эта ночь была очень бурная. Было приведено арестованными: одинъ солдатъ, пытавшійся дезертировать, одинъ солдатъ за какой-то мелкій проступокъ, и офицеръ, шикарный поручикъ, только что совершившій убійство своего друга московскаго милліонера Титова. Потомъ перепился начальникъ команды мола, и пришлось посылать нѣсколько разъ дозоры, чтобы унять его. Вообще чертовская ночь. Скорѣй бы ѣхать въ Симферополь, а то вся эта ловля пьяныхъ не особенно пріятная работа. Интересно, сколько человѣкъ изъ нашей роты дѣйствительно поѣдутъ. Уже отъ многихъ я слышалъ, что они и не думаютъ покидать Ялту. Ясно одно только, что въ нашей ротѣ пока, несмотря на всѣ застращиванія, слишкомъ мало дисциплины.

13 декабря

Сегодня въ нѣкоторыхъ частяхъ города отчего-то нѣтъ хлѣба. И, конечно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть, большіе хвосты. Англичанъ съ тѣхъ поръ, какъ первый разъ приходили, больше не видно. Всѣ начинаютъ уже на нихъ дуться. Почему дескать такъ медленно помогаютъ намъ.

16 декабря

Сегодняшнія газеты принесли извѣстіе, что въ Одессу вошли Петлюровцы, и тамъ началось опять нѣчто вродѣ большевизма. Вотъ тебѣ и на! На что же союзники? Что-то непонятно мнѣ ихъ отношеніе къ русскимъ дѣламъ.

Видно, есть на Руси пока только одна, единственная сила, отъ которой можно ожидать очищенія Россіи, и это — Добровольческая Армія. Всѣ другія военныя организаціи имѣютъ болѣе или менѣе бандитный видъ.

17 декабря

Опять караулъ. Чтобъ ихъ! До того они мнѣ надоѣли, что прямо жду, не дождусь нашего отъѣзда. Надѣюсь, что въ Симферополѣ будетъ лучше. Бѣда здѣсь съ жалованьемъ. Вотъ ужъ долгое время мы ничего не получаемъ, и многіе, кто безъ средствъ, уже начинаютъ голодать.

Опять сидѣлъ у арестованныхъ въ роли часового. Днемъ ихъ было человѣкъ съ 8, а къ полночи компанія увеличилась вдвое. Все больше за пьянство и драку. Сегодня распространился слухъ, что Петлюровцы вошли въ контактъ съ Добровольческой Арміей и рѣшили вмѣстѣ воевать противъ большевиковъ. Дай то Богъ!

19 декабря

Съ 12 часовъ дня до 4 часовъ былъ занятъ разгрузкой съ одного парохода 100 винтовокъ и 20 000 патроновъ. Работа довольно грязная, такъ какъ приходилось лазить въ трюмъ и тамъ возиться съ грязными ящиками. Но это въ общемъ все пустяки. Около я могъ наблюдать, какъ работали офицеры какого-то проѣзжающаго отряда, нагружая уголь. Въ пыли и грязи, черные какъ негры, они всетаки были веселы, — какъ истые сыны Добровольческой Арміи. Ночь провелъ опять въ Штабѣ. Но до чего у насъ малосознательна, недисциплинирована публика; (вѣдь нельзя забывать, что вся наша рота состоитъ сплошь изъ интеллигенціи, т. е. изъ образованнаго класса!) Въ Дежурную часть было назначено 25 человѣкъ, а явилось къ вечеру только 10. Таковъ ужъ характеръ русскаго человѣка. Хоть молотомъ бей по башкѣ, а отъ своихъ старыхъ привычекъ, никакъ отстать не можетъ.

20 декабря

Все то же. Находимся въ какомъ-то ожиданіи. У всей роты только одно на умѣ, — поѣдемъ или нѣтъ? Кто твердитъ, что нѣтъ, а кто увѣряетъ, что да, дѣло только за транспортомъ. Скорѣй бы хоть пришелъ, а то жить въ ежеминутномъ ожиданіи хуже всего.

Межъ тѣмъ жизнь въ ротѣ налаживается. Конечно, хромаетъ дисциплина, но что подѣлаешь? За то прекратилась омерзительная порка арестованныхъ, и Слава Богу. Немного косо только смотрятъ на насъ «Ливадійцы» (такъ названы части Сводно-гвардейскаго полка, прибывшаго изъ Новороссійска и размѣщеннаго въ Ливадіи). Но это понятно. У нихъ желѣзная, прямо старо-режимная дисциплина, а у насъ наоборотъ. Сидя въ Дежурной части, наблюдаешь, какъ каждый вечеръ приводятъ пьяныхъ офицеровъ для «протрезвленія». Картина мало пріятная. Сегодня наконецъ-то выдали за декабрь мѣсяцъ кормовые 188 рублей. Всего такимъ образомъ съ начала моей службы въ Добровольческой Арміи, т. е. съ 20 ноября я получилъ кормовыми 391 рубль. Завтра обѣщаютъ выдать жалованіе.

21 декабря

Все еще находимся въ Ялтѣ. Какъ нашего транспорта и не ждутъ, а его все нѣтъ. Сегодня пришлось мнѣ препровождать въ тюрьму пойманнаго прошлой ночью комиссара Совѣтской Россіи. На лицо были всѣ документы, и ему грозитъ явный разстрѣлъ. Самъ онъ — старичекъ, отпирался, говорилъ, что не большевикъ, а только лѣвый эс-эръ. Но документы, при томъ самые настоящіе? Глядя на него, мнѣ стало его право жалко, Онъ казался мнѣ такимъ забитымъ, беззащитнымъ, но голосъ мести къ врагу говорилъ, вѣдь онъ большевикъ . . . Ранѣе, еще въ Штабѣ, намъ (насъ было трое часовыхъ) совѣтовали разстрѣлять его по дорогѣ, подъ видомъ — «при попыткѣ бѣжать». Но нѣтъ, я еще не достаточно загрубѣлъ, чтобъ пойти на такое дѣло. И старикъ можетъ быть доволенъ, что намъ досталось его вести, та́къ какъ многіе поступили бы не такъ.

23 декабря

Сегодня въ ротѣ производился еще одинъ смотръ. На этотъ разъ генераломъ Пархомовымъ, тоже какимъ-то великимъ изъ міра сего. Послѣ окончанія всѣмъ было объявлено, что пришла телеграмма о немедленной нашей отправкѣ съ первымъ пароходомъ въ Севастополь и Симферополь. Наконецъ-то! Слава Богу!

Въ Симферополѣ

26 декабря

Съ утра всѣ въ бѣготнѣ. Пришелъ наконецъ-то нашъ пароходъ. Въ 10 часовъ утра всѣ съ музыкой отправились изъ Штаба на молъ, а въ 12 часовъ при кликахъ «Ура» покинули Ялту. Въ общемъ, какъ я могъ замѣтить, къ отправкѣ явились всѣ, всего человѣкъ 200.

Къ вечеру показался и самъ Севастополь. Войдя въ гавань мы увидѣли союзный флотъ, съ англійскимъ дредноутомъ «Superb» во главѣ. Когда окончательно стемнѣло, интересно было наблюдать быстрое искровое сигнализированіе боевыхъ единицъ. Съ «Superb» неслись звуки вальса. Тамъ справляли второй день Рождества, и при свѣтѣ электричества видны были танцующія пары англійскихъ матросовъ.

Вечеркомъ вырвался на часокъ и прошелся въ городъ. Нахимовскій проспектъ полонъ публики, причемъ встрѣчаешь немало моряковъ союзныхъ державъ, и, что насъ особенно поразило, уйму типовъ съ явно большевистскими физіономіями.

27 декабря

Съ утра къ пристани пришли нанятыя нами лодочки, мы погрузили въ нихъ наши вещи и поѣхали дальше, въ районъ пристани Россійскаго Общества. Заливъ уже давно проснулся, и я превосходно могъ теперъ любоваться союзной эскадрой, и ныряющими по всѣмъ направленіямъ англо-французскими катерами. Недалеко отъ пристани Россійскаго Общества мы выгрузились, заняли уже поданный товарный вагонъ, и покатили на вокзалъ, гдѣ были прицѣплены къ поѣзду. Проѣзжая вдоль гавани, видѣли высадку 2 тысячной французской арміи зуавовъ, которые въ своей красно-голубой формѣ имѣли очень живописный видъ. Самъ вокзалъ охранялся патрулями англійскихъ войскъ, которые гордо расхаживали по платформамъ, разсматривая нашу пеструю компанію. Не за долго до отъѣзда нашей ротой былъ на вокзалѣ пойманъ одинъ большевикъ, еврейчикъ, раздававшій публикѣ и солдатамъ прокламаціи съ призывомъ свергнуть бѣлогвардейцевъ. Онъ былъ моментально схваченъ, и послѣ краткаго разбирательства, при благословеніи англійскаго полковника мѣстнаго караула, на мѣстѣ разстрѣлянъ. Потомъ мы уѣхали, а трупъ такъ и остался лежать, въ видѣ примѣра темнымъ элементамъ. Дорога въ Симферополь довольно скучна, но къ счастью не болѣе 4-хъ часовъ ѣзды. Миновали Альму, Бахчисарай, еще что-то и мы на мѣстѣ въ Симферополѣ. Кромѣ командира полка, полковника Мурилова, насъ никто не встрѣтилъ, и оттого, погрузивъ на подводы нашъ багажъ, отправились одни въ городъ. Насъ размѣстили въ Городскомъ Клубѣ, въ очень объемистомъ и хорошемъ зданіи, въ самомъ центрѣ города, что было очень пріятно. Умывшись и побрившись, пошелъ бродить по городу. Отъ нечего дѣлать посѣтилъ рядъ кафе, и обѣдалъ въ столовой, 2 блюда за 4 руб. 50 коп.

28 декабря

Весь день шатался по городу. Пока еще ничего не дѣлаемъ. Въ ротѣ же уже начинаютъ постепенно устраиваться, хотя почти ни у кого еще нѣтъ кроватей.

Въ обѣдъ посѣтилъ въ компаніи съ однимъ изъ моихъ сослуживцевъ, прапорщикомъ Коноваловымъ, ресторанъ гостинницы «Метрополь», но нарвался тутъ на ужасныя цѣны, обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ и кофе съ булочками — 20 руб. Для меня это дорого, такъ какъ весь мой капиталъ 400 руб. Отъ нечего дѣлать, вечеромъ наша Ялтинская рота принялась «за работу». Были снаряжены три отряда и отправлены дѣлать облавы, въ преступныхъ районахъ. Къ полночи они вернулись, но съ сравнительно небольшой добычей, два револьвера и штыкъ.

29 декабря

Попалъ сегодня первый разъ въ Симферополѣ въ нарядъ часовымъ на станцію. Жутко было стоять ночью, вѣдь знаешь, что въ городѣ до чорта темнаго элемента, сочувствующаго большевикамъ. Прислонившись къ стѣнѣ пакгауза, стоишь и слушаешь, какъ въ ночной тишинѣ по всему городу звонко раздаются отдѣльные выстрѣлы. Можно было себя прямо представить въ большевистской Москвѣ. Ялта по сравненію съ Симферополемъ мнѣ казалась теперь прямо «глубокимъ тыломъ». Нужно было зорко присматриваться; и когда вдругъ начали стрѣлять совсѣмъ около, пачками, я началъ думать, что обстрѣливаютъ станцію. Но, какъ потомъ оказалось, это полиція дѣлала облаву на гостинницу «Асторію»; облава дала хорошіе результаты. Къ утру на вокзалъ привезли и арестованныхъ, 8 человѣкъ — оказавшихся ярыми большевиками. Чтобы они не сбѣжали, всѣхъ ихъ заперли въ товарный вагонъ и поставили спеціальный караулъ.

30 декабря

Въ 12 часовъ смѣнились и пошли домой. У себя въ ротѣ я узналъ, что въ городѣ стоитъ ропотъ по поводу «безпричинныхъ и самовольныхъ» налетовъ Ялтинской роты. Говорятъ, что въ видѣ протеста ожидается забастовка и демонстрація печатниковъ, такъ какъ за прошлую ночь патруль нашей роты произвелъ аресты на какомъ-то засѣданіи ихъ Профессіональнаго Союза. Тамъ же былъ арестованъ, а затѣмъ выпоротъ за найденную у него большевистскую литературу съ прокламаціями и призывами секретарь этого Союза. Вообще въ городѣ тревожно. На улицѣ рабочіе очень косо посматриваютъ на насъ.

31 декабря

Какъ предполагалось, такъ и вышло. Сегодня забастовка печатниковъ. Газеты не вышли. Съ утра вся рота на готовѣ, такъ какъ ожидалось выступленіе рабочихъ. Къ вечеру опять стали раздаваться отдѣльные выстрѣли, но дальше этого дѣло не пошло. На улицахъ обычное оживленіе. Масса гуляющей и шатающейся публики, благо погода все еще прекраснѣйшая. Вечеромъ пошелъ съ моими компаньонами въ «Чашку Чая» Армянскаго Благотворительнаго Общества, и прекрасно, и весело провелъ время. Играла музыка, повсюду веселыя лица, и ничто не указывало на тревожное время. Но за то рота на готовѣ, 6-ая же спитъ въ полномъ боевомъ вооруженіи. Дѣло въ томъ, что всю нашу Ялтинскую роту теперь разбили на двѣ, на 5-ую, это въ которой я, и 6-ую. 1-ая же, 2-ая, 3-ая, и 4-ая составляютъ роты Симферопольцевъ.

1 января

Сегодня по новому стилю Новый Годъ 1919! Интересно, что будетъ черезъ годъ. Неужели все еще будемъ заниматься Гражданской войной. Въ городѣ опять все спокойно. Вышли снова газеты. Въ свою очередь и мы освободили нѣкоторыхъ арестованныхъ и передали ихъ гражданскимъ властямъ. Съ утра угодилъ на работу въ кухню, пришлось чистить картошку и т. п. Не особенно пріятно, но что подѣлаешь. Людей у насъ крайне мало и приходится работой не гнушаться. На кухнѣ работаютъ также и офицеры. Вчера вечеромъ мы арестовали нѣсколько солдатъ нашей же роты за пьянство и довольно большевистскіе взгляды. Это были жители Перекопа. Дѣло въ томъ, что въ нашу роту вкраплены теперь офицеры и солдаты и изъ другихъ частей Крыма, не одной только Ялты. Вечеромъ смѣнился, такъ какъ окончилъ мою кухонную работу. и закатилъ въ «Чашку Чая».

3 января

Живемъ все по старому. Несемъ наряды, а больше гуляемъ. Откровенно говоря уже изучилъ всѣ Симферопольскіе кафе и «Чашки Чая». Въ городѣ все еще не совсѣмъ спокойно. Рабочіе предложили новый ультиматумъ: въ 3-хъ дневный срокъ освободить

троихъ вполнѣ доказанныхъ большевиковъ, грозя въ противномъ случаѣ общей забастовкой. Но, какъ кажется, Штабъ на это не пойдетъ, и правильно, такъ какъ разъ сдашь позиціи, то дѣло пропало.

Сегодня получены свѣдѣнія, что началась анархія въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, что тамъ бандами разстрѣливаются офицеры и т. д. Вся наша 5-ая рота такъ и рвется туда, но насъ отчего-то туда не послали, а послали другихъ. Навѣрное мы здѣсь нужнѣе. Къ вечеру пришло другое извѣстіе, что анархія подавлена прибывшими въ Евпаторію Добровольцами на французскомъ миноносцѣ. Ну и Слава Богу!

4 января

Все all right. Попалъ опять въ караулъ. На этотъ разъ на Гауптвахту въ Крымскія казармы. Пришлось охранять 8 человѣкъ, да еще 2-хъ, приведенныхъ ночью, всего 10 человѣкъ. Большинство, какъ было и въ Ялтѣ, офицеры, сидящіе за пьянство и буйство.

6 января

Сегодня съ 3-хъ часовъ ночи на ногахъ. Встали еще затемно и тутъ только узнали, что идемъ на облаву, отбирать у населенія оружіе. Тихо вскочили всѣ на ноги, вышли на темную улицу, построились, и маршъ въ Крымскія казармы, гдѣ каждой партіи былъ указанъ свой районъ. Моей партіи достался районъ отъ Свѣчного Завода до казармъ. Пошли. Вскорѣ началась работа. Уже въ первыхъ домахъ мы надѣлали не мало переполоха, такъ какъ большинство было увѣрено, что явились грабители. Заходили въ каждый домъ, шарили, осматривали и при находкѣ оружія сейчасъ-же отбирали. Въ общемъ все обошлось благополучно. Нашли немного, но зато повсюду натыкались на готовые и готовящіеся пироги къ празднику Рождества. Обыскъ продолжался до 2 часовъ, послѣ чего было приказано закончить и идти домой.

10 часовъ вечера

Рождество Христово! Какъ много для каждаго изъ насъ въ этомъ праздникѣ. Для меня обыкновенно, — Москва, морозъ, веселыя лица родителей и братьевъ съ сестрой, старая Michaelis-Kirche, занесенная снѣгомъ, елка съ горящими свѣчами и улицы Бѣлокаменной съ ярко пылающими кострами сторожей. Совсѣмъ другое сегодня! Теперь тоже вечеръ. Но вмѣсто родительскаго дома въ Москвѣ, я несу караулъ въ Государственномъ Банкѣ Симферополя. Уже прозвонили всѣ церкви. Въ каждую семейку ужъ пронесли по елочкѣ, и теперь идетъ веселье. Я же въ этотъ моментъ сижу въ одинокой залѣ, съ еще двумя банковскими сторожами, и за столикомъ пишу эти замѣтки. Выплываютъ разныя думы и начинаешь гадать. Послѣдній ли это годъ гражданской войны? Неужели и слѣдующій годъ, и слѣдующее Рождество Москва все еще будетъ во власти красныхъ тирановъ? Буду вѣрить, что нѣтъ, и надѣяться, что при помощи союзниковъ и Добровольческой Арміи дикія орды красноармейцевъ будутъ разбиты и Россія освобождена.

7 января

Первый день Рождества Христова! Съ утра всѣмъ намъ выдали по $^{1}/_{2}$ фунта галетъ и 7 яблокъ. День совершенно весенній. Тепло и яркое солнце. Съ ранняго утра уже бѣгаю по городу. Въ храмахъ масса народу. На улицахъ тоже. На главной, на Пушкинской — веселье. На лихачахъ разъѣзжаютъ горожане и любители, въ особенности татары, которые несутся прямо вскачь.

Вечеромъ зашелъ въ Европейскую Гостинницу, въ Штабъ, а также столовую Крымской Добровольческой Арміи, гдѣ съ еще однимъ другомъ ужиналъ. Было крайне мило и уютно. Залъ былъ прелестно убранъ, на столикахъ же засахаренные фрукты и яблоки. Въ углу горѣла елка, что давало помѣщенію еще больше уюта. Подавали дамы общества въ праздничныхъ туалетахъ. Однимъ словомъ проведенный вечеръ намъ понравился,

и мы пошли домой вполнѣ довольными. Интересно тутъ отмѣтить дешевизну цѣнъ для членовъ Добровольческой Арміи, въ этой столовой. Обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ — 2 руб. 50 коп., кофе 75 коп., и полное блюдце варенья или повидлы — 25 коп.

10 января

Опять съ утра ходили на облаву. Теперь уже въ другомъ районѣ, тоже крайне демократическомъ. Заходили въ каждую избушку, въ каждый домъ, шарили и искали, часто натыкаясь на еще спящихъ, въ однѣхъ рубашкахъ, хозяевъ. Одной изъ нашихъ партій было оказано вооруженное сопротивленіе. По ней стрѣляли изъ оконъ трехъ домовъ. Нашими былъ тогда тоже открытъ огонь, и ворвавшись въ дома имъ удалось арестовать двухъ стрѣляющихъ типовъ. Остальнымъ удалось удрать. Одинъ изъ арестованныхъ оказался сумасшедшимъ, а другой объяснилъ свою стрѣльбу тѣмъ, что думалъ мы налетчики. Но въ противовѣсъ этимъ заявленіямъ въ одномъ изъ домовъ было найдено масса казеннаго имущества, большевистской литературы и печатей.

12 января

Съ утра уже работаю на третьей облавѣ. Теперь въ районѣ тóлкучки. Меня закатили на постъ въ Ночлежный переулокъ, гдѣ пришлось торчать и ощупывать прохожихъ, вплоть до самаго обѣда. Въ общемъ не особенно пріятное занятіе, но ничего не подѣлаешь.

Сегодня прибылъ въ Симферополь, вырвавшійся отъ большевиковъ изъ Екатеринослава, Украинскій 8-ой корпусъ. Всего ихъ 1600 человѣкъ, и пришлось имъ идти весь далекій путь съ боемъ, пробивая себѣ дорогу пулей и шашкой. Въ 2 часа дня были отправлены 10 человѣкъ изъ 6-ой роты въ Таганашъ на смѣну какой-то другой части, для несенія караульной службы.

14 января

Почти ежедневно любители изъ нашей роты, въ томъ числѣ и я, подъ командой фельдфебеля нашего, капитана Ковалевскаго, отправляемся, чуть стемнѣетъ, въ экспедицію по розыску въ преступныхъ районахъ оружія. И вотъ наконецъ-то и мнѣ сегодня удалось себѣ раздобыть револьверъ. Револьверъ «Смитъ и Вессонъ» небольшого калибра и довольно изящный. Находкѣ этой я, конечно, очень радъ, такъ какъ въ такое время быть безъ карманнаго оружія крайне опасно, да особенно если служишь въ бѣлогвардейской Добровольческой Арміи. Но интересно замѣтить, что наши обыски и облавы уже даютъ результаты. Той частой ночной перестрѣлки, которая слышна была при нашемъ пріѣздѣ, теперь совсѣмъ нѣту.

15 января

Въ Евпаторіи, какъ оказывается, далеко не все окончено. Разбойники теперь засѣли близъ города въ каменоломняхъ, и все еще наводятъ по всему уѣзду страхъ и терроръ. Ввиду этого, для истребленія этой банды, туда отправился изъ Симферополя сегодня отрядъ нашего Офицерскаго полка, I-ая рота, 6 пулеметовъ и взводъ артиллеріи изъ двухъ орудій, всего человѣкъ 150. Охотниковъ на это дѣло явилось много и оттого отправили прямо роту по назначенію.

Въ самомъ Симферополѣ теперь все спокойно. Рабочіе успокоились, а газетная критика стала менѣе ярой.

16 января

Весь день болтался по городу. Но шатаніе это теперь менѣе интересно, такъ какъ въ карманѣ какихъ нибудь 40 рублей и ихъ нужно беречь. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ сидишь у себя въ ротѣ и ожидаешь вечера, когда закатываешь за 2 руб. 50 коп. въ кино. Сегодня вечеромъ ходили опять на обыски, но почти безъ всякаго результата. Сначала было залетѣли въ одну квартиру на Александро-Невской, думая, что тамъ за-

сѣданіе большевиковъ. Но вмѣсто этого наткнулись на мирно проживающихъ офицеровъ. Затѣмъ побрели дальше, по пути обыскивая прохожихъ. У одного гимназиста отобрали револьверъ, причемъ самъ гимназистъ до того перепугался, что отдалъ намъ свой браунингъ безъ единаго слова протеста.

19 января

Сегодня получено подтвержденіе. Въ Евпаторіи правда убито три человѣка. Прапорщикъ, мичманъ и одинъ вольноопредѣляющійся. Всѣ они изъ I-го батальона, но какъ они погибли, еще не извѣстно.

21 января

Наша пища, бывшая сперва столь хорошей, давали даже котлеты, теперь что-то начинаетъ сдавать. Даютъ меньше и уже въ худшемъ качествѣ. Ввиду этого въ ротѣ ропотъ и злоба на «пьянствующихъ въ Европейской Гостинницѣ» штабныхъ. Также не клеится дѣло и съ обмундировкой. Ее все еще не выдали, также и сапогъ. У меня, напримѣръ, сегодня окончательно развалились мои знаменитые «Piccadilly schoe». Пришлось ихъ дать чинить на свои деньги, что будетъ стоитъ 40 руб., жалованіе же, какъ теперь окончательно установили, будетъ всего, какъ и во всей Русской Добровольческой Арміи, для солдатъ 30 рублей.

22 января

Къ вечеру наконецъ-то были получены точныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ 1-го батальона въ Евпаторіи. Бандиты, какъ оказывается, послѣ ряда стычекъ, были выгнаны изъ каменоломенъ и взяты въ плѣнъ. Причемъ съ послѣдними было поступлено безъ пощады. Всѣхъ 200 человѣкъ-плѣнныхъ выстроили въ рядъ, а затѣмъ разстрѣляли пулеметами. Главарь банды нѣкто Петриченко былъ пойманъ тяжело раненымъ и также разстрѣлянъ. По моему этотъ родъ дѣйствія правиленъ, такъ какъ съ такой публикой иначе нельзя разговаривать.

23 января

Стало чертовски холодно. Въ обѣдъ заступилъ въ караулъ, и стоя внизу у входа въ наше помѣщеніе, здорово промерзъ. Къ вечеру вдругъ приказъ, — послѣ 6 часовъ никого никуда не выпускать. Причина та, что въ Штабъ Корпуса пришла какая-то курсистка и заявила, что въ городъ стекаются изъ окрестностей большевистскія банды, а также указала нѣсколько мѣстъ, гдѣ ими спрятано оружіе. Послѣ этого была послана для провѣрки наша контръ-развѣдка, которая подтвердила все сказанное курсисткой.

Такимъ образомъ, съ 6 часовъ вечера всѣ торчимъ дома и скучаемъ. Мнѣ лично кажется, что сообщеніе курсистки одна только провокація, имѣющая цѣлью держать мѣстный отрядъ Добровольческой Арміи въ страхѣ, дѣйствуя такимъ образомъ на психику нашихъ людей.

25 января

Смѣнились и пошли домой. Въ ротѣ встрѣтили нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и прапорщика Я., которые ѣздили вмѣстѣ съ 1-ымъ батальономъ въ Евпаторію въ качествѣ подрывниковъ. Они разсказывали очень много интереснаго, между прочимъ, какъ они выстраивали всѣхъ 120 человѣкъ-плѣнныхъ (не 200, какъ я раньше замѣтилъ) и ихъ разстрѣливали. По ихъ словамъ, въ каменноломняхъ еще осталось человѣкъ 30, которыхъ при уходѣ, ввиду трудности ихъ выкурить, Добровольцы завалили камнями.

26 января

Выясняются и нѣкоторыя «преступныя» подробности Евпаторійскихъ событій. По приказу командира 1-го батальона, предаются военно-полевому суду трое изъ нашихъ пулеметчиковъ. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они во время боя, когда имъ нужно было

быть у пулемета, сидѣли въ городѣ, пьянствовали, и накутивъ на 15 000 рублей, не заплатили, угрожая хозяину ресторана. Кромѣ того, занимались среди населенія открытымъ грабежомъ, чѣмъ подрывали авторитетъ всей Добровольческой Арміи.

Узнавъ объ этой исторіи, я откровенно говоря, ничуть этому не удивился, такъ какъ отъ двухъ подсудимыхъ всего этого можно было ожидать. Типы они крайне жуликоватые, безъ всякой совѣсти, отличавшіеся еще въ Ялтѣ, и не разъ сидѣвшіе уже тамъ на Гауптвахтѣ. Жаль только третьяго, вольноопредѣляющагося К., который навѣрно случайно попалъ въ эту компанію. Капитанъ Орловъ, командиръ 1-го батальона, подаетъ высшему начальству рапортъ о разжалованіи ихъ въ рядовые, и съ этимъ шагомъ вся наша рота вполнѣ согласна.

28 января

Ночью была тревога. Въ 1 часъ ночи вдругъ раздается команда «вставай!» Затѣмъ — «одѣвайся и бери всѣ три подсумки, 180 патроновъ», такъ какъ куда-то ѣдемъ по желѣзной дорогѣ. Вотъ тебѣ и на. Моментально, конечно, всѣ были на ногахъ, одѣлись и стали ждать. Такъ прождали часъ, когда новое распоряженіе: «Ложись спать, до распоряженія». Всѣ въ недоумѣніи, но разлеглись. Межъ тѣмъ во дворъ въѣхали откуда-то взявшіяся двѣ подводы, для погрузки пулеметовъ, а къ намъ явился изъ Штаба полка развѣдчикъ, посланный для связи.

9 часовъ утра

Встали, напились чаю. Всѣмъ роздали сало, что доказываетъ, что поѣздка не отмѣнена, хотя точно ровно никто ничего не знаетъ. Все еще находимся въ ожиданіи. Морозъ на улицѣ такой-же, зато свѣтитъ солнце.

10 часовъ вечера

Все еще въ Симферополѣ. Поѣздка наша видно затягивается. Какъ оказывается, насъ требуютъ для поддержанія мобилизаціи въ уѣздѣ. Увидимъ!

30 января

За третій и вчерашній день въ городѣ произошли два загадочныхъ убійства. Убиты нашего полка одинъ офицеръ и вольноопредѣляющійся. Первый въ 1 часъ ночи по дорогѣ домой, изъ-за угла разрывной пулей, а второй во время облавы, когда онъ стоялъ на часахъ обыскиваемаго дома. По поводу этихъ происшествій среди чиновъ мѣстнаго отряда большое волненіе, съ требованіемъ къ своему начальству болѣе энергичныхъ дѣйствій, даже разгона кадетскаго либеральничающаго Крымскаго Правительства г. Крыма.

31 января

Получены свѣдѣнія, что Кіевъ занятъ большевиками. Но это не бѣда. Пускай тамошніе рабочіе и крестьяне узнаютъ, что такое совѣтская власть. Авось тогда перестанутъ ругать Добровольческую Армію. Сегодня утромъ ходили на панихиду по убитому третьяго дня вольноопредѣляющемуся. Церковь небольшая, посреди въ цвѣтахъ гробъ съ убитымъ, тутъ-же родственники и сослуживцы — Добровольцы. Печальная картина, но что подѣлаешь. И глядя на все это, невольно приходитъ мысль, что для борьбы съ красными нужно поступать по большевистски, за одного нашего — десять ихъ. А не такъ, какъ поступаетъ наше Крымское Правительство, разводя Керенщину.

1 февраля

Сегодня раздавали жалованіе. Получили, конечно, всѣ, но прокъ былъ отъ этого только офицерамъ, такъ какъ имъ платили по 375 руб. Намъ же вольноперамъ отъ 30 руб. жалованія радости мало. Вдобавокъ у меня уже долгъ въ 40 руб. (это на починку моихъ ботинокъ), такъ что получать мнѣ ничего не пришлось.

Утромъ сегодня состоялись похороны убитаго на дняхъ вольноопредѣляющагося.

4 февраля

На дняхъ была объявлена офицерская мобилизація. Это для той публики, которая при первой мобилизаціи не явилась. И сразу она дала себя почувствовать. Въ роту за день прибыло 10 человѣкъ и въ томъ числѣ 4 полковника. Послѣдніе все лысые старички, и я не понимаю, куда ихъ сунутъ. Неужели въ строй, какъ рядовыхъ?

6 февраля

12-го состоится призывъ родившихся въ 1897 году, и ввиду этого, какъ говорятъ, хотятъ переселить весь нашъ батальонъ въ другое, болѣе помѣстительное помѣщеніе. Сегодня панихида по поручикѣ А. Послѣдній, тоже старый Ялтинецъ, недѣли $1^1/_2$ тому назадъ только уѣхалъ въ Мелитополь въ какой-то партизанскій отрядъ и палъ нѣсколько дней спустя при взятіи партизанами села Спаское, чтобы принудить тамошнюю молодежь къ мобилизаціи. Жаль парня! Хотя онъ и былъ порядочный аферистъ, но хорошій товарищъ.

9 февраля

Мы ужъ развѣдчики, хотя живемъ пока еще въ старомъ помѣщеніи 5-ой роты. Но это не на долго. Скоро переберемся на собственное мѣсто.

10 февраля

Морозъ все продолжается. Идете по улицѣ, а подъ ногами хруститъ снѣгъ. Сегодня прибылъ изъ Ялты въ Симферополь кавалерійскій полкъ полковника Гершельмана. Весь онъ идетъ подъ Мелитополь. Также отправленъ вчера туда одинъ только что сдѣланный бронированный поѣздъ. Получены свѣдѣнія, что подъ Пришибомъ идутъ сильные бои съ красными.

11 февраля

Снѣгъ продолжаетъ валить. Для Симферополя это рѣдкая зима. Завтра начинается мобилизація солдатъ родившихся въ 1897 году. Увидимъ, какъ она пройдетъ. Многіе сомнѣваются въ ея успѣхѣ.

13 февраля

Съ вчерашняго дня живемъ уже на новомъ мѣстѣ, въ гостиницѣ «Версаль». Довольны всѣмъ, за исключеніемъ развѣ того, что въ номерахъ крайне холодно.

Сегодня я видѣлъ Пуришкевича. Онъ живетъ тоже въ «Версалѣ» и является въ общій залъ къ обѣду. Ходитъ онъ въ полу-генеральской формѣ, а обѣдаетъ даже въ турецкой фескѣ. Ну прямо похожъ на шута-гороховаго. Всѣ имъ восхищаются, но не я, такъ какъ считаю его взгляды довольно вздорными.

14 февраля

Разсказываютъ нѣкоторыя печальныя подробности о прошедшей мобилизаціи. Говорятъ, что за два дня вмѣсто 1700 человѣкъ явилось всего 24 человѣка, да и то все явно негодные. Здорово, нечего сказать! Много въ провалѣ виноваты мѣстные Профессіональные Союзы. Они постановили не подчиняться мобилизаціи. Ясно, что среди ихъ членовъ не мало чистыхъ большевиковъ. Скорѣй бы ихъ прикрыли и разогнали бы всю эту банду.

17 февраля

Почти весь день сидѣлъ дома. Въ городѣ все спокойно, за исключеніемъ одной исторіи, касающейся нашего полка. Въ нашемъ полку произошло нѣчто вродѣ возмущенія. Дѣло въ томъ, что видя, какъ ничего не дѣлаютъ старики-офицеры въ штабахъ, даже преступно попускаютъ явную пропаганду большевизма, 1-ый батальонъ во главѣ съ

капитаномъ Орловымъ предъявилъ командиру Черноморско-Азовской Арміи слѣдующее требованіе: 1. смѣщеніе всѣхъ этихъ стариковъ, изъ-за своей ветхости не способныхъ ни къ чему и только даромъ уничтожающихъ казенный хлѣбъ. 2. Уменьшеніе количества штабныхъ. 3. Смѣщеніе генерала Пархомова, какъ явнаго измѣнника, взяточника. 4. Увеличеніе жалованія вольноперамъ и т. д. Вообще, какъ видно, задумана была реформа необыкновенная. Нашъ батальонъ хотѣлъ сначала тоже къ этому присоединиться, но потомъ отчего-то предпочелъ выжидательную тактику. Ввиду этой исторіи вечеромъ генераломъ Боровскимъ было созвано собраніе всѣхъ офицеровъ, гдѣ онъ успокаивалъ всѣмъ нервы, но не обѣщалъ исполненія требованія. Генералъ Пархомовъ присутствовалъ тутъ-же, но держался позади.

20 февраля

Погода весенняя. Съ фронта приходятъ свѣдѣнія, что тамъ дѣла не особенно важны. Въ Донской Арміи казаки въ составѣ 10 полковъ перешли на сторону большевиковъ, а послѣдніе благодаря этому прорвали фронтъ. Въ виду этого нашимъ приходится отступать полнымъ ходомъ, и они идутъ уже далеко къ югу отъ Воронежа и Царицына. Ну и казаки! Такихъ измѣнниковъ мало разстрѣлять. Теперь и Крымскіе большевики начинаютъ подымать головы. На улицѣ то и дѣло встрѣчаешь злобные взгляды и шипѣніе черни. Получено приказаніе 1-му батальону готовиться завтра къ отправкѣ на фронтъ. Это еще въ наказаніе за прошедшее возмущеніе. Но видно и намъ не придется долго ждать. Да и пора! Какъ разъ время сцѣпиться съ красными бандитами.

21 февраля

Сегодня утромъ началась погрузка 1-го батальона. Говорятъ, что 2-ой батальонъ двинется дней черезъ шесть. Хорошо бы! Снова увидимъ позицію и знакомые виды войны. Въ городѣ все по старому, на улицахъ масса народу.

24 февраля

Тянетъ къ морю, къ свободной жизни, къ приключеніямъ. Хорошо бы имѣть теперь шхуну и разъѣзжать себѣ съ ней по морямъ, подрабатывая себѣ при перевозкахъ товара капиталецъ на черный день. Я знаю людей, которые сколотили себѣ такимъ образомъ цѣлое состояніе. Вѣдь шхуны цѣнятся теперь на вѣсъ золота.

27 февраля

Жизнь такая постепенно надоѣдаетъ, и тогда ужасно тянетъ въ даль. У меня съ Д. уже имѣются кое-какіе планы на будущее, и если они удадутся, то мы бросимъ всю эту гражданскую войну и начнемъ собственными силами дѣлать себѣ будущее, внѣ предѣловъ Россіи. Отъ безденежья и я принялся за «спекуляцію». Купилъ сукно за 134 руб. (20 арш.) и намѣреваюсь теперь продать его разъ въ 5 дороже. Увидимъ, что изъ этого выйдетъ. Сегодня весь день сидѣлъ дома, такъ какъ въ карманѣ ни гроша.

2 марта

Окончилъ мою спекуляцію и за все получилъ что-то около 300 рублей. Не дурно! Вѣдь купилъ за 134 рубля. На дняхъ ѣду съ Я. въ Севастополь, въ командировку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прогулку. Меня эта поѣздка очень и очень интересуетъ, такъ какъ Севастополя я почти совсѣмъ не знаю. Довольно оригинально проходитъ наша жизнь теперь въ командѣ. Что ни вечеръ, то пьянство. Всѣ главари во главѣ съ К. напиваются до чертиковъ и устраиваютъ затѣмъ подлинный «Bedlam». Я, конечно, съ Д. участія въ этомъ не принимаю и только съ удивленіемъ гадаемъ, откуда у тѣхъ такія деньги. Вѣдь они тратятъ ежедневно не менѣе 300 рублей на лицо, получаютъ между тѣмъ всего 375 руб. въ мѣсяцъ. Но Богъ съ ними, это ихъ дѣло!

Что касается фронта, то дѣла тамъ все ухудшаются. Въ особенности на Дону. Большевики идутъ. Иногда невольно думаешь, удрать бы заграницу, да и вонъ изъ этой гражданской войны. Но вѣдь, что-то въ тебѣ есть, что не пускаетъ, не разрѣшаетъ тебѣ сдѣлаться измѣнникомъ. Часто думаешь о Москвѣ. Что теперь съ родными? Иногда даже находитъ сомнѣніе, — увидишь ли вообще ихъ еще? Но прочь эти мысли. Будемъ бодро смотрѣть впередъ и надѣяться на лучшее.

3 марта

Сегодня въ газетахъ оригинальное сообщеніе. Крымское Краевое Правительство отмѣнило незадолго до этого выпущенный призывъ родившихся въ 1896 и 1898 гг. Это еще что такое? Могу ясно себѣ представить, что будутъ теперь говорить о насъ эс-деки. Смѣяться будутъ, испугались дескать. Вѣдь нельзя же показывать свою слабость. Нужны болѣе энергическія мѣры, безъ которыхъ никогда не будешь имѣть авторитета у народныхъ массъ. Большевики раскусили эту истину, и имъ везетъ.

6 марта

Въ сегодняшней газетѣ помѣщены все крайне непріятныя новости. Большевики въ Берлинѣ! а также и въ Херсонѣ. Везетъ бестіямъ. Да понятно почему. Ужъ очень наши и союзники долго обсуждаютъ. Наши болтаютъ, а тѣ дѣйствуютъ. Неужели и Крыму придется испытать второе нашествіе красныхъ? Прямо не вѣрится. Въ городѣ же и въ полку жизнь течетъ пока по старому. Уйма публики ежедневно высыпаетъ на улицу и спокойно прогуливается, грѣясь на солнышкѣ. Весна наступаетъ и она уже чувствуется въ воздухѣ.

8 марта

Весь сегодняшній день провели въ ожиданіи отправки на фронтъ. Но нѣтъ, дѣло будетъ не такъ скоро, всего только черезъ нѣсколько дней. Намъ, повидимому, придется ѣхать на Асканію-Нову Фальцъ-Фейна, ввиду слѣдующихъ обстоятельствъ. Въ Асканіи-Нова стоялъ эскадронъ кавалеріи полк. Гершельмана (который формировался вмѣстѣ съ нами въ Ялтѣ и недавно еще проходилъ черезъ Симферополь). Въ одинъ прекрасный день они, всего 60 человѣкъ, легли спать, оставивъ сторожить часовыхъ и дежурный взводъ. Наступила ночь. Все было тихо. Какъ вдругъ часовые сквозь темень замѣтили надвигающуюся на нихъ цѣпь непріятеля. Цѣпь уже была въ 50 шагахъ. Моментально была поднята тревога, которая разбудила спящихъ. Первыми выскочили навстрѣчу врагу дежурная часть во главѣ съ самимъ полковникомъ и еще 20 офицеровъ, но было уже поздно. Красные, пользуясь неожиданностью и перевѣсомъ силъ, перебили часть Гершельманскихъ кавалеристовъ, другая же успѣла удрать, не имѣя возможности забрать не только свои пожитки, но и убитыхъ, и раненыхъ. При этомъ былъ убитъ и самъ полковникъ Гершельманъ. Черезъ нѣсколько времени врагъ опять отошелъ, и наши имѣли возможность возвратиться на старое мѣсто и забрать убитыхъ и добитыхъ раненыхъ.

Да! Очень печально. Но сами виноваты. Быть на фронтѣ и лечь спать раздѣвшись. Слѣдующій разъ будутъ осторожнѣе. Проходя вчера вечеромъ мимо часовни на Екатерининской, я видѣлъ внутри три гроба. Это часть привезенныхъ убитыхъ. Но такія новости насъ нисколько не смущаютъ. Всѣ въ полнѣйшемъ смыслѣ слова рвутся впередъ. Я тоже радъ отправкѣ, такъ какъ это сидѣніе въ Симферополѣ ужъ очень надоѣло.

10 марта

Нашъ отъѣздъ, межъ тѣмъ, повидимому, отложенъ. Всѣ приготовленія и толки что-то заглохли. Передаютъ уже, что вмѣсто 2-го батальона на фронтъ пойдетъ 3-ій, который формируется въ Севастополѣ. Этотъ слухъ всѣхъ только злитъ, такъ какъ у всѣхъ насъ теперь только одна мечта скорѣй бы подраться съ большевиками. На фронтѣ дѣла пока все не улучшаются. Но это ничего. Во всякой войнѣ бываютъ свои удачи

и неудачи. Послѣдніе дни я опять очутился въ безденежномъ состояніи. Всѣ рессурсы подошли къ концу и я сижу безъ копья. А межъ тѣмъ нужно еще сходить въ баню. Но ничего, у кого нибудь займу эту пятерку.

11 марта

Атмосфера сгущается. На фронтѣ видно дѣла крайне плохи, да и въ тылу не лучше. Сегодня нашъ капитанъ собралъ насъ всѣхъ и объявилъ, что въ Севастополѣ рабочіе потребовали удаленія Добровольческой Арміи изъ Крыма и возстановленія Совѣтовъ; затѣмъ, что желѣзно-дорожники отказываются наотрѣзъ перевозить грузы и снаряженіе для Добровольческой Арміи. Ввиду этого, а также ввиду наступающей завтра второй годовщины Русской Революціи и возможности выступленія массъ, даны слѣдующія распоряженія: какъ только начнутся волненія, командѣ развѣдчиковъ, т. е. намъ, идти и охранять вокзалъ, гдѣ ждать прихода 5-ой роты, 6-ой же ротѣ двинуться въ тюрьму и разстрѣлять всѣхъ сидящихъ въ ней 400 арестованныхъ, послѣ чего идти на охрану Штаба. Услышавъ это, всѣ мы разбрелись по своимъ комнатамъ, а въ видѣ приготовленія зарядили свои винтовки. Вечеромъ я еще ходилъ въ городъ. Пока все тихо, хотя кое-гдѣ пострѣливаютъ. Жуткое время, чувствуется, что стоишь передъ грозой. Но ничего, больше только единенія и довѣрія другъ къ другу. Тогда намъ всѣ эти выступленія е страшны.

12 марта.

Прекрасный солнечный день. Сегодня вторая годовщина Русской Революціи. Магазины ввиду этого всѣ закрыты, хотя баня — нѣтъ. Былъ въ городѣ. Все тихо. Хотя чувствуется что-то роковое. Видѣлъ двухъ матросовъ въ формѣ, но безъ погонъ, первый предвѣстникъ наступающей грозы. Передаютъ, что въ желѣзно-дорожномъ депо сегодня митингъ рабочихъ и, конечно, будутъ говорить большевики. Я удивляюсь только, почему наше командованіе смотритъ на все это такъ сквозь пальцы. На улицѣ встрѣтилъ сегодня одного знакомаго господина, только что пріѣхавшаго изъ Верхняго Токмака. Говоритъ, что дѣла тамъ совсѣмъ schwach. Наши отступаютъ, большевики ихъ преслѣдуютъ и взяли уже Пришибъ и Феодоровку. Мелитополь эвакуируется. Бѣда да и только. Неужели дѣло дойдетъ до того, что наши не смогутъ сдержать напоръ красныхъ на Крымъ. Что жъ спятъ союзники? Неужели они будутъ ждать, пока насъ всѣхъ здѣсь перерѣжутъ? Но нѣтъ, — этому не вѣрится. Они вѣдь все-таки наши союзники. Сволочи! Но въ городѣ пока ничего, хотя кое-гдѣ и появляются на заборахъ большевистскія прокламаціи. Настроеніе у всѣхъ взвинченное. Держу у себя въ комнатѣ винтовку заряженной. Если что случится, намъ придется навѣрное драться первыми, такъ какъ стоимъ мы въ демократическомъ районѣ подлѣ желѣзной дороги и всего на все насчитываемъ 15 человѣкъ.

13 марта

Сегодня я дневальный. На дворѣ прелестнѣйшая погода. Тепло, солнце, а я долженъ торчать въ комнатѣ. Чертовски! Ночь прошла, слава Богу, спокойно. Сейчасъ пришелъ изъ Штаба, изъ караула Васька-Хорекъ и принесъ извѣстіе, что нашими оставленъ Мелитополь, а также что Добровольческія войска отходятъ къ Бердянску.

14 марта

Сегодня получили предписаніе готовиться. Завтра выступаемъ на фронтъ, навстрѣчу краснымъ. Ввиду этого повсюду, какъ и у насъ, такъ и въ ротахъ, закипѣли приготовленія. Ѣдемъ, какъ передаютъ, на Перекопъ.

Съ фронта извѣстія какъ будто немного лучшія. Пришибъ будто бы взятъ опять нашими обратно, и генералъ Шкуро, зайдя въ тылъ большевикамъ, занялъ Синельниково.

На фронтѣ подъ Перекопомъ

Первые бои

15 марта

Наконецъ-то сегодня мы выѣхали. Погрузились и при прелестнѣйшей погодѣ, въ 4 часа дня, отбыли воинскимъ эшелономъ на Джанкой. Ужъ заранѣе многіе на послѣдокъ напились, и теперь мчась въ поѣздѣ, на площадкахъ отплясывали разные казачки. Другіе горланили пѣсни, такъ что со стороны картина казалась довольно странною. Въ Джанкой прибыли уже, когда стемнѣло.

16 марта

Должны были прибыть назначенныя повозки и везти батальонъ дальше къ Перекопу. Мы же развѣдчики вмѣстѣ съ командиромъ полка, полковникомъ Муриловымъ, тронулись въ путь часомъ раньше. Первую часть дороги везли насъ колонисты — нѣмцы, причемъ на такихъ прекрасныхъ и холеныхъ лошадяхъ, которыхъ я уже давно не видѣлъ. Ѣхали скоро, и виды мѣнялись безпрерывно. Пошли разныя деревни, затѣмъ колоніи Богемка, Абаклы. Въ послѣдней былъ сдѣланъ привалъ. Хозяева — нѣмцы приняли насъ, какъ родныхъ, и угостили, чѣмъ могли.

Получивъ отъ командира батальона капитана Гаттенбергера пакетъ съ донесеніемъ командиру полка, мы должны были сейчасъ же ѣхать дальше.

17 марта

Вчера думали встать сегодня въ 5 часовъ, но вмѣсто этого встали только въ 8. Попили чайку и сейчасъ-же покатили дальше. Вѣтеръ все тотъ-же, прямо ураганный Нордъ-Остъ, пронизываетъ насквозь. Ну и мѣстность тутъ! Голая степь да и только. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, показались соляныя озера, признакъ, что мы уже въѣзжаемъ на перешеекъ. Но намъ было не до красотъ природы. Холодъ и вѣтеръ насъ окончательно измучилъ.

Еще 4 версты голой, степной ѣзды, и мы въ уѣздномъ городѣ Перекопѣ. Ну и городъ же! Видѣлъ я разные города, но такого какъ Перекопъ ни разу. Въ сравненіи съ нимъ Джанкой прелесть. Вѣдь этотъ прямо большая деревня, вдобавокъ покинутая населеніемъ и полуразрушенная.

19 марта

Погода все теплѣетъ. Сегодня уже гуляю безъ шинели. Съ ранняго утра обѣ роты, 5-ая и 6-ая, ушли на работу по рытью окоповъ. Вообще оказывается этотъ районъ, какъ это ни странно, до сихъ поръ все еще не укрѣпленъ, и работы хватитъ надолго. Межъ тѣмъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ большевики все ближе и ближе продвигаются, заняли Ново-Алексѣевку и прутъ теперь прямо на перешеекъ. Скоро навѣрное и мы ихъ почувствуемъ. Впереди въ сторону непріятеля, лежитъ одно изъ имѣній Фальцъ-Фейна — Преображенское, куда мы развѣдчики на дняхъ и переѣзжаемъ, а еще дальше, уже на большевистской сторонѣ, село Чаплынка. Послѣднее съ населеніемъ минимумъ въ 10 000 человѣкъ, и представляетъ изъ себя главный центръ и опорный пунктъ мѣстныхъ бунтарскихъ элементовъ. Часто Чаплыновцы дѣлаютъ на Добровольцевъ набѣги, но до сихъ поръ ихъ отбивали успѣшно. Наижеланнѣйшая мечта всѣхъ насъ собраться поскорѣе съ силами, окружить все это чортово гнѣздо, послѣ чего сжечь до тла, истребивъ все хулиганье. Но пока объ этомъ мы только можемъ мечтать. Наши силы еще черезъ-чуръ слабы, дай Богъ, если наберется человѣкъ 200. Вчера, напримѣръ, Чаплыновцы выѣхали впередъ и забрали у нашихъ, ѣхавшихъ въ Преображенку, 19 воловъ съ телѣгами. Это только доказываетъ, что противникъ не дремлетъ и приходится слѣдить за нимъ зорко.

Послѣ всѣхъ разсказовъ въ Симферополѣ, попавъ сюда, удивляешься только одному. Вѣдь этотъ районъ перешейка крайне важенъ для обороны Крыма, почему же здѣсь такъ мало силъ? Почему тылъ не даетъ больше людей? Тамъ вѣдь штабовъ разныхъ несуществующихъ полковъ до чорта. Собрали бы всю эту компанію и отправили бы сюда на пополненіе въ нашъ 1-ый Симферопольскій Офицерскій полкъ. Увѣренъ, что набралось бы сразу нѣсколько тысячъ вполнѣ годныхъ бойцовъ, что уже дастъ изъ себя

хорошую силу. Но нѣтъ, на такую реформу мало надеждъ! Сначала Европейская, а затѣмъ гражданская война еще мало научила русское высшее начальство, и не вѣрится мнѣ, что бы всѣ эти тыловые офицеры покинули бы свои насиженныя мѣста. Патріотизма у такихъ людей никакого, только единственно это свой шкурный вопросъ.

Что касается нашего положенія въ Перекопѣ, то мы постепенно оживляемся и приспособляемся. Нашли себѣ своего рода Перекопскую «Чашку Чая», чайную десятого разряда съ кривымъ билліардомъ, гдѣ и проводимъ весь день. Кромѣ этого «увеселительнаго» заведенія, Перекопъ еще богатъ одной чебуречней, которую держитъ какой-то Крымскій армянинъ, гдѣ за 8 руб. можно получить прекрасныхъ, горячихъ чебурекъ. Сегодня въ нашъ полкъ прибыло одно небольшое пополненіе изъ Феодосіи, 17 человѣкъ и нѣсколько человѣкъ были откомандированы въ нашу команду. Затѣмъ, у нашего командира полка начались нелады съ начальникомъ мѣстнаго отряда, тоже полковникомъ. Нашъ не хочетъ признать его верховенство, ввиду своего старшинства въ годахъ и количества людей части, а тотъ его, ввиду продолжительности своей службы на фронтѣ. Ввиду всего этого, полковникъ Муриловъ, шлетъ теперь прошеніе за прошеніемъ къ Начальству, съ просьбой прислать сюда хоть какого нибудь генерала, дабы онъ былъ какъ бы общимъ начальствомъ. Интересно, чѣмъ это все кончится. Адъютантъ шт.-кап. А. выѣхалъ сегодня въ Джанкой, гдѣ будетъ возбуждать этотъ вопрсъ.

20 марта

Погода опять ухудшается, пошла слякоть. Сегодня наша развѣдка съ утра уѣхала въ имѣніе Преображенку и пріѣхала обратно въ восхищеніи. Ввиду этого уже завтра съ утра вся наша команда, а также 5-ая рота перебирается туда. Сегодня передавали, что безслѣдно пропали 1 артиллеристъ офицеръ и вольноопредѣляющійся. Они оба выѣхали верхомъ впередъ и навѣрное попали въ руки большевистскимъ разъѣздамъ. Пропалъ также и управляющій Преображенки. Но къ вечеру послѣдній вернулся обратно невредимымъ, такъ что возникаетъ подозрѣніе, ужъ не играетъ ли онъ «нашимъ и вашимъ». За нимъ установили негласный надзоръ. Сегодняшнія вѣсти съ фронта не лучше вчерашнихъ. Въ Мелитопольскомъ районѣ, всѣ наши силы куда-то растаяли, и задерживаетъ наступленіе генералъ Шиллингъ только съ помощью 1-го батальона нашего полка и небольшой горсти другихъ войскъ. Особенно плохо показали себя гвардейцы, которые «драпанули» скорѣй всѣхъ. Гвардейцы, это 1-ый Сводно-Гвардейскій полкъ съ батальонами, носящими названіе старыхъ гвардейскихъ — Преображенскаго, Семеновскаго и т. д. полковъ. Люди въ немъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ офицеровъ, самаго разнообразнаго пошиба никогда не бывшіе гвардейцами, и конечно ввиду этого далеко не перворклассны.

Къ вечеру уже передавали, что наши конные разъѣзды, въ 7-ми верстахъ отъ Преображенки, наткнулись на большевиковъ, послѣ чего произошла короткая перестрѣлка. Такъ что держись. Видно, скоро будетъ горячо и у насъ. Вѣдь противникъ почти совсѣмъ у Сиваша.

21 марта

Съ самаго утра мы сегодня двинулись изъ Перекопа въ имѣніе Преображенку и сразу же попали въ дѣло. Въ общемъ началось оно такъ. Послѣ 7-верстнаго перехода изъ Перекопа по солончаковымъ полямъ, мы къ часу дня прибыли въ Преображенку. Какъ разъ при нашемъ прибытіи сбиралась одна экспедиція на болшевиковъ. Весь дворъ барскаго дома былъ заполненъ всадниками, что необыкновенно напоминало мнѣ про прочитанные романы о ковбояхъ, готовящихся къ налету на краснокожихъ. Мы рѣшили присоединиться, наскоро пообѣдали, зарядили наши Винчестора и ай-да въ путь. Всего насъ было-человѣкъ 18, такъ называемаго, Священнаго отряда, 12 человѣкъ насъ развѣдчиковъ и 25 кавалеристовъ. Размѣстившись въ 6 подводахъ, мы тронулись въ путь и скоро потеряли Преображенку изъ виду. Нужно было проѣхать верстъ 8 по голой солончаковой мѣстности, послѣ чего вдали показался небольшой хуторокъ. Этотъ хуторъ Симона

какъ разъ и была наша цѣль, въ немъ находились красные. Его нужно было окружить, и, если можно, всѣхъ засѣвшихъ перестрѣлять. Какъ было извѣстно, командовалъ большевиками нѣкто Таранъ, бывшій царскій офицеръ, а теперь «Начальникъ карательной экспедиціи противъ бѣлогвардейцевъ», человѣкъ, по словамъ очевидцевъ, отчаянный. Итакъ подъѣхали къ этому хутору на разстояніи 2-хъ верстъ, всѣ слѣзли съ повозокъ и пошли дальше уже пѣшкомъ. Справа наша конница, которая спѣшилась, въ центрѣ мы, а слѣва такъ называемые священники или крестики, какъ ихъ звали за бѣлые кресты на рукавахъ. Началась перестрѣлка. У хутора появились темныя фигуры непріятеля, крывшія по насъ бѣглымъ огнемъ. Пройдя съ версту, мы залегли и стали отвѣчать. Открыли огонь также и наши пулеметы. Съ характернымъ свистомъ неслись намъ навстрѣчу пули противника и врывались вправо и влѣво въ землю. Но ничего. Опять мы поднялись и пошли дальше впередъ. Я лично рѣдко открывалъ огонь, такъ какъ изъ-за далекаго разстоянія трудно было попасть. Наступило время нашей конницѣ садиться на коней и заѣзжать справа и слѣва, дабы зайти непріятелю въ тылъ. Но большевики этого рѣшили не выжидать и начали удирать. Стрѣльба съ ихъ стороны стихла, видно было, какъ они бѣжали къ дому, послѣ чего за хуторомъ замелькали кони, повозки, — и только мы ихъ и видѣли. Не довѣряясь сначала всѣмъ этимъ фокусамъ и опасаясь засады, мы продолжали идти дальше все тѣмъ же ровнымъ шагомъ. Межъ тѣмъ конница наша успѣла обскакать хуторъ; изъ одного окна ей начали махать бѣлымъ флажкомъ. Они подъѣхали ближе и увидѣли, что это махаютъ жители хутора. Противникъ окончательно удралъ. Въ полъ-верстѣ, не доходя до хутора, мы наткнулись на трупъ одного большевика (онъ лежалъ какъ разъ противъ меня, такъ что можетъ быть пуля, сдѣлавшая ему «garaus», была моя). Пуля угодила ему въ затылокъ, во время бѣгства, и вышла на лбу навылетъ. Потомъ въ сараѣ хутора былъ найденъ еще одинъ убитый. Оказывается, по словамъ хуторянъ, большевиковъ было человѣкъ 75. Но они струсили, такъ какъ если бы они упорно держались, могли бы при своемъ количествѣ держаться часами и постепенно перестрѣлять насъ всѣхъ. Съ нашей стороны мы понесли тоже одну потерю. У Священниковъ былъ убитъ одинъ вольноопредѣляющійся, еще гимназистъ, 3 недѣли тому назадъ записавшійся въ Добровольческую Армію. Отдохнувъ немного, мы выгнали изъ хутора всѣхъ находящихся тамъ лошадей, штукъ 100, не менѣе, и сѣвъ на подводы, покатили обратно въ Преображенку, куда вернулись уже въ темнотѣ здорово уставшими послѣ перваго знакомства съ врагомъ.

22 марта

Послѣ вчерашней стычки спалъ всю ночь плохо. Сонъ съ меня какъ-то шелъ, и я долго еще лежалъ съ открытыми глазами. На утро всталъ въ 8 часовъ и пошелъ бродить по экономіи. Ну и имѣніе! Посреди всей этой голой солончаковой степи, оно выдѣляется прямо, какъ оазисъ. Вдобавокъ образцовое устройство, масса каменныхъ службъ, домовъ, повсюду проведено электричество. Въ центрѣ экономіи, подлѣ большого парка съ разнаго рода фонтанами и гротами, возвышаются два шикарныхъ въ германскомъ средневѣковомъ стилѣ зданія съ башнями, открывающими далекій видъ въ степь. Одинъ изъ нихъ барскій, а другой для гостей съ массой комнатъ. Въ послѣднемъ зданіи размѣстили 5-ую роту, въ первое же никого, такъ какъ послѣ того, какъ нѣкоторое время тому назадъ «священники» украли изъ него двѣ драгоцѣнныя картины, входъ постороннимъ воспрещенъ. Мы сами развѣдчики размѣстились въ конторѣ, въ небольшомъ домикѣ, и занимаемъ здѣсь 2 комнаты. Вдобавокъ и кормятъ же здѣсь, — одно объяденіе! Утромъ въ 8 ч. кофе, холодная закуска изъ баранины, въ 12 обѣдъ — жирный борщъ и баранина съ голубцами, а въ 7 часовъ вечера ужинъ и опять изъ 2-хъ блюдъ. И все это ровно за 5 рублей. Недурно! Мы очень довольны и даже изъ-за этого думаемъ держаться въ экономіи до послѣдняго.

Сегодня все спокойно. Утромъ ходили всей командой за 6 верстъ впередъ, за сѣномъ, почти до деревни Каирки, но никакого противника не встрѣтили. Вчера мы получили въ команду пулеметъ Lewis, прелестную штучку, большую подмогу въ дѣлѣ. Пока отдыхаемъ, такъ какъ на ночь навѣрно мнѣ придется идти въ заставу.

Бой подъ Преображенкой

23 марта. 10 часовъ утра

Вчера вечеромъ было получено свѣдѣніе, что въ селеніяхъ Коланчакѣ, Чаплинкѣ и Чакракѣ замѣчено большое скопленіе большевистскихъ силъ. Стало всѣмъ ясно, что приближается рѣшительная для Крыма минута, и вставалъ единственный вопросъ, — только бы сдержать и не впустить врага. Ввиду этихъ свѣдѣній сюда въ Преображенку рѣшили двинуть изъ Перекопа полъ 6-ой роты подъ командой самого батальоннаго командира капитана Гаттенбергера. Другая же полу-рота должна была быть направлена въ какое-то другое мѣсто. Кромѣ того передавали, что въ Джанкой ужъ прибылъ нашъ 1-ый батальонъ, а въ Воейку Крымскій конный полкъ. Если дѣйствительно все это явится во время, то для насъ это будетъ большой подмогой. Ввиду критическаго положенія, намъ развѣдчикамъ врученъ теперь тоже одинъ сторожевой постъ, передъ имѣніемъ, у прудка по дорогѣ на Чаплинку и Каланчакъ. Постъ очень отвѣтственный, такъ какъ скорѣй всего отсюда можно было ожидать появленія красныхъ. Въ эту ночь пришлось и мнѣ дежурить, вдобавокъ въ паршивое время, съ 1 часу ночи до разсвѣта. Со мной находились еще два офицера и пулеметъ Lewis. Была ужаснѣйшая темь, и завывалъ сильный вѣтеръ, что вмѣстѣ дѣлало совсѣмъ невозможнымъ что-либо видѣть или слышать. Пулеметъ мы разставили сбоку на дорогѣ, а сами прохаживались около, держа Винчестеры на-готовѣ. Было жутко, такъ какъ ежеминутно можно было ожидать появленіе врага. Но не бѣда! Зорко мы напрягали наше зрѣніе въ темноту, слѣдя за каждымъ шумомъ и подозрительнымъ шелестомъ. Время тянулось крайне медленно, и если бы не бой часовъ на башнѣ барскаго дома, было бы прямо чертовски. Этотъ мелодичный бой хоть давалъ намъ знать сколько часовъ еще до разсвѣта. Но вотъ ночь стала проходить, начало свѣтать и насъ пришли смѣнить.

Слава Богу! Караулъ окончился. Уставшіе мы побрели домой, дабы лечь спать и, какъ слѣдуетъ, отдохнуть.

12 часовъ ночи

Проспали мы дома недолго, всего до завтрака, до 9 ч. утра. Потомъ напились кофе и съѣли обычную холодную баранину, послѣ чего я рѣшилъ воспользоваться случаемъ и взять ванну. Здѣсь такая была, вдобавокъ съ горячей водой. Налилъ себѣ воды, взялъ все необходимое бѣлье и только было хотѣлъ начать раздѣваться, какъ вдругъ вбѣгаютъ въ наше помѣщеніе бабы и взволнованно вопятъ, что на горизонтѣ какія-то цѣпи, масса людей, не большевики ли это? Бросивъ все, я выскочилъ на крыльцо и правда со стороны Чаплинки, разсыпавшись цѣпью далеко вправо и влѣво, наступалъ на Преображенку непріятель. Началась спѣшка. Моментально были надѣты шинели, патронташи, схвачены винтовки и мы вышли, наружу. Кто-то вытащилъ и Lewis. Между тѣмъ была предупреждена и 5-ая рота, видно было, что и у нихъ засуетились. Не ожидая ихъ, мы 10 развѣдчиковъ (другіе уѣхали раньше въ Перекопъ), двинулись впередъ за прудокъ къ ровку, гдѣ и засѣли. Небо заволокло и полилъ дождь. Отсюда было ясно видно все, что творится впереди насъ. Большевиковъ было до чорта, минимумъ человѣкъ 300, вдобавокъ съ нѣкоторымъ числомъ конницы. Позади этой группы виднѣлись подъѣзжающія на тачанкахъ еще новыя силы. Теперь подошла къ намъ и 5-ая рота и заняла нашъ правый флангъ. Ихъ было всего человѣкъ 50, что вмѣстѣ съ нами составляло 60. Ожидаемаго подкрѣпленія въ видѣ половины 6-ой роты, какъ и можно было ожидать, такъ и не прислали. Но дѣло становится интереснымъ. Смотрю опять впередъ. Теперь непріятельскія цѣпи видны еще яснѣе, но все еще на разстояніи 2-хъ верстъ. Прекрасно видно, какъ муравьино-подобно они двигаются и даже перекликаются. Среди нихъ шныряютъ всадники, навѣрное красное начальство. У всѣхъ у насъ винтовки уже давно на готовѣ, но цѣль наша подпустить большевиковъ поближе и затѣмъ открыть огонь. Вдругъ «бумъ» и «бахъ»! Что это? Непріятель пустилъ въ ходъ свою артиллерію. Пустилъ было снаряда два по правому нашему флангу, а затѣмъ перешелъ гвоздить по барскому дому. Рѣшили мы тутъ пустить въ ходъ нашъ Lewis, но онъ оказался испорченнымъ (мы до сихъ поръ ни разу не пробовали, такъ какъ получили его всего дня 2 тому назадъ).

Къ чорту его! и кто-то потащилъ его въ тылъ. Дождь межъ тѣмъ не перестаетъ лить, и мы уже сидимъ въ липкой грязи. Но объ отходѣ никто не помышляетъ, дисциплина насъ спаяла, и мы готовы умереть, но не отойти. Но тутъ случилось нѣчто, что сбило насъ совершенно съ толку. Вдругъ 5-ая рота совершенно неожиданно стала подыматься и уходить въ тылъ. Это что такое? Почему они уходятъ? Можетъ быть, показались и въ тылу красные? Ничего не понимаешь! Но Богъ съ ними! Не смотря на это, всѣ 10 человѣкъ остаемся на мѣстѣ въ ожиданіи противника. А большевики уже на разстояніи 1 версты. «Приготовься, огонь!» командуетъ шт. кап. А., нашъ глава, и мы даемъ залпъ, затѣмъ второй, третій . . . Затѣмъ прекращаемъ стрѣльбу. Патроновъ у насъ не особенно много, такъ что приходится ихъ беречь. Большевистская цѣпь, залегшая было, опять поднялась. Тутъ мы даемъ опять залпъ. Цѣпь ихъ опять ложится; видно, какъ одинъ всадникъ ихъ валится съ лошади. Онъ получилъ свое по заслугамъ. Въ этотъ моментъ вся картина боя у насъ какъ на ладони. Грубо считая, видимъ, что на каждаго изъ насъ развѣдчиковъ приходится по 30 человѣкъ непріятеля. Центръ ихъ цѣпи мы задерживаемъ, но фланги? Они заходятъ и имѣютъ явное намѣреніе насъ окружить. Положеніе аховое. Но что подѣлаешь? До выясненія исторіи съ 5-ой ротой нужно держаться. Настроеніе мое крайне жуткое. Ясно сознаешь, что если будешь тутъ долго еще сидѣть, твоя гибель неминуема. Но дисциплина и солидарность къ коллегамъ не даютъ права покинуть своего поста. Вдобавокъ стыдишься, — какой позоръ уйти, бросивъ своихъ на произволъ судьбы. Вѣдь въ эту минуту каждый человѣкъ дорогъ. Невольно сую руку въ карманъ брюкъ. Тутъ мой Смитъ-Вессонъ. Рѣшаюсь въ случаѣ гибели выстрѣлить въ непріятеля всѣ патроны, а послѣдній пустить себѣ въ високъ. Хорошо знаю, что значитъ попасть этимъ мародерамъ въ руки. Съ живого шкуру сдерутъ. Смотрю на товарищей справа и слѣва. У всѣхъ лица серьезныя, но ни у кого нѣтъ мысли удрать. Всѣ съ довѣріемъ смотрятъ на шт.-кап. А., въ увѣренности, что этотъ понапрасну не погубитъ ихъ жизнь.

Вдругъ позади насъ голосъ. Оборачиваемся. На опушкѣ рощи виденъ всадникъ, нашъ, махающій намъ рукой и кричащій, чтобы мы отходили за имѣніе. Нечего дѣлать. Положеніе этого требуетъ. Забираемъ послѣдніе патроны, выжидаемъ удобнаго момента и скорѣе назадъ къ дому. Но большевики это сразу замѣтили и начали обстрѣливать насъ съ трехъ сторонъ. Но выхода другого не было. Нужно было продолжать отходъ. Я лично еле шелъ, и хотя кап. А. и командовалъ «скорѣй!» «скорѣй!», — не могъ прибавить шагу. На каждой ногѣ у меня висѣло по пуду липкой грязи, вдобавокъ я взвалилъ на себя еще ящикъ съ патронами . . . Куда тутъ до скорѣй! хорошо еще, что вообще двигался. Прошли мимо нашего жилья, хотѣли было зайти и забрать вещи, но чортъ съ ними, не до нихъ было и, минуя барскій домъ, углубились въ паркъ. По парку бьетъ артиллерія, но это не страшно. Тутъ мы въ относительной безопасности, деревья насъ скрываютъ отъ взоровъ врага. Но впередъ! Садъ наконецъ за нами, и мы опять въ полѣ, но ужъ съ другой стороны Преображенки. Тутъ мы опять увидѣли 5-ую роту, она продолжала отступать, держа направленіе на Перекопъ. Разсыпались мы цѣпью и пошли за ней. На разстояніи версты отъ Преображенки рота остановилась, залегла и принялась окапываться. Мы подошли къ ней и опять залегли на лѣвомъ флангѣ. Настроеніе уже чертовское. Со злобой смотримъ на «удравшую» роту. Въ чемъ же дѣло? Оказалось, что «сдрефилъ» самъ командиръ роты кап. Ал., по его словамъ, «боясь погубить понапрасну столько людей». Но почему же онъ раньше объ этомъ насъ не предупредилъ? Видъ у него совершенно растерянный, сразу было видно, что человѣкъ совершенно обалдѣлъ и не знаетъ, что предпринять. Онъ даже дошелъ до того, что сталъ спрашивать совѣтовъ у своей роты. И такому даютъ командовать ротой! Но ужъ ничего не подѣлаешь. Всѣ мы залегли и ждемъ, что будетъ дальше. Большевики, повидимому, еще не совсѣмъ заняли имѣніе, такъ какъ на окраинѣ ихъ еще не видно. Передаютъ, что изъ Перекопа выслано подкрѣпленіе. Видно, хотятъ взять обратно Преображенку, что куда труднѣе, чѣмъ держать ее. Но вотъ они, — наши враги. Они выходятъ изъ селенія и двигаются въ нашу сторону. Даемъ общій залпъ, и они ложатся. Но такъ лежать тоже не дѣло, нужно что нибудь предпринять. Тогда мы развѣдчики рѣшаемся

на слѣдующее. Подымаемся и съ пѣніемъ Добровольческой пѣсни «Маршъ впередъ, друзья, въ походъ . . .» идемъ на противника. Красные моментально открываютъ по насъ огонь, но счастье съ нами, и пули жужжатъ мимо, никого не задѣвая. Замѣтивъ влѣво непріятельскую кавалерію, становимся плотнѣе, одѣваемъ на ружья штыки и сами открываемъ огонь. Отъ такой встрѣчи ихъ кавалерія поспѣшно ретируется. Но что это опять такое? Оглянувшись назадъ, видимъ, что 5-ая рота подымается и вмѣсто поддержки насъ, продолжаетъ отходъ въ тылъ. Теперь наше предпріятіе взять Преображенку общей атакой безцѣльно. Поворачиваемъ и идемъ не спѣша ротѣ вслѣдъ. Интересно отмѣтить, что отходимъ мы во весь ростъ и, какой смѣхъ подымается на того, кто начинаетъ сгибаться или «кланяться» пулямъ.

Теперь мы уже въ 2-хъ верстахъ отъ Преображенки, вдобавокъ въ котловинѣ, откуда крайне плохо виденъ непріятель. Но кап. Ал. отчего-то останавливаетъ тутъ 5-ую роту. Нашъ кап. Ан. идетъ къ нему, но скоро возвращается, не добившись ничего. Отъ нечего дѣлать ложимся тоже и, повернувшись лицомъ къ солнцу (дождь пересталъ), отдыхаемъ. Уже 2 часа дня, и становится прохладно. Наконецъ-то показывается по дорогѣ отъ Перекопа наше долгожданное подкрѣпленіе. Оно движется на подводахъ вправо, видимо намѣреваясь заѣхать краснымъ справа въ тылъ. Но большевики все это хорошо видятъ и открываютъ по нимъ артиллерійскій огонь. Въ это время выѣхала изъ Перекопа и наша артиллерія (но Боже мой, какъ поздно) и принимается громить большевиковъ. Но лично намъ въ такомъ положеніи оставаться нельзя. Намъ вѣдь совершенно не видно, что творится влѣво. Лѣвѣе видны двѣ сопки-кургана. Идемъ къ нимъ. Тутъ мѣстность становится выше, и мы для противника появляемся все болѣе и болѣе на виду. Сразу же съ ихъ стороны заработалъ пулеметъ. Но плевать на это! То ложась, то опять подымаясь, мы продолжаемъ нашъ путь. Еще немножко и мы сидимъ за курганами. Ложимся и чувствуемъ себя на седьмомъ небѣ, въ полной безопасности. Отсюда хорошо видно, что творится и вправо. Видно, какъ наше подкрѣпленіе подходитъ все ближе и ближе и, наконецъ, вливается на правый флангъ 5-ой роты. Какъ красиво отсюда! Впереди насъ, какъ оазисъ, Преображенка, сзади бѣлая башня Перекопской церкви, вправо далеко Сивашъ, а влѣво совсѣмъ около, такъ называемый, Приморскій Садъ и Черное море.

Вдругъ наше вниманіе привлекаетъ такая картина. Отъ Сада въ нашу сторону движется група людей и 2 верблюда. Оказывается, что это наша лѣвая застава, сидѣвшая было въ Приморскомъ Саду, теперь притащила намъ на помощь пулеметъ. Беремъ его на курганъ и открываемъ бѣглый огонь. Трескъ стоитъ ужасный, мы еле разбираемъ свои слова, но верблюды на все это нуль вниманія. Они спокойно стоятъ, что-то жуютъ и, не смотря на свистъ пуль, блаженно смотрятъ черезъ Преображенку въ направленіи своей родной Асканіи-Новы. Начинаетъ темнѣть. Передъ ночью рѣшаемся еще на послѣднее. Подымаемся всѣ 15 (къ намъ присоединились нѣкоторые изъ 5-ой роты) и идемъ влѣво въ обходъ Преображенки. Мы увѣрены, что въ центрѣ жметъ 5-ая рота и справа забираетъ наше подкрѣпленіе. Но для успокоенія совѣсти всетаки шлемъ двухъ къ ротамъ узнать, въ чемъ дѣло. Вообще нужно сказать, что связь у насъ была поставлена отвратительно. Но ужъ вечеръ, трудно что различать, мы останавливаемся и до возвращенія гонцовъ возвращаемся на курганы, откуда не перестаетъ для поддержки шпарить нашъ пулеметъ. Но вотъ возвращаются посланные для связи и передаютъ, что вся 5-ая рота въ полнѣйшемъ безпорядкѣ отходитъ, даже не забирая раненыхъ. Какой стыдъ и срамъ! Подымаемся и мы и слѣдуемъ имъ вслѣдъ. Настала ночь. Въ темнотѣ одни мы держимъ путь на Перекопъ. Изъ за темноты еле видимъ дорогу, поминутно вязнемъ въ грязи и натыкаемся на ямы. Но вотъ мы доползли до цѣли. Спокойно мы входимъ въ Перекопъ, никто насъ не окликаетъ (а вѣдь также на мѣстѣ насъ могли зайти и красные) и расходимся по халупамъ. Мы злы, но не унываемъ. Бой проигранъ, вещи пропали, но мы надѣемся на лучшее и скорый реваншъ.

Фронтовая жизнь въ Перекопѣ

24 марта

Всю ночь спали, какъ убитые. На утро стали перебираться на новое мѣсто жительства — на почту, гдѣ и размѣстились. Перекопъ теперь, что касается мирнаго населенія,

окончательно вымеръ. Все удрало, включая чебурешню и «Чашку Чая». Бѣгство жителей носило такой характеръ, что они даже оставляли куръ и поросятъ, которыхъ мы за то теперь ловили и жарили. Такова ужъ война! Узнали сегодня нѣкоторыя подробности о 5-ой ротѣ. Въ ней оказались убитыми подполковникъ Севрюковъ (ялтинецъ) и прап. Шапаръ-Головинецъ. Послѣднiй былъ, вѣрнѣе сказать, раненъ въ руку и ногу и оставленъ на полѣ, но что онъ пропалъ, это неоспоримо. Жаль очень этихъ людей. Я ихъ хорошо зналъ, а съ подполковникомъ Севрюковымъ не разъ сидѣлъ за стаканомъ кофе въ Симферопольской «Чашкѣ Чая». Онъ былъ человѣкъ прекрасной души и рѣдкой доброты.

25 марта

Съ утра уже на ногахъ. Приходится много бѣгать, исполняя разныя порученiя. Послѣ обѣда вмѣстѣ съ командиромъ полка въ видѣ эскорта ходили впередъ къ курганчику 7,1. Здѣсь выстроилась батарея, въ которой служилъ Миша Доброволецъ и вообще все ялтинцы, и рѣдкимъ огнемъ стрѣляла по району противника. Большевики сегодня не двигались, видно отдыхали послѣ вчерашнихъ напряженiй. Идя обратно, командиръ полка началъ дѣлиться съ нами своими взглядами на будущее Его цѣль предпринять на дняхъ контръ-наступленiе и, окруживъ Преображенку со всѣхъ сторонъ, забрать ее со всѣмъ краснымъ гарнизономъ. Но увидимъ!

Сегодня наконецъ-то прибылъ къ намъ весь 1-ый батальонъ нашего полка подъ командой кап. Орлова. Такимъ образомъ въ Перекопѣ собрались теперь 1, 2 3, 4, 5 и 6 роты.

26 марта

Живемъ все по старому. Погода все еще холодная и дуетъ вѣчно холодный вѣтеръ. Со стороны большевиковъ пока все тихо.

27 марта

Сегодня къ вечеру должна была начаться операцiя по взятiю обратно Преображенки. Ввиду этого я и еще одинъ, поручикъ Курсинъ, уже съ утра направились по валу на кордонъ, къ самому берегу Чернаго моря, а оттуда $1^1/_2$ версты впередъ на такъ называемую кашару (овчарню), на нашу лѣвую передовую заставу. Отсюда до Приморскаго Сада, до большевистской правой заставы не болѣе $1^1/_2$ версты и все видно, какъ на ладони. Съ крыши одного изъ сараевъ мы наблюдали противника. Насмотрѣвшись, мы слѣзли и пошли въ избу, гдѣ грѣлась застава. Публика эта (1-ый батальонъ, въ которомъ много мобилизованныхъ солдатъ) все больше спала и какъ будто совершенно индифферентно смотрѣла на происходящее кругомъ. Неуютно среди нихъ чувствовали себя навѣрное офицеры; вѣдь положиться на такую роту было трудно.

Въ 1 часъ дня противникъ вдругъ началъ производить развѣдку, приблизился къ нашей кашарѣ и принялся ее обстрѣливать. Моментально наша застава вытащила пулеметы и принялась краснымъ отвѣчать. Тѣмъ, видно, это надоѣло, и они поспѣшно ретировались. Къ 3 часамъ дня я съ Курсинымъ пошли обратно на кордонъ, гдѣ стали ожидать нашу команду. Въ кордонѣ какъ разъ помѣщалась команда телефонистовъ, богато угостившая насъ саломъ, хлѣбомъ и чаемъ. Сюда же на автомобилѣ явился какой-то французскiй офицеръ, заявившiй намъ, что черезъ недѣлю намъ пришлютъ подкрѣпленiе въ видѣ зуавовъ. Но мнѣ все это что-то не вѣрится; до сихъ поръ реальной помощи союзниковъ мы еще не видѣли. Къ 5 часамъ прибыла и наша команда и объявила намъ, что наступленiе на сегодня отмѣнено; мы всѣ двинулись обратно домой на Перекопъ. Въ это время артиллерiя принялась производить пристрѣлку и мы всю дорогу обратно любовались разрывами надъ Преображенкой.

28 марта

Весь день съ самого утра льетъ дождь. На улицѣ непролазная грязь и сырость. Сегодня возвратилась изъ Армянска удравшая было туда чебурешня и открыла свое заведенiе съ билліардомъ. Отъ скуки, не смотря на дождь, пошелъ гулять и забрелъ

въ билліардную. Тутъ ужъ сидѣли всѣ наши и съ остервенѣніемъ катали шары. Я лично заказалъ себѣ чебурекъ и принялся ихъ уплетать. Съѣлъ бы больше, такъ какъ они чудесные, настоящіе крымскіе, но мало денегъ, не хватаетъ. Со стороны противника и сегодня тихо, тоже и съ нашей. Но къ намъ сюда все болѣе и болѣе прибываетъ артиллеріи. Такъ на Перекопѣ теперь ужъ стоитъ 16 орудій. Ничего, придетъ время, и мы покажемъ большевикамъ. Скорѣй бы только пришло это время. Въ общемъ настроеніе наше все болѣе подымается. Не мало тому помогаютъ и слухи объ успѣхахъ адмирала Колчака. Вѣдь взялъ уже Уфу и претъ прямо на Самару. Между прочимъ, интересенъ здѣшній валъ. Построенъ онъ, какъ говорятъ, очень давно, еще татарами и представляетъ изъ себя еще теперь поистинѣ шикарное сооруженіе. Слѣва отъ Чернаго моря онъ тянется черезъ городъ Перекопъ на разстояніи 8 верстъ до самого Сиваша. И если бы его удалось только укрѣпить, онъ былъ бы неприступной крѣпостью. Кое-гдѣ на немъ и вырыты окопы, но они стары и часто заваливаются.

30 марта

Сегодня получены крайне интересныя свѣдѣнія. Сообщаютъ, что сюда идутъ греки намъ на помощь и что 200 человѣкъ ихъ уже прослѣдовали изъ Севастополя на Чангаръ. Слава Богу! Только бы помощь не закончилась этими двумя стами грековъ!

31 марта

Только въ 6 часовъ утра легли спать изъ за ночной прогулки, какъ вдругъ черезъ часъ, т. е. въ 7 часовъ — вставай. Противникъ обстрѣливаетъ изъ артиллеріи городъ и мѣтитъ въ колокольню. Такъ какъ послѣдняя подлѣ насъ (зданія почты), то снаряды ложатся очень и очень близко. Одѣлись и пошли въ окопы (еще старые, вырытые при наступленіи германцевъ большевиками). Тамъ пересидѣли эту стрѣльбу, а затѣмъ вернулись обратно. Въ общемъ противникъ выпустилъ съ полсотни снарядовъ по городу и снарядовъ 25 по кордону, повидимому, съ цѣлью пристрѣлки.

Не обошлось и безъ непріятностей. Одинъ снарядъ угодилъ въ окопъ, гдѣ сидѣла 5-ая рота, причемъ былъ одинъ вольноопредѣляющійся тяжело раненъ въ голову, а трое контужены. Наша артиллерія вскорѣ принялась отвѣчать и заставила красныхъ замолчать. Въ боевомъ отношеніи становится все жарче, и чувствуешь, что подходитъ страдная пора. Скоро навѣрное весь нашъ полкъ пойдетъ брать обратно Преображенку, ожидаютъ только прибытія изъ Севастополя 3-яго батальона. А нашей артиллеріи навозится сюда все больше и больше. Теперь за и впереди вала стоитъ уже орудій 25. Былъ бы только духъ, чего къ крайнему сожалѣнію не у всѣхъ есть. Большинство смотритъ на себя, какъ на обреченныхъ, не думая о будущей Россіи въ случаѣ побѣды. Есть даже не мало дезертировъ-офицеровъ. Они вдругъ уходятъ и только ихъ видѣли. Такъ, напримѣръ, въ нашей командѣ уже 24 часа не видно прап. Ж., нашего артиста. Гдѣ онъ? Скорѣй всего полнымъ ходомъ по дорогѣ въ Джанкой и домой.

1 апрѣля

Все еще въ старомъ положеніи. Съ утра всталъ и шатался по Перекопу. Становится все болѣе и болѣе скучно. Все жду и не дождусь того момента, когда наконецъ-то начнется рѣшительное наступленіе на всѣхъ противобольшевистскихъ фронтахъ. А когда нибудь это будетъ!

Межъ тѣмъ врагъ продолжаетъ ежедневно бомбардировать городъ, мѣтитъ то въ тюрьму, то въ церковь, то по батареямъ. Но къ свисту такихъ снарядовъ (3-хъ и $4^1/_2$ дюйма) до того привыкаешь, что преспокойно сидишь на солнышкѣ передъ домомъ и съ интересомъ разсматриваешь разрывы. Про наше предполагаемое наступленіе опять отчего-то ничего не слышно. Почему такъ тянутъ? Наши телефонисты включили свой проводъ въ старый правительственный, на столбахъ тянущійся вдоль шоссе отъ Перекопа на Преображенку и далѣе. И такъ какъ красные пользуются послѣднимъ, то наши подслушиваютъ ихъ разговоры. Такъ, напримѣръ, вчера большевики говорили, что

постараются обойти и забрать въ плѣнъ всю нашу правую заставу на гати у Сиваша и что имѣютъ твердое намѣреніе разбить Перекопскую колокольню и тюрьму, гдѣ, какъ они увѣрены, у насъ сидятъ артиллерійскіе наблюдатели (послѣднее совершенно правильно). Погода теперь опять улучшилась, и весь день свѣтитъ яркое солнце. Но на душѣ далеко не такъ весело. Все чаще подумываешь о Москвѣ, о родномъ домѣ и гадаешь о томъ времени, когда опять будешь имѣть счастье увидѣть всѣхъ родныхъ. Только бы дожить до этого момента!

2 апрѣля

Снова бомбардировка Перекопа. Это подъ конецъ прямо дѣйствуетъ на нервы. Обстрѣливался опять весь городъ, причемъ попаданія самыя разнообразныя. Изъ за того, что почта стояла уже черезъ-чуръ въ сферѣ огня, насъ команду развѣдчиковъ перевели въ новый домикъ на рыночной площади. Здѣсь все-таки тише, хотя не безопасно. Такъ, напримѣръ, одинъ снарядъ упалъ сегодня въ 3-хъ саженяхъ отъ нашего дома, выбилъ всѣ стекла, но никого не задѣлъ. Взводъ 1-ой роты опять отведенъ обратно изъ Приморскаго Сада, и застава продолжаетъ занимать кашару. Вечеромъ пошли опять на развѣдку въ Садъ и узнали, что тамъ большевиковъ и теперь нѣтъ. Затѣмъ остались ночевать на кашарѣ, такъ какъ завтра съ утра предполагается наше наступленіе.

Сраженіе за Перекопъ

3 апрѣля

Всю ночь сидѣли на кашарѣ. До 12 часовъ ожидали приказа о выступленіи, но его все нѣтъ и нѣтъ. Въ чемъ же дѣло? Вдругъ въ 1 часъ ночи по телефону новое распоряженіе: въ виду плохой погоды наступленіе отмѣняется. Что за чортъ! Вѣдь погода ужъ совсѣмъ не такая плохая, правда, накрапываетъ маленькій дождикъ, но это вѣдь пустяки, незамѣтнѣе будетъ идти. Посидѣли на кашарѣ еще часа 2 и пошли домой. Снаружи темь отчаянная, ни зги не видно. Идемъ медленно, но чувствуемъ, что здорово крутимъ. По временамъ начинаетъ гремѣть большевистская артиллерія. Что-то ей сегодня не спится. Но вотъ начинаетъ свѣтать. Осматриваемся. Перекопъ уже недалеко. Идемъ быстрѣе. Но что это? Большевистская артиллерія усиливаетъ свой огонь. Бьетъ прямо по городу. Неужели они предупреждены о нашемъ готовившемся наступленіи и, можетъ быть, рѣшили дѣйствовать сами. Но увидимъ. Идемъ дальше. Вотъ мы и на линіи тюрьмы. Непріятельскіе снаряды со свистомъ несутся черезъ наши головы и съ ревомъ рвутся то около тюрьмы, то въ городѣ. Стало ужъ совсѣмъ свѣтло. Начинаютъ отвѣчать и наши орудія. Медленно, не спѣша, мы перепрыгиваемъ окопы и плетемся къ себѣ на квартиру. По дорогѣ встрѣчаемъ прап. М., который испугано, вытаращивъ на насъ глаза, кричитъ: «Куда вы? Да у васъ какъ разъ ложатся снаряды!» Но мы его не слушаемъ и скоро дома. Слава Богу! Нашъ домикъ цѣлъ. Располагаемся и только садимся закусывать, какъ приносятъ приказаніе отъ командира полка немедленно идти къ нему на Пулеметную горку. Приходится бросать все и идти. Передъ домомъ выстраиваемся и идемъ. Межъ тѣмъ снаряды рвутся по прежнему. Мы шагаемъ поминутно черезъ свѣжія воронки, но на счастье насъ ничто не трогаетъ. Выходимъ за городъ и сейчасъ же натыкаемся на Пулеметную горку. Тутъ уже собралось все начальство, полковникъ Мурило, капитанъ Гаттенбергеръ и капитанъ Орловъ. Командиръ полка поздоровался съ нами и началъ разспрашивать насъ о ночной экспедиціи. Узнавъ, что мы здорово устали, онъ приказалъ намъ идти опять обратно и отдыхать. Мы пошли. Но вышла прежняя исторія. Не успѣли мы еще позавтракать, а я даже отрѣзать себѣ кусокъ хлѣба и сала, какъ прибѣжалъ солдатъ отъ командира полка съ новымъ распоряженіемъ: «скорѣй, скорѣй, на Пулеметную горку.» Засунувъ на этотъ разъ себѣ завтракъ въ карманы, бросились опять туда. Тутъ мы узнали, что большевики наступаютъ, и получили приказаніе идти и занять высоту 7,1. Пошли. Прошли хуторъ, гдѣ ловили куръ и поросятъ. Наткнулись здѣсь на уйму воронокъ. Видно, здорово

сюда садилъ. Прошли мимо и дальше. Спустились въ ложбину, затѣмъ начали подыматься къ холмамъ. Разсыпались цѣпью и пошли быстрѣе. Теперь большевики насъ замѣтили и пошли стрѣлять. Мы бросились впередъ бѣгомъ и черезъ минуту были на высотахъ 7,1. Послѣдніе два небольшихъ курганчика, но очень удобныхъ для отраженія атакъ. На холмикахъ окопчики, въ которые мы и засѣли. Въ нихъ справа мы наткнулись на взводъ 3-ей роты съ пулеметомъ. Началась ярая перестрѣлка. Большевистская цѣпь была въ разстояніи 1000 шаговъ и медленно двигалась въ нашу сторону. Мы усилили огонь, тѣ съ своей стороны тоже. Но намъ было лучше, мы сидѣли въ окопахъ, а они шли по чистому полю. Справа кто-то вскрикнулъ. Оказалось, что ранило поручика В. (стараго ялтинца), но легко — на вылетъ, пробивъ только кожу шеи. Но вотъ врагъ не выдержалъ нашего огня и принялся отходить. Заработалъ нашъ пулеметъ, до сихъ поръ молчавшій въ ожиданіи подхода противника, красные бросились бѣжать и скоро скрылись въ ложбинѣ. Атака была отбита. Мы съ радостью вздохнули. Съ нашихъ холмиковъ хорошо было видно, какъ большевики отходятъ и справа отъ нашей 1-ой заставы, отъ гати. Они кучками бѣжали черезъ гать, затѣмъ по полю на деревню Чакракъ. За все это время наша артиллерія отчего-то молчала, только теперь принялась за работу. Да и то крайне неувѣренно, такъ что часть снарядовъ падала и на насъ. Откровенно говоря, большевистская артиллерія стрѣляла куда болѣе во время и мѣтче.

По телефону пришло распоряженіе развѣдчикамъ оставить высоту 7,1 и идти обратно. Очень пріятно. Встали и пошли. Были въ полной увѣренности, что на сегодня бой окончился и оттого шли въ побѣдно-радостномъ настроеніи. Прошли опять хуторъ и мимо церкви, все еще стоявшей, прямо домой. Проходя мимо почты, могли лицезрѣть страшную картину. Тотъ домикъ, въ которомъ мы еще дней 5 тому назадъ жили, оказался совершенно разрушеннымъ. Въ него, какъ разъ въ ту комнату, гдѣ мы помѣщались, попалъ снарядъ и произвелъ необыкновенныя опустошенія. Были выбиты окна, стѣны и разворочена крыша. Можно было себѣ представить, что стало бы съ нами, если бы тамъ тогда помѣщались. Пошли дальше. Дома оказалось все по старому. Около въ околодкѣ наткнулись на трупъ убитаго на кашарѣ юнкера и на взятаго въ плѣнъ раненаго большевика. Обоихъ привезли съ 4-ой заставы, гдѣ наши подъ конецъ на разстояніи 10 шаговъ переходили въ контръ-атаку и забрали большевистскій пулеметъ. Посмотрѣли на убитаго, на плѣнника, котораго перевязывала теперь сестра милосердія, и пошли къ себѣ отдыхать. Но отдыхать пришлось и на этотъ разъ не долго, какъ прибѣжалъ отъ командира полка поручикъ Г. (нашъ теперешній начальникъ команды),и приказалъ собираться, запрягать лошадей и ѣхать за валъ. Моментально собрались, уложили вещи и пошли. Послѣднее приказаніе насъ всѣхъ немного озадачило, но я лично былъ увѣренъ, что мы ѣдемъ за валъ изъ-за сильнаго обстрѣла, такъ какъ въ нашъ домикъ ежеминутно могъ попасть снарядъ. Впереди ѣхала наша повозка, имѣя въ видѣ сѣдока вольноопредѣляющагося Ф., еврейчика — нашего командного обознаго и писаря, а мы всѣ шли строемъ сзади. Минули стрѣлявшую бѣглымъ огнемъ нашу артиллерію, затѣмъ валъ и остановились у послѣдняго городского домика. Здѣсь расположились и стали пить чай. Но пор. Г. что-то знаетъ, что отъ насъ скрываетъ. Ни съ того, ни съ сего, онъ вдругъ назначаетъ троихъ въ караулъ для наблюденія, притомъ не впередъ, а вправо въ тылъ къ Сивашу. Невольно я предполагаю, ужъ не зашли ли къ намъ красные въ тылъ, по этому «гнилому морю». Отправляются туда трое изъ новоприбывшихъ. Но вдругъ изъ города потянулись разные обозы, промчалась галопомъ пулеметная команда, а затѣмъ части артиллеріи. Въ чемъ же дѣло? Съ нетерпѣніемъ мы обступаемъ повозки и ищемъ разъясненія. Наконецъ, узнаемъ, что дѣла плохи, врагъ забрался въ тылъ по Сивашу, и Перекопъ оставляется. Никому это не вѣрится, вѣдь еще часъ тому назадъ красные были такъ шикарно отбиты. Но къ сожалѣнію, все оказалось правдой. Врагъ снова собрался съ силой (2000 человѣкъ) и, получивъ большое подкрѣпленіе, прорвалъ наше расположеніе между 3 и 4 заставами. Наши бы и теперь еще держались, но масса убитыхъ и раненыхъ требовали этого отхода. Вотъ тебѣ и на! Никакъ не ожидалъ такого конца. Но здраво разсудивъ, нечему тутъ удивляться, такъ какъ трудно защищаться одному противъ тридцати, да еще свѣжихъ войскъ.

Смотрю вдоль вала. Влѣво, къ кордону, уже видно, какъ наши рѣдкія цѣпи переходятъ черезъ валъ и медленно отходятъ къ Армянску. Теперь уже смолкла и вся наша артиллерія и потянулась въ тылъ. Это все влѣво. Справа же пока все по старому. Наши еще по ту сторону вала. Наша команда рѣшила не отходить и ожидать 2-й батальонъ. Но у меня горько на душѣ. Сколько погибло людей и въ общемъ понапрасну. Такъ сидимъ минутъ 10, когда пор. Г. командуетъ «въ цѣпь». Мы растягиваемся и примыкаемъ къ лѣвому флангу. Въ это время показывается и 2-ой батальонъ и, переваливъ черезъ валъ, примыкаетъ къ нашему правому крылу. Медленно мы продолжаемъ нашъ отходъ. Еще минутъ пять и кое-гдѣ на валу уже появляются большевики. Ихъ позиція теперь великолѣпна и они сразу принимаются за обстрѣлъ насъ. Но мы на все это нуль вниманія, и идемъ какъ на прогулкѣ во весь ростъ. Теперь только высказалась вся нераспорядительность высшаго начальства. Связи не было никакой, и каждая рота, команда дѣйствовали по своему. Одна рота еще отстрѣливалась, а другая уже была, чортъ знаетъ гдѣ.

Межъ тѣмъ мы продолжали нашъ отходъ. Раза три останавливались, ложились, отстрѣливались и затѣмъ продолжали путь. Противникъ тоже сошелъ съ вала и пошелъ за нами вслѣдъ. Но вотъ мы подошли къ Армянску. Пошли прямо, по главной улицѣ. Все тихо, на улицахъ никого. Кое-гдѣ только жмутся за углами и видны въ окнахъ испуганныя фигуры и лица женщинъ, дѣтей. Кое-кто изъ нихъ, забравъ все необходимое и бросивъ все другое на произволъ судьбы, слѣдуетъ за нами. Вдругъ «бумъ» и «трахъ». Это красные принялись за обстрѣлъ Армянска. Жители испугались, засуетились, забѣгали и захлопали дверьми. Вправо виднѣлись попаданія. Вмѣстѣ съ пылью въ воздухъ летѣли бревна, куски земли и какіе-то осколки. Показался и дымъ. Видно, гдѣ то и загорѣлось. Но мы шли дальше, все тѣмъ же шагомъ, какъ будто все это насъ не касалось. Прошли все городишко и вышли въ поле. Отчего то тутъ наши цѣпи, какъ справа, такъ и слѣва стали смыкаться и пошли дальше по шоссе уже походнымъ порядкомъ. Непріятеля еще не было видно, онъ былъ за Армянскомъ. На дорогѣ наткнулись на два автомобиля. Въ одномъ изъ нихъ съ биноклемъ у глазъ стоялъ въ бѣлой папахѣ самъ генералъ Корвинъ-Круковскій, глава Крымской арміи, и разсматривалъ расположеніе противника. Миновали автомобиль и опять углубились въ степь. Теперь стали опять свистѣть пули. Это врагъ занялъ Армянскъ и принялся за обстрѣлъ насъ. Видно было, какъ кое-кого изъ нашихъ ранили, но кажется никого не убили. Постепенно начинало темнѣть. Былъ 7-ой часъ. Вскорѣ стрѣльба стихла. Врагъ оставилъ насъ спокойно отходить. Со стороны Сиваша показался нашъ броневикъ «Орленокъ». Съ кряхтѣніемъ и пыхтѣніемъ онъ ползъ по полю и чуть выползъ на шоссе, какъ испортился. Съ нимъ осталась, для охраны и починки, какая-то рота, всѣ остальные же продолжали свой путь. Цѣль наша была деревня Юшунь, до которой отъ Армянска было 15 верстъ. Ноги уже отказывались идти, но идти было нужно и мы шли. Раза два останавливались для отдыха, затѣмъ вставали и дальше. Была уже ночь, когда мы наконецъ увидѣли Соленое озеро. 3-й баталіонъ, который только подъ Армянскомъ прибылъ на поле битвы, былъ оставленъ здѣсь для несенія караульной службы, другая же часть полка направлена въ Юшунь на отдыхъ. Прошли еще 6 верстъ (ну и безконечными казались онѣ мнѣ!) и вотъ тогда только увидѣли спасительные огоньки домовъ. Всѣ съ облегченіемъ вздохнули. Тяжелый путь былъ оконченъ. Въ деревнѣ насъ встрѣтилъ одинъ развѣдчикъ, Васька О., посланный ранѣе съ повозкой и писаремъ впередъ, и онъ указалъ намъ нашу халупу. Напившись только воды, мы сейчасъ-же завалились спать.

Бой подъ д. Юшунью и мое раненіе

4 апрѣля

Встали довольно поздно. Постепенно стали приходить въ себя, попили чайку и закусили варениками, которые изготовила намъ здѣшняя баба. Затѣмъ было разсѣлись, чтобы отдыхать дальше, какъ въ халупу врывается кто-то и кричитъ: «Идите смотрѣть! Греки идутъ!» Не можетъ быть! Всѣ бѣжимъ наружу. Я впереди всѣхъ. Выбѣгаемъ

на улицу, смотримъ вдоль шоссе, и правда, со стороны Джанкоя столбомъ подымается пыль и видѣется безконечный рядъ повозокъ. Ужъ издали слышно, какъ они поютъ. Они приближаются все ближе и ближе и наконецъ галопомъ въѣзжаютъ въ деревню. Мы сразу узнаемъ въ нихъ союзниковъ. Неужели наконецъ-то союзники рѣшили намъ помочь, стоитъ у всѣхъ на умѣ. Отъ радости что наконецъ-то пришла существенная помощь, я прямо не знаю что дѣлать. Первый разъ въ жизни у меня такое восторженное чувство. Я чувствую, что на глазахъ у меня навертываются слезы и не могу ничего подѣлать. До того кажется мнѣ этотъ моментъ торжественнымъ. «Ура», кричимъ мы, греки, отвѣчая намъ, проѣзжаютъ дальше. За ними ѣдутъ еще 50 человѣкъ русскихъ войскъ, это Виленскій полкъ въ полномъ составѣ. Настроеніе наше сразу мѣняется. Унынія какъ и не бывало. Всѣ увѣрены въ побѣдѣ и скоромъ взятіи обратно Армянска, Перекопа и т. д. Налюбовавшись на все вдоволь, плетемся обратно въ свою хату. Тутъ насъ встрѣчаетъ поручикъ Г. и велитъ одѣваться. Нужно идти на позиціи и посмотрѣть, что тамъ творится. Къ нашему обратному приходу трое оставшихся (они натерли себѣ ноги) обѣщаютъ намъ приготовить сытный обѣдъ. Прекрасно! И мы трогаемся бодро въ путь, въ увѣренности, что часа черезъ два будемъ обратно. Идетъ насъ человѣкъ 10, не болѣе. По дорогѣ видимъ еще, какъ греки принялись готовить себѣ обѣдъ, затѣмъ оставляемъ деревню и выходимъ въ поле. Скоро выходимъ на бугоръ и равняемся съ покинутымъ постоялымъ дворомъ. Отсюда до насъ ясно доносится пулеметная трескотня, а временами долетаютъ и снаряды, съ ревомъ рвущіеся лѣвѣе шоссе. Видно, что впереди бой разгорѣлся опять. Теперь часовъ 12 и солнце свѣтитъ какъ разъ надъ нами. Идемъ по шоссе. Насъ обгоняетъ кавалерія и скачетъ впередъ. Минуемъ влѣво какую-то деревушку или хуторъ, теперь мы уже подъ самой позиціей. Здѣсь до насъ долетаютъ и пули. Вдругъ впереди кто-то кричитъ: «Большевистская кавалерія скачетъ сюда!» Она прорвала наше расположеніе. Въ этотъ моментъ среди Виленскаго полка, шедшаго впереди насъ, произошло небольшое замѣшательство. Не видя еще врага, они бросились въ сторону и, вмѣсто того, чтобы идти дальше впередъ, разсыпались въ цѣпь, легли и открыли огонь. По кому? Вѣдь этимъ они могли только побить своихъ, сражающихся еще впереди. Имъ стали кричать, послѣ чего только постепенно ихъ огонь прекратился. Вставать же они не вставали, а продолжали лежать. Нечего дѣлать, впередъ пошла наша команда одна. Стало ясно, что здѣсь разыгрывается серьезное дѣло и что къ обѣду мы во всякомъ случаѣ не вернемся. Межъ тѣмъ, на крикъ о прорывѣ непріятельской кавалеріи, наша кавалерія разсыпалась, въ свою очередь, лавой и въ карьеръ поскакала навстрѣчу большевистской. Красивая была это картина. Видно было, какъ сверкая обнаженными шашками, ураганомъ неслись они впередъ, но не доскакавъ до непріятельскихъ позицій, вдругъ повернули и также понеслись обратно, оставляя позади себя убитыхъ и раненыхъ. Они нарвались на сильную большевистскую цѣпь, которая открыла по нимъ убійственный пулеметный и ружейный огонь. Оказалось, что ни о какомъ прорывѣ непріятельской кавалеріи не было и рѣчи. Теперь стала видна и наша отходящая цѣпь пѣхоты. Идя пѣхотѣ на помощь, мы миновали какую то легкую батарею, бившую ураганнымъ огнемъ картечью по напиравшимъ краснымъ. Вскорѣ мы поравнялись съ цѣпью нашей пѣхоты (вдобавокъ очень рѣдкой) и присоединились къ ней. Стрѣлявшая было наша батарея снялась и отъѣхала немного назадъ. Мы же залегли и открыли въ свою очередь по краснымъ огонь. Перестрѣлка была отчаянная, такъ какъ большевики ясно хотѣли нагнать на насъ панику. Мы же на это не сдавались. Въ это время Виленцы, позади насъ, встали, зашли влѣво и примкнули къ нашему лѣвому флангу. Одновременно сзади раздался голосъ: «Ребята держись, греки идутъ на помощь». И правда!

Сначала мы увидѣли греческаго офицера на конѣ, а затѣмъ и всю греческую роту человѣкъ въ 150. Бодро они шли впередъ и, увидѣвъ насъ, огласили воздухъ громкимъ: «Vivat Russia», въ отвѣтъ на что мы всѣ разомъ грянули громовое «ура». Не доходя до насъ, греки постепенно, сначала по взводно, затѣмъ по отдѣленію и т. д., прямо какъ на парадѣ разсыпались въ цѣпь и стали быстро приближаться къ намъ. Теперь мы рѣшили тронуться впередъ и, оставивъ грековъ во второй линіи, съ громкимъ «ура»

бросились на врага. Съ радостью я замѣтилъ, что у насъ все идетъ гладко, какъ слѣва, такъ и справа, вся наша цѣпь не теряетъ связи, нѣкоторые даже черезъ-чуръ отъ рвенія забѣгаютъ впередъ.

«Ура, ура» неслось по всей линіи и подгоняло насъ не медлить. Большевиковъ, видно, это озадачило и, поднявшись, они вдругъ стали отходить. Мы за ними. Страха не было никакого, какая-то легкость, радость подгоняла меня. Куда дѣвалась вся усталость и боль въ ногахъ, я словно летѣлъ на крыльяхъ. Такъ мы прошли 2 версты. Теперь мы стали подходить къ холмикамъ у Соленаго озера, нашей ночной позиціи. Но въ это время, большевики вдругъ получили большое подкрѣпленіе и стали обходить нашъ лѣвый флангъ. На удлиненіе фронта у насъ не хватало людей, и оттого лѣвый флангъ, еще не обстрѣленные Виленцы, начали отходъ. Тамъ отходили, а мы въ центрѣ, надѣясь на что-то, продолжали шагать впередъ. Греки также слѣдовали за нами. Не дойдя до холмика шаговъ за 100—150 и видя, что влѣво отходъ все продолжается, мы залегли въ цѣпь и открыли ружейный огонь. Большевики же, увидя успѣхъ своего праваго фланга, опять сорганизовались, залегли тоже въ цѣпь за холмики и принялись отвѣчать. За холмами появилось нѣсколько типовъ и было видно, какъ одинъ изъ нихъ махалъ рукой въ сторону своихъ товарищей, зовя ихъ къ себѣ на помощь. Сейчасъ-же къ нему начали стекаться другіе большевики, такъ какъ эти 2 холма представляли изъ себя прекрасную оборонительную позицію. Тутъ мы открыли огонь по прибывающимъ. Я самъ выбралъ себѣ одного здоровяка, не спѣша шедшаго отъ шоссе, и когда онъ уже былъ около самаго холма, выстрѣлилъ. Было видно, какъ мой большевикъ взмахнулъ руками, уронилъ изъ рукъ винтовку и какъ снопъ свалился на землю. Моя пуля угодила въ цѣль. Лежа въ цѣпи, я иногда посматривалъ въ сторону грековъ. Они какъ разъ встали, сбросили свои ранцы и бѣгомъ бросились впередъ. Забѣжавъ справа на линію нашей цѣпи, они залегли и тоже открыли огонь. Но что-же это влѣво? Тамъ нашъ отходъ продолжается все больше и больше, большевики ужъ обстрѣливаютъ насъ съ фланга. Какая досада! Но теперь появилось новое несчастье. У многихъ вышли патроны, и такъ какъ подвоза не было никакого, они должны были прекратить стрѣльбу. Одинъ патронташъ я уже раздалъ моимъ сосѣдямъ, другой же мнѣ былъ нуженъ самому. Я было уже выпустилъ полъ-патронташа (кромѣ всѣхъ патроновъ, которыми я набилъ себѣ карманы шинели) и принялся за вторую половину, какъ вдругъ мой сосѣдъ влѣво, одинъ подпоручикъ изъ новоприбывшихъ, вскрикнулъ. «Въ чемъ дѣло?» окрикнулъ я его. «Я раненъ . . . въ спину» бросилъ онъ мнѣ въ отвѣтъ, вскочилъ и побѣжалъ назадъ. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ и только было хотѣлъ приняться опять за стрѣльбу, какъ вдругъ почувствовалъ ужасный ударъ по лѣвому плечу и . . . рука моя повисла какъ будто ее не было. Тутъ я замѣтилъ, что я весь въ крови, заливающей всю мою грудь и сбѣгающей по патронташамъ внизъ. «Я раненъ», пронеслось у меня въ головѣ, «нужно уходить». Но передъ тѣмъ я еще сталъ пробовать пальцы пробитой руки, думая о возможности въ будущемъ игры на піанино (какая мысль въ этотъ моментъ!), и къ радости замѣтилъ, что пальцы двигаются. «Хорошо, дѣло поправимо», подумалъ я и сталъ подыматься. Поднявшись и не выпуская изъ правой руки мою винтовку (я думалъ что позорно оставлять на полѣ оружіе), я скоро побѣжалъ назадъ. «Дзъ, дзъ», свистѣли вокругъ меня пули враговъ, желавшихъ видно добить меня окончательно, но я, припомнивъ тутъ военное искусство, принялся бѣжать зигзагами и навѣрно благодаря этому избѣжалъ смерти. По дорогѣ я миновалъ мѣсто, гдѣ греки сбросили свои ранцы, и увидѣлъ двухъ убитыхъ союзниковъ. Они лежали оба рядомъ, видно убитые лежа въ цѣпи. Пробѣжавъ шаговъ 300, я дальше уже продолжалъ идти, не было больше силъ. Выйдя на шоссе я продолжалъ по немъ путь. Отъ скорой ходьбы отбитая рука болталась какъ палка и причиняла мнѣ сильную боль. Но тутъ я только задался вопросомъ, откуда такая масса крови на груди? И почувствовалъ, что у меня что-то неладно съ физіономіей. По подбородку сбѣгала кровь, и по уже мокрому и красному патронташу сбѣгала внизъ по шинели. Рукой я боялся притронуться, она была грязна и могла загрязнить рану. Пришло на помощь солнце, и я посмотрѣвъ на свою тѣнь, увидѣлъ что правая часть моего подбородка разворочена. Это и была рана. Я зашевелилъ ртомъ, — движется,

ну и слава Богу. Вотъ наконецъ я и раненъ, думалъ я, шагая по пыльному шоссе. «Я вѣдь давно мечталъ объ этомъ. Навѣрно попаду въ госпиталь, Ялту, буду лечиться и нѣкоторое время наслаждаться спокойствіемъ». Продолжая идти, я вскорѣ наткнулся на двоихъ офицеровъ, которые, видя мой ужасный видъ, взяли отъ меня Винчестръ и помогли мнѣ идти. Идя дальше, я раза два оглядывался, интересно было видѣть финалъ боя. Теперь наши уже повсюду отходили, также и греки, а за ними широкими цѣпями большевики. При видѣ этого мнѣ стало грустно на душѣ, прямо до боли. Но что подѣлаешь? Прошелъ нашу легкую батарею, она еще стрѣляла, но уже готовилась къ отходу. Дальше повстрѣчалъ всадника. Мои офицеры его остановили и посадили къ нему сзади на сѣдло. Въ такомъ, крайне неудобномъ положеніи, держась за шею всадника только правой рукой, я продолжалъ свой путь, причемъ помню, что кровью ужасно измазалъ на спинѣ шинель моего возницы. Я искалъ глазами повозки, но нигдѣ таковой не было. Куда то всѣ исчезли. И только проѣхавъ верхомъ версты $1^1/_2$, уже не доѣзжая постоялаго двора, насъ обогнали двѣ. Обѣ были наполнены ранеными, и въ одну изъ нихъ всунули и меня. Въ ней я совершенно неожиданно наткнулся на поручика Г. Онъ былъ тоже раненъ, но въ обѣ ноги и ужасно страдалъ. Всѣ раненые всю дорогу стонали, а въ особенности, когда повозка налетала на камни. Отъ быстрой ѣзды все мое тѣло тряслось, а лѣвое плечо и рука адски болѣли. Проѣхали постоялый дворъ и скоро въѣхали и въ самую Юшунь. По дорогѣ стали разспрашивать, гдѣ перевязочный пунктъ. Долго намъ никто ничего не могъ пояснить, пока мы наконецъ сами, проѣхавъ всю деревню, не наткнулись на это заведеніе. Онъ помѣщался въ небольшой избенкѣ. Тутъ насъ встрѣтило цѣлое столпотвореніе. Повсюду, по всему двору лежали или умирающіе, или раненые. Со всѣхъ угловъ несутся стоны. Всѣ лежатъ прямо на сырой землѣ и здорово мерзнутъ. Тутъ же вертится какой-то не то докторъ, не то фельдшеръ и сестра. Но на такую массу людей ихъ далеко не хватаетъ. Въ избѣ въ это время происходятъ перевязки. Сгрузивъ съ повозки, туда же унесли и Г. Я ткнулся было тоже, но, увидѣвъ цѣлую толпу народа, сейчасъ-же вышелъ. Снаружи сѣлъ на скамейку и сталъ ждать. Въ это время мимо меня прошелъ какой-то офицеръ, и я его попросилъ меня перевязать. Онъ началъ было отговариваться, заявляя что на пунктѣ вышли всѣ перевязочныя средства (что впрочемъ впослѣдствіи оказалось правдой), но я далъ ему мой индивидуальный пакетъ, и онъ принялся за дѣло. Въ этотъ моментъ я замѣтилъ вошедшихъ во дворъ О. и К. Я имъ крикнулъ. Они подошли и стали съ жаромъ помогать. Скоро моя голова была забинтована, но на рану въ рукѣ бинтовъ не хватило. Новыхъ не было и чтобы хоть чѣмъ нибудь помочь, друзья мои наложили мнѣ на обѣ стороны раненія ваты, а забинтовали простой тряпкой. Теперь я былъ готовъ и они бросились въ поискахъ для меня и Г. повозки. Отъ сильной потери крови, я чувствовалъ необыкновенную сонливость, жажду и холодъ. Вскорѣ повозка была найдена, меня и Г. посадили внутрь на сѣно и мы выѣхали со двора. Сами же они откуда-то достали себѣ верховыхъ коней и поскакали впередъ. Этимъ двумъ друзьямъ я много обязанъ, такъ какъ не будь ихъ, кто бы позаботился о насъ? Выѣхали на шоссе и взяли направленіе на Симферополь. Сзади слышна была перестрѣлка, — это врагъ уже входилъ въ деревню. Невольно я содрогнулся объ участи оставшихся на перевязочномъ пунктѣ раненыхъ. Изъ Юшуни все уѣзжало и заполняло повозками всю дорогу. Тутъ же шли отбившіеся отъ своихъ частей солдаты и офицеры, кто подальше въ тылъ, а кто и домой. Стало быстро темнѣть. Показалось имѣніе. У одного домика мы остановились, насъ жители угостили молокомъ, дали вдоволь хлѣба и мы покатили дальше. Взяли лѣвѣе шоссе и, отдѣлившись отъ всѣхъ этихъ повозокъ поѣхали отдѣльно по проселочной дорогѣ. Черезъ часа два, когда стояла уже ночь, въѣхали въ какую-то нѣмецкую колонію. Съ трудомъ нашли мѣстную перевязочную 13 артиллерійской бригады, гдѣ насъ приняли, и въ первый разъ послѣ 20 верстъ ѣзды, какъ слѣдуетъ перевязали. Затѣмъ всѣ завалились спать. На слѣдующій день намъ обѣщали везти дальше вмѣстѣ съ находящимися здѣсь другими ранеными, но уже въ сопровожденіи врача.

Содержаніе

ВЪ ТОМЪ ЖЕ ИЗДАТЕЛЬСТВѢ ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I

Задачи Архива. — В. Д. Набоковъ, Временное Правительство. — П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ. — Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. — С. Вороновъ, Петроградъ-Вятка въ 1919—20 г. г. — Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи.

Документы и письма

К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства. — Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. — Образованіе сѣверо-западнаго правительства (Докладъ Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова) — Письмо ген. Гофа генералу Юденичу.

Изъ частной переписки

Послѣдніе дни Леонида Андреева. — Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

ТОМЪ II

Къ исторіи Манифеста 17 октября (Записки И. И. Вунча и кн. Н. Д. Оболенскаго) — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — А. Дроздовъ, Интеллигенція на Дону. — Р. Гуль, Кіевская эпопея. — Ф. Штейнманъ, Отступленіе отъ Одессы. — І. Рапопортъ, Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. — О. Чернинъ, Брестъ-Литовскъ.

Документы и письма

Журналъ Засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апр. 1919 г. — Изъ секретнаго доклада. — С. В. Милицынъ, Изъ моей тетради. — Бар. Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ, Изъ дневника.

ТОМЪ III

С. Добровольскій, Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области. — М. Смильгъ-Бенаріо, На совѣтской службѣ. — А. Левинсонъ, Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г. — Л. Л—ой, Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919—20 г. г. — Г. Игреневъ, Екатеринославскія воспоминанія.

Документы

Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. Лукомскаго. — Меморандумъ Эстонскаго Правительства.

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО» Берлинъ